

**ЛУИ
БУССЕНАР**

Луи Буссенар
(4 октября 1847 г.— 9 сентября 1910 г.)

ЛУИ БУССЕНАР

РОМАНЫ

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ В СТРАНЕ
ЛЬВОВ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ В СТРАНЕ
ТИГРОВ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ В СТРАНЕ
БИЗОНОВ
ИЗ ПАРИЖА В БРАЗИЛИЮ**

**Челябинск
Южно-Уральское книжное издательство
1992**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ
ЛУИ БУССЕНАРА

ПРИКЛЮЧЕНІЯ
ВЪ СТРАНѢ ЛЬВОВЪ

Переводъ Е. Н. Киселева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство П. П. Сойкина
СТРЕМЯННАЯ, 12, СОВСТ. ДОМЪ
1911.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В СТРАНЕ ЛЬВОВ

Глава I

Дикая симфония.— Соперники.— Львиный турнир.— Три охотника в засаде.— Джентльмен, гамен и жандарм.— Два выстрела.— К сведению любителей фотографировать животных.— Смерть кокетки.— Разрывная пуля.— Воспоминание об открытии охотничьего сезона.— Губительная сеть.— Похищение женщины гориллой.

За густой завесой из листьев неожиданно раздался ужасающий рев и прокатился под деревьями-великанами. Насмешливый голос проговорил:

— Батюшки! Дебют органной трубы.

— Замолчи! — прибавил другой голос.

— Это все-таки лучше трубы газовой.

— Перестанешь ты или нет? По твоей милости нас могут растерзать.

Раздалось новое рычание, от которого задрожали неподвижные листья.

Эти дикие звуки послужили как бы сигналом. Со всех сторон из таинственных глубин тропического леса разнесся оглушительный громовой рев. Отчетливые, резкие ноты, несмотря на то, что воздух вокруг был густо насыщен влагой, разносились далеко кругом:

— Ну, так. Теперь оркестр сороковых бочек.

Неисправимый болтун никак не мог унятьсья.

— Нет, тебе, видно, непременно этого хочется, — возразил другой собеседник приглушенным голосом, но вполне явно.

— Чего именно, monsieur Андрэ?

— Того, чтобы нас разорвали на клочки или чтобы мы вернулись ни с чем — это уж наверняка.

— Последнее было бы горше первого.

— Действительно. Проехать тысячу двести миль только затем, чтобы остаться с носом! А кто будет в этом виноват? Один ты.

— Довольно, начальник. Я прикусываю язык... Ай да киска! Вот это я понимаю.

Непочтительное прозвище киски шалун адресовал велико-
лепной львице, которая выпрыгнула из чащи и застыла
на месте при виде трех охотников, стоявших группой по-
среди поляны.

Львица не столько испугалась, сколько была изумлена,
и глядела на людей не со злобой, а скорее с любопыт-
ством. В ту минуту она была похожа на художественное
изваяние.

До сих пор она видала только людей с черной кожей;
а теперь перед ней были люди с бледными лицами, одетыми
в белую одежду.

«Это еще кто такие?» — казалось, спрашивала она.

Припав на одно колено, охотники с необыкновенным
хладнокровием людей бывалых и неустрашимых ждали,
что будет дальше.

Нервы у них были, очевидно, закаленные, крепкие. Да
иначе и нельзя. Только с таким самообладанием и можно
охотиться на крупных зверей, вроде льва или тигра.

Тут охотник ежеминутно встречается со всевозможными
неожиданностями, причем малейшая оплошность может
иметь роковые последствия.

В подобных случаях крепкие нервы — это все. Храб-
ростью, конечно, обладает всякий добровольно поехавший
охотиться на львов. Но нервы?..

У трех наших охотников по этой части было все безуп-
речно. Ни один из них даже не моргнул, когда появилась
львица. Только пальцы еще крепче сжали тяжелые дву-
стволки, дула которых даже не шелохнулись.

Главным лицом в компании был мужчина во цвете лет
и сил, — лет тридцати двух или пяти, — высокий, смуглый,
могучего сложения. Болтун называл его *monsieur* Андрэ.

Сам болтун был юноша лет двадцати трех, а на вид
даже моложе — лет восемнадцати. Выговор выдавал в нем
парижанина из предместья, настоящего парижского гамена.
Небольшого роста, но мускулистый крепыш, он смело смотрел
на львицу своими серо-голубыми плутовскими глазами.

Третий был бесстрастен, как факир, и всей своей выправ-
кой напоминал старого солдата, он им и являлся в действи-
тельности. Худощавое лицо, испещренное шрамами, большие
брови дугой, нос крючком, длинные, концами вниз, усы, бо-
родка в виде запятой, грудь колесом — словом, типичная сол-
датская наружность. Лет ему было не более сорока пяти.

Львица, кончив осмотр, глухо рыкнула, точно мурлык-
нула, ударив себя хвостом по бедрам, сморщила нос, при-
жала уши и вся подобралась, готовясь к прыжку.

Андрэ стал медленно поднимать винтовку, предостерегая товарищей:

— Главное — не стрелять! Ни в каком случае! Ты понял, Фрикэ? Вы слышали, Барбантон?

— Понял, — отвечал молодой человек.

— Есть, — отозвался старый солдат.

Охотник прицелился. Он уже собирался спустить курок, чтобы опередить нападение львицы, как вдруг та — не то из каприза, не то из любопытства — выпрямилась и тихо повернула голову в противоположную от охотников сторону.

Этим движением она подставила себя под выстрел. Но охотник невозмутимо, словно перед ним был безобидный кролик, опустил винтовку и сам стал смотреть в ту же сторону, куда повернулась львица. Очевидно, он был непоколебимо уверен в себе.

Львица вздрогнула всем телом. Справа и слева послышался рев. Точно два громовых раската прокатились по лесу.

Заколыхались лианы и кусты, и на поляну выскочили два огромных льва. С первого взгляда они признали друг в друге врага. Более чем врага — соперника.

Сверкая глазами, оцетинив шерсть, они с вызывающим видом стояли друг против друга и рвали когтями землю. Охотников, находившихся от них шагах в тридцати, они не удостоили даже взглядом.

Наконец оба льва разом испустили короткий сдавленный крик и, подпрыгнув метра на три вверх, бросились друг на друга. Так, в воздухе, они и сшиблись. Послышался хруст костей, противный звук разрываемого мяса — и оба зверя тяжело рухнули наземь.

— Недурно причесали друг друга! — тихо сказал своему соседу, господину Андрэ, молодой человек, которого звали Фрикэ.

— Этак они и впрямь растерзают друг друга, а жаль.

— Шкуры жаль?

— Да, и шкуры. Разве ты не находишь, что три таких великолепных шкуры были бы недурным началом для нашей будущей коллекции?

— Согласен. Но помешать этим дурням терзать друг друга мы сможем только одним способом: застрелив их теперь же.

— И вправду дурни! — вставил свое слово солдат. — Дерутся из-за самки!

— Вы не очень галантны, дружище Барбантон, — перебил Фрикэ. — А мне так даже нравится эта битва. Я видел львов в цирках Биделя, Пезоне. В сравнении с этими

экземплярами те просто набитые чучела. Эти же — настоящие молодцы.

— Не спорю. Но это лишний раз доказывает, что можно быть молодцом и в то же время дураком. Не проще ли было бы им поделить между собой свою мамзель, чем откусывать друг другу носы и рвать шкуры ей же на потеху. Взгляните: ведь она прямо смеется над ними.

— Служивый, вы очень жестоки. Но не беспокойтесь: Андрэ скоро положит этому конец. Все трое будут наши — и эта молодая особа, и ее воздыхатели.

Во время этой беседы борьба шла своим чередом. Львица, присев на задние лапы, томно следила за ожесточенной дуэлью, сузив глаза и позевывая.

Андрэ снова поднял винтовку и прицелился. Он взял на прицел движущуюся группу, рассчитывая, что борцы хоть на секунду приостановятся или хотя бы замрут на мгновение в какой-то статичной позе. Надежда не оправдалась. Львы продолжали безостановочно грызться. Стрелять было нельзя.

Раздосадованный охотник обратился к Фрикэ:

— Ты сейчас говорил о том, чтобы их застрелить. Что может быть лучше, но я боюсь, что рана не будет смертельной.

— Хотите, я заставлю их на минутку остановиться? Времени будет достаточно, чтобы уложить одного из них.

— Ну, попробуй.

— Идет. Вы готовы?

— Готов.

— Начинаю.

Молодой человек поднес к губам два пальца и издал свист, очень похожий на паровоз. Создалось впечатление, что идет поезд. Дерущиеся львы замерли и приостановили бой.

— Вот бы сделать моментальный снимок! — вскричал Фрикэ.

Слова его были заглушены грянувшим выстрелом. Андрэ воспользовался коротким мигом. Один из львов, получив пулю в висок, привскочил на задние лапы, взмахнул в воздухе передними и упал бездыханный, даже не протонав.

Другой лев, не разбирая, откуда прогремел выстрел, сваливший его противника, приписал победу себе единолично и громко прорычал в знак своего торжества. Он гордо выпрямился над трупом врага и бросил на львицу победоносный взгляд.

— Ах, ты, болван! — пробормотал Фрикэ.

Даже не дожидаясь, пока рассеется дым, Андрэ снова прицелился и выстрелил во второго льва, представлявшего в этот момент отличную мишень.

— Великолепный двойной выстрел! — с восторгом вскричал Фрикэ.

— Чисто сработано, — похвалил Барбантон.

— Винтовку мне, — коротко произнес Андрэ, протягивая товарищам свое разряженное ружье.

Увидев поверженным и второго своего поклонника, львица, наконец, вышла из состояния беззаботности.

Во время драки соперников, не замечавших окружающего, она видела, как сверкнули две молнии сквозь облачко беловатого дымка. Она слышала и выстрелы и уяснила, что все это сделали те самые люди, на которых до сих пор не обращалось никакого внимания.

Смутно предчувствуя опасность, она решила идти ей прямо навстречу. Уверенная в своей силе, смелая, ловкая и хищная, львица понимала, что лучший способ защиты — это напасть самой, и немедленно.

Быстро решившись, она отпрянула в сторону, сделав вид, что хочет обратиться в бегство, и в тот же миг, совершив боковой прыжок, устремилась прямо на охотников.

Новичок был сбит с толку этим неожиданным маневром, тем более, что была дорога каждая минута: львица находилась от охотников метрах в двадцати. Два-три прыжка, то есть семь-восемь секунд, — и она могла навалиться на них. Но Андрэ не так-то легко было провести. Он выстрелил в тот самый момент, когда зверь собирался прыгнуть.

Пуля попала львице в бедро и перебила его. Она упала на землю в пятнадцати метрах от охотника. Прыгнуть уже не могла, но была еще очень опасна. Она могла ползти с помощью передних лап и в последнюю минуту даже броситься на своих врагов.

Львица громко рычала от боли и ярости. Андрэ подпустил ее к себе на восемь шагов и разрядил винтовку ей в самую пасть.

Она упала с совершенно раздробленной головой. Андрэ не мог понять, отчего действие выстрела было так сокрушительно? Череп был буквально раскрошен, глаза вывалились, зубы вылетели, язык оказался изорванным в клочки.

— Чем вы зарядили свое ружье? — спросил он Барбантона.

Солдат в первый раз засмеялся, отчего его морщинистое лицо еще больше сморщилось.

— Разрывной пулей, только и всего. А разве плохо?

— Напротив, очень хорошо. Без этого не знаю, как бы я справился с львицей.

— Раз речь шла о самке, тут нужна особая осторожность. Я знал, что она доставит нам хлопот. Таков женский пол! Самцы погибли честно, благородно, без всяких фокусов, а она не могла и тут обойтись без хитростей. Я это предвидел и принял свои меры предосторожности. Берите с меня пример, monsieur Андрэ, и никогда не доверяйте женскому полу — ни у людей, ни у животных. Прислушайтесь к моему совету — совету старого жандарма и обманутого мужа.

Молодой человек только улыбнулся на эту тираду и произнес, указывая на мертвых львов:

— За работу, друзья! Освежаем каждый по одному, а тем временем подойдут наши негры и отнесут шкуры в лагерь.

Охотники сейчас же принялись за дело. Работа у них спорилась и не мешала оживленно болтать между собой. В их беседе заметна была большая фамильярность и самое искреннее товарищество, несмотря на разницу в их общественном положении.

— Черт возьми! — говорил Фрикэ. — Для начала недурно! Как вы находите, monsieur Андрэ? Я полагаю, вы довольны.

— Я в восторге и считаю себя счастливейшим охотником.

— Вы теперь вознаграждены за неудачное открытие сезона охоты в Босе. 1-го сентября воротиться в Париж с пустым ягдташем! Это был для вас удар.

— Немудрено, когда как раз перед тем на моей территории несколько дней орудовали браконьеры.

— Неужели браконьерство еще процветает?

— Теперь в особенности, потому что жандармы им все спускают, только что не потворствуют. Слышите, Барбантон? Это в ваш огород.

— Нет, monsieur Андрэ, не в мой! Я на континенте никогда не служил в жандармерии. Я был жандармом в колониях, а там браконьерствуют канаки, дичью же служат люди. Там охота — источник пропитания.

— Как же, помним! — засмеялся Фрикэ. — Нас двоих и еще доктора Ламперьера вы чуть не с вертела стащили.

— Ну, это пустяки. Я хотел только сказать, что жандармы бывают разные и что браконьеры тоже не все одинаковы. А скажите, monsieur Андрэ, в этой стране, где мы находимся, существует людоедство или нет?

— Здесь, в ста километрах от Сьерра-Леонского берега, — могу положительно сказать, что нет. К тому же здесь бри-

танские владения, а англичане очень суровы с неграми.

За беседой работа быстро подвигалась. Охотники работали усердно и старательно, несмотря на жару и духоту в лесу. Через час все три шкуры были содраны с искусством, которому мог бы позавидовать всякий натуралист, и аккуратно свернуты в ожидании негров-носильщиков, которые что-то долго не шли.

Андрэ в третий раз прислушался к смутному лесному гулу, среди которого он различил вдали нестройные крики.

— Наконец-то! Идут наши горланы.

На поляну выбежали человек двенадцать негров с копьями и ружьями. Они кричали, выли, размахивали руками, точно обезьяны.

— Масса!.. Несчастье!..

— Масса!.. Иди скорей!..

— Ах, какое несчастье...

— О! Бедная мадам!..

— Где мадам? Какое несчастье? — спросил с неудовольствием Андрэ.

Негры кричали все вместе, так что нельзя было ничего разобрать. Андрэ приказал им замолчать. Выбрав одного из них, который с виду казался смышленнее остальных, он спросил его, в чем дело.

— Масса, там белая женщина.

— Какая?

— Не знаю.

— Нечего сказать — объяснил. Дальше?

— Горилла...

— Какая горилла?

— Из леса...

— Правильно. Верю, что из леса, живая, а не чучело из музея. Ну?

— Она похитила белую мадам... Понимаете?

Андрэ невольно вздрогнул. Негр, по-видимому, говорил правду, хотя какими судьбами могла попасть сюда, в африканский лес в двадцати милях от Фри-Тауна*, белая женщина?

Но гориллы часто похищают женщин, и Андрэ решил проверить этот факт. Крикнув товарищей и зарядив оружие, он во главе своего небольшого отряда кинулся в погоню.

---

* Здесь и далее сохранены географические названия, принятые в конце XIX — начале XX вв.

Глава II

Через лес.— По следам гориллы.— Бывший жандарм действует без всякого одушевления.— Беда от брака с «зверинцем».— Растерзанные люди.— Труп майора.— Крик гориллы.— На баобабе.— Отчаянное сопротивление.— Помогите! — Выстрел.— Смертельно ранен.— Агония.— Спасена! — Удивление Андрэ.— Изумление Фрикэ.— Жандарм просто поражен.

Идти девственным лесом всегда трудно, а в особенности опушкой или около лесных полян.

В середине леса, под деревьями, высокая трава расти не может, потому что солнце под деревья совсем никогда не заглядывает. Там нет и лиан, один только гладкий мох устилает старую девственную почву, покрытую растительным перегноем. Путнику тут нужно остерегаться не только скрытых трясин, невидимых болот, предательских оврагов и неожиданных бугров, но и стараться не запнуться о сваленное дерево. И все-таки путь по такому лесу не очень труден. Но вот истинное мучение — когда приходится идти лесами, наполовину выгоревшими от тропических гроз, что бывает далеко нередко. Новые деревья с громадными прическами из лиан с необычайной быстротой вырастают на месте погибших, а внизу из девственной, жирной почвы с силой тянутся густая, высокая трава и древовидные растения.

От такого буйства зелени ботаник придет в неописуемый восторг, а путешественник и исследователь — только в ярость, потому что продвигаться вперед тут можно лишь с большим трудом, с каждым шагом расчищая себе дорогу тесаком или топором. Со всех сторон его будут опутывать лианы, начнут спотыкаться ноги о корни, колючки впиваться в тело, задыхаясь от жары, обливаясь потом, весь искусанный насекомыми, путник измучится вконец и проклянет тот час, когда он забрался в эти непроходимые дебри.

В таком именно положении оказались три европейца, когда покинули лесную поляну, услышав от испуганных негров весть о похищении гориллой неизвестной белой женщины.

Андрэ и Фрикэ, движимые благородством и великодушием, беспокойно рвались вперед, прокладывая себе дорогу тесками; старый солдат не отставал от них и тоже энергично работал тесаком, но при этом вспоминал всех чертей и проклинал вместе с гориллами все то, что не принадлежало к сильному полу.

— Женщина — в девственном лесу! Занесет же нелегкая! Если бы не моя преданность к вам, monsieur Андрэ, и этому

Путь через девственный лес

мальчишке Фрикэ, ни за что бы я не пошел выручать эту особу. Пусть бы общалась со своей обезьяной, как сама знает.

— И это говорит Барбантон, старый солдат, верой и правдой служивший столько лет Венере и Беллоне!

— Верой и правдой, *monsieur* Андрэ, в том-то и дело.

— Так неужели же вы оставили бы несчастную женщину в таком ужасном положении?

— А за каким рожном она сюда забралась? Кто ее звал?

— Спасем ее сперва, а разнос ей сделаем уже потом.

— Знаете, *monsieur* Андрэ, я не чувствую ни малейшего воодушевления.

- Тем лучше! Хладнокровие — первое дело на войне.
- Я не то совсем хочу сказать! Я хочу сказать, что иду с вами против воли, как бы по принуждению.
- Барбантон, у вас нет сердца.
- Точно так, monsieur Андрэ.
- У него сердце съела его жена, Элодия Лера, — не правда ли, жандарм? — спросил насмешливо Фрикэ.
- Правда, Фрикэ. Старого солдата, кавалера с шевронами и медалями, она едва-едва не ввела в страшный грех...
- Но ведь вы находитесь теперь в тысячах двухстах милях от вашего домашнего бича.
- Тут и десяти тысяч миль мало. Это такая гиена, такая ведьма! Настоящий черт в юбке. Волчица. Тигрица. Змея подколодная...
- Да вы никак всех зверей хотите перебрать, — засмеялся Фрикэ. — Назовите ее уж лучше прямо зверинцем — и дело с концом.
- Ведь вы сами знаете, на что она способна.
- Это верно. Вам не повезло. В брачной лотерее вам достался несчастливый номер. Но это все же не основание для того, чтобы мерить всех женщин одним аршином и ненавидеть их всех без разбору.
- Для спасения ребенка я бы кинулся к акулам, в огонь, в расплавленное олово.
- Нисколько не сомневаюсь!
- Но ради женщины — слуга покорный!
- Вы очень жестоки.
- Но справедлив. Я знаю, что, спасая женщину, я невольно приношу вред какому-нибудь мужчине, не причинившему мне ни малейшего зла. А я этого не хочу.
- Не старайтесь изобразить себя чернее, чем вы есть. Я отлично знаю, что вы и сами по себе вырвали бы эту несчастную из когтей чудовища. Не можете же вы отказать в помощи, когда вас о ней умоляют.
- Гм!.. Гм!..
- Так-то, старый ворчун.
- Если еще какая-нибудь незнакомая — ну, может быть...
- Даже и в том случае, если бы это оказалась ваша жена, сама Элодия Лера... Я ведь вас знаю!
- Ну, нет! Миллион раз — нет. Не городите пустяков. Это может накликать на нас несчастье.
- Повторяю: даже и в этом случае вы бы выручили. Мой милый друг, от вас исходит добро, как от белого хлеба, как от папушника; вы ведь только притворяетесь злым.

— Думайте, как хотите, но только я вам верно говорю: эту... особу (язык не повернулся сказать: мою жену) я бы от гориллы спастись не стал. Кажется, горилла из всех обезьян самая свирепая?

— Говорят. А что?

— А то, что через неделю сожительства с гориллой эта особа вконец бы измучила бедное животное; через две недели обезьяна лишилась бы рассудка, а через месяц скончалась бы от разрыва сердца. Не ее нужно бы было спасать от гориллы, а гориллу от нее. Таково мое убеждение, — закончил солдат, неистово расчищая тесаком лианы и кусты.

Фрикэ и Андрэ от души расхохотались такому неожиданному выводу.

— Однако это исключено, — сказал Андрэ. — Ваша жена живет себе преспокойно в Париже и торгует в своей лавочке, а вы опять странствуете по белу свету.

— Нет худа без добра. Ей я обязан тем, что нахожусь с людьми, которых люблю больше всего на свете, то есть с вами и с Фрикэ. Конечно, это нисколько не исключает моей привязанности к доктору Ламперьеру и к нашему матросу Пьеру ле Галю.

— И у нас вы встречаете полную и искреннюю взаимность, — отвечал Андрэ, крепко стискивая ему руку.

Молодой подлесок сменился, наконец, старым лесом. Вместо зарослей потянулись ряды больших деревьев с высокими гладкими стволами. Под густым, непроницаемым для солнца сводом сделалось темно и душно; в воздухе чувствовалась тягостная, знойная влага, она была чрезмерно насыщена испарениями гниющих растений. Над почвой невидимо поднимались пары, пронизанные миазмами лихорадки.

Тут могли жить и прятаться только дикие звери.

Три друга шли теперь довольно быстро, но силы их уже истощались. С каждым шагом усталость давала себя чувствовать все сильнее. Негры едва поспевали за своими господами, а те из них, которым поручено было тащить львиные шкуры, отставали весьма значительно.

Но вот вдаль послышался неопределенный гул, затем выстрел, прозвучавший глухо во влажном воздухе.

Усталость путников как рукой сняло. Охотники бросились вперед, как солдаты на батарею, перепрыгивая через все препятствия, и достигли, запыхавшись, небольшой группы испуганных людей.

Их глазам представилось ужасное зрелище.

На земле лежал навзничь человек с распоротым животом

На земле лежал человек с распоротым животом

и вырванными внутренностями; кругом валялись клочья разорванной одежды, вперемешку с кусками кишок. Цела была только голова и синий матросский воротник на плечах мертвеца.

То был трун белого, по одежде матроса.

Андрэ взглянул на лицо, искаженное короткой, но, вероятно, мучительной агонией, и воскликнул:

— Да ведь это один из наших матросов!.. Фрикэ, погляди!

— Увы! Да...— отвечал, бледнея, молодой человек.— Это с нашей шхуны...

— А вот и еще мертвец!.. Да тут была целая бойня.

В нескольких шагах лежал другой труп. Труп негра. Одно плечо его было буквально оторвано напрочь. Сквозь сломанные ребра виднелось легкое; с лица была содрана вся кожа.

— Боже! Мы опоздали! — пробормотал Фрикэ. — Мне эти раны знакомы.

— Становитесь ближе к стволу дерева, джентльмены! — крикнул им по-английски господин в европейском костюме и с двустволкой в руках. — Спешите! Обезьяна будет нас сейчас атаковать.

С дерева повалились с шумом огромные ветви. Кто-то кидал их с самой вершины. Наши охотники поспешили последовать разумному совету и подошли к незнакомцу, около которого теснились четыре негра в крайнем испуге. У одного была проломлена голова, из раны обильно текла кровь.

— Жертва гориллы, вероятно? — спросил Андрэ, указывая на трупы.

— Гориллы, сэр, — флегматично отвечал европеец. — Она сидит на баобабе, почти прямо над нами. Я ее ранил, отчего она только еще больше рассвирепела.

— Мне мои негры сказали, будто обезьяна утащила какую-то женщину.

— Это правда. Обезьяна схватила ее на наших глазах и унесла на дерево. Матрос хотел ее защитить — и вот что с ним сделало чудовище. Негр тоже попытался за свою попытку.

— А женщина?

— Все произошло так быстро, что я не успел сделать выстрела. К тому же я боялся задеть пулей даму. Впрочем, думаю, что обезьяна не успела причинить ей зла. Она, по всей вероятности, поместила похищенную даму на низких ветвях баобаба, потом, испугавшись выстрелов, оставила ее там, а сама поднялась на вершину. Я видел чудовище пару раз, когда она обламывала ветви, которыми в нас бросает. Но она очень хитра и ловка: покажется и тотчас же спрячется. Я никак не могу за ней уследить... Чу! Вы слышите?

С вершины дерева раздался резкий, отрывистый и громкий крик:

— Кэк-ак!.. Кэк-ак!..

Крик исходил как будто из металлической трубы и чередовался с глухим рычанием, словно чудовище, перед тем как крикнуть, старалось набрать в свои легкие как можно больше воздуха.

Негры в ужасе выбивали зубами дробь. Этого крика они не могли слышать без дрожи.

— Так что вы не можете указать в точности, где находится похищенная жертва?— продолжал Андрэ, упорно развивая свою мысль.— Вы даже не знаете, наверное, жива ли она?

— Yes. Но я надеюсь, что она жива. И я сделал все, что обязан сделать в подобном случае каждый порядочный человек.

— Нисколько в этом не сомневаюсь и готов оказать вам поддержку всеми силами; также и мои друзья. Если мы ее не спасем, то отомстим за нее. Итак — за дело!

Обезьяна по временам переставала кричать. Тогда слышен был треск ломаемых сучьев, которые, падая на землю, с шумом ударялись о стволы баобаба. Андрэ, напрягая зрение, оглядывал каждую ветку, стараясь обнаружить обезьяну. Вдруг, несмотря на все свое хладнокровие, он вздрогнул.

— Я ее вижу,— сказал он тихо.— Она на высоте около двадцати пяти футов. У нее из бедра течет кровь, но рана, должно быть, легкая, потому что незаметно, чтобы обезьяна ослабела. Посмотрим, не удастся ли ее свалить.

— А если вы ее еще больше раздразите, но не убьете?— спросил незнакомец.

— Постараюсь убить,— холодно возразил Андрэ.— Моя винтовка заряжена пулями калибра 8 при семнадцати с половиной граммах английского пороха. Если и при этих условиях я не убью гориллу, то, значит, мне особенно не везет.

Со свойственным ему изумительным хладнокровием Андрэ медленно поднял свою винтовку и прицелился сквозь густую путаницу ветвей и листьев.

Но выстрела не последовало. Обезьяна была невидима для невооруженного глаза.

— Вот несчастье!— пробормотал он.— Я потерял ее из вида. Вижу только неопределенное пятно...

— Помогите!.. Помогите!..— раздался почти над самой его головой женский голос.

— Кричали по-французски. Три друга вздрогнули. Нужно было торопиться, потому что этот крик неминуемо должен был привлечь внимание гориллы.

Андрэ решился. Грянул оглушительный выстрел и громовым раскатом прокатился по лесу. Одновременно с выстрелом раздался ужасный вой.

— Попал!— вскричали Фрикэ и Барбантон, англичанин же взирал на эту сцену бесстрастно и безмолвно.

С вершины дерева валилось на землю огромное мохнатое

тело, цепляясь за ветви и кувыркаясь. Горилла была ранена смертельно, но все еще была опасна и страшна. Она ухватилась за один из суков, оперлась ногами на другой и вперила в своих врагов маленькие свирепые глаза. Между нею и людьми было не более шести метров.

Ее громадные челюсти с длинными желтыми зубами громко стучали друг о друга. Морда, эта ужасная карикатура на человеческое лицо, была искажена зверской улыбкой. Горилла выла, хрипела и харкала кровью, стекавшей на мох почти непрерывной красной струей.

Обезьяна собрала последние остатки сил, чтобы ринуться на охотников. Быть может, им пришлось бы дорого заплатить за свою победу.

К счастью, в этот момент раздался снова крик похищенной женщины, звавшей на помощь. От своей жертвы горилла была метрах в трех. Между тем женщина, вместо того чтобы спрятаться хорошенько в ветвях, неосторожно выпрямилась на одном из сучьев баобаба.

Обезьяна раздумала прыгать на землю. С криком «кэк-ак» она устремилась на свою пленницу, которая снизу не была видна охотникам.

Андрэ выстрелил еще раз. Пуля попала ниже, чем метил стрелок, не в висок, а в челюсть гориллы. Рана была тяжелая, но не остановила обезьяны. Пленнице грозила неминуемая гибель. Горилла уже наклонилась, чтобы схватить ее...

Грянул третий выстрел. На этот раз смертельный. Пуля пробила горилле сердце навылет.

Обезьяна выпрямилась, постояла, схватилась своими огромными лапами за грудь и упала навзничь на землю с глухим вздохом.

Удачный выстрел был сделан жандармом. Своим спасением женщина была обязана ему.

Осмотрительный англичанин подошел к обезьяне и на всякий случай выстрелил ей в ухо. А Андрэ подозревал двух негров и стал им быстро что-то объяснять, указывая на ветви баобаба.

Лазить по деревьям для негров привычное занятие. В несколько секунд они взобрались на дерево — не по стволу, который слишком толст для этого, а по висячим корням, выпускаемым боковыми ветвями и вертикально спускающимся на землю, куда они и вырастают.

Фрикэ полез вместе с неграми, чтобы руководить их действиями. Он сам был так же ловок, как убитая горилла, так что лезть на баобаба ему ничего не стоило. Вдруг он вскрикнул, точно попал в змеиное гнездо, схватился за лиану и быстро-

быстро спустился вниз, бледный, с искаженным лицом.

— Что с тобой? Что случилось? — спросил встревоженный Андрэ.

— Скажите, я очень похож на сумасшедшего?

— Ровно настолько, что напрашивается вопрос: «Не сошел ли ты с ума?»

— Действительно, мой друг, вы выглядите каким-то чудачком, — подтвердил Барбантон, заряжая свою винтовку.

— Чудачком!.. Только чудачком? Да мне бы нужно кровь пустить, а то у меня голова, пожалуй, лопнет. Впрочем, с вами самими сейчас случится то же самое.

— Почему?

— А потому... Вот смотрите.

Незнакомка тем временем осторожно спустилась с дерева на землю с помощью негров.

Андрэ и Барбантон одновременно обернулись к ней. Первый невольно вскрикнул. А жандарм... Невозможно описать гамму чувств, отразившихся на его энергичном, бравом лице: изумление, тревога, гнев, недоумение. Он стоял как вкопанный, будучи не в силах ни думать, ни говорить, ни даже пошевелиться.

Едва-едва смог он только пролепетать глухим, замогильным голосом:

— Элодия Лера!.. Жена!..

Глава III

Транспорт парижских охотников. — Открытие сезона охоты. — Край пернатой дичи. — Жилище охотника-космополита. — Разочарование, мистификация, бедствие. — Браконьеры. — Губительная сеть. — Печальное возвращение. — Клин клином. — Увлечательное путешествие по... столовой. — После выпивки. — О том, как горе-охотники затеяли экспедицию по белу свету. — Кто будет начальником экспедиции? — единогласно выбран Андрэ. — Через два месяца назначен отъезд.

Чтобы уяснить происходящее, вернемся немного назад, к 31-му числу августа месяца 1880 года. Это было как раз за четыре месяца до начала нашего рассказа.

В семь часов вечера на станции Монервиль (первая остановка после Эстампа) остановился пассажирский поезд. Из него вышли семеро охотников-парижан в полном охотничьем снаряжении: в сапогах, гетрах, с поясами, ружьями и сумками — все, как полагается. У каждого из этих столичных немвродов было, как водится, по легавой собаке. Милые песики, радуясь свободе после собачьего вагона, в котором они, протестуя, выли два часа подряд, весело лаiali и прыгали. Они

понимали, что предстоит охота, потому что их господа вырядились в охотничьи доспехи, которых не надевали уже месяцев семь.

Да. Завтра утром, с восходом солнца, назначено открытие охоты. Люди рады не меньше собак. Рады вдвойне.

Во-первых, потому что завтра 1 сентября — открытие сезона, а во-вторых, потому что произойдет это в Босе, местности, изобилующей куропатками, где хороший стрелок может выказать все свое искусство.

У станции дожидался громадный шарабан, запряженный парой крепких першеронов. Охотники уселись в него вместе с собаками, возница в блузе щелкнул бичом — и солидный экипаж покатился по дороге.

В пути охотники весело беседовали. Темой служило, конечно, предстоящее торжество. Шесть километров от станции до деревеньки С. проехали совершенно незаметно.

Расспросили, между прочим, и возницу, краснощекого крестьянского парня из местных, и пришли в восторг от его сообщений. Уже лет девять, с самой войны, не было такого изобилия куропаток и зайцев. В прошлую среду парень делал вместе с самим помещиком обход имения и видел более сотни стай, а фермеры и их работники говорили ему, что на самом деле наберется втрое больше.

Допуская даже значительное преувеличение и хвастовство со стороны парня, очень довольные охотники заранее предвкушали успех. Возбуждение их достигло апогея, когда шарабан подъехал к премиленькому домику и остановился у крыльца.

Домик был современной постройки, совершенно простой, без всяких архитектурных претензий, но просторный, вместительный, с прекрасной планировкой и чрезвычайно комфортабельно обставленный.

Сезон охоты можно было провести в нем со всеми удобствами.

Услыхав стук экипажа, с гамака из волокон алоэ, подвешенного под липами, навстречу гостям поднялся молодой человек, лет тридцати с небольшим. Это был владелец охотничьего дома.

— Андрэ!.. Андрэ Бреванн!.. Здравствуйте, Андрэ!.. Здравствуйте, радушный хозяин!

Гости с шумом устремились к нему, собаки с громким лаем понеслись по клумбам и грядам.

Компания мужская, все свои, — следовательно, церемонии отброшены.

Хозяин радушно и приветливо, но совершенно просто, без

Открытие охоты в Босе

всяких светских условностей, пожал протянутые ему руки. Он одет в синюю фланелевую блузу, в полотняные штаны и в высокие сапоги из желтой кожи. Просто, даже чересчур просто, — дескать, чем богаты — тем и рады. Не взыщите, мол, каков уж есть.

Обед был готов к приезду гостей, обед хоть и полевой, спортивный, но рассчитанный на гурманов. Готовила его Софи, великолепная стряпуха, знающая свое дело.

Суп стоял уже на столе, а все прочее жарилось, варилось, пеклось, кипело и бурлило, дожидаясь своей очереди.

— За стол, господа! Пожалуйста!

Гости расселись в просторной столовой, где все стены увешаны разнообразными трофеями, добытыми хозяином во всех пяти частях света.

И парижане, приехавшие поохотиться за скромной куропаткой, начинают восторгаться слоновьими клыками, рогами лосей и карибу, буйволов и носорогов, чешуей ящериц, шкурами львов, тигров и леопардов, чучелами гигантских и микроскопических птиц, одеждою и утварью дикарей, головными уборами из перьев, ожерельями из когтей и зубов, разными амулетами, раскрашенными веслами, оружием и проч. Все это убранство придавало маленькому деревенскому домику известный колорит.

Не будем подробно описывать вкусный обед и излагать разговор охотников. За столом компания просидела больше трех часов. У Андрэ Бреванна был винный погреб, доставшийся ему от дяди-миллионера, крупного арматора и большого гурмана. Разумеется, Андрэ не поскупился для гостей, и когда все стали наконец расходиться, прощаясь «до завтра», то один из них произнес:

— Завтра!.. Да ведь оно уже сегодня.

Но в семь часов утра, в походный час, все были снова в сборе в столовой, хотя и чувствовали себя невыспавшимися. Подан был легкий завтрак. Наскоро закусивши, восемь охотников весело рассыпались по равнине, каждый в сопровождении егеря, нагруженного запасными патронами.

Андрэ, не боясь преувеличений, сам объявил своим гостям накануне за обедом:

— Дичи так много, что вы будете стрелять почти без перерыва.

Прошло полчаса. Охотники усердно бродили по лесу. Странно: не раздалось еще ни одного выстрела. Не взлетело до сих пор ни одной куропатки.

Андрэ не знал, что и думать.

Прошел час. Ничего! Взлетели, правда, несколько одиночных куропаток и малые стаи перепелок, штуки в две-три, но и только. По ним, конечно, били. Но где же обещанные громадные стаи? Стало быть, охотников обманули?

Дичи нет. Сказать правильнее: ее уже нет. Она исчезла дня три тому назад. Охотничьи уголья Андрэ подверглись нашествию браконьеров, которые истребили все живое. А он так хотел доставить удовольствие своим приятелям!

Браконьеры нагрянули целой шайкой и переловили куропаток сетью. Этот способ чрезвычайно губителен для дичи.

Сеть протянули над долиной и в два приема поймали не меньше трех тысяч куропаток.

Такие случаи нередки. Владельцы охотничьих угодий много терпят от браконьеров и боятся их ужасно.

Будь Андрэ один, он отнесся бы к инциденту спокойно, но своих гостей он положительно не знал, чем утешить. Уж очень было им обидно записываться в горе-охотники. С досады они обрушились на жаворонков и погубили их несколько десятков.

Завтрак был назначен в половине двенадцатого, но уже в десять часов все вернулись в дом. Грустно было смотреть на принесенные ими мелкие трофеи: куропатка, заяц, три перепелки и штук сорок жаворонков. Охотники горько жаловались и проклинали судьбу.

Сам хозяин во время охоты не сделал ни одного выстрела. Чтобы утешить гостей в их совершенно оправданной печали, он прибегнул к неизменному средству — угостил их самыми лучшими винами из своего погреба. Средство великолепно подействовало и послужило прелюдией к многочисленным кушаньям, изумительно приготовленным поварихой Софи, которая на этот раз превзошла самое себя. Благодаря изысканным яствам и чудным винам, настроение гостей существенно переменялось к лучшему. Досада от неудачной охоты улетучилась. Головы разгорячились. Тон разговора из минорного перешел в мажорный.

Это и понятно. Не вечно же ныть и жаловаться, не все же проклинать браконьеров, ворчать по поводу губительной сети и толковать о давешних несчастных жаворонках, перепелках, куропатке и зайце. К тому же в столовой было так хорошо, так уютно, она была так красиво убрана цветами и зеленью, и тосты были такие симпатичные... Не мудрено, что веселое расположение духа завладело гостями.

И вот наши охотники за жаворонками внезапно загорелись страстью к путешествиям. В мечтах они пустились переплывать океаны, пробираться через джунгли, прерии и девственные леса, избивать бизонов, истреблять тигров, стрелять львов и сокрушать слонов. Ничто не могло устоять перед их отвагой и удалью.

Путешествие было интересное и притом совершенно безопасное, потому что совершалось оно не выходя из уютной столовой. Так интересно было слушать Андрэ, с жаром описывающего все эти удивительные страны.

Гости увлеклись. Каждый из них воображал себя героем того или иного приключения. Временами раздавались восклицания:

— Браво!.. Я бы тоже так поступил!.. Да, превосходная вещь — путешествия... Как мне страстно хотелось странст-

зовать, когда я был моложе... Я родился путешественником... Какой вы счастливец, Бревани: вам удалось объехать весь свет.

— А вам кто мешает? — спокойно заметил Андрэ. — Все вы люди с независимыми средствами, холостяки и любители охоты. Неужели вы так привязаны к нормандским равнинам и пикардийским болотам, что уж и прожить без них не можете?

— Вовсе нет! — вскричали словно наэлектризованные гости.

— Так за чем же дело стало? Вам нравятся мои трофеи? Извольте, поезжайте добыть себе такие же; по крайней мере, встряхнетесь, наберетесь впечатлений, испытаете здоровое волнение. Пережитые тревоги заставят вас потом сильнее почувствовать прелесть домашнего очага...

— Все это так, — заметил один из гостей. — Желание у нас есть. За деньгами остановки не будет. Но у нас нет случая, нет повода, нет руководства. Впрочем, повод, если хотите, есть; но зато руководство...

— Если я вас правильно понял, — спросил Андрэ, — вы хотите сказать, что, не имея никакого опыта, ни разу не путешествуя, вы боитесь натолкнуться на разные бытовые трудности, не имеющие прямого отношения к охоте. Так, что ли?

— Вот именно. Ведь ясное же дело — нельзя сесть на первый попавшийся пароход, приехать Бог весть куда, выйти на берег и пуститься на охоту. Ведь существуют тысячи вещей, которые нужно заранее обдумать и приготовить. Тут действовать очертя голову нельзя.

— Вот это правильно. Что верно, то верно.

— Наконец, путешествовать и охотиться одному... Бывают минуты, когда одиночество особенно тягостно. Я бы предпочел поехать компанией.

— О, да! Это верно!.. Компанией гораздо лучше!

— В таком случае и это улажено. Остается только — отсутствие руководства и недостаток опытности.

— Вот именно.

— Так что, если б нашелся бывалый, опытный человек, сплотил бы вас в одну группу, предложив к вашим услугам свои знания и опыт, вы бы ему доверились?..

— С восторгом!

— Только уговор: чтобы уж дичь была наверняка.

— На этот счет будьте покойны. Он заведет вас туда, где сетей не ставят, где не встретить дичи нельзя, хотя и там есть свои браконьеры, но только несколько иного калибра и в другом роде, чем здесь.

— Кто же этот человек?

— Все едем!.. Все!..

— Да хоть бы я, если вам угодно.

— Вы, Андрэ? А мы думали, что вы решили больше не путешествовать.

— Пять минут тому назад я и сам еще так думал.

— А теперь, пять минут спустя?

— А теперь я решил поехать с вами и угостить вас такими охотами, где уж никакие мистификации, вроде сегодняшней, невозможны. Сказать правду, я даже обязан это сделать для вас.

— Вы серьезно?

— Серьезно.

— Знаете что? Вы удивительный человек.

— Ничуть не удивительный. Я только всегда быстро принимаю решения.

Как раз в эту минуту громко хлопнули пробки нескольких бутылок с красными этикетками и просмоленными головками.

Искрясь и пенясь, разлилась по бокалам дивная влага шампанского «Монополь». Веселое настроение достигло апогея.

— Итак, — подытожил Андрэ, вставая с бокалом, — мы едем охотиться. Это решено.

— Все едем!.. Все!.. И чем скорее, тем лучше.

— Чтобы подготовиться как следует к экспедиции, мне понадобится два месяца.

— Что так долго?

— Два месяца — долго? Да ведь нужно корабль подыскать, да приспособить его для наших целей, да починить, если нужно, да попробовать его ход, да экипаж подобрать... Нужно заказать оружие и все снаряжение для экспедиции, и чтобы все было безукоризненного качества... Дня через два я вам представлю полный список всего необходимого, тогда вы сами увидите... Неужели же на все это два месяца — долго? Ведь экспедиция наша продлится месяцев десять, а то и год.

— Ну, хорошо. Два месяца так два месяца. Но не дольше!

— Дня не просрочу, будьте покойны. Теперь — два слова о расходах.

— Мы о расходах не говорим.

— Напрасно. Это очень важно. Я полагаю, что по двадцать пять тысяч с каждого будет вполне достаточно для того, чтобы покрыть все расходы. Я не считаю личного вооружения и снаряжения каждого из нас.

— А корабль?

— Я его куплю для себя. Я уже давно собираюсь завести себе увеселительную яхту. Вот мы и испробуем ее вместе.

— Когда же вы думаете начать приготовления?

— Немедленно, с этой же минуты. Охоту нашу следует считать законченной. Через час я еду в Париж. Если вы желаете остаться здесь — располагайтесь как дома. Мой дом весь к вашим услугам — от погреба до чердака.

— Нет, спасибо. Мы тоже поедем.

— Как угодно. Завтра вечером я буду в Гавре, в гостинице Фраскати. Опоздавших не дожидаемся. Утром 1 ноября яхта разведет пары — все должны быть на борту. Час отплытия будет зависеть от прилива.

— А куда же мы направимся?

— Это мы решим по выходе в море. Можно будет начать с Южной Африки, оттуда в Индию, в Индо-Китай... затем в

Океанию... По-разному можно! Впрочем, теперь еще рано говорить об этом. Господа и дорогие мои друзья, пью за наше путешествие и в особенности за прочность вашего намерения... Dixi *.

Глава IV

Домик на улице Лепик.— У парижанина.— Свидание двух лиц, побывавших у черта на куличках и собирающихся туда вновь.— Занятия Фрикэ.— Особое поручение.— Набор матросов.— Прогулка парижанина.— Улица Лафайет в 9 часов утра.— Несчастия содержателя табачной лавочки.— Нервы madame Барбантон.— Домашняя сутолока, грозящая трагическим исходом.— Вернуть бы то время, когда нас на вертел хотели насадить.— Нашего полку прибыло.

Андрэ Бреванн и его гости сели в поезд, проходивший через Монервиль в четыре часа дня, и поехали в Париж.

Охотники были шумно-веселы. О своей неудаче они не вспоминали, утешившись принятым решением. Как люди праздные, они были в восторге от того, что им предстоит участие в грандиозной экспедиции чуть не по всему белому свету. Мысленно они уже проносились по таинственным неведомым землям и участвовали в богатых охотах. Андрэ, радуясь воинственному настроению своих друзей, которые за два часа пути до Парижа только еще больше укрепились в своих намерениях, крепко пожал им всем руки при выходе из вагона и простился, еще раз напомнив об обещании. Затем он кликнул извозчика, сказал ему на ухо несколько слов, и тот сразу же без лишних разговоров пустил фиакр на большой скорости, что вообще-то не характерно для возниц.

От Орлеанского вокзала ровно за три четверти часа фиакр доставил Андрэ на улицу Лепик, № 12. Андрэ прошел длинным коридором и вступил в хорошенький садик с деревьями и цветами. В глубине его находился уединенный павильон. Андрэ вошел в цветник и по усыпанному песком дорожкам дошел до павильона. Там он отворил двустворчатую дверь и очутился в большой комнате, которая служила, по-видимому, и рабочим кабинетом, и мастерской.

Андрэ, должно быть, была хорошо знакома эта комната, потому что он не обратил никакого внимания на ее обстановку. А обстановка была замечательна своей разношерстностью.

Во-первых — два громадных библиотечных шкафа, набитых книгами. Затем большая черная доска, исчерченная геометрическими фигурами и исписанная алгебраическими форму-

---

* Я сказал (лат.).— Здесь и далее примечания редактора.

лами — следы решения какой-то задачи по механике. Наконец, карта полушарий и множество деревянных и гипсовых моделей каких-то странных инструментов. Справа стоял верстак из вязового дерева, точильня для металлов и целая серия слесарно-механических инструментов. Наверху висела клетка со скворцом. Напротив верстака — большой дубовый письменный стол, заваленный бумагой и разными папками, хаотично набросанными одна на другую. По стенам — экзотические безделушки, шкуры животных, трофеев из пары ружей, бордажной сабли и салакко, а посередине, напротив дверей, портрет самого Андрэ Бреванна во весь рост и в натуральную величину.

Звонок, прикрепленный ко входной двери, пронзительно зазвенел. Скворец прекратил свою болтовню и стал подражать его металлическому звуку. Из большой плетеной корзины вылезла, махая хвостом, некрасивая собака со слежалой шерстью, но с живыми и добрыми глазами, влажным носом, черным, как трюфель, дотронулась до руки вошедшего гостя.

Отворилась боковая дверь. В комнату вошел молодой человек в синей блузе, как у Андрэ, и с непокрытой головой.

Уже в самой манере приветствия чувствовался истинный парижанин, типичный гамен, который всегда остается верен себе.

— Monsieur Андрэ!.. Вы!.. Вот здорово!

— Здравствуй, Фрикэ! — отвечал Андрэ, крепко пожимая руку юноши, который ответил ему таким же сердечным пожатием.

— Какой это добрый ветер вас занес?

— Очень странное приключение, даю тебе слово.

— Не может быть! Наш запас приключений давно уже исчерпан. Ах, да! У вас сегодня должно было состояться открытие сезона охоты.

— Вот с этого-то и начинается приключение, могущее завести нас с тобой очень далеко.

— Ну, нам не страшно. Мы у черта на рогах побывали и домой вернулись.

— И опять, пожалуй, попадем к черту на рога.

— Что ж, я готов. А что, действительно предстоит пострадать?

— Месяцев восемь или десять.

— А когда отправляться?

— Мне и тебе — завтра.

— Стало быть, будут и другие?

— Вечером расскажу тебе все.

— Значит, вы разделите со мной трапезу?

— Разумеется. Но только заранее предупреждаю: я очень

основательно позавтракал и буду тебе плохим сотрапезником.

— Вы здесь у себя дома.

— Ну, а как твои работы?

— Три дня назад я окончил свой механический «промыватель». Настоящий класс! Действует превосходно. Могу ручаться, что при промывке золота не ускользнет ни малейшая частичка. Амальгаматор тоже готов к действию. Я снабдил его аппаратом, делающим невозможной кражу золота и ртути.

— Молодчина!

— Кроме того, я докончил вашу модель металлического патрона, непосредственно соединяемого с капсюлем пистонного ружья. Вот она!

— Превосходно!

— Вы довольны?

— Я в восторге.

— Мне это очень приятно.

— А ты патент на себя оформил?

— Как же я это сделаю? Ведь изобретатель — вы.

— Не говори пустяков. Патент для тебя — деньги, понимаешь? Если даже у меня есть какие-нибудь права, я уступаю их тебе и требую, чтобы ты ими воспользовался. А теперь изволь слушать о нашем деле. Завтра в восемь часов вечера ты выедешь в Брест.

— Ладно.

— Там ты наймешь на один год, с 15 сентября, десять патентованных * матросов, корабельного повара и юнгу.

— Раз вы посылаете меня в Брест, значит, вы хотите, чтобы матросы были исключительно бретонцы, не иначе?

— Разумеется. Далее: двух машинистов и двух кочегаров, двух гребцов для лодок, суперкарга **, канонира, рулевого и боцмана. Всего, стало быть, двадцать одного взрослого и одного юнгу. Капитана, помощника, метрдотеля и повара для пассажиров я подыщу сам.

— Все?

— Пока все. Выбирай людей надежных, проверенных. Полагаюсь на тебя всецело в этом отношении. Объясни, что они будут плавать на увеселительной яхте с очень добрым капитаном, который, однако, не шутит с дисциплиной. Собратыш они должны в Гавре через две недели. Я желаю как можно скорее иметь их в распоряжении. Сумму жалованья ты определишь сам. Знаю, что ты проявишь надлежащую щедрость

---

* Обладающим официальным правом заниматься своим промыслом.

** Лицо, ведающее на судне грузом.

без излишества. По окончании плавания каждому, кроме того, будет награда, смотря по его заслугам.

— Все?

— Теперь все. Надеюсь, ты сейчас же можешь выехать? Препятствий нет?

— Препятствий? Что вы, monsieur Андрэ! Какие могут быть у меня препятствия? Я вольная птица.

— Пожалуйста кушать, господа, — объявила, отворив дверь, добродушная женщина с седыми волосами, типичная парижская «одна прислуга».

— Сейчас идем, madame Леруа. Бедняжка! Для нее будет потрясением, когда она узнает о моем отъезде. Впрочем, я обеспечу ее на все время своего отсутствия. Она будет меня дожидаться здесь в компании с моим скворцом Мальчишкой и собакой Бедой.

На другой день утром Фрикэ, все в том же костюме, пешком прошел от своего дома до Монмартрского предместья и повернул на улицу Лафайета.

Было девять часов. Молодой человек шел с обычной развязностью парижского фланера, совершенно не думая о том, что предстоит вечером отъезд в Брест.

Оглядывая трамвай, глаза на витрины, прочитывая афиши, закуривая бесчисленное множество папирос в табачных лавочках, он шел вверх по бесконечной улице Лафайета, наслаждаясь водоворотом толпы, который так по душе всякому парижанину и так смущает приезжего из провинции.

Но Фрикэ не праздный гуляка. У него цель. Он идет навестить друга.

Знакомых у Фрикэ в Париже много, но друзей только двое: Андрэ и еще один человек, живущий в самом конце улицы Лафайета, почти в Пантене. Фрикэ идет попрощаться с ним перед отъездом.

Всякий другой, отправляясь в такую даль, взял бы извозчика, но Фрикэ даже в голову это не пришло. Ему напоследок хотелось пройтись пешком по парижскому асфальту, пробежаться по всем улицам, надышаться родным воздухом.

Поравнявшись с табачно-винной лавочкой, он смело вошел в нее, поклонился молодой особе, сидящей у конторки, и собирался уже пройти в комнату за лавкой, как вдруг, услышав за дверью крики и брань, остановился.

— Неудачно я попал, — прошептал он. — У madame Барбантон расходились нервы, а когда это случается, то для моего бедного друга настает сущий ад. Такой, что самому Вельзевулу сделалось бы тошно. Но все-таки я зайду и пожму ему руку.

Она схватила его за бородку

Он стукнул в дверь и вошел, не дождавшись даже традиционного «войдите».

— Честь имею кланяться, сударыня! — произнес он с особенной учтивостью. — Здравствуйте, дружище Барбантон!

На эти слова к нему быстро обернулся высокий мужчина в узких панталонах, жилетке из трико, с лицом суровым, но симпатичным, и дружески протянул молодому человеку обе руки.

— Ах, Фрикэ! Я очень несчастлив, дитя мое!

Дама, в ответ на приветствие Фрикэ, бросила на него косой взгляд и ответила, точно хлыстом ударила:

— Здравствуйте, сударь!

Ледяной, чтобы не сказать более, прием, однако, не смутил Фрикэ. Он видал всякое. И поэтому решил храбро выдерживать бурю и своей позиции не сдавать.

— Что случилось, мой милый вояка? Что у вас тут?

— Да то, что я доведен до бешенства. Взгляните на меня. Еще немного — и случится большой грех.

— Боже мой, да у вас все лицо исцарапано в кровь! — воскликнул Фрикэ, невольно рассмеявшись. — Вы, должно быть, дрались с полдюжиной кошек.

— Нет, это все madame Барбантон. Вот уже целый час она пробует на мне свои когти. И, кроме того, осыпает меня оскорблениями. Позорит честь солдата, беспорочно прослужившего отечеству двадцать пять лет.

— Ну, что там... Может быть, вы и сами немного вспылили, — заметил Фрикэ, зная, что заведомо говорит вздор.

— Если я и вспылел, то ведь ничего же себе не позволил, — возразил исцарапанный муж. — А между тем я бы мог...

Женщина разразилась злым, противным хохотом, от которого передернуло бы самого невозмутимого человека.

— Что бы ты мог? Ну-ка, скажи!

Тон был агрессивный, вызывающий.

— Несчастная! Хорошо, что я с бабами не связываюсь, считаю это для себя позором, а то ведь я мог бы убить тебя одним ударом кулака!

— Это ты-то?

— Да, я. Но я не для того прослужил двадцать пять лет в жандармах, чтобы самому усестись на скамью подсудимых.

— Постой же, вот я тебе покажу.

Она наступала на него, он отодвигался. Вытянув вперед руку, она схватила его за седую бородку и стала дергать ее изо всех сил, крича и приговаривая:

— Да где тебе, ты такой трус и подлец!

Фрикэ был изумлен. Он уже не знал, во сне все это или наяву. При всей своей находчивости, он совершенно растерялся.

— Сударыня, — нерешительно заговорил он, — до сих пор я думал, что наоборот — подлец и трус тот, кто бьет женщину, даже если он в столкновении совершенно прав.

Madame Барбантон нельзя было ничем урезонить. Продолжая таскать отбивавшегося от нее мужа за бороду, она ответила глупо и грубо:

— Еще и вы тут с вашими рассуждениями! Очень они мне нужны! Да я и не знаю вас. Явился неведомо кто, неведомо откуда... С улицы первый встречный...

Фрикэ побледнел как полотно. Он выпрямился, устремил на мегеру взгляд своих стальных глаз, загоревшихся особенным блеском, и глухо проговорил:

— Скажи это самое мужчина, плохо бы ему пришлось. Но вы женщина. Я вас прощаю.

Отставному жандарму удалось, наконец, избавить свою бороду от мучительных тисков. Он произнес с заведомым расчетом:

— Фрикэ прав. Тебя спасает, во-первых, то, что ты женщина, во-вторых, то, что мы французы. Будь я турок, тебе бы голову отрубили за то, что ты посягнула на бороду твоего мужа: борода священна у мусульман.

— Негодяй! — взвизгнула madame Барбантон и, все более и более распаляясь ввиду спокойствия обоих мужчин, вдруг выбежала вон, хлопнув дверью.

— Да, Фрикэ, милый мой товарищ! Я был гораздо счастливее у канаков. Тот день, когда нас в Австралии хотели посадить на вертел, я с нынешним не сравню. Тот день был гораздо приятнее.

— Действительно, характер вашей супруги сделался еще невыносимее. Был укус, а теперь и вовсе эссенция.

— И так каждый день! Не то, так другое. Последнюю неделю она изводит меня, требуя, чтобы я разводил вино и водку разными составами. А я не желаю быть отравителем. Во всем ей уступал, а в этом нет. И не уступлю ни за что. Скорее всю свою торговлю пошлю к черту. Ах, если б можно было поступить опять на службу!

— Кстати, я ведь зашел проститься.

— Вы уезжаете?

— Сегодня вечером и, вероятно, на целый год.

— Счастливец!

— Вы сейчас хотели послать все к черту. Поезжайте со мной. Ведь меня приглашает monsieur Андрэ.

— Monsieur Андрэ? Тысяча канаков!

— Вы ведь знаете, как он вас любит. Поезжайте с нами. Решено? Я увожу вас в Брест. Укладываемся, потом вместе позавтракаем, погуляем, как матросы на берегу, а вечером к восьми часам — на вокзал.

— Согласен, — энергично заявил Барбантон. — Через четверть часа я буду готов.

Четверти часа не понадобилось. Уже через десять минут отставной жандарм вышел из спальни с застегнутым чемо-

даном, под ремни которого был просунут какой-то длинный и твердый предмет в чехле из зеленой саржи.

Исцарапанное лицо Барбантона сияло.

Он прошел с Фрикэ в лавку, где уже восседала за конторкой среди сигаретных ящиков госпожа Барбантон, успевшая прийти в себя после передрыги.

— Вы часто выражали желание расстаться со мной, — сказал ей насмешливым тоном жандарм. — Желание это сегодня исполняется. Я уезжаю с Фрикэ и оставляю вам все деньги, какие есть в доме, беру только двести пятьдесят франков — пенсию за крест. Можете получить развод через суд, я протестовать не буду. Мне все равно. Надеюсь, что за время моего отсутствия наши палаты вотируют * за упрощенный развод. Счастливо оставаться, Элодия Лера. Прощайте!

— Скатертью дорога! — взвизгнула мегера, испытывая, однако, смутное беспокойство. Ей было не по себе в эту минуту, хотя она и старалась это скрыть.

— Спасибо, — ответил Барбантон.

Фрикэ на протяжении всего диалога насвистывал — правда, довольно фальшиво, — подходящую к случаю легендарную арию господина Дюмолле...

В тот же вечер два друга на Сэн-Лазарском вокзале сели в поезд, отходивший в Брест.

Глава V

Покупка корабля. — Шутка повешенного. — «Голубая Антилопа». — Экипаж яхты. — Ее снаряжение. — Последний день на суше. — Завтра! — Приход почтальона. — Ряд писем со вложением. — Свадьба. — Злоключения охотника за утками. — Кандидат в депутаты. — Пословицы!.. — Еще и еще! — Трус, но по крайней мере не лгун. — Нас только трое.

Два месяца прошли. Наступило 31 октября — срок, назначенный Андрэ Бреванном своим друзьям. На следующий день должна была тронуться в путь экспедиция, столь поспешно возникшая после неудачной охоты.

Андрэ добросовестно выполнил все свои обязательства. Благодаря своим необыкновенным организаторским способностям, неутомимой энергии и огромному состоянию, ему удалось в короткий срок запастись решительно всем нужным для задуманной экспедиции.

Ему везло с самого начала. Уславши Фрикэ в Брест

---

* Проголосуют.

нанимать экипаж, Андрэ расположил свою главную квартиру в Гавре и снесся со всеми морскими агентствами во Франции и в Англии, в которых обыкновенно сосредоточены все сведения по части найма, постройки и покупки коммерческих кораблей. Так как он пообещал хорошие коммиссионные тому агентству, которое найдет для него подходящее судно, то его уведомили уже, что в Брайтоне продается отличная яхта. Давая подробное описание судна, маклер не утаил и причин его продажи.

Строила яхту фирма Шау, Тернер и Бангэм в Ливерпуле два года тому назад по заказу одного богатого баронета, страдавшего сплином. Путешествий она проделала всего два: в Капскую землю и на Ближний Восток. Плавание по морю не спасло баронета от сплина; тогда от яхты он обратился к другому, также чисто английскому средству — к веревке, которая и избавила его от тягостного мизантропического существования на земле. Повесился он на рее своей яхты, в самый день ее возвращения из плавания на Брайтонский рейд, удаливши предварительно весь экипаж.

Идея чисто британская.

Случилось это за месяц до описываемых событий. Наследники очень обрадовались, а яхту тотчас же назначили на продажу.

Андрэ были чужды суеверия. В тот же день он взял в Диеппе место на пароходе до Ньюгэвена, из Ньюгэвена проехал по ближней дороге в Брайтон, поспешил на яхту, тщательно ее осмотрел, сторговался и тут же уплатил за нее наличными деньгами.

Наняв лоцмана с четырьмя матросами, чтобы довести яхту до Гавра, Андрэ исполнил нужные формальности, наскоро купил кое-какой провизии и поплыл обратно к нормандскому берегу. Через восемь часов он был уже в Гавре. За этот короткий переезд Андрэ убедился, что сделал удачную покупку.

«Увеселительная яхта». При этих словах читатель, вероятно, представляет что-то непрочное, несолидное, рассчитанное только на красоту и скорость, а не на прочность и силу. Вовсе нет. Это далеко не всегда так. Что же касается яхты, приобретенной Андрэ, то выстроена она особенно основательно. По виду она напоминала трехмачтовую шхуну с прямыми парусами на бизань-мачте и с косыми латинскими на гроте и на фоке. Длина кузова была пятьдесят метров, водоизмещение пятьсот сорок тонн. Машина была в семьдесят две условных лошадиных силы и позволяла

яхте развивать скорость до десяти с половиной узлов. Угольные камеры вмещали в себе восемьдесят пять тонн угля при расходе около четырех тонн в день.

Из сохранившегося судового дневника следовало, что ходила яхта, в среднем, со скоростью восьми с половиной узлов, другими словами, делала от пятнадцати до шестнадцати миль в час.

Таким образом, купленная яхта была судном прочным и мощным, рассчитанная на плавание и в океанах, со всеми сопутствующими морскими опасностями.

Андрэ оставил за яхтой то имя, которое дал ей англичанин-меланхолик, хотя непосвященному оно не говорило ни о чем. Называлась она по-английски «Блю-Бок», что значит «Голубая Антилопа». Эта антилопа, по-ученому *antilope caerulea*, водится в Южной Африке, на Капе, и как дичь очень ценится местными жителями. К судну, купленному для охотничьей экспедиции, такое название подходило как нельзя больше. Написано оно было голубыми буквами по золотому полю на доске, прибитой у кормы, а спереди яхты красовалось четкое изображение грациозного животного. При данных обстоятельствах это был очень подходящий символ.

Машина и оснастка яхты были в хорошем состоянии. Требовался лишь незначительный ремонт; и если бы не внутренние переделки для устройства семи новых спален для пассажиров, то новому судовладельцу не о чем было бы и заботиться. Не будучи моряком по профессии, Андрэ обладал довольно обширными познаниями в мореплавании. Он их приобрел во время своих морских путешествий. Другие пассажиры обыкновенно на корабле спят, едят, пьют, играют в карты, не зная, как убить время; Андрэ, напротив, пользовался каждой свободной минутой для того, чтобы изучать техническую и практическую стороны мореходства. Хотя он и не имел звания капитана, но на своей увеселительной яхте мог быть полным хозяином. К себе он взял в помощники опытного шкипера дальнего плавания, чтобы тот вел корабль указанным курсом, не вмешиваясь в главное руководство экспедицией. Еще недавно это было недопустимо и яхтой должен был управлять ответственный патентованный капитан, но незадолго перед тем вышло распоряжение, в котором для частных увеселительных яхт устанавливался целый ряд исключений из общего устава торгового мореплавания.

Фрикэ выполнил порученное ему дело очень удачно и в полном соответствии с указаниями. Он подобрал образцовый

Фрикэ подобрал образцовый экипаж

экипаж из бретонцев-матросов, которые были в восторге, что поедут на таком корабле, где не будет товаров, с погрузкой и выгрузкой которых приходится обыкновенно возиться. Фрикэ к назначенному дню привез их в Гавр и представил Андре Бреванну. Тот сейчас же допустил их на борт.

Новоприбывших моряков обуяла страсть к чистоте. Они принялись мыть, чистить и скрести корабль внутри и снаружи, от киля до верхушки мачт. Реи, паруса, канаты, все снасти были ими внимательно осмотрены и старательно исправлены, все пазы заново проконопачены; словом, яхта была отделана как бы заново.

Началась заготовка провизии. Угольные камеры и водоемы для пресной воды были заполнены так же, как кладовые и камбуз.

Так как яхте предстояло посетить места не совсем надежные, то Андрэ благоразумно заменил имевшиеся на ней две маленькие сигнальные пушечки одним настоящим артиллерийским орудием четырнадцатисантиметрового калибра на вращающемся станке. Большую паровую шлюпку вооружили картечницей Норденфельда; такими картечницами панцирные суда отбиваются от миноносок. Малайские острова так и кишат пиратами. Они легко могли соблазниться «Антилопой». Вооружиться на всякий случай было необходимо. Мудрая половица гласит: «*Si vis pacem, para bellum*» *.

Незаметно прошло время среди этих хлопот. Андрэ был так уверен в своих друзьях, что даже не писал им более. Зачем? Подробное наставление им было своевременно послано, они наверняка успели запастись всем необходимым. Андрэ не сомневался, что они явятся в срок.

И вот срок наступил. Еще несколько часов — и яхта выйдет в море. В последний момент яхта приняла на борт и живность: баранов, свиней, кроликов, кур, уток, гусей, индюшек. Их разместили по стойлам и клеткам, и там они громко протестовали против насилия, кто как умел: блеяньем, хрюканьем, клохтаньем, кудахтаньем, покуда морская болезнь не заставила их поневоле замолчать.

Восемь часов утра. Завтра в этот час на яхте взвьется флаг отплытия. Из трубы повалит дым. Все будет готово.

Андрэ встал с рассветом и наскоро проглотил чашку чая, просматривая бортовые бумаги. Он ждал почты. Последней почты перед отплытием. В дверь постучали. Вошел почтальон.

— Что это? Заказные письма? — удивился Андрэ.

— Несколько пакетов со вложением, — отвечал почтальон, доставая из сумки пачку пакетов и внимательно просматривая надписи на них. — Вот, извольте: всего — семь.

— Странно! — прошептал Андрэ, расписываясь в получении. — Очень странно!

Почтальону он щедро дал на чай, и тот ушел сияющий.

Пакеты лежали перед ним, тяжелые, толстые, каждый с пятью печатями. Андрэ смотрел на них с какой-то нерешительностью.

— Ясно, что от них. Неужели в последнюю минуту все струсили? Вот будет комедия. Ну, посмотрим.

---

* Хочешь мира — готовься к войне (лат.).

Он распечатал первый попавшийся под руку пакет. В нем оказались банковские билеты — целая пачка — и коротенькая записка:

«Милый друг!

Человек предполагает, а случай располагает. Два месяца назад я был свободен. Теперь нет.

Через две недели моя свадьба. Комментарии излишни. Только это одно и мешает мне поехать с вами. Надеюсь, причина уважительная.

Впрочем, у Вас и без меня достаточно приятная компания, так что Вы и не ощутите моего отсутствия. Потерял лишь я один.

Сердечно преданный Вам А. Д.»

«Р. S. Из-за меня Вы все-таки вошли в лишние расходы. Считаю своим долгом возместить свою долю издержек. Прилагаю двенадцать тысяч франков. Довольно ли этого?»

Андрэ расхохотался.

— Так! Вот он женится и потому не едет, а Барбантон уезжает, чтобы расстаться с женой. Одно другого стоит. Ну-ка, что еще мне пишут.

«Милый друг!

Я очень люблю охоту на уток — и поплатился за это. Прошлой зимой я чересчур много бродил по болотам и схватил острый ревматизм злейшей формы, так что лежу теперь в постели и едва ли скоро встану. Это обстоятельство исключает для меня всякую возможность ехать с Вами. Если бы меня можно было провезти по железной дороге до Гавра, я бы приехал к Вам, несмотря ни на что. Но я сейчас без рук и без ног и не могу двинуться. Итак, поезжайте без меня, а я Вам желаю счастливого пути. Прилагаю двенадцать тысяч франков, исчисляя этой суммой мою долю в сделанных Вами расходах. Если нужно больше — уведоьте. Я вышлю.

Не забывайте меня и знайте, что я рвусь к Вам всей душой.

Г. Б.»

— Утки придуманы довольно удачно, — рассмеялся Андрэ. — Будем читать дальше. Очень интересная сегодня почта. Фрикэ останется доволен. Он охотник посмеяться.

«Мой милый Андрэ!

Faute d'un moine...* Вы знаете эту пословицу? Так вот, не сердитесь, что нарушаю слово: ей-богу, не виноват. Обанкротились две фирмы, с которыми у меня дела. Я теряю половину моего состояния. Усиленно хлопочу, чтобы спасти и упрочить оставшуюся половину и потому никак не могу

---

* Семеро одного не ждут (фр.).

уехать из Парижа: мое присутствие там необходимо. Вы уяснили себе, надеюсь, полную невозможность для меня поехать с Вами. Передайте мои извинения нашим общим друзьям и верьте моему всегдашнему искреннему расположению.

Ваш Э. Л. *

«Р. S. Довольно ли будет двенадцати тысяч франков для покрытия моей доли издержек?»

— Беденький! Наполовину разорен! — опять засмеялся Андрэ. — Но ведь путешествие дало бы ему прекрасный случай сэкономить. Пойдем дальше. Как! Опять начинается по-ловицей?

«Дорогой друг!

Fais ce que dois, advienne que pourra... * Я знаю, что упускаю единственный случай, но ехать с Вами не могу. Того, что после нашего расставания произошло, я никак не предвидел. Судите сами: депутат от моего округа неожиданно умер, и избирательные комитеты выставили мою кандидатуру. Меня принуждают. Я и сам не рад. Уступаю насилью. Грустно, что не увижу вместе со всеми вами тропические моря и земли, но что делать?.. Я себе уже не принадлежу.

Прилагаю несколько банковских билетов для покрытия моей доли расходов.

Преданный Вам А. Л.»

Андрэ пожал плечами и не удержался, чтобы не сказать: «Дурак!»

Пятое письмо, со вложением сакраментальной суммы в двенадцать тысяч франков, тоже начиналось пословицей:

«Лбом стену не прошибешь. Не правда ли, дорогой Андрэ? Не судите меня чересчур сурово, если я не явлюсь к месту сбора. Причина ужасная и в то же время секретная. Я никак не могу!.. Не спрашивайте больше ни о чем.

Ж. Т.»

— И не подумаю спрашивать. Очень нужно! Замечу только, что мой друг Ж. Т. даже «утки» не в силах был выдумать... Ничего, для коллекции сойдет и это.

Андрэ распечатал шестое письмо.

— Они задушили меня пословицами! — вскричал он. Действительно, автор начал свое письмо так:

«Правда не всегда выглядит правдоподобно. Дорогой Андрэ, когда я уговаривался с Вами насчет путешествия,

---

* Цель оправдывает средства (фр.).

я совершенно забыл, что мне в будущем марте нужно явиться на двухнедельный сбор запасных. Это глупо, по факт. И отсрочки нельзя попросить: мне уже давали ее в прошлом году.

Вы не можете себе представить, как мне досадно и обидно упустить такой исключительный случай для необычайного путешествия, но что же делать? Приходится выбирать между дезертирством у Вас и дезертирством на военной службе. Военное начальство у нас не шутит, поэтому выбираю первое. Поверьте мне — я искренне огорчен.

Преданный Вам Ж. Б.»

— Час от часу не легче... Посмотрим, какую пословицу подобрал седьмой и последний.

«Дорогой Андрэ!

Есть русская пословица: «Не хвались, идучи на рать...» Да, я чувствую, что слишком много на себя взял в то утро. За завтраком у Вас в усадьбе, после выпитых бургонских вин, белых и красных, я был очень храбр, даже чересчур храбр, а потом опомнился и много раз бранил себя за излишнюю пылкость. До последней минуты я не решался Вам писать, все надеялся, не вернется ли ко мне мой героический запал. Но он не вернулся. Нет, дорогой Андрэ, я не создан для путешествий. Со стыдом сознаюсь, что бюргерское прозябание мне больше по душе, чем все Ваши приключения. Я люблю основательно поесть, выпить, поспать и при этом как можно меньше поработать. Излишнее волнение дурно сказывается на моем желудке, а чрезмерная усталость вызывает у меня бессонницу. Таков не я один, таково громадное большинство, но только другие не решаются сознаться открыто, а я сознаюсь. Оцените же мою откровенность и, когда отправитесь в свое интересное путешествие, не поминайте меня лихом. Я же предпочитаю путешествовать... при помощи книг.

Вы поедете не один, а с нашими друзьями... если и их в последнюю минуту тоже не покинет храбрость, как покинула меня. В этом, по-моему, не будет ничего неожиданного; меня удивит скорее обратное.

Позвольте мне вознаградить Вас двенадцатью тысячами франков за понесенные расходы и засвидетельствовать Вам мою искреннюю симпатию. Я тоже путешественник, но только комнатный. Я Вами восхищаюсь, но не намерен Вам следовать.

Ф. А.»

— По-моему, так гораздо лучше. Этот, по крайней мере, хоть не врет.

Вошел Фрикэ.

— Вот возьми и прочти,— сказал Андрэ, указывая на пачку писем.

- Это что? От наших будущих спутников?
- У нас нет никаких спутников. Нас только трое.
- Не может быть! Неужели все сдрейфили?
- Вот именно так, как ты говоришь.
- Когда же мы едем?
- Завтра непременно. Мы ничем не связаны и всем обеспечены, мы можем смело идти вперед без всякого позерства и бахвальства, твердо и непоколебимо.
- Я даже рад, что с нами нет лишнего народа, и да здравствуют приключения! Вперед — без страха и сомнений! Мы люди закаленные, а на нашем корабле осталась веревка повешенного. Это залог удачи. Я уверен в успехе!

Глава VI

Как познакомились между собой трое наших путешественников.— Героизм парижского гамена.— Жертвы собственного благородства. В плену у людоедов.— Канонизация жандарма.— Воин, бывший у дикарей божеством, может быть очень несчастным в супружестве.— Приключения парижского гамена в Австралии.— Возвращение в Париж.— Фрикэ бросает все и едет с Андрэ.— Слишком много комфорта.— Последнее слово о дезертирах.— Современное вооружение охотника.

На другой день, пользуясь утренним отливом, «Голубая Антилопа» вышла в море.

Она шла неведомо куда и увозила трех путешественников. Пора, однако, прояснить читателю, каким образом познакомились они между собою, а то читатель уже наверняка удивляется: с чего могла появиться между ними близкая дружба. Действительно: миллионер Андрэ Бреванн, парижский гамен Виктор Гюйон и отставной жандармский унтер Филибер Барбантон... Союз довольно странный.

В одном из своих романов* я уже описывал, как Фрикэ пустился в кругосветное путешествие, не имея на то никаких средств, кроме железного здоровья, молодости, силы и смелости. Вот во время этого путешествия и сблизились между собой эти трое.

Андрэ в то время управлял в Аданлипанланго, в Экваториальной Африке, большой факторией своего дяди, богатого гаврского арматора**. Однажды он возвращался из поездки во Францию и ехал в казенной паровой шлюпке

---

* Имеется в виду роман «Путешествие парижанина вокруг света».

** Судовладельца.

по реке Огуз, на берегу которой находилась фактория. Шлюпка была послана на поиски военно-морского врача, которого выкрали прибрежные дикари, людоеды из племени осиебов. Они напали на шлюпку и овладели бы ею непременно, если бы не одно неожиданное обстоятельство.

Экипаж шлюпки уже готов был ринуться на пироги дикарей и прорвать их линию, как вдруг винт его запутался в лианах и перестал действовать. Французам грозила гибель. Вдруг молоденький кочегар выскакивает из лодки и ныряет несколько раз в воду, стараясь высвободить винт, — и это ему удается. С лодки тем временем поддерживают адский ружейный огонь, чтобы удержать дикарей на почтительном расстоянии.

Наконец шлюпка может плыть дальше. Кочегару кидают канат, чтобы помочь взобраться на борт. Но в эту минуту осколок пирога, разбитой картечью, попадает ему в голову и тяжело ранит. Кочегар идет ко дну.

Тогда Андрэ прыгает в воду и бросается юноше на помощь... К несчастью, шлюпка в это время делала поворот. Ее подхватило быстрым течением и отнесло далеко от обоих тонущих.

Они плывут к берегу. Доплывают и попадают в плен к людоедам.

Кочегар был не кто иной, как Фрикэ, совершавший свое кругосветное путешествие. Таким-то образом он и познакомился с Андрэ — в африканской реке, между пастями крокодилов и челюстями людоедов. Немудрено, что знакомство сразу же переросло в очень близкое.

Нужно ли вновь описывать, как они жили в плену у людоедов, как их там откармливали, чтобы потом съесть; рассказывать об их побеге и о том, что им довелось испытать в африканской пустыне? Нужно ли повторять о том, что Фрикэ, расставшись с Андрэ, угодил в лапы пиратов, которые увезли его в Аргентину, что он опять бежал и на этот раз попал в плен к краснокожим, вновь спасся, самым оригинальным способом пересек Кордильеры и, наконец, воссоединился с друзьями в Вальпараисо.

Вместе пустились они в плавание через океан и на австралийском берегу снова угодили к людоедам. Их уже собирались насадить на вертел, изжарить и съесть под гарниром из овощей, как вдруг раздался властный окрик:

— Стой!.. Именем закона!..

Появилась высокая фигура в полной жандармской форме; а так как все это происходило вечером, то неясный свет костра придавал ей колоссальные размеры.

Они решили, что он объявляет табу свою шляпу

То был Онезим-Филибер Барбантон, служивший в Новой Каледонии жандармом, вышедший в отставку и на пути во Францию потерпевший кораблекрушение.

Итак, Барбантон выхватил саблю и объявил остолбеневшим дикарям о том, что в случае неповиновения разгонит «незаконное сборище» силой. Запнувшись обо что-то впопыхах, он упал, тотчас же вскочил и поднял свалившуюся с головы треуголку. Надевая ее опять, он сделал воинственный жест и повторил:

— Ну же, расходитесь, а не то плохо вам будет!

Дикарям, не понимавшим по-французски, слышалось,

будто высокий человек произнес слово «табу». Решив, что он наложил «табу» на свою шляпу, они разом пали все ниц, подобострастно восклицая: «Табу! Табу!»

Статус священности и неприкосновенности переходил со шляпы на ее владельца, и в глазах дикарей он таким образом превращался в божество. Так, благодаря Барбантону, чудом спаслись Андрэ и Фрикэ. Разумеется, они подружились.

Вернувшись на родину, отставной жандарм снял военную форму и открыл в Париже табачную лавочку, получив на нее права от казначейства в качестве награды за долгую службу в придачу к пенсии.

Увы! Барбантон, достаточно поломавший косточки на трудной службе в колонии, не обрел и на родине желанного покоя.

Мы уже видели, как его жена, урожденная Элодия Лера, превратила его домашний очаг в преисподнюю. Постоянная, утонченная и злобная тирания измучила brave жандармского унтера до такой степени, что он с сожалением вспоминал время, когда находился в обществе людоедов-канаков.

Тем временем Андрэ и Фрикэ вновь отправились в путешествие, на этот раз по Океании*. Цель — учреждение большого торгово-земледельческого предприятия на Суматре, обещавшего огромные барыши. Но обстоятельства сложились чересчур неблагоприятно. Им пришлось уехать с Суматры, после чего они пережили целый ряд удивительных приключений, в результате которых парижскому гамену Фрикэ довелось даже двадцать четыре часа побыть в роли султана Борнео.

Вернулись они домой ни с чем, обогатившись лишь надеждами на лучшее будущее и приобретенным опытом.

Тут подоспело громадное состояние, доставшееся Андрэ Бреванну после смерти дяди-миллионера. Первым делом наследника было устроить Фрикэ, оградив его от материальной нужды. Но Фрикэ не пошел ни на какие уговоры, как ни старался щадить его самолюбие Андрэ Бреванн. Он не желал «примазываться к чужому богатству», решив зарабатывать на жизнь сам.

— В таком случае возьми у меня хоть взаймы для начала. Потом отдашь, когда станешь на ноги. Процентом я не спрошу, — предложил Андрэ.

На это Фрикэ согласился. Принявшись за пополнение своего скудного образования, он в то же время занялся

---

* Имеется в виду роман «Под Южным Крестом».

слесарно-механической работой, в которой был очень искусен. У Фрикэ был положительно талант изобретателя. Терпеливый, как бенедиктинец, упорный в работе, трезвенник, почти аскет в быту, он обладал необыкновенной подвижностью и ловкостью в руках. За какой-то год он изобрел или усовершенствовал целый ряд инструментов, наиболее используемых в промышленности, между прочим, аппарат для штамповки металлических пуговиц и многое другое в этом роде. К нему в карман потекли деньжонки, да так, что он и сам удивился. Правда, ему одному ни за что бы не суметь воспользоваться своими патентами, но за этим делом внимательно следил Андрэ и делал частые публикации в газетах.

Теперь Фрикэ изобретал аппарат для промывки золота. За него он мог получить целое состояние, но бросил все, и даже свой любимый Париж, по первому зову «мсье Андрэ», как он звал своего земного бога. Бросил, без колебаний, даже не поинтересовавшись куда ехать, по какому делу и надолго ли. Только распорядился обеспечить свою экономку.

— Чем же мне сейчас плохо? — рассуждал молодой парижанин. — Путешествуем мы по-царски. Яхта отделана, как дворец, спальня моя — точно будуар светской женщины; столуемся не хуже, чем в *Cafe-Anglais*. Едем, куда хотим, и делаем только то, что по душе, а можем вовсе ничего не делать. Я нахожу, что у нас тут уж слишком много комфорта, и это меня даже пугает.

— Напротив, — возразил Барбантон, — я полагаю, что нет такого комфорта, которого мы трое не были бы достойны: вы, как бывший султан острова Борнео; я, как состоявший одно время в ранге божества у людоедов, и, наконец, *monsieur* Андрэ, как человек, достойный быть где и кем угодно, хотя бы даже и императором. Зато вот эти господа, обманувшие нашего патрона... не знаю, как их и назвать...

— Жалкие люди, одно слово, — отозвался Фрикэ.

Фрикэ был прав. Действительно, кем нужно быть, чтобы с легким сердцем отказаться от такого увлекательного путешествия, упустить такой необыкновенный случай? Мы говорим: «с легким сердцем», потому что надуманность всех предлогов, как понало приправленных пословицами, была очевидна. Каждый думал, что изменяет он один, а прочие едут, и потому поровил сделать так, чтобы письмо от него пришло перед самым отъездом. Кто же мог предвидеть, что все, как на подбор, окажутся трусами?

Но довольно. Бог с ними. Мы и упомянули-то о них сейчас только потому, что избыток комфорта на яхте по-

лучился благодаря им же. Для них была завезена эта роскошная обстановка и запасена изысканная провизия в излишнем количестве. Все это теперь оказалось ненужным для троих закаленных путешественников.

Андрэ рассчитывал на десять пассажиров, из которых семеро изнежены, избалованы столичными удобствами. Руководствуясь этим, он и действовал. Не его вина, что предполагаемые потребители увильнули от путешествия.

Несмотря на то, что, по уговору, каждый должен был запастись оружием сам, на яхте было очень много оружия, и притом новейших образцов. Андрэ знал по опыту, что подобный запас необходим не только для охоты, но и для безопасности путешественников. Поэтому он, еще до отъезда в Гавр, отправился к оружейнику Гинару, и после долгого с ним совещания было решено, что каждый охотник получит, во-первых, по винтовке Гринера калибра 8 с тройным замком и двойным стволом, длиной в пятьдесят сантиметров; во-вторых, по обыкновенной двустволке того же калибра, с гладкими стволами, длиной в семьдесят семь сантиметров, для стрельбы в птиц на лету; в-третьих, по винтовке «Экспресс» калибра 11 1/4, с которой охотник не должен расставаться ни при каких обстоятельствах.

Все ружья были не дальнобойные, а для стрельбы на близкое расстояние. Оно и понятно: с дальнего расстояния охотник никогда не стреляет по дичи, какая бы она ни была. Винтовка «Экспресс» предназначалась для защиты от крупных хищников, несмотря на ее малый калибр, потому что пуля, пущенная из нее, приобретает громадную начальную скорость и пробивает даже шкуры таких зверей, как тапир*, медведь, тигр.

Наконец, охотникам полагалось иметь по ружью калибра 16 для охоты на мелких животных и птиц и американскому револьверу калибра 11 1/4 для самозащиты.

Все это оружие было сделано на заказ у Гинара и сдано им в срок с обычной аккуратностью. Патронные ящики, футляры для ружей, все до мельчайших деталей было также изготовлено этой замечательной фирмой. Заказ был отослан на яхту вместе со специальным вооружением для матросов, состоявшим из скорострельных винтовок Винчестера.

Фрикэ и Барбантон, собственно говоря, не были настоящими охотниками. Конечно, в случае встречи с дикими зверями они оба сумели бы постоять за себя, но охотничьей искры не было ни в одном из них. Поэтому было заранее

---

* Животное из отряда непарнокопытных, с небольшим хоботом.

условлено, что держаться всегда они будут около Андрэ в качестве его помощников, а не самостоятельных охотников.

Мы уже были свидетелями начала их подвигов на западном берегу Африки, в лесах Сьерра-Леоне. Андрэ оставил яхту в виду Фри-Тауна, а сам с друзьями отправился в страну горилл, где и произошла у них неожиданная встреча с госпожой Барбантон, так удачно спасенной ее мужем от смертоносных объятий богатыря из обезьяньей породы.

Глава VII

Кошмар наяву. — «Какая это прелесть — благовоспитанный человек!» — «Сельская местность». — «Что вы делали тут на дереве?» — «Я вас искала». — В путь. — Два гимна: «God save the Queen» * и «Барбантон-Табу». — Путешественница. — Перед Фри-Тауном. — Лотерейный билет. — Счастливый номер. — 300 тысяч франков. — Выигрыш не выдают! — По следам трех товарищей. — За подписью. — Желтая лихорадка. — Все на яхте. — Катастрофа.

Бывают потрясения, которые не под силу даже самым крепким нервам. Именно такое потрясение испытал наш отставной жандарм, когда, подстрелив гориллу, узнал в спасенной им женщине госпожу Барбантон, урожденную Лера.

В сознании у него все перепуталось; мысли закружились вихрем, понеслись в какой-то дикой пляске, и для их выражения не находилось подходящих слов.

Потом явилась первая реакция; Барбантон разразился нервным хохотом.

— Ха-ха-ха!.. Вот забавно-то! Мне приснилась моя любезнейшая супруга!.. Ведь это, разумеется, все сон, mon-sieur Андрэ?.. Не так ли, Фрикэ?.. Что вы оба на меня так странно смотрите?.. Или со мной случился солнечный удар?.. Кошмар какой-то... Послушайте, ущипните меня, кольните чем-то острым. Фрикэ, ударьте меня, наконец, хорошенько кулаком. Разбудите меня, я не желаю спать... Не хотите? Ну тогда я сам.

Барбантон достал свою зажигалку для сигар и трубки, состоящую из огнива и фитиля, высек огонь, зажег фитиль и приложил к руке. Боль. Он вскрикнул.

— Значит, я не сплю. Миллион чертей! Это действительно она. Какое несчастье!

Андрэ не слушал Барбантона, он ухаживал в это время за несчастной женщиной, которая только чудом осталась в живых. С ней случился нервный шок; она едва дышала и

---

* Боже, спаси Короля (англ.).

Он узнал в спасенной им женщине госпожу Барбантон

делала нечеловеческие усилия, чтобы выговорить хоть несколько слов.

Наконец Андрэ удалось привести ее в чувство. Едва внятно поблагодарив, она хотела встать, но Андрэ удержал ее.

— Ради Бога, молчите и лежите. Вам необходим абсолютный покой. Сейчас мы вам соорудим носилки, и наши негры вас понесут.

— Нет, зачем же, я вовсе не желаю причинять вам так много хлопот.— Голос ее успел окрепнуть.— Я, ни с кем не посоветовавшись, пустилась в путь, вот и расплачиваюсь те-

перь... Ничего, я пойду сама. Я одна виновата и не имею права причинять хлопоты другим.

— Если я вам это позволю, то преступлю все законы человеколюбия. Повторяю, мои негры донесут вас до Фри-Тауна.

— Ну, хорошо, я согласна, только с одним условием. — Вот так-так! — прогудел жандарм на ухо парижанину. — Она же еще и условия ставит!

— Тс!.. Молчи, не бойся. Наш патрон очень учтивый человек, но вертеть собой никому не даст.

— Сударыня, я сделаю для вас все, что только могу, — отвечал Андрэ. — Говорите же, чего вы желаете.

— Я попрошу вас сходить со мной во французское консульство.

— К вашим услугам.

— Ах, какая это прелесть — благовоспитанный человек! — мысленно воскликнул Фрикэ.

— И пусть бы с вами пошел monsieur Виктор Гюйон, а также и... мой муж.

— Я не могу им этого приказать как начальник экспедиции, но могу попросить об этом как друг... Что вы скажете, Фрикэ? И вы, Барбантон?

— Я охотно провожу вас, сударыня, — отвечал парижанин, — хотя бы для того, чтобы обезопасить вас от какого-нибудь нового приключения.

Жандарм тем временем разинул рот, но не смог произнести ни слова.

— Гм!.. Кхе!.. Кхе!.. — только и вылетало из его уст, что было не совсем благозвучно и вразумительно.

— Благодарю вас, monsieur Гюйон, — продолжала дама. — В прошлый раз, перед вашим отъездом, я была с вами довольно груба...

— Пожалуйста, не будем об этом говорить...

— Напротив, сударыня, об этом-то мы и будем говорить — и ни о чем больше! — загремел вдруг командирский голос жандарма. — Черт бы вас побрал! Это очень мило — оскорбить до последней степени и потом к нам же сюда и нагрянуть, в эту сельскую местность, смущать наш покой!..

— Сельская местность!.. Ах, как это удачно сказано! — не удержался и заметил вполголоса Фрикэ.

— Наконец, позвольте вас спросить: что вы тут делали на дереве, вместо того чтобы сидеть у себя дома?

— Я вас искала, — кротко ответила героиня драки в табачной лавке на улице Лафайет.

Ответ и тон, которым он были произнесен, выбили старого солдата из седла.

— Что касается лавки, то вы не беспокойтесь: я оставила ее на попечение вполне благонадежного человека.

— Очень мне нужна ваша лавка! — возразил старый солдат с неподражаемым презрением. — Я туда не вернусь, можете делать с ней что хотите. Но зачем же вы меня отыскивали? За каким чертом я вам понадобился настолько, что вы даже не побоялись совершить варварское нашествие на здешние земли?

— Мне нужна ваша подпись... у консула и при двух свидетелях.

— Для чего подпись?

— Довольно, Барбантон, — ласково, но твердо вмешался Андрэ. — Теперь не время обсуждать все это Madame Барбантон нужен покой. Не тревожьте ее, не волнуйте.

— Ладно, monsieur Андрэ. Повинуюсь. Куда вы пойдете, туда и я.

— Спасибо, дорогой друг.

Тем временем негры соорудили из палок и кольев, с помощью лиан, носилки и мягко устлали дно ветками и листьями. Несмотря на проявленную энергию, путешественница так ослабла, что едва могла усесться без посторонней помощи.

Андрэ распорядился устроить над ней нечто вроде балдахина из листьев, чтобы укрыть от солнца во время перерывов по лесным полянам.

Отряд выступил в путь.

Фрикэ и Барбантон с одним из негров остались сдирать шкуру с гориллы, потому что Андрэ пожелал сохранить ее как трофей. Операцию эту они совершили очень быстро и уже к вечеру догнали отряд, когда тот только что сделал привал для ночлега.

— И никакого-то у нее ко мне человеческого чувства нет, — жаловался дорогой Барбантон. — Ехала в такую даль — из-за чего? Из-за моей подписи!.. Ей моя подпись нужна... Ладно. Мы еще увидим.

— Ничего мы, дружище, не увидим. Вы храбрец, вы молодчина, вы даже что-то вроде монарха у дикарей, которые вас называют «Барбантон-Табу» и чтут, как идола. Но тут вы уступите, я это знаю наперед.

— Увидим! Увидим! Даю честное слово. Слово Барбантона!

— Я знаю, что слово Барбантона крепко. Но и женщина, сыгравшая такую штуку, тоже человек не слабый. Вы должны это признать.

Фрикэ был совершенно прав на этот раз. После подобной передраги другая чувствовала бы себя совершенно разбитой,

но не madame Барбантон. Несмотря на пятичасовую тряску в неудобных носилках, она преспокойно сидела под деревом и, как ни в чем не бывало, с аппетитом уписывала холодное мясо с бананом вместо хлеба.

Организм для всего этого нужно было иметь очень сильный и энергию недюжинную.

Госпоже Барбантон было тридцать пять лет, но она казалась моложе, потому что, благодаря своей полноте, не имела морщин. Физиономия ее на первый взгляд казалась невзрачной, но и не производила отталкивающего впечатления, так как имела довольно спокойное выражение. При внимательном же разглядывании она сильно проигрывала.

Кожа у нее была не свежая, сероватого оттенка, впрочем тонкая, негрубая. Маленькие глазки, неопределенного, какого-то изжелта-каштанового цвета, имели странное и не особенно приятное выражение. Сжатый у висков лоб в профиль был недурен, но en face непомерно узок. Нос напоминал и утиный клюв, и морду какой-то змеи. Прибавьте к этому крепкие, хищные челюсти с острыми редкими зубами, тонкие бесцветные губы и заостренный подбородок. В общем, черты были неправильные, но и не безобразные. Что-то кошачье проскальзывало в самой форме головы. Словом, при пристальном изучении впечатление создавалось скорее отталкивающее.

Прибавьте к этому высокий рост, широкие плечи, пухлую грудь, большие, но хорошей формы руки, довольно полные, с заостренными пальцами и ямочками на суставах. Барбантон по опыту знал, что эти руки обладают значительной силой, хотя бы и для бокса...

Такова была эта женщина — сдержанная, не болтливая, не увлекающаяся. Энергии в ней было, через край, владела она собою прекрасно. Говорить не любила и, по-видимому, не особенно умела, но все время о чем-то, казалось, упорно думала.

Для нее устроили из ветвей шалаш, и она отправилась на ночлег, сделавши всем общий легкий поклон. Мужчины поправили костры, подвесили свои гамаки и тоже легли спать, под охраной часовых.

Весь следующий день, как и часть последующего за ним прошли среди усиленных трудов: ведь приходилось идти девственным лесом, а это не шутка. Но госпожа Барбантон ни на что не жаловалась и не теряла своей удивительной энергии.

Наконец прибыли в Фри-Таун, главный город английских владений на западном берегу Африки. Город довольно важ-

ный по своему положению и многолюдный, но нездоровый до последней степени. При самом входе в предместье Кисси-Стрит, где живут почти одни туземцы, путешественница попросила Андрэ остановиться. Она подозвала того англичанина, который провожал ее по девственному лесу и потом как-то странно стушевался после смерти гориллы, заплатила ему деньги и отпустила вместе с неграми.

Покопчив с этим, она обратилась к Андрэ:

— Я рассчиталась с моим проводником. Это торговец слоновой костью. Мне его рекомендовал наш консул, чтобы разыскивать вас. Теперь не угодно ли узнать о цели моего приезда?

— Сударыня, я к вашим услугам,— раскланялся Андрэ.

Все уселись под большим манговым деревом и пригостились слушать. Дерево росло на холме, с которого виден был весь город.

— Странные случаи бывают в жизни,— начала дама.— Представьте себе: не прошло и месяца после... по... после отъезда моего мужа...

— Так и говорите: после побега,— перебил своим басом старый солдат.— Я, действительно, от вас сбежал.

— Побег так побег. Я из-за слов не спору.

— Зато спорите из-за другого.

— Позвольте вы мне говорить или нет?

— Позволения просит!.. Первый раз в жизни!.. Ну, хорошо, позволяю.

— Так вот, вскоре после того я увидала, что мой билет на большую лотерею в пользу «Общества поощрения искусств и ремесел» выиграл триста тысяч франков.

— Так что же вы? Получили бы выигрыш, поместили бы денежки процентов под пять и зажили бы припеваючи... О чем еще тут рассуждать?

— Я так и хотела сделать,— продолжала рассказчица в легком замешательстве.— И тогда же предъявила билет лотерейному комитету.

— И получили выигрыш?

— Нет, не получила.

— Значит, билет не годился?.. Мне вас жаль.

— Билет годился и годится, номер выиграл действительно, но комитет потребовал, чтобы мой муж явился сам или прислал оформленную доверенность.

Старый солдат залился громким смехом. Фрикэ прикусил себе губы. Андрэ призвал на помощь всю свою джентльменскую выдержку — и даже не улыбнулся.

Рассказчица продолжала как ни в чем не бывало:

— Я доказывала, что мой муж в безвестной отлучке, представила почтенных свидетелей, бумагу от мэра... Напрасно. Закон — ничего нельзя поделать. Комитет передал деньги на хранение в банк депозитивов*. Не зная, где мой муж и скоро ли он вернется, я решила немедленно приступить к розыскам. Обратилась в одно справочное агентство. С меня спросили пятьсот франков за то, чтобы в десять дней собрать о вас все сведения. Я предложила вдвое больше и через шесть дней знала о вас все вплоть до вашего отплытия из Гавра. Это было много, но еще недостаточно. Куда направился ваш корабль? Агентство осталось довольно моей щедростью и потому старалось изо всех сил. Оно разослало телеграммы во все порты Англии и Франции, куда только заходят почтовые пароходы, и вскоре из Сенегала было получено уведомление, что ваша яхта пришла в Дакар. Так как вы намеревались охотиться, то было ясно, что от берегов далеко удаляться вы не будете и что яхта по пути будет заходить в разные порты. Все это мне объяснили агенты и сказали, что если, не теряя времени, на первом отходящем английском пароходе выехать сейчас же по вашим следам, то вас можно будет скоро догнать. Я немедля приняла решение. Поручив торговлю приказчику, забрав все деньги, какими я могла располагать, я немедленно пустилась в путь, хотя агенты советовали мне послать кого-нибудь вместо себя. Но я нахожу, что в таких делах несравненно полезнее действовать самой. Таким образом я прибыла на почтовом пароходе в Сьерра-Леоне, где и догнала вашу яхту «Голубая Антилопа». Я на нее тотчас же прибыла... Вас не оказалось! Капитан предлагал мне подождать вашего возвращения. Я предпочла пуститься за вами вдогонку. Капитан любезно дал мне в провозатые того матроса, который погиб, защищая меня. С яхты я вернулась к французскому консульскому агенту, который долго убеждал меня не ездить за вами, но, когда увидел, что я твердо стою на своем, рекомендовал мне в проводники торговца слоновой костью... того самого англичанина, которого я только что отпустила. Он взялся навести меня на ваш след и сделал это. Остальное вы знаете.

— И вы не побоялись? — удивился Андрэ.

— Нет. Только, когда меня схватила обезьяна, я очень беспокоилась, как бы не потерялся мой билет. Но он у меня спрятан отлично. Вот!

Она вынула из-за корсажа большой золотой медальон

---

* Банк для хранения денежных сумм или ценных бумаг.

на желтой шейной цепочке, достала из него билет и подала мужу.

Барбантон развернул и машинально прочитал:

— 2421! Как раз мой метрический номер! Неужели это судьба?.. Сударыня, берите ваш билет обратно. Поздравляю вас... Однако вы молодец женщина: приплыть из Франции в Африку только для того, чтобы получить от меня доверенность! Ну-ну!..

— И вы, конечно, мне ее дадите? Ведь это так просто. Андрэ и monsieur Фрикэ подпишутся свидетелями, и на первом же пароходе я уеду обратно.

— Это я еще посмотрю, сударыня. Надобно подумать.

Сказано это было таким язвительным тоном, какого за Барбантоном еще не знали его товарищи.

— Так как мы состоим в браке и у нас с вами общее имущество, то вы, разумеется, получите половину выигрыша, конечно, за вычетом сделанных мной на поездку сюда расходов.

Старый служака быстро выпрямился, словно к нему подползла какая-нибудь гадина. Он сперва побагровел, потом весь побледнел.

— Мне предлагают деньги!.. — прорычал он сдавленным голосом. — Да за кого же вы меня принимаете? Вы меня мучили, высмеивали, били, царапали, но вы меня прежде не оскорбляли.

— Не понимаю вас. Ведь у нас общее имущество. Тогда как же...

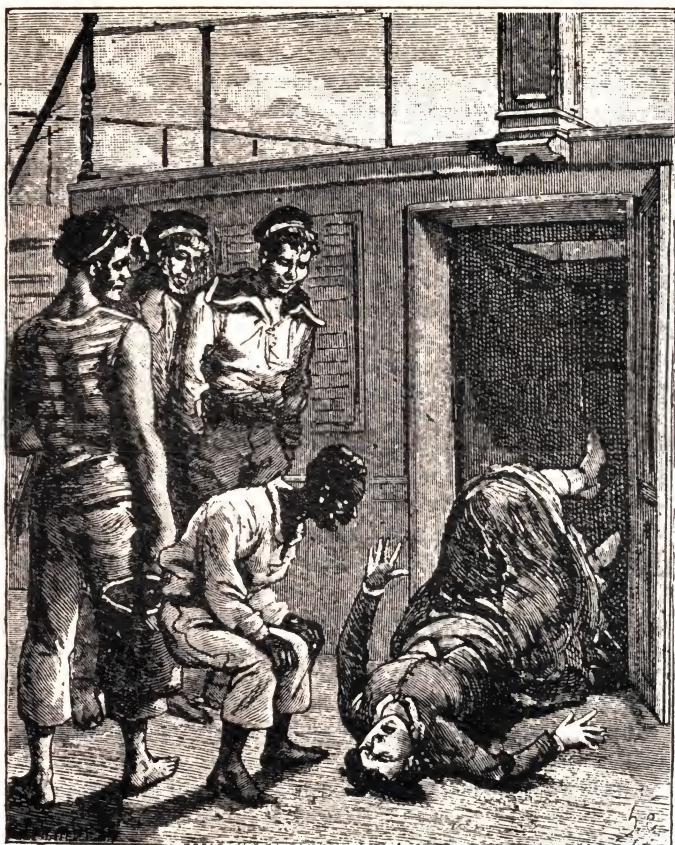
— Очень мне нужно это имущество. Совести в вас нет, вот что скверно... Довольно. Я сперва хотел только подразнить вас немного в отместку за все ваши пакости, а потом и уступил бы, пожалуй. Но теперь — нет. Слуга покорный! Раз вы думаете, что меня можно купить за деньги, так не будет вам ничего. Я не дам доверенности. Слышите? Не дам, не дам и не дам.

Вмешался Андрэ, вступился Фрикэ. Старый унтер был неумолим.

Видя, что спор ни к чему не ведет, Андрэ велел продолжать путь. Барбантон мог еще и передумать: он ведь был отходчив.

Когда отряд миновал предместье, путешественники вдруг увидали над городской больницей и над казармами по громадному желтому флагу. В то же время к ним подошел негр-полисмен и объявил, что в городе желтая лихорадка.

Эта болезнь смертельна для европейцев. И часу не следовало оставаться в зараженном городе. Андрэ велел всем

— *Мой медальон!.. Его украли...*

возвращаться на яхту и пригласил госпожу Барбантон. Та сначала не решалась.

— Сударыня, ведь с желтой лихорадкой шутить нельзя. Если вы останетесь в городе, это будет равносильно самоубийству. Я не отпущу вас, хотя бы пришлось употребить силу. Наконец, — прибавил он вполголоса, — только так и возможно победить упорство вашего мужа.

— Хорошо, monsieur Андрэ. Я принимаю ваше приглашение.

— Ну и патрон! — подумал Фрикэ. — Обделал дельце!.. Барбантоны будут на яхте вместе как муж и жена! Бедняга

жандарм! Проплыл по морю тысячу двести миль, а от своего домашнего бича так и не избавился. Могу сказать лишь одно: ничего хорошего из всего этого не выйдет. А суеверный человек сказал бы даже: быть беде!

Фрикэ и сам не предполагал, что его прогноз так быстро сбудется.

На следующее утро растерянный слуга доложил Андрэ Бреванну, что Барбантона на яхте нет. Исчезли также два негра из сухопутного конвоя.

Вдруг из своей спальни появилась madame Барбантон, бледная, едва держась на ногах. Она пронзительно кричала: — Мой медальон!.. Его украли!.. Вместе с билетом!

С ней сделался обморок.

Вслед за тем послышался ужасный крик. Кто-то тяжело упал на пол возле машинного отделения.

Андрэ запнулся на лестнице, скатился вниз и сломал себе ногу.

Глава VIII

Англичанин-хирург.— Фрикэ проводит дознание.— Рассказ носильщика.— Сунгойя.— Переворот в государстве куранкосов.— Прокламация претендента.— На Гвинейском берегу опасно говорить о политике.— Ладанка белой женщины.— Капитан Барбантон.— Погоня.— Трудное плавание.— Первые известия о беглецах.— Вторая ночь на реке.— Таинственные звуки.— Шапка на мели.— В осаде крокодилов.

Эта череда печальных происшествий очень всех расстроила. Даже Фрикэ потерял было на минуту голову, когда Андрэ, поднятый двумя матросами, сказал ему тихо:

— Я сломал себе ногу!

У парижанина выступили на глазах слезы, хотя он не был особенно впечатлителен. Несчастье с другом так его потрясло, что самому же Андрэ и пришлось его утешать.

Больного отнесли в его каюту и уложили в постель.

Он был спокоен и делал все распоряжения сам.

— Первым делом, — говорил он Фрикэ, — вели спустить лодку, поезжай в город и во что бы то ни стало привези врача. А потом ты поедешь искать Барбантона. Не понимаю, куда он исчез. Далеко уйти он не мог, и если ты не будешь медлить, то скоро его найдешь. Дело о краже медальона у нашей дамы я займусь сам и произведу дознание, пока ты будешь отсутствовать.

— Слушаю, monsieur Андрэ, — ответил юноша. — Все будет сделано.

К нему вернулась вся его молодая энергия.

По свистку боцмана матросы спустили лодку и в один миг приготовили ее к плаванию.

Фрикэ прыгнул в нее, как белка, сел за руль и обратился к гребцам:

— Живее у меня!.. Хозяин в беде. Вернемся — угощу на славу.

Проездивши два часа, он возвратился с флотским врачом, англичанином. После тщательного осмотра тот констатировал перелом левого бедра и прописал больному полную неподвижность, но при этом заверил, что через шесть недель наступит совершенное выздоровление.

Андрэ, скрепя сердце, покорился необходимости. Доктор уехал, наотрез отказавшись от платы за визит, но, согласившись навещать пациента в свободное от службы время.

Успокоившись за друга, Фрикэ занялся Барбантоном.

Куда он сбежал и по какой причине? Что же это с ним стряслось? Или он вовсе обезумел, когда увидел перед собой свою домашнюю тиранку? Нет, Барбантон не таков. Он уехал сознательно, потому что взял с собой и чемодан и, разумеется, не позабыл и свой знаменитый чехол из зеленой саржи.

Стало быть, он не желает видаться с женой, появившейся на яхте по случаю эпидемии во Фри-Тауне? Хотел отомстить ей за прежние неприятности, заставив ее поволноваться если не за него лично, то хотя бы за судьбу лотерейного билета? Это возможно.

Но куда мог он уйти? Фрикэ расспрашивал на верфи всякого встречного-поперечного. Никто не видел Барбантона идущим в город. Да он и не настолько был глуп, чтобы сунуться в самый рассадник заразы; он отлично знал, что такое желтая лихорадка.

Все указывало на то, что он бежал в сговоре с двумя неграми-дезертирами.

Кем же были те?

Проездом через Дакар Андрэ нанял двух лапотов-сене-гальцев, бегло говоривших по-французски и знавших множество местных наречий. Один из них и убежал теперь. Другой дезертир был родом из внутренней Африки; приведенный в Кайор невольником, он оттуда сбежал на французскую территорию и таким образом сделался опять свободным.

Но по какой причине они сбежали с яхты? Уж не они ли украли медальон?

Или эта ценная вещь просто потерялась, завалилась куда-нибудь?

Его наказали палками и продали в рабство

Фрикэ склонен был предположить скорее первое.

Madame Барбантон ничего не могла на это сказать. Она не помнила. Всю ночь она проспала крепчайшим сном, что было не мудрено после таких передрыг.

Медальон несомненно исчез именно тогда.

Фрикэ припомнил, с какой жадностью глядел на медальон один из негров-конвоиров, когда путешественница вынимала его и показывала троим друзьям. Юноша подозвал к себе другого сенегальца, угостил его ромом и основательно расспросил.

Сенегалец сообщил о негре-дезертире довольно важные подробности. Его звали Сунгойя, родом он был из страны куранкосов.

Фрикэ раскрыл карту, легко отыскал, к югу от земли мандингов, землю куранкосов и даже, под 10° 45' западной долготы и 9° 30' южной широты, нашел название Сунгойя — вероятно, то место, откуда был родом сбежавший негр. Здесь находятся истоки реки Рокелль. Тут же, неподалеку, берет свое начало Нигер, который у местных жителей называется Джиолибой.

— Сунгойя был у себя в селении вождем, — рассказывал лаптот. — Эти вожди почти независимы, однако признают над собой, больше номинально, власть главного вождя, избираемого пожизненно. После смерти такого вождя Сунгойя стал добиваться своего избрания на его место и почти преуспел в этом, как вдруг у него явился беззастенчивый соперник. Не обращая внимания на выборы, на всякие там голосования, этот субъект подобрал себе команду головорезов, подарил их страусовыми перьями, запоем ромом и с их помощью захватил власть, подтвердив на деле лишний раз афоризм «сила выше права». Как человек, умеющий властвовать, он объявил, что все, кто станет на его сторону, получают от него гри-гри (амулеты или талисманы), страусовые перья или рому; недовольные будут проданы в рабство, а непокорным снимут голову долой. На свою беду, Сунгойя не умел держать язык за зубами и постоянно критиковал нового монарха. Критика была по большей части правильной и потому навлекла на него особенный гнев. Кончилось тем, что его без всякого суда схватили, наказали палками и продали в рабство.

— Однако, как опасно говорить о политике на берегах Гвинеи, — заметил Фрикэ. — Ну, арапушка, продолжай, продолжай! Это очень интересно.

Лаптот продолжал:

— Сунгойя из рабства освободился и задумал свергнуть своего врага. Но как напасть на человека, владеющего, быть может, лучшим гри-гри во всей стране? И вот Сунгойя принялся всюду разыскивать себе такой талисман, который помог бы ему одолеть противника. Он достал уже целую коллекцию всевозможных фетишей, когда познакомился с Андрэ, нанялся к нему на службу и был свидетелем чудесного избавления madame Барбантон из обезьянних объятий. Очевидно, у белой женщины имелся гри-гри необыкновенной силы.

— Понимаю!.. Догадываюсь!.. — вскричал Фрикэ. — Сунгойя видел, как госпожа вынимала медальон, а из медальона билет, и принял его за ладанку с талисманом, помогшим

одержать победу над гориллой. Натурально, ему захотелось присвоить себе такой талисман... Ведь так? Ну, конечно... Однако будущий монарх каранкосов учудил с нами хорошую шутку... Я все понял теперь. Не знаю только одного, главного: где же Барбантон?

— Капитан уехал с ним в пирог.

Сенегальцы, как только поступили к Андрэ на службу, с первого же дня стали звать Барбантона капитаном. По их мнению, этот чин как нельзя больше шел к его бравой фигуре, мужественной осанке, молодецким усам и орденской ленточке в петличке. Не ниже капитана, во всяком случае.

Барбантон вначале протестовал. Тогда его произвели в полковники. Пришлось уступить. Так его и стали звать капитаном.

— Ты знаешь наверняка, что он уехал?

— Наверняка! Я сам видел. С ним другой товарищ и Сунгойя.

— Раз ты сам видел, значит, так оно и есть.

Дело было выяснено. Фрикэ побежал к Андрэ посоветоваться. Выслушав весь рассказ, Андрэ вполне согласился с версией парижанина относительно Сунгойи. Несомненно, это он украл медальон, воспользовавшись крепким сном измученной путешественницы. Сделал он это с далеко идущей целью: вернуться на родину и произвести там в свою пользу государственный переворот. Лучшей дорогой в землю куранкосов была река Рокелль. Ясно, что беглецы поплыли вверх по ней, добывая себе пропитание рыбной ловлей и охотой.

Вся задача заключалась теперь в том, чтобы настигнуть их и в то же время не спугнуть. В погоню мог пуститься только Фрикэ. Решили, что он возьмет паровую шлюпку, на которой стоило лишь развести пары, да снабдить всех провизией, и можно отправляться. С собою он должен был взять только двух матросов и трех негров, в том числе второго сенегальца, который знал все местные наречия не хуже своего беглого товарища и мог служить переводчиком. Негр и европейцы будут вооружены скорострельными винтовками Винчестера, а Фрикэ, кроме того, возьмет с собой полное охотничье снаряжение. Не будучи занятым охотником, Фрикэ согласился продолжить дело Андрэ, прикованного к постели, и добывать вместо него охотничьи трофеи. Впрочем, охота в этих странах не столько спорт, сколько необходимая самооборона.

Кроме всего прочего, на шлюпку взяли запас лекарства, главным образом хинина, необходимого при заболеваниях малярией; потом были погружены разные походные принад-

лежности, гамаки, каучуковые одеяла — защищающие от почной сырости и дневного жара. Наконец, не была позабываема и складная резиновая лодка системы Макдональда, на случай если бы пришлось идти посуху, так как дороги в тех местах пересекаются многочисленными реками.

Если бы река Рокелль оказалась впоследствии не судоходною, так как дно ее в некоторых местах усеяно камнями, то предполагалось, что Фрикэ отошлет шлюпку обратно и поплывет дальше в туземной пироге, посадив негров за весла. Яхта будет дожидаться его возвращения или на фритаунском рейде, или, если ожидание покажется чересчур уж утомительным, крейсируя около берегов.

Фрикэ отбыл.

Шлюпка вошла в устье реки, которая в этом месте называется Сьерра-Леоне, миновали английский берег и храбро достигла вод собственно Рокелля.

Благодаря приливу и превосходной машине, экспедиция двигалась быстро вперед, наполняя сердце парижанина надеждой на скорый успех. Но когда начался отлив и обнажились камни, среди которых нужно было осторожно лавировать под малыми парами, эта надежда значительно потускнела.

— Если так, то мы не скоро их догоним, — задумчиво бурчал себе под нос юноша. — Эти негры замечательные гребцы, их лодки плавают, как рыбы. И зачем так много утесов!

Встретилось несколько пирога с фруктами и овощами. Негры вели продавать эти продукты в город. Через сенегальца Фрикэ задал им вопрос о беглецах. Выяснилось, что те опережают их на целые сутки.

Наступала ночь. Пора было становиться на якорь. Фрикэ сам выбирал место для стоянки. Взошла великолепная луна, что еще больше расстроило Фрикэ: ведь при лунном свете беглецы могли плыть и дальше.

На другой день шлюпка отчалила с первыми лучами солнца. Утесов было меньше, плыть стало легче. Фрикэ опять расспрашивал встречаемых лодочников, но беглецов никто из них не видал. Это его удивило. Впрочем, река была еще достаточно широка, и они могли проплыть, держась другого берега и оставаясь незамеченными.

Фрикэ к радости узнал, что скоро шлюпка минует ту границу, с которой прекращается влияние прилива и отлива, нагоняющих сырой, насыщенный испарениями туман. Этот туман несет в себе губительный яд болотной лихорадки, приступы которой часто бывают смертельны даже для

очень крепких людей. Чтобы сберечь уголь, Фрикэ подошел к берегу — набрать дров для топлива. Наступила ночь. Шлюпка стала на якорь, и все, кроме вахтенного, заснули под плеск воды о борта.

Светало — по-тропически, без зари, — когда Фрикэ вдруг проснулся от страшного шума.

Тут было и шуршание, и стук, и какое-то щелканье одновременно. Парижанин открыл глаза и ощутил какую-то перемену. Он разом вскочил на ноги и воскликнул:

— Гром и молния! Шлюпка не на воде. Мы сидим на мели.

Весь экипаж проснулся. Вахтенный вскочил первый — он, оказалось, тоже спал.

Шлюпка действительно сидела на мели, на илистом дне. Случилось это вследствие отлива.

В другое время тут не было бы большой беды: наступил бы прилив и поднял шлюпку. Но в данных обстоятельствах это было особенно некстати.

Шум, разбудивший Фрикэ, между тем усилился. Парижанин внимательно пригляделся к илистой почве, на которой застряла шлюпка, и невольно содрогнулся с головы до ног.

По этой жиже, в разных направлениях, двигались какие-то странные живые существа удлинненной формы. Прибрежный тростник по временам раздвигался и шуршал; длинные тела прыгали в ил, копошились в нем, толкаясь и задевая друг друга, и кончили тем, что окружили шлюпку страшным кольцом из грозных пастей.

— Господин! — воскликнул в ужасе сенегалец. — Крокодилы!

Да, это они производили тот страшный шум, что разбудил Фрикэ. Толкая друг друга, они стучали чешуей, щелкали своими голодными челюстями. Слышно было их горячее дыхание; противно пахло мускусом; неподвижные глаза сверкали свирепой алчностью. Их были тут сотни, и появлялись все новые, еще и еще. Словно кто-то из демонов нарочно призвал сюда всю местную армию крокодилов, притом весьма многочисленную — с резервом и ополчением. Передние тыкались мордой в железные стены лодки и пытались взобраться на борт, но пока им это не удавалось. Зато когда подспеют подкрепления из новых крокодилов, они взберутся им на спины, и тогда опасность станет реальной.

Фрикэ не стал дожидаться этого момента. Сразу оценив положение, он приказал экипажу вооружиться, выдал всем по стаканчику рому и произнес ободряющую речь.

— Вы теперь знаете, друзья мои, что вам делать,— сказал он в заключение.— Крокодилы падки до человеческого мяса и не отличают белых от негров. Значит, каждый из нас защищает свою шкуру. Задача в том, чтобы продержаться шесть часов — до прилива — и не допустить крокодилов на борт. В противном случае все мы будем съедены, в чем я ничего забавного не нахожу.

Глава IX

Первый выстрел.— Словечко тем, кто считает крокодила неуязвимым.— Общая пальба.— Современные пули.— Затверделые пули.— Опасность растет.— Неожиданное убежище.— Капитан уходит с корабля последним.— Крепость занята неприятелем.— Шутки голодных аллигаторов.— Тропическое солнце жжет больно.— Прилив.— Осажденные и осаждающие одинаково не знают, что делать.— Попались в ловушку.— Для коллекции.— Опять инцидент.

Но как же это Фрикэ так опростоволосился, выбрав столь неудачное место для якорной стоянки? Ведь можно же было и избежать мели, стоило только хорошенько рассчитать обычную глубину реки и высоту прилива.

Нет, место было выбрано правильно. Все произошло от того, что дно реки было здесь усеяно ямами; в одну из них и попал якорь. По длине ушедшей в воду части якорного каната можно было надеяться, что глубина достаточная и даже после отлива останется довольно воды. Но случилось иначе. Якорь после отлива оказался в воронкообразной яме, а шлюпка — на мели, погруженная килем в ил.

Произошло это еще задолго до того, как Фрикэ проснулся, разбуженный крокодилами. И вот теперь гнусная армия ящериц штурмовала шлюпку.

Фрикэ, двум матросам и трем неграм предстояла очень трудная работа.

Они вооружены были скорострельными винтовками Винчестера, с большим запасом зарядов. Парижанин приготовил также, на всякий случай, винтовку и ружье калибра 8 и открыл стрельбу из винтовки «Экспресс».

Первый выстрел был направлен в громадного крокодила, ползавшего по илу в пяти метрах от шлюпки. Он широко расставил при этом лапы и щурил глаза.

Пуля пробила ему череп. Крокодил привскочил и вытянулся мертвый.

— Удачно! — радостно воскликнул юноша.— А между тем комнатные путешественники рассказывают, будто крокодила не пробьешь никакой пулей, разве в глаз или в глотку...

Армия ящериц штурмовала шлюпку

Эй, друзья! — обратился он к матросам. — Палите в них хорошенько. Давайте уничтожим этих гадин. Ведь это всего только ящерицы — не более того.

Бретонцы прицелились каждый в одного из крокодилов и выстрелили почти одновременно.

Один крокодил получил пулю в затылок и был убит наповал; второй был ранен в туловище и продолжал ползти по илу вперед, хотя кровь из него хлестала.

— Нет, так не годится, — сказал Фрикэ. — Надобно метить в голову, чтобы кончать сразу, а то ведь они живучи.

Негры тоже стали стрелять, но ни разу не попали, не то от испуга, не то просто от неумения.

Из них троих только сенегалец довольно прилично управлялся с ружьем.

Парижанин прикинул, что он может рассчитывать только на себя, на двух матросов да на сенегальца — всего, стало быть, на четырех человек.

Этого было чересчур мало, принимая во внимание численность врагов, их силу и свирепость.

Чтобы действовать на два фронта, защитники шлюпки разделились на две группы: Фрикэ с сенегальцем поместились с левого борта, а бретонцы с правого. Неграм было велено не стрелять.

Первые выстрелы не произвели почти никакого впечатления на крокодилов. Они лишь на некоторое время замедлили атаку, но вскоре возобновили ее опять.

Они продвинулись вперед сомкнутым строем, иногда вскакивая друг на друга. Уже вся илистая отмель покрылась ими. Они буквально кишели там, сверкая чешуей и щелкая зубами.

Европейцы, особенно Фрикэ, творили чудеса. Целились они спокойно, хладнокровно и ни разу не дали промаха. Пули всякий раз пробивали чешую, которая с треском разлеталась в осколки, и маленький кусочек затверделого свинца проникал в тело.

Таковы современные пули. Чтобы они не сплющивались при ударе о твердую поверхность, а пробивали ее, их отливают из смеси свинца, олова и ртути. Пули, отлитые из смеси свинца и типографского шрифта, бывают еще тверже. И когда они выпущены из какой-нибудь мощной винтовки — типа Винчестера, Мартини-Генри или «Экспресс», — то перед ними ничто не устоит, никакая чешуя и толстая кожа.

Таким образом, вокруг шлюпки выросли целые груды мертвых крокодилов. Но это имело и свою дурную сторону, потому что нагромождение трупов давало живым прочный плацдарм для штурма шлюпки.

Безобразные аллигаторы на коротких, широко расставленных лапах все наседали и наседали. Особенно были свирепы раненые. Осажденным грозила ужасная участь, несмотря на всю их храбрость. В конце концов крокодилы неминуемо должны были взобраться на борт и растерзать их всех.

Ах, поскорее бы прилив!.. Но нет, до него еще долго, три часа. А тут и минуты все сочтены.

Вдруг парижанина осенило.

— Тент!.. Ах, где у меня была до сих пор голова!.. Но только выдержит ли он столько народу? Все-таки надо попробовать. Выбора у нас ведь нет.

Он подозвал матросов и негров, указав им на тент из прочнейшей парусины, протянутый над всей палубой шлюпки, и велел им взбираться на него.

Тент был натянут на раму, подпертую тонкими железными сваями.

— Только не трясите и не толкайте, вообще — потише. Этот полотняный пол наше единственное убежище. Располагайтесь поближе к раме и не шевелитесь... Ну, черномазые, проворней! Все наверх!..

Испуганные негры посерели от ужаса — они не бледнеют, а делаются пепельно-серыми — и с ловкостью обезьян вскарабкались по сваям.

— Готово дело? Да? Вот вы теперь в литерной ложе. Жарко вам? Не дать ли по зонтику?

Парижский гамен даже в ту минуту находил возможным балагурить.

— Ну, теперь ваш черед, — обратился он к бретонцам, которые спокойно, невозмутимо и методически продолжали расстреливать крокодилов. — Полезайте теперь вы!

Матросы перекинули винтовки за плечи и проворно исполнили приказание.

— Есть? — спросил Фрикэ.

— Есть! — отвечал старший из них.

Тогда Фрикэ влез на парусину сам. Капитан всегда покидает корабль последним.

Так как стрельба на это время прекратилась, то крокодилы совсем обнаглели и полезли на шлюпку с левого борта и носа. Ворвавшись на нее, они были очень удивлены, не найдя никого. А между тем тут только что так аппетитно пахло свежим мясом!

Со стороны уморительно было глядеть, как они вели себя в непривычной обстановке. Фрикэ, лежа на животе, смотрел и потешался от души, забывши про опасное положение. Крокодилов собралось в шлюпке около десятка; они были точно заперты в ящике, открывали и закрывали пасти, царапали перепончатыми лапами металлическую стену, шлепали хвостами по полу и грызли все что попало. Один сунул морду в бочку с дегтем и весь перепачкался. Другой заинтересовался глыбами каменного угля и стал было их грызть, но сейчас же выплюнул. Третий принялся добросовестно жевать подвернувшийся гамак. Четвертый залез головой в маленькое машинное отделение,

застрял в нем и не смог вылезти, несмотря на отчаянные судорожные прыжки. Он там побился, побился и задохнулся от жары.

Главные же силы чушуйчатой армии продолжали стоять неподвижным кольцом вокруг шлюпки, переполненной новыми отвратительными пассажирами — их собратьями.

Члены экипажа, разгоряченные боем, совсем не имели времени освежиться, и вот появилось солнце и принялось невыносимо печь.

Находиться на лодке было еще терпимо, но на тенте, без всякой защиты, без влаги, при полной неподвижности — было нестерпимо, убийственно.

— Как долго не наступает прилив! — бормотал Фрикэ. Теперь даже и ему было не до шуток. — Да и прилив — это еще не все. Как мы избавимся от этих гадин? Стрелять отсюда нельзя — наши пули изрешетят всю лодку... С другой стороны — как же мы отчалим?... Ой, до чего жарко! Я никогда так не перегревался, даже когда служил в кочегарах. Эй, товарищ, это не надо! Так нельзя! Теперь не время!

Один из бретонцев лишился чувств, другой тоже был близок к обмороку. Из трех белых только Фрикэ стойко переносил невыносимую жару — ни дать ни взять сама Саламандра * явилась сюда. Он принялся энергично растирать лишившегося чувств матроса, поручив другого одному из негров.

— Делай, как я, господин Белоснежка. Три его хорошенько, как можно крепче. За кожу не бойся — она у него толстая... Наконец-то! Давно пора!

Последнее восклицание было вызвано отдаленным роком, пронесшимся по реке.

То был шум начавшегося прилива. К нему вскоре присоединился гул прибоя. На илистую отмель, все еще наполненную крокодилами, набежала первая волна и тихо лизнула борт шлюпки.

Прилив надвигался.

Это было спасение. Но под самый конец требовалась особая осторожность и большое терпение.

Фрикэ снял с себя длинный шерстяной пояс и опустил его одним концом в реку. Ткань впитала в себя воду — правда, теплую, мутную от ила, но все-таки воду. Можно было сделать компресс больным и облегчить их страдания.

---

* В средневековых поверьях — дух, олицетворяющий стихию огня.

Прилив усиливался, вода поднималась; трупы убитых крокодилов всплыли; ряды осаждавших расстроились. Шлюпка начала вздрагивать. Потом закачалась. Потом повернулась на якоре и встала против течения.

Крокодилы на шлюпке, заметив, что она качается, забеспокоились. От их возни она качалась еще сильнее. Вся их наглая свирепость куда-то испарилась. Они легли на животы, расставивши в стороны лапы и сузив глаза. Хвосты их тоже усмирились. Крокодилы растерянно озирались по сторонам, чувствуя западню.

Однако нужно же было сниматься с якоря. Как это сделать? Крокодилы выказали себя плохими матросами, в воде они не были опасны: борт у шлюпки был достаточно высок, и взобраться на него из воды они не могли. Но как избавиться от непрошенных пассажиров? А покуда они тут, сделать ничего нельзя.

Двусмысленная ситуация могла затянуться до бесконечности. Парижанин, крайне огорченный, проговорил:

— Хоть бы поменяться с ними местами, что ли: нам в тень, а их бы на солнце. Тогда бы еще полбеды, тем более что мы могли бы стрелять в них снизу вверх. Изрешетить тент не опасно, не то что кузов... Э, да вот что. Они трусили и присмирели. Воспользуемся этим и спашем их втихомолку... Браво! Дело выйдет. Я им такую штуковинку устрою... Вот что, друзья: оправились ли вы настолько, чтобы посидеть с минуту верхом на раме?

— Ничего, сможем, — отвечали матросы.

— Черномазых нечего и спрашивать: эти обезьяны куда угодно взбираются. Так вот что: берите каждый по ножу, садитесь верхом на раму и перережьте все завязки, на которых держится на раме парусина. Поняли?

— Погоди! Крокодилы будут изловлены как бы неводом.

— Прекрасно. Подрежем же разом, за один дух, так, чтобы парусина свалилась на них ястребом. Раз, два!.. Режь!.. Так. Ну, теперь, значит, летим.

Затея удалась. Парусина свалилась на крокодилов и накрыла их. Они так все перепугались, что даже перестали шевелиться.

Фрикэ и экипаж спрыгнули с рамы, закрепили парусину, достали веревки и связали хищникам хвосты, которые у них почти так же опасны, как и челюсти. Негры опомнились от страха и стали просить, чтобы им позволили перебить всех крокодилов, что теперь уже не представляло ни малейшей опасности.

Крокодилов перерезали и трупы без дальнейших це-

ремоний побросали в воду. Впрочем, не все. Был там громадный восьмиметровой длины; его Фрикэ велел оставить, чтобы сделать из него чучело.

— Вы, господин, будете украшением моего кабинета,— говорил парижанин.— Я вас подвешу под потолок.

Так закончилось это приключение, едва не принявшее весьма трагический оборот.

Увы! Это был еще не последний инцидент на их пути. Шлюпка благополучно отчалила и поплыла вверх по реке. Десять часов шла она без остановок, не совершая никаких маневров, потому что фарватер тут был везде свободен. Фрикэ вычислил, что они сделали за этот день шестьдесят миль, почти столько, сколько прошли в первые два.

Машину топили дровами. Шлюпка шла на всех парах мимо поросших высоким лесом берегов и, попыхивая трубою, вспугивала легионы разноцветных птиц.

Хотя впереди не было видно никаких препятствий, второй матрос, не занятый в машине, все же нес вахту на носу шлюпки, Фрикэ держал руль.

Казалось, были приняты все меры, чтобы не случилось какой-нибудь непредвиденной катастрофы. Но неожиданно резко шлюпка остановилась от сильнейшего толчка, опрокинувшего разом и европейцев, и негров, так что все они повалились друг на дружку в плотную кучу.

Глава X

Дело не в названии.— Безобразен, архискот, прожорлив.— «Отец» кровопускания.— Изобретатель средства, излюбленного мольеровскими докторами.— Сравнительная неуязвимость.— На какой камень наткнулась шлюпка? — Крик лошади.— Смерть гиппопотама.— Разрывная пуля.— Стратегия четвероногих.— Разнести живую баррикаду.— Избиение.— На всех парах.— То были звери, теперь человек.— Экий этот жандарм! — Перерыв, а не бегство.

Если есть животное, менее всего похожее на лошадь, так это именно гиппопотам, что в переводе с греческого значит: «речной конь». Так окрестили его древние, а позднейшие ученые почему-то оставили за ним это название, несмотря на то, что оно совершенно противоречит здравому смыслу.

Вспомните лошадь: гордая, гибкая шея, втянутые бока, закругленный круп, тонкие ноги, быстрые и нервные. Теперь взгляните на гиппопотама, бесформенное туловище, какой-то громадный обрубок на четырех подпорках, напоминающий плохо обтесанные столбы. Что общего с лошадью у этой чудовищной свиньи?

Сравните, наконец, головы лошади и гиппопотама. Трудно найти хотя бы намек на сходство. А между тем название дано и остается. Что же собой представляет этот «речной конь». Животное млекопитающее из семейства толстокожих, из ряда жвачных, из отдела свиней *. Стало быть, ничего лошадиного, а только одно свиное.

После слона это самое крупное из четвероногих, но ни силы, ни ловкости, ни в особенности понятливости слона у гиппопотама нет и в помине.

Голова громадная, с маленькими, косо посаженными глазами, с едва заметными смешными ушами, сжатым лбом и малоразвитым черепом — почти одна морда. Толстая, квадратная, с широчайшими ноздрями, с огромной пастью, усаженной великолепными зубами.

Зубы чудные, настоящая слоновая кость: белые, твердые, не желтеющие. У гиппопотамов нет бивней, как у слона, но все тридцать шесть зубов превосходны, как на подбор, клыки у взрослого гиппопотама достигают иногда величины в сорок сантиметров при весе от шести до семи килограммов. Зубы гиппопотама в торговле идут очень бойко, почти наравне со слоновьими бивнями.

Все остальное, кроме зубов, у гиппопотама до крайности безобразно. Неуклюжее туловище соединяется без шеи с карикатурной головой, отвислый живот почти касается земли, темно-свекольного цвета шершавая кожа имеет крайне отталкивающий вид. Но по характеру этот безобразный увалень не злой. Напротив, он скорее миролюбив, даже робок и до некоторой степени, если хотите, добродушен.

На человека он не нападает, даже избегает его, но при условии, что и его не трогают. Если же его дразнить, то он становится опасен. В нем разом пробуждаются дикие, звериные инстинкты, и тогда ярость его неудержима и не знает преград.

В обыкновенное же время это очень добродушная крупная скотина сангвинического типа, питающаяся исключительно растительной пищей, которой поглощает невероятное количество. Вычислено, что гиппопотаму ежедневно требуется до ста килограммов питательных веществ и соответственное количество воды.

Впрочем, несмотря на такое количество, он разборчив и в качестве. Представьте себе — этот обжора в то же время большой гастроном и любит себя баловать. Довольствуясь при необходимости травой, корнями и тростником, растущими

---

* Классификация автора, не соответствующая научной.

по берегам рек и даже на дне их, он с жадностью набрасывается на рис, просо и даже сахарный тростник. Это его пирожное, его десерт.

Проход гиппопотама по туземным плантациям — настоящее бедствие, погром. Он не столько съест, сколько истопчет и испортит.

От всей этой пищи у гиппопотама под кожей образуется, как у свиньи, толстейший слой сала, который очень любят туземцы, но европейцев оно отталкивает своим специфическим запахом.

Я выше назвал гиппопотама сангвиником. Он, действительно, очень полнокровен, до склонности к апоплексии. Уверяют, что во избежание удара он сам себе пускает кровь, делая это следующим образом. Выбравши острый утес, он трется об его режущие края до тех пор, покуда не брызнет кровь, и сам следит, чтобы ее вылилось не больше, чем требуется, после чего ложится в густой ил и таким образом устраивает себе компресс и перевязку.

Таким образом, гиппопотам является как бы изобретателем кровопускания. Некоторые ученые этому верили, например, Галиен.

Впрочем, что же тут удивительного. Разве в естественной истории нельзя найти другого аналогичного факта? Морская птица баклан, питающаяся исключительно рыбой, разве не освобождает свой желудок от попадающих в него костей с помощью средства, излюбленного мольеровскими докторами. Название средства мы здесь не станем приводить, хотя оно и произносится громко с классической сцены театра.

Под клювом у этой птицы имеется перепончатый мешок, в который она набирает воду в количестве, требуемом для операции, и действует клювом, как тем инструментом, над усовершенствованием которого потрудились многие врачи, начиная с Флерана и кончая доктором Эгизье и бароном Эсмархом...

Шкура взрослого гиппопотама толще шкуры носорога. Из нее делают очень прочные щиты, от которых отскакивают намазанные ядом стрелы туземцев. Только благодаря своей шкуре гиппопотам еще не вычеркнут из книги природы, ведь на него охотятся много, а он имеет обыкновение подпускать к себе человека очень близко.

В прежнее время туземцам редко удавалось убить его, разве только при помощи западней, ям, капканов и проч. Но теперь, с распространением огнестрельного оружия и с повышением спроса на слоновую кость, гиппопотамы в

огромном количестве и скоро сделаются и вовсе редчайшими зверями.

На суше гиппопотам вял и неповоротлив. Бегать не может, ибо не создан для этого: стоит лишь взглянуть на его фигуру. Зато превосходно плавает и ныряет.

Он может довольно долго пробыть в воде и проделывать на глубине всевозможные маневры, может бесконечное время держаться на поверхности, благодаря своему жиру, как буюк. Он любит спать в воде, отдаваясь течению и наслаждаясь, как истый сибарит, безусловно, мягким ложем, которое даже нежнее ложка из розовых лепестков. При этом из воды торчат только его глаза, ноздри и уши. Таким образом он все видит, все слышит и все чувствует, находясь сам в полнейшей безопасности. Его даже не всегда при этом и видно.

Встреча с плывущим гиппопотамом бывает очень опасна для лодок.

Полученный толчок приводит его в ярость. Он бросается на лодку и грызет ее своими крепкими зубами, а не то поднимает ее хребтом и разом переворачивает.

Если при столкновении он получит рану, горе тогда лодочникам! Их гибель неизбежна. Чудовище их загрызет.

В реке Рокелль гиппопотам встречается еще довольно часто, несмотря на близость английской колонии Сьерра-Леоне. Климат здесь нездоровый, и спортсмены ездят сюда редко, предпочитая Капскую землю. Туземцы отваживаются нападать на гиппопотама только на суше, но там появляется он редко. Ему комфортнее в воде.

Поэтому «речные лошади» в описываемой нами местности только еще недавно начали переводиться.

Когда шлюпка остановилась от внезапного толчка, все подумали, что она напоролась на камень и сейчас пойдет ко дну. Но странно: вода вдруг окрасилась в красный цвет, впереди поднялось сильное волнение и, наконец, послышался громоподобный, ужасающий рев.

Лодка продолжала идти тихим ходом. Раздался опять тот же рев, только еще громче. Шел он как будто из воды.

— Узнаю этот крик! — сказал Фрикэ. — Так кричит умирающая лошадь. Я слышал его в аргентинских пампасах и никогда не забуду.

У гиппопотама имеется единственное сходство с лошадью — его голос. Но только крик гиппопотама гораздо резче и неприятнее.

На волнующейся поверхности показалась голова гиппопотама, потом и все туловище до половины. Он раскрыл

свою огромную пасть с лиловым небом и ослепительно белыми зубами, ухватился ими за железный борт лодки и начал трясти ее изо всех сил.

Опасность была большая, Фрикэ понимал это, но не пошутить все-таки не мог.

— Вот тебе и раз! Подводный камень плавает и даже кусается. Это глупо. Убирайся прочь, старый урод! Лодка стальная, все равно тебе ее не изгрызть. Убирайся!

Твердая сталь еще больше разъярила зверя. Он тряс лодку так, что она подпрыгивала, как игрушка.

Парижанин понял, что пора принимать меры. Он достал винтовку калибра 8, не спеша зарядил и встал в позицию в двух метрах от зверя, грызшего зубами стальной борт с такой силой, что высекались искры.

— Вот что, мой мальчик, ты чересчур долго злишься, — сказал Фрикэ, кладя винтовку на плечо. — Уходи-ка лучше домой. Не хочешь? Ну, знаешь, я не любитель убивать, но придется, видно, угостить тебя свинцовенькой бомбошкой. Раз!.. Два!.. Ну, сам виноват... Три!.. Пеняй на себя.

Бум!.. прокатился оглушительный выстрел. Гиппопотам, пробитый пулей в глаз и в ухо, разжал челюсти и пошел ко дну. Он тонул медленно, так что можно было рассмотреть следы пули.

Ее действие было ужасно. Верх черепа был снесен напроць, одного глаза как не бывало, мозги превращены в кашу, к клочкам оторванной кожи прилипли обожженные частички раздробленных костей. Можно было подумать, что в него попали гранатой или бомбой.

— Они очень милы в зоологическом саду, когда глотают копеечные хлебцы, но у себя дома не особенно любезны, — продолжал Фрикэ. — Положим, мы сами его приласкали шлюпкой, и вдобавок паровой, но ведь не парочно же... Ай, друзья, полегче, полегче! Не наткнуться бы нам еще раз. Вода что-то подозрительно мутится вокруг нас. Так. Что я вам говорил?

Со всех сторон из воды поднимались новые чудовища. Что их возмутило? Гибель товарища? Или просто шум проходившей паровой лодки, винт которой бурлил и ненил воду?

На земле гиппопотам достаточно добродушен, но в воде он часто бывает крайне раздражителен.

Возможно, что шлюпка с бурливым винтом, с пыхтящей и кашляющей трубой, выплывающей дым, возбудила в травоядных сангвиниках ярость и бешенство. Не мог не повлиять на них и предсмертный крик их товарища. Услышав его, они перенолошились и мобилизовались для боя.

Их было особей двадцать. С двух сторон они окружили шлюпку двумя полукругами, затем соединившимися в кольцо.

— Неприятно, но приходится вновь устраивать бойню, — сказал парижанин. — Необходимо пробить брешь в этой стене из живого мяса. Что делать! Зачинщики не мы!

Он встал на носу лодки, держа в руке свою винтовку калибра 8, вооружил свободного матроса таким же ружьем, положил подле себя винтовку «Экспресс» и приказал кочегару быть наготове, чтобы исполнять немедленно всякую команду. Шлюпка шла тихо. Рискованно было с разбега наталкиваться на такие громадные «рифы». До гиппопотамов оставалось метров десять. Их головы высывались из воды и хлопали челюстями. Фрикэ условился с матросом так: целиться каждому в своего гиппопотама, лучше всего в висок, стрелять обоим одновременно, затем вновь прицеливаться и стрелять — не торопясь, но и не медля, и всякий раз по сигналу.

— Целься! — скомандовал парижанин, кладя винтовку на плечо. — Готово?

— Готово! — отвечал матрос, прицеливаясь.

— Пли!

Два выстрела слились в один. Оба гиппопотама с разнесенными черепами без звука пошли ко дну, как полные бочки.

Брешь была пробита.

— Целься опять!.. Пли!.. Кочегар, полный ход!

Грянули два выстрела. Брешь расширилась. Между живыми подводными камнями образовалась как бы протока. Шлюпка устремилась в нее, пустив две струи горячего пара вправо и влево.

Это был фокус кочегара. Не имея возможности принять участие в стрельбе, он задумал хотя бы обжечь паром противные морды, высывавшиеся из воды.

Шутка удалась. Свистящий горячий пар напугал зверей пуще выстрелов; они нырнули в воду и скрылись.

Избавившись от опасности, шлюпка замедлила ход, но двигалась все-таки довольно быстро. Река сделалась уже, зато перестали попадаться скалы. Течение сделалось быстрее. Плыть стало свободно и легко.

Фрикэ радовался и уже начал было забывать все прошедшие неприятности. Вдруг на одном из крутых поворотов реки он увидел зрелище, заставившее его вскрикнуть от удивления.

— Опять преграда!.. Что за проклятая река! После крокодилов — гиппопотамы, после гиппопотамов — худшее из

всех животных: человек. Если эти прохвосты не пожелают нас пропускать, что нам тогда делать?

Фрикэ был прав. От одного берега до другого, поперек реки, протянулась цепь узеньких лодок. В каждой было по десятку или по дюжине вооруженных негров.

Что за плотина? Против кого она направлена?

Парижанин вывесил белую тряпку, везде, во всем свете, символизирующую мирные намерения, и приказал шлюпке тихо двигаться вперед, держа, однако, оружие наготове.

Приблизившись, он поручил сенегальцу-лаптоту окликнуть негров. Тот объяснил им, что шлюпка везет мирных путешественников, друзей черным людям, и что они просят пропустить их в землю куранкосов, где их ждут.

Слова сенегальца были выслушаны в глубоком молчании, но затем поднялся адский шум. Негры выли, как бешеные, потрясая луками, дротиками; некоторые целились из ружей. Одним словом, путешественникам давали знать, что прохода не будет.

Фрикэ снова велел переспросить, предполагая, что это одно из недоразумений.

Но нет. В ответ лишь усилились крики. Просвистело несколько стрел, сверкнуло несколько выстрелов. Прожужжали железные пули.

Настаивать парижанин счел неблагоприятным и, скрепя сердце, отдал приказ об отступлении. Положим, он был уверен в том, что прорвет цепь лодок и проложит себе путь, но его остановило следующее соображение:

— Конечно, всю эту эскадру можно разнести одним выстрелом из картечницы; да у нас, кроме того, есть смертоносные винтовки. Победа обеспечена. Но что потом? О нас, как о врагах, оповестят всех побережных жителей, нас станут травить, как зверей, нам придется выдерживать ежедневные битвы. Оно бы в другой раз ничего, но теперь это входит в полное противоречие с нашей мирной миссией. Экий этот жандарм! Вот черт! Заварил кашу! Где он теперь? Проскочил через эту преграду или где-нибудь остался в лесу? Хотя бы эти черномазые рассказали мне, что ли... Я бы им заплатил... Очевидно, они думают, что мы англичане. Скверно. Первым делом надобно выбраться из-под выстрелов этих негостеприимных господ, а там видно будет. И то сказать — перерыв не бегство... Кочегар, задний ход!

Глава XI

*Смел, но благоразумен.— Философия лентяя.— Отбытие парла-
ментера.— Квартет пьяниц.— Сперва пиво, потом ром.— Гомеопатия.— Вести о беглецах.— Капитан, генерал, военный министр,
и все это за тридцать шесть часов.— Шлюпка идет назад.— Сухим
путем.— Жара, лихорадка.— Носорог.*

Кому знаком воинственный характер Фрикэ, тот понимает, что ему потребовалось совершить героические усилия над собою, чтобы удержаться и не пустить ко дну лодки черномазых, осмелившихся преградить ему путь. У него были все шансы на победу, хотя бы она и дорого обошлась. Паровая шлюпка, вооруженная картечными, люди с такими грозными, сокрушительными винтовками — где же было устоять против них жалким туземным скорлупкам? В исходе битвы нельзя было сомневаться. И все-таки Фрикэ отступил!

Да, он был неудержимо смел, но в то же время благоразумен. Ну, хорошо. Он разобьет негров в первом сражении. А потом что? Каков будет результат этой Пирровой победы?

Ведь задача не в том, чтобы любым путем проникнуть во враждебную страну: надобно в ней еще и удержаться. А шлюпка не приспособлена для продолжительного похода. Цель у него исключительно мирная, а между тем ей придется поминутно сражаться с бешеной ватагой дикарей также и на обратном пути. Все это парижанин обдумал с присущим ему здравым смыслом и скомандовал:

— Задний ход!

Негры завывали от восторга, когда увидели, что шлюпка пятится назад, но преследовать ее не стали, и правильно сделали, потому что Фрикэ решил на дальнейшие уступки не идти и в случае погони поддал бы им жару.

Стало очевидно, что они не препятствуют плаванью ниже обозначенной ими границы, только не желают пропускать вверх через линию блокады.

Удалившись задним ходом из-под выстрелов, Фрикэ приказал развернуться и, отойдя на два километра, распорядился бросить якорь на середине реки, запасшись предварительно дровами на левом берегу.

Потом он подозвал сенегальца, успевшего доказать свою благонадежность.

— Не съездишь ли ты к ним в челноке и не наведешь ли справку о «капитане»?

— Мой съездит, — отвечал негр.

— Не побоишься, что убьют?

— Мне все равно. Убьют — работать не надо.

Они влезли на борт с обезьяньей ловкостью

— Если это не резон, то я, значит, не понимаю, что такое резон. Ну, а если они заберут тебя в неволю?

— Не боюсь. Твой придет на шлюпка, с большими ружьями и отберет лантота обратно.

— Разумеется, я тебя вырву из их рук, чего бы это ни стоило. Даю тебе слово, что они жестоко поплатятся за оскорбление моего парламентаря. Но я думаю, что они этого не сделают. В особенности, если ты объяснишь, что мы не англичане, а французы.

— Да. Прощай. Мой сейчас сядет в челнок.

Сенегалец сел в небольшой челнок, который все время

буксировала за собой шлюпка, схватил рулевое весло и смело поплыл вверх по реке.

...Прошло два, четыре часа. Прошло шесть. Нет вестей! Фрикэ хоть и знал, что переговоры с дикарями — всегда большая канитель, но все-таки под конец стал тревожиться. Настала ночь, он попробовал заснуть, но ему не спалось. Он решил наутро, с первыми лучами солнца, поехать отыскивать своего посланца. Вдруг вдали на реке послышались веселые громкие голоса, потом шум весел — и при свете луны появился человек, плывший рядом с туземной пирогой, в которой сидело несколько негров.

Тут могла быть и западня.

— Кто идет? — крикнул Фрикэ так, что весь экипаж проснулся.

— Это мой, хозяин. Ваш добрый лаптот.

Фрикэ узнал голос сенегальца и очень обрадовался.

— Это хорошо. А они кто?

— Негры-дезертиры. Мой пил, они пили... много пили... мой привел их на службу к тебе — если хочешь. А не хочешь — отрежь им всем головы и дело с концом.

— Несчастный! Он пьян как сапожник, — рассмеялся Фрикэ. — Все-таки очень приятно, что ты вернулся. Добро пожаловать. И товарищей своих давай сюда. Полезай, да смотри, не свались в воду, а то после попойки примешь неожиданную ванну.

Сенегалец обстоятельно привязал челнок к шлюпке, проделавши это с той особенной методичностью, которую пьяные люди обыкновенно хотят показать, что они вполне трезвы. Потом взобрался на шлюпку с кормы и стал звать товарищей.

Те сейчас же влезли на борт со свойственной дикарям обезьяньей ловкостью и, слегка пошатываясь, остановились на палубе.

— Вижу, что ты не терял даром времени.

— О, хозяин, мой пил... много пил.

— Похоже, черт возьми. За четверых, должно быть, нализался.

— Мой пил — хотел напоить других, а других поил — хотел расспросить новости.

— Действительно, здесь никто против такого соблазна не устоит. Что же ты узнал? Про капитана есть что-нибудь?

— Хозяин... угости сперва своего доброго слугу ромом... и беглых негров тоже угости.

— Милый мой. да ведь ты после того языком не в состоянии будешь ворочать. Впрочем, раз тебе так хочется...

— О, мой пил сорговое пиво... и просяное пиво... а ром все покроет.

— На, глотай! Только, черт возьми, не знаю, куда ты после этого будешь годиться.

— Товарищам тоже дай пить,— приставал лаптот с назойливостью пьяного дикаря.

— И товарищи пусть пьют,— согласился Фрикэ с терпеливостью человека, знающего негров и умеющего ждать.

Африканские негры вообще ужасные пьяницы. Выпив по большому стакану рома, они не только не стали пьянее, но даже, напротив того,— оживились. У сенегальца язык перестал заплетаться, он стал говорить более связно и понятно.

— Вести о капитане. Капитан проплыл мимо, когда мы стреляли крокодилов. Капитан теперь генералом у Сунгой... военным министром!.. А Сунгойя верховный вождь...

— Ну, я теперь ничему не удивлюсь. Барбантон ударился в приключения. Пустился во все тяжкие. Через каких-нибудь тридцать часов угодил в генералы и министры. Для начала недурно. Наше австралийское божество отличается. Невозможного для него не существует.

Фрикэ продолжал расспросы. Далее выяснилось, что появление Сунгойи подняло целую революцию.

Его приверженцы, как только узнали от гонцов об его прибытии, ударили в большой барабан и бросились навстречу все до единого. Белого, которого он с собой вез, приняли с почетом; им очень понравилась его наружность, осанка, избличавшая в нем великого воина. Их сейчас же посадили в большую пирогу с ежечасной сменой гребцов и быстро помчали в Сунгойю.

Не мудрено, что шлюпка отстала: ей приходилось лавировать между скал, потом это сидение на илистой отмели...

— Ну, а те, другие негры, кто такие? Почему они нас не пропускают?

— Они нехорошие... Они противники тех... Заперли реку... Не хотят, чтобы мы плыли.

— А, вот как!.. Нас не хотят пропустить! А мой жан-дарм сделался главнокомандующим у будущего монарха! Не помочь ли мне ему нападением на арьергард неприятельской армии? Впрочем, какое я имею право вмешиваться в дела этих чучел? Все они хороши, одни других стоят... Нет, пусть в ход лучше средства мирные. Вместо того, чтобы идти напролом, постараемся обойти препятствие... Скажи, далеко ли отсюда до Сунгойи сухим путем?

Сенегалец поговорил с товарищами, те подняли вверх пять пальцев правой руки и три пальца левой.

— Это значит восемь дней пути. А если на шлюпке?

Ответ был дан неопределенный. Через два дня «огненной лодке» нельзя будет идти из-за камней и мелководья. Дальше придется плыть в пироге, по крайней мере, пять дней.

— Понимаю. Раз уж все равно придется покинуть шлюпку и пересесть на ваши душегубки, так уж не лучше ли теперь же пойти сухим путем и без всякого шума прибыть в Сунгойю?

На следующее же утро Фрикэ приступил к исполнению своего решения. Трех негров, прибывших с лапсотом, он категорически спросил, желают ли они поступить к нему на службу и отправиться с ним в путь. Те согласились с полною готовностью: им было лестно пойти в поход с белым господином. А когда Фрикэ пообещал за это каждому по ружью и по запасу рома, они пришли в неописуемый восторг и проплясали какой-то сумасшедший танец, после чего объявили, что белый господин им отец и что они пойдут за ним хоть на край света.

Покончив с этим, Фрикэ решил отослать шлюпку с обоими матросами в Фри-Таун, чтобы не бросать их в этой нездоровой местности на съедение комарам. Притом же и прибрежные негры могли совершить нападение. При них он оставил одного негра из экипажа шлюпки, а двух других с сенегальцем взял с собой. Таким образом, при парижанине составилась конвой из шестерых здоровых молодцов. Из них трое досконально знали местность, и все шестеро способны были нести на себе и багаж, и провизию, и амуницию.

Фрикэ снабдил свою экспедицию всем необходимым, не позабыв ни одного нужного инструмента, ни одной маломальски полезной вещицы. На шлюпке все нужное имелось в запасе. Складную лодку, разумеется, тоже взяли с собой. По части вооружения: сенегальцы и два негра из экипажа оставили при себе свои «винчестеры», а Фрикэ взял винтовку «Экспресс», американский револьвер и тесак. Свои ружья крупного калибра он поручил нести неграм. Кроме того, Фрикэ положил себе в карман компас и огниво с фитилем, хотя сам не курил.

Господину Андрэ он написал записку, уведомляя его обо всем, уложил ее в непромокаемый конверт и вручил коچهгару, потом велел свезти себя на правый берег, протиснувшись с обоими матросами крепким рукопожатием.

Спустя пять минут он скрылся в лесу, а шлюпка пошла во Фри-Таун.

Нешуточное дело для европейца идти пешком по громад-

ному тропическому лесу. Тут требуется особенная энергия и железная воля.

Помимо трудности самой ходьбы, путешественника подстерегает множество других мучений. Во-первых, температура. Вообразите себе громадную оранжерею, насыщенную парами влаги, с тяжелым, знойным, сырым воздухом, который никогда не освежается ветерком — ни днем, ни ночью. Европейец в этой атмосфере все время обливается потом и катастрофически теряет вес. У иных от чрезмерного потения развивается даже острое малокровие. При таких условиях требовалась бы особо питательная, полезная пища, с хорошим вином в придачу, а между тем путешественник питается чем попало: кое-как изжаренной дичью, без соли, попорченными консервами, мутной, нечистой, вонючей водой.

Даже при дыхании кровь мало окисляется, потому что в лесу нет чистого воздуха, а весь он наполнен сыростью и миазмами продуктов разложения органических веществ.

Можно было бы часто отдыхать. Ведь путешественнику обыкновенно нет нужды торопиться.

Но и тут горе: только что он расположится на отдых, его атакуют со всех сторон комары и мошки всевозможных видов, колют, жалят, кусают — и нет никаких средств от них избавиться. Это измучит несчастного путешественника вконец.

Что касается диких зверей, то, по правде сказать, опасность от них вовсе не так уж велика. Дикие звери сами стараются избегать человека, за исключением, может быть, буйвола и носорога. Их надобно нарочно отыскивать, преследовать; только тогда они являют собой опасность. Как часто разочаровываются записные охотники, тщетно разыскивающие крупную дичь, между тем как та упорно их избегает и прячется.

Не большую опасность представляют и змеи, что бы там ни думали о них. Змея нападает на человека только тогда, когда он застигнет ее сонной или наступит на нее ногой, а это бывает редко: змея уползает прочь при малейшем шуме. Конечно, какие-нибудь гигантские экземпляры в счет не идут, но ведь они — явление исключительное.

Фрикэ шел по лесу уже два дня, проклиная и жару, и климат, посылая ко всем чертям негров, посовествовавших ему покинуть шлюпку, в которой так удобно путешествовалось. Доставалось — не будем таить греха — и старому другу Барбантону.

— И ведь это еще, пожалуй, не все! — яростно восклицал парижанин. — Измучившись в дороге, нам по прибытии на

Показалась чудовищная голова

место придется, чего доброго, вмешаться в междоусобицу, воевать, сражаться, делать революции, посещать митинги, слушать идиотские речи, читать прокламации и даже, может быть, участвовать в составлении конституции! Ах, жандарм, жандарм! Что вы только наделали, сударь мой! За что вы нас так подвели!.. И найдем ли мы вас целым и невредимым? Смотрите, не сломайте себе зубов о пирог земных почестей... Кстати, лес кончается. не так душно, но зато еще жарче. Мы на самом берегу реки, среди гигантских камышей. Это мне не нравится. Эй, лапсот!

— Что, хозяин?

— Спроси у этих арапов, почему они держатся так близко от берега. Мы попадем так в трясину.

— Они говорят, что так лучше.

— Пусть возьмут правее.

— Они говорят, что там много буйволов и носорогов; мы будем растерзаны в клочки.

— Скажи им, что они мне надоели. Раз я приказываю, они должны исполнять. Если им не нравится, могут уходить, но только тогда не получают ни рому, ни ружей... Буйволы!.. Носороги!.. Да это как раз то, что мне нужно. Значит, свежего мяса поедем. Носорога я не пробовал, но мясо буйвола очень вкусно — язык, например, или вырезка... Пойдем искать буйвола. Лаптот, где моя винтовка?

— Вот она, хозяин.

— Будь с ней все время около меня и стой смирно, что бы ни случилось.

— Мой понял.

— Это что за шум? Точно стая диких вепрей мчится по мягкому илу. Не буйволы ли это?

Шум приближался. Слышалось фыркание и тяжелый топот в камышах.

Вот камыши раздвинулись. Показалась чудовищная голова, замерла и злобно потянула в себя воздух, чуя запах человека.

Негры взвыли и в ужасе пустились наутек.

Сенегалец сделался пепельно-серым, но остался на своем месте.

— Хозяин, — проговорил он упавшим голосом и выбивая зубами дробь, — защити твоего верного слугу. Это носорог.

Глава XII

Рациональная этимология. — Белые и черные носороги. — Уязвимость. — Рот носорога. — Птица при носороге. — Мнение Гордона Кумминга. С глазу на глаз с носорогом. — Первый выстрел. — Брешь в живой крепости. — Пуля из «Экспресса». — Один на один. — Ну и трус! — Фрикэ на земле и без оружия. — Победный крик. — Спасен. — Как можно сделаться охотником.

Носорог, в отличие от гиппопотама, вполне соответствует своему имени. Впрочем, он этого, вероятно, не сознает и совсем не ценит.

Носорог. Да, у него, действительно, на носу рог, а то и два, в зависимости от породы. Есть двурогие носороги.

Нечего и говорить о том, что он принадлежит к разряду толстокожих: кожа его отличается классической толщиной

и непробиваемостью. География его обитания шире, чем у гиппопотама, потому что водится он не только в Африке, но и в Азии, и даже на обширных островах Азии.

Здесь, конечно, мы будем говорить только об африканском носороге, но между ним и его азиатским сородичем нет почти никакой разницы, разве только в некоторых деталях.

Носорог, подобно гиппопотаму, может служить воплощением физической грубой силы, не подвластной разуму. Треугольная короткая голова его посажена прямо на безобразный торс; туловище покрыто шершавой кожей, со всевозможными буграми и мозолями, словно облепленной засохшей грязью. Лба нет, вместо него какое-то углубление. Где тут поместиться мозгу? Короткие прямые уши свернуты в трубку. Близорукие, непомерно маленькие глазки прикрыты веками, напоминающими корку. Рот небольшой, с плоскими губами. Верхняя губа, очень подвижная и легко оттопыривающаяся вперед, нависает над нижней в виде остроконечного придатка. Носорог может хватать ею небольшие предметы.

На приподнятом носу с ноздрями в виде полумесяца, изогнутого вверх, торчит огромный, грозный и, так сказать, неожиданный рог. Это и оружие нападения, одновременно и орудие труда: носорог выкапывает им из земли корни, до которых очень охоч.

Этот рог не похож по своему составу ни на рога оленя или лося, ни на рога барана или коровы. Очень крепкий и твердый по всей длине, он состоит как бы их сросшихся между собой волокон или, точнее, из шерсти, склеенной роговым веществом. Костяного вещества в нем нет нигде и признака. С костями черепа, продолжающимися до ноздрей и отличающимися необыкновенной толщиной, он не связан, а держится только на коже и легко может быть срезан ножом.

Рог носорога отлично полируется и имеет разнообразное применение в промышленности.

Облаченный, как в броню, в свою толстейшую кожу, носорог долго считался почти полностью неуязвимым, но с усовершенствованием огнестрельного оружия он потерял это защитное свойство.

Прежние пули отскакивали от его природного панциря, и чтобы ранить носорога, нужно было попасть в одну из складок кожи. Еще оставались глаза, но в подобную мишень попасть очень трудно, это знает каждый охотник. Зато теперь можно сразу убить носорога, если прицелиться из винтовки Гринера или «Экспресс» в темное пятно пониже плеча.

В Африке обитают носороги двух главных видов при четырех разновидностях: черный и белый. Как черный, так и белый бывают или с двумя рогами, или с одним, вот и получают четыре разновидности — по две в каждом виде.

Белые носороги обеих разновидностей больше, массивнее, неповоротливее и редко нападают на человека. Они жирнее черных, и мясо их вполне съедобно.

Единственный рог однорогого носорога бывает величиною в метр и отогнут назад, а у двурогого передний рог больше метра и загибается вперед под углом в 45° . Задний рог имеет не более двадцати сантиметров и похож скорее на твердую шишку. Черные носороги обеих разновидностей меньше и проворнее белых. Они очень агрессивны и злобно набрасываются на все, что им покажется подозрительным, даже если на них никто не нападает.

Их мясо жестко и сухо, так что даже негры, вообще неприхотливые в еде, избегают употреблять его в пищу.

Многие считают носорога животным смирным, как большинство травоядных. Может быть, это и относится к белому носорогу, но не к черному. Черный беснуется часто без всякой причины. Роет рогом землю, с бешенством вырывает кусты. И так в продолжение нескольких часов, уничтожая в слепой ярости совершенно безобидные неодушевленные предметы, и успокаивается только, когда растерзает их в клочья.

В противоположность слонам, носороги почти никогда не ходят стадами, а чаще в одиночку или парами. Только там, где их особенно много, они иногда образуют группы в три особи, реже в четыре или пять.

Упомянем о необыкновенном товарище, о неразлучном спутнике носорога; этот спутник, по-видимому, только им одним и живет — и только для него одного.

Речь идет о маленькой птичке из семейства воробьиных, называемой по-научному *buphaga africana* (быкоед африканский), а капскими колонистами *rhinoceros-bird* (носорогова птица).

Эта птица неразлучно следует за носорогом всюду и, по-видимому, бескорыстно, потому что поживиться ей около него почти нечем: в коже носорога живет вовсе не так уж много паразитов, годных на пропитание быкоеду. Таким образом, привязанность скорее платоническая. Быкоед провожает носорога на ходу, останавливаясь вместе с ним; охраняет его сон; при малейшей опасности пронзительно кричит, чтобы разбудить его, а если тот не просыпается, клюет его в уши.

«Сколько раз я проклинал эту необыкновенную дружбу,— рассказывает Гордон Кумминг, знаменитый охотник, за которым доктор Ливингстон признает исключительную правдивость.— Носорог отлично понимает сигналы, подаваемые ему птицей; он сейчас же настораживается, вскакивает и убегает.

Мне часто приходилось охотиться на носорога верхом на лошади. Он заводил меня далеко и получал несколько пуль прежде, чем сваливался. Птицы не покидали его до последней минуты.

Они сидели у него на спине и на боках; при каждой пуле взлетали футов на шесть, тревожно кричали и опускались опять на прежнее место. Носорогу приходилось иногда пробегать под деревьями; низко нависшие ветви сгоняли птиц с его спины, но при первой же возможности они садились на нее опять.

Мне случалось убивать носорогов ночью, на водопое. Птицы, думая, что те спят, оставались с ними до утра, потом долго старались их разбудить и улетали только после того, как окончательно убеждались в их смерти».

Мы уже упомянули о том, что белые носороги смирнее черных. Это надобно понимать весьма относительно. Носорог, встреченный парижанином, был белый и однорогий, а между тем расвирипел сразу же, как только увидел людей.

Это был гигант в своем роде. Низко опустив голову, пыхтя, как разъяренный бык, и выставив прямо перед собой свой огромный рог, он бешено устремился на парижанина, который стоял в растерянности, не зная, в какую точку этой громадной, грязной массы целиться.

К счастью, почва была болотистая, топкая; тяжелый носорог увязал в ней то одной, то другой ногой, что значительно сдерживало его бег.

Не рассчитывая попасть в уязвимое место спереди, Фрикэ отскочил в сторону и, почти не целясь, выстрелил в мясную тушу сбоку.

Но за одну десятую секунды до того, как молодой человек спустил курок, носорог учуял негров, спрятавшихся в камышах, и быстро повернулся в сторону Фрикэ. Голова его опять очутилась напротив стрелка, и вылетевшая пуля угодила в рог, почти вровень с носом.

Рог был срезан, как серпом, и повис над мордой его обладателя на лоскутках кожи.

— Я не сюда целился,— сказал Фрикэ,— это очень досадно. Но погоди минутку, друг, у меня для тебя есть еще заряд.

Оглушенный носорог припал на колени. Но так как рог у него не имеет связи с черепом, а держится лишь на надкостнице, он испытал лишь легкое потрясение.

Вскочив с ужасным ревом и рассвирепев еще больше, он снова бросился на Фрикэ и сенегальца.

Несмотря на неблагоприятные для него обстоятельства, парижанин выстрелил вторично.

Опытный охотник не сделал бы этого. Он занял бы такую позицию, чтобы попасть носорогу обязательно в бок. Но Фрикэ не был настоящим охотником, как не был и первоклассным стрелком. Он был лишь неустрашим и хладнокровен, а это еще далеко не все.

Поэтому он и допустил большую оплошность.

Носорог неся с опущенной головой. Пуля калибра 8 попала ему немного выше плеча, в складки кожи. Обыкновенный заряд калибра 16 или 14 не мог бы пробить этой толстой, шкуры. Но страшная пуля из винтовки «Экспресс» пробила ее насквозь и раздробила лопатку, как стекло. В подвижной твердыне образовалась настоящая брешь. Сквозь разорванные мускулы и кожу, сквозь обломки костей обнажилось что-то бледно-розовое. Это было легкое.

Такая ужасная рана была, конечно, смертельна. Минуты чудовища были сочтены. Но носорог так крепок и живуч, что даже, получив такую рану, лишь едва покачнулся. Смерть должна была наступить ежеминутно, в результате сильной потери крови.

Фрикэ вскинул на плечо разряженную винтовку и проворно посторонился, чтобы дать дорогу носорогу. В то же время он взял у сенегальца свою двустволку калибра 8, заряженную круглой пулей. Это ружье длиннее винтовки и не так удобно, но бьет тоже очень сильно, хотя его стволы и не нарезные.

На коротком расстоянии действие этого ружья идентично действию винтовки.

Два выстрела, сделанные Фрикэ, образовали густое облако дыма, закрывшее его и сенегальца.

Носорог некоторое время не мог их разглядеть. Он стоял сопя и воя. Сквозь дым Фрикэ лишь смутно различал его движения.

— Что же он до сих пор не валится? Ведь я его подстрелил, как умел. Эй, лапсот! Подержи-ка ружье, а я пока заряжу вновь винтовку.

Сенегалец не отвечал ни слова.

Фрикэ быстро повернул голову. Негра не было.

— Ну и трус, иначе не назовешь! — пробормотал парижанин.

Над камышом пронесся легкий ветерок и рассеял дым от выстрелов.

Фрикэ увидел своего носорога. Он стоял неподвижно и усиленно нюхал воздух.

Парижанин прицелился и выстрелил в другое плечо животного. Было слышно, как ударилась пуля в твердую кость.

Несмотря на смертельную рану, носорог все-таки оказался в силах броситься на стрелка. Изумленный такою невероятной живучестью, Фрикэ выстрелил опять, на этот раз уж совсем впопыхах. Пуля нанесла лишь незначительное повреждение. И вот беззащитный парижанин, с двумя пустыми ружьями, остался один на один с разъяренным носорогом.

Правда, у него был еще револьвер, но разве револьвер тут что-нибудь значил.

Чудовище издыхает, но его агония опасна.

Отбросив ложный стыд, а с ним и оба ружья, парижанин кинулся в тростник. Ведь носорог рано или поздно все равно издохнет. Только вот вопрос: не поздно ли? Успеет ли он улепетнуть? Он уже чувствовал на себе горячее дыхание носорога, который гнался за ним по пятам. Еще секунда и молодой человек будет смят, раздавлен, истоптан.

Он сделал прыжок назад, попал ногой в яму, только что протоптанную носорогом, споткнулся и упал, растянувшись во весь рост.

Он понял, что погиб.

Но что это? Носорог останавливается, издает душевраздирающий крик и валится на бок всего лишь в каком-нибудь метре от парижанина.

Крику животного вторит другой крик — человека, такой же дикий и громкий.

Появляется сенегалец, размахивая окровавленным тесаком. Фрикэ вскакивает на ноги, сам удивляясь тому, что он жив, и кричит:

— Откуда это ты?

— Вот посмотри, — отвечает лаптот, подводя своего хозяина к носорогу, судорожно бьющемуся на земле.

— Превосходно, парень. Чисто ты это сделал. А главное — как раз вовремя.

— Ты доволен, хозяин?

— Еще бы не быть довольным! Помимо удовольствия от мысли, что остался жив, приятно знать, что у тебя есть на кого положиться. А я было только что назвал тебя трусом. Между тем ты сделал для меня то, за что — дай, я пожму пока твою руку, за неимением большего.

Сенегалец перерезал ему поджилки

Похвала парижанина была вполне уместна. Сенегалец, действительно, спас ему жизнь.

Оказывается, подав парижанину второе ружье, сенегалец под прикрытием порохового дыма, кинулся в камыши, дополз с подветренной стороны до носорога и притаился позади него.

Он собирался перерезать зверю тесаком жилу на одной из задних ног.

В это время Фрикэ вновь выстрелил. Носорог, хотя и получил смертельную рану, ринулся вперед. Сенегалец настиг его и удачно совершил задуманное.

Носорог упал. И как раз вовремя.

Фрикэ стоял, опираясь на ружье, и глядел на мертвого великана.

Он впервые ощутил весь азарт охоты.

Не той охоты, когда без всякого смысла истребляются живые существа, а такой, когда речь идет о жизни или смерти.

Парижанин подвергся нападению. Защищался. Это в порядке вещей.

Он должен прокормить семерых, включая себя. Беглецы уже возвращались, заслышав победный крик сенегальца. Вот и можно будет приготовить на завтрак обильное жаркое из мяса белого носорога. В один прекрасный момент люди становятся охотниками.

Глава XIII

Затишье.— Фрикэ сидит без приключений и не жалуется на это.— Общее возбуждение на всем побережье.— Невольный вербовщик.— Туземное земледелие.— Лентяи.— Экваториальные леса.— Потерянное богатство.— Без разведчиков ходить опасно.— Сюрприз.— У друзей.— Подданные Сунгойи.— Фрикэ думает, что он во сне.— Шегистика.— Черные рекруты на ученье.— Селение претендента.

С той минуты, как Фрикэ оставил Фри-Таунский рейд, прошло десять дней.

Перед тем жандарм неожиданно сбежал с яхты, на которую попала его мучительница, вследствие совершенно непредвиденных обстоятельств. Теперь он, по всей вероятности, находился в селении Сунгойя, недалеко от истоков реки Рокелль, в обществе негра, прозванного по имени этого селения, претендента на местный престол.

После всех приключений наступила полоса затишья, но Фрикэ на это не жаловался. Не все же драться с крокодилами, гиппопотомами и носорогами! Нужно и отдохнуть. Парижанин шагал вдоль реки по трясинам и болотам, пожившись на своих негров. Дикие звери встречались все реже и реже, зато люди попадались чаще.

Обыкновенно очень апатичные, на этот раз туземцы были крайне возбуждены в ожидании крупных событий. В селениях, попадавших на полянах среди больших лесов, обычные полевые работы совершенно прекратились. Перед легкими хижинами, крытыми листвою, собирались группы, спорили, ораторствовали, сговаривались, пили. Последнее в особенности. Много говорили о Сунгойе, о фетише необыкновенной силы, который должен дать ему победу, о белом челове-

ке, который с ним прибыл, о начинающейся войне, о грядущих переменах. И опять пили и пили.

Превосходная вещь — политика на гвинейском берегу.

Фрикэ принимали радушно, как европейца. Свита его все увеличивалась. Его люди рассказывали по дороге об его подвигах, восхваляли его храбрость, его ловкость, его щедрость, грозную силу его оружия, разящего гиппопотамов и носорогов, — и вот к нему примкнул уже целый отряд любителей пожить в свое удовольствие за чужой счет, притом не утруждая себя.

— Если так пойдет дальше, — думал Фрикэ, — у меня наберется целый экспедиционный корпус. Эти бродяги пошли за мной ради того, чтобы поесть убитой мною дичи и попить моего рому. В Сунгойю они придут с пустыми желудками и будут сражаться. С кем же и за кого?.. Выходит, что я, сам того не желая, окажу сильное влияние на местную политическую ситуацию? Как быть? Ничего не поделаешь. Будь что будет, лишь бы только отыскался наш Барбантоша.

Все больше и больше чувствовалась близость населенного центра. Появились обработанные поля на просеках, которые обыкновенно вырубаются среди леса и где потом с большим трудом выкорчевываются громадные пни. Просеки обычно засеваются маниоком и бананами; эти овощи вместе с сушеной рыбой составляют основную пищу туземцев.

Как бананы, так и маниоки (иначе кассаву) мы описывали уже неоднократно и потому не считаем нужным возвращаться к ним еще раз. Прибавим только, что африканский маниок имеет над американским то преимущество, что совершенно лишен ядовитых свойств. Из него получается грубая мука, но хранят его не в этом виде, а в виде мягкого теста, подвергнувшегося известному брожению, придающему всей массе острый и вонючий запах. Туземцам это очень нравится.

Хозяйство ведется, таким образом, подсечное. После двух посевов поле забрасывается и производится новая вырубка. А между тем при правильной и последовательной смене культур расчищенная земля могла бы сохранить надолго производительную силу. Но для чего все это неграм? Им нужны только маниоки и бананы, а для того, чтобы их получить, достаточно вырубить еще один уголок в лесу.

Покинутые вырубки с невероятной быстротой и силой зарастают новыми растениями, но только не такими, которые росли раньше, а всегда другими.

Вместо твердых, реликтовых деревьев, на которых обы-

кновенно не бывает съедобных плодов, вырастают более нежные породы, могущие доставлять человеку то, что требуется для поддержания его существования.

Тут прорастают зерна, занесенные ветром или птицами, дают ростки орехи и ягоды, брошенные неграми после еды, всходят семена, принесенные сюда паводками. Все это быстро разрастается и созревает на благодатной и щедрой почве.

В несколько лет получается дикий фруктовый сад, если только можно так выразиться. Тут и манговое дерево с пышными, вкусными плодами, внутренние ядрышки которых наполнены веществом, сходным по вкусу и по цвету с шоколадом; тут и *sterculia acuminata*, дающая несравненные орехи кола, или гуру. Этот орех, ужасно пряный и в то же время очень сладкий, интенсивно пропитывает вкусовые бугорки языка и сразу отшибает дурной привкус во рту. Тухлая вода кажется тогда свежей и сладкой. Из-за этого свойства орехи гуру очень ценятся в Судане и составляют там предмет весьма бойкой торговли. Кроме того, им приписываются тонизирующие и противохолерические свойства, засвидетельствованные многими путешественниками.

Вырастает тут на просеках также великолепная пальма — *Eloeis guineensis*, из плодов которой добывается пальмовое масло, и множество других полезных деревьев. Из нежных кустарников назовем имбирный куст, перцовое дерево, различные виды кардамонов и много других растений, поставляющих кулинарные приправы и лекарства.

Не забудем отметить виноград с громадными лозами и с очень сладкими плодами, только недостаточно мясистыми. Путем окультуривания этот виноград можно, разумеется, улучшить.

И все это бывает пестро украшено цветущими растениями-паразитами с пышными листьями и роскошными цветами: бромелиями, орхидеями, ароидами.

Фрикэ и его люди двинулись в путь после отдыха на одной из таких заброшенных засек, которая дала им и тень, и возможность кое-чем освежиться.

Они готовились окончательно расстаться с лесом и выйти на обширную равнину, над которой голубым куполом сияло небо.

Неприятельская земля кончилась. Отряд вступил на территорию Сунгойи. Поэтому люди шли довольно беспорядочно, нестройно, проявляя большую усталость.

Не успели негры, ступившие на равнину, закончить свой протяжный, радостный крик, как их окружил плотным

кольцом неизвестно откуда появившийся отряд черных воинов. Сделано это было молниеносно.

— Это еще что такое? — шутливо спросил Фрикэ. Он не встревожился, а лишь удивился.

Болтливые негры сейчас же заговорили все разом, стараясь объяснить, в чем дело, но Фрикэ, конечно, ничего не понял.

— Так. Орите все вместе, тогда скорее пойму... Однако прочь лапы, а то от вас воняет вашим противным маслом. Я хоть и не Бог весть какой щеголь, но все-таки предпочитаю илан-илан. Лантот, ведь ты у меня присяжный толмач. Спроси у них, чего им нужно.

— Они нас не пропускают.

— А!.. Ну, объясни им цель нашего прихода сюда... Так. Ты по-ихнему говоришь бойко. Что они говорят?

— Что нас отведут к вождю.

— К какому еще вождю? Кто он такой? Если сам Сунгойя, то я согласен, а если другой, тогда заговорят мои винтовки.

— Вождь — сам Сунгойя.

— В добрый час. Нечего больше и разговаривать. Пусть нас ведут!

Фрикэ вскинул винтовку на плечо, сдвинул свой пробковый шлем немножко набекрень, выгнул грудь колесом и пошел впереди своего отряда. Конвой окружил их с тыла и флангов. Видно было, что Сунгойя, во всяком случае, умеет блюсти свою безопасность.

Парижанин первым вступил на поляну, посреди которой виднелся укрепленный поселок. Хижины были опрятные и окружены бамбуковым забором, не в пример прочим туземным поселкам. Но не это заинтересовало Фрикэ. Его слух поразили удивительные звуки.

— Положительно — я во сне!.. Нет, этого быть не может.

Звуки доносились все явственнее и явственнее:

— Раз, два! Раз, два!.. Слушай!

На открытой площадке французский жандарм в полной форме обучал шагистике пехотный отряд цвета настоящего черного дерева.

Их было тут около сотни, без всякого иного одеяния, кроме собственной стыдливости и нескольких амулетов (гри-гри на их языке). Виноградный листок, впрочем, был — в виде коленкорového лоскутка.

«Для коллекции недоставало пока только этого, — подумал Фрикэ. — Наш жандарм положительно неподражаем».

Почтенный воин, увидав друга, отсалютовал ему саблей,

окинул свой отряд гипнотизирующим взглядом бравого командира и продолжал ученье.

— Стой!.. Равнение направо!.. На плечо!.. К ноге!.. Шагом марш!.. — доносилось до парижанина.

Черные рекруты проделывали все это довольно исправно и, во всяком случае, усердно.

Но вот Барбантон степенно вложил саблю в ножны и направился наконец к парижанину, раскрывая объятия.

— Здравствуйте, дорогой Фрикэ. Знаете, я вас давно поджидаю и уже начал беспокоиться.

— Вы ждали меня? Да вы что — колдун?

— Нисколько. Просто я знаю хорошо своих друзей. Я знал, что вы пуститесь по моим следам и непременно догоните. Впрочем, я позаботился послать вам отсюда людей на встречу.

— Кого это? Уж не дезертиров ли, которых мы встретили на прошлой неделе?

— Это наши, мы послали их, чтобы они вас провели сюда.

— Однако позвольте вас поздравить. Вы здесь генерал и командуете армией, хотя и черномазой. Это всегда очень лестно.

— Что ж, от безделья и то рукоделье. А моему приятелю Сунгойе очень хочется попасть в монархи.

— Удивительно! Жанدارм — творец королей! — пробормотал про себя Фрикэ и прибавил вслух: — Вы, значит, скоро собираетесь посадить его на здешний трон?

— Да, Фрикэ. А пока вот обучаю его воинов.

— Удивляюсь одному: неужели они понимают ваши команды?

— Не понимают, а все-таки исполняют... механически.

— Как это так?

— А как у нас в армии: разные инородцы не понимают ни слова по-французски, а команду заучивают? Так же вот и они.

— Это правда.

— И мои здешние рекруты не очень тупы: как видите, в одну неделю обучились всему. Правда, у Сунгойи есть очень действенное средство для развития понятливости.

— Понимаю. Что-нибудь в немецком вкусе, мордобой, палки...

— Совсем нет. Он просто объявил с самого начала, что тем, которые окажутся бестолковыми, будет отрублена голова. Вы представить себе не можете, как подействовало это нехитрое средство. Однако пойдем в хижину. Таким важ-

ным персонам неприлично долго беседовать под открытым небом. Да и форму мне хочется скинуть: хоть она и впечатляет, зато жарко в ней невыносимо.

— Это вы ее так бережно возили в чемодане, когда покидали улицу Лафайета?

— У меня во всем доме только одно и оставалось, чем я дорожил.

Сказано это было с таким чувством, что вся комичность положения, в котором находился старый солдат, как бы на время отошла на второй план. Не хотелось больше смеяться над его непризнанным генеральством и над тем, что он всю эту глупость принимал всерьез.

— Как monsieur Андрэ... отнесся... к моему... бегству?

— Очень жалеет и послал меня за вами.

— Я не вернусь на яхту, пока там моя жена. Лучше сделаюсь канакон и умру здесь.

— Ну, вот, что это вы! Желтая лихорадка не век будет продолжаться, и monsieur Андрэ отправит вашу дражайшую половину в Европу с первым же почтовым пароходом. Я и сам буду рад, когда она вас покинет. Знаете, как только она появилась, на нас посыпались несчастья и беды. Сломал себе ногу monsieur Андрэ, потом...

— Что вы говорите?... Monsieur Андрэ? — Жандарм побледнел.

— Доктор говорит, что ничего опасного нет, но шесть недель нужно лежать, а для энергичного человека это очень тяжело. Не случись несчастья, он бы тоже был здесь. Но это еще не все. С вашей женой тоже случилась неприятность.

— Вот что, Фрикэ. Я вас очень люблю и очень дорожу вашей дружбой. Ради этой любви и этой дружбы дайте мне слово никогда не упоминать о моей жене. Я ее имени не желаю больше слышать. Хорошо?

— Извольте, но только я вам должен сначала сказать...

— Довольно. Ни слова. Вы мне обещали.

— Ну, как угодно, — сказал Фрикэ. — В конце концов, дело не мое.

Друзья шли в это время по бесконечно длинной улице с многочисленными хижинами по обеим сторонам и красивыми тенистыми деревьями.

Позади хижины вся поляна была очищена с помощью огня от пней, и на ней в изобилии росли бананы, маниоки, сорго, просо.

Это селение было гораздо благоустроеннее и опрятнее других деревень, встречавшихся вблизи морского побережья.

Бамбуковые хижины, крытые пальмовыми листьями, имели привлекательный и даже кокетливый вид.

Фрикэ и Барбантон подошли к дому, превосходящему других по размеру. У дверей стоял часовой, молодецки взявши на караул. Барбантон отдал честь.

— Мы пришли, — сказал он.

Глава XIV

Претендент на престоле. — Монарх — добрый парень. — Фрикэ узнает, что и он входит в состав правительства. — Три недели ожидания. — Военное перемирие. — Одно мучение. — Барбантон и «орлиный взгляд». — Наполеоновские позы. — Александр Македонский из Судана. — Не на что прицепить знаки отличия. — Воспоминание об украденном фетише. — Тревога. — Сунгойя пьет нашатырный спирт и готовится к битве. — Бой. — Обходной маневр. — Армия в плену.

Через единственную дверь Фрикэ и жандарм вошли в просторную комнату, в которой стояли два огромных дивана, плетенных из пальмовых листьев. Эти диваны могли служить и кроватями.

Меблировку дополняли грубо сколоченные скамьи, вещи из европейского обихода самого разнокалиберного характера и множество сундуков.

На одном из диванов восседал, поджав под себя ноги по-турецки, негр в матросских брюках на трехцветных подтяжках и во фланелевой жилетке.

Вокруг него на сундуках сидели негры вовсе без всякой одежды, но в полном вооружении. Перед каждым стояло по посудине с сорговым пивом.

Ведь было так жарко!

Человек, сидевший по-турецки, подал вошедшим европейцам левую руку, правая у него была занята: он ею гладил свою поджатую ногу. Потом он сделал величественный жест, приглашая их сесть рядом с собою.

Парижанину он, кроме того, бросил ласковое приветствие:

— Здравствуй, муше!

— Здравствуй, Сунгойя, — отвечал Фрикэ. — Вот ты теперь во всем великолепии. Очень рад тебя видеть.

— И Сунгойя рад видеть белого вождя. Белый вождь поможет Сунгойе одержать победу.

— Рады стараться, ваше величество, — шутливо отвечал Фрикэ. — Сделаем для вас, что можем, хотя вы и убежали с «Голубой Антилопы» довольно бесцеремонно.

— Мой пошел с Бабато... Бабато большой генерал.

Негры постоянно коверкают иностранные слова и в особенности имена собственные.

— Правда, мой жандарм выдающийся военный и притом глубокий теоретик.

— Великий вожь муше Адли не приехал?

— Нет. Он выезжает только в случаях особой важности.

Про сломанную ногу парижанин не нашел нужным сообщать негру.

— Впрочем, — прибавил он, — довольно будет и одного Барбантона. Не правда ли, генерал?

— Разумеется, — отвечал жандармский унтер, польщенный отзывом об его военных способностях. — К тому же главное сделано.

— Действительно, я ожидал, что застану вас сражающимися, а вы тут преспокойно благодумствуете, спихнувши прежнего правителя с трона. Очень рад за Сунгойю; ведь это наш бывший служащий, выражаясь деликатно, а теперь — глядите-ка! — какая важная персона.

А в сторону парижанин прибавил:

— Вот бы напомнить, как он стащил у генеральской супруги медальон-фетиш. Но нет! Молчание! Барбантон не желает слушать... Странная, однако, бывает судьба: товарищ мой попадает в генералы, а лотерейный билет его жены превращается в талисман для негра-претендента и обеспечивает ему успех в государственном перевороте. Тут есть над чем пофилософствовать. Но — молчание, молчание!

— Это произошло очень просто, — продолжал Барбантон, видя, что Фрикэ молчит. — Когда мы плыли в пироге, Сунгойю всюду узнавали и провозглашали королем. Тут и я отчасти содействовал. Дело в том, что Сунгойя проведаль, что в чемодане у меня прежний мундир, и заставил меня надеть его. Мундир — великое дело не только у нас во Франции, но даже здесь. Обаяние его колоссально. К нам отовсюду стали стекаться люди. Число приверженцев росло как снежный ком.

— Снежный ком и — негры. Хорошенькое сопоставление. Мне нравится.

— Так говорится. Одним словом, у нас собралось такое большое войско, что мы без единого выстрела вступили в столицу.

— Значит, дело сделано, и вам незачем больше здесь оставаться.

— Напротив, у нас еще очень много дел впереди. Мы, в сущности, находимся в осаде, хотя этого и не видно. Каждый час следует ждать нападения. Вот почему я и обнес все

дома забором, а солдат ежедневно обучаю военным приемам. Мало победить, надобно упрочить победу.

— Это так, — подтвердил Сунгойя.

С французским языком он, покуда жил в нашей колонии, освоился настолько, что сносно понимал, о чем идет речь, хотя сам говорил с трудом.

— Хорошо. А что потом?

— Потом? Ну, мы будем покоемся на лаврах, будем охотиться, кататься в лодке, а когда кончится желтая лихорадка, вернемся на яхту... Полагаю, что на сегодня аудиенция закончена. Мы посидели на диване у его величества и, следовательно, сделались сановниками первого класса. Формальность немаловажная: нам все теперь будут повиноваться.

— Значит, я тоже вошел в состав здешнего правительства?

— Без сомнения, мой дорогой! Теперь у нас с вами полное равенство в смысле государственного статуса здесь.

— Причем никаких служебных столкновений у меня с вами быть не может, за это я ручаюсь. В военном отношении я охотно вам подчинюсь и буду все ваши приказания исполнять толково и аккуратно, не только за страх, но и за совесть. — Фрикэ все время говорил в шутиливом тоне. — Однако мне бы хотелось отсюда уйти. Здесь козлом пахнет.

— Простимся и пойдем ко мне в хижину. Она рядом, дверь в дверь. У входа тоже стоит часовая.

— Надеюсь, теперь их будет два, хотя бы для того, чтобы не позволять любопытным копаться в моих вещах... Идем, стало быть? До свиданья, Сунгойя, до свиданья, милейший монарх. До скорого!

Уже третью неделю Фрикэ жил в туземном поселке. О неприятеле ничего не было слышно, но его присутствие чувствовалось.

Высылаемые ежедневно разведчики доносили всякий раз о встречах с подозрительными личностями. Не будь при нем двух белых, Сунгойя уже имел бы хорошую стычку со своим соперником.

Это военное перемирие, а точнее осадное положение вблизи невидимого врага, изводило пуще открытой войны. В особенности мучился Фрикэ.

Барбантон был невозмутим и уговаривал парижанина запастись терпением. Тот неизменно отвечал, что он и так уже слишком долго терпит.

Старый унтер все больше и больше входил в свою роль и принимал наполеоновские позы: то целыми часами держал

руку просунутой между пуговицами мундира на груди, то упирался ею в бок, как император на старинной бронзовой колонне.

Во время ученья он то окидывал солдат орлиным взглядом, то пронизывал их взглядом насквозь. Давно уже он не был так счастлив. Понятно, что жалобы и ворчание парижанина были ему неприятны, потому что омрачали его радужное настроение.

Впрочем, надобно сказать справедливости ради, что он очень много сделал для усиления обороны.

Он научил негров не класть в ружье порох целыми горстями, так как ружье от этого только портится и даже может разорваться, не причинив при этом неприятелю ни малейшего вреда. Пули они стали употреблять свинцовые, а не железные и чугунные, вследствие чего стрельба сделалась гораздо действеннее.

«Генерал» обучил своих солдат шаг и другим строевым приемам. Для предстоящей битвы это не имело большого практического значения, но в смысле дисциплины — огромное, потому что приучало слушаться команды.

Негры обыкновенно сражаются по вдохновению, безо всякой тактики. Теперь стало ясно, что из двух враждебных отрядов одержит победу тот, который лучше будет повиноваться своему вождю.

Для парижанина дни тянулись бесконечно долго. Барбантон же говорил, что он и не замечает, как они летят.

Не желая останавливаться на полпути, старый унтер решил пройти со своими солдатами курс стрельбы, научить их рассыпаться в цепь и проч.

— Дайте мне десять тысяч таких солдат, как эти, и я вам берусь завоевать всю Африку, — сказал он однажды парижанину, приняв одновременно обе наполеоновские позы — и аустерлицкую, и такую, как на колонне.

— Очень хорошо, — отвечал не без досады Фрикэ. — Двиньтесь долиной Нигера до Тимбукту, покорите Сунгойе Массину, Гурму, Боргу, Сокото, Борну, Багирми и Вадаи. Захватите, пожалуй, мимоходом Дарфур и Кордофан. Дайте подножку абиссинскому негусу *, пройдите долиной Нила и задайте перцу египетскому хедиву **. Совершите все это, но только не томите меня здесь.

---

* Императору Эфиопии.

** До 1922 г. — официальный наследственный титул вице-короля Египта.

— С удовольствием, дорогой Фрикэ, но надобно подождать, когда у меня соберутся эти десять тысяч.

На это возразить было нечего. Парижанин умолк и стал ждать событий.

У него на минуту мелькнула жестокая мысль — оставить этого Александра Македонского из Судана на произвол судьбы и вернуться на яхту. Но разведчики все время доносили, что река заблокирована.

От скуки Фрикэ принялся учиться мандингскому языку.

Бывали, впрочем, и веселые минуты. Об одном эпизоде Фрикэ долго не мог вспоминать иначе, как задыхаясь от хохота.

Барбантону хотелось, чтобы его ополчение было как можно больше похоже на европейское войско. С этой целью он ввел чины.

Лаптот был сразу пожалован в капитаны. Другие воины, смотря по их толковости и деловитости, были произведены кто в сержанты, кто в капралы.

Сержанты и капралы — это еще куда ни шло. Но ведь они, как правило, отличаются от рядовых разными нашивками на одежде.

А если одежды нет?..

Оказывается, можно обойтись и без нее. Нашивки можно вытатуировать на руке, под плечом, и тогда унтер-офицерское звание останется за человеком на всю жизнь. Нашивки можно спороть, а татуировку не спорешь. Разжигать, значит, будет нельзя.

Пожизненные, несменяемые унтера!

Фрикэ хохотал до упаду, едва себе челюсть не свихнул, а Барбантону это доставило несколько наивно-радостных часов.

Татуировку на теле господ унтер-офицеров производил все тот же мастер на все руки — лаптот, мечтая сам в недалеком будущем о роскошных штабс-офицерских эполетах.

Интересно бы знать, какие ему больше по вкусу: вытатуированные на коже или «всамделишные» на одежде?

Между делом Фрикэ осторожно наводил справки о судьбе медальона госпожи Барбантон.

Это было трудно. Потребовались чудеса дипломатического искусства и ужасающее количество рома, чтобы хоть немного допросить Сунгойю.

Медальон, действительно, находился у него. Он обокрал путешественницу без всяких угрызений совести. Когда негром овладевает жадность, он теряет всякое нравственное чувство.

На эту вещицу он, впрочем, смотрит, как на могущественный талисман, благодаря которому супруга жандарма избавилась от обезьяны, а он, Сунгойя, отвоевал себе престол.

Во всем этом он сознался парижанину, будучи безобразно пьян, и все-таки до талисмана не только не позволил дотронуться, но даже и взглянуть на него не дал.

Медальон висел у него на шее, на цепочке, в кожаном футляре.

От одного чужого взгляда он мог утратить свою чудодейственную силу.

Фрикэ нужно было взять его в руки хоть на одну секунду, чтобы вытащить из него лотерейный билет, имеющий большую ценность. Хотя он и не имел причин быть особенно довольным госпожой Барбантон, все же считал своим долгом содействовать отысканию пропажи.

Он стал следить за Сунгойей, решив при первом же удобном случае вытащить из медальона содержимое, саму вещь оставив негру.

Случай не замедлил представиться.

Однажды Фрикэ сидел с Сунгойей и по обыкновению спаивал его пивом и ромом. Чтобы не возбудить подозрений в чернокожем монархе, Фрикэ делал вид, что тоже пьет: всякий раз подносил стакан ко рту и выливал себе за рубашку. По окончании выпивки он пошел к себе переодеться после душа из алкоголя, как вдруг его остановили бешеные вопли, раздавшиеся со всех сторон.

Часовые с передовых постов отступали с криком:

— К оружию!.. Неприятель!..

Селение зашевелилось, наполнилось движением и шумом.

Черные ополченцы в относительном порядке собрались на указанных местах. Появился сам Барбантон в полной форме, важный, торжественный, на целую голову возвышаясь над толпой.

Так как все распоряжения на случай атаки были сделаны заранее, то каждый уже знал, что ему делать, и потому оборона была организована в один миг.

Фрикэ наскоро вооружился скорострельным «винчестером», который в бою гораздо удобнее тяжелых охотничьих ружей, и принял командование над отборным отрядом, чтобы защищать королевскую хижину и священную особу монарха, находившегося в это время в состоянии полной невменяемости. Крики усилились. Сражающиеся перекликались подобно гомеровским героям, треск перестрелки разда-

вался со всех сторон. Бой разгорался по всей линии фронта. Штурм, к которому давно готовились, начался.

Тут-то и выявился во всем блеске стратегический генеральный полководец, который в продолжение месяца был душою обороны.

Не будь им сделано известных распоряжений, оказавшихся теперь весьма дальновидными, вчетверо сильнейший неприятель овладел бы столицей без единого выстрела.

Но первый же вражеский натиск был остановлен бамбуковым забором, из-за которого осажденные довольно успешно палили, сами не неся никаких потерь.

Тем временем Фрикэ, будучи, так сказать, в резерве, достал у себя из походной аптечки флакон с нашатырным спиртом, накапал в воду надлежащее количество капель и влил в рот пьяному королю.

Сунгойя вскочил, точно глотнул расплавленного свинца, встряхнулся, потянулся, протер глаза, стал чихать и в конце концов пришел в себя.

В двух словах ему объяснили, что наступила решительная минута. Тут он выказал себя молодцом и собрался принять деятельное участие в спектакле, исход которого, впрочем, волновал его больше, чем кого-либо другого.

Перестрелка как будто стала стихать. Неужели осажденные выдыхаются? И раскатистых команд «генерала» что-то не слышно. Между тем осаждающие кричат все громче, и выстрелы с их стороны участились. Что же это значит?

Неужели какая-нибудь непредвиденная катастрофа изменила положение дел так, что вместо первоначального несомненного успеха случилось поражение?

На войне все так переменчиво, все зависит от случая. Слабо защищенный забор проломлен во многих местах; разъяренные черные демоны со всех сторон врываются в селение. Стрелки Сунгойи отступают в полном порядке, без потерь, и занимают королевский дворец, который Фрикэ непочтительно назвал «правительственной избой».

Число нападающих растет в ужасающей прогрессии.

Дворец защищен хорошо. Обороной командует Фрикэ. Сунгойя рядом с ним — взволнованный, пепельно-серый. Фрикэ его успокаивает:

— Ну, ну, монарх, ободрись. Защищай свою шкуру. Ведь если ты будешь побежден, твоя песня спета.

Около дворца кипит бой. Стрелки не успевают заряжать ружья. Начинается рукопашная. Вдруг раздается знакомый резкий свисток.

Стрелки узнают сигнал, падают на землю ничком. Хруп-

кие стены дворца словно воспламеняются. Гремит залп сотен ружей! На осаждающих обрушивается целый ураган свинца.

Несколько десятков черных тел валятся на землю, обгряя ее кровью. Раненые корчатся и воют от боли и ярости. Атакующие деморализованы, но скоро оправляются от испуга и снова идут на штурм. Их ведет высокий негр в мундире английского генерала. Это сам низложенный король. Он молодчина: храбр и энергичен. Но лицо его очень уморительно выкрашено в белую краску, а щеки даже в розовую. Имитация белого человека для пущей важности. Он дерется отчаянно храбро и умеет подбодрить своих воинов. Те с безумной отвагой лезут вперед. Они совсем не похожи на выродившихся негров морского побережья. Впрочем, отсюда до берега более пятисот верст.

Защитники дворца стараются изо всех сил. Они поддерживают непрерывный ружейный огонь, по нападающих такое множество, и все прибывают новые и новые силы.

— Эти черные чучела дерутся молодцами,— сам с собой рассуждает Фрикэ.— Мне даже неприятно бить их из ружья, как кроликов. Я вообще не люблю убивать, и если бы дело шло не о спасении собственной жизни, я бы теперь чинно и благородно сидел сложа руки. Черт бы побрал этого жандарма с его побегом и его черномазого приятеля с его престолом и милицией... К черту всю эту поганую лавочку!.. Однако дела наши из рук вон плохи... Между тем у меня нет ни малейшей охоты подставлять свою шею под ножи. Ждать больше нечего. Придется прибегнуть к сильному средству.

Он схватил свои тяжелые ружья, бывшие у него тут же под рукой, принялся расстреливать негров, ломившихся в дверь.

Окутанные облаком порохового дыма, под градом все-сокрушающих пуль, нападающие отхлынули в беспорядке.

Вождь попытался повернуть их в наступление, но произошел новый инцидент, довершивший расстройство их рядов.

В тылу вдруг раздался зычный голос «генерала». Барбантон, взяв с собой отборных стрелков, совершил обходной маневр и теперь бегом приближался к месту битвы.

— Пли!..

Нападающие очутились между двух огней. Видя, что сопротивление бесполезно, они побросали оружие и обратились в бегство. Но «генерал» принял меры. На побежденных со всех сторон были направлены ружья. Бежать невозможно.

Барбантон вложил саблю в ножны, взял в левую руку

револьвер и подошел к потрясенному, растерявшемуся вождю разбитой армии.

Схватив его по-жандармски, правой рукой за шиворот, он объявил:

— Вы мой пленник... И вы, солдаты, долой оружие! Сдавайтесь, а не то хуже будет. Я не могу ручаться ни за что.

Глава XV

После победы. — Пословица неверная. — Пленники. — Недостойное обращение. — Массовое избиение. — Беспольный протест. — Дружбам все это кажется отвратительным. — Приготовления к отбытию. — На другой день после избиения. — Негр находит, что у белых делается то же самое. — Дипломатия дикаря. — Сунгойя собирается угостить своих воинов слоном. — Великие полководцы не любили охоту. — Барбантон тоже не любит. — Поиски. — Нет слона! — Похищен змей.

Сделанный Барбантоном обходной маневр решил исход битвы. Сунгойя торжествовал. Победа была тем полнее, что соперник его сам попался в плен:

Взял его сам «генерал», собственноручно.

Числа убитых никто не знал, да об этом и не заботились.

Все внимание победителей было сосредоточено на пленных. Их было около пятисот человек, в том числе много раненых. Обезоруженные, крепко связанные, они валялись на солнцепеке, точно скот, назначенный на убой.

Фрикэ и жандарм не без тревоги задавались вопросом о том, что с этими несчастными сделают.

Победители пока лишь утоляли жажду, поглощая невероятное количество пива.

Сунгойя, после одержанной победы окончательно укрепивший свою власть, как бы поставил себе целью опровергнуть пословицу, — конечно, неверную, как и большинство их, — будто бы «благодарность есть добродетель негров».

На европейцев, оказавших ему такую сильную поддержку, он почти и не глядел.

— Каков болван! — ворчал Фрикэ. — Дует пиво, а нам ни слова благодарности, даже ни единого взгляда.

— Да, он что-то не особенно предупредителен с нами, — согласился Барбантон.

— Это с его стороны довольно гнусно. Я вовсе не претендую на титул герцога для вас или для себя, но сказать «спасибо» не мешало бы. Впрочем, чего же ждать от этих черномазых? Все они дрянь страшная.

— Боже мой! Что такое они хотят делать?

— У меня мороз пробегает по коже.

Сунгойя отдал приказ, который взволновал всех его подданных: Даже самые отчаянные пьяницы перестали пить.

Все бросились к пленным, подтащили их к забору и привязали стоя к кольям. Несчастные, несмотря на крайне грубое и жестокое обращение с ними, вооружились гордым терпением и не издали ни одного стога.

Все было сделано с невероятной быстротой. Сунгойя объявил, что пленных сначала накажут розгами женщины и дети.

Этого объявления, очевидно, все ждали. Оно было встречено дикими криками. Из хижин, вопя и сотрясая палками, высыпала целая армия отвратительных мегер и противных маленьких уродцев с толстыми животами и тонкими ногами.

На пленников посыпался град ударов. Несчастные корчились, скрежетали зубами, выли, как звери, обдираемые заживо.

Терпению человеческому есть предел.

Победители тем временем оттачивали свои дрянные сабли, одобрительным хохотом поддерживая истязателей.

Фрикэ и Барбантон в страхе догадывались...

Покрасневшие от крови палки ложились на спины истязуемых все реже и реже. У истязателей устали руки.

Сунгойя дал знак. Они остановились и стали отдуваться. Посудины с пивом пошли кругом. Стар и млад, все с жадностью упивались пьяным напитком.

Воины покрепче, то есть не раненые и не очень пьяные, подошли с поднятыми саблями к забору к измученным, истерзаным, облитым кровью пленникам.

Европейцы поняли. Изверг, которому они сами же помогли одержать победу, собирался отдать приказ о массовом убийстве. Этого они выдержать не могли.

Оба бросились к негодю и принялись уговаривать его, чтобы он не пятнал победы гнусной жестокостью.

— Ты жил с белыми,— вскричал Барбантон,— ты видел, что они шадят побежденных. Убивать пленного — низость, и если ты хочешь править своим народом по примеру белых, ты должен перенимать их обычаи. Я тебе помог одержать победу, проводив тебя сюда, обучив твоих воинов. В награду я прошу пощады этим людям.

— Мой друг говорит дело,— с важностью вмешался Фрикэ.— Пленных нельзя убивать. Если ты это сделаешь, мы сейчас же покинем тебя и призовем проклятие на твою голову.

— Что же мне делать? — возразил плут-король на ломаном французском языке, на котором говорят обычно негры.—

Кормить их я не могу — нечем. Нам самим мало. Отпустить их? Они завтра же на меня нападут снова. Продать их в рабство тоже нельзя: вы же сами, белые, этого не позволяете и вешаете тех, кто покупает. Единственное средство кончить с ними — это их убить. На моем месте они сделали бы то же самое. Таков обычай. И вождь должен умереть первым. Всегда нужно убить того, чье место занимаешь. Назад не возвращаются только мертвецы. Вы же, белые, если хотите остаться моими друзьями, не вмешивайтесь в мои дела и уважайте наши обычаи. Я здесь единственный повелитель.

Негодяй взмахнул саблей над низложенным королем и снес ему голову одним ударом.

Это было сигналом.

За каждым пленником уже стоял палач. Одновременно с тем, как Сунгойя взмахнул саблей, на головы пятисот пленников опустилось также по сабле.

Но не все палачи-победители оказались такими ловкими, как их достойный вождь. У многих сабли не перерубили позвонков или врезались выше шеи, в череп. Последовали новые взмахи, новые удары. Слышались стоны, нечеловеческие крики, ужасное хрипенье...

Кровь брызгала из перерезанных артерий, дождем окатывала палачей, обливала землю, забор. Образовалось кровавое болото.

Возмущенные европейцы с отвращением отвернулись и поспешили в свою хижину. Они не присутствовали при дальнейших сценах живодерства, когда вырывались внутренности, а еще трепещущие сердца поедались победителями, опьяненными вином и кровью.

Не желая дольше ни минуты оставаться в обществе таких зверей, европейцы принялись укладываться.

Барбантон, браня себя за помощь, оказанную таким скотам, проклинал свое бегство и объявил, что вернется на яхту, несмотря на присутствие там госпожи Барбантон. Весь воинственный пыл с него соскочил, охлажденный этими потоками крови, этой гнусной жестокостью. Изнанка воинской славы предстала перед ним во всей наготе — и он от души ее возненавидел.

Он проворно скинул с себя мундир, уложил в чемодан, сунул саблю в чехол из зеленой саржи и глубоко перевел дух, сам себя, в качестве главнокомандующего, отправляя в отставку.

Верный сенегалец пришел провести своих господ. Он давно не видал их и тревожился.

Ему тоже не по вкусу была эта бойня и последовавшая

Сунгойя был в английском генеральском мундире

за ней сцена людоедства. Он уже успел достаточно цивилизоваться рядом с европейцами. Поэтому он наотрез отказался, когда ему предложили выпить и закусить. Его отказ вызвал сенсацию и недовольный ропот.

Прочие негры были мертвецки пьяны. Они не годились никуда.

Это было досадно, потому что без них нельзя было обойтись: требовались носильщики и, кроме того, гребцы, потому что европейцы решили возвращаться домой речным путем. Пришлось отъезд отложить.

Настала ночь.

Они поужинали на скорую руку рисом с овощами, испе-

ченными в костре, и легли спать. Сон был тревожный, кошмарный. На всякий случай они даже положили около себя винтовки, но за ночь ничего особенного не случилось.

Взошедшее солнце осветило поселок, успевший принять почти обычный вид. Трупы были убраны. О битве и боине напоминали только опрокинутые кое-где хижины, выломанный забор, следы пуль на деревьях и обширные лужи крови, не успевшие просохнуть.

Сунгойя, протрезвевший, но сильно помятый с перепоя, заглянул навестить своих друзей-французов.

Он облачился в английский генеральский мундир, тот самый, который был вчера на его сопернике.

Барбантон набросился было на него с упреками за вчерашнее безобразие, но благоразумный парижанин сразу его перебил. К чему бесполезные разглагольствования? Сделанного не воротишь. Находясь в дикой среде, приходится считаться с ее обычаями.

Чем ссориться и спорить, лучше молча уложить свой багаж и уходить, раз не нравится.

Сунгойя увидел сборы в путь и очень удивился. По своей дикарской наивности он никак не подозревал истинной причины спешного отъезда европейцев.

Белые друзья чем-то недовольны? Обиделись на него? За что? Быть может, он чересчур возвысил голос, когда спорил из-за пленных, которым добрые белые люди просили сохранить жизнь. Но ведь это оттого, что он вчера был возбужден — и битвой, и пивом, и ромом. Правда, он казнил всех пленных, но ведь и у европейцев это бывает. Ему рассказывали белые матросы.

— Неправда! — резко возразил Барбантон. — У нас казнят только пленных бунтовщиков.

— Ну, вот видишь, — возразил негр. — Казнят, стало быть.

— Так это не одно и то же. Тут бунт, междоусобица, гражданская война, когда между собой воюют люди одной и той же страны.

— Все белые из одной и той же страны, и все негры из одной и той же страны. Есть земля белых людей и есть земля черных людей. Почему же одних можно расстреливать, а других нельзя? Я этого не понимаю. Во всяком случае, это дело конченное. Не для того я пришел, чтобы спорить без надобности. Я теперь успокоился, обезопасил себя от врагов, и мы можем с вами поразвлечься.

— Покорнейше благодарим, — отвечал Фрикэ холодным тоном. — Нам пора домой, на наш корабль. Мы и так задержались. Наш начальник давно нас ждет.

- Поспееете... а сегодня позабавимся.
- Нам не до забав. Ехать пора.
- Поспееете... а сегодня позабавимся.
- Да что ты все заладил одно? — возразил с нетерпением Фрикэ. — Хуже кукушки! Чем нам забавляться?
- Охотой.
- Охотой?.. Какой?..
- Слоновой.
- Почему тебе в голову пришла слоновая охота?
- Потому что ты великий охотник, и ружья у тебя большие, они бьют по крупным животным. И потому еще...
- Ну? Еще почему?
- Потому что у нас нет провизии. Завтра будет нечего есть, а слона хватит на несколько дней.
- Этаким хитрецом король! Так бы и сказал, что хочешь сделать с нашей помощью запас мяса. Очень хорошо. Я согласен. А после того можно будет уйти или нет?
- Можно.
- И ты дашь нам пирогу с гребцами, чтобы доехать до Фри-Тауна?
- Дам, если убьете слона.
- А когда нужно будет его убить?
- Завтра.
- Завтра? Это хорошо. Значит, у тебя есть слон на примете, раз ты так говоришь?
- Я тебя приведу куда нужно с Бабато-генералом.
- Хорошо. Постараюсь добыть для тебя эту мясную гору.

Снарядились и многочисленной толпой пошли в лес, где, по словам Сунгойи, скрывался слон.

Минуты были дороги. Поселку грозил голод. Вся провизия вышла за время, предшествовавшее сражению.

Слона необходимо во что бы то ни стало убить.

Фрикэ далеко не разделял радужных надежд Сунгойи и доказывал ему возможность неудачи. Не потому, что парижанин боялся встречи со слоном, но он заметил, что Сунгойя всю надежду на эту встречу возлагает почти исключительно на могущество своего талисмана.

С позиции разума это было очень наивно.

Что касается Барбантона, то он отнесся ко всему крайне апатично. Ему было все равно. Он шел молча.

Великий полководец, быть может, мечтал о новой славе, обдумывал план завоевания Судана?

Или он переживал из-за кровавого и гнусного эпизода, разбившего его карьеру.

Впрочем, он вообще не был охотником. Все великие полководцы не любили охоту, смотрели на нее как на пустую забаву, недостойную их.

Ни Тюренин, ни Конде, ни Густав-Адольф, ни Карл XII не были охотниками. Ни Фридрих Великий, ни Наполеон.

Они охотились на людей, травили их, избивали, науськивали на них свои армии. Но гоняться за каким-нибудь зверем, тратить на это время — никогда! Заниматься таким ничтожным делом, когда от них зависят судьбы мира!

Как бы то ни было, но только жандарм о чем-то глубоко задумался и молчал, все время не покидая наполеоновской позы № 1, то есть просунув руку между пуговицами мундира.

Углубились далеко в лес, а слоновых следов нигде не обнаруживалось — не только свежих, но даже старых.

И все-таки Сунгойя уверял, что слон непременно появится. Так сильна была его вера в талисман.

Он то и дело дотрагивался до него руками, не то затем, чтобы убедиться в его сохранности, не то из желания пробудить в нем прежнюю силу, чтобы перенять ее самому.

Фрикэ посматривал на него искоса и думал:

«Хоть бы на эту скотину дерево, что ли, свалилось и придавило бы его хорошенько! Я открыл бы медальон, вынул из него билет госпожи Барбантон, а саму вещь оставил бы, пожалуй, этому плуту, если бы он не до смерти оказался раздавленным».

Солнце закатилось. Сделали привал в лесной чаще, разведя костры во избежание чересчур короткого знакомства со львами, которые всю ночь с рыканьем бродили около огней, своей многочисленностью оправдывая данное этой стране название (Сьерра-Леоне означает «Львиная гора»).

Слышно было также ворчанье леопардов, рев горилл, визг гиен и блеянье антилоп, но ни разу — ни вдали, ни вблизи — не протрубил слон, а его звучный металлический глас всегда отличишь сразу, не спутав ни с чем.

Между тем Сунгойя продолжал непоколебимо верить.

Он проспал всю ночь сном праведника, зажавши руками талисман, и утром объявил, что сегодня еще до заката солнца слон будет найден и убит. Белых друзей он посулился угостить таким рагу из слоновьего мяса, какого европейским поварам не приготовить ни за что.

Фрикэ только плечами пожал, насвистывая утреннюю зорю; вскинув на спину большую винтовку, он вместе с Барбантоном занял свое место в самом хвосте отряда. Впереди шел Сунгойя, как и подобает вождю и в то же время

двуногой ищейке. За ним гуськом тянулись сперва его приближенные, потом целою толпою чернь и, наконец, оба европейца.

Такой порядок был принят ввиду того, что европейцы стуком своей обуви могли спугнуть зверей, тогда как босые негры шли беззвучно, как ползают змеи.

Фрикэ перестал насвистывать. Он зарядил винтовку Гринера двумя пулями в металлических гильзах, срезал палку для опоры и тронулся в путь.

Барбантон молча шагал, чередуя наполеоновские позы и все что-то обдумывая.

В лесу стояла полная тишина; лишь где-то наверху, в непроницаемом зеленом своде, чуть слышно чирикали птицы.

Вдруг за гигантскими стволами, на которых покоился этот свод, раздался громкий крик ужаса и прокатился по всему лесу. Цепочка всколыхнулась вся от начала до конца и круто разорвалась.

Фрикэ хладнокровно взял ружье на прицел; Барбантон, выведенный из задумчивости, сделал то же. К ним быстрым шагом, но стройно — видно, уроки старого унтера пошли впрок — приближались испуганные люди авангарда.

Старый унтер, глядя на них, чувствовал большое удовольствие.

— Стой! — скомандовал он.

Услыхав знакомую команду, люди разом остановились, как на ученье.

— Что с вами такое? — спросил Фрикэ, призывая себе на помощь все свои познания в наречии мандингов.

— Господин!.. Сунгойя!..

— В самом деле, где же это он? Что с ним случилось? Или гри-гри сыграл с ним какую-нибудь штуку?

— Сунгойя!.. Бедный Сунгойя!.. Такой великий вождь! О, горе!..

— Смирррно!.. — прогремел Барбантон. — Нельзя говорить всем вместе. Говорите кто-нибудь один.

Все разом стихло.

— Ну вот. Хотя ты, что ли, номер первый, отвечай и объясни, что такое у вас произошло. Да только без околечностей. Отвечай, как по команде: раз, два! Где Сунгойя?

— Схвачен, утащен.

— Кем?

— Змеей.

— Дело дрянь.

— Позвольте, позвольте! — вскричал Фрикэ. — Я так не согласен. Пусть змея утащила его — ей это ничего не стоит, они здесь громадные, с целое дерево. Но я не желаю, чтобы она его съела. Тогда как же гри-гри?

Глава XVI

Каких размеров достигают змеи. — Каким образом змея унесла Сунгойю. — Фрикэ объявляет, что у него нет рекомендательной конторы для безработных монархов. — Трясина. — Устройство гати. — Барбантон все еще командует, и его слушаются. — Саперы. — Что осталось от черного властителя. — Две ноги и два лоскутка от костюма. — Змея совершает пищеварение. — Смерть змеи. — Громада копченого мяса. — Место слонины. — Возвращение. — На реке Ро-келль. — На рейде. — Яхта. — Перетянутый флаг.

Самые крупные змеи обоих полушарий, как известно, не ядовиты, как, например, ужи, боа, анаконды, питоны.

Но хоть у этих змей и нет ядовитых зубов, наносящих смертельные раны, однако они очень опасны благодаря своей огромной мускульной силе. Опасны даже для крупных млекопитающих.

К счастью, эти чудовища редко выползают из непроходимых экваториальных лесов и вязких болот, не доступных человеку.

Какой величины достигают эти змеи? Приведем несколько примеров из достоверных свидетельских показаний.

В 1866 году капитан Кэмбден убил в окрестностях Сьерра-Леоне питона, длиной в 28 английских футов, то есть в девять метров восемь сантиметров, при сорока сантиметрах в диаметре (у желудка). Несли его потом шесть человек. Капитану посчастливилось сделать из змеи превосходное чучело. Теперь оно находится в Лондоне в частном музее.

Капитан Фредерик Буйе рассказывает о жандармском унтер-офицере в Гвиане, который был изувечен напавшим на него громадным ужом. Этому ужа, впрочем, ему удалось убить. Чудовищный гад был двенадцати метров длины.

Жандарм остался жив и в 1880 году служил смотрителем маяка в Илэ-лэ-Мере.

Путешественник Эмиль Каррэ, исследователь Амазонки, наблюдал водяную змею анаконду, живущую в Амазонке, длиной в двенадцать метров шестнадцать сантиметров при шестидесяти сантиметрах в диаметре. Семь человек насилу могли ее перевернуть.

Французский путешественник Адансон, пять лет путешествовавший по Сенегалу, видел страшных питонов от три-

надцати до шестнадцати метров длины и от шестидесяти пяти до восьмидесяти сантиметров в диаметре.

Сам пишущий эти строки, путешествуя в 1880 году по реке Марони в Гвиане, остановился однажды у гостеприимных индейцев аруагов. В хижине вождя он увидел очень странную скамейку и вскоре рассмотрел, что она сделана из позвонка змеи. Позвонок был сорока шести сантиметров в диаметре.

Индеец ни за какие деньги не согласился уступить табурета, потому что последний входил в состав колдовского арсенала.

Какой же человек, какое же животное в состоянии сопротивляться, когда его обовьет эта громадная спираль из холодного, крепкого тела, стиснет, задушит, изомнет, раздавит и превратит в бесформенную массу мускулов, костей, кожи и внутренностей? Притом же нападает змея всегда предательски, украдкой, застигая врасплох.

Встреча с крупным диким зверем не так опасна. Там возможна защита, борьба и надежда на успех.

Сунгойя, разумеется, погиб, раз его утащила змея. Очевидцы события передавали, что змея была громадной величины. Таких они еще не видавали ни разу.

Барбантон скомандовал:

— Вольно!..

К неграм сразу вернулась их обычная болтливость. Они принялись обсуждать событие на все лады. В особенности их смущало то, что они остались без короля.

Если бы Сунгойя не убил того, другого, то можно было бы столковаться.

— Что же я могу для вас сделать? — сказал серьезным тоном Фрикэ. — В короли к вам идти сам я не могу, и рекомендовать мне некого. У меня нет рекомендательной конторы для безработных монархов. Обратитесь к вашему генералу, хотя он, после неудачного опыта с одним правителем, едва ли пожелает взять на себя поставку вам другого. Но довольно шутить. Хоть я и не особенно интересуюсь вашим Сунгойей, но все-таки мне нужно его отыскать. Змейный след, наверное, остался. Покажите мне место, где это произошло. Скажите, генерал, что с вами? Вы словно воды в рот набрали.

— Мне жаль своих трудов. Эти люди скоро забудут, чему я их выучил.

— Так оставайтесь у них. Довершите их военное образование. Станьте у них королем. А не то объявите республику и назовитесь президентом.

Дерево выпрямилось и обвилось вокруг негра

Барбантон тяжело вздохнул и молча пошел рядом с другом.

Пожалуй, ему ничего другого и не оставалось делать.

Фрикэ вскоре достиг места катастрофы и попытался домыслить, как это произошло. На земле, поперек дороги, по которой шел отряд, лежало упавшее дерево. Сунгойя перепрыгнул через него и свалился на другое, лежавшее рядом. Но вдруг это второе дерево выпрямилось с громким свистом, в один миг обвилось вокруг несчастного негра, который успел только прохрипеть, и увлекло его в лес.

Дерево оказалось громадной змеей.

След ее был хорошо виден на топкой почве; он был вда-

лен полукругом, точно тут тащили круглое бревно или мачту. Но след пропадал в жидкой трясине, идти по которой было невозможно.

Но Фрикэ упорствовал. Топко, нельзя идти? Можно устроить гать из камышей и ветвей деревьев. Не оставлять же на произвол судьбы змею, которая только что проглотила человека с тремьями тысячами франков на шее.

Негры поняли желание Фрикэ. Они нарезали камышей, которые росли в изобилии по краям болота, связали их в пучки и принялись устилать ими трясину по змеиному следу.

Сначала они работали усердно, и камышовый настил протянулся на довольно значительное расстояние. Но вот им или надоело работать, или начала страшить встреча со змеей, только трудиться они стали все ленивее, и, наконец, работа совсем прекратилась.

Но это не входило в планы Барбантона.

Видя упорство своего друга, хотя и не понимая причины, по которой ему так понадобилась змея и ее жертва, он громко скомандовал:

— Стройся!.. Стой!.. Смирно!..

Негры повиновались, как на ученье. Барбантон умел командовать, умел влиять на этих чернокожих и подчинять их своей воле. Они боялись блеска его серых глаз и слепо повиновались ему.

Он объяснил им частью, как умел сам, частью через переводчика-сенегальца, что от них требуется беспрекословное повиновение... Работа необходима, а стало быть, и обязательна. Пусть они работают по-военному, а не то...

Что «не то»? Что он мог сделать?

Барбантон забыл, что сам же вышел в отставку, что его генеральское прошлое рассеялось, как дым, что ему даже опереться не на кого, так как король, который облек его властью, больше не существует. И все-таки он приказал — и его послушались. Встав во главе отряда, Барбантон скомандовал:

— Марш!..

Пехотинцы превратились в саперов и двинулись в болото за своим командиром.

Работа снова закипела. Гать настилали и двигались по ней вперед. Но вот Фрикэ увидел перед собой примятый на большом пространстве камыш, словно тут прошло целое стадо гиппопотамов.

Он первый ступил на это место и вскрикнул от удивления. Перед ним шагах в пяти или шести лежали две черные ноги, покрытые роем разноцветных мух. Повыше колен видне-

лись два красных лоскутка — очевидно, то были остатки генеральского мундира, в котором щеголял Сунгойя.

Остальное тело было проглочено змеей.

Сама она находилась тут же на виду и доглатывала черного короля. Она его измяла, превратила в тесто, смочила всего слюной и начала глотать с головы. Операция была окончена на две трети. Оставались не проглоченными только ноги.

Что за страшилище! Какая голова! Какое туловище! Какие громадные размеры.

Фрикэ много видел, много читал на эту тему, но никогда не представлял себе ничего подобного.

В эту минуту змея была совершенно не опасна, потому что вся была набита пищей так, что могла даже лопнуть.

Процесс пищеварения еще не начался — тогда змеи впадают в полное оцепенение. Но челюстями уже действовать она не могла.

Зубы у змей, как известно, загнуты назад, так что, когда она ухватит крупную добычу, то не может от нее избавиться иначе, как проглотивши ее целиком, а процесс заглатывания совершается не сразу. Случается, что крупное животное, покрытое мухами, уже начинает разлагаться в той части, которая еще не проглочена змеей и не находится в ее пасти.

Фрикэ глядел на змею спокойно, с холодным любопытством. Жили в этом страшном пресмыкающемся только одни глаза — круглые, черные, маленькие, подвижные, как у птицы. Длинное тело медленно извивалось, совершая глотательные движения.

Но змея могла убить и хвостом. Поэтому Фрикэ решил покончить с ней. Приказавши всем отодвинуться, он спокойно подошел к ней, прицелился из винтовки и выстрелил.

Сквозь дым парижанин увидел, как что-то вдруг выпрямилось, словно мачта, и сейчас же рухнуло в трясину.

Бултых!.. Во все стороны полетели липкие, вонючие брызги. Фрикэ разглядел, что у змеи прострелен насквозь затылок. Шейные позвонки перебиты. Конечно, она была сражена насмерть сразу, но все-таки нашла силы на миг судорожно выпрямиться и только тогда уже упала. Такова их живучесть.

Парижанин стоял и смотрел на чудовищное пресмыкающееся, половина которого была погружена в ил.

Он позвал Барбантона, который сейчас же подошел со всеми неграми.

— Взгляните, жандарм, какого я червячка застрелил. Недурен, а?

— Да, она должна весить не меньше квинтала! *

— А длина — не меньше двенадцати метров.

— И толщиной с бочку. Что же с ней делать?

— Ваши негры привяжут к ее шее лиану и вытащат из трясины, а кожу мы сдерем и подарим господину Андрэ... Мяса тут будет около ста килограммов. Не желают ли подданные Сунгойи взять его себе вместо слонины? Кажется, они едят змеиное мясо. Предложите им.

— Хорошо. А как быть с трупом Сунгойи?

— Я сам вытащу его из змеи, и потом мы его похороним.

— В этом я вам не помощник. Мне противно. Я не выдержу.

— Все зависит от нервов. Мне это нипочем.

Фрикэ подошел к мертвой змее, выломал ей тесаком челюсти, раздвинул их посредством деревяшки и вытащил тело Сунгойи. Черты лица еще можно было узнать.

На шее несчастной жертвы висел медальон в кожаном мешочке. Фрикэ оборвал цепочку и спрятал медальон в карман.

Более ему, в сущности, ничего не было нужно.

...Тело своего короля негры без дальнейших церемоний закопали в ил, а змею лианами вытащили из болота. Парижанину они помогли содрать с нее кожу, а мясо разрубили на куски, закоптили и унесли к себе в поселок.

На несколько дней они теперь были обеспечены продовольствием.

Фрикэ собрался домой. Мандинги очень упрашивали его и «генерала» остаться у них, но, разумеется, безуспешно.

Отъезжающие выбрали себе крепкую, просторную пирогу, устроили на ней навес из листьев, велели перенести в нее свой багаж и решили тронуться в путь в тот же день.

Три негра и сенегалец, из сухопутных капитанов, разжалованный в простые гребцы, заняли свои места, и вот все шестеро уже быстро мчались вниз по течению реки Рокелль.

Через четыре дня они вступали на Фритаунский рейд.

Барбантон по известным причинам не желал появляться на яхте, поэтому пироге было велено причалить к верфи, несмотря на то, что всюду еще развевался зловеющий желтый флаг — на сигнальной мачте, на казармах и на больнице.

Вдруг Фрикэ вздрогнул и тревожно вскрикнул.

— Что с вами, дитя мое? — спросил Барбантон.

— Посмотрите! — отвечал юноша, указывая на изящный кораблик, стоявший на якоре в двух кабельтовых.

— Вижу: яхта «Голубая Антилопа». Какая жалость,

---

* Центнер, или 100 кг.

что мне туда нельзя и что я не увижу monsieur Андрэ!

— А что на мачте? Видите?

— Боже!.. Проклятый желтый вымпел!.. Болезнь проникла на яхту!

— Не только это. Неужели вы не замечаете траурных лент на реях и приспущенного национального флага? На яхте покойник.

Тревога овладела в равной мере обоими. Барбантон уже не желал высаживаться на пристани. Он указывал гребцам на яхту и кричал сдавленным голосом:

— К яхте, ребята! Живей!..

Через несколько минут они уже на борту — запыхавшиеся, расстроенные. И видят торжественную, но мрачную и тяжелую сцену.

Глава XVII

Гроб на яхте.— В тоске и тревоге.— Жертва эпидемии.— «Прощай, матрос!» — В период отсутствия двух друзей.— Что делала madame Барбантон, пока «генеральствовал» ее муж.— Самоотверженность.— Раскаяние.— Фрикэ отдает медальон по назначению.— Он пустой! — Жандарм сознается в краже с благими намерениями.— Два выигрыша.— Отъезд домой.

Происходящее на палубе яхты представляло, действительно, драматическую, потрясающую картину.

В кормовой части на палубе выстроился в две шеренги экипаж в угрюмом безмолвии. Перед строем, ближе к рулю, был установлен узкий длинный ящик, прикрытый национальным флагом. То был гроб. Подле него стоял капитан.

Фрикэ и Барбантон обмерли, не видя monsieur Андрэ. Невыносимая тоска и тревога овладели ими обоими. Но через минуту оба облегченно вздохнули.

Страшный кошмар рассеялся.

О, эгоизм дружбы! Они увидели бледное лицо самого monsieur Андрэ, поднимавшегося по лестнице на палубу. Он едва мог ходить, но все-таки счел себя обязанным отдать покойнику последний долг.

Он жив!

Они готовы оплакивать того, кого уложила в гроб безжалостная смерть, но — слава Богу, что это не monsieur Андрэ. Это было бы ужасно!

— Неужели это она умерла, а я с ней и не помирился перед смертью? — проговорил жандарм тихо.

Андрэ подошел к гробу, снял шляпу и, обращаясь к матросам, произнес такую речь:

— Я счел своим долгом лично проводить в последний

путь останки нашего рулевого Ива Коэтодона, унесенного эпидемией. Нам приходится хоронить на чужбине нашего brave товарища, но его могила не будет забыта. Я позабочусь о том, чтобы она содержалась в порядке. Увы! Это все, что я могу сделать. На всю жизнь останется нам памятной несчастная стоянка в Сьерра-Леоне, и в своих сердцах мы воздвигнем жертве долга памятник, который будет прочнее пышных монументов с громкими надписями. Прощай, Ив Коэтодон! Прощай, матрос! Ты умер честной смертью. Мир праху твоему!

Капитан подал знак. Резко прозвучал свисток боцмана. Четыре человека подняли гроб и поставили на лодку, висевшую на блоках, вровень с поручнями штирборта.

Грянула пушка. Лодка медленно спустилась на воду вместе с гребцами, державшими весла на весу.

Вслед за тем спущен был большой баркас с капитаном и делегацией от экипажа для сопровождения гроба на английское кладбище.

Тут только Андрэ заметил Фрикэ и Барбантона.

— Наконец-то вы вернулись!... И при каких печальных обстоятельствах!

— На яхте желтая лихорадка?

— Увы, да!.. И дай Бог, чтобы обошлось без новых жертв.

— Разве есть еще больные?

— Есть... не больной, а больная... Бедняжка!.. Барбантон, вас ждут с нетерпением. Идите скорее.

— Сейчас, monsieur Андрэ... Фрикэ, пойдете со мной... Я... не знаю, что со мной делается при мысли... Ведь она все же носит мое имя... болезнь тяжелая...

— Она была в отчаянном положении два дня, но теперь ей гораздо лучше. По-моему, она на пути к выздоровлению.

— А если так, то я опять начинаю трусить. В женщину, которая перенесла желтую лихорадку и осталась жива, наверное, сам черт вселился.

— Не говорите глупостей, старый ребенок! Предупреждаю вас, что после перенесенного тяжелого потрясения вашу жену теперь трудно узнать. Она переменилась не только внутренне, но и внешне.

— Что вы говорите, monsieur Андрэ?

— Одну правду, друг мой. Желтая лихорадка появилась на яхте дней десять тому назад. Сперва все испугались, потому что сразу заболело два человека. Я был прикован к постели и мог лишь заочно давать указания относительно ухода за больными. Зато ваша жена — вот молодец! — превратила себя в сиделку, день и ночь дежурила при больных,

отбросив всякую брезгливость. Все изумлялись ее мужеству, самоотверженности и твердости. Я положительно утверждаю, и это может засвидетельствовать навещавший нас доктор-англичанин, ее энергия лучше всяких лекарств помогала больным и поддерживала бодрость духа у остальных членов экипажа. Один из заболевших безусловно обязан ей своим выздоровлением. К несчастью, она четыре дня тому назад заболела сама, когда больной, которого она выходила, был уже вне опасности. За другим некому стало ухаживать без нее — и вот мы сегодня его хороним... Идемте же к ней скорее. Она о вас поминутно спрашивает, ваш приход может только ускорить ее выздоровление.

— Да верно ли это, monsieur Андрэ? — переспросил жандарм, к которому вернулись прежние опасения.

— Даю вам честное слово. Она только того и боялась, что умрет, не помирившись с вами.

— Если так, monsieur Андрэ,— идemте. Но только я гораздо меньше трусил, когда первый раз шел в атаку.

Андрэ, у которого сломанная нога только что начала заживать, оперся на руку Фрикэ и сошел вниз. Там он подошел к приотворенной двери в одну из спален. Из двери высунулась хорошенькая головка юнга, исполнявшего, очевидно, при больной должность сиделки.

— Она спит? — спросил Андрэ.

— Ее разбудил пушечный выстрел,— отвечал юнга.

— Войдемте в таком случае... Сударыня, я к вам с хорошими вестями.

— Что мой муж?

— Вернулся, Фрикэ отыскал его.

— Пришел бы он сюда.

— Он уже здесь... Ну, мой друг, подходите, не будьте ребенком.

— Monsieur Андрэ, у меня ноги подкашиваются,— отвечал глухим голосом жандарм, входя в комнату. Сзади его подталкивал Фрикэ, а Андрэ тянул за руку.

Больная сидела на постели, вся обложенная подушками. Барбантон увидел бледное, худое лицо с лихорадочно блестящими глазами. К нему тянулась худая рука... Кто-то рыдал...

Барбантон бросил на жену растерянный взгляд, машинально взял ее руку, откашлялся, поперхнулся и — не произнес ни слова.

На этом лице, так изменившемся после сильных страданий, он не находил прежних жестких, бездушных черт, которые так его раздражали. Куда девались тот пронзи-

— Ну, подходите, не будьте ребенком

тельный взгляд, плотно сжатые в сарказме губы... Да, Андре сказал правду: внешне перемена была полная.

Ну, а в нравственном плане? Судя по началу, можно было надеяться, что произошла и моральная перемена.

Больная заговорила первая — тихим, ласковым голосом:

— Друг мой, я уж и не думала с вами увидеться... Такая страшная болезнь! Вот мученье-то было!.. Мой друг, я вас не понимала. Я с вами очень дурно обходилась. Можете ли вы меня простить?

Барбантон стоял с покрасневшим носом и с мокрыми глазами и жестоко теребил свою бородку.

— Сударыня... друг мой... дитя мое... Я — старый дурак. Больше ничего. Сказать нужно прямо. Я хотел вести дом по-военному, по-жандармски. В чувствах я разбирался не больше австралийского дикаря. Вы взбунтовались против деспотизма — и правильно сделали. Я ведь тоже вас не понимал... а потом уже было поздно.

— До чего вы добры! Вы себя же обвиняете, взваливаете на себя несуществующие вины!.. Ну, будь по-вашему. Скажу вам одно: я решила начать новую жизнь, если избавлюсь от этой болезни.

— Но ведь опасность миновала... Мне так сказал monsieur Андрэ.

— При этой болезни бывают внезапные рецидивы. Потом... хотя я и очень рада, что вы вернулись, но меня теперь тревожит, что вы можете тоже заболеть.

— Об этом не тревожьтесь, сударыня, — сказал Андрэ. — Фрикэ и ваш муж закалились, совершив путешествие по болотам. Здешние микробы на них не подействуют. С другой стороны, нами приняты всевозможные гигиенические меры, так что едва ли можно ожидать дальнейшего распространения эпидемии. Наконец, мы сейчас уходим из этих мест на юг, машина уже разводит пары, и свежий воздух открытого моря сразу рассеет все вредные миазмы... Сударыня, мы сейчас оставим вас наедине с вашим супругом. Вам, вероятно, о многом нужно поговорить с глазу на глаз. Пойдем, Фрикэ.

— Сейчас, monsieur Андрэ. Но я сперва должен отдать госпоже Барбантон отысканную мною вещь, которой она несомненно обрадуется.

Парижанин вынул из кармана кожаный мешочек, из которого высовывались концы оборванной цепочки.

Он открыл этот мешок и достал из него знаменитый медальон.

— Вот эту вещь я вытащил из желудка змеи в тридцать пять футов длиной. Змея нечаянно проглотила ее вместе с вором, укравшим вещь. Я не открывал медальона, не желая быть нескромным. Да и запирается он, вероятно, с каким-нибудь секретом. Впрочем, это не важно. Не угодно ли вам, сударыня, удостовериться, тут ли билет?

Горячо поблагодарив юношу, который, в сущности, возвратил ей и семейное счастье, и состояние, madame Барбантон дрожащими от слабости руками открыла медальон и просто-напросто от разочарования.

Медальон был пуст. Фрикэ и Андрэ громко вскрикнули. Барбантон остался невозмутим.

— Ну, что же! — сказала больная, быстро сделав выводы. Билет потерял, значит, выигрыш пропал. Лучше не думать об этом. Хотя все-таки жаль: ведь он обеспечивал нам безбедное существование. Ничего, мы будем оба работать — не правда ли, мой друг?

— Элодия, вы превосходная женщина. Уж как мне понравилось то, что вы сейчас сказали — вы и представить себе не можете. Конечно, мы будем работать, если захотим. А не захотим — будем жить на свои доходы. Вам это знакомо?

Он неторопливо вынул из кармана довольно-таки потерянный бумажник, из бумажника также неспешно достал сложенную вчетверо бумажку и подал жене.

— Как!.. Билет!..

— 2421. Мой метрический номер, если вы не забыли.

— Вот здорово так здорово! — вскричал Фрикэ. — Как же так, жандарм: билет у вас, а вы все время молчали?

— Я о нем совершенно забыл. Дело было так. Попав к Сунгойе после моего побега отсюда, я узнал, что этот неделикатный негр украл у вас медальон. Будь я на службе, я бы его преспокойно арестовал, но теперь нужно было действовать иначе. Не оставлять же такую ценность у этого скота! На другой же день я напоил Сунгойю до положения риз, чем он был очень тронут и тут же произвел меня в генералы, а я, воспользовавшись его состоянием, открыл медальон, вынул билет и закрыл опять. Вор вора обокрал! Конечно, это был неблагоприятный поступок, в особенности со стороны человека, служившего в жандармах, но, принимая во внимание обстоятельства... Наконец, я действовал с самыми гуманными намерениями. Я собирался передать билет вам вместе с моей доверенностью.

— Правда?

— Честное слово. Когда мы прибыли на Фритаунский рейд, я хотел отдать его Фрикэ, прежде чем мы расстанемся, но при виде желтого флага и знаков траура на яхте я обо всем позабыл.

— Теперь все объясняется, — заметил Фрикэ. — И за разбитые горшки пришлось поплатиться одному Сунгойе... Но вы-то, генерал, каков — и везет же вам, однако!

— Правда, Фрикэ, мне повезло, но это в первый раз в жизни и, вероятно, в последний. Мы с женой оба выиграли по одному и тому же билету. Вы, дорогая Элодия, выиграли приличный денежный куш, а я — добрую жену. Разумеется, из нас двоих я богаче, — прибавил с несвойственной ему галантностью бывший жандарм.

От желтой лихорадки все-таки не все умирают. С ней возможна борьба. Но течение этой болезни обычно бывает очень капризно. И лучшее средство — как можно скорее бежать из очага заразы и переместиться куда-нибудь в более холодный климатический пояс или в гористую местность. Само собой разумеется, что главную роль тут играют всевозможные гигиенические меры, в особенности же полное уничтожение всего, с чем контактировал больной.

В борьбе с этой болезнью надо уметь сохранить хладнокровие, самообладание и сосредоточить свое внимание на сопротивлении, чтобы не оставалось времени и возможности предаваться унынию и страху.

В ожидании возвращения матросской делегации с похорон, Андрэ распорядился произвести самую тщательную дезинфекцию яхты сверху донизу, а как только делегация вернулась, «Голубая Антилопа» сейчас же вышла в море, взявши курс на мыс Доброй Надежды.

На следующий же день после отплытия открылся новый случай заболевания, но с таким благоприятным течением, что матросы успокоились. Они нашли, что эпидемия решительно ослабевает.

От Фри-Тауна до Капштадта около четырех тысяч пятисот километров.

Это расстояние «Голубая Антилопа» прошла без всяких приключений в десять дней и по прибытии в Капштадт подверглась восьмидневному карантину. На подобное распоряжение английских санитарных властей не приходилось роптать: оно было вполне уместно и оправдывалось обстоятельствами.

Барбантоны сияли от счастья, точно молодые, которых только что повенчали. У жандарма не было больше никаких причин продолжать охотничий вояж на «Голубой Антилопе». Madame Барбантон плавание тоже больше не интересовало. Было условлено, что в Капштадте они сядут на первый же парход, отходящий в Европу.

Прощание вышло очень трогательное. Все члены экипажа, от капитана до юнги, дали супругам слово навестить их в Париже. Барбантон заверил всех в том, что это будет для него настоящим праздником и что он угостит матросов на славу.

Пополнив запасы провизии, яхта в одно прекрасное утро вышла в море в неизвестном направлении.

Вполне возможно, что мы еще встретимся с нею.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РОМАНОВЪ
ЛУИ БУССЕНАРА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ВЪ СТРАНѢ ТИГРОВЪ

Переводъ Е. Н. Киселева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство П. П. Сойкина
СТРЕМЯННАЯ, 12, СОВСТ. ДОМЪ
1911.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В СТРАНЕ ТИГРОВ

Глава I

Детские слезы. — Переводчик. — Жертва Любоеда. — Подвиги старого тигра. — Пятьдесят человек в полгода. — Неожиданный мститель. — Фрикэ, парижский гамен. — Послание. — Закладная под тигровую шкуру. — Тигр, который любит человека... есть. — Не судите по наружности. — На охоте. — След. — По джунглям. — Под высокими деревьями. — Поляна. — Человеческие останки. — Мясной склад Любоеда.

— Не плачь. Ну, не плачь же! Лучше Расскажи мне, что с тобой стряслось. Может быть, найдется для тебя утешение. Как жаль, что здесь нет ни одного базара игрушек, а то бы я купил тебе барабан, либо рожок, либо бильбоке* — и вмиг бы успокоил.

Ребенок не понял слов, но почувствовал всю ласковость тона, которым они были сказаны. Он с серьезным видом поднял на иностранца свои черные глаза и продолжал лить слезы — без слов, без рыданий, даже без вздохов.

По этим безмолвным слезам иностранец догадался, что горе у ребенка не детское, а настоящее, большое, серьезное горе.

— Слушай, — продолжал он, — так нельзя. Кричи. Ори. Катайся по земле или что-нибудь в этом роде, но только не плачь такими тихими слезами. Никогда ничего подобного не видел. Ты плачешь, как мужчина. От этого меня всего переворачивает. Впрочем, я и сам не так уж давно ношу усы и не забыл, что у ребенка иногда может быть и серьезное... о, очень серьезное горе. Ну, а вы, прочие, не может ли кто-нибудь из вас поговорить со мной по-французски или хотя бы по-английски? По-английски я еще с грехом пополам могу, а уж по здешнему — не взыщите. Не успел выучиться. Только что приехал в Бирму из Парижа. Не ближний свет.

---

* Игрушка с привязанным к палочке шариком, который подбрасывается и ловится на острие.

Женщину утащил и съел Людоед

— Я могу, — раздался голос из толпы человек в двадцать мужчин, женщин и детей. — Мальчик плачет действительно от большого горя. С ним случилась ужасная беда.

К путешественнику подошел высокий индус, бронзовый, как дверь пагоды, и тощий, как факир. Голову украшала громадная белая чалма. Он отдал честь по-военному и прибавил:

— Здравствуйте, сударь.

— Здравствуйте, друг. Вы говорите по-французски и притом хорошо. Где вы научились? Ведь здесь берега Иравадди, в глубине независимой Бирмы.

— Я индус, французский гражданин, из Пондишери. Я служил при губернаторе. Умею обращаться с оружием, знаю кухню. Охотно готов служить вам. Французов люблю, а англичан ненавижу.

— Что же ты здесь делаешь, прости за нескромность?

— Так себе... гуляю.

— Ну, это не Бог весть какое занятие. Если у тебя нет в виду ничего другого, то отправляйся со мной. Я пробираюсь в Мандалай, а может быть, и дальше. Ты будешь моим переводчиком. Вознаграждением останешься доволен, за это ручаюсь. Согласен?

— С удовольствием, сударь. Я очень рад.

— Превосходно. Приступай же к обязанностям и объясни мне, почему плачет этот мальчик.

— Ах, сударь, это такая грустная история. Яса был один сын у матери, которая души в нем не чаяла. Ему жилось хорошо. Но два дня тому назад несчастную женщину подстерг у фонтана Людоед, утащил и съел. Яса остался сиротой и плачет. Вот и все.

— Бедный ребенок! — сказал иностранец со слезами на глазах. — А что это за людоед? Кто он такой?

— Это старый тигр, отведавший человеческого мяса и не желающий больше никакого другого.

— Я знал крокодилов с такими же пристрастиями. Но это довело их до беды. Продолжай.

— За полгода Людоед съел пятьдесят человек.

— По два в неделю. У него хороший аппетит. Но неужели здесь не нашлось ни одного храбреца, чтобы пробить ему шкуру? Какие же вы все трусы! Позволять с собой так обращаться!

— Здесь редко кто решится помериться силами с тигром.

— Да? Покажите мне вашего Людоеда, сведите меня с ним — и я берусь с ним расправиться.

Индус встрепнулся. В глазах его загорелся огонь. Он обратился к толпе по-бирмански:

— Это француз. Он убьет Людоеда.

В ответ послышались недоверчивые возгласы и иронический смех.

Молодой человек искоса поглядел на толпу.

— Скоты! — пробормотал он с презрением. — Дают себя есть, как телята, и смеются над теми, кто хочет избавить их от такого бича. По мне — пусть вас поедает тигр, раз вам это так нравится. Не для вас, а для себя и для этого ребенка я примусь за дело — и сделаю его, вот увидите, дураки. Мать этого мальчика будет отомщена.

Туземцы, конечно, не поняли слов молодого человека и продолжали смеяться.

— Смейтесь, дураки, смейтесь. Посмотрим, что вы скажете завтра, когда тигр будет убит. А что он будет убит, за это ручаюсь я, Фрикэ, парижский гамен и путешественник.

Он взял ребенка за руку и сказал:

— Пойдем со мной, маленький мужчина, мы сделаем дело вдвоем.

Ребенок понял только фразу, сказанную индусом: «Он убьет Людоеда». Слезы его разом высохли, в глубине черных зрачков загорелся огонек. Он не спускал глаз с незнакомца, в котором неожиданно обрел мстителя за мать.

Парижанин растолкал толпу и, провожаемый ироническими взглядами, прошел со своим новым спутником в хижину, где двое негров охраняли его вещи.

Он торопливо набросал карандашом несколько строк на листке белой бумаги, завернул в непромокаемый конверт и отдал одному из них, приказав:

— Отнеси это monsieur Андрэ и возвращайся к завтрашнему дню обратно.

В записке было несколько слов:

«Monsieur Андрэ!

Я нашел живность. Нанял переводчика, выследил человеколюбивого тигра, который «любит человека... есть», как выражался покойный господин Гань. Через два дня явлюсь к вам с продовольствием, с толмачом и со шкурой Людоеда.

Думаю, что вы останетесь довольны вашим мальчиком. Фрикэ».

Жители бирманской деревни, где остановился парижанин, далеко не разделяли этой уверенности. Они были очевидцами того, как сюда специально для охоты на тигров приезжали из английской Бирмы офицеры британской армии, здоровенные, бородатые великаны в блестящих мундирах. Им сказали про Людоеда. На крепких великолепных конях — не кони, а загляденье: удила все в пене, пар из ноздрей — офицеры прочесали джунгли вдоль и поперек и ничего не нашли. Тогда они выслали загонщиков, которые поднимали адский шум, бросали ракеты и петарды в «тигровую траву». Удалось выгнать носорога, черную пантеру, лося, леопарда. Красномундирники набили целую уйму всякого зверья, но Людоед как в воду канул. Он ужасно свиреп, но притом и хитер до крайности.

Реально ли надеяться на то, что чужестранцу, приехавшему сюда с двумя неграми и парой каких-то ружей,

удастся исполнить то, что оказалось не под силу даже таким заправским охотникам?

Да он и невзрачный такой. Не на что посмотреть: низенький, бледненький, одет неважно.

Так судил бы всякий поверхностный наблюдатель.

Но вы пристальнее взгляните в эти светло-голубые глаза, сверкающие из-под козырька пробкового шлема, как стальное лезвие; обратите внимание на эти широкие плечи, на эту шею атлета, на эту выпуклую грудь, как бы рвущуюся наружу из-под фланелевой рубашки... Нет, у Людоеда появился очень опасный противник.

Парижанин не любил терять времени даром, знал ему цену. Он надел через плечо сумку с патронами, опоясался ремнем с револьвером в кобуре и с неизбежным тесаком в ножнах, зарядил два металлических патрона в тяжелую винтовку и знаком подозвал второго черного слугу.

— Лаптот!

— Да, хозяин?..

— Возьми мою большую винтовку для охоты на слонов, затем свой тесак, револьвер и мешок с сухарями и сушеным мясом.

— Готово, хозяин, — отвечал негр по прошествии двух минут.

— Мы идем искать большого, старого тигра. Быть может, придется заночевать где-нибудь в лесу или в джунглях.

— Нам это не впервые. Только кто будет стеречь наши вещи?

— Да никто. Они сами себя постерегут. Впрочем, в хижине может посидеть мальчик и дожждаться нашего возвращения. А ты, господин толмач, — имени твоего я еще не знаю, — изволь проводить нас к тому источнику, где сидит в засаде Людоед.

— Меня зовут Минграсами, сударь.

— Очень хорошо. Когда покажешь мне это место, можешь вернуться сюда, но если пожелаешь остаться при мне, то сделай одолжение. Ты волен выбирать.

— Мне случалось охотиться на тигров в Индии. Я останусь при вас. Я такой же француз, как и вы. А здесь при багаже побудет мальчик.

Но когда сиротка узнал от переводчика, что ему назначено сидеть в хижине, пока охотники будут отсутствовать, он решительно запротестовал и опрометью выбежал вон.

— Не с нами же он намеревается идти! — вскричал Фрикэ. — С моей стороны будет безумием, если я это позволю. Послушай, мальчик, воротись в хижину! — позвал он через переводчика.

Но мальчик не обратил ни малейшего внимания на этот ультиматум и проворно спустился в пересохшее русло ручья, текущего из джунглей. Оттуда он знаком пригласил своего нового друга идти за собой.

— Позови назад этого маленького безумца! — вскричал Фрикэ. — Скажи ему, что я, так уж и быть, беру его с собой, но только пусть он держится подле меня. Как знать, тигр, чего доброго, уже спрятался тут где-нибудь в тростнике и готов броситься на нас.

Поверив обещанию, мальчик остановился, повернул назад и пошел вслед за Фрикэ. Глаза ребенка горели, личико дышало энергией.

С четверть часа шли молча, но быстро, и достигли рокового источника, где чудовище обычно поджидало своих жертв.

Парижанин никак не мог себе объяснить странного упорства, с каким жители деревни продолжали ходить сюда за водой, вместо того, чтобы подыскать другой источник.

Впрочем, родники на этом плоскогорье не слишком часто встречаются.

Кругом на сырой глинистой почве виднелись многочисленные следы. Фрикэ стал разглядывать их, стараясь отыскать между ними след тигра. Это было не особенно трудно, тем более, что мальчик Яса как раз остановился на том месте, где в момент катастрофы находилась его мать.

— Да, это здесь, — говорил про себя Фрикэ, разглядывая следы тигра. — С этого самого места проклятый зверь кинулся на несчастную женщину и вцепился в нее когтями передних лап, так как видны следы только задних.

Незадолго до этого местные жители пытались выжечь джунгли в районе источника, чтобы лишить возможности хищника прятаться в чаще, подстерегая добычу. Эта попытка удалась лишь наполовину, потому что ветер раздул огонь в одну только сторону, и пламя выбрило в «тигровой траве» полосу, расширяющуюся в виде хвоста кометы.

Фрикэ подумал, что по этой полосе тигр убежал со своей добычей и что придуманная туземцами мера принесла ему только облегчение, потому что бежать по выжженной земле гораздо легче, чем пробираться через густую и высокую степную траву.

Его догадка оказалась верной. Метрах в двадцати от источника на золе от сгоревшей травы были ясно видны следы тигра, причем передние лапы отпечатались гораздо отчетливее задних, вследствие тяжести добычи, которую зверь тащил в зубах.

Следов борьбы не было видно. Несчастливая женщина, очевидно, погибла сразу, как только хищник вопзил ей в шею свои ужасные клыки. У всех животных копачьей породы хватка мертвая.

Через сто метров зверь остановился и положил добычу на землю, чтобы перехватить ее поудобнее.

Большое пятно засохшей крови краснело тут на беловатом пепле. Над этим зловещим знаком носились с жужжаньем противные зеленые мухи.

Фрикэ и его спутники шли по следу зверя километра два. Дорогу им пересек высохший ручей. Тут кончилась выжженная полоса: огонь был остановлен руслом ручья, как песчаной траншеей.

Тигр — так указывали следы — пустился дальше по этому руслу и бежал еще с километр, не испытывая ни малейшей усталости, если судить опять же по его следам.

Вдруг характер почвы резко изменился: ручей соединился с высохшим болотом, поросшим обильной густой травой и могучими деревьями. Чего только тут не было, каких растений и каких деревьев! Туи, тамаринды, бамбук, дерево резиновое, камедное, тековое, арековая пальма, пух *Vomica*, латании и фикусы... Все это возвышалось над невообразимой путаницей из всевозможных кустарников, карликовых лимонных деревьев и высокой густой травы.

По этой чаще пришлось пробираться поодиночке. Держа в правой руке винтовку, Фрикэ левой раздвигал ветви, которые шипами кололи ему руки, рубить же их было нельзя — это могло спугнуть тигра. А что он наверняка жил здесь — за это можно было ручаться. Об этом свидетельствовал весь характер местности.

На колючках растений часто попадались лоскутки одежды. Ясно было, что хищник проносил тут захваченную добычу.

Фрикэ тихонько обернулся, знаком приказав шедшему сзади мальчику остановиться. Такое же распоряжение получили и негр с индусом. Эти двое держались достойно, хотя у негра все тело пошло серыми пятнами, а у индуса зубы постукивали словно кастаньеты.

Парижанин пошел вперед один.

Вскоре он почувствовал отвратительный запах гниющего мяса, который на знойно-сыром воздухе был еще отвратительнее. Тем не менее парижанин продолжал продвигаться вперед, как раз в сторону этой вони, и вдруг очутился на полянке, окруженной, словно стеною, кустарником и осененной сверху непроницаемым сводом громадных деревьев.

При всем своем исключительном хладнокровии и не раз

Фрикэ проник в чащу

проявленном мужестве, молодой человек насилу мог подавить в себе крик удивления и ужаса.

На поляне, на влажной и совсем лишенной растительности почве, были раскиданы совершенно изуродованные человеческие останки, или, точнее, обглоданные человеческие скелеты; на костях которых еще оставались клочки разлагавшегося мяса.

Фрикэ насчитал не менее тридцати таких трупов.

Между костями виднелись золотые и серебряные вещи — браслеты, серьги, ожерелья, притом лоскутки одежды, волосы.

Парижанин набрел на мясной склад Людоеда.

Почему же в этой берлоге пусто? Куда девался хищник, совершавший в ней свои гнусные пиршества?

Ведь Фрикэ не мог ошибиться. Слух у него был чуткий и опытный. Он ясно расслышал давеча хруст костей, разгрызаемых чьими-то крепкими челюстями.

А теперь — никого!

Только нестерпимый запах. Фрикэ уже не мог дольше выдерживать и хотел уходить, как вдруг хруст костей раздался опять где-то в чаще.

Затем раздалось глухое, сдержанное рычание.

Сомнений не было.

Неустрасимый парижанин поднял голову, стиснул рукой винтовку, пронзил своим светлым взглядом густой кустарник и тихо произнес:

— Людоед тут.

Глава II

Предрассудки по поводу свирепости диких зверей. — Дикие животные не нападают сами на человека. Охотничье тщеславие. — Почему Людоед? — Труслив и свиреп. — В берлоге. — Отступление тигра. — Беспольный выход. — Фрикэ не желает возвращаться с пустыми руками. — Назад к источнику. — Мальчик согласен играть роль приманки. — В засаде. — Прыжок тигра. — Выстрел. — Смерть Людоеда. — Действие пули «Экспресс».

Многие записные охотники, рассказывая про свои охоты и про диких зверей, не заботятся о правдивости, а руководствуются исключительно тщеславием. Им хочется порисоваться, увлечь хорошенько слушателей, чтобы те внимали им, разинув рты.

Ради этого они всегда все преувеличивают и про свирепость диких зверей наговаривают много лишнего.

И то сказать: кто станет их опровергать, уличать во лжи? Подвигов их никто не видал, а звери опротестовать не могут. Тут действует правило: не любо, не слушай...

Риск на подобной охоте вовсе не так уж велик, если не считать возможности схватить простуду — лихорадку, ревматизм, воспаление легких. Зверь становится опасен, начиная лишь с того момента, как охотник берет ружье, прицеливается и нажимает курок.

То, что мы сейчас утверждаем, настоящая правда. Святая истина.

Возможно, что лев, тигр или пантера увидели или услышали врага. У кошачьей породы слух тонкий, глаза видят ночью, как днем, обоняние тоже прекрасное. Если

они не успели скрыться раньше при малейшем шорохе, то в них можно смело целиться: они и не подумают нападать сами, чтобы предупредить действия противника.

Стоит охотнику тихонько свистнуть — и зверь сейчас же пускается наутек. Если он опустит ружье и не сделает выстрела, «свиренный» хищник скроется, никого не тронув.

Никогда хищный зверь не нападает первый на человека, только разве что самки поступают так, и то, когда они с детенышами.

Но раненый зверь становится страшен и грозен и защищается отчаянно. Ранить хищника опасно, надобно уложить его сразу или уж не стрелять вовсе. Впрочем, даже и это не является непреложным правилом, чтобы раненый зверь бросался на человека, иногда даже раненный он старается убежать.

Известный Жюль Жерар, охотник и писатель, стяжавший себе имя «истребителя львов», в особенности не стеснялся рассказывать небылицы и больше всех содействовал формированию общественного мнения, будто бы дикие звери нападают на человека первые.

Мы не оспариваем заслуг и подвигов Жерара. Не оспариваем его титула. Но думаем, что этот титул все же не следовало бы указывать на визитных карточках.

Жерар был первым французом, охотившимся на львов. Он мог бы и не преувеличивать, мог бы описать одну правду, тем более, что из его утверждений многое было опровергнуто людьми знающими еще при его жизни, что было ударом по его самолюбию.

Нет. Решительно — нет. Ни лев, ни тигр, ни пантера не нападают на человека, если не ранены им. Не было случая, чтобы охотник был убит, не бывши зачинщиком схватки.

И трудность не в том, чтобы послать в зверя пулю, а в том, чтобы его настичь, когда он убегает, скрывается и когда приходится отыскивать его ночей пятнадцать подряд, а иногда и двадцать, и тридцать.

Публика любит все страшное, любит всяческие преувеличения. Поэтому здравый взгляд на вещи еще только начинает вытеснять предрассудки, привитые Жераром.

Из правдивых охотников-писателей назовем генерала Маргерита, Жака Шассэна, Гордона Кумминга, Вильяма Балдина, Константина Шеро, Ипполита Бетуля и Пертюизе. Последний с глазу на глаз оставался со львом и в своей книге, полной юмора, интересно описывает волнение и в особенности неудачи африканского охотника.

Бетуль в своей замечательной статье, напечатанной в жур-

нале «Chasse Hlustree» за 1875 год, говорит: «Очень жаль, что подобные вещи написаны таким охотником, как Жюль Жерар, потому что его мнение, будто лев нападает на человека, разделяется всею публикой. Если бы это было так, то Жерару не пришлось бы долго охотиться: не первый, так второй лев растерзал бы его, потому что ведь у животных слух и зрение развиты лучше, чем у человека, и, следовательно, зверь всегда имел бы больше шансов застичь человека врасплох, чем наоборот».

Но тогда, — справедливо возразит читатель, — как же в таком случае объяснить подвиги Людоода? Тут большое противоречие.

Да, но это противоречие только кажущееся. Бывают исключительные случаи, но они крайне редки и только подтверждают правило.

Состарившись, тигр перестал находить себе пищу в джунглях, где он раньше ловил животных. Голод заставил его приблизиться к человеческому жилью. Однажды у источника он встретил женщину и решил на нее напасть.

И, поверьте, он сделал это после очень долгих колебаний и лишь принужденный крайностью обстоятельства.

Голод ему удалось утолить. Не имея по старости лет больше сил для того, чтобы гоняться за сернами и антилопами или напасть на буйвола, он стал частенько возвращаться за дичью, которую так нетрудно было отыскивать и оказалось так легко схватить.

Одним словом, тигр нападает на человека в крайней надобности, и то только на слабого, безоружного. И утверждать, что у него появляется пристрастие к человеческому мясу, тоже нет основания. Он питается им только потому, что другого достать себе не в силах, а безоружный человек слабее всякого животного.

К своим жертвам тигр подкрадывается так же коварно, как делал это прежде в джунглях, охотясь на животных, и спешит убежать, схватив добычу, чтобы съесть ее на свободе и в безопасности. Нападает он преимущественно на детей и женщин или на безоружных мужчин, бросаясь на них внезапно из какой-нибудь засады.

Но когда появляются английские офицеры шумной охотничьей ватагой, свирепый Людоод спешит укрыться куда-нибудь подальше и терпит голод все время, пока его ищут.

После тревог, причиненных ему охотниками, после всех этих петард и ракет наш тигр запрятался так далеко, что не показывался недели две. Все это время он жил впроголодь,

как затравленный волк, питаясь крысами, ящерицами и лягушками.

Жители деревни уже думали, что избавились от него совсем, как вдруг его добычей сделалась мать Ясы.

Итак, услышав хруст разгрызаемых костей, Фрикэ стал ожидать немедленного нападения.

Но осторожный зверь, чувствуя, что его преследуют, хотел только одного — скрыться. С этого начинается встреча с человеком любого зверя, кто бы он ни был — от слона и до последней маленькой зверюшки в джунглях или в лесу.

Потрявоженный в своей берлоге приближением человека, тигр удалился в чащу, утачив с собой кусок, который он грыз в это время. Это отступление вовсе не понравилось Фрикэ, который приготовился к борьбе один на один и хотел непременно довести ее до конца. А между тем дальше двигаться было нельзя — путь преграждала непролазная чаща из перепутанных лиан, ветвей и колючек. Тигр мог, при необходимости, проползти под ними, но человеку, в одежде и вооружении, пробраться тут было невозможно.

Безумно отважный парижанин решил раздражить чем-нибудь тигра, лишь бы вызвать его на бой, спровоцированный нападением. Он взял камень и изо всех сил бросил его в ту сторону, откуда доносился хруст костей и сердитое рычание. Он рассчитывал, что зверь сейчас же выбежит из чащи, разыскивая дерзкого оскорбителя, но вместо того хруст и рычание разом умолкли. Вместо них послышался шорох быстро раздвигаемых ветвей, потом все стихло.

Отступление Людоеда было очевидным.

Фрикэ вернулся к своим совершенно разачарованный и сбитый с толку. Негр и индус стояли на том самом месте, где он их оставил. Оба были смертельно напуганы.

— Хозяин! — вскричал дрожащим голосом черный слуга. — Мой боится. Мой никогда тигра не видал. Мой рад, что гадкий зверь убежал от вас.

— Это правда, — сказал велеречивый индус. — Тигр обрattился в бегство, сударь. Вас, сударь, этот страшный зверь испугался.

— Что толку? Я все-таки остался с носом. Это не особенно приятно. Я не хочу, чтобы здешние желтолицые куклы смеялись надо мной, когда я вернусь... Что нужно мальчику? Что он хочет мне сказать?

Мальчик, видя, что его новый друг очень расстроен, принялся что-то говорить необыкновенно быстро.

— Что он говорит? Переведи, — обратился Фрикэ к толмачу.

— Он говорит, сударь, что нужно воротиться к источнику, потому что тигр придет туда непременно.

— Кто же его выманит на открытое пространство?

— Мальчик сам обещал это сделать. Вы останетесь с ним вдвоем, и он выступит в роли приманки.

— Смелый мальчуган! Ну что же, будем ловить тигра вдвоем. Я ручаюсь, что не позволю ему тебя съесть.

Они пошли обратно по руслу, той же дорогой, как шли раньше, не заботясь о тигре, который, вероятно, после их ухода вернулся в свое вонючее логово. Они сделали привал под тамариномом и по-товарищески закусили сухарями и консервами. Тут они дождались заката солнца.

Мальчик встал первым и сделал знак, что пора идти.

Фрикэ велел обоим своим слугам идти в деревню и не появляться у источника пока не раздастся выстрел.

Они были счастливы избавиться от опасной службы и сейчас же собрались, но мальчик задержал индуса. У переводчика, по индусскому обычаю, было множество браслетов на руках и на ногах, и эти украшения все время производили металлическое позвякивание. Яса попросил себе несколько браслетов — для успеха дела пояснил он.

Индус не понимал. Яса пояснил:

— Те, кого тигр съел, все носили браслеты. Они звенели: дзинь-дзинь-дзинь! Я тоже буду брэнчать ими, Людоед придет меня есть, а белый сделает «бум!» — и убьет его.

— Великолепный план! — весело вскричал Фрикэ, когда индус перевел ему слова мальчика. — Он очень прост и уже только поэтому должен удался. Отдай ему свои побрякушки и уходи. Минуты дороги, надо спешить.

Индус и негр исчезли через пять минут с невероятной быстротой. Парижанин и ребенок остались вдвоем дожидаться тигра.

У людей бывают предчувствия как удачи, так и неудачи. Фрикэ почему-то непоколебимо верил, что день еще не успеет кончиться, а тигр уже будет мертв.

Чутко прислушиваясь и зорко приглядываясь, оба старались уловить малейший шум в окрестностях источника. Вдруг Фрикэ увидел, что высокая трава джунглей слегка волнуется шагах в двадцати от него.

«Тигр!» — мелькнуло у него в голове.

Повинуясь инстинкту, он отпрянул в сторону метров на пять или шесть, увлекая за собой и мальчика, который прекратил свою музыку. Это спасло обоих, потому что едва они успели отскочить, как из джунглей выпрыгнул огромный тигр и как раз на то место, где они только что стояли.

Измученный тем, что под его когтями не оказалось добычи, на которую он рассчитывал, тигр присел на задние лапы, готовясь к новому прыжку.

Момент был самый благоприятный. Парижанин его не упустил.

В один миг приклад винтовки лег на его плечо, и грянул выстрел, раскатившийся наподобие грома.

Тигр в этот момент совершил прыжок.

Сраженный в тот самый миг, когда все его четыре лапы только что вытянулись, он перевернулся, точно кролик, и упал навзничь.

— В самую точку! — вскричал парижанин, к которому сразу вернулась вся его шутовскость.

Выстрел был прямо фантастический. Редко случается, чтобы тигра убивали сразу наповал одной пулей.

Ребенок до сих пор держался спокойно, но тут с него разом соскочила невозмутимость, столь несвойственная его возрасту.

Он пронзительно вскрикнул, точно молодой зверек, и бросился к тигру, еще дергавшему конвульсивно лапами.

Фрикэ едва успел удержать его за руку.

— Постой ты, малыш. погоди, когда он перестанет дрыгаться. Эти звери невероятно живучи, и недалеко до беды. Однако, в тебе сидит бес.

Мальчик высвободил свою руку, проворно схватил камень и изо всех силенок швырнул его в хищника.

Камень упал тигру на грудь. Зверь не пошевелился.

— Вот тебе, свинья! — крикнул своим пронзительным, звонким голосом мальчик.

Фрикэ подошел к Людоеду и стал разглядывать нанесенную ему рану.

Разрывная пуля из винтовки «Экспресс» вошла в череп немного ниже уха и произвела страшное действие. Вся эта часть головы была снесена, разтерзана в клочья. В широкое отверстие виднелась окровавленная масса.

— Вот она, разрывная пуля, — проговорил Фрикэ. — Я и сам не ожидал такого действия.

...Между тем выстрел переполошил всю деревню. Исполняя приказание, индус и негр прибежали со всех ног в сопровождении некоторых жителей.

Счастливый охотник стоял, опираясь на винтовку, и хладнокровно разглядывал свою добычу.

Восторженные поздравления бирманцев он принял больше, чем холодно, почти презрительно.

— Ну да, хорошо. Я знаю, так всегда бывает, когда человеку повезет. На что мне ваши поздравления? Вы лучше

возьмите-ка вот тигра да перенесите в деревню. Только уговор: когтей, усов, ушей не трогать. Мне нужна целая шкура. Ну-ка, ты, «сударь», объясни им это на их жаргоне.

— Слушаю, сударь.

— А ты, храбрый мальчик, — продолжал парижанин, обращаясь к ребенку. — Можешь идти ко мне, если тебе скучно с этими шалопутами. Знаешь, я тебя уже полюбил, потому что ты здесь единственный мужчина.

Глава III

Ретроспективный взгляд. — Почему «Голубая Антилопа» ушла в плавание. — От Сьерры-Леоне до мыса Доброй Надежды. — Прощание с Барбантонами. — «А теперь мы куда?» — Рай для охотника. — Все-возможная дичь, пернатая и четвероногая. — В Бирманию! — По реке Иравадди. — Удачный почин.

Прежде чем продолжить рассказ, напомним вкратце события, составляющие содержание предыдущей книжки — «Приключения в стране львов».

Богатый землевладелец и фабрикант Андрэ Бреванн, ранее бывший неустрашимым путешественником, пригласил к себе в усадьбу несколько человек приятелей на открытие сезона охоты в Босе.

Охотники, все семеро — парижане, приехали радостные, веселые, предвкушая наслаждение от удачной охоты на пернатую дичь, которая водится в этой местности в изобилии.

К несчастью, как раз накануне ночью браконьеры прошлись по этим местам с сетью и истребили почти всю дичь. Парижские немроды остались с носом.

После роскошного завтрака, какой мог устроить, конечно, только миллионер, обладающий утонченным вкусом, парижские гости, испробовав тонких вин, налюбовавшись на охотничьи трофеи хозяина и наслушавшись его рассказов о путешествиях, вознамерились отправиться с ним на корабле в большое путешествие по странам, где водятся крупные звери.

Предстояло посетить сперва экваториальную и южную Африку, потом Азию. Андрэ Бреванн единодушно был выбран начальником будущей экспедиции.

Все дали друг другу слово и расстались, уговорившись съехаться через два месяца в Гавре.

Андрэ направился в Париж, там прямо с вокзала к своему другу Виктору Гюйону по прозвищу Фрикэ, с которым он когда-то совершил кругосветное путешествие. Узнав, что Андрэ хочет взять его в новое путешествие, Фрикэ — в востор-

ге, он бросает свою работу и едет в Брест нанимать команду для будущей яхты.

На прощанье он заходит к своему другу Барбантону, который раньше служил в колониальной жандармерии и тоже был одним из участников кругосветных приключений Фрикэ.

Бравый жандарм несчастлив в семейной жизни. Его супруга отличается таким нравом, что домашний очаг сделался для него адом, и бедняга с сожалением вспоминает о времени, когда находился среди людоедов.

Узнав, что его друг едет путешествовать, жандарм сразу принимает геройское решение: упаковывает чемодан, оставляет все имущество жене и уезжает с Фрикэ в Брест.

Тем временем Андрэ отправляется в Англию, покупает роскошную яхту и приводит ее в Гавр, куда уже прибыл Фрикэ с жандармом и экипажем.

Все приготовления быстро кончены. Наступает час отплытия. В этот самый момент Андрэ получает семь писем с отказом приятелей от поездки.

Труды, хлопоты, издержки — все, стало быть, пропало даром.

О, нет! Комнатные путешественники трусили, изменили. Тем хуже для них. Андрэ отправится на яхте вместе с парижанином и жандармом. Яхта называется «Голубая Антилопа».

Они следуют в экваториальную Африку, высаживаются в Сьерра-Леоне, углубляются в девственный лес, охотятся на львов, которых тут множество, и вырывают из лап одну белую даму, которую обезьяна схватила на глазах у ее провожатых и унесла, как ребенка.

Изумление жандарма: женщина оказывается его женой!

Оправившись от потрясения, она объясняет своим спасителям, что привело ее в Африку.

Несколько дней спустя после отъезда мужа госпожа Барбантон увидела, что ее лотерейный билет выиграл триста тысяч франков. Когда она пришла получать выигрыш, ей его не выдали, потребовав доверенность от мужа. Будучи женщиной решительной, она принялась разыскивать беглеца, навела справки в агентстве и с первым пароходом уехала в Сьерра-Леоне. В завершение рассказа она показывает свой билет, спрятанный в медальоне, и просит мужа, чтобы он оформил в консульстве доверенность на ее имя.

— Это мы еще посмотрим, — отвечает насмешливо Барбантон.

Вернувшись во Фритаун они узнают, что в городе свирепствует желтая лихорадка. Андрэ предлагает путешественнице прибежище на яхте.

Этого старый служака уже не может вынести. Не для того он проехал по морю тысячу двести миль, чтобы опять очутиться на одном корабле со своим домашним деспотом.

В ту же ночь он бежит с яхты с двумя неграми и скрывается в неизвестном направлении. Этот побег послужил началом целой серии неприятностей. Андрэ падает и ломает себе ногу, а у *madame* Барбантон пропадает медальон с лотерейным билетом.

Фрикэ отправляется на розыски Барбантона. Он снаряжает паровую шлюпку, берет с собой двух матросов и трех негров, из которых один сенегалец, и плывет вверх по реке Сьерра-Леоне, полагая, что Барбантон мог скрыться только в этом направлении — ввиду свирепствовавшей в городе эпидемии.

Ловкё выпросив сенегальца, Фрикэ узнает, что один из спутников жандарма, негр-мандинг Сунгойя, был у себя на родине вождем племени, но лишился трона и был продан в рабство. Поступив на службу к Андрэ в Сен-Луи, он задумал бежать с яхты, как только она пристанет к берегам его родины.

Как все африканские негры, Сунгойя был до крайности суеверен и слепо верил в разные гри-гри, или фетиши. Когда белую женщину спасли от гориллы, он решил, что это могло случиться только потому, что у нее есть фетиш необыкновенной силы. Когда же она, показывая билет, вынула из-за лифа платья медальон, то мандинг окончательно убедился, что это и есть гри-гри.

«Если я овладею им, я сделаюсь непобедимым и верну себе престол», — вообразил он.

Мандинг воспользовался случаем и украл у госпожи Барбантон медальон.

На рейде, расспросив лодочников, Фрикэ узнает, что жандарм поплыл вверх по реке с двумя неграми, и пускается на своей шлюпке по их следам. После приключений с крокодилами, затем с гиппопотамом, шлюпка достигает места, где на реке Сунгойи устроена блокада. Шлюпку не пропускают. Фрикэ отсылает ее обратно, а сам идет дальше берегом.

После целого ряда новых приключений Фрикэ добирается до поселка Сунгойя и застаёт жандарма одетым в полную форму и обучающим европейскому строю воинов своего нового друга.

Происходит большая битва. Сунгойя одерживает победу, но пятнает ее потом зверской жестокостью. Европейцы возмущены и не хотят больше у него оставаться.

Черный монарх соглашается их отпустить лишь после того, как они убьют для него слона, потому что его подданным

нечего есть: за время войны вся провизия вышла, а одной славой сыт не будешь.

Сунгойя, его воины и оба европейца идут в лес искать слонов; впереди идет сам вождь. Вдруг его хватает гигантская змея и уносит в болото. После долгих усилий змею находят — она в полном оцепенении — занята заглатыванием несчастного монарха.

Фрикэ убивает змею, вспарывает ее и вытаскивает мертвого Сунгойю, с шеи которого снимает медальон, украденный у madame Барбантон.

Через три дня Фрикэ с жандармом и несколькими неграми достигают в туземной лодке Фритауна и с ужасом видят, что на «Голубой Антилопе» поднят желтый флаг, а национальный флаг приспущен. Это означает, что эпидемия коснулась экипажа яхты и на борту — покойник.

Умер матрос. Друзья вступают на яхту в момент прощания с усопшим. Тут они узнают от Андрэ, что госпожа Барбантон во время эпидемии проявила редкое мужество и самоотверженно ходила за больными. В конце концов она заразилась сама и едва не умерла, но теперь выздоравливает. Эти события привели к необычайной перемене в характере madame Барбантон. Ее нельзя узнать, она стала совсем другой. Делая добро, поневоле сам становишься добрым.

Вместо прежней фурии старый жандарм находит себе добрую, кроткую жену.

«Голубая Антилопа» уходит в Капштадт. Там она выдерживает карантин, после которого Барбантоны покидают яхту и уезжают в Европу. Им уже нет резона путешествовать. Они счастливы и богаты.

Фрикэ и Андрэ остаются вдвоем и решают продолжить путешествие.

— Куда же теперь? — задаются они вопросом.

Андрэ предлагает отправиться в Бирму. Это рай для охотника: там есть тигры, носороги, слоны, леопарды, буйволы, черные пантеры, рыси, речные бобры, бабируссы, всевозможные антилопы. Пернатая дичь тоже всякая: фазаны без малого около двадцати видов, павлины...

— Павлины?.. Дикие?.. Неужели?.. — восклицает Фрикэ.

— В невероятном количестве... Дальше — индюки, тетерева, рябчики, куропатки, голуби всех сортов, аисты, калао, попугаи, разнообразнейших видов колибри.

— И вся эта благодать — в Бирме?.. В таком случае — да здравствует Бирма! Едем туда.

«Голубая Антилопа» взяла курс на Рангун, столицу английской Бирмы, находящуюся под 16°45' северной широты

Барбантоны покидают яхту и уезжают в Европу

и 94°4' восточной долготы. Небольшая остановка у островов Соединения, другая, такая же, на Цейлоне — и после тридцатипятидневного счастливого плавания яхта бросила якорь перед Рангуном, расположенным при впадении реки Иравади. в Мартабанский залив.

Англичане полностью отрезали независимую Бирму от моря, захватив себе всю область между юго-восточной границей Бенгалии и перешейком, соединяющим Малайский полуостров с королевством Сиамским. Теперь в Бирманскую империю имеется единственный доступ через реку Иравади.

Эта река в полтора раза больше Рейна, но, как все индо-

китайские реки, с очень неровным руслом, и судоходство по ней затруднительно. Поэтому проехать 1200 километров от Рангуна до Бама можно только на судах с малым водоизмещением. Одна английская компания наладила здесь регулярное судоходство и буксирует шаланды с различными грузами.

Андрэ приехал в Индокитай вовсе не затем чтобы сидеть в английских владениях. Поэтому он пробыл в Рангуне ровно столько, сколько потребовалось для приготовлений к большой экспедиции во внутренние области.

Яхту решено было оставить на рейде, а по реке плыть в паровой шлюпке, снабдив ее всем необходимым, то есть оружием, зарядами к нему, провизией, одеждой и лагерными принадлежностями.

Поручив яхту капитану, Андрэ взял на шлюпку двух коچهгаров-матросов, сенегальца-лаптота и двух негров, участвовавших ранее с Фрикэ в его экспедиции по реке Рокелль в Сьерра-Леоне. Шлюпку привязали к буксирному пароходу вместе с несколькими груженными шаландами. Проигрыш в быстроте возмещался выигрышем в безопасности. Закончив хлопоты, Андрэ занял место в шлюпке рядом с парижанином.

Иравади впадает в море огромной дельтой. Река Рангун — это, собственно, один из рукавов этой многоводной дельты. Ниже города в Рангунский рукав впадает речка Пегу со множеством других речек и ручейков, отчего рукав расширяется до такой степени, что к городу могут подходить суда водоизмещением даже в полторы тысячи тонн, но выше города он опять сужается, так что без лоцмана пройти здесь уже нельзя.

После однодневного плавания достигли небольшого местечка Ниунгуну, где рукав соединяется с главной рекой. Отсюда целых пять дней тащился буксирный пароход до Мидаея, английского таможенного поста в четырех километрах от англо-бирманской границы.

В сущности, это простая деревня, ничего собой не представляющая, но ее положение на границе сделало из нее очень важный в фискальном смысле * пункт, где взимаются пошлины с европейских и туземных товаров, идущих как вверх, так и вниз по реке.

Наша французская администрация измучила бы Андрэ всевозможными таможенными придирками по поводу груза шлюпки. Начался бы досмотр, перечисление, оценка всего на ней находящегося, вплоть до самого последнего пустяка,

---

* Для тайного наблюдения за исполнением правительственных распоряжений.

потом содрали бы солидную сумму, что для богатого человека ничего не значит, но потерять массу времени всегда очень скучно и иногда — хуже убытка. Одним словом, извели бы путешественника вконец.

Совсем иначе поступили англичане. Досмотр производил сам управляющий таможней с младшими чиновниками.

Андрэ отрекомендовался и в коротких словах объяснил ему, что он охотник, а не купец, и прибыл на яхте из Франции, побывав в Сьерра-Леоне, где тоже охотился на львов.

Англичанин, сам ярый спортсмен, как все британцы, вежливо поклонился французскому коллеге и произнес два лаконичных слова:

— All right! *

Шлюпка прошла под орудиями форта, который вместе с цитаделью и редутом на песчаном острове контролирует все нижнее течение реки.

Французский флаг, редкий гость в этих местах, отсалютовал британскому, и спустя час шлюпка миновала английскую границу.

Тем временем Андрэ успел, по рекомендации капитана буксирного парохода, нанять себе лоцмана и решил на свой страх и риск продолжать путешествие.

До него стали доходить разговоры о разнообразной дичи по реке и на берегу. Наши охотники после долгого вынужденного бездействия не прочь были размяться и сделать несколько хороших выстрелов.

Между прочим, они убили двух гигантских аистов из породы марабу с великолепными белыми перьями, к которым так равнодушны наши модницы-щеголихи.

На следующий день Андрэ решил проехать дальше в глубь страны, поднявшись вверх по течению реки Джен, левого притока Иравади, впадающего в нее при Менгуне.

Вот тут-то, намучившись с лоцманом, знавшим по-английски лишь несколько слов, он и послал Фрикэ на берег с поручением нанять переводчика и добыть каких-нибудь свежих припасов для стола.

Мы уже видели, как успешно исполнил парижанин оба эти поручения, и как он, сверх того, уложил насмерть Людоеда.

---

* Хорошо (англ.).

Глава IV

Возвращение с триумфом.— Представление.— «Я буду есть тетерева».— Старый бирманец-охотник и его таинственный помощник.— Дак — национальное оружие.— Через джунгли.— Сигнал тетерева.— Первый выстрел.— Первая жертва.— Тетерки.— Что у старика в корзинке?— Уж вместо легавой собаки.— Фрикэ выстрелил на лету и промазал.— Тетерка и змея.— Пир пресмыкающегося.— Истребитель тигров обращен в бегство тетеркой.

Андрэ, оставшийся на шлюпке с двумя матросами-европейцами и негром, очень встревожился, когда получил от Фрикэ известную читателям записку, в которой парижанин извещал о своем походе на Люоеда.

— Вечно он что-нибудь выдумает! — ворчал Андрэ. — Пуститься в такую экспедицию, не договорившись сперва со мной! И хоть бы я знал, в которую он сторону отправился! Ему кажется простой шуткой пойти на старого громадного тигра... А я изволь тут кипеть в котле до его возвращения.

До вечера, как читатель уже знает, не было никаких известий.

Настала ночь. Тревога Андрэ росла. Вдруг он увидел справа на берегу движущиеся огни и услышал радостные крики. Он улыбнулся и сказал весело:

— Тигр убит. Бирманцы чествуют моего шального мальчишку.

Он не ошибся. Вскоре показались люди с факелами, оравшие во все горло, за ними четыре бирманца с чем-то вроде носилок, на которых лежали останки тигра, и, наконец, Фрикэ с винтовкой за плечами, с поднятым кверху носом, вообще с видом самым победоносным; тут же шествовали его переводчик, негр и мальчик Яса.

Шествие замыкали крестьяне, тащившие разную живность и свежие овощи и во все горло прославлявшие подвиг истребителя тигров.

Нечего и говорить о том, как радостно встретил Андрэ парижанина и его свиту.

Пожавши руку друга взволнованно и порывисто, Фрикэ вызвал вперед Минграсами и взял за руку Ясу.

— Вот вам переводчик, monsieur Андрэ, — сказал он весело. — Он родом из Пондишери, следовательно, наш индийский соотечественник. А вы, господин Минграсами, знайте, что этот джентльмен — господин Андрэ Бревани, наш общий начальник.

Индус поднял над чалмой обе руки кунолом, степенно поклонился и проговорил:

— Вот сам переводчик

— Я буду служить вам, сударь, верой и правдой. Я настоящий француз и ненавижу англичан. Верно, сударь.

— Ты говоришь по-бирмански?

— Как по-французски, также бегло.

— Хорошо. Завтра мы уговоримся с тобой насчет жалованья.

— Я вполне полагаюсь, сударь, на вас и, кроме того, считаю большой честью быть на службе у французов из Европы.

— А вот этот мальчуган, — продолжал Фрикэ, — будет нашим новобранцем — потому что я его усыновил.

— Вот как! Еще один приемыш! — воскликнул, дружески улыбаясь, Андрэ.

— Всего только трое теперь, считая с этим. К тому же мой бывший негритенок Мажестэ стал уже взрослым, а китайчонок Виктор скоро сам сделается мандарином *. Знаете, господин Андрэ, я был так глубоко несчастлив до встречи с вами, что теперь не могу равнодушно видеть покинутых детей или сирот.

— У него нет ни отца, ни матери?— спросил Андрэ.

— Его мать была последней жертвой тигра-людоеда.

— Ты правильно поступил, Фрикэ, и я очень рад этому прибавлению семейства.

— Если бы вы знали, как он понятлив... Я скоро выучу его болтать по-французски. И какой храбрец! Представьте, он согласился служить приманкой для тигра и даже бровью не повел.

— Кстати, я тебя не поздравил. Это великолепный почин на азиатском берегу. Я в восторге.

— Я старался следовать вашим урокам, чтобы стать настоящим охотником. И достиг цели: теперь я люблю охоту. А так как мы сюда приехали именно затем, чтобы охотиться, то я не почил на лаврах, а подыскал новую дичь.

— Ты меня совсем избалуешь.

— В двух словах: от переводчика Сами я узнал, что здесь в окрестностях изобилие чудных тетеревов. Из живности здесь, в деревне, я обнаружил только поросят и с удовольствием испробую тетерок. А вы?

— Я тоже очень люблю эту великолепнейшую дичь, но только известно ли тебе, что тетерева и тетерки до крайности пугливы?

— Известно, но я все-таки надеюсь, что наша охота удастся!

— А как ты это сделаешь?

— Сами, от которого я все это узнал, взялся доставить мне все необходимое. «Будьте спокойны,— сказал он мне, пересыпая свою речь бесконечными «сударями»,— я вам представлю старика, который проведет вас куда нужно в чащу, и вы убьете столько дичи, сколько вашей душе будет угодно. У него есть животное, которое умеет находить след тетеревов и в особенности тетерок».

— Тетерев или тетерка — для меня все равно. Я сторонник полного равноправия полов перед вертелом. Ну, а как же мы проберемся через чащу?

— Не беспокойтесь, мы вам прочистим дорогу нашими дахами.

---

* Высший чиновник в Китае.

— И вот я послушался Сами и привел с собой рекомендованного им человека. Это вот тот самый старик, который жуёт бетель* с невозмутимостью бронзового идола; через плечо у него надета плетенная корзинка из прутьев. Вы согласны оставить его при себе?

— Ещё бы! Я тоже почему-то уверен теперь в успехе, хотя и не знаю, каким образом будет действовать старик.

— Эй! Сами!

— Что вам угодно, сударь?

— Пригласи старика поужинать. Я поручаю его тебе.

— Вы о нем, сударь, не беспокойтесь! Он ляжет на подстилку из листьев на берегу реки. А я разведу огонь, который будет потом гореть всю ночь, и приготовлю на нем ужин.

— Хорошо. Что нужно этим людям?

— Они желают вернуться в деревню.

— Справедливо. Раздай им вот эти деньги, — сказал Андрэ.

Пять минут спустя бирманцы удалились с громкими радостными криками, прославляя щедрость и храбрость европейцев.

На другой день, с зарею, два друга приготовились идти на охоту. Они выпили по чашке обжигающе горячего кофе с сухарями и с рюмкой можжевелевой водки — настоящий матросский походный завтрак и, кроме того, отличное средство, предохраняющее от губительной лихорадки джунглей.

Старик-бирманец получил тоже хорошую закуску и выпивку и пришел в полный восторг. Он радостно сообщил необходимые сведения толмачу, а тот перевел их Андрэ и Фрикэ.

Предстояло, разбившись на две группы, идти параллельно шагам в семи или восьми друг от друга. Первую группу поведет старик, вторую — толмач и будут при этом расчищать дорогу. За ними пойдут Андрэ и Фрикэ, вооружившись каждый ружьем калибра 16 и гринеровской двустволкой. Замыкать шествие будут два негра с винтовками крупного калибра на случай встречи с опасными зверями.

Индусу и старику-бирманцу не полагалось другого оружия, кроме туземной сабли, или даха.

По форме это скорее тесак, а не сабля: толстая, тяжелая и без заостренного конца, но срезанная под прямым углом, вообще некрасивая.

Она служит в домашнем обиходе, подобно тесаку южно-американцев или мачете мексиканцев, но только далеко не так удобна, хотя ею все-таки рубят дрова, крошат табак.

---

* Перечное растение, листья которого, пряного и жгучего вкуса, употребляют для жевания.

разделявают мясо, срезают прутья, бамбук, сдирают кору с пальм, срезают лианы и ветки, мешающие идти. Рукоятка у нее длинная, деревянная, так что можно действовать обеими руками. Ножны сделаны из двух выдолбленных внутри деревянных планок, скрепленных проволокой или металлическими обручами.

Таков дах у простолюдин, служащий одновременно оружием и орудием.

У лиц среднего и высшего классов дах имеет точно такую же форму, но рукоятка и ножны бывают более или менее богато украшены; дерево и простой рог заменяются слоновой или носороговой костью, проволока, гвоздики и обручи делаются серебряные или золотые, на них насаживаются драгоценные камни и т. д. Ножны обтягиваются выделанной кожей и тоже усыпаются украшениями.

Это национальное оружие служит также и знаком отличия. Когда император бирманский хочет оказать кому-нибудь из сановников особый почет за его заслуги, он жалует отличившемуся дах с ножнами, обвитыми серебряным или золотым листом. Такой дах обычно несет впереди сановника кто-нибудь из его подчиненных. Кавалеристы привязывают его наискось к седлу или надевают на фартук, или носят просто в руках в ножнах или без них. Вообще без этого оружия ни один бирманец, будь он богат или беден, не сделает никуда ни шагу.

Фрикэ и Андрэ ожидали, что их проводники будут шуметь, вырубая чащу, и были очень удивлены той ловкостью, с какою индус и бирманец бесшумно срезали мешавшие ветви в поросших колючим кустарником джунглях.

Вдруг среди тишины послышался громкий призывный крик тетерева.

Охотники прошли еще шагов пятьдесят. Крик повторился, и так близко, что Андрэ полагал увидеть сидящего тетерева прямо перед собой. Но нечаянно наступил на хворостинку, которая громко хрустнула. Из чащи послышался сначала хрип, потом тревожный крик, потом шуршанье крыльев.

Андрэ увидел, как над деревьями поднялась почти вертикально, точно фазан, огромная птица. Он выбрал момент, когда птица, завершив подъем, полетела параллельно земле, и выстрелил.

Подстреленная на лету птица перевернулась в воздухе и упала на землю.

Старик-бирманец при всей своей флегматичности вытаращил узенькие глаза и с почтением уставился на чело-века, сделавшего такой удивительный выстрел.

Негр проворно сунул винтовку своему хозяину и, как змея, уполз в чащу. Через пять минут он вернулся ликующий, таща великолепного черно-серого тетерева с голубыми, зелеными и лиловыми переливами, весом килограммов в пять.

— Monsieur Андрэ, поздравляю! — послышался из-за кустов веселый голос. — Ловко сделано!

— Сам-то ты что же не стрелял, когда от моего выстрела всполошились и взлетели все здешние стаи тетеревов?

— Я просто растерялся и не знал, в которого целиться. Фррр! Потом хлопанье крыльев — и ничего. Нет, мне еще долго нужно будет практиковаться, чтобы научиться стрелять на лету.

— Знаешь что? Присоединяйся ко мне. Будем ходить вместе. Мы оба последуем за стариком, который в эту минуту делает мне какие-то знаки, но только я их не понимаю. Сами, спроси, что ему нужно.

— Он говорит, сударь, что тетеревов больше нет. Ваш выстрел спугнул всех.

— Вижу, знаю.

— Остались одни тетерки.

— Где же это?

— Не знаю, сударь, но зверь нам сейчас укажет. Вот, извольте взглянуть.

Старик поставил свою корзину на землю и снял крышку. Французы невольно вздрогнули, увидавши на дне корзины огромную змею.

— Чего мы испугались! — вскричал сейчас же Андрэ. — Точно дети!.. Ведь это уж, безобиднейшая из змей.

— Пусть безобиднейшая, но я до них не охотник, — пробормотал Фрикэ. — Во всяком случае это очень странная легава.

Старик вынул из корзинки змею длиной в два метра, с колпачком на голове, как у сокола, снял колпачок, привесил к шее колокольчик, открыл пасть и плюнул в нее слюной, окрашенной бетелем, потом отпустил на свободу, произнеся какие-то странные слова.

Змея стремительно исчезла где-то в кустах, так что ее и след бы простыл, если б не громкое позвякивание колокольчика.

Вскоре за деревьями послышался испуганный птичий крик и хлопанье крыльев.

— Тетерка! — прошептал Минграсами. — Она на гнезде и защищает яйца.

— Поползи-ка туда, Фрикэ, — предложил Андрэ.

Парижанин хотел было уже нагнуться под ветви, но бирманец удержал его.

Он издал резкий свист и знаком показал юноше, чтобы тот хорошенько посмотрел между деревьями.

— О, вижу, вижу!.. Бедненькая!.. Она на гнезде.

— Убей ее.

— Не могу!.. Ведь наседка.

— Без нежностей. Охота так охота. Ведь нам нужно людей кормить.

Тетерка, вероятно, прижатая невидимым врагом, тяжело взлетела.

Фрикэ сделал по ней два выстрела и оба раза промазал. — Черт возьми! — вскричал он.

Раздался третий выстрел. Несчастливая птица, описав большой круг над своим гнездом, распласталась на земле.

Старик свистнул еще резче и повелительнее. Уж как бы нехотя приполз обратно к своему хозяину.

Старик водворил его опять в корзинку и поглядел на Андрэ восторженно, а на Фрикэ косо.

Охотники пошли дальше лесом, который, на их счастье, сделался реже.

Пройдя шагов сто, старик остановился и опять выпустил змею.

— Еще гнездо! — сказал переводчик.

Фрикэ, начавший приобретать опыт, хотя и с уроком для своего самолюбия, бросился по следам ужа, на звук колокольчика.

Опять он услышал испуганный крик и хлопанье крыльев. Тихо подкравшись, он совершенно отбросил свои кровожадные намерения при виде неожиданного зрелища.

Тетерка, вся оцетинившись, откинулась назад и, выставив вперед когти, отчаянно вертелась, защищая гнездо. Она старалась помешать ужу захватить яйца.

Но ужа несколько не смущали ее крики, удары когтями и клювом. Он быстро двигался вокруг несчастной птицы, не спуская с нее глаз. Утомленная тетерка ослабевала; взгляд змеиных глаз, холодных и неподвижных, гипнотизировал ее. Круг сужался все больше и больше. Измученная, истомленная птица вдруг упала навзничь, словно в припадке каталепсии.

Уж проворно вполз в гнездо — то была простая ямка в земле — схватил одно яйцо, разбил зубами, съел с видимым наслаждением желток, потом принялся за другое, за третье, не обращая внимания на тихо подошедшего Фрикэ.

— Приятного аппетита. красавец мой, — сказал парижанин.

Птица бросилась на Фрикс

нин, — а я тем временем овладею нашей курочкой, не истративши ни одной дробинки.

Но парижанин жестоко ошибся в расчете.

Тетерка, избавившись от гипнотизировавшего ее змеиного взгляда, пришла в себя. Увидав, что кто-то осмелился подойти и протягивает к ней руку, чтобы схватить ее за шею, она пришла в ярость и со всей злобой наседки, защищающей птенцов, набросилась на врага, жестоко исцарапав ему руки и едва не выклевав глаза.

Не имея возможности пустить в дело ружье, так как наседка была слишком близко, не зная чем и как защи-

титься от ее когтей и клюва, Фрикэ благородно ретировался и побежал к своим, прыскавая со смеху.

Сытый уж полз за ним следом, отозванный свистком хозяина.

— Что случилось? — спросил Андро, заинтересованный этим непонятным бегством.

— Ничего не случилось. Бешеная тетерка, вот и все. Вы видали, как большие собаки убегали от наседки с цыплятами?

— Видал.

— Вообразите себе десятифунтовую курицу, прыгающую в лицо, царапающую, клюющую — словом разъяренного зверя, да и только. Я чуть-чуть глаз не лишился. Ей-богу, тигр не так страшен.

— Что же ты теперь будешь делать?

— Да ничего. Я мог бы вернуться и пристрелить ее, но за свое необыкновенное мужество она заслуживает пощады. Пусть живет. Во всяком случае я очень рад, что познакомился, благодаря этому старику, с интересным фокусом и долго буду помнить. А когда мы будем рассказывать об этом в Европе, нам не поверят.

Глава V

Дурное настроение лоцмана.— Жертвоприношение Гаутаме.— Туземная лодка.— Рея в тридцать девять метров.— Красных рыб покрывают золотом, а белых серебром.— Будда останется доволен.— Иравади.— Непостоянство реки.— Периодические разливы.— Торговый флот в семьдесят тысяч лодок.— Бирманские столицы.— Причуды монархов.— Ава, Амарapura и Мандалай.— Туда, где растут тековые деревья.

Экскурсией по берегу реки Джен два друга остались довольны и решили вновь спуститься по этой реке до ее слияния с Иравади и затем, уже плывя по самой Иравади, проникнуть в глубину Бирмы.

Шлюпка была прекрасная, машина великолепная, кочегар превосходный, лоцман опытный, знающий свое дело, следовательно, от путешествия можно было ожидать только одно удовольствие. Между тем лоцман с каждым часом становился мрачнее и мрачнее. Это бросалось в глаза. Андро обратился к толмачу за разъяснением.

Минграсами, или просто Сами, как его стали звать для краткости, осведомился у лоцмана о причине его дурного настроения.

Произошел короткий разговор.

— Ну, что он сказал? — спросил Андрэ.

— Лоцман отказывается от службы, сударь.

— Вот как! Чем же ему у нас плохо?

— Не плохо; он говорит, что, напротив, ему здесь очень хорошо, но только с вами должна непременно случиться беда, а он боится, что местные власти сочтут его виновником вашей гибели.

— Это вздор какой-то, прямо безумие! — вскричал Андрэ, теряя терпение. — Пусть он представит хоть какой-нибудь реальный довод.

— Он говорит, — Сами понизил голос до шепота, — он говорит... Сударь, я боюсь, вы будете смеяться.

— Да говори скорее, мучитель этакий, не тяни! Ты меня изводишь.

— Лоцман, сударь, жалуется на то, что вы не умили-вили Гаутаму.

— Как?

— Да, сударь. Обычай здесь требует, чтобы всякий, собирающийся плыть вверх по реке, приносил жертву Будде, которому поклоняются бирманцы.

— Не может быть! Где я только не побывал, чего я только не перевидал, но, признаюсь, от меня в первый раз требуют соблюдения обрядов чужой религии.

— Сударь, он вовсе не говорит, чтобы вы сами приносили жертву. Он только просит разрешения сделать это ему. Иначе он уйдет от вас.

— Да сколько ему угодно! Пусть приносит. Я человек веротерпимый, каждому предоставляю полную свободу совести. Я даже готов оказать ему содействие, чем только могу.

— У него нет рыб.

— Каких рыб?

— Для жертвоприношения Гаутаме.

— Вот что, парень, ты говоришь какими-то загадками, а теперь чересчур жарко, и я не желаю над ними ломать голову. Доставайте себе рыб, я заплачу за них, и пусть лоцман приносит свою жертву, а меня оставьте, пожалуйста, в покое.

Нахмуренное лицо лоцмана просияло, когда толмач передал ему слова Андрэ. Не теряя ни минуты, он направил шлюпку навстречу большой туземной лодке и быстро поравнялся с ней.

— Что он хочет делать? — спросил Андрэ, с любопытством разглядывая оригинальный образчик индокитайского кораблестроения.

Лодка, действительно, была построена со знанием условий речного плавания. Киль был выдолблен из ствола дерева, подобно пирогам первобытных народов, и уже по этому килю был выведен кузов. Корма высоко возвышалась над водою, как у гондол. Руль состоял из широкого весла, которым кормчий обыкновенно правит, стоя на платформочке, украшенной оригинальной резьбой. Мачты и паруса тоже были замечательны в своем роде. Мачта внизу состояла из двух столбов, которые у реи соединялись вместе, образуя треугольник, а выше реи шел уже столб. Рея была сделана из одного или нескольких бамбуковых стволов, отличалась огромной длиной и изгибалась дугою. Вдоль нее была протянута веревка, на которой на кольцах крепился парус, похожий на занавес. Паруса здесь делаются обыкновенно из очень тонкого и легкого бумажного полотна, из которого обычно шьется и одежда туземцев. Эта легкость необходима из-за громадной величины паруса относительно размеров лодки.

Английский инженерный капитан Генри Юль смерил рею одной такой лодки в сто тонн. Рея, не считая изгиба, имела тридцать девять метров в длину, а поверхность натянутого на ней паруса была не меньше трехсот семидесяти квадратных метров.

Уже по одному этому устройству можно заключить, что индокитайские лодки против ветра двигаться не могут.

Шлюпка Андрэ сошлась борт о борт с одной из таких гнау, на носовой стороне которой на небольшой платформе, вопреки европейским традициям, размещались самые почетные пассажиры. На корме лодки развевался белый флаг, на котором довольно грубо был изображен красный герб Бирманской империи — павлин с распущенным хвостом. Курьезная и чисто местная подробность: флагишток, на котором торчал флаг, был увенчан... европейским графином! У бирманцев это украшение в большом ходу, так что они даже злоупотребляют им: например, на верхней оконечности какой-нибудь пагоды иногда можно увидеть пасаженной... скромную бутылку из-под сельтерской воды.

В тот момент, когда лодка и шлюпка поравнялись, лоцман spryгнул в лодку. Кочегар сбавил ход шлюпки.

После пятиминутного разговора лоцман и его коллега подошли к люку и на время скрылись в нем, но вскоре появились вновь. Они горячо пожали друг другу руки, обменялись дружескими словами и простились.

Фрикэ и Андрэ с интересом следили за этой сценой, знакомящей с местными нравами.

Лоцман перепрыгнул обратно с лодки на шлюпку и вер-

— Это и есть жаркое для Будды...

нулся к рулю, держа в руке бамбуковое ведро, до половины налитое водой.

Фрикэ подошел и заглянул в него. Там плескалось штук десять красных и белых прехорошеньких рыбок.

— Это и есть, должно быть, будущее жаркое для Будды. Наш лоцман купил, либо занял этих рыбок у своего товарища. Воротясь домой, буду остерегаться аквариумов.

Не обращая внимания на посторонних, непосвященных лиц, которые, впрочем, держали себя совершенно бесстрастно, лоцман вынул из ведра всех рыб, вытер их кисеей и разложил на сухой салфетке, потом достал из-за пояса небольшой

деревянный лакированный ящик и извлек из него несколько тонких листков золота и серебра.

После того он взял одну красную рыбку, обернул ее золотым листком, который тотчас же присох к ее чешуе, выделяющей клейкое вещество, и бросил в реку, произнося при этом какие-то таинственные слова. Затем он взял белую рыбку, завернул ее в листок серебра и с таким же заклинанием бросил в воду.

Десять рыб — пять белых и пять красных поочередно — были таким образом выброшены в реку.

Жертвоприношение совершилось. Лоцман вернулся к рулю с безмятежностью человека, которому нечего больше бояться.

— Это все? — спросил Фрикэ у толмача.

— Все, — серьезно и важно ответил индус. — Злые духи укрощены. Гаутама ниспошлет нам благополучие в пути.

— Спасибо на добром слове. Каждый труд стоит награды, поэтому вот ему пять франков на чай.

Шлюпка поплыла с обычной своей скоростью. Мимо проносились берега Иравади. Спасались куда-то, хлопая крыльями, водяные птицы, напуганные отрывистым кашлем паровика.

— Станный обычай, — пробормотал парижанин, лежа на корме рядом с другом, курившим сигару. — Вы знали о нем раньше, monsieur Андрэ?

— Приходилось кое-что читать и слышать. Во всяком случае, в нем нет ничего удивительного, если принять во внимание капризный характер той реки, по которой мы плывем. Вполне естественно, что эти люди хотят умиловить злых духов, которым они приписывают беспорядочные разливы Иравади.

— Сейчас она вполне спокойна.

— На это полагаться нельзя. Иравади — едва ли не самая непредсказуемая река в мире. И, наконец, теперь март, самое сухое время года в этой стране. А вот в августе, после проливных дождей, она разливается так, что становится многоводнее Конго, чуть не с Ганг.

— Но ведь эти разливы должны наносить колоссальный ущерб, — заметил Фрикэ, — так что неудивительно, если здешние люди всячески пекутся о том, чтобы предохранить себя от такого бедствия. Мне не только не жаль монеты в пять франков, которую я дал лоцману за десяток рыбок, но я даже нахожу, что это очень дешево.

— Убытки бывают не настолько велики, как можно было бы предположить. Наводнение бывает каждый год регулярно и достигает определенной высоты, так что все затоп-

ляемые места известны. После спада воды местность вновь принимает обычный вид, и навигация возобновляется с еще большим оживлением.

— Мне кажется, что навигация и сейчас очень оживлена. Лодки снуют на каждом шагу. А я-то ожидал увидеть страну дикую и почти не освоенную для торговли.

— О, как ты, однако, ошибся. Подумай: тридцать пять пароходов курсируют ежегодно вверх и вниз по реке, семьдесят тысяч лодок, из которых иные в полтораста тонн, ходят и по реке и по всем ее притокам. По официальным подсчетам внешняя торговля одной английской Бирмы дала за 1878—1879 годы 550 миллионов франков.

— И в то же время тут живут дикие слоны, тигры, носороги... Удивительная страна!

— Это-то в ней и привлекает. Тут порою наряду с атрибутами утонченной культуры соседствует непроходимейшая дикость. Вместе с тем ее гораздо реже, чем Индию, посещают туристы, что и заставило меня выбрать Бирманию для нашей охотничьей экспедиции. Мы поднимемся вверх по одному из притоков, чтобы побывать в каком-нибудь тековом лесу, затем вернемся опять на главную реку и посетим развалины столиц, последовательно покинутых местными монархами.

— Вот тебе раз!.. Значит, здесь столицы меняются, как... сюртуки.

— Положим, реже, не так часто, — улыбнулся Андрэ. — Столицы трижды поменяли на протяжении семидесяти пяти лет.

— Двадцать пять лет очень короткий срок для столицы.

— Действительно. Да я и ошибся к тому же: не три раза, а пять раз их меняли.

— Не может быть.

— Суди сам. Более четырех веков столицею Бирмании была Ава. По капризу короля, одного из сыновей знаменитого Аломпры, она была оставлена и заменена Сагаином. Это было нечто вроде загородной резиденции — бирманского Версаля, что ли. Через три года, по капризу нового короля, столица была перенесена в Амарapura, или «город бессмертия», на берегу Иравади, в семнадцати километрах от Авы. В 1819 году двор покинул и эту резиденцию и до 1837 года пребывал опять в Аве.

— Три столицы.

— В 1837 году двор безо всяких видимых причин покидает Аву и до 1857 года живет опять в Амарapura.

— Четвертая перемена!.. Воображаю, как доставалось ме-

бели, и как это было убыточно. Ведь недаром говорится: два переезда с квартиры на квартиру равносильно одному пожару.

— В 1857 году по новому капризу монарха Амарapura была оставлена окончательно и представляет в настоящее время груды развалин. В семи километрах к северу от них возникла новая столица Мандалай. Строительство ее завершено лет пятнадцать тому назад.

— Меня удивляет и эта страсть к переменам в монархах, и это стадное, слепое повиновение подданных всем их прихотям.

— Ты забываешь, что здесь монарх — собственник всего: лесных, полевых, речных угодий, даже всех диких слонов и, в особенности, всех людей. Человек здесь — вещь своего короля. Самые стены Мандалая, новой столицы, воздвигнуты на человеческих трупах.

— Ах!

— Ведь это не новость. В древней Палестине, например, даже требовалось, чтобы в основу фундамента при постройке здания закладывался «живой камень» для изгнания злых духов.

— Положим... Ну, а как же иностранцы, живущие в Амарapura? Ведь они, надеюсь, имели право остаться там и не переселяться в другое место?

— Так и случилось в 1857 году. Когда король приказал всем жителям выселяться и покидать свои дома, китайцы, которых было очень много и которые только что выстроили пагоду в своем квартале, отказались исполнить приказ. Их не тронули. В конце концов и они все-таки переселились: их заставили это сделать соображения собственной выгоды, потому что в старом своем поселении они остались без покупателей с товаром на руках. И им пришлось даже униженно просить, чтобы их допустили в Мандалай.

— Интересен ли, по крайней мере, этот новый город?

— А вот сам увидишь. Я надеюсь в нем с тобой побывать. Но сперва нам нужно побродить по суше на западе, а то я боюсь, что на северо-востоке не будет текowych деревьев.

— Разве в северной Бирме их нет?

— Некоторые авторы утверждают, что тек не растет дальше 16° северной широты, но это неверно: он встречается много севернее. Мы увидим его непременно и даже удачно поохотимся в текowych лесах: они первобытны и изобилуют всевозможной дичью. Самые свирепые и страшные звери на земле водятся в них.

— Очень буду рад продолжить серию, начатую Любоедом. Если в тековых лесах есть звери, есть опасность, есть из-за чего рисковать и волноваться охотнику — в таком случае едем туда, где растут теки!

Глава VI

Вверх по притоку Иравади.— Обработанные земли.— Из Фрикэ получается отличный стрелок.— Утро на реке.— Восход солнца.— Неожиданная дичь.— Это слон? — Нет, только носорог.— Черные пантеры — супружеская пара.— Двое на одного.— Страдания носорога.— Двойной выстрел — единственный в жизни охотника.— Спасенная жертва.— Неблагодарность.— Не делать добра — не навредить врагу.— Ярость дикого животного.— Череп носорога и пуля «Экспресс».— Недостаточная броня.— Для коллекции.

Поднявшись еще немного вверх по течению Иравади, шлюпка вышла, как и раньше, в один из бесчисленных притоков, несущих свои воды в богатыршу-реку.

Лоцман превосходно знал не только местную гидрографию, но и, как оказалось, все наиболее удобные для охоты места, изобилующие дичью.

Два друга, для которых охота была главной целью, решили полностью положиться на его добросовестность и сообразительность.

Им не пришлось потом об этом жалеть.

Лодка, замедлив ход, проплывала все более дикие места. Поселки показывались редко и виднелись по большей части издали, обработанные поля исчезли совсем. Первозданная природа вступала во все свои права.

Фрикэ и Андрэ имели случай любоваться мимоходом, с каким трудолюбием и терпением бирманцы, близкие родственники китайцев, мастеров оросительного дела, сумели устроить, разнообразить и усовершенствовать свои плантации.

Почва всюду, где только можно было провести орошение, пользуясь сезоном разлива, была занята рисовыми насаждениями. Они, в свою очередь, чрезвычайно толково и разумно чередовались с другими культурами — табака, кукурузы, бобов, чечевицы, сладкого картофеля, сахарного тростника.

Все эти небольшие поля были разбиты на квадраты в виде шахматной доски, и каждое получало ежедневно свою толику воды из природных бассейнов. Вода распределялась по полям посредством целой системы каналов и шлюзов, системы крайне простой и в то же время очень умной истройной.

Среди этих аккуратных и ухоженных полей возвышались фруктовые деревья, с огромным терпением акклиматизированные бирманцами: финиковые и фиговые пальмы, различные деревья, гранаты, персики и даже сливы, груши и вишни. Что особенно странно было видеть рядом с гуявами, манго и бананами.

За фруктовыми садами шли целые рощи кустов индиго и хлопчатника, перевитых трельяжем из березы; далее виднелись деревья лимонные, апельсиновые, ореховые, тамариндовые, камедные, резиновые и т. п.

Там и сям среди деревьев возникал и снова исчезал блестящий на солнце купол пагоды, а затем опять начинались джунгли с колючим тростником, с островками бамбуков, с травой в человеческий рост — и среди всей этой природы величаво катила свои голубые, сверкающие волны многоводная Иравади.

Нечего и говорить о том, что водяная и болотная птица попадалась в изобилии: то и дело взлетали испуганные вздохами паровика ибисы и фламинго, марабу и чайки, цапли и пеликаны. Фрикэ все время практиковался в стрельбе на лету. Он помнил свою неудачу с тетеревами и дал себе слово сделаться превосходнейшим стрелком. Стоя на носу шлюпки, он с азартом стрелял в болотных и водоплавающих птиц, всякий раз усложняя задачу.

Успехи он делал изумительные, так что Андрэ все время его хвалил, не переставая ошипывать убитых птиц, подбираемых людьми экипажа.

Вечером бросили якорь на самой середине реки и безмятежно уснули.

Три дня прошло с тех пор, как лоцман принес в жертву Гаутаме серебряных и золотых рыбок. Шлюпка рассекала глубокие и прозрачные воды Яна, или Киук-Яна, притока Иравади, впадающего в нее под 21-ю северной параллелью. На протяжении тридцати километров Ян поднимается от устья к северо-западу и делится на четыре главных рукава, расходящихся гусиной лапой. Первые три рукава очень короткие, не более пятидесяти километров, а четвертый, идущий прямо с севера на юг, имеет в длину километров двести. Река Ян со своими притоками протекает по почти совсем безлюдной стране, простирающейся на запад вплоть до английской границы. Не трудно себе представить, насколько такая пустынная местность богата дичью всякого рода, крупной и мелкой.

Ознакомившись с направлением всех четырех рукавов, два друга решили направиться по самому длинному из них,

так как он наверняка должен был протекать мимо тековых лесов.

На четвертый день, рано утром, Фрикэ проснулся с легким ознобом во всем теле под влиянием тумана, бывающего обыкновенно по ночам в низменных и сырых тропических местностях.

Желая согреться в движении, парижанин не стал кутаться в одеяло, а встал и поехал в лодке на берег с неграми, которые часто наведывались в лес за дровами для паровика.

Андрэ проснулся в таком же состоянии и, не сговариваясь со своим другом, обнаружил совершенно такое же намерение, как и тот. Они были очень удивлены, встретившись в тот момент, когда оба собирались сесть в лодку. Каждый полагал, что другой спит.

У Фрикэ было ружье калибра 16, а у Андрэ винтовка «Экспресс» калибра 14 1/4.

Друзья молча, но приветливо поздоровались и тихо уселись в лодку, приказав неграм как можно меньше шуметь веслами.

Вскоре длинные пучки красных лучей насквозь пронизали туман, и он рассеялся почти моментально. Верхушки деревьев, до этой минуты невидимые, вдруг словно загорелись, засверкали, между тем как внизу их еще застилала сероватая пелена, постепенно исчезающая.

Воздух делался все свежее и прозрачнее. Предметы выступали особенно резко и ярко, звуки слышались особенно отчетливо, как ни в какое другое время суток. Одним словом, то было настоящее утро в тропиках, где солнце всходит без зари и закатывается без сумерек. Восход солнца там похож на взрыв света. Два друга наслаждались хорошо знакомой картиной. Они видали ее сотни раз, но никогда не могли налюбоваться вдоволь.

Однако художественное чувство не заглушило в них охотничьего инстинкта. Фрикэ первый заметил между широкими листьями водных растений, еще не просохших от росы, что-то черное и движущееся около берега реки.

Он сделал знак гребцам, чтобы они остановились.

— Что там? — тихо спросил Андрэ.

— Там у берега барахтается в воде какое-то крупное животное, вроде слона.

— Черт возьми!

— Слышите? Фр!.. Фр!.. Фр!.. Точно наш покойный приятель Осанор, когда, бывало, умывался утром...

— Ничего удивительного, если и слон: их много водится в бирманских лесах.

— Но я-то, я! Нечего сказать, хорош буду.

— А что?

— Да ведь у меня только ружье, заряженное дробью.

— Зато у меня винтовка. Впрочем, мы оставим его в покое. Сегодня мы не готовы. Лучше в другой раз как-нибудь. Бивни от нас не уйдут, мы еще успеем пополнить коллекцию.

— А если он на нас нападет?

— Слушай, Фрикэ, не говори глупостей, точно Немврод из предместья Сен-Дени. Виданное ли дело, чтобы слон нападал на человека первый, не будучи им тронут?

— Правда, я сглупил. Начитался когда-то страшных рассказов комнатных охотников и все еще не могу преодолеть в себе книжного человека.

Андрэ ничего не сказал, только улыбнулся и осторожно приподнял голову над водными растениями.

— Это не слон,— сказал он шепотом,— а носорог.

— Гадкий зверь. Терпеть не могу. Один меня едва не распластал в Африке, когда я отыскивал нашего жандарма.

— Черт возьми! — сказал Андрэ про себя, как бы слушая друга.— Я думал, он ближе, а он в ста двадцати метрах, не менее.

— Неужели вы хотите стрелять отсюда?

— Почему бы нет? Его можно смертельно ранить, а то и убить; во всяком случае, я удалю его отсюда. Соседство с ним мне не нравится. Из всех животных он да буйвол кидаются иногда в слепой ярости на предмет, который видят впервые. Он может наброситься на лодку, чтобы перевернуть ее. Надо попробовать. Эй, вы! Пригнитесь пониже и прижмитесь друг к другу. И ты также, Фрикэ. Моя винтовка производит настолько сильную отдачу, что вы все можете попадать с ног.

Андрэ медленно поднял оружие и стал целиться носорогу в заветное черное пятно около плеча. Стрелок находился в самых благоприятных условиях: ничто ему не мешало, торопиться не было надобности, носорог стоял спокойно и ничего не замечал.

Охотник уже хотел спустить курок, как вдруг раздался хриплый, сдавленный, но яростный крик, словно вдруг кто-то громадной пилой провел по самому твердому дереву.

Измученный, даже испуганный носорог бросился было вон из воды, где он был стеснен в движениях, но не успел выскочить.

Вслед за криком, который, очевидно, был сигналом, из густых кустов позади носорога выскочили два гибких, про-

Носорог и черная пантера

ворных зверя и с замечательной синхронностью обрушились на толстокожего.

— Черные пантеры! — вскричал Андрэ, спокойно опуская винтовку.

— Черные пантеры? — повторил Фрикэ. — Это интересно. Я видал их только в зоологическом саду. Говорят, очень злые... Ай-ай! Тебе придется плохо, толстяк.

Носорог испустил отчаянный крик — громкий, яростный, сипло-металлический. Тут были и боль, и бешенство, и испуг. Его положение было ужасным.

Застигнутый врасплох молниеносным нападением свире-

пой супружеской четы, носорог упустил все способы самообороны.

Самец сидел на его спине впереди, запустив когти всех четырех лап в его кожу, и вгрызался ему зубами в затылок, стараясь добраться до мозжечка. Самка оказалась слабее: сделав прыжок, она передними лапами достала до крупа носорога, но задние остались на земле. Она яростно терла лямки врага, царапала их когтями и рвала зубами.

— Monsieur Андрэ, — тихо проговорил Фрикэ, — мне было бы жаль этого увальня, если бы я не знал, какой у него у самого злобный нрав. Пантеры съедят его живьем.

— Если только я им это позволю. Носорогу я хоть и не особенно сочувствую, но этих кошек положительно не терплю. Кроме того, и мех черных пантер так красив и редок, что нам с тобой не мешает приобрести по одной шкурке.

— Вы отсюда хотите стрелять?

— Конечно. С расстояния ста двадцати метров обыкновенный стрелок должен сразу всаживать свою пулю в дно шляпы, а голова этого самца шире.

Громоподобный выстрел из винтовки «Экспресс» сотряс воздух и прокатился многократным эхом, подобно отдаленным раскатам грома. Самец привстал на спине носорога, изогнув туловище и вытянувши вперед лапы, точно геральдическая эмблема, и тяжело упал на самку. Та, не обращая внимания на выстрел, который приняла, вероятно, за гром, испустила отчаянный рев, когда увидела своего товарища мертвым. Приписав его смерть носорогу, она атаковала того с головы, пытаясь перегрызть ему горло, выцарапать когтями глаза, и когда это не удалось, яростно вцепилась в его выпяченную нижнюю губу.

Андрэ прицелился опять.

— Вот человек! — пробормотал про себя Фрикэ. — Он хочет сделать по пантерам двойной выстрел.

Андрэ выстрелил как раз в тот момент, когда пантера кусала носорога за морду. Пуля угодила ей между лопаток и перебила хребет, но она не отпустила носорога, а лишь глухо завывала.

Терзаемый носорог, вне себя от ужасной боли, изо всех сил тряхнул головой.

Но умирающая пантера не разжала своих челюстей. От движения носорога часть губы, ухваченная зубами пантеры, оторвалась, и та с размаху упала рядом с мертвым самцом.

Избавившись от врагов, носорог стал вертеться кругом, как безумный. Вода около него была окрашена кровью.

Вдруг он перестал выть от боли и зарычал от ярости. Он увидел лодку с людьми и расходившийся белый дымок.

— Недостает только, чтобы он на нас напал,— заметил Фрикэ.

— Конечно, нападет,— сказал Андрэ, аккуратно вставляя в винтовку два металлических патрона.— Да вот он уже и плывет на нас. Тем хуже для него. Я ему голову размозжу. Сидите, не шевелитесь. Пусть он подплывет ближе.

Андрэ встал на носу лодки и хладнокровно смотрел на зверя, который подплывал необыкновенно быстро. Отвратительный вид имела его исцарапанная морда с откушенной губой, видна была даже обнаженная челюсть. Глаза сверкали злобой. Он бешено ревел.

Минутка нерешительности, легкое головокружение, осечка или что-нибудь в этом роде — и лодка была бы опрокинута, люди задавлены.

Носорог уже в десяти шагах.

— Боже, какой он гадкий! — пробормотал неисправимый болтун Фрикэ.— Стой, красавец! Ни шагу дальше!

Это послужило как бы командой «пли!». Андрэ прицелился и выстрелил в третий раз.

Он метил в череп, как раз в ту кость, которою прикрыт мозг.

Настоящий блиндаж.

Но против пули «Экспресс» не устоять и этому блиндажу. Смертельный снаряд ударяет в голову. Носорог внезапно останавливается, точно окаменелый, с расширенными глазами и открытым ртом. Не стонет, даже не хрипит. И вдруг, как пробитая лодка, идет ко дну и остается в прозрачной воде среди травы, растущей на иле. По воде расходятся круги, выскакивают и лопаются крупные воздушные пузыри — и все.

— Ну, парижанин, что ты мне на это скажешь? — спросил Андрэ.

— Скажу, monsieur Андрэ. Скажу, что это ужасно. Голова треснула и разлетелась, как тыква. Я сам видел мозг. Как жаль, что носорог исчез под водой! У него великолепный рог, голову можно было бы препарировать.

— Зачем же его оставлять там гнить! Часть можно будет сохранить. Прикажем неграм привязать к его ноге канат и вытащить на берег. Впрочем, пусть лучше сюда подъедет шлюпка: надобно будет взять на нее и пантер. К тому же, я не хочу больше оставаться в лесу: я устал и проголодался, как собака. Вернемся позавтракать.

Глава VII

Яванская пантера, которая водится не только на Яве.— Об отсутствующих.— Два превосходных трофея.— Вперед! — Тековый лес.— На что идет тековое дерево.— Тек и императорская казна.— Птица-носорог.— Охотник усердный, но неопытный.— Неудача.— Убежище калао.— Новая попытка.— Важные предосторожности.— Ружья калибра 16 недостаточно.— Ключ и рог птицы-носорога.— Парижанин и его приемыш.

Меньше ростом, но гораздо свирепее обыкновенной, черная пантера обладает исключительно красивыми формами и великолепнейшим мехом. С виду она скорее стройна и грациозна, чем сильна, но на самом деле у нее огромная сила и неслыханное проворство.

Голова — как у громадной черной кошки, с короткими ушами и золотисто-желтыми глазами. Рот всегда полуоткрыт, и белые зубы кажутся еще ослепительнее на окружающем черном фоне.

Свойственный обыкновенным барсам желтый цвет шкуры, усеянной красивыми розовыми пятнами не характерен для черной пантеры, ее шкура черная с дымчатым отливом. С первого взгляда, цвет черной пантеры представляется однородным, без малейших оттенков, но если приглядеться внимательнее, то и на ее шкуре окажутся темные узоры, вроде тех, какими отличается мех обыкновенной пантеры, и такие же пятна, только не розовые и черные. Но эти пятна и узоры выступают не так ярко, потому что мало отличаются от общего черного фона.

Фрикэ сдирал шкуру с самки, а Андрэ с самца, и оба любовались красивым мехом. Парижанин спросил, почему черную пантеру называют яванской.

Андрэ улыбнулся.

— Вероятно, потому, что, кроме острова Ява, она водится в Индокитае и в Бенгалии.

— Не особенно убедительный довод.

— На тебя не угодишь. А я больше никакого не знаю. Ученые премудро решили, что черная пантера живет только на Яве, и называли ее яванскою. А между тем она водится во многих других местах. Майор индийской армии Левисон неоднократно стрелял черную пантеру на материке Азии. Наш соотечественник Том Анкетил встречал ее в Бирме... Да вообще много примеров, не считая нас с тобой.

— Так-то вот пишется история... естественная, — заметил Фрикэ. — Во всяком случае, пантера очень интересный зверь, где бы она ни жила, и я бы дорого дал, чтобы увидеть какими будут лица у ваших парижских охотников, когда

из ящичка камфорного дерева мы вынем эти две шкуры, натертые мышьяковым мылом.

— Я об этих изменниках уже и позабыл. Пусть их себе сидят сиднями дома. Займемся теперь носорогом. Кстати, какова длина этих пантер? Они вроде бы больше, чем описывают в книгах.

— У меня нет метра, но я знаю, что длина дула моего ружья семьдесят пять сантиметров. Вот и можно смерить. Так. Длина от морды до начала хвоста один метр сорок пять, а его супруги — один метр тридцать. Недурно.

Шлюпка, приведенная к месту боя, стояла под парами. Один из негров храбро нырнул в реку и привязал к ноге носорога веревку. Берег был невысокий, так что вытащить его было нетрудно. Тушу положили на траву. Андрэ хотел было сберечь и шкуру, но пантеры так обработали ее когтями и зубами, что она местами представляла собою лишь бесформенные лоскутки. Заслуживала внимания только одна голова, хотя и страшно исцарапанная. Замечателен был, во-первых, рог, достигавший семидесяти сантиметров при диаметре в двадцать пять, а во-вторых, та пробоина в черепе, которую сделала пуля «Экспресс».

Андрэ не без труда отделил своим тесаком голову от туловища, велел перенести ее на шлюпку, и сам принялся ее препарировать по всем правилам искусства. Шлюпка между тем снова пошла вверх по течению.

Два дня спустя путешественники прибыли в чудный тековый лес, который рос по обоим берегам реки.

Красивы они, действительно, эти тековые леса. Величественно поднимаются кверху, точно громадные столбы, их прямые, стройные, сероватые стволы, поддерживающие свод из темно-зеленых бархатистых листьев с белыми точками на внутренней стороне. Под деревьями в лесу сумрак полный и почва совершенно голая. Рядом с этими великанами растительного царства, не пропускающими ни воздуха, ни света, не может расти ничего. Если и попадется какое-нибудь другое дерево или растение, то это всегда их ровесник, случайно выдержавший борьбу за существование. Вообще же в тековых лесах преобладают одни теки.

Тековое дерево не боится червей — они его никогда не точат; оно не гниет ни в какой воде — ни в соленой, ни в пресной; оно нечувствительно к переходам от сырости к сухости, и наоборот; оно не изменяется ни в воде, ни в земле, ни в воздухе. Индусы и индокитайцы строят себе из него дома и пагоды, и везде и всюду его охотно используют на постройку кораблей.

Он препарировал голову носорога

В Бирмании все тековые леса считаются собственностью императора и приносят ему огромный доход. За эксплуатацией лесов следят многочисленные чиновники, но, разумеется, злоупотреблений тут всяких масса. И, несмотря на неправильную рубку, на довольно-таки хищническое истребление, тековые леса все еще огромны и густы и имеют совершенно первозданный, девственный вид, так что в них до сих пор в изобилии плодятся и множатся всевозможные дикие звери.

Шлюпка встала на якорь на выбранном Андрэ месте. Фрикэ сейчас же разглядел на берегу многочисленные следы буйволов и слонов.

— Завтра, кажется, у нас опять будет случай отличиться, — сказал он, — а пока я произведу маленькую рекогносцировку.

— Как!.. В два часа пополудни, в самую жару! Ты с ума сошел. Ложись-ка лучше в гамак и отдыхай.

— Не могу, *monsieur* Андрэ, у меня зуд в ногах. Я и сам не засну, и вам спать не дам. Чу! Что это за шум? Какая возня там наверху, в листьях!

Дежурный кочегар, выпуская пары, пожелал доставить удовольствие мальчику Ясе и дал сильный свисток. По всей вероятности, звук парового свистка раздался в этих местах впервые. Спрятавшиеся от жары в листву птицы переполошились и, взлетев, подняли крик.

Фрикэ не обратил бы на это особенного внимания, если бы среди обыкновенных птичьих криков не различил чего-то похожего на мычанье, сопровождаемого громким хлопанием крыльев, щелканьем клюва и карканьем. В то же время с вершин деревьев, стоявших у реки, тяжело слетело с дюжину птиц величиною с индюшку. Они были неуклюжие, с огромными, безобразными, ни на что не похожими клювами. Они отлетели на несколько сот метров и вновь взгромоздились на деревья.

— Я знаю этих птиц. Я их видал на острове Борнео. Зовут их... Эх, память у меня дырявая...

— Калао, ты хочешь сказать?

— Да, именно так... калао.

— Я тоже разглядел их. Это из породы так называемых птиц-носорогов. Вот бы подстрелить хоть одну птицу; это бы очень украсило нашу коллекцию.

Эти слова были порохом, брошенным на уголья. Пятки у парижанина буквально так и зажгло. Он моментально схватил ружье калибра 16 и бросился в ту сторону, куда полетели птицы.

Прошло не более двух минут, и уже загревели выстрелы — целых два, один за другим. Опытный охотник сказал бы: «Плохо дело».

Именно так и подумал Андрэ, сидя спокойно на складном стуле. Вскоре появился Фрикэ — расстроенный, весь в поту и без всякой дичи.

— Я бы мог сказать: не повезло, но я сам виноват. Я просто неловкий дурак.

— Не проще ли сказать — ветреник.

— Как так, *monsieur* Андрэ?

— Разумеется. Бросился со всех ног, как сумасшедший, не вычислив ни высоты деревьев, ни живучести дичи, ни

дальнобойности ружья. Ну, какова, по-твоему, высота этих деревьев?

— Да... метров сорок.

— Далекое не угадал... Прибавь еще двадцать и будет, пожалуй, верно.

— Неужели вправду шестьдесят?

— Если не больше, но уж никак не меньше. Шестьдесят метров — это уже хорошее расстояние для охотничьего ружья при горизонтальном прицеле, а когда приходится стрелять почти вертикально, то ружья калибра 16 тут не хватит, к тому же эти огромные птицы очень живучи.

— Хорошо. Я возьму винтовку «Экспресс» и пойду опять.

— И что же ты сделаешь? Птица будет разнесена в клочки. Возьми лучше ружье калибра 8, его как раз будет достаточно.

— Сейчас так и сделаю — и побегу.

— Да что с тобой? Я тебя еще таким не видал. Можно подумать, что в тебя вселился бес.

— Бес охоты, *monsieur* Андрэ!

— Я очень рад за тебя, но нужно же хорошенько все обдумать. Мы здесь не в Босе. Во-первых, потрудись пополнить патронами свою сумку, чтобы в ней был полный запас: двадцать патронов с дробью и десять с пулями. Во-вторых, изволь взять с собой кожаный мех, сваренный кофе и несколько сухарей.

— Это для того, чтобы отойти на два километра?

— Никогда нельзя знать заранее, где остановишься в первобытном лесу.

— Я через час надеюсь быть дома.

— Я тоже надеюсь, иначе я бы тебя не отпустил. Но ведь ты же не ребенок, и, во всяком случае, ради пары калао стоит совершить прогулку. Ты увидишь странную птицу длиною в один метр двадцать сантиметров от клюва до хвоста, с черно-сизыми перьями прелестного отлива на спине и крыльях и с белым брюхом. Хвост белый, пересеченный черной полосой. На голове хохолок из тонких перышек. Все это было бы, впрочем, вполне обыденно, если бы не величина птицы и, главное, не ее чудовищная голова. Вообрази себе, что к этой голове приделан клюв в тридцать пять сантиметров длины и в десять толщины у основания; что у того вида калао, который называется носорогом, на верхней половине клюва имеется нарост, загнутый назад, как у четвероногого толстокожего носорога, и что этот нарост достигает восьми сантиметров.

— Какое, должно быть, тяжеловесное сооружение!

— Ничуть. Нарост не из плотного вещества, а из ноздреватого, губчатого. Он только прикрыт роговой оболочкой, которая очень тонка, хотя и тверда. Поэтому придаток не дает птице никакого веса. Длинный клюв и короткие лапы не позволяют калао клевать пищу, подобно маленьким воробьям, или терзать ее, держа в лапах. Поэтому калао должны глотать ее разом. Схвативши концом клюва ягоду, зерно или плод, калао подбрасывают добычу кверху и с ловкостью жонглеров ловят ее и глотают.

— Помню, я видел, как тулканы делали то же самое своими клювами, напоминающими банан.

— Совершенно верно. Тулканы очень похожи на калао, но только гораздо меньше. Однако, ну ее к Богу: первый же выстрел в один миг научит тебя большому, чем я своими рассказами.

— Вы меня только еще больше раззадорили. Я убегаю. До скорого, monsieur Андрэ!

— До свиданья, мой друг. Смотри же, возвращайся не с пустыми руками.

Фрикэ сделал все, как советовал ему Андрэ, и проворно побежал в тековый лес.

Едва он сделал десять шагов, как услышал за собой топот маленьких ног. За ним спешил маленький бирманец Яса.

Первым движением парижанина было отослать ребенка обратно, но мальчуган с такой любовью на него смотрел, с такой мольбой протягивал к нему свои маленькие руки, повторяя только слово: «Фликэ!», что молодой человек передумал.

— Monsieur Андрэ, мальчик пойдет со мной! — крикнул он другу.

— Я очень рад, потому что в таком случае ты скорее вернешься и не заберешься чересчур далеко.

Через четверть часа Фрикэ дошел до места, куда, по его расчетам, перелетели калао, напуганные свистком. Они, по всей вероятности, сидели теперь на верхушках самых высоких деревьев.

Он шел тихо, осторожно, надеясь застигнуть птиц врасплох и громыхнуть своим чудовищным ружьем. Вдруг слышалось опять щелканье клювов, хлопанье крыльев, карканье. Очевидно, птицы его услышали.

Неприятель вторично отступил.

— Ну, что же, я все равно буду их преследовать, хотя бы они полетели к черту на рога! Я вспотел и весь мокрый, а мальчуган как ни в чем не бывало. Скоро я высуну язык,

а он будет еще совершенно свеж. Эти люди вылиты из бронзы. Впрочем, если он устанет, мы отдохнем, а пока надобно идти вперед и вперед, чтобы опять не возвратиться с пустыми руками.

Глава VIII

В погоню за калао. — Разочарование и озлобление. — Наконец-то! — Первая жертва. — Невероятно легкий вес калао. — Поляна в лесу. — С глазу на глаз с царственным тигром. — Отступление. — Кровавый след. — Убит! — Изуродован. — Пристрелили. — В обратный путь. — После трех часов ходьбы. — Изумление.

Как сказал Андрэ: «Никогда нельзя знать заранее, где остановишься в первобытном лесу».

Скоро парижанину пришлось убедиться в справедливости этих слов и от души поблагодарить своего друга за прозорливый совет запастись основательнее в дорогу хотя бы самым необходимым.

Калао летают тяжело и неуклюже, восполняя недостаток летательных способностей чрезвычайною бдительностью и осторожностью. Чем бы они ни были заняты — чисткой ли перьев, срыванием ли плодов с деревьев или просто шумным карканьем, они все время настороже, все время приглядываются и прислушиваются и при малейшем шорохе поднимают тревогу.

Увидав подозрительный предмет или живое существо, они шумно спархивают и перелетают, испуганно крича, на другое место, метров за двести. При этом они тяжело опускаются на ветку и начинают уморительно качаться, опуская книзу то голову, то хвост, точно чашки весов, и рискуя тем, что та или другая сторона перетянет.

Видя такой неуклюжий полет, такое неустойчивое равновесие, глядя на эти короткие перелеты, указывающие как будто на физическую слабость, неопытный охотник начинает думать, что он непременно настигнет калао, если будет их неумоимо преследовать и подкрадываться осторожно. Сами птицы вводят его в это заблуждение, коварно подпуская к себе иногда на довольно близкое расстояние.

Полный надежды, крадется он тихо-тихо, прячется, съезживается, сгибается, дрожит от страха и надежды, и вот уже готов прицелиться из ружья, как вдруг вся стая снова испаривается и улетает с нестройным криком.

Можно сойти с ума.

Фрикэ увлекся подобной бесплодной погоней и незаметно для себя, от дерева к дереву, пробродил часа полтора, лстя

Птица-носорог

себя надеждой подстрелить в конце концов хотя бы одну птицу. Он не один раз приближался к стае на расстояние выстрела, но не стрелял, сбитый с толку прежней неудачей, которая была приписана недостаточной дальностью ружья калибра 16, и забывая, что то чудовищное ружье, которое он взял с собой в этот раз, бьет вдвое дальше. Наконец, усталый, измученный, расстроенный, он в тот момент, когда птицы опять от него улетали, схватил ружье, приложился и выстрелил в самую середину стаи.

Бухнул чудовищный выстрел, прогремел и затих. Вслед затем с верхушки тека послышались отчаянные крики.

— Краа!.. Краа!.. Краа!..

Одна из птиц, настигнутая полным зарядом дроби из патрона № 3, висела вниз головой, зацепившись лапой за ветку.

— Наконец-то! — вскричал обрадованный охотник. — Однако, ружье калибра 8 бьет далеко! Ну, птица, спускайся скорее, дай на себя посмотреть... Так. Коллекцию ты украсишь собой, это уж точно.

Птица перестала кричать и сорвалась с ветки, за которую судорожно цеплялась лапой. Она упала на землю. Яса резко вскрикнул и бросился поднимать добычу, чтобы подать ее парижанину. А Фрикэ, как ребенок, поставил ружье у ствола дерева и начал выделявать разные фантастические прыжки, которым позавидовала бы сама тропическая Терпсихора.

— Спасибо, мальчик, ты очень любезен. Но положи же ее, ведь она ростом не меньше тебя. Наверное, она очень тяжелая. Ты, стало быть, силач, раз ты принес ее сюда, как воробья... Ба! Да она прележенькая! Вот штука-то! Настоящий фокус!.. Птица величиной с дворового гуся, а весит не более трех фунтов, когда должна бы весить не меньше двенадцати! Странно!.. Странно!.. Не стоит быть такой легкой и летать так плохо. Впрочем, я от этого не в убытке: удобнее нести.

Если бы Фрикэ был лучше знаком с анатомией птиц, он не назвал бы фокусом малый вес калао. Он знал бы, что так называемые воздушные мешки, или резервуары, в которые у птиц воздух поступает через легкие, сообщаются с костями крыльев и достигают у калао особенного развития, вследствие чего птица и оказывается такой легкой относительно своей величины. Она вся как бы надута воздухом, он проникает даже в кости. Будучи величиной с индюшку, калао весит не более полутора килограммов.

Фрикэ полюбовался глянцевым иссиня-черным оперением спины и белыми перьями подбрюшья, подивился на громадный клюв с красным наростом и промолвил:

— Ничто так не ободряет охотника, как удача. Куда вся моя усталость девалась — я ее не чувствую. А как ты, мальчуган? — спросил он, как будто Яса мог его понять.

Маленький человек взял калао за голову и перекинул шею птицы себе за плечо: тело повисло у него за спиной; а за клюв он взялся обеими руками и в такой позе пошел вперед, приглашая Фрикэ за собою.

Немой жест бывает красноречивее иной длинной речи.

— Превосходно! — воскликнул Фрикэ. — Ты у меня моло-

дец. Нужно будет подстрелить еще одного летучего носорога, чтобы и мне было что нести на себе.

Как человек осторожный, он вновь зарядил ружье, спрятав в карман пустую латунную гильзу, которая может использоваться вновь и вставляться бесконечное число раз, и пошел за своим храбрым малолетним товарищем.

К своему удивлению, он больше птиц не видал и не слышал.

Взрыв громадного заряда, свист крупной свинцовой дроби в ветвях дерева, смерть сородича, все это до того повлияло на калао, что они удалились на этот раз гораздо дальше.

— Делать нечего, придется довольствоваться одной птицей, — сказал разочарованный Фрикэ. — В таком случае, пойдем домой, а то мы незаметно проделали порядочный конец. Как хорошо присоветовал мне monsieur Андрэ взять с собой козий мех со сваренным кофе и запас сухарей! Теперь мы съедим с тобой, мальчуган, по сухарику, попьем кофейку и отдохнем, чтобы оправиться и идти бодро. Так, малыш?

— Да, — отвечал доверчиво ребенок.

— Вот прехорошенькая полянка с цветами и невысокими деревьями, не такими угрюмыми и мрачными, как теки. Может быть, на них имеются плоды? Может быть, они растут близ какого-нибудь источника? Недурно было бы присовокупить к сухарю какой-нибудь фрукт и испить свежей водички, чтобы поберечь кофе. В таком случае — вперед. Эти лесные полянки очень красивы, но сколько на них бывает всякого зверья!

С этими словами наш болтун, не перекидывая ружья за спину, а держа его в руке, в позе крадущегося охотника, направился к поляне, до которой было не более двухсот метров.

От текowych деревьев эту поляну отделял наполовину высохший ручей; последние теки стояли шагах в десяти от берега. По ту сторону ручья росли великоленные зеленые деревья, своей тенью сохраняющие в почве влагу; и среди них Фрикэ с удивлением различил стройные и прямые стволы кокосовых пальм. Он не ожидал их увидеть в таком месте.

— Да мы здесь будем как сыр в масле кататься! — сказал он, собираясь переходить ручей шириной в шесть метров. — Что такое? Кто это колышет кусты?.. Э, да тут дело нешуточное.

По ту сторону ручья раздвинулись нижние ветви кустов, покрытых цветами, и на откосе появился огромный тигр, очевидно, отдохавший в этом благоуханном убежище.

«Укрыть сперва мальчугана!» — думал парижанин

То был настоящий королевский тигр, желтый с черными полосами, на коротких ногах, с широкой грудью, с длинными усами, укороченной мордой, с большими желтыми глазами, разделенными зрачком в виде буквы i.

Он потягивался и зевал, когда появился парижанин, несколько ошарашенный от неожиданности, несмотря на всю его самоуверенность.

Тигр был изумлен не меньше человека и стоял, не зная, как ему поступить.

Фрикэ проворно прицелился, чувствуя, как у него мурашки бегут по спине.

Увидав направленный на него железный ствол, тигр припал к земле, так что почти коснулся ее грудью.

«Он собирается прыгнуть», — подумал Фрикэ.

Не медля ни секунды, парижанин выстрелил из обоих стволов последовательно, раз за разом. Бац-бац! Оба выстрела почти слились в один, но гром от них не заглушил яростного крика, который испустил израненный зверь. Все его четыре лапы вытянулись, как пружины, и Фрикэ разглядел сквозь дым, как он подпрыгнул выше своей головы и тяжело упал назад.

Для Фрикэ было делом одной минуты схватить под мышку маленького Ясу, все время не выпускавшего из рук птицу, и отбежать с ним прочь.

«Укрыть сперва мальчугана, а там видно будет», — думал парижанин.

В несколько секунд он пробежал шагов тридцать и остановился, убедившись, что за ним нет погони. Тогда он вынул из ружья пустые гильзы, заменив их патронами с пулей, и с облегчением вздохнул.

— Если кот еще жив, то этим я уложу его уже наверняка. Вот так неожиданная встреча! И ружье-то было заряжено дробью. Правда, оно калибра 8, а заряд содержит двенадцать с половиной граммов пороха и семьдесят граммов свинцовой дроби № 3. Это очень серьезно. По-видимому, весь заряд угодил между глаз: порох, свинец и пыжи. Все въехало... Пойти взглянуть.

Он вернулся на прежнее место. Маленький бирманец шел за ним. Глаза его сверкали, как черные алмазы; птица болталась у него за спиной, ударяя его по икрам.

Фрикэ без труда нашел след тигра по пятнам крови, величина которых свидетельствовала о громадной ране. Так прошел он около двухсот метров и увидел совсем близко, прямо перед собой, лежащего тигра. Он еще не был мертв, по его телу пробегали конвульсии, но подняться он уже не мог и только бессильно дергал лапами.

Он издыхал. Агония, по-видимому, была очень мучительна, потому что тигр все время царапал когтями то почву, то твердую тековую кору.

Фрикэ едва верил глазам.

— Королевский тигр убит дробью! Просто невероятно. Буду рассказывать охотникам — не поверят, назовут хвастуном. А между тем это правда. Ужасный зверь! Он задрал бы меня насмерть одним ударом лапы. Ростом он не меньше Людоеда. Однако, мы с monsieur Андрэ действуем недурно. Здесь, действительно, страна тигров. Впрочем, довольно бол-

тать, а то я становлюсь похож на деревенскую трактирщицу.

Судороги у тигра прекратились, бока перестали вздуваться, он только едва слышно хрипел.

Фрикэ понимал, что тот убит, но все же решил выстрелить в него еще раз для пущей безопасности.

Он прицелился в плечо и выпустил пулю «Экспресс». Зверь протяжно вздохнул, содрогнувшись, наконец, всем телом и замер.

Не стоило стрелять.

Яса, все время молча глядевший во все глаза, пронзительно вскрикнул, когда тигр издох, и крепко схватил Фрикэ за руку, залившись слезами.

Парижанин успокоил его словами и лаской и принялся рассматривать рану, нанесенную тигру.

Вся верхняя часть черепа была раздроблена на мелкие крошки, глаза были выбиты совершенно из впадин, носа не было, кожа полностью содрана. Морда представляла собою какое-то месиво из костей, кожи, шерсти и крови. Свинцовые дробины через пролом в черепе проникли в мозговое вещество, но такова живучесть кошек, что изуродованный тигр все-таки был в силах проташиться двести метров.

Однако нужно было подумать о возвращении. Великолепнейшую шкуру приходилось бросать за невозможностью перенести в шлюпку. Необходимо было спешить, чтобы до наступления вечера возвратиться на лодку.

Парижанин достал из кармана два сухаря для себя и для мальчика, и оба принялись их грызть, не жалея зубов. Сухари были тверды и жестки, как кирпичи. Потом два друга хлебнули кофе из козьего меха и приготовились в обратный путь.

Фрикэ торопливо сориентировался, взял на плечо заряженное ружье, убитую птицу привязал себе за спину ремнем от патронташа и пустился в дорогу рядом с маленьким спутником, который от него не отставал.

Теки тянулись без конца и почти без перерыва. Даже Фрикэ начал уставать.

— Никак не думал, что зайду так далеко, — разговаривал он сам с собой по своей всегдашней привычке. — Monsieur Андрэ был опять-таки прав. Уж не сбился ли я с дороги? Все эти деревья так похожи одно на другое. По солнцу ориентироваться нельзя, потому что за лесом его не видно. Инстинкта у меня нет, как у дикарей, потому что я парижанин, и мой нос лишен первобытной чуткости. Ну, Фрикэ! Леса на Борнео прошел насквозь, а здесь запутался, как дурак, гоняясь за калао! У меня даже компаса с собой

нет. Забыл прихватить. Хорош! Хоть бы догадался давеча наделать тесаком зарубок на этих однообразных громадных кольях, именуемых тековыми деревьями — и того нет. Глупее, чем мальчик-с-пальчик.

Фрикэ посмотрел на часы и удивился, когда оказалось, что они идут уже три часа. Тигра он убил в половине второго. Стало быть, они скоро достигнут шлюпки, если не сбились с дороги.

Он взглянул на мальчика, который бодро перебирал своими маленькими ножками, не обнаруживая усталости, и ласково улыбнулся ему.

А лес все тянулся и тянулся без перерыва. Фрикэ начал серьезно задумываться.

— Наконец-то!.. Мы скоро дома!.. Вот эту группу деревьев я уже видел раньше, я узнаю ее. Да, так. Я не ошибся. Мы тут уже были.

Фрикэ почувствовал полную уверенность. Но пройдя еще шагов пятьдесят, он вдруг остановился, как вкопанный... перед трупом тигра.

Глава IX

Без компаса трудно идти по прямой линии.— Как плутают в лесу, в океане, среди снежных равнин.— Лагерь на поляне.— Вырезка из тигра на обед.— Шкура тигра вместо перины.— Гастрономические предрассудки.— Бооль.— После ночлега в лесу.— Пустые планы.— Безответные сигналы.— Фрикэ догадывается, что заблудился, и совершенно в этом прав.— Взаимное обучение.— Эхо.— Гора.

Приведите совершенно здорового умом и телом человека на какую-нибудь ровную площадь, завяжите ему глаза и предложите пробежать пятьсот шагов по прямой линии.

Пусть перед ним будет гладкая и ровная поверхность, пусть он наверняка знает, что на его пути нет ни одной преграды, ни малейшего препятствия, что он может смело двигаться вперед.

Вот он пошел.

Идет.

Через тридцать шагов он уже свернул с прямой линии. Через сто шагов отклонился от нее еще более. И начинает описывать, слева направо, весьма заметную кривую.

Все время он считает шаги. Пройдя пятьсот, он останавливается, снимает повязку и ищет глазами поставленную перед ним цель. И с изумлением убеждается, что стоит к ней спиной.

От точки отправления он описал почти правильный полукруг.

Увеличьте, если площадь позволит, это расстояние. Назначьте два, три, четыре километра. Возобновите опыт с кем угодно, с разными людьми, и вы убедитесь, что человек с завязанными глазами идти по прямой линии не может, а будет блуждать по довольно ограниченному периметру и описывать, почти всегда слева направо, круги или ряд окружностей.

Человек, заплутавшийся в тумане, будет бессознательно проделывать то же самое и кружиться приблизительно около одного и того же места. Какому охотнику не случилось плутать по болоту, охотясь в туманный, сырой ноябрьский день за бекасами? Матросы без компаса, когда потерпят крушение, также сбиваются с пути в туманную погоду, если не видно ни солнца, ни звезд. Что бы они ни делали, им приходится блуждать по волнам, описывая все те же фатальные круги, линии, покуда их не подхватит течение или не появятся на небе звезды.

Беглые сибирские каторжники, застигнутые в степи метелью, тоже кружат, кружат и роковым образом возвращаются по собственным следам на прежнее место.

Как хотите, объясняйте этот странный феномен, это невольное кружение, но факт остается фактом: человек, не имея компаса или не видя небесных светил, не способен сохранить направление, и будь это в лесу, в море, в снежной степи или в песчаной пустыне, начнет кружить, кружить — опять-таки слева направо, а кончит тем, что запутается в собственных следах.

Особенно коварен в этом отношении девственный лес.

Горе тому охотнику или путешественнику, который углубится в эти лесные дебри, не ознакомившись подробно с местностью, тщательно не сориентировавшись, не отметив своих следов какими-нибудь знаками.

Горе ему, если он забудет, что девственный лес для европейца — тот же день без солнца, та же ночь без звезд, то же море без компаса.

Горе ему, если он упустит возможность всеми мерами обеспечить себе обратную дорогу.

Вот за такое упущение и пришлось расплачиваться нашему парижанину. Он сам себя поставил в критическое положение. А между тем ему стоило только, проходя лесом, сделать на деревьях несколько зарубок или нарезать веток, но при этом всякий раз с одной какой-нибудь стороны — или с правой, или с левой. Общее правило предусматривает делать отметки с правой стороны, чтобы на обратном пути находить их с левой.

Парижанин путешествовал по девственным лесам и на Борнео, и в экваториальной Африке, и все это прекрасно знал. Но в этот раз он не думал заходить далеко, он предполагал почти тотчас же вернуться.

Свое положение он осознал сразу и не стал делать бесполезных попыток отыскивать собственные следы. Он хладнокровно уселся недалеко от убитого тигра, подозвал мальчика и стал обдумывать дело.

— Ну,— сказал он,— не будем топтаться на одном месте. Я поступил как новичок, это верно, но не стоит по этому поводу ахать и охать. Пусть этому занятию предаются слюнтяи и глупцы. Предположим, что калао завлекли меня по прямой линии, я нахожусь сейчас от monsieur Андрэ милях в двух, потому что собственно погоня за птицами продолжалась полтора часа. Поскольку мы, поплутав, вернулись на прежнее место, то, стало быть, от шлюпки нас по-прежнему отделяет расстояние в две мили. Наша задача теперь — как можно скорее пройти это расстояние. Сегодня сделать этого нельзя. И думать нечего. Через час наступит ночь, и мы до темноты едва успеем приготовить себе ночлег. Завтра утром — в дорогу чуть свет... А вдруг мы опять пойдем не туда, куда нужно? На всякий случай надобно подумать о продовольствии. В нашей кладовой имеются два сухаря. Есть чем поужинать на ночь. А чем позавтракать? Съесть калао — досадно будет. Разве кусочком тигра? А что же? Гм! Вырезка из тигра — как жаркое... Я едал и хуже. Огонь высечь будет чем — со мной всегда огниво и фитиль. Да уж не зажарить ли сегодня? Что долго раздумывать? Чем сытнее поужинаешь, тем крепче заснешь. Решено.

Парижанин достал складной ножик — с пилкой, штопором и лезвиями трех или четырех видов — и принялся потрошить тигра.

Так как шкуру он не намеревался сохранить, то операция кончилась быстро — в каких-нибудь четверть часа.

— Вот и перина готова,— сказал он, свертывая шкуру.

Отрезав от мертвой туши порядочный-таки кус мяса, он прибавил:

— А вот и жаркое. Теперь поскорее на поляну. У нас остается до темноты только три четверти часа.

С помощью Ясы он набрал большой запас сухих дров, устроил для вертела две подставки вроде вил, сложил костер, опытной рукой быстро разжег его, сбегал к ручью и разбавил кофе водой, чтобы было побольше, срезал и очистил для вертела душистую палку коричневого дерева и подождал, пока костер перестанет дымить, после чего повесил жариться мясо.

— А вот и жаркое!

Многие гастрономы утверждают, будто мясо крупных хищников не идет ни в какое сравнение с мясом травоядных. Это далеко не верно. Французские солдаты в Алжире нередко с успехом добавляли к казенному пайку мясо убитых охотниками пантер. Кто пробовал, находил, что очень вкусно, что можно пальчики облизать. Львиное мясо тоже не приносило вреда желудкам французских воинов в Африке. Правда, у них была хорошая приправа: молодость, скудость казенного пайка и большие переходы с ранцами за спиной. При таких условиях чего только не съешь.

Что касается пишущего эти строки, то он хотел однажды

отведать мяса леопарда и не мог проглотить: жесткое, как резина, какое-то мочалистое и с самым неприятным запахом, а уж чего-чего, а по части питания у него никогда не было предрассудков.

Итак, мясо кошек съедобно. Фрикэ поел тигрятины с аппетитом 22-летнего юноши, позавтракавшего лишь сухарем, после трехчасовой прогулки по тековому лесу. Он ел тигрятину, не обращая внимания на то, что одни куски оказывались с кровью, а другие обугленными, и не вспоминая даже о том, что обычно гастрономы приправляют кушанья солью. В маленьком бирманце он нашел себе хорошего товарища, который от него не отставал и уписывал за обе щеки.

Покуда еще мясо жарилось, Фрикэ заготовил большой запас топлива. Теперь, кончив ужинать, он развел такой костер, который мог долго гореть без присмотра и без подкладки новых дров.

Потом он разложил на земле окровавленную шкуру тигра, собрав у изголовья кучку земли в виде подушки, зарядил ружье, положил его около себя, чтобы было под рукой, воткнул тесак в землю, завел часы, уложил мальчика на пушистый атласный мех и сам лег рядом с ним.

Как все впечатлительные люди, парижанин долго не мог заснуть. Он не сомкнул глаз до полуночи, прислушиваясь к нестройному концерту лесных обитателей: выл шакал, лаял олень, ревел тигр, рычала черная пантера, мычал лось и ухали и чувикали почные птицы. Заснул он только в первом часу.

Среди этого концерта он, уже засыпая, различил как будто и крик слона, бирманцами называемый звукоподражательно: бооль. Слонов было, по-видимому, несколько, потому что бооль слышался неоднократно и в разных направлениях. Этот крик похож отчасти на звук выстрела из большого ружья в лесу.

Ночь прошла без приключений: костер потух, но звери держались в почтительном отдалении, отгоняемые запахом тигровой шкуры, служившей ложем двум друзьям.

Фрикэ проснулся до рассвета, с поляны ему был виден восток. В самый момент появления солнца на горизонте он быстро сориентировался.

Зная, что река Ян, на которой находилась шлюпка, течет с севера на юг, он решил, что следует идти с востока на запад, если он хочет достичь реки.

Но сделать это было далеко не просто. Трудностей предстояло еще больше, чем накануне.

Если бы идти открытой местностью, он без труда выбрал бы себе надлежащее направление. Компас заменило бы солн-

це. Но ведь предстояло идти опять тековым лесом, через листву которого лучи совершенно не проникали.

— Я, конечно, попробую идти все время прямо, — сказал Фрикэ. — Но боюсь, что это бесполезно, потому что я все равно же вскоре сверну вправо. Километра не успею пройти, как уже опишу поворот. Во всяком случае, чтобы противодействовать этому, буду забирать влево. Попробую. По дороге может встретиться какой-нибудь ручей, впадающий в нашу реку.

План был очень хорош. Если, в самом деле, попадетсЯ такой ручей, то путники спасены. Им останется лишь идти по течению, разводя по ночам костры и производя время от времени выстрелы, звуки которых по воде разносятся быстрее и громче, чем по лесу.

Разумеется, шлюпка поспешит им на помощь. Но передвигаться по берегам тропических рек весьма затруднительно, потому что влажная почва этих берегов бывает густо покрыта всевозможною растительностью, затрудняющей путь. Однако Фрикэ не такой человек, чтобы бояться трудностей. Убедившись, что мальчик еще ничуть не ослаб, он покинул поляну и углубился в лес.

Шел он неторопливо, понимая, что нужно беречь свои силы и не переутомлять мальчика. После полуторачасового пути, полагая, что пройдено как раз такое расстояние, которое они пробежали накануне, в погоне за калао, Фрикэ остановился.

К несчастью, он все же так и не знал, в каком направлении движется. Может быть, он шел не к шлюпке, а от шлюпки.

— Впрочем, в этом можно удостовериться. Наверное, Андрэ нас ищет. По всей вероятности, он пошел в лес и дал соответствующие наставления людям, оставшимся на шлюпке. Звук наших выстрелов знаком им всем. Выстрелю два раза из ружья. Может быть, мне ответят.

Он приложился и дважды выстрелил, чередуя выстрелы так, чтобы можно было догадаться, что это сигнал.

Выстрелил и молча дождался некоторое время.

В ответ — ни звука. Даже эхо не прокатилось: плотные лиственные своды приглушили звук.

— Дело дрянь, — сказал парижанин. — Мы сбились с дороги. Куда теперь идти? Если бы хоть на минуту увидеть солнце, можно было бы определить направление. Хоть бы маленькая полянка встретилась! Назад, что ли, идти? Или повернуть налево? Или направо? Остается одно — идти вперед наудачу, не встретится ли какой-нибудь текущий ручей. В дождливое время года это не редкость, но теперь засуха, почти все ручьи

пересохли, так что и по ним трудно ориентироваться. Все, как на грех, против нас. Ну, пойду вперед, паугад! Была не была! Куда-нибудь выйду.

Среди этих размышлений Фрикэ пытался беседовать с Ясой. Разговор получался довольно скудный, ввиду взаимного непонимания. Но мальчик упорно спрашивал у Фрикэ французские названия всевозможных предметов и запоминал их. Фрикэ, в свою очередь, узнавал у Ясы бирманские слова, но, нужно сознаться, запоминал их не в пример хуже, чем тот французские. Много было смеха по поводу коверкания тех и других слов при произношении. Так, занимаясь взаимным обучением, два друга пробыли в пути еще полтора часа.

— Итак, мы идем вот уже три часа,— сказал Фрикэ, поглядев на часы. Этому проклятому лесу конца не будет. Ни полянки, ни ручейка, ни горюшки, только мох под ногами и бесконечная колоннада, поддерживающая зеленый свод, непроницаемый для солнечных лучей. Если нам сегодня так же везет, как и вчера, то это значит, что мы удалились от исходного пункта верст на двадцать. Такое бывало. Повторим-ка еще раз наш сигнал, хотя я боюсь, что только даром патроны истратим.

Опять раздался парный выстрел — и опять ничем не отозвался безмолвный лес. Только на этот раз оба выстрела сопровождало многократное и очень громкое эхо.

— Эхо! — сказал Фрикэ. — Значит, характер местности меняется. Тут поблизости должны быть или гора, или ручей, или река. Вперед, вперед!.. А! Начался подъем, и довольно крутой. Поднимемся и мы. Горы — это хорошо. С высокого места хорошо видно, в этом наше спасение.

На земле виднелись многочисленные крупные следы, валялись сломанные молодые деревья. На многих старых стволах была содрана кора.

Фрикэ продолжал:

— Тут только что прошло большое стадо слонов. Следы совсем свежие. Жаль, что нельзя на них поохотиться, а то парочка бивней явилась бы тоже недурным украшением нашей коллекции.

Глава X

Болезнь Белого Слона бирманского императора. — Лечение без всякого результата. — Дурное предзнаменование. — Что такое белый слон? — Альбинос или больной? — Белый или серый? — Откуда такое обожествление слона? — Буддизм на Востоке. — Переселение душ. — Очень трудно отыскать преемника. — Торг с уполномоченным. — Новые справки, новая экспедиция. — Заем у Схен-Мхенга. — Поиски Белого Слона.

Здоровье Белого Слона бирманского императора вот уже в продолжение года внушало тревогу окружающим.

Мрачный, печальный, раздражительный, он почти ничего не ел и, видимо, близился к смерти от изнурения, хотя и медленного, но неисцелимого. А между тем он был трижды священным животным и в продолжение восьмидесяти лет олицетворял собою три вида власти: религиозную, военную и гражданскую.

Окружающие всячески старались развеселить Его степенство, но усилия их были напрасны.

К статусу, которым он пользовался на правах принца крови, прибавились и неисчислимые богатства. Слон сделался самым богатым вельможей в государстве. Его воон, или министр, будучи изобличен в злоупотреблениях по административной и финансовой части, был представлен на собственный верховный суд Его степенства. Схен-Мхенг, или Государь-Слон, презрительно обнюхал его концом хобота, бросил на землю и наступил ему на голову своей гигантской ногой. Голова сплюснулась, как яйцо всмятку.

Сделано это было в состоянии чудовищной рассеянности. Что слону до всех министерских перемен и государственных тонкостей.

Прежде у него был только один драйвинг-гаук — весь из золота с драгоценными камнями и с украшенной рубинами и сапфирами хрустальной ручкой. Теперь щедрый император поднес ему еще один, пожалуй, роскошнее прежнего. Драйвинг-гаук — это такой кинжал, который слоновожатые употребляют вместо кнута, когда управляют слонами.

На пурпурной тиаре *, сверкающей рубинами и алмазами дивной красоты, обновили материю. Император сам своими августейшими руками прикрепил к ней алмазную эгретку **. Каждый день на слона надевался парадный костюм. На голове у него была, как у знатных вельмож и у самого императора, прикреплена дощечка с прописанными на ней всеми его

* Головной убор древних персидских и ассирийских царей.

** Торчащее вверх перо на головном уборе.

титулами; на лбу сверкал полумесяц из драгоценных камней; в ушах болтались огромные золотые серьги. Похудевшее тело покрывал роскошный пурпуровый чепрак, вышитый золотом и шелками и сверкавший жемчугом и драгоценными камнями. Любимые вожатые держали над ним четыре золотых зонтика, и для того, чтобы он мог всегда любоваться своим величием, за яслями было установлено большое зеркало, выписанное с огромными затратами из Парижа, с Сен-Гобенской зеркальной фабрики.

Наконец, сами знаменитые золотые ясли были всегда наполнены свежей сладкой травой, вкусными почками, сочными плодами, которые император, по безумной восточной расточительности, приказывал осыпать драгоценными камнями.

Ничто не помогало. Искудавшее громадное тело Схен-Мхенга свисало на толстых ногах. Хобот бессильно болтался между бивнями; неприятный, подчас жестокий взгляд оставался тусклым и неподвижным в красноватых, как у альбиноса, окружьях.

Слон оставался ко исему равнодушным, бесчувственным. Лишь изредка, и то понемногу, притрагивался он к лакомствам, которыми его наперебой угощали слуги, сторожа, чиновники и даже сам император.

Все предвещало близкую развязку. Каждый понимал, что Схен-Мхенг умирает.

Смерть Белого Слона, если ему на тот момент не подыскан преемник, считается в Бирме предвестием великих бед. На императора и его семью падут всевозможные беды. На империю обрушатся разные катаклизмы: мировые ураганы, землетрясения, наводнения, голод. Поэтому всюду были разосланы указы, во исполнение которых каждый подданный обязан был следить и справляться, не появится ли где белый слон, потенциальный преемник Схен-Мхенга. Тому, кто найдет или хотя бы только укажет местонахождение такого слона, назначалась огромная награда.

Однако, что такое белый слон? Действительно ли он существует в природе и можно ли его считать абсолютно белым?

Одни говорят — да. Другие делают оговорки.

Достопочтенный отец Сан-Джермано в своем «Описании Бирманской империи» рассказывает о белом слоне, обнаруженном в 1806 году к величайшей радости императора, у которого незадолго до этого пал священный слон.

Сан-Джермано утверждает, что этот слон был белый. Говорят, что этот слон был еще жив до недавнего времени и что именно о нем так печалилась теперь Бирма.

Бирманский инженер-капитан Юл видел белого слона

в 1850 году. Капитану он показался нездоровым. Его белизна «напоминала те белые пятна, которые бывают нередко на ушах и хоботе у обыкновенных слонов». В общем, по мнению капитана, слона можно было назвать белым.

Ясно и определено.

С другой стороны, француз Анкетиль, историк Бирмы, в этой белизне, далеко не чистой, усматривал просто следствие кожной болезни, вызвавшей патологические изменения на коже и в эпидерме. Из его слов следует, что белый слон — вовсе не альбинос, а просто больное чесоткой или даже проказой животное.

И цвет его вовсе не белый, а бело-серый. На коже много трещин, пятен, бугров. На хоботе, на сочленениях заметны серозные пустулы *; из которых вытекает серозная жидкость. Характером такой слон несколько не напоминает обыкновенных слонов, которые так добродушны, терпеливы и покорны. Он вял и в то же время болезненно-раздражителен. Ростом он очень велик, голова огромная. Походка нетвердая, вразвалку. Взгляд напряженный. Глаза тусклые и всегда красные. Подходить к нему надобно с опаской. Своих вожатых, сторожей он убивает и калечит десятками. Не может же такого быть, чтобы он понимал исключительность своего положения и потому зазнался. «По-моему, он просто больной», — резюмирует Анкетиль.

Возможно, что французский писатель прав, тем более, что и капитан Юл нашел Белого Слона в болезненном состоянии.

Кем бы ни был Белый Слон: альбиносом, белым, серым, худосочным, золотушным, — во всех случаях он в Сиаме и Бирме животное священное.

Откуда, однако, возникло это обожествление худосочного, толстокожего животного буддистами Сиам и Бирмы?

Кажется, вот откуда.

Буддистов на земном шаре насчитывается около трехсот пятидесяти миллионов, не меньше. Буддизм является господствующей религией на больших малайских островах — Яве, Суматре, Борнео; в Тибете, Монголии, Пегу, Лао, Непале, Бутане, Ассаме, на Цейлоне; в Индии; в Манипури, Бирме, Сиаме; на полуострове Малакке, в Камбодже, Кокхинхине и в особенности в громадном Китае.

Буддизм произошел от брахманистской религии; это, так сказать, реформированный, видоизмененный брахманизм, разделяющийся на множество сект, весьма терпимо относящихся друг к другу.

---

* Гнойники.

Все секты одинаково признают Верховного Будду, вечно-сущего, олицетворяющего безусловный Разум и непрестанно ведущего человечество к совершенству. С этой целью он время от времени воплощается в пророков, являющихся людям учить их в жизни добру.

На этих пророков, этих провозвестников распространяется часть божественной власти, так как они представляют собой частичное воплощение Будды. Божественный элемент должен через их посредство проявить себя всякий раз в течение определенного периода времени, продолжительность которого трактуется различными сектами по-разному. Разброс в мнениях составляет от нескольких тысяч до миллиона лет. По окончании этого времени Будда откроет эру человеческого счастья, нравственного совершенства, вечного покоя, одним словом — начнется для людей нирвана, или созерцательное состояние, безусловно свободное от внешнего мира и всяких материальных потребностей.

Но воплощения Будды совершаются не сразу, а лишь после целого ряда переходов из одного существования в другое. Другими словами, Будда воплощается в человека лишь после того, как пребывает в телесной оболочке целого ряда низших животных. Вследствие этого буддийские духовные лица — ламы и бонзы, или талапойны, обязаны питаться исключительно растительной пищей, из уважения ко всякому живому существу.

Принцип святости жизни распространяется последовательно с человека на всех животных, на млекопитающих, на гадов, рыб, насекомых и даже моллюсков.

Из животных самое сильное и умное — слон. И буддисты полагают, что в слонов перевоплощаются самые видные пророки. Что касается редчайшего Белого Слона, то уж в нем, конечно, воплощается достойнейший из всех избранных, заканчивающий этим цикл своих превращений.

Таким образом, Белый Слон, заключая в себе душу одного из Будд, одной из частиц Верховного Будды, становится сам чем-то вроде Будды.

Понятна теперь та тревога, которая овладела императором, всем двором и всею Бирманской империей со времени болезни Белого Слона.

Король сиамский гораздо счастливее своего соседа: у него всегда имеется на лицо особей шесть белых слонов, так что сиамцы почти гарантированы от той катастрофы, которая грозила Бирме. Там не может случиться междоусобицы, разве что наступят какие-нибудь исключительные обстоятельства.

Император бирманский, когда его слон стал болеть, отправил к своему сиамскому брату посольство с просьбой уступить одного из белых слонов, причем ассигновал на это огромную сумму денег. Сиамский король отказал наотрез, несмотря на все просьбы. Но посол не смутился. Он написал своему государю, что дело устроено и что он везет Схен-Мхенга. Потом, с той абсолютной бессовестностью, которая характерна для всех азиатских чиновников, он отправился в увеселительную поездку по английской Индии и около полугода жил там роскошно, как набоб. Истративши последнюю рупию, он вернулся в Мандалай в трауре, выражая полное отчаяние.

— Где мой слон? — вскричал пораженный монарх, не видя ожидаемого Будды.

— Прикажи отрубить мне голову! — жалостливо сказал министр, коснувшись лбом ступеньки трона.

— На что мне твоя голова! Мне нужен слон.

— Увы! Коварные англичане, из страха и мести, отравили Государя-Слона. Их власть над Индией должна была прекратиться, как только Схен-Мхенг вступил бы на твою землю.

— Проклятые англичане! — вскричал император.

— Проклятые англичане! — вторил весь двор, в том числе и вернувшийся посол, никак не думавший отделаться так дешево.

А слон продолжал хворать, приводя в отчаяние монарха, который нигде не мог разыскать себе новое божество.

Разные проходимцы принялись спекулировать на монаршей доверчивости, эксплуатировать народные верования и порядком-таки трясли императорскую казну.

Из двух или трех отдаленных округов сообщали о встречах с белыми слонами — будто бы в тековых лесах, в местах не доступных для человека.

Император снаряжал несколько экспедиций, обошедшихся очень дорого, но поручал их тем же подозрительным личностям, и экспедиции не дали никакого результата, а рупии перекочевали из казначейства в карманы мошенников.

Император был в отчаянии. Опасались за его здоровье.

Тут выискался один бедный пунги, или монах, явившийся к императору и доложивший, что ему известно подлинное местопребывание белого слона и что он берется проводить туда лиц, которым будет поручена поимка.

Монах, следовательно, ему можно верить. У императора возродилась надежда. Тут же собрали новую экспедицию.

К несчастью, мнимая покупка слона у сиамского короля и выдача крупных авансов обманщикам, обманувшим доверчивого императора, почти совсем истощили казну. Но тут

выручил опять же монах. Он присоветовал гениальный выход: отнести часть расходов на поиски будущего Схен-Мхенга на счет Схен-Мхенга существующего.

Совет был принят. К слону явилась торжественная депутация с грамотой от императора, написанной на пальмовом листе. Император настоятельно просил Белого Слона не гневаться за то, что часть его доходов будет употреблена для отыскания ему преемника, и клятвенно уверял, что сделанные расходы будут возмещены в самом непродолжительном времени.

Разумеется, Государь-Слон ничем не выказал своего несогласия с подобным передвижением сумм, и экспедицию тут же начали готовить:

Пунги говорил, что белый слон живет в районе реки Киендвена и что в тех местах его видят довольно часто. Монах был совершенно уверен в возможности его поимки и брался навести охотников на верный след.

Был выстроен огромный плот с дощатым полом и с балдахином из желтого шелка на столбах, украшенных богатой резьбой. Плот предназначался для будущего Будды, и тянуть его должны были лодки сперва до Иравади, а потом по ее притоку, Киендвену, до того места, где, по словам бонзы, обитал белый слон.

Шесть других плотов, гораздо комфортабельных, предназначались для дюжины обыкновенных слонов, с которыми предполагалось ловить белого слона. Эти плоты также должны были буксироваться парусными или гребными лодками. Слонов должны были сопровождать их вожатые, которые только одни и умеют управлять ими. На буксирных судах должны были поехать многочисленные загонщики, дрессированные лошади, опытные наездники; сюда же следовало погрузить съестные припасы для людей и животных, чтобы больше не приходилось тратить времени на их заготовку.

Водный путь был короче и не так утомителен, поэтому экспедиция могла прибыть на место в совершенно свежем и бодром состоянии. Утомиться могли только гребцы, да и то в случае безветрия или встречного ветра. Некоторым из них предстояло, быть может, и умереть, но об этом никто не стал бы горевать. Для обеспечения благополучия и безопасности империи и императора требовались жертвы. Это в порядке вещей.

Ветер в момент отплытия флотилии был довольно слабый, но гребцы усердно, не жалея себя, налегли на весла, и лодки, скользя по воде, быстро скрылись вдаль при неистовых

криках собравшегося народа. Гребцы работали изо всех сил. Благодаря попутному ветру и течению, флотилия в один день проплыла все сто километров, отделяющих Мандалай от места слияния Иравади с Кienдвеном.

По Кienдвену плавание предстояло более трудное, потому что там нужно было идти навстречу течению, но зато расстояние было короче — всего лишь около пятидесяти километров. С другой стороны, течение было чрезвычайно быстрое, так что от гребцов требовались нечеловеческие усилия.

Ни один из них не оказался недостойным поставленной задачи. Все были молодцами, так что пунги, когда экспедиция остановилась у селения Амджен под двадцать второй северой параллелью, с полнейшим основанием пообещал им в награду все блага загробной жизни.

Тут же немедленно состоялась и высадка на берег для продолжения пути по лесам.

Глава XI

Ловля диких слонов.— Искатели следов.— Злобное отношение ручных слонов к диким.— Загоны, обнесенные забором.— Самки-приманицы.— Председательство.— Экспедиция действует.— Министр.— Разведчики.— Гауда.— Опасность солнечного удара.— Искушающая жара.— Первые следы.— Слоновые пастбище.— Будда велик! — Белый слон. Неуместное любопытство начальника экспедиции.— Неосторожность.— Тревога.— Выстрел.— Смерть Белого Слона.

Для ловли диких слонов бирманцы используют те же способы, что и индусы.

Способы эти настолько результативны, что практические англичане освоили их при поимке вьючных слонов для нужд собственной армии.

В Бирме каждый дикий слон является собственностью императора, который один имеет право распорядиться им — после того, как его поймают, конечно.

В этих целях образованы, в зависимости от конфигурации местности, особые округа или участки, в которых на средства государственной казны содержатся чиновники особого назначения с целым штатом служащих. Такой штат составляют отборные люди, пользующиеся почетом и различными завидными привилегиями за исполнение, действительно, очень сложных и трудных обязанностей. В эти обязанности входит не только поимка слонов, но и их укрощение, дрессировка и разведение. Вполне заслуженными бывают обычно те крупные награды, которые выдаются

Охота за дикими слонами

лучшим разведчикам и лучшим дрессировщикам, а равно лицам, проявившим в отдельных случаях особую ловкость и неустрашимость.

Для ловли слонов существуют, собственно, два способа. Первый заключается в преследовании диких слонов слонами ручными, прошедшими дрессировку. Этот способ очень опасный. Тут нередко весьма драматичные инциденты.

Вот разведчики выследили стадо слонов. Охотники, верхом на ручных слонах, его окружают и начинают атаку на самого сильного и красивого. Они преследуют его без усталости, без пощады, стараясь набросить ему на шею мертвой

петлей аркан, привязанный другим концом к сбруе верхового слона. Если вожатому это удастся, он трубит в трубу и сзывает на помощь себе товарищей. Дикого слона окружают, стараются остановить, задержать, даже повалить, если нужно. Когда это удастся, как правило, при помощи ручных слонов, которые вообще обнаруживают какую-то странную, непонятную злобу к своим диким родичам, его поручают надзору собратьев.

В этой отчаянной борьбе дикий слон не жалеет своих окультуренных сородичей и наносит им тяжкие удары. Достается и слоновожатым. Случается, что, обезумев от полученных ран, дикий слон бросается бежать напролом, не обращая внимания на преграды, натыкаясь на деревья, и сваливается в какой-нибудь овраг, увлекая за собой ручного слона и его вожатого.

Все трое погибают.

Во время такой охоты строго запрещается стрелять в слона, за исключением тех случаев, когда он легко может уйти от охотников или когда он безусловно угрожает жизни кого-нибудь из них.

Гауду, или беседку в виде большого ящика, прикрепленного ремнями на спину слону, некоторые охотники заменяют открытым седлом, когда охота происходит в местности неровной, холмистой, или в джунглях. Но это довольно опасная замена, потому что ручные слоны во время охоты приходят в азарт и забывают, что на них сидят люди. Тряска бывает такой сильной, что охотник может упасть с седла и разбиться до смерти.

Второй способ заключается в использовании загонных заборов. Этот способ приемлем только весной, в период гона животных.

Для этого существует многочисленный штат служащих и самки-приманки, выдрессированной отлично, даже идеально.

В Бирме и в Индии такой способ называется кеддой. Собственно, слово это значит «загон», или «загородка», но им заодно обозначается и сам способ охоты.

Из толстых бревен и неотесанных древесных стволов устраивается круглый загон на таком месте, где растет особенно любимая слонами трава. Бревна должны быть очень крепкие, потому что слоны сильны. Внутри первого загона ставится второй, точно такой же формы и из такого же приблизительно материала. Между бревнами должно быть такое расстояние, чтобы мог свободно пройти человек, а слон не мог бы просунуть даже головы. Таким образом, между

двумя заборами образуется коридор в ширину около четырех метров, снабженный раздвижными барьерами.

Разумеется, кедда выстраивается ко времени появления слонов.

Когда загонщики и разведчики выследят стадо, выпускаются самки для приманки, отлично понимающие, что от них требуется. В поисках самцов они заходят иногда очень далеко.

Совершая эту коварную акцию, самки обнаруживают изумительную ловкость.

Они подзывают дикого слона нежным криком, приближаются к нему с отлично разыгранным смущением, ласкают хоботом и незаметно увлекают в загон. Ворота опускаются. Слон попался.

Не ясно одно: какое удовольствие находят коварные слонихи-соблазнительницы в этой службе? Ведь сами они всего какой-нибудь год назад, свободные и дикие, гуляли по лесу. Откуда же вдруг такое полное рабское подчинение воле человека?

Но это еще не все. Заманив слона за забор, самка иногда ухитряется сама так его опутать, что он теряет всякую способность защищаться. Тогда охотникам и делать больше ничего не приходится.

Но случается и иначе. Бывает, что приманенный слон, увидев необыкновенное приспособление, вдруг проявляет недоверчивость настоящего дикаря и упирается, не идет в загон, несмотря на заигрывание обольстительницы. Тогда она пронзительным криком выражает неудовольствие. Этот крик заменяет сигнал, по которому на изумленного дикаря набрасываются ручные самцы и волей-неволей заставляют его протиснуться в коридор. Если он упрямится, они зашибают его почти до смерти. Но все-таки заталкивают в загородку.

И тогда через щели между столбами в загон проникают люди, они протягивают по земле веревки, о которых спотыкается пойманный слон, опутывают его арканами — словом, подчиняют его полностью.

Дикое и злобное животное через полгода становится образцом кротости и смывленности. Оно все понимает, и управлять им может даже ребенок.

Отряд охотников, высланный императором по подсказке монаха, намеревался действовать по первому способу.

Командир отряда был на правах министра и имел от императора неограниченные полномочия, как его предста-

витель. Поскольку начальник округа своевременно не уведомил императора о нахождении там белого слона, его приказано было немедленно сместить и выслать в Мандалай для привлечения к ответственности за такое серьезное упущение. Чиновнику грозило обвинение в государственной измене, пытка и мучительная казнь, ибо никто не допускал и мысли о том, что он не знал о присутствии священного животного в подведомственном ему участке. А если и вправду не знал, то такая халатность была тем более преступна при сложившихся обстоятельствах.

Лодки и плоты были пришвартованы к берегу, уставшие от двухдневной работы гребцы получили заслуженный отдых, а охотники направились в лес.

Впереди ехали конные разведчики из отборнейшего штата, всегда состоящего при императоре для укрощения слонов, а также на случай, если ему самому вздумается поехать на охоту.

Они получили самые подробные топографические указания и должны были рассредоточиться в разные стороны веером, обследовать всю местность и немедленно скакать к главному отряду, как только нападут на нужный след.

В отряде было двенадцать слонов, из которых только на двух были гауды, а на остальных десяти простые седла. На каждом слоне ехало по два человека: вожатый — на шее и охотник — в седле. В гаудах сидели: в одной сам министр, в другой — его чиновник.

Гауда, как мы уже говорили, представляет собой ящик, крепко привязанный ремнями к спине слона. В нем две скамейки — одна против другой, так что двое могут свободно сидеть, не мешая друг другу. Позади — седло вроде кучерского для слуги, держащего зонтик даже тогда, когда нет ни дождя, ни солнца — только для этикета, — и опало от мух, что никогда не лишнее.

К углам ящика привинчиваются железные кольца, в которые вставляются столбики для палатки из кисеи на случай жары; в дождливую же пору натягивается более плотная материя. Палатка формой напоминает балдахин гондолы. Ее покрывают тентом.

Императорской гауде придают форму трона. Верхнюю часть закругляют куполом и венчают ее хти — священной императорской эмблемой из позолоченного металла, какую можно видеть на куполах всех пагод.

До леса долго двигались по выжженной солнцем равнине. Слоны настолько страдали от зноя, что вожатые боялись, как бы с ними не сделалось солнечного удара, хотя головы

их и были выкрашены белой масляной краской. Но вот стали появляться отдельные деревья, потом группы их, и вскоре начался большой лес.

Наступил вечер. Сделали привал на опушке. Разведчики пока не обнаружили новых следов, а лишь старые, трех- или четырехнедельной давности.

Монаха это ничуть не удивило. Он объяснил, что трава на равнине выгорела от солнца и сделалась жесткой, невкусной, вследствие чего слоны перешли на другое пастбище. На следующий день к вечеру охотники, наверное, на них набредут.

Наутро боох, ведающий всею организационной частью охоты, разослал загонщиков, как и накануне, веером. Монах улыбнулся, но не стал ему возражать, а только заметил, что это бесполезно, потому что он, монах, ведет охотников правильным путем и приведет куда пужно.

До полудня ничего интересного не было замечено. Министр стал уже косо поглядывать на монаха. Пунги был невозмутим.

— Ты уверен, что не ошибся, пунги?

— Я сказал, что ты увидишь слонов еще до вечера — и так будет. Как ты нетерпелив, точно белый или женщина! Умей ждать.

Прошло еще три часа. Бонза во все время не сказал больше ни слова.

Головной слон вступил на тропу, хорошо утопанную животными. Тропа вела к большому круглому лугу, расположенному, точно озеро, среди леса, деревья которого по мере продвижения отряда делались все выше и выше.

Почва становилась болотистою. Среди густых кустов и водянистых растений журчали струйки свежей, прозрачной воды.

— Сюда слоны приходят на водопой, — спокойно проговорил монах и прибавил, указывая на луг: — А вот здесь их пастбище.

— Хорошо, если бы так! — отвечал министр.

— Слушай и убедись в этом сам.

Раздался быстрый лошадиный топот. Появился загонщик на взмыленном коне.

— Господин!.. Слоны!.. — кричал он, запыхавшись.

— А белого слона нет?

— Схен-Мхенг среди них. Будда велик!

Со всех сторон прискакали другие разведчики, подтверждавшие слова первого. Все ожили, ободрились, преисполнились энергии.

Усталость была забыта, тревога тоже. Все наперебой

поздравляли друг друга. Каждый как бы видел перед собой обрадованного императора, щедро раздающего награды направо и налево.

Слонов было немного. Не более десятка. Вожак стада был Схен-Мхенг.

Они мирно паслись на другой стороне луга, так что ручных слонов можно было расставить за деревьями по опушке совершенно незаметно. Так и сделали. Окружили слонами всю луговину. Всадники также взяли ее в кольцо. Дикие слоны были видны сквозь деревья. Успех облавы не вызывал сомнений. Министр, замирая в трепетной надежде, вздумал разглядеть поближе белого слона, расхаживавшего в стаде. Он сошел с гуады, тихо прокрался сквозь чащу и подошел к стаду метров на двести.

Это было очень неосторожно. В стороне от стада, шагах в пятидесяти, следовательно, не далее ста пятидесяти шагов от опушки, стоял на страже сам вожак стада — громадный белый слон. Без сомнения, это был тот самый слон, которого видел монах. Цвет его был, собственно говоря, не совсем белый, а скорее блеклый, беловатый.

Увидав это живое воплощение Будды, министр не удержался и вскрикнул от радости.

Тотчас же вслед за этим возгласом послышался гнусавый трубный рев, похожий на звук тромбона.

Белый слон подавал стаду сигнал опасности. Громадные мастодонты шарахнулись, насторожили уши, подняли хоботы, завертели короткими хвостами — и бросились в лес.

Проклиная себя за неуместное любопытство, министр хотел было приказать своему отряду скорее пуститься в погоню за слонами, как вдруг в лесу прогремел чудовищно-громкий выстрел.

Белый слон остановился, как вкопанный, испустил ужасный крик, зловеще слившийся с отголоском выстрела, и тяжело рухнул наземь.

Глава XII

Утомительность ходьбы по лесу. — Если нельзя идти, то надобно бежать. — На холмах. — Под гору. — Поляна. — Солнце. — Фрикэ убеждается, что шел не к шлюпке, а от нее. — Кобра-капелла, или очковая змея. — Пора! — Воды! — Муки Тантала. — Еще минута ожидания. — После жажды — голод. — Четыре тысячи килограммов мяса на двоих.

Итак, Фрикэ произнес: «Горы — это хорошо. Сверху будет видно, в этом наше спасение».

Парижанин посадил его себе на спину

То, что он так громко назвал «горами», было всего лишь лесистыми холмами, высотой не больше четырехсот метров. Он решил подняться на один из них. Как человек опытный, он не пошел по прямой, хотя подъем и не был крутым, а зигзагами.

Мальчику это казалось слишком скучным. Против такой медленной, спокойной ходьбы Яса протестовал прыжками и скачками, постоянно забегая вперед и возвращаясь обратно.

Фрикэ останавливал его, урезонивая тем, что по горам в жарком климате ходить быстро нельзя, что если он не уймется, то скоро вспотеет и выбьется из сил.

Действительно, уже через четверть часа мальчик прибежал к Фрикэ весь мокрый, точно из бани, и жалобно попросил пить. Он чувствовал себя совершенно разбитым.

— Что, уморился? Я ведь предупреждал... На, выпей кофе. И давай посидим минут пять, передохнем.

Они сели на корень громадного тека, протянувшийся по земле точно спина крокодила, отдохнули и продолжали подъем.

Адская жара начинала действовать и на Фрикэ. Внизу тоже было жарко, но на холмах стало вовсе невыносимо. Однако он все-таки продолжал подъем, преодолевая усталость и делая частые остановки ради ребенка.

Однако вскоре мальчик совсем выбился из сил и едва-едва передвигал ноги.

— Давай сюда руку, я тебя поведу. Ты умираешь от жажды? Вот отпей немного. Довольно. Через некоторое время получишь еще, а я обойдусь.

Сделали отдых более продолжительный. Когда встали, мальчик оказался не в силах двигаться.

Фрикэ вытер ему лоб, пару раз обмакнул лицо лоскутком коры, содранным с дерева, и дал ему выпить еще несколько капель воды с кофе. Передав ему в руки самодельный веер, парижанин сильной рукой поднял его наверх и посадил себе на спину.

— Гай-да! Поехали! — крикнул он со смехом. — Вот что значит нужда! Сам еле двигаюсь, а вот взял груз — и ничего: иду с грузом. Здесь оставаться нельзя; место нехорошее.

И он шел и шел, опасаясь, что если остановится, то уже не в силах будет идти дальше.

— Ух, больше не могу! — сказал он, наконец, и вовремя успел спустить мальчика на землю, иначе рухнул бы вместе с ним. Но он не упал, а сначала прислонился к дереву, потом сел под ним, будучи не в состоянии не то что двигаться, но даже думать.

И на беду все питье вышло, не осталось ни капли влаги. Нечем было смочить горло, освежить пересохший язык.

— Кажется, *finita la commedia* *, — пробормотал бедный юноша.

Глаза его блуждали, горло сдавили спазмы. Лиловые губы совершенно запеклись.

Вдруг он радостно вскрикнул. Несколько минут отдыха все-таки взбодрили его, застилавший глаза туман рассеялся. Он теперь мог яснее видеть и разглядел, что находится на площадке, а не на склоне. Он достиг вершины!

---

* Представление окончено (ит.).

Возможно, что по другую сторону есть вода. Он встал и храбро пошел. Отдохнувший мальчик мог теперь идти сам. Спуск был легким и довольно быстрым.

Вскоре они очутились на неширокой поляне, ярко озаренной солнцем.

Фрикэ невольно рассмеялся, забыв свои мучения.

— В добрый час! Ловко! Шли целый день, думая, что на запад, а пришли как раз на восток. Стало быть, шлюпка позади нас. Если monsieur Андрэ пошел на поиски, то у него будет много хлопот. Вставай мальчуган! Если не хочешь больше идти, так побежим.

Два друга нашли на кустах несколько кислых ягод, которыми слегка утолили жажду, и стали спускаться — поневоле бегом — по крутому спуску, продираясь сквозь густую траву, хворост и всякую мелкую растительность.

Теки, по-видимому, кончились, к великой радости Фрикэ, которому они надоели. Появились другие лесные породы.

Пришлось пустить в ход тесак, прочищая дорогу. Фрикэ не терял энергии, забывая голод и жажду. У него теперь появилась надежда.

Вдруг раздался свист. Характерный. Фрикэ остановился.

— Змея? — вскричал он. — Я и то удивлялся, что их не видеть. Бррр!.. Мурашки по спине. Надо идти осторожнее.

Через два шага он опять услышал свист и остановился смертельно бледный. В двух шагах от него поднималась змея, готовая к атаке.

По широкой шее с темно-желтой чешуей он узнал ужасную «найю», или очковую, называемую так за два кружка на голове, напоминающие очки.

Эта змея, толщиной с руку и длиной не больше двух метров, очень опасна своим ядом и особой злобностью. Португальски она называется кобра-капелла. Ее укус смертелен. Фрикэ понял, что он погиб, если допустит хоть малейшую оплошность.

Стрелять некогда. Надо защищаться иначе.

— Кобра!.. Очковая!.. — пробормотал он.

И в ту же минуту змеиная голова, точно подброшенная пружиной, кинулась к нему на грудь, грозя впустить в нее ядовитые зубы-крючки. Фрикэ взмахнул тесаком — и голова отделилась от туловища, но все-таки, по инерции, упала ему на грудь.

— Это не в счет, — сказал Фрикэ. — Она уже мертвая.

И снова он в пути. Вдруг до его слуха опять долетел шум...

— Вода!.. — воскликнул он. — Ручей!..

Голова змеи отделилась от туловища

И бросился вперед, как сумасшедший.

Вскоре он у ключа. Вода чистая, свежая, холодная. Но пить ее сейчас, не остывши, безумие. Надобно подождать.

— Яса! — крикнул Фрикэ мальчику. — Беги скорей сюда!

Мальчик примчался со всех ног и прямо кинулся к водоему.

Фрикэ без церемоний ухватил его за штанишки со словами:

— Стойте, господин! Вы все утро сосали, как из рожка, воду с кофе, я вам ничего не говорил, а теперь погодите. Я не хочу вашей смерти. Ужо вместе напьемся.

Тяжко было ждать. Но вот прошли томительные минуты, и оба друга утолили жажду, от которой горело все их нутро. Жажда прошла — начался голод.

Что бы такое съесть? Пойти поискать какой-нибудь дичи.

Фрикэ долго бродил по лесу, но ничего не попадалось. Вдруг взгляд его упал на лужайку, на которой паслось целое стадо слонов.

— Слоны! — вскричал он, вытирая платком потное лицо. — Чего же лучше! Я бы довольствовался и меньшим — например, косулей, зайцем, фазаном, и даже павлином. Слон весит четыре тысячи килограммов. На завтрак двоим этого чересчур много. Жаль убивать. Но с другой стороны, что же нам делать? Не умирать же с голоду. Вот там ходит большой серый самец. Подстрелим его.

Парижанин пополз по траве к стаду. Слоны не могли его почуять, потому что он был с подветренной стороны.

Вдруг все стадо, охваченное непонятной паникой, покинуло пастбище и галопом помчалось в лес, на опушке которого находились Фрикэ и Яса.

Оба спрятались за дерево, потому что стадо неслось подобно смерчу прямо на них.

Слоны пробежали всего шагах в двадцати от них, не больши. Фрикэ мог свободно прицелиться в того, которого себе наметил.

Он спустил курок как раз в тот момент, когда серый слон повернулся к нему плечевой впадиной. Стрелок видел, как вслед за выстрелом толстокожий великан тяжело рухнул наземь.

— Обед у нас есть, а слона все-таки жаль. Бедный! Даже не вскрикнул.

Глава XIII

Хороший выстрел. — Удивление чересчур счастливого охотника. — Окружен со всех сторон. — Французский бокс. — Арест из-за слона. — Отчаяние, вызванное смертью Белого Слона. — Фрикэ надменно третирует бирманского министра. — Англичан бояться и уважают. — «Голубая Антилопа» — военный корабль. — Фрикэ объявляет бирманскому императору войну. — Лестно бы получить выкуп. — В путь по реке. — Посадка на суда. — Внезапное появление Андрэ. — Не робей!

Сам Фрикэ, с тех пор как стал использовать ружья крупного калибра, еще ни разу не видал таких ужасных последствий выстрела.

Притом стрелял он не из винтовки калибра 8, выбрасывающей пулю «Экспресс» при семнадцати с половиной граммах пороха, а из гладкоствольного ружья. Правда, это ружье того же калибра, и хотя пуля у него круглая, но зато из твердого металла, весом в 65 граммов, при таком же, как у винтовки, заряде пороха, то есть в семнадцать с половиной граммов. При таких условиях сила выстрела должна быть громаднa на небольшом расстоянии. При начальной скорости полета 440 метров в секунду живая сила удара равняется 2048 килограммам. Получив такой удар, слон, конечно, должен был погибнуть.

В несколько прыжков Фрикэ пробежал двадцать метров, отделявших его от убитого животного.

Слон, получив удар, свалился головою вперед, вероятно, потому, что его передние ноги подверглись параличу раньше задних. Длинные бивни, на которые всей тяжестью навалилось тело, глубоко вошли в землю, и один из них сломался у основания. Хобот пригнулся ко рту, наполненному кровью и землей. Глаза были открыты, веки не двигались. Бока не вздымались от дыхания, только по складкам кожи едва пробегали мелкие судороги. Позади левого плеча виднелась круглая дырочка, из которой струилась алая кровь.

— Пуля пробилa сердце, — сказал Фрикэ. — Не хвастаясь, скажу: выстрел замечательный... Бедный слон! Не будь мы так голодны, я тебя убивать не стал бы. Но какой странный цвет! Я такого не видал никогда. Точно пеклеванное тесто с серым войлоком.

Фрикэ вынул тесак и приготовился вырезать из этой горы мяса себе кусок на обед, как вдруг послышалось лошадиное ржание, яростные крики скачущих людей и характерный топот бегущих слонов. Парижанин увидел, что окружен всадниками на конях и двенадцатью вьючными слонами. Из них лишь на двух были гауды, а на остальных седла.

Слоны остановились по знаку вожатых. Охотники проворно спрыгнули с седел, а важные персоны, сидевшие в гаудах, степенно спустились по выпущенным шелковым лесенкам.

Все бросились с криками горя и отчаяния к мертвому слону. Некоторые рвали на себе одежду, царапали себе грудь, даже лицо.

«Кажется, я совершил важный проступок, — подумал про себя Фрикэ. — Но отчего же было не выставить доски с надписью: «Охота запрещается»...

— Эй, вы! Прочь лапы. Я не люблю, чтобы меня трогали. Вас ведь тут только два десятка.

Охотники справедливо предположили, что Фрикэ и есть убийца слона, хотя и совершивший преступление по неведению. Они приближались к нему, чтобы схватить.

Сунувшийся раньше других получил удар в живот ногой и упал навзничь.

Крики усилились. Один слоновожатый, проворный, как обезьяна, в свою очередь, бросился на Фрикэ, который прислонился к дереву и повернулся лицом к толпе. Француз вытянул левый кулак и хватил им слоновожатого прямо по лицу. Тот также свалился с разбитой физиономией.

— Вот и два, — проговорил насмешливо Фрикэ. — Из ружья стрелять в них я не могу — это только усилит мою вину!

Сунулись — третий, четвертый — всех постигла та же участь.

— Желтомордые дураки! Совсем тактики не знают! — насмеялся Фрикэ. — Чтобы им всем сразу напасть, а не поодиночке?.. Ай, попался!

Бирманцы тихонько подвели к дереву одного из слонов, поставили его сзади Фрикэ, и по команде вожатого слон вытянул хобот, обхватил им парижанина и поднял в воздух, как мальчик поднимает мышь.

Несколько мгновений слон раскачивал его над землей метрах в четырех, как бы спрашивая: «Не хватить ли его о дерево?»

Вожатый сделал ласковый знак и что-то сказал. Слон тихо опустил Фрикэ на землю или, точнее, на дюжину протянутых рук. С удовольствием дал бы парижанин встряску этим людям, ухватившим его довольно грубо, но удержался. К чему?

Тесак свой он выронил, когда был схвачен слоном, а ружьем овладели бирманцы. К тому же мальчик Яса, быстро-быстро переговоривши о чем-то с начальником отряда, подошел к своему другу и стал уговаривать его не сопротивляться.

— Ну, хорошо. Я уступаю силе. Вас двадцать четыре человека, а я один.

Как только Фрикэ перестал брыкаться, ему тотчас же дали относительную свободу и даже не связали. Подошла вторая большая группа людей, и опять начались отчаянные стенания при виде мертвого слона. На убийцу метали взгляды-молнии. Фрикэ долго не мог понять, за что же на него так сердятся, но потом догадался.

Задав тому, кого он принимал за начальника, несколько вопросов на французском языке и не получив ответа, Фрикэ

Он хватил слоновожатого по лицу

повторил вопросы по-английски и довольно-таки развязно. Министру, как всем бирманцам из высшего сословия, этот язык был знаком. Но он не ответил сам лично, а велел своему помощнику бооху сказать Фрикэ, чтобы тот держался поучтивее.

Фрикэ прыснул со смеху и возразил:

— А кто же он таков, этот господин? Старший повар при папе?

— Это министр его величества императора бирманского, — невозмутимо отвечал боох.

— Ах-с, очень приятно-с! Только передайте ему, что мне на его министерство наплевать и что я вовсе не желаю выслушивать его наставления, как мне держать себя.

Боох передал эти слова министру, который, видимо, оскорбился.

— Скажите ему, — продолжал Фрикэ, — что в моих глазах он такой же дикарь, как и все вы, и что если кто-нибудь здесь имеет право на уважение и почет, то только один я — как европеец и француз.

— Так вы не англичанин? — с живостью переспросил боох.

— Вам это не нравится?

— Нет, ничего... Но...

— Понимаю. Если я не англичанин, то со мной можно меньше церемониться. Королева британская не позволяет беспокоить своих подданных, а французского представительства в Бирме нет. Но вы, сударь-министр, хвост-то все-таки не очень распускайте. За меня будет кому заступиться. Ведь я приехал сюда на военном корабле.

— Правду ли вы говорите, иностранец? — спросил министр, испугавшись слов «на военном корабле».

— Вы скоро об этом корабле услышите. Попробуйте только тронуть хоть один волос на моей голове.

— Зачем вы убили Белого Слона? — горестно воскликнул министр.

— Что такое белый слон? Не все ли равно какого цвета? Я его убил потому, что мы оба умирали с голода — я и мальчик. Но все равно, вам заплатят за эту животинку, не бойтесь.

— За священного слона не берут никакой платы.

— Не хотите деньгами, получите пулями и картечью.

Министр окончательно растерялся и не знал, что ему делать. С одной стороны — рискуешь навлечь на страну репрессии, за которые сам же потом ответишь, с другой стороны — ведь француз совершил тяжкое преступление, святотатство. Оставлять это безнаказанным — нельзя. Нужно представить виновника императору, пусть тот решает сам. Может быть, он согласится взять хороший выкуп.

Министр, боох и пунги переговорили между собой на бирманском языке, и боох объявил Фрикэ, что его доставят в Мандалай.

Пришлось покориться.

Парижанина сытно накормили и разместили в гауде самого министра. Ясу поручили бооху. Караван тронулся.

На пристани произошла посадка на плоты. Гребцы осыпали

убийцу Схен-Мхенга бранью и оскорблениями. Флотилия отчалила и поплыла.

Вдруг Фрикэ вскрикнул и попытался броситься с плота в воду, но десяток рук удержали его.

— Гром и молния! Я так и думал! Это Фрикэ, его захватили и теперь увозят!

На берегу виднелись два всадника на взмыленных конях — европеец и негр. Фрикэ узнал Андрэ и сенегальца.

— Monsieur Андрэ, — кричал он, — меня везут в Мандалай за то, что я убил белого слона. Меня обвиняют в святотатстве.

— А! Вот как!.. — отвечал насмешливым тоном Андрэ. — Не робей, мой мальчик. Старайся протянуть время, угрожай, хвастай... даже обратись за поддержкой к англичанам. А я сейчас поскачу к шлюпке, потом на всех парах помчусь на «Антилопу» и освобожу тебя, хотя бы пришлось для этого сжечь город. Не робей же!

— Берегитесь, monsieur Андрэ. В вас хотят стрелять.

— Где им! — презрительно отозвался Андрэ и пустил своего коня вскачь.

Сенегалец сделал то же.

Оба скрылись в густой чаще панданусов.

— Кто этот человек? — спросил у парижанина министр, стараясь скрыть свое беспокойство.

— Человек, который не убивал серого слона, но в которого вы собирались выстрелить за то, что он со мной говорил.

— Никто не стрелял.

— Не успели — вот почему. Но вы за это покушение заплатитесь.

— Вы решительно не хотите сказать, кто этот путешественник?

— Отчего же не сказать, раз вам это может доставить удовольствие?.. Это начальник французских морских сил в Рангуне, и вы о нем скоро услышите...

Глава XIV

Бесполезные сигналы. — Следы Фрикэ. — Едкий сок моха. — Тигр и его шкура. — Встреча с четырьмя охотниками. — Бирманские лошади. — Андрэ и сенегалец из пехотинцев превращаются в кавалеристов. — Неопровержимый аргумент. — Цель оправдывает средства. — Слишком поздно. — Возвращение. — Уплата долга. — Великодушные. — Шлюпка. — К английской границе. — Топят дровами и спиртом. — На всех парах.

Все время, покуда Фрикэ гонялся за калао, Андрэ оставался в шлюпке. Через два часа он начал беспокоиться.

Сигналы, которые парижанин подавал выстрелами из ружья, не долетали до слуха Андрэ, они замирали в лесу.

Прошло часа три, четыре. Беспокойство Андрэ переросло в тревогу.

Наступила ночь. Андрэ решил, что определенно с его другом что-то случилось. Возможно, он заблудился. Завтра надобно будет непременно отправиться на его поиски.

Андрэ также сделал два выстрела. Ответа на них не последовало. Тогда он велел открыть пальбу всем экипажем. Но и это не привело ни к чему.

Тем временем на шлюпке развели пары и дали резкий протяжный свисток. Потом стреляли из картечницы. Ее характерные резко-трескучие выстрелы, когда она начинала метать ураганом свои пули, должны быть слышны далеко. Всю ночь до рассвета подавали сигналы, но без малейшего результата.

На другой день с утра Андрэ с Сами и сенегальцем отправился на поиски, как следует вооружившись и запасясь провизией на два дня.

Определив по компасу положение шлюпки, Андрэ тщательно сориентировался, отыскал следы Фрикэ и углубился в лес.

Следы Фрикэ, обутого в тяжелые кованые сапоги, ясно отпечатались по мху. Из придавленного подошвами и каблуками мха вытекал очень едкий сок и окрашивал следы в темный цвет, вследствие чего они были видны довольно ясно.

Дорогой Андрэ старательно отмечал свой след, так что за ним теперь мог бы пройти и вернуться назад даже ребенок.

Так дошли они до того места, где был убит калао. Андрэ нашел и войлочный пыж калибра 8.

Калао завлекли Фрикэ по прямой линии на восток. Андрэ догадался:

— Бешеный мальчишка погнался за второй птицей. Хотел принести пару.

Андрэ взглянул на компас. Направление почти не изменилось. Они шли еще довольно долго. Андрэ пробормотал:

— Куда же это его понесло?

— Сударь, — сказал Сами. — Взгляните на компас. Господин Фрикэ заплутался, он ходит по кругу.

— Да это так, — подтвердил негр.

Андрэ сверился с компасом.

— А ведь верно. Но как же он не нашел своих собственных следов? Ведь мы же видим их ясно.

— Сок, вытекающий из мха, окрашивает не сразу, а через несколько часов,— сказал Сами.

— Ты прав... Однако он кружит все больше и больше. Понял, что заблудился, и ищет солнце. Для того он устремился к этой поляне... Это что такое?

— Тигр! — вскричал Сами. — Сударь, это тигр без шкуры.

— И убитый дробью. Молодчина Фрикэ!

— А вот здесь он жарил мясо, вырезанное около почки. Здесь он спал на тигровой шкуре.

— Покуда все слава Богу,— сказал Андрэ. — Идемте дальше.

— Сударь, дорога все больше загибается.

Андрэ держал компас в руке и то и дело на него поглядывал.

— Да, он так упорно делает круг, что, кажется, скоро придет к тому месту, где ночевал.

И, действительно,— Андрэ и его спутники снова вышли к этому же месту.

Здесь они сытно позавтракали взятой с собой обильной провизией и неутомимо пошли дальше.

Вскоре они достигли цепи холмов, взобрались на них и внизу, на склоне, увидели четырех человек, сидящих у того самого источника, где изнывающий Фрикэ, умирая от жажды, пил воду.

Возле кучи маиса стояли четыре лошади бирманской породы и жадно уписывали вкусный корм. Всадники лежали на траве под панданусами и весело болтали.

Андрэ направился к ним. При виде белого они почтительно встали.

Сами стал расспрашивать их о Фрикэ, а Андрэ залюбовался лошадьми. В Верхней Бирме они вырастают на воле, их ловят, затем укрощают. Они невелики, но красивы, быстры и замечательно выносливы.

— Ну, что они говорят? — спросил Андрэ у подошедшего Сами.

— Они говорят удивительные вещи. Это честные бирманцы, охотники, сударь.

— Они видели Фрикэ?

— Да, сударь.

— Он жив?

— Да, сударь.

— Здоров.

— Да, сударь, но он арестован.

— Как? Кем же?

— Бирманцами, охотившимися за Белым Слоном, за свя-

щенным, за Буддой... а господин Фрикэ его убил.

— Будду убил?

— Да, сударь.

— И за это его увезли?

— По-видимому.

— Куда же? И кто?

— Люди, посланные императором за Белым Слоном.

— А эти кто такие?

— Они мне все объяснили. Я вам сейчас расскажу.

— Поскорее, пожалуйста. Я сгораю от нетерпения.

— В каждом округе, где водятся слоны, есть свой чиновник, при котором состоит его собственный отряд охотников.

— Знаю. Продолжайте.

— Начальник округа выслал этих людей секретно, чтобы они наблюдали за охотниками, посланными императором, и помешали бы им поймать слона. Господин Фрикэ одним выстрелом все спутал.

— Эти люди видели, как увозили Фрикэ?

— Да, сударь. На слоне, в числе отряда из двенадцати слонов и столько же всадников. Сейчас они, вероятно, уже грузятся на плоты и лодки, чтобы плыть по реке обратно в Мандалай.

— Спроси, далеко ли это?

— Пешком два часа пути.

— Стало быть, на конях полчаса.

Он резко обернулся к охотникам и спросил, словно те могли его понять:

— Хотите разбогатеть?

Сами перевел слово в слово.

— А что для этого сделать, господин?

— Продать мне этих лошадей.

— Нельзя, господин. Они казенные.

— Можно же сказать, что они пали.

— Невозможно.

— Хорошо. Я их все-таки беру. Сами и ты, лаптот, хватайте каждый по одному, а я двоих. Свяжите им руки и ноги. Цель оправдывает средства.

Негр и индус вскочили, как на пружинах, схватили каждый по бирманцу, повалили их и скрутили им руки и ноги.

Двое других сдались сами под направленным на них дулом револьвера Андрэ. Их тоже связали.

— На коня, лаптот! Ты поедешь со мной. А ты, Сами, стереги мне этих людей. Ты за них отвечаешь.

— Сударь, вы можете на меня положиться.

— Скажи им, что я не причиню им ни малейшего зла; лошади будут возвращены, я надеюсь, и во всяком случае они получат щедрое вознаграждение за невольную услугу. Жди меня обратно. Вперед, лаптот!

Андрэ вскочил на крепкого темно-гнедого коня, негр на другого, и оба помчались берегом ручья туда, где собирались садиться на плоты и лодки императорские охотники.

Как мы уже знаем, они опоздали: суда отплыли, и Фрикэ был увезен.

Это было их счастьем, потому что они, по всей вероятности, пошли бы до конца, и дело могло кончиться смертью обоих.

Андрэ вернулся в состоянии холодного бешенства. Бирманцы лежали на земле связанные. Сами их стерег. Они были совершенно спокойны, подчинившись силе, как умеют подчиняться ей только азиаты.

Освободи их, Сами. Сядь на одну из двух свободных лошадей: пусть один из бирманцев садится на четвертую лошадь. Мы вернемся на шлюпку. Трое остальных пусть идут за нами пешком, как могут. След найти легко — по зарубкам на деревьях, — растолкуй им как. Объясни им также, что лошади им будут возвращены и что мы передадим их товарищу, который поедет с нами, и деньги в качестве вознаграждения. Да поторопись, дорога каждая минута.

Бирманцы охотно согласились. Обещание денежной награды сделало их кроткими и послушными.

Бирманские кони быстро домчали всадников до того места, где под парами стояла шлюпка.

Андрэ проявил обычную щедрость. Бирманец получил для себя и своих товарищей столько рупий, сколько не видел во всю свою жизнь, и, кроме того, Андрэ всем четырем охотникам подарил на память по ружью из запаса, предназначенного для обмена. Бирманец глазам не верил и благодарил, благодарил без устали.

Ему, как азиату, казалось невероятным, что человек исполняет обещание, когда мог бы свободно этого не делать.

Андрэ, лаптот и индус взошли на шлюпку. Громко и резко зазвучал свисток. Шлюпка понеслась по воде как чайка.

Винт буравил воду, из трубы летели искры.

— Поддайте жару, друзья! — командовал Андрэ.

Через десять минут он спросил кочегара:

— Какова наша скорость?

— Семь-семь с половиной миль в час.

— Нельзя ли прибавить милю?

— Будь уголь, можно бы. Но у меня только дрова.

— Хорошо.

Он подозвал лоцмана:

— Можешь вести шлюпку ночью?

— Могу.

— Сколько нам нужно времени, чтобы достичь с этой скоростью английской границы.

— Часов двадцать.

— Мы через пятнадцать часов должны быть в Мидае.

— Невозможно. До Мидае сто семьдесят миль.

— Знаю. Это одиннадцать с половиной узлов в час.

Кочегар и машинист переглянулись.

— Выдержит машина? — спросил Андрэ.

— Машина может выдержать какое угодно давление.

— Хорошо. Дров у вас на шесть часов?

— Да, сударь.

Андрэ подозвал Сами и лаптота и велел им принести из задней рубки бочонок в сто литров. Взяв кожаное ведро, которым черпали воду через борт, он поставил его к крану бочонка и наполнил на одну треть.

— Вот вам, машинист. Полейте этим дрова и делайте это до тех пор, пока скорость не достигнет одиннадцати с половиной узлов.

— Сударь, ведь это спирт.

— Превосходный, почти стоградусный. Если клапаны будут подниматься, наложите на них груз.

— Сударь, если вы дадите мне нужное количество спирта, я доведу скорость до двенадцати узлов, — сказал машинист, поливая дрова спиртом.

— В добрый час.

Машина сердито захрапела, винт завертелся с безумной быстротой, кузов шлюпки задрожал.

Из-под клапанов со свистом вырывался пар. Вскоре, однако, давление стало уменьшаться. Тогда на дрова вылили новую порцию спирта.

Андрэ вернулся в рубку, чтобы проследить за расходом спирта, который был для него дороже всех сокровищ мира.

Глава XV

Кочегар завидует своему паровику.— Спирт весь вышел.— Давление падает.— Ветчина может служить отличным топливом.— Английская граница.— Телеграммы.— Шлюпка опять в пути.— Фантастическая скорость.— Четырнадцать узлов в час.— В Рангуне.— Яхта.— У губернатора.— Английская политика.— Фрикэ приговорен к смертной казни за покушение на свободу отправления вероисповедания.— Через неделю! — Рекрутский набор.

В продолжение десяти часов шлюпка шла быстрым ходом, благодаря применению известного американского способа, употребляемого при безумных гонках речных пароходов соперничающих компаний. Впрочем, теперь эти гонки происходят в Америке реже, мода на них проходит.

Высокое давление поддерживалось поливанием дров спиртом, и винт работал необычно быстро. Но Андрэ как будто все еще был недоволен чем-то. Он упорно молчал, не спуская глаз с манометра. Если стрелка шла вверх, его нахмуренное чело несколько смягчалось. Если она падала, он судорожно сдвигал брови, как будто она была виновата.

— Сударь, в бочонке пусто! — горестно объявил толмач.

— *Malar D'oue!* — вскричал кочегар. — Этакая счастливица эта машина: все выпила, мне, бедному, хоть бы капля досталась.

— Давление уменьшается, — объяснил машинист.

— Так и должно было случиться, — сказал Андрэ. — Люцман, далеко ли до Мидая?

— Пятьдесят миль.

— Мы должны пройти это расстояние за четыре часа.

— Как прикажете, хозяин.

— Теперь течение быстрее, чем было раньше?

— Быстрее, хозяин. Мы можем выиграть на нем еще полмили в час.

— Хорошо. Сами и ты, лапсот, достаньте мне из камбуза вон тот ящик.

Индус и негр с усилием вытащили большой ящик, внутри обитый цинком.

— Возьми топор и сними крышку.

В ящике оказались копченые окорока ветчины, припасенные на случай, если бы экспедиция затянулась.

— Понимаю, сударь! — весело вскричал машинист. — От этих окороков дрова у нас загорятся, как смола.

— Тут сто килограммов. Этого довольно?

— С двадцатью пятью килограммами в час, даже при не особенно хороших дровах, я ручаюсь за успех.

С треском вспыхнули несколько кусков ветчины, искусно разбросанных среди дров в печи. Из трубы повалил едкий дым.

— Давление увеличилось, — заметил обрадованный Андрэ.

— Это не хуже угля и гораздо безопаснее спирта.

— Счастливцев наш паровик! — ворчал себе под нос кочегар. — Сначала получил такую выпивку, а теперь его угощают такой закуской. В первый раз вижу подобное. Машину поят водкой и кормят мясом, точно человека.

— Значит, ты многого не видал, — возразил машинист. — Если бы ты побывал в Америке, то видел бы, как там сжигают иногда все содержимое камбуза, потом начинают жечь самый кузов парохода... И дело кончается взрывом, а пароход взлетает на воздух.

Андрэ успокоился, когда увидел, что новое топливо действует успешно. Он не спал с той самой минуты, как пустился по следам Фрикэ, и был совершенно разбит от усталости и душевного потрясения. Теперь он прилег отдохнуть и скоро заснул крепким сном.

Разбудил его свисток машины.

— Где мы? — спросил он.

— Подходим к Мидаю, — радостно ответил Сами. — Пришли на три четверти часа раньше.

— Браво, друзья мои! Все вы хорошо получите на чай.

— Я бы предпочел на водку, — пробурчал кочегар Мериадек. — Я, как паровик, тоже люблю спирт и могу выпить много.

— Стоп! — скомандовал Андрэ. — Причаливай, лоцман, осторожнее.

Шлюпка подошла к пристани. Андрэ сейчас же отправился на телеграф и послал следующую депешу:

«Капитану Плогоннеку, яхта «Голубая Антилопа», Рангунский рейд. Готовы ли сейчас идти Мандалай несмотря на низкий уровень реки? Есть необходимость. Понадобится весь наличный экипаж, даже более того. Предстоит опасная, щекотливая операция. Жду ответа Мидай, телеграфная станция.

Андрэ Бревани».

Через два часа пришел следующий ответ:

«Господину Андрэ Бреванну, Мидай.

Нужно полсутки облегчить яхту, уменьшить осадку. Уровень очень низкий. Яхта будет задевать дно, но пройдет. Кажется, понял смысл телеграммы. Будете довольны. Рангун — Мидай сто шестьдесят миль. Потребуются шестьдесят

часов, десять миль час, помимо течения. Жду новых указаний.

Плогоннек, капитан яхты «Голубая Антилопа».

Андрэ отвечал:

«Спасибо. Рассчитываю на вас. Выхожу навстречу яхте. Дожидайтесь меня».

Андрэ бегом вернулся на шлюпку, стоявшую возле угольной пристани.

— Машина не испортилась? — спросил он у машиниста.

— Нисколько, и это меня даже удивляет. Я ее хорошо осмотрел.

— Так что, она может выдержать еще такое же напряжение?

— С углем — да, может.

— Хорошо.

Андрэ разыскал агента угольной компании и тут же купил у него две тонны самого лучшего угля, который и распорядился немедленно погрузить на шлюпку.

Пары уже были разведены, на клапаны положены гири.

Андрэ поднял на корме национальный флаг и скомандовал:

— Вперед!

Потом сел около руля рядом с лоцманом и толмачом.

— Нам ведь нужно пройти около ста семидесяти пяти миль? — спросил он через Сами у бирманца.

— Да, хозяин.

— Мы должны пройти их за двенадцать часов. Пойми: за двенадцать часов, во что бы то ни стало.

— Это дело машиниста. А я берусь провести шлюпку, не сажая на мель и не патыкаясь на плоты и лодки.

— Хорошо. Награда будет по заслугам. Машинист, сколько миль мы делаем?

— Двенадцать.

— Слишком мало. Нельзя ли разогреть посильнее?

— Будет опасно.

— Необходимо четырнадцать миль в час.

— Невозможно, сударь, но эту разницу покроем за счет течения.

— Лоцман, какова скорость течения?

— Две мили в час, хозяин.

— Превосходно. Вперед! Вперед!

Шлюпка неслась. Поршень лихорадочно работал, винт бешено вертелся, из трубы клубами вырывался густой

черный дым, далеко стлавшийся по реке. Кузов трещал: котел, казалось, вот-вот взорвется.

Через двенадцать часов после выхода из Мидая шлюпка подходила к Рангуну. Андрэ отыскал глазами «Голубую Антилопу», стоявшую под парами. На фок-мачте развевался флаг отплытия.

Громким продолжительным «ура» была встречена давно ожидаемая шлюпка. Телеграмма хозяина взволновала весь экипаж.

Андрэ проворно взобрался на борт яхты, сердечно поздоровался с капитаном, ждавшим его в кубрике, и увел его к себе в каюту.

Через двадцать минут он вышел, переодевшись в костюм для визитов и переговорив с капитаном обо всем необходимым.

— Значит, вы непременно хотите попытаться у английского губернатора? — говорил капитан.

— Я желаю, по крайней мере, обеспечить себе его нейтралитет, — отвечал Андрэ. — Англичане считают себя передовыми борцами за цивилизацию и при случае не прочь поддержать белых в случае их противостояния с туземцами. Если бы они согласились заступиться за Фрикэ, то он, конечно, был бы спасен, но я рассчитываю хотя бы на нейтралитет, когда я стану бомбардировать Мандалай.

— А если они не пожелают сделать ни того, ни другого?

— Тогда я все равно буду бомбардировать бирманскую столицу. Через два часа я возвращусь от губернатора. Ждите меня.

Шлюпка высадила Андрэ на верфи, и молодой человек поспешил в губернаторскую резиденцию, находившуюся неподалеку.

Француз-миллионер, известный спортсмен и владелец увеселительной яхты, был немедленно принят губернатором.

Андрэ коротко, но обстоятельно объяснил, как и зачем он прибыл в Бирму, и перешел к приключению с Фрикэ. Тут губернатор его остановил:

— С этим делом я знаком. Я думаю, что осведомлен о нем лучше вас. Жизнь вашего друга в большой опасности.

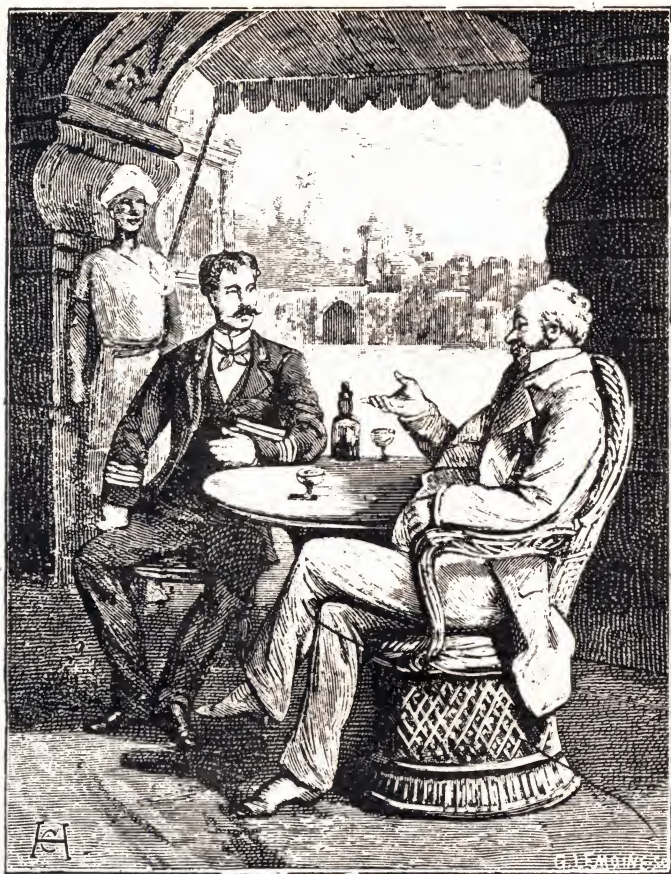
— Я так и думал, ваше превосходительство. Прежде, чем сделать отчаянную попытку его спасти, я решил обратиться к вам с просьбой о заступничестве, о поддержке.

— Увы, сэр! Это совершенно невозможно.

— Ваше превосходительство! Неужели невозможно?

— Случай настолько исключительный. Замешацы рели-

— Он убил священное животное

гиозные чувства народа. Будь что-нибудь другое, я бы непременно заступился. Но правительство королевы Английской отличается широчайшею терпимостью в вопросах вероисповедания. Скажу больше: оно энергично поддерживает свободу отправления всевозможных культов.

— Послушайте, ваше превосходительство! Ведь тут европейца, француза, цивилизованного человека хотят казнить за то, что он убил животное.

— Священное животное, имейте это в виду. Я сознаю, что это нелепость, но — это вопрос религии. Мы не можем созда-

вать себе проблем, вступая в конфликт с фанатиками. Ваш друг, во всяком случае, совершил преступление: он воспрепятствовал свободному отправлению вероисповедания, признаваемого нашим правительством.

— Но ведь это произошло не в ваших владениях, а в независимой Бирме.

— О! Эта независимость столь призрачна. И наши подданные исповедуют тот же культ.

Андрэ понял, что тут ничего не поделаешь. Национального эгоизма не сломишь.

— Хорошо. В таком случае, я буду действовать сам.

— Можете, сэр. Как государственное лицо, представитель власти, я вам содействовать не могу, но как лицо частное, как европеец — всей душой желаю вам успеха.

— Очень благодарен вашему превосходительству. При вашем благосклонном нейтралитете я надеюсь на успех.

— Мой нейтралитет, сэр, еще благосклоннее, чем вы думаете, — улыбнулся губернатор. — Ваше вмешательство, я уверен, вызовет большое потрясение в этой разложившейся империи, но ваша политика от этого не пострадает. Можете запастись у нас всем, что только вам потребуется: съестными и военными припасами, углем и т. д. Кроме того, сэр, я могу снабдить вас отличным планом города Мандалая, составленным нашими инженерами. Вам это понадобится при бомбардировке. Ваш друг заперт в пагоде, где живет Белый Слон. Его казнь назначена через неделю, в день праздника коронации императора. Все это мне донесли мои агенты. До свидания, сэр. Торопитесь.

— Еще раз благодарю вас, ваше превосходительство, — сказал Андрэ и простился с губернатором. — В неделю я успею все проверить, Фрикэ будет освобожден, или я сам погибну.

Через полчаса шлюпка заняла свое место на палубе яхты. Лоцман встал у руля. «Голубая Антилопа» пошла вверх по Иравади.

Самого Андрэ ждал на яхте сюрприз.

Капитан отлично понял подтекст его телеграммы. Слова «понадобится весь наличный экипаж, даже больше» объяснили ему всю суть. Опытный морской волк сейчас же распорядился нанять в гавани двадцать, свободных от предрассудков, решительных молодцев, какими обыкновенно кишат все портовые города. За деньги они готовы служить кому угодно и как угодно, и делают это по большей части весьма усердно.

Капитан предупредил их: вам будут хорошо платить, будут вас отлично кормить, но расстреляют при первом неповиновении.

На яхте они держались корректно, хотя и довольно развязно.

Андрэ одобрил распоряжение капитана, назначил каждому человеку двести франков в неделю и обещал по двести франков награды, если пленник будет освобожден.

Такая же сумма назначена была и всем людям экипажа в добавление к жалованью.

Слова Андрэ были покрыты громовым «ура».

Капитан был в восторге.

— С такими людьми, сударь, можно отважиться на всякий риск, — сказал он Андрэ, когда они остались одни.

— Я надеюсь на успех, — отозвался тот.

— Теперь у нас сорок боевых единиц. Тут можно многое предпринять.

— Черт возьми! Франсуа Гарнье взял Тонкин, имея при себе сто двадцать человек. Отчего бы нам не овладеть бирманской столицей, имея сорок?

Глава XVI

По поводу ящерицы.— Легенда об Аломпре.— Мертвый город.— Перед Мандалаем.— Столица и ее стены.— Лошади китайского купца.— Рекогносцировка.— Императорский город.— Ворота запорты.— Траур при дворе.— Предстоящая казнь богохульника.— Поход.— Взвод кавалерии.— Чтобы обеспечить отступление.— Удушливая температура.— Подземный гул.— Землетрясение.— Первый пушечный выстрел.— Динамитная петарда и тековая дверь.

«Антилопа» сидела в воде неглубоко, но продвигалась все-таки с трудом и с предосторожностями, по причине многочисленных отмелей и перекатов, образовавшихся на Иравади в период засухи. Медленное плавание изводило Андрэ, который боялся опоздать со спасением друга. С другой стороны, требовалась осторожность, потому что, если яхта сядет на мель, то опоздание неминуемо.

Планируя бомбардировку города, Андрэ тщательно осмотрел свою 14-миллиметровую пушку. Оказалось, все в порядке. Он уже велел накрыть ее опять просмоленным чехлом, как вдруг увидел на непромокаемой ткани, внутри чехла, препротивную ящерицу, глядевшую на него холодными глазами земноводного.

Андрэ питал отвращение к этим тварям и невольным движением стряхнул ящерицу на пол. Он уже собирался

сбросить ее ногой за борт в воду, но тут подбежал лоцман и, быстро схватив ящерицу рукой, проговорил умоляющим тоном:

— Хозяин, не губите ее. Сделайте это ради вашего слуги.

— Опять священное животное? Ну, ладно. Пусть будет по вашему.

— Спасибо, хозяин. Дух Аломпры да хранит вас за это.

Андрэ подозвал Сами и поручил ему подробно расспросить лоцмана. Сами исполнил поручение и передал следующее:

— В ящерице живет дух Аломпры, основателя нынешней бирманской династии. В 1752 году близ Авы жил богатый фермер Алоон. Рядом с его усадьбой стоял богатый монастырь, настоятель которого пользовался большим уважением окрестных жителей. Жители округа Пегу напали на жителей округа Авы и разграбили монастырь. Алоон снабдил монахов провизией, чем спас их от голодной смерти. Караван с провиантом он провожал сам. Уезжая обратно, он вдруг услышал подземный гул.

— Фра! Владыка! — сказал он настоятелю, — уходите немедленно отсюда, иначе вы со всеми своими монахами погибнете.

— Это почему?

— Начинается страшное землётрясение. Бегите, бегите!

Настоятель послушался. Как только он с братией вышел за ограду, монастырь обрушился. С тех пор Алоона стали считать прорицателем. Через некоторое время пегуанцы вновь напали на аванцев и стали опустошать их земли. Алоон объединил силы соседей и прогнал врагов. Ободренный этим успехом, он составил ополчение из всех бирманских племен и довершил разгром пегуанцев. Он отнял у них Аву, очистил от них страну и короновался императором под именем Алоон-Фра, что значит владыка Алоон, а из этого произошло потом Аломпра. Он сделался могущественным государем, завоевал Пегу, Майцур и другие области и собирался уже завоевать Сиам, но умер на восьмом году царствования.

— При чем же тут ящерица? Что общего между ней и Аломпррой?

— Этого я не могу вам сказать, — отвечал лоцман. — Это тайна многочисленных потомков Аломпры. Я тоже один из его потомков, хотя и занимаюсь скромным ремеслом. Но я этой тайны не раскрою даже вам.

На шестой день утром яхта прошла мимо грандиозных развалин Авы, теперь мертвого города, а ранее бывшего

в течение четырех веков столицей Бирмы. Сохранилась только четырехугольная городская стена, окружающая теперь вместо города парк, в котором аллеями служат прежние улицы.

В шести километрах от мертвой Авы яхта миновала Амарануру, тоже бывшую столицу, в 1857 году переведенную в Мандалай.

Наконец, еще через шесть километров показался и сам Мандалай.

«Голубая Антилопа» все время держалась левого берега, где река глубже, чем справа, потому что здесь часто углубляет дно местная пароходная компания. Яхта встала на якорь в виду города, в двух километрах от юго-восточной вершины городской стены.

Мандалай построен по обычному плану восточных городов с отдельным кварталом для китайцев. Он расположен в двух верстах от реки Иравади, с которой его соединяет аллея, обстроенная домами, амбарами, складами. Город имеет форму квадрата, каждая сторона которого равна двум верстам, и закрыт зубчатой кирпичной стеной, имеющей с каждой стороны по трое ворот.

Мощенные камнем улицы расходятся в разных направлениях, пересекаясь под прямыми углами. Между большими улицами целый лабиринт переулков и тупиков. Дома очень простые, по большей части из бамбука, крытые рогожей, пальмовыми листьями, даже дерном. Все они построены на сваях на высоте полутора метров над землей. Кирпичных построек мало и то только на главных улицах.

Внутри города находится другая стена, окружающая императорский дворец его с домами для женщин, для министров и для Белого Слона.

Отсюда до стоянки яхты было три с половиной километра, как раз достаточно для выстрела из имевшейся на яхте пушки.

Андрэ, взяв с собой Сами и лаптота, произвел самую тщательную рекогносцировку города, руководствуясь планом, полученным от губернатора.

В китайском предместье он у одного китайца-купца нанял несколько десятков верховых лошадей для себя и для своего экипажа. Тремя из них он воспользовался теперь же и вместе с индусом и лаптотом двинулся во дворец.

Подъехав к тековым воротам дворцовой ограды, Андрэ обнаружил их плотно закрытыми. Перед ними шагал часовой с пистонным ружьем и в каком-то красном мундире, на манер английского.

Через Сами Андрэ попросил их пропустить. Солдат посоветовал обратиться к офицеру, который находится в помещении гауптвахты.

Дверь гауптвахты отворилась, и офицер сам навстречу вышел. Увидав чужестранца, он спросил очень вежливо на английском языке:

— Что вам угодно, фра?

— Представиться императору.

— Сейчас, фра, никак нельзя.

— Ну, тогда первому министру.

— Это тоже нельзя. Сейчас при дворе глубокий траур. Все дела прекращены до тех пор, пока убийца Белого Слона не искупит своей вины, то есть до послезавтра.

Андрэ не мог подавить в себе невольной дрожи.

— Тем более я должен теперь же переговорить с императором или министром.

— Повторяю вам, что нельзя. Если я доложу об этом, меня казнят. Да я и не смогу этого сделать: дверь заперта изнутри. Послезавтра пожалуйста.

— Хорошо.

Андрэ повернулся и поскакал в предместье к китайцу.

— Когда будут готовы остальные тридцать лошадей? — спросил он.

— Сейчас. Только оседлаем их.

— Смотрите же. Мы тотчас явимся за ними.

Пять минут спустя Андрэ был уже на яхте. Еще через две минуты капитан объявил начало боевых действий, а свисток боцмана созвал весь экипаж наверх.

Андрэ отобрал тридцать человек, полностью вооружил их и повел на берег. Четырнадцать человек с капитаном остались на яхте.

Все это сделано было в четверть часа.

— Где динамитные петарды? — спросил Андрэ.

Ему подали пакет с петардами. Андрэ поручил их нести четверым помощникам, объяснив, как нужно с ними обращаться.

Отряд двинулся в путь. Андрэ наскоро переговорил с капитаном, и они сверили свои часы секунда в секунду.

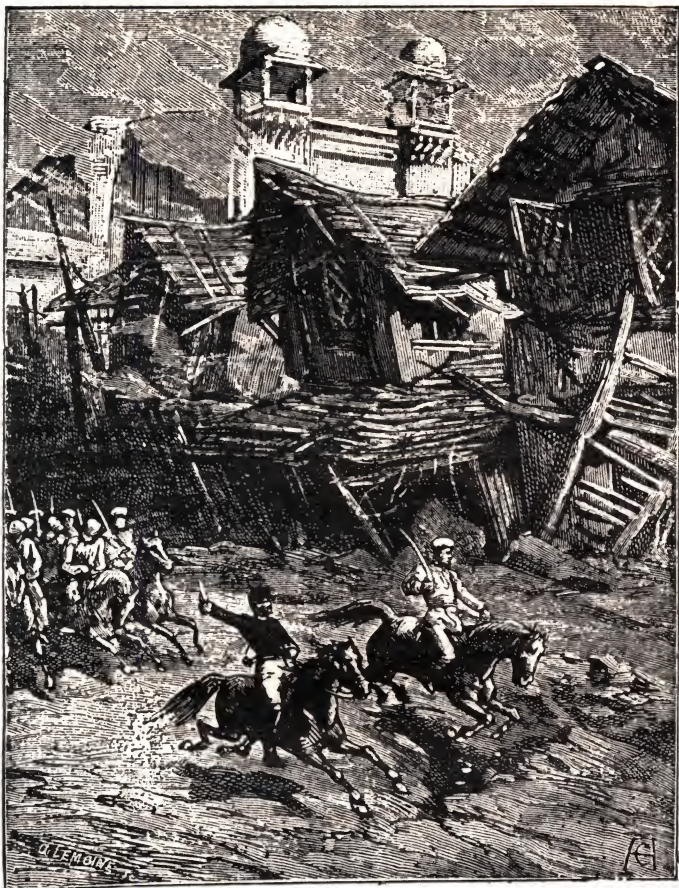
Прошли сначала в предместье, к дому китайца.

У того уже все было готово. Лошади стояли оседланные, взнузданные.

Андрэ достал из кармана пакет с золотыми монетами, распечатал его и высыпал условленное количество новеньких фунтов стерлингов в руки просиявшего китайца.

Каждый выбрал себе коня и вскочил в седло. Образовался

Он поскакал в пролом

кавалерийский отряд, превосходно вооруженный и пребывающий в приподнятом боевом духе.

Доскавав до первой стены, Андрэ оставил у ворот шестерых всадников для прикрытия тыла, а с остальными помчался по городу к дворцовой стене.

Было душно. Стояла невыносимая жара. Всадники обливались потом, лошади покрылись пеной. Кажется, даже сама Саламандра не вынесла бы такой жары. На улицах было тихо и совершенно безлюдно, все жители от зноя попрятались в дома.

Вдруг по городу пронесся какой-то гул. Не гроза, не гром, потому что небо было совершенно безоблачно. Что это такое? Земля как будто колеблется, дрожит. Лошади понурились, не хотят идти.

Землетрясение!

Дома направо и налево трещат, шатаются. Кирпичные дают трещины, готовы рухнуть.

На минуту землетрясение утихло. Всадники снова пустились вскачь и достигли дворцовой стены.

У ворот тот же часовой и тот же офицер. Тековые ворота, окованные железом и некрасиво утыканные гвоздями, по-прежнему наглухо заперты.

Караульные узнали Андрэ. Он крикнул, чтобы они сдавались. Все сейчас же побросали оружие.

— Свяжите нам, фра, руки и ноги.

— Хорошо, — согласился Андрэ. — Эй, скрутите их хорошенько.

Матросы принялись связывать караульных, а Андрэ собственноручно заложил под воротами, в месте соединения обеих створок, динамитную петарду. Потом он поглядел на часы и скомандовал:

— Спешиться, осадить назад!

Всадники спешили и отступили шагов на двадцать, держа коней на поводу.

Андрэ спокойно зажег фитиль петарды и отошел к своим людям.

В этот миг со стороны реки послышался нарастающий, свистящий гул. Воздушные массы прорезало какое-то быстро несущееся тело.

Это летел артиллерийский снаряд.

По ту сторону стены раздался взрыв.

— Капитан Плогоннек молодчина. Он — сама точность, — прошептал Андрэ.

Вслед затем последовал ужаснейший треск. Облако дыма поднялось над воротами, от которых во все стороны полетели осколки. В воротах образовалась брешь, достаточная для проезда двух всадников в ряд. В городе поднялся ужасный вой.

Андрэ скомандовал:

— Вперед!

Матросы и наемные авантюристы, вскочив снова на коней, готовы были ринуться вперед, но в этот момент опять раздался подземный толчок. Лошади не пошли. Стена осела, дав огромную вертикальную трещину. Из разломанных кирпичей взвились целые облака красной пыли. Вопли и стоны наполнили разрушаемый со всех сторон город.

Из императорской резиденции, вторя стенаниям горожан, неслись яростные крики озлобленной толпы.

Забыв про землетрясение, Андрэ приблизился к проему в воротах, хотя подвергался опасности быть раздавленным в случае обвала стены.

Он заглянул в ворота и вскрикнул от испуга, но тотчас же овладел собой, схватил коня за повод, вскочил в седло и ринулся в пролом, даже не убедившись, скажут ли за ним его люди.

Глава XVII

Дальнейшие злоключения парижанина.— Прибытие в Мандалай.— Аудиенция.— Фрикэ отказывается разуться.— В присутствии короля.— Смертный приговор.— Палач.— Смерть от слона.— Большой почет.— Появление ящериц.— Их музыка.— Беспокойство ящериц накануне землетрясения.— Побег.— Пушечный выстрел.— Кавалерийская атака.— Спасен.— Возвращение в Рангун и отплытие в неизвестном направлении.

Когда, как помнит читатель, парижанина повезли в Мандалай, он не впал в уныние. Он видел Андрэ, он переключнулся с ним словами и остался уверен, что тот непременно его выручит.

С министром Фрикэ держал себя совершенно развязно и на ломаном английском языке принялся расписывать ему силу артиллерии, высокие боевые качества и храбрость матросов того корабля, которым командует его друг. Это возымело действие на бирманского сановника, который, сидя в гауде визави с арестованным иностранцем, чувствовал себя неважно под его холодным, пристальным взглядом и охотно бы отпустил его, если бы не тот роковой выстрел. Слушая «страшные» рассказы самоуверенного парижанина, сановный азиат сопел и потел, опасаясь, как бы потом чего не вышло.

Зато Фрикэ этой самоуверенностью обеспечил себе большой почет. К нему относились, как к знатному лицу, обвиняемому в государственном преступлении и подлежащему суду самого монарха. Правда, оружие у него отобрали, но с поклонами и любезностями, на что азиаты вообще большие мастера. При этом его не связали и не заковали, а только караулили. Кормили его хорошо, спать ему было мягко, сидеть в гауде удобно, так что в смысле комфорта он как сыр в масле катался.

— Я, — говорил он, — похож на человека, который летит вниз с шестого этажа и думает: «А в воздухе, право, не так уж и дурно». Ну, будь что будет, потом и успеем задуматься, а сегодня пока посмеемся.

Весь переезд до Мандалая парижанин совершил в полной безмятежности. После высадки на берег ему подвели коня, он легко вскочил на него и поехал рядом с министром, под конвоем всадников. Слух о том, что возвратилась экспедиция, снаряженная с таким шумом, быстро облетел всю столицу. На все лады обсуждалось отсутствие белого слона: над неудачными охотниками зло подтрунивали.

Отряд подъехал к воротам дворцовой ограды. Фрикэ ступил на обширный двор, где справа находилась небольшая пагода с колоколом, а слева были холостые * постройки, довольно в плохом состоянии. Окруженный командой солдат с саблями наголо, он прошел через тот двор и остановился перед узенькой дверью в низкой стене.

Министр распорядился ввести пленника не в обыкновенную залу для судебных заседаний, а в аудиенц-залу. Сказав несколько слов офицеру, командовавшему конвоем, министр пошел с докладом к императору.

Офицер открыл узенькую дверку и ввел пленника в Манх-Гау, или хрустальный дворец. Дойдя до монументальной лестницы, он разулся и предложил Фрикэ снять сапоги, ссылаясь на придворный этикет. В присутствии бирманского императора все должны быть босиком.

Фрикэ решительно отказался разуваться.

— Если вашему императору мой костюм кажется неприличным, он может меня не принимать, я не буду в претензии. Собственно, не я добиваюсь с ним свидания, меня ведут к нему насильно, следовательно, я не обязан соблюдать ваш этикет.

Офицер настаивал. Парижанин держался твердо.

— Сказал, не сниму — и не сниму. Разувайте меня сами, если посмеете.

И вот Фрикэ, едва ли не единственный из европейцев, вошел в бирманскую аудиенц-залу в болотных сапогах, в костюме охотника за утками. Зала была громадная, с высоким тронem под роскошным балдахином.

Не найдя нигде стула, Фрикэ овладел одной из подушек, уселся по-турецки и стал ждать.

Вот зарокотал барабан. Поднялись драпировки, закрывавшие громадный вход, предназначенный для императора. Широчайшие двери распахнулись настежь, и в залу вошли солдаты в медных касках, в красных рубахах и босиком, с саблями наголо. Они выстроились в два ряда справа и слева от трона.

---

* Нежилые (устар.).

За ними вступил в залу сам император, за которым хлынул целый поток придворных. Монарх занял место на троне. Одна из его жен поставила перед ним золотой ящичек с бетелем, золотую плевательницу и чашу с водой.

Придворные были одеты роскошно, император же, напротив, очень просто: в длинную белую полотняную блузу до колен с шелковым поясом, легкие широкие панталоны, стянутые у щиколотки, и черные туфли с загнутыми носками. И все.

Роскошную одежду, всю осыпанную драгоценными камнями, император надевает только в особо торжественных случаях. Это уже не одежда, а облачение, которое, говорят, весит пятьдесят килограммов.

Фрикэ встал и вежливо приподнял свой пробковый шлем; приставленные к нему караульные буквально распластались на полу. От монарха он стоял в трех шагах, но тот все-таки приставил к глазам лорнет, чтобы разглядеть его. Зато Фрикэ и без лорнета заметил, что император волнуется, хотя и старается это скрыть под маской бесстрастия.

«Красивый мужчина, — думал Фрикэ. — Жаль только, что нижние мочки ушей просверлены у него дырами, в которые можно вложить палец. Это его очень портит. Зачем они ему?»

Какой-то облаченный в золотое одеяние субъект выступил перед троном и на довольно сносном английском языке принялся подробно описывать злодеяние, совершенное иностранцем. Принесена была и винтовка Гринера в качестве вещественного доказательства. Никто не умел с ней обращаться, и сам Фрикэ любезно показал, как она действует. Монарх увлекся этим объяснением настолько, что на время даже перестал выпускать в золотую плевательницу длинные струи красной от бетеля слюны.

Нарушая этикет, он лично задал Фрикэ вопрос:

— Вы француз?

— Да, француз.

Фрикэ гордо выпрямился. Грудь вперед, колесом.

— Зачем вы прибыли в мое государство?

— Познакомиться с ним — оно у нас мало известно — и поохотиться.

— Очень жаль, что вы француз. Я люблю французов, они мне оказывали услуги. Зачем вы убили слона?

Император говорил медленно, тянул слова, подыскивал выражения. Видимо, он не привык говорить.

— Я заплутался в лесу с ребенком, мы оба умирали от голода, другой дичи не было.

— Все слоны — моя собственность. За убийство слона полагается смертная казнь. Как с иностранца, я бы с вас взял только штраф и выслал бы вас из империи. Но к несчастью для меня, для моей семьи и для народа вы убили слона священного. За такое кощунство вы будете казнены. Даже англичане вас не спасут. Через неделю готовьтесь к смерти. Ваша голова будет раздавлена ногой моего Белого Слона. До тех пор вас будут содержать под стражей в одном помещении со Схенг-Мхенгом, и все ваши желания будут исполняться. Нужно, чтобы жертва была приятна Гаутаме.

Все это было сказано вялым, монотонным, печальным голосом, нараспев, хотя брови монарха хмурились, рот судорожно кривился.

— Пока ступайте! — закончил он, вставая. — В следующий раз вы увидите меня лишь перед казнью. Я вам передам свое послание к Гаутаме.

Так как казнь Фрикэ должна была совершиться в торжественной обстановке, в присутствии императора, двора и толпы народа, причем слон должен был раздавить ему голову на тековой плахе, то преступника велено было тщательно стеречь. Четыре солдата, сменяясь, попеременно не спускали с него глаз. Пагода Белого Слона была окружена целой ротой желтолицых воинов. Впрочем, пленника кормили, как министра; придворным поварам приказано было стараться изо всех сил, чтобы из него вышла жертва, угодная Гаутаме.

— Меня балуют, как настоящего преступника перед казнью. — говорил Фрикэ. — Но мы еще посмотрим!

Ничто не могло поколебать его уверенности в том, что Андрэ выручит.

На другой день после аудиенции у императора он увидел, что по стенам его помещения во множестве бегают проворные ящерицы, большеголовые, серого цвета с желтыми, зелеными и красными пятнами.

— Ба! У меня гости! — сказал он. — Пришли навестить узника. Дам им поесть — гостей всегда угощают.

Ящерицы с удовольствием стали есть разные сласти, которые предложил им Фрикэ, и даже позволили трогать себя руками, к величайшему удовольствию Ясы, который все время твердил: «Тау-тай, тау-тай», — из чего Фрикэ заключил, что это и есть бирманское название ящериц.

На следующие сутки ящерицы вдруг исчезли. Развлечение кончилось. Опять потянулись часы и дни мрачной, тоскливой, томительной скуки.

Фрикэ и ящерицы

В одно прекрасное утро Фрикэ воскликнул:

— Э-э! Да мне остается жить только два дня, включая нынешний. Послезавтра Белый Слон должен будет раздавить ногой драгоценную оболочку, содержащую мой мозг. Любопытно, однако, каким образом Андрэ и его товарищи ухитрятся меня выручить. Уж просто из любви к искусству желал бы я знать их план... Ба! Ящерицы-то возвратились. Это не иначе, как к добру. Здравствуйте, ящерицы! Добро пожаловать!

Первые часы утра прошли томительно-однообразно. Только

Фрикэ обратил внимание, что в воздухе ощущалась особенная духота. Он чувствовал себя скверно, как перед сильной грозой.

— Брр! — говорил он. — Не знаю, что такое творится там в воздухе, но только я нервничаю, как кошка. Из моих волос можно искры извлекать.

Вдруг с потолка послышалось тихое кваканье вроде лягушачьего. Фрикэ взглянул наверх. Там, кроме ящериц, никого не было. Квакали, очевидно, они.

Как только раздались эти звуки, стражники и Яса стали о чем-то быстро-быстро между собой говорить. Конечно, Фрикэ не понимал ни слова, но он расслышал, что они опять то и дело повторяют: «Тау-тай, тау-тай».

— Их волнует пение ящериц, — решил он.

Даже Белый Слон, от которого Фрикэ был отделен лишь кирпичной стеной, метался, как бешеный.

— Ну, и ты туда же, толстяк!.. Впрочем, и то сказать: духота нестерпимая. Точно в печке.

Постепенно дворец наполнился шумом, криками. Сновала испуганная челядь, металась по коридорам, по залам. Три раза проревел слон, так что стены задрожали. Словом, царил полный беспорядок, сумятица.

— Вот бы когда бежать-то! — проговорил Фрикэ, исподлобья поглядывая на солдат и в особенности на саблю одного из них.

Послышался подземный гул. Почва заколебалась, здание зашаталось, затрещало. Стена, отделявшая помещение слона от комнаты Фрикэ, дала широкую трещину; из которой посыпались кирпичи.

Отворилась дверь, вбежали испуганные солдаты и слоновожатые. Одни бросились к пленнику, чтобы укрыть его в безопасное место, другие старались вывести из полуразрушенной лагоды упирающегося и беснующегося слона.

Этой части императорского дворца, действительно, грозила большая опасность.

«Ну, минута настала, — решил Фрикэ. — Бедного моего мальчугана я оставляю здесь, среди его соотечественников. Будем надеяться, что кто-нибудь заменит ему отца. А сам покину дворец, выйду из города и побегу к реке».

Все эти соображения промелькнули в его голове с быстротой молнии. Он бросился на одного из солдат, вырвал у него саблю и, ловко прикрываясь ею, прыгнул к дверям, крикнув резким, звенящим голосом:

— Прочь с дороги! Выпущу кишки!

Его появление во дворе было равносильно взрыву бом-

бы. Солдаты опешили. Но быстро опомнились и пустились за ним в погоню. Они слишком хорошо сознавали, насколько этот арестант важен. За его побег они могли жестоко заплатить.

Но стоило им выбежать из огромного здания, разрушаемого подземными ударами, как на несчастную столицу обрушились новые ужасы, довершившие общее смятение.

С шипением и свистом принеслось откуда-то ядро и разорвалось в самой середине вражеской толпы; многих убило, еще больше ранило и покалечило.

— Победа! Победа! — вскричал парижанин.

Он сразу догадался, что это значит.

— Браво, браво, *monsieur* Андрэ! — продолжал он. — Но погодите! Снаряд перебил не всех. Эти негодяи гонятся за мной. Кричат встречным, чтобы меня не пускали. Боже, как еще далеко до ворот!.. Ах!.. Всадник в белом пробковом шлеме!.. Это же *monsieur* Андрэ. Он штурмует город. Я спасен.

Погоди, бедный Фрикэ. Еще рано праздновать победу. Выгнанные землетрясением из своих домов жители толпятся на улицах и не очень-то склонны тебя пропустить. Они видят, что за тобой с криком гонятся солдаты, и понимают, что тебя необходимо задержать.

Это и была та минута, когда Андрэ верхом на коне помчался через пролом, пробитый в воротах динамитным патроном.

Он врезался в толпу, давя людей конем и стараясь протиснуться к Фрикэ, который прочищал себе дорогу саблей. Не видя рядом своих всадников, Андрэ подумал, что они трусили и покинули его. Он обнажил саблю и решил дорого продать свою жизнь.

Но его не покинули. Всадники просто немного отстали, так как проход через пролом по два в ряд потребовал времени. Теперь они догнали своего начальника и тоже врезались в толпу, которая с воем сперва расступилась, а затем и вовсе разбежалась.

Андрэ приблизился к Фрикэ. Тот бросил изломанную, иступленную саблю и протянул ему руку.

— *Monsieur* Андрэ! Вы опять меня спасаете!

— После поговорим. Надобно скорее возвращаться.

— Как! Разве мы не останемся здесь императорам!... хоть ненадолго?

Андрэ невольно рассмеялся, и с ним весь отряд.

— Будет шутить. Садись ко мне за седло — у меня нет для тебя запасной лошади. Надобно спешить. Через пять

Он бросился в толпу

минут за нами будут гнаться десять тысяч человек. Да вот, смотри!

Бирманцы, видя, что неприятель немногочислен, вооружились кто чем попало и перешли в наступление. Толпа росла с каждой минутой.

Андрэ и его отряд пустили лошадей быстрой рысью и помчались прочь от преследователей. Проскочив ворота, Андрэ велел заложить под ними еще два динамитных патрона. Взрыв произошел в тот момент, когда толпа вступила в ворота. Преследование, разумеется, разом приостановилось.

У городских ворот к отряду присоединились еще шесть

человек, остававшихся там в резерве для прикрытия тыла. С яхты, между тем, капитан Плогоннек продолжал бомбардировать город. Снаряды рвались над самым центром императорской резиденции.

Через четверть часа все были на яхте. По приказу Андре капитан Плогоннек прекратил бомбардировку.

Яхта приготовилась к отплытию, спустила военный флаг и отсалютовала подошедшему английскому пароходу, матросы и пассажиры которого кричали «ура» смелому французу, сумевшему заставить себя уважать.

Четыре дня спустя «Голубая Антилопа», идя по течению, достигла Рангунского рейда.

Пополнив запас угля и высадив наемных авантюристов, получивших щедрую награду, яхта вышла в море и взяла курс в неизвестном направлении.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РОМАНОВЪ
ЛУИ БУССЕНАРА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ВЪ СТРАНѢ БИЗОНОВЪ

Переводъ Е. Н. Киселева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА
СТРЕМЯННАЯ, 12, СОБСТВ. ДОМЪ
1911.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В СТРАНЕ БИЗОНОВ

Глава I

Убийство краснокожего и вероятные его последствия.— Охотники сами становятся дичью.— «Полковник» Билль.— В галоп! — Полковник-пастух.— Что такое ковбой.— Жизнь пионеров.— Лошади без всадников.— Фрикэ пожалован в капитаны.— Он отказывается от почета и желает быть просто Фрикэ.— Но Андрэ никак не может отбояриться от майорского чина.— Новое вооружение индейцев американского Запада.— Отвратительное зрелище.

Под небольшой одинокой сенью деревьев, посреди долины, раздался резкий треск револьверного выстрела. Упал с пробитой головой индеец.

— На коней, джентльмены, на коней! — громко крикнул тот, кто выстрелил.

Два его товарища, сидевшие на земле во время неожиданного нападения, быстро вскочив, кинулись к лошадям, привязанным к тонкому стволу мимозы, и принялись распутывать кожаные ремни.

— Нет уж, садитесь скорее, а это я сделаю сам, — крикнул стрелок.

Они вскочили в седла, а стрелок карманным складным ножом в один миг обрезал все три ремня и с ловкостью вольтижера * также вскочил на своего коня.

Возбужденные всем происходящим, лошади сразу взяли в карьер. Индейцы завывали от ярости и досады.

Раздалось несколько выстрелов. Пули просвистели над всадниками, но ни одна не задела их. Они машинально схватились за свои скорострельные винчестеры, но проводник остановил их.

— Вперед, джентльмены, пожалуйста, вперед — и без стрельбы. Сражаться сейчас безумие. Нельзя терять ни одной секунды, если вы дорожите своими скальпами.

— Ну, ладно, — сказал младший из двух джентльменов. — Мы вас послушаемся, потому что действительно дорожим

---

* Ловкого наездника, эквилибриста.

своими шевелюрами. Парикмахеров здесь поблизости нет, не у кого будет заказать парик, и придется щеголять с лысой головой. Это будет неприятно.

— Француз всему готов смеяться, — проворчал с недовольным видом проводник, произнося слова в нос, как типичный американец.

— Вы думаете, я смеюсь?.. Нисколько. Мне вовсе не до смеха. Помилуйте: приехали мирно поохотиться на бизонов и вдруг — трах! Убит человек, а охотники сами стали дичью. Вот вам и свободная страна, вот вам и американские штаты. Не правда ли, *monsieur* Андрэ, обидно?

— Я нахожу, что мистер Билль несколько чересчур скор на руку.

— Полковник Билль, — поправил янки.

— Пожалуй, хоть и полковник. По-видимому, в ваших глазах человеческая жизнь стоит не очень дорого.

— Во-первых, это был не человек, а краснокожая скотина.

— Для вас — да, может быть. Вы ведь бывший офицер американской милиции. Ну а мы — французы, путешественники, люди штатские, не бывшие даже капралами у себя в национальной гвардии. Мы иначе на это смотрим.

— Во-вторых, это был опаснейший конокрад на всей здешней территории, а краснокожие конокрады способны буквально на все. Два месяца тому назад он оскальпировал целую семью ирландцев-эмигрантов — отца, мать и восемь человек детей.

— Что вы говорите!

— Наконец, вы не видали, с какой жадностью он поглядывал на наших лошадей и на наше оружие. Вы не слышали, какие он приказания отдавал шепотом своим людям. Иначе бы вы со мной согласились. Хорошо, что я вовремя обнаружил присутствие этого негодяя вблизи нас. Мне помог счастливый случай.

— Как бы то ни было, за нами теперь гонится целая стая краснокожих...

— Как за героями Майн Рида или Купера, или Густава Эмара.

— Но без всякой романтики. По-моему, эти индейцы в рваных пиджаках и брюках и в обтрепанных шляпах — такая обыденщина...

— И как скучна эта пыльная песчаная степь.

— Они оборванцы, но у них, как и у нас, хорошие винчестеры, — заметил практичный полковник. — Хорошо еще, что они плохие стрелки. А вот вы говорите: степь, так

я вам на это скажу: и лучше, что такая степь. Мы скоро достигнем прерии. Там трава, яркие цветы. Посмотреть — красиво, но зато легко можем поджариться, как цыплята на вертеле.

— Вы хорошо говорите, полковник. Однако мне кажется, что погони за нами уже нет. Не устроить ли нам отдых после бешеной скачки?

Янки обернулся, привстал в стременах, внимательно осмотрел всю равнину и произнес:

— Лучше, если бы эти скоты гнались за нами. Я подозреваю какую-нибудь пакость. Поедемте потише и направимся вон в ту высокую траву.

При этих словах полковник достал табачную жвачку, заткнул ее себе за щеку и с наслаждением стал жевать.

Это был высокий, худой, но крепкий человек с энергичным, но холодным и суровым лицом, с свирепыми, подвижными глазами, большими густыми бровями, с опущенными уголками рта, с порыжелой от солнца и дождя длинной бородой. На первый взгляд он казался несимпатичным.

Одет он был неважно — скорее, как бандит с большой дороги, чем как корректный джентльмен Североамериканских Штатов.

Широкая серая войлочная шляпа, весьма и весьма поношенная. Красная шерстяная рубашка. Кожаные желтые индейские штаны. Громадные сапожищи. Мексиканские шпоры величиной с блюдце. Револьвер Кольта, нож, винчестер. Словом, наружность бандита.

Несмотря на свой полковничий чин, мистер Билль был простым ковбоем, или пастухом.

Занятие это далеко не мирное. Американские ковбои совсем не похожи на библейских пастухов. Это очень опасные люди, и в большинстве случаев трудно определить, где кончается ковбой и начинается разбойник.

Их заботам поручаются громадные стада в глухих, малонаселенных местностях Дальнего Запада. Жизнь они ведут дикую, безалаберную, чередуя труды и опасности с самым необузданным разгулом. Набираются они по большей части из неудачников, из «бывших». Хозяева их, рэнчмены, или скотоводы, нанимая ковбоев к себе на службу, никогда не интересуются их прошлым, не спрашивают, кто они и откуда. Были бы они только дерзки, смелы и на все готовы. А главное, были бы выносливы и неприхотливы.

Каждому ковбою дается шесть лошадей, поручается тысяча двести голов скота на пятерых, дается оружие, телега для провизии — очень неважной: ветчина и мука — и ступай, паси стадо.

Целый день они верхом на коне, целый день скачут, охраняя стада, и за этот труд получают всего сорок долларов в месяц. Получив жалованье, они почти всегда его тут же спускают в кутежах.

Газеты бывают полны описаниями ковбойских подвигов. Недели не проходит, чтобы эти отчаянные пьяницы не натворили чего-нибудь невообразимого. Раз, например, компания ковбоев до того перепилась, что овладела маленьким пограничным городком и сожгла его весь дотла; жителей они вывели на площадь и заставили плясать. Кто плясал недостаточно усердно и проворно, тому подстреливали из револьверов икры.

За подобные выходки им, конечно, и достаётся порядком.

Жители другого городка, выведенные из терпения безобразиями ковбоев, организовали свою собственную милицию и, изловив полсотни первых встречных ковбоев, повесили их на первом же попавшемся дереве. Это подействовало. Ковбои унялись и перенесли свою деятельность в другое место.

Таков был полковник Билль, американский пастух.

А кто были его спутниками, читатель, конечно, уже догадался сам, если он читал наши книги «Приключения парижанина в стране львов» и «Приключения парижанина в стране тигров» *. Если же не читал, то пусть прочитает.

Доехав до начала высокой травы, три всадника остановились и внимательно осмотрели местность, которую только что миновали.

От места столкновения с индейцами они отъехали довольно далеко. Никаких тревожных признаков они не заметили. Только в начале прерии перед небольшой рощицей с густой листвой паслось десятка два лошадей. Вдали ослепительными цветами сверкала прерия.

Полковник жевал табак, сплевывая слюну, и сидел на коне спокойно и грузно, точно монумент, но, видимо, был озадачен. Фрикэ тоже с интересом разглядывал пасшихся лошадей, он находил их движения по меньшей мере странными, хотя поверхностный наблюдатель не заметил бы в их поведении ничего необычного.

— Обратите внимание, *monsieur* Андрэ,— сказал он,— ведь эти лошади двигаются не сами по себе, а как будто по команде. Они выстраиваются как бы полумесяцем.

— Ведь ты прав.

— Ну, вот. Я, значит, догадался, в чем фокус. У каждой

---

* А также наиболее крупное произведение — «Путешествие парижанина вокруг света».

лошади имеется всадник. Взгляните вон на ту белую лошадь, в полукилометре от нас. Я вижу на ее боку погу в желтых кожаных штанах. Индейцы в аргентинских памнасах часто проделывают такие акробатические трюки. Я уже видел подобное.

— У вас отличное зрение, капитан! — вскричал американец.

— Это кто капитан? Это я-то? Какой же я капитан, позвольте вас спросить?

И он прибавил по-французски, обращаясь к Андрэ:

— Он просто забавен, этот уморительный военный. Он у нас служит проводником, почти лакеем, и осмеливается называть меня капитаном, в то время как себя именует полковником! Выходит, что я у него как бы в подчинении. Хороша же она, хваленая американская демократия!

— Но, капитан... — продолжал янки.

— Пожалуйста, просто мистер Фрикэ, без всяких чинов и титулов! — перебил молодой человек. — Я этого не люблю.

— Слушаюсь, мистер Фрикэ, — продолжал ковбой, удивленный отказом от капитанского чина, когда таким путем можно было потом дойти до майорского и выше. — Вы, очевидно, знакомы с их хитростями. Я с вами совершенно согласен.

— Monsieur Андрэ, вы стреляете, как никто в мире. Не попробуйте ли подшибить эту белую лошадь?

— Изволь. Попробую доставить тебе удовольствие.

Молодой человек, не слезая с седла, прицелился из винчестера.

Из дула вылетел дымок. Грянул выстрел.

Белый конь взвился на дыбы и тяжело упал на бок.

Всадник, скрывавшийся за его белым боком, успел соскочить на землю.

— Вот ловко-то! — воскликнул в восторге парижанин.

— Bravo, майор, — одобрил ковбой.

— Он опять за свое, — сказал Фрикэ. — Вот вы и в майоры произведены! Послушайте, мистер Билль, раз для вас это так просто, то уж вы лучше прямо произведите его в генералы. Он имеет право: он начальник экспедиции. Скажите, вы уполномочены это сделать или нет?

Неожиданный инцидент избавил полковника от затруднительного ответа.

Индейцы, видя, что они обнаружены, яростно закричали, вскочили в седла и, уже не скрываясь, помчались вперед.

Три всадника не стали их дожидаться и во весь карьер понеслись по прерии. Драться с индейцами не имело смысла:

Фура неподвижно стоит среди потухших огней

их было шестеро на одного, а вооружение одинаковое.

Фрикэ очень удивился, что американцы позволяют индейцам закупать оружие последних марок. Ведь благодаря этому сильно осложняются взаимоотношения с дикарями.

Лошади у трех всадников были превосходные, так что они могли часа четыре скакать, опережая индейцев. А этот срок достаточен, чтобы достичь лагеря, где у них осталась фура с провизией, лагерными принадлежностями и запасными лошадьми, а при ней семь ковбоев, нанятых вместе с полковником.

— Полковник дорогу знал хорошо и уверенно скакал по океану зелени вместе со своими спутниками.

Индейцы тоже мчались во весь опор, и понемногу расстояние между противниками сокращалось. Но беглецы не тревожились: сейчас будет лагерь, сейчас их встретят свои, а десятерым уже не страшны эти индейцы.

Вот и лагерь. Они кричат «ура», давая знать о своем приближении.

Но что это? Им никто не отвечает. Все пусто. Не видно ни людей, ни лошадей. А меж тем индейцы приближаются.

Фура неподвижно стоит среди потухших головней.

Беглецы охвачены дурным предчувствием. Вглядевшись в примятую траву, все трое вскрикивают от ужаса.

Их глазам открывается отвратительное зрелище.

Глава II

Убиенные.— Вместо надгробной эпитафии.— Вражда белых и красных.— Что ждет индейцев.— После разграбления.— Бизонья трава.— Пожар в прерии.— Между сожжением заживо и столбом пыток.— Пэлуз-Райвер.— Обойдены справа.— Стычка и гибель белого коня.— Обход слева.— Обход сзади.— Андрэ принимает командование.— Фрикэ поливает водой три одеяла и режет их пополам.— Андрэ производят в генералы.— Сквозь огонь.

Дюжина волков с окровавленными мордами нехотя прервала свой пир и удалилась прочь при виде подъехавших всадников. Коршуны вились над трупами, но опуститься боялись; вообще-то они очень алчны, но при этом и крайне трусливы.

В нескольких шагах от фуры возле потухшего костра лежало шесть обезображенных трупов. Видимо, люди были застигнуты врасплох, когда сидели у костра и ужинали. На них напали сзади. Все шестеро были оскальпированы; их черепа представляли сплошную окровавленную поверхность. Лица были изгрызены волками и имели ужасный вид.

Полковник передвинул табачную жвачку справа налево, кашлянул, сплюнул шага на четыре перед собой и проворчал глухим голосом.

— By God*! Как они обработали моих товарищей!.. Но и те — хороши, а еще уэстенеры**: дать себя захватить

---

* О боже! (англ.).

** Жители Западных Штатов.

врасплох и перерезать как телят! Где же седьмой? А! Так. Он стоял на часах. Вон его труп, в пятнадцати шагах. На подбородке остался клочок рыжих волос, прочее все съели волки. Узнаю по этому клочку моего товарища, полковника Джима. Хороший человек был покойник, очень любил виски. Не удивлюсь, если окажется, что в ваше отсутствие он добрался до ваших личных запасов и забыл, что напиваться допьяна, находясь на часах вблизи резерваций, по меньшей мере неосторожно. Ну что, джентльмены? Не прав ли я был, уложив насмерть того негодяя?

— А вы думаете, что между ними был сговор?

— Между этими негодьями всегда сговор.

— Я полагал, что мирные индейцы никогда зря не нападают, а поначалу хотя бы объявляют войну.

— Так было раньше. Теперь они стали умнее и нападают где только и когда только можно. Правда, и мы сами охулки на руку не кладем.

— Значит, на Дальнем Западе почти все время война?

— Все время, джентльмены. И она не прекратится до тех пор, пока краснокожая раса не будет совершенно уничтожена или не сольется с белой.

— Кто же те, которые так подло убили наших товарищей?

— Полагаю, мародеры, которых мы встретили около Уэтсбурга. Они уверяли, что принадлежат к племени Просверленных Носов, на самом же деле не принадлежат ни к какому и живут на границе резерваций около фабрик, устроенных пионерами.

— Так что, истребление управы на них у краснокожих вождей — пустое дело?

Американец грубо расхохотался. Этот хохот показался особенно циничным рядом с изуродованными трупами.

— Сразу видно, что вы французы, — сказал он с иронией, — чего захотели! Управы! Вот она здесь, наша управа — винтовка, если ты силен, — он хлопнул рукой по своему винчестеру, — а коли не силен, так удирай со всех ног и во все лопатки, иначе будешь оскальпирован.

— Для нас будет очень обидно покинуть эти места, так и не поохотившись, — перебил Фрикэ. — Может быть, стоит защищаться? Фура цела.

— И это меня удивляет, — сказал Андрэ.

— А меня ничуть, — возразил американец. — Они взяли лошадей, сбрую, оружие и огнестрельные припасы из патрон-ташей. А вы хотели бы, чтобы они унесли с собой эти

громадные ящики с провизией и запасным оружием? Взломать их пельзя, ведь опи у вас дубовые, окованные железными гвоздями, их и топор-то не берет.

— Из фуры можно бы было сделать настоящую крепость,— заметил Фрикэ.

— В которой из нас коптили бы окороков на манер чикагских. Ву God, мистер Фрикэ, вы совсем не знаете, что такое война в прерии. Для нас сейчас единственное средство спасения — быстрые ноги наших коней. Негодяи, вот увидите, не преминут поджечь траву... И это будет очень жалко, потому что трава чудная, настоящий бизоний корм. Тут есть отчего разбогатеть десятерым рэнчменам. Впрочем, об этом я подумаю после. А пока... Ну, наши лошади, кажется, отдохнули немного. Отправимся в резервацию индейского племени плоскоголовых.

— Это далеко отсюда?

— Тридцать пять миль.

— Шестнадцать французских, то есть шестьдесят тысяч восемьсот метров.

— А наши лошади выдержат?

— Это я вам скажу завтра, если до тех пор не буду оскальпирован.

Даже не взглянув на убитых товарищей, полковник дал шпоры коню и, сопровождаемый французами, поспешил затеряться в безбрежных просторах прерий.

После часового галопа по высокой траве Фрикэ спросил:

— Уверены ли вы, полковник, что за нами гонятся?

— Безусловно, уверен, капитан... то бишь мистер Фрикэ. И даже полагаю, что число преследователей увеличилось вдвое. Слишком уж я насолил им в разное время, они ни за что не упустят случая снять с меня скальп. Но только мы еще посмотрим... Черт возьми! — вдруг прибавил он, тревожно сдерживая коня.

— Что случилось?

— Господа, вы не чувствуете — пахнет гарью или нет?

— Ничего не чувствуем,— разом ответили оба француза, старательно приносящие к воздуху.

— Сразу видно, что вы не прожили, как я, десять лет на открытом воздухе. Тут обоняние поневоле становится утонченным.

— И что же теперь говорит ваше утонченное обоняние? — с некоторой насмешкой спросил Фрикэ.— Можно узнать?

— Разумеется, можно, мистер Фрикэ.— Я еще не утверждаю этого, но опасаясь, что бизонья трава подожжена недале-

ко отсюда и что нам грозит опасность сперва задохнуться в дыму, а потом сгореть заживо.

— Если только...

— Если только мы не попадем в лапы краснокожих.

— Ах, да!.. Знаю! Столб пыток... Читал об этом в книгах.

— Не смейтесь, молодой человек,— серьезным тоном заметил ковбой.— Я видел сам, как моих товарищей подвешивали над угольями и жарили на медленном огне, а женщины выдергивали из суставов пальцы и вырезали из кожи узкие ремешки. Воины в это время горланили боевые песни.

— Если они при этом фальшивили, то мучения делались еще нестерпимее.

Полковник покосился на Фрикэ, но не сказал ничего.

— Из ваших слов я делаю вывод,— продолжал невозмутимый парижанин,— что здешние индейцы весьма талантливы на подобные ухищрения, но ни малейшего понятия не имеют о правилах хорошего тона. Отчего бы их не поучить хоть немного? Отчего бы не ввести среди них всеобщего обязательного обучения и притом бесплатного?

— Ладно, ладно! Посмотрим, как вы будете веселиться, когда наше с вами дело примет серьезный оборот.

— Вас, я вижу, сердят мои шутки? Для нас они обычны. Мы шутливо храбры, а вы храбры ворчливо. У каждого своя манера. Не правда ли, monsieur Андрэ?

Андрэ улыбнулся, привстал на стременах, посплюнвил палец и поднял кверху, как делают моряки, когда хотят узнать направление ветра.

— По-моему, полковник прав,— сказал он вместо ответа.— Бизонья трава несомненно горит, хотя огня и не видно, и горит от нас по ветру. Пожар, по-моему, находится впереди. Что вы скажете, полковник?

— Скажу, что вы правы, майор. Впереди — пожар, сзади — краснокожие. Недурненькое положеньеице.

— Что же теперь делать?

— Во что бы то ни стало нужно доскакать вон до той голубоватой полосы в четырех милях от нас. Я полагаю, что это лес на берегу Пэлуз-Райвера.

Вдруг над прерией, между беглецами и голубой полосой, поднялись тонкие столбики беловатого дыма, и послышался шум, похожий на гул прилива. Через десять минут в том же направлении уже было до тридцати таких столбов. Все они загорались на одной линии и скоро должны были слиться в один сплошной костер. Тогда путь к Пэлуз-Райверу будет отрезан.

— Ну-с, мистер Фрикэ, что вы теперь скажете?

— Ну-с, господин Фрикэ, что вы теперь скажете?

— Скажу, что индейцы зажгли траву, чтобы не подпустить нас к реке, а сами полукругом скачут за нами.

— Совершенно верно. Только их теперь не двадцать человек, а не меньше двухсот, и они окружают нас тремя отрядами с разных сторон. Попробуем сначала проскочить справа.

Три всадника поскакали вправо и через десять минут достигли кургана, с которого увидели полсотни индейцев, издававших яростные крики при виде беглецов.

— Так и есть,— проворчал американец.— С этой стороны путь отрезан.

Всадники поскакали вправо и увидели полсотни индейцев

Полковник быстро остановил коня, схватил винтовку и выстрелил с расстояния четырехсот метров.

Чудный белый конь взвился на дыбы и упал, придавив всадника.

— Черт знает что! — вскричал ковбой.

— Вы не довольны? — удивился Фрикэ. — А по-моему, замечательный выстрел.

— На что мне лошадь, я хотел свалить всадника. Браво, майор! Хорошо!.. Капитан, великолепно!

Андрэ и Фрикэ также сделали по выстрелу. Тот,

в кого целился Андрэ, упал с коня на землю, а в кого Фрикэ, — рухнул на круп своего коня.

Индейцы, сами довольно плохие стрелки, что бы там о них ни говорили, стали осторожнее и попрятались за лошадей.

— Конечно, мы тут не пробьемся, об этом и думать нечего, — сказал Андрэ, заменяя пустой патрон новым.

— Попробуем налево, — предложил ковбой, круто развернув коня.

Они проскакали триста метров и увидели перед собой новый отряд.

Индейцы были, видимо, уверены в успехе и спокойно окружали белых, тесня их к огню.

Положение становилось критическим.

Американец бесстрастно жевал табак и с восхищением поглядывал на французов, дивясь их неустрашимости.

Фрикэ насвистывал свою любимую арию господина Дюмолле, а Андрэ разглядывал в бинокль огненную полосу, из которой все чаще и все слышнее раздавался треск.

Три линии индейцев медленно сближались.

— Ну, полковник? — спросил Андрэ.

— Гм!

— Ваше мнение?

— Я нахожу, что дела наших аховые, и не поставил бы и одного доллара против всех трех наших скальпов.

— И все-таки надо отсюда выбираться.

— Я нахожу, что дела наши аховые, и не поставил бы убивать их как можно больше — никуда не годится. Они перестреляют наших лошадей, а нас схватят и привяжут к столбу.

— А не прорваться ли нам через огонь?

— Попробуем.

— Полковник, я на одну минуту приму на себя командование.

— С тем, чтобы каждый спасался как сумеет?

— Хорошо. Но все же советую последовать моему плану. Право же, он хорош. Фрикэ, быстро — с коня и проворнее отвяжи наши три одеяла. Вы, полковник, следите за правой стороной, а я буду следить за противоположной. Мех с водой у тебя полон?

— В нем восемь литров воды, monsieur Андрэ.

— Разложи одеяла на траве и полей их хорошенько. А вы, полковник, уложите-ка мне вон того, на пегом коне. Чего он там гарцует... Браво! А я вот этого.

Раздались два выстрела. Упали двое. Индейцы сомкнули ряды, но не отвечали. Они были уверены, что захватят врагов живыми.

- Ты кончил, Фрикэ?
- Готово, monsieur Андрэ.
- Хорошо.

Он выстрелил опять и продолжал:

— Разрежь все одеяла пополам... Полковник, ну-ка вот вы в того, который высунулся из рядов... Да вы превосходный стрелок. Ну, Фрикэ?

— Одеяла разрезаны.

— Тремя половинками полностью закутай лошадям головы, глаза, морды, а также грудь.

— Monsieur Андрэ, пламя приближается.

— Я вижу. Готово?

— Готово.

— На коня, мальчуган. Теперь подай половину одеяла полковнику и мне, а третью оставь себе. Прикроем себе голову и грудь.

— Браво, генерал! — в восторге вскричал ковбой. — Я понял.

Полоса огня была всего лишь в ста метрах. А позади, не дальше трехсот метров, надвигались соединившиеся в одну толпу три отряда индейцев.

Белые повернули лошадей лицом к пожару, который те, закутанные в мокрые одеяла, видеть не могли.

— Вперед! — громко скомандовал Андрэ, давая шпоры коню и низко нагибаясь под своей половинкой одеяла.

— Вперед! — крикнули его товарищи, делая то же.

Все трое ринулись в пламя.

Индейцы увидели, что добыча ушла от них, и подняли яростный крик.

Глава III

Через Тихий океан.— Сан-Франциско.— Эффект, произведенный двумя французами, путешествующими для собственного удовольствия.— Блеск американской рекламы.— Индейцы—«каменные сердца».— Первый маршрут.— Большая долина реки Колумбии.— Портланд.— Далеко не все и не всегда благополучно в городах свободной Америки.— Разоблачения по поводу городка Туканнора.— Пульмановские вагоны.— Левый берег Колумбия-Райвера.— В прериях.

После громкого приключения в бирманской столице Мандалае (см. «Приключения в стране тигров») Андрэ и Фрикэ возвратились на «Голубой Антилопе» в Рангун и там составили план новой охотничьей экспедиции. На этот раз они задумали посетить Дальний Запад Северной Америки и поохотиться на бизонов.

Яхте приказано было идти сначала в Сингапур. Оттуда она направилась в Сайгон, чтобы запасти уголь. В Сайгоне постояли недолго, отправили письма в Европу с первым отходящим почтовым пароходом и проследовали прямо в Гонконг. Здесь запаслись углем и провизией еще в большем количестве и пошли в Йокогаму, до которой по прямой линии от Гонконга три тысячи километров. На седьмой день яхта пришвартовалась в этом японском порту, пройдя от Рангуна восемь тысяч километров за двадцать один день.

В Йокогаме Андрэ распорядился основательно обновить все запасы, готовясь к огромному переходу через Тихий океан от Йокогамы до Сан-Франциско, отстоящих друг от друга на десять тысяч семьсот километров.

При средней скорости яхты в десять узлов предстояло за двадцать четыре дня пройти огромное водное пространство, не имея ни малейшей возможности сделать где-нибудь остановку. Этот путь от Дальнего Востока до Америки совершенно пустынен. От берега до берега не встретится ни клочка земли.

Вполне доверяя яхте, матросам и капитану Плогоннеку, Андрэ утром 15 мая 1880 года отдал приказ поднять якорь, взяв курс на Сан-Франциско.

8 июня, после вполне благополучного плавания, «Голубая антилопа», распустив на корме национальный флаг, через Золотые Ворота вошла в гавань Сан-Франциско.

Нанеся визит французскому консулу и посетив несколько клубов, куда его ввел наш дипломатический представитель, Андрэ заявил о своем намерении как можно скорее отправиться в перерю.

Так как он не был ни инженером, ни скотоводом, не торговал ни салом, ни кожами, ни мукой и вообще не занимался никакой коммерцией, то на него скоро стали смотреть как на редкого зверя. Эти нервные, речистые люди, вечно в движении, вечно в поисках нового, понимали, что можно поехать куда угодно, чтобы зашибить или хотя бы даже потерять доллар. Но чтобы человек богатый мог путешествовать по Америке только для удовольствия, только для охоты — этого они понять не могли. Поэтому французам никто не давал никаких советов, где можно настрелять больше дичи.

Тогда Андрэ положился на случай, на свою счастливую звезду.

Когда все приготовления были кончены, он пошел с Фрикэ гулять по Монгомери-Стрит. Тут им вдруг пришла фантазия зайти запросто, как это принято у американцев,

в «голл», или фойе меблированного отеля. Какой-то джентльмен с козлиной бородкой молча подал им плакат с объявлением, весь разрисованный яркими красками, с разноцветными буквами. Объявление гласило: «Исследователю! Пионеру! Рабочему! Горнопромышленнику! Охотнику! Решительно всем!!! Извещаем, что если кто жаждет успеха в скотоводстве, если кто желает получать высокие урожаи, если кто ищет здоровый климат, красивые ландшафты, разнообразных диких зверей, с красивым мехом, медведей и бизонов,— тот должен воспользоваться Северо-Западной железной дорогой. Она — единственная, пролегающая по самым чудным землям штатов, в которых самая низкая смертность: 1 на 88, тогда как в восточных штатах — 1 на 62, а в Европе — 1 на 42!!! Северо-Западная железная дорога!!!»

— Это как раз для нас! — засмеялся Андрэ, показывая объявление своему другу. — Значит, здесь еще есть бизоны, если только реклама не врет. Мистер Джонатан любит увеличивать.

— Что это такое — Северо-Западная железная дорога?

— Вот погляди, здесь есть чертеж. Она проведена от озера Верхнего до Колумбия-Райвера на Тихом океане через самые дикие местности, в которых укрываются последние бизоны, загнанные краснокожими и белокожими охотниками. Здесь, между прочим, находится округ, где живет индейское племя «каменных сердец», с которым нам нужно будет хорошенько сговориться.

— «Каменные сердца»! Какое странное название!

— Это ветвь большого племени «плоскоголовых», или «змей». Они когда-то очень хорошо приняли канадских французов-трапперов и выказали во многих случаях такое презрение к смерти, такую стойкость к самым ужасным мучениям, что наши соотечественники дали им это французское прозвище, которое так за ними и осталось. Они в настоящее время довольно цивилизованны, благодаря католическим миссионерам, сумевшим в 1841 году обратить их в христианство. Они продолжают водить дружбу с белыми. В их язык вошло немало французских слов.

— На их землях много дичи?

— Вероятно, много, потому что они живут исключительно охотой.

— И вы думаете, что они нас хорошо примут?

— Наверное — как французов и как охотников.

— Значит, решено.

— Что решено?

— Если хотите, отправимся к «каменным сердцам».

Они сели в пульмановский вагон

— С удовольствием, дорогой Фрикэ.

Они вышли из «голля» и вернулись к себе в гостиницу.

На другой день они выехали из Сан-Франциско, но не по Тихоокеанской дороге, как первоначально намеревались, а сели в пульмановский вагон приморской ветви, идущей с юга на север параллельно Тихому океану, через города Сакраменто, Ред-Буфер, Южден-Сити, Салем, Портланд и Олимпию.

Яхта осталась в Сан-Франциско, где ей предстоял большой ремонт. Машина ее не могла не разладиться от десятилетнего плавания.

Спустя два часа друзья прибыли в Портланд, где остановились на несколько дней, чтобы сделать нужные приготовления и навести некоторые справки.

Прежде всего Андрэ установил, что сногшибательная реклама Северо-Западной дороги нисколько не преувеличивала насчет бизонов, а это для него было главным. Но все-таки в информации содержалась и большая неточность, ибо дорога еще не была доведена до озера Верхнего, а только до Валлулы, небольшого поселения в трехстах километрах от Портланда. От Валлулы до местности, где жили «каменные сердца», Андрэ и Фрикэ предстояло еще проехать на лошадях двести двадцать километров. Железная дорога туда существовала пока только на бумаге. Но это не смутило друзей. Они не торопились, им было все равно как ехать, лишь бы интересной была охота. К тому же они узнали, что в Валлуле можно нанять и повозки, и упряжных лошадей, и верховых коней.

Чтобы уж потом не путаться и не сбиваться, Андрэ заранее начертил себе маршрут, от которого, впрочем, всегда можно будет отступить, если понадобится. Маршрут от Валлулы шел через форт Веллавеллу, городок Уэтсбург, Туканнор и Пэлуз-Фэрм на правом берегу Снэк-Райвера. Пэлуз-Фэрм на их пути был последним цивилизованным пунктом, после которого охотников ожидала ночевка под открытым небом. Но это их нисколько не смущало.

Известие об их отъезде в опасную экспедицию произвело большое впечатление на служащих в гостинице, где они остановились. В числе этих служащих был конторщик, канадец родом, с самого приезда оказывавший «французам из старой Франции» особенное внимание. Вместе с другим конторщиком, чистокровным янки, он помогал Андрэ составлять маршрут. Когда Андрэ произнес слово «Туканнор», клерк-француз вдруг перебил его.

— Слышите, Дик,— обратился он к товарищу-янки,— джентльмен хочет ехать в Туканнор.

— Слышу,— отвечал Дик, раскачиваясь в кресле-качалке и метко сплевывая на колонну слюну с табаком.

— Разве мародеры-«просверленные носы» не там оскальпировали мужчин и увели в плен детей и женщин?

— Нет,— отвечал Дик,— это было в Эльк-Сити, в Айдаго.

— Ну, так это там река вышла из берегов и смыла весь город?

— И это было не там, а в Льюизтоне, неподалеку оттуда.

— Между тем я точно помню, что в Туканноре что-то подобное случилось.

— Yes. Ковбои захватили город и три четверти домов сожгли за то, что жители не захотели дать им водки.

— Вот видите!

— Это было уже месяц тому назад. С тех пор деревянные дома отстроили заново, а из ковбоев повесили несколько человек. Даже телеграф теперь восстановлен.

— Все-таки, господа, вы примите меры. Ведь тут не Канада, где правительство хорошо обращается с индейцами и они дружны белым. Мне будет жаль, если с вами случится несчастье. Ведь мы одной крови!

— Спасибо, дорогой земляк,— проговорил Андрэ, пожимая руку конторщику,— мы будем осторожны.

Только еще через день друзья могли наконец выехать, доверившись пресквернейшей железной дороге, проведенной по левому берегу Колумбия-Райвера. Полотно было отвратительное, шпалы лежали почти без балласта. Поезд же был, впрочем, недурен. В Европе почти ничего не знают о пульмановских вагонах, называемых по имени их изобретателя и принятых почти на всех американских дорогах. Это настоящие салоны в двадцать пять метров длины, с раздвижными креслами, расставленными одно против другого и на ночь сдвигающимися, так что получается великолепная постель с матрасом, подушками, простыней и одеялом, содержащими в безукоризненной чистоте.

Из вагона можно пройти в курильню, в умывальню со свежей водой, мылом, полотенцем и т. д. и, наконец, в ватерклозет. Все вагоны соединены между собой тамбурами, так что можно свободно и безопасно передвигаться по всему поезду. Наконец, на дальних линиях к поездам прицепляются особые вагоны-рестораны, заменяемые при небольших перегонах вагонами-буфетами.

Впрочем, мы еще будем иметь впоследствии случай поговорить обо всех этих американских новшествах и тогда опишем их подробно, а теперь это было бы еще не к месту и не ко времени.

Поезд с нашими друзьями вышел из Портланда и благополучно прибыл в город Даллас, где кончается речное судоходство по Колумбии.

Все притоки этой большой реки с бассейном в 800 000 квадратных километров, что в полтора раза превосходит площадь Франции, соединяются здесь в одно русло шириной в тысячу двести метров. Но выше города это русло сужается базальтовыми скалами до ста метров, зато глубина достигает местами тысячи метров.

Через этот единственный проток, без которого весь бас-

сейн превратился бы во внутреннее озеро, как раньше это и было, река Колумбия вбрасывает свои воды в Тихий океан.

Таких проломов, пробитых в Каскад-Рэндже водами, текущими в Тихий океан, всего два: этот и еще один — на севере, через который выносит в океан свои воды река Фрозер.

Андрэ едва успел все это объяснить и показать своему другу, как поезд, адски раскачиваясь и прыгая на скверно уложенных рельсах, повернул на восток и покатился по бесконечной прерии вдоль левого берега реки.

Глава IV

Железная дорога будущего. — Валлула. — «Салоны». — Ужасная пища, невероятная смесь. — Обед пастора. — Поиски лошадей. — Маленькие люди любят большие вещи и рослых коней. — Лошадь Фрикэ. — Фрикэ отказывается от услуг незнакомца, предлагающего посадить его на громадную лошадь. — Драматические последствия этого отказа. — Сильная, но короткая борьба. — Полковник-кентукиец шести футов ростом поколочен парижанином, который на целый фут ниже. — Все хорошо, что хорошо кончается.

В описываемое время Северо-Западная железная дорога не была еще достроена, несмотря на самую невероятную рекламу ее. Конечным пунктом от Чикаго был Бигорн-Сити на Йеллоустон-Райвере, а конечным пунктом с запада на восток была Валлула. Между ними еще оставалось более тысячи двухсот километров. Конечно, для американцев, замечательных мастеров железнодорожного дела, ничего бы не стоило проложить линии такой длины, если бы на пути не пришлось Скалистые горы, это обстоятельство затруднило и замедлило постройку, несмотря на обилие долларов дяди Сэма и на его строительные способности.

С неимоверной тряской, кое-как прибыл в Валлулу поезд, в котором ехали Андрэ и Фрикэ.

Служащие на железной дороге рассказали, что в Валлуле сейчас полторы тысячи жителей, но года через три-четыре будет двадцать. Теперь это был еще очень маленький городок, но детство его уже ушло в прошлое. Жители помещались не в палатках и фурах, а в домах; улицы были очень широкие, распланированные в правильном шахматном порядке. Дома по большей части кирпичные, с деревянными тротуарами для защиты от местной липкой грязи, известной под названием «гумбо».

В городе имелись три гостиницы для лиц, не ведущих собственного хозяйства, — а таких было четыре пятых из все-

го числа жителей, — а также значительное количество «салонов», попросту кабаков, с продажей умопомрачительных напитков, представляющих невероятнейшие комбинации из аптекарских и парфюмерных средств, особенно любезных американскому горлу.

Имелись также три церкви различных христианских общин, посещавшиеся, впрочем, очень редко, далее — два банка, тюрьма и суд.

Граждане Валлулы, очень довольные своим городом, пахали, что он — последнее слово цивилизации.

Мнение Фрикэ и Андрэ было, однако, иным, особенно после того, как, с трудом переправив свой багаж в одну из трех гостиниц, они едва смогли найти для себя место в большой общей зале, где ели, пили, жевали табак и бешено ораторствовали, сбившись в тесные группы, граждане нового города.

Хозяйка-немка, матерая бабица, невозмутимая как корова, медленно обходила узкие и длинные столы, покрытые грязными скатертями. Перед двумя приезжими иностранцами она остановилась и монотонно, на манер нюрнбергской куклы, проговорила:

— Солонина. Корнед-биф. Ветчина. Картофель. Десерт. Чай. Кофе.

Слова были произнесены по-английски, но с убийственным немецким акцентом. Друзья все-таки поняли — и, конечно, умилились такому блестящему выбору блюд.

Они даже не успели ничего ответить, потому что матрона сейчас же исчезла. Через пять минут она вернулась с дюжиной блюдец, двумя грошовыми ножами, двумя железными вилками и куском пресного хлеба, похожего на кирпич.

Пожаловаться было не на что: двум друзьям подали не только то, что было перечислено хозяйкой, но и кое-что другое, чего они даже и не просили.

Фрикэ окинул всю обстановку залы инквизиторским взглядом парижанина, умеющего сразу замечать все мельчайшие подробности.

Молодой человек сидел с самым степенным и важным видом, но в душе забавлялся. Очень уж курьезны были эти «выдающиеся» горожане, prominent citizen, тыкавшие железными вилками в блюдецки, накладывавшие себе на тарелки груды кусков, обливавшие их горчицей и соусами, представлявшими нечто невообразимое по своей крепости и остроте, и потом запикивавшие себе все это в рот посредством ножа и вилки.

Фрикэ вступил в битву с поданным ему куском говядины, жесткой, точно мясо акулы, — и вдруг остановился, изумленный неожиданным зрелищем.

Джентльмен весьма почтенного вида, по-видимому пастор, занимался такими кулинарными приготовлениями, которых европейцу не понять ни за что. Прежде всего почтенный пастор нарезал кубическими кусочками жареную ветчину и полил ее консервированным молоком, густым, почти как мед, и накрошил туда грибных консервов. Потом выдавил в эту смесь свежий томат, полил все яйцом, разведенным в виски, круто посолил, насыпал страсть сколько перца и обложил ломтиками ананаса. А затем, после уж всего этого, облил свое кушанье каким-то черным составом.

Фрикэ подумал:

— Наверное, тут пари. Не иначе.

Его всего передернуло, когда пастор принялся с аппетитом поглощать эту смесь.

— Monsieur Андрэ, — шепнул он другу, — даже китайцы не могли бы придумать лучше, а уж они ли не мастера смешивать несмешимое. Сколько я ни ездил по белу свету, ничего подобного не видел. Вот так меню! Ну и американцы.

Андрэ невозмутимо поедая ветчину, хлеб, огурцы и томаты с видом человека, торопящегося окончить неприятную формальность и поскорее расстаться с этой авангардистской цивилизацией, забравшись в настоящую дикую глушь, где воздух чист, где люди гостеприимны, где пища проста и съедобна, где живет вольно и дышится всей грудью.

После еды — кажется, они в жизни не едали хуже — друзья пошли искать себе лошадей.

Лошадей в Валлуле было достаточно. Малорослые, но красивые и крепкие кони. Настоящие ковбойские — неутомимые и выносливые.

Андрэ выбрал себе рыже-бурую лошадку с черным хвостом и черной гривой, с крепкими, тонкими ногами при небольших, но твердых, как мрамор, копытах.

А Фрикэ...

Андрэ даже улыбнулся его выбору.

Люди небольшого роста ужасно любят все большое: носят большие шляпы, курят громадные сигары, путаются в широких пальто, живут в просторных комнатах, держат огромных собак и женятся на рослых женщинах.

Это всем известно.

Хотите знать, какая лошадь приглянулась Фрикэ, который был ростом сам не больше пяти футов?

Приглянулся ему долговязый конь необыкновенной вели-

чины, рядом с приземистыми лошадьми местной породы казавшийся страусом среди журавлей. То был, по всей вероятности, какой-нибудь неудачливый скакун, застрявший на последней станции Северо-Западной железной дороги.

Фрикэ подошел к коню, взял его за повод, потрепал по груди, осмотрел со всех сторон с видом знатока и сказал Андрэ:

— Этот конь как раз по мне. Я его беру.

«Выдающиеся граждане» высыпали из гостиниц и «салонов», чтобы посмотреть, как будут выбирать себе лошадей приезжие французы. Выбор, сделанный Фрикэ, всех удивил. Уж очень была велика разница в росте между конем и всадником. В рядах публики раздавался хохот, впрочем, отнюдь не враждебный. Фрикэ выпрямился, как задиристый петух, но, подумав немного, пожал плечами и приготовился вскочить на лошадь.

— Смейтесь, дураки! — пропустил он сквозь зубы.

Вдруг на его плечо опустилась чья-то тяжелая рука и кто-то проговорил осипшим басом:

— Если у вас нет лестницы, то полковник Джим может вас посадить.

Фрикэ быстро повернулся и увидел перед собой ковбоя богатырского роста; с первого взгляда было ясно, что это абсолютно неотесанный мужлан — как внешне, так и внутренне. Такие люди сами про себя говорят, что они полукрокодилы, полулошади.

— Что за чудище! — вскричал француз. — И потом, что это за фамильярность? Прочь лапы, не то я так вас тресну...

Публика окончательно развеселилась и залилась бурным хохотом.

Ковбой руки не снял, поэтому Фрикэ оттолкнул его, и так сильно, что тот — правда, он был пьян — отлетел на три шага и едва не упал.

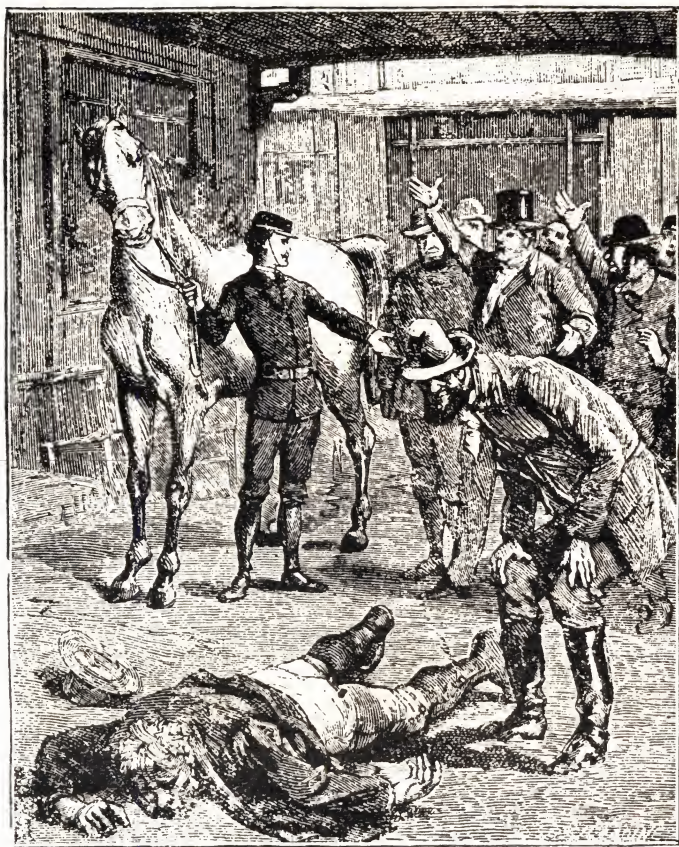
Богатырь оправился, поднял кулак и закричал хриплым голосом:

— Я тебе башку размозжу!

— А я тебя сломаю как спичку! — пронзительно крикнул Фрикэ, делая прыжок и становясь в безукоризненную позицию боксера.

Американцы вообще очень плохо воспитаны или даже, можно сказать, не воспитаны вовсе, но они не задиристы и в глубине души скорее добродушны и благожелательны. Многие из зрителей пожелали прекратить сцену, и один из них обратился к Андрэ:

Фрикэ брыкнул ногами так, что ковбой упал

— Джентльмен, увели бы вы вашего друга. Полковник Джим пьян, может выйти несчастье.

— Спасибо, джентльмен,— холодно отвечал Андрэ,— но ваш полковник поступил с моим другом чересчур грубо и дерзко и заслуживает хорошего урока.

Он обратился к парижанину:

— Не робей, Фрикэ!

Массивный кулак ковбоя опустил, но встретил пустоту: Фрикэ ловко увернулся.

—А еще полковник! Вы боксируете словно стопанный башмак. Вот вам за это!

Раздался глухой удар. Кентукиец завыл от боли. Глаз его моментально вздулся, закрылся и посинел.

Растерявшийся гигант, видимо не привычный к настоящему, правильному боксу, вообразил, что, схватившись с противником грудь о грудь, он легче одолеет его.

Фрикэ отпрыгнул на три шага назад и крикнул в публику, что, так как противник не соблюдает правил бокса, то и он, Фрикэ, не будет их соблюдать.

— Правильно!.. Прав француз!.. Пусть он действует как хочет!.. — послышались голоса.

— Ну-с, так вот вам! — сказал Фрикэ и брыкнул обеими ногами так, что ковбой упал как подкошенный.

В бешенстве вскочил он и кинулся на Фрикэ, как ошалелый бык, уже окончательно ничего не видя и не соображая.

Парижанин опять ускользнул от удара и снова ударил ковбоя ногой, а вслед за тем и кулаком в грудь. Удар за ударом посыпались на несчастного верзилу. Трещали кости, текла кровь, вскакивали шишки и синяки. Избитый богатырь упал на землю, почти без чувств. Фрикэ, даже не запыхавшись, взял за повод свою громадную лошадь и подвел ее к лежащему полковнику.

Публика смотрела с удивлением.

— Полковник, — сказал он своим пронзительным голосом, — хотел посадить меня на лошадь, но сделал это грубо, недостойно джентльмена. Я проучил его за это. Больше я ничего против него не имею. Так как он вернуться сам в гостиницу не может, то я должен ему помочь.

С этими словами он схватил полковника одной рукой за ворот, а другой за пояс штанов, легко приподнял и посадил на лошадь. Полковник бессознательно ухватился за гриву.

— Я думал, он тяжелее, а в нем не больше сотни килограммов. Верзилы всегда легковесны. Ну-с, я поведу лошадь за повод.

Но тут к нему потянулись десятки рук, вырвали у него повод, а самого подхватили и высоко подняли над землей.

— Гип!.. Гип!.. Ура!..

Вверх летели шляпы. Фрикэ понесли в ближайший «салон», куда направился и Андрэ. Его тоже хотели нести на руках, но он отвертелся.

Полковник верхом на лошади парижанина тоже подъехал к кабаку. У таких людей обморок длится недолго. К тому же хозяин кабака, человек бывалый, сейчас же выбежал из-за стойки и вылил в рот раненому хорошую дозу лекар-

ства, называемого американцами корпус-ривайер, то есть ожи-
витель трупов.

Едва отведав его, полковник восторгнулся и оконча-
тельно пришел в себя.

Увидев Фрикэ, он протянул руку и сказал:

— Помиримтесь, джентльмен! Вы не велики ростом, но
молодчина. А я теперь ваш друг.

Фрикэ сердечно пожал протянутую ему руку под гром-
кие аплодисменты толпы.

Толпа шумела все громче и громче, пьянство усили-
валось, оргия разгоралась. Но Фрикэ и Андрэ прибыли в Вал-
лулу вовсе не затем, чтобы любоваться оргиями американ-
ских авантюристов. Трезвые и уверенные в себе, они нена-
видели обжорство, пьянство и всякие излишества и потому
решили при первом удобном случае улизнуть из пьяного
«салона».

Их новый друг, побитый полковник, угадал их наме-
рение.

— Не беспокойтесь, джентльмены,— сказал он, наскоро
ознакомившись с их проектом экспедиции в страну бизо-
нов.— Доверьтесь мне, я вам помогу достать все необходимое.
Сейчас вы увидите.

И он крикнул своим сильным голосом на всю залу.

— Эй, Билль!.. Куманек любезный! Эй! Полковник Билль!

— Как! Опять полковник! — не удержался Фрикэ.

— О, джентльмен, это у нас ничего не значит,— отве-
чал со своим грубым смехом ковбой,— мы очень падки
на всякие титулы. Каждый непременно хочет быть кем-ни-
будь: генералом, полковником, инженером, судьей, профес-
сором, доктором и т. д. Более скромные довольствуются
чином капитана.

— А, вот оно что. Ну, а вы, полковник, вероятно,
недавно вышли в отставку?

— Кто? Я? Да я на военной службе никогда и не был.
У меня был брат полковник в армии Шермана, его убили
при Кингстоне. Я, выходит, получил его чин в наследство...
А вот и Билль.

— Я вам нужен, Джим?

— Этим джентльменам требуются две лошади получше
и за разумную цену. Не добудете ли вы?

— Для вас, Джим, с большим удовольствием.

— Кроме того, им нужен проводник, знакомый с местными
индейскими наречиями. Не хотите ли вы наняться?

— Очего же нет, если дадут приличную плату.

— Вот именно: приличную. Кроме того, вы должны будете

добыть для них фуру, пару упряжных лошадей, четырех верховых, наконец, еще лошадей для охраны, если они пожелают ее взять.

— Ну, ладно. Все это я обдумаю и устрою завтра, а сегодня не мешай мне пить. Не так ли, джентльмены? — сказал Билль, протягивая руку Андрэ и Фрикэ, которые за все время не вымолвили ни слова.

— Так, так, — отвечал Андрэ, которого забавлял этот способ вести переговоры и устраивать дела.

Однако он оставил за собой право проконтролировать на другой день все действия будущего проводника.

Тем временем молодой человек случайно познакомился и разговорился с одним из инженеров-путейцев, который, оказалось, учился во Франции в Центральном училище искусств и ремесел и там получил диплом гражданского инженера. Значит, был почти соотечественником.

Инженер знал лично обоих «полковников», поскольку ему приходилось пользоваться их услугами. Оба были в полном смысле слова авантюристы, пьяницы, драчуны, задиры, всегда готовые схватиться за нож или за револьвер, но добросовестно исполняли принятые на себя обязательства, твердо держали данное слово и вообще годились для самой разнообразной службы. С местностью были знакомы отлично, знали все туземные наречия и умели с выгодой выпутаться из самых трудных обязательств.

Для наших путешественников такие люди были просто клад.

После такой характеристики Андрэ немедленно нанял обоих полковников к себе на службу и, в виде магарыча, угостил их таким фантастическим пуншем, какого еще ни разу не бывало в заведениях американского Северо-Запада.

Глава V

Мистер Билль немножко больше полковник, чем его кум. — Эпизод из междоусобной войны. — Величие и упадок двух командиров отдельных частей. — В страну бизоньих. — Первый переход. — Встреча с индейцами. — Разочарование парижанина, думавшего встретить таких краснокожих, какие описаны в книгах. — Скальпы они, однако, продолжают снимать. — Опасения полковника Билля. — Излишняя предосторожность. — Третий и четвертый переход. — След бизоньих. — Фрикэ засыпает на часах. — Вторая встреча с индейцами. — Предательство.

— А полковник Билль? — спросил Фрикэ у инженера, собираясь уходить домой из-за невыносимого шума в заведении. — Он такой же полковник, как и Джим?

— Не совсем такой. Он действительно командовал на войне отдельным отрядом волонтеров... и еще каких!

— Стало быть, он настоящий?

— А вот вы сами увидите. Во время междоусобной войны президент южных штатов Джефферсон Дэвис решил вовлечь в конфедерацию индейцев криксов и ирокезов. С этой целью он послал к ним агента, некоего Альберта Пайка, типичнейшего авантюриста. Этот Пайк кем только не работал: прокурором, пионером, народным учителем, кавалерийским офицером, приказчиком, газетным сотрудником и, наконец, траппером. За время своего трапперства он коротко узнал индейцев и близко сошелся с одним молодым техасцем, человеком без предрассудков. Звали его Биллем.

Пайк приблизил Билля к себе, сам назвался генералом, а из него сделал полковника. Вместе принялись они проповедовать рабство среди индейцев, торговавших неграми. Упоив их водкой и посулив им полную свободу торговать рабами, они завербовали на службу около пяти тысяч краснокожих.

Полковник и генерал напялили на себя шитые золотом мундиры, нацепили огромные сабли, надели шляпы с перьями и привели свой отдельный корпус в одну из конфедератских армий, а именно к Ван-Дорну. Индейцев приняли, обхаживали их, стараясь всячески привязать к себе и к делу. Но вот генерал Куртис, командовавший одной из армий Севера, начал наступление и открыл сильный артиллерийский огонь по армии Ван-Дорна. Индейцы, никогда не видевшие артиллерии, думали, что ядра сыплются на них с неба, и разбежались по лесам. Когда же с наступлением ночи бой прекратился, они вышли на поле битвы и оскальпировали всех убитых и раненых, не отличая своих от неприятеля.

Взрыв негодования в обоих лагерях был ответом на этот вандализм. Генерал Куртис написал Ван-Дорну протестующее письмо. Опасаясь репрессий и уступая общему протесту против таких союзников, конфедератский генералпустил краснокожий контингент.

Пайк и Билль оба разом лишились золотых мундиров, шляп с плюмажем и огромных сабель. Пайк поступил в чиновники по земельному резерву, а мистер Билль сохранил звание полковника и взялся за ремесло ковбоя, которое вполне подходило к его независимому характеру и его любви к приключениям.

...На другой день ровно в двенадцать полковник Билль был готов и явился к Андре. Тот с удовольствием убедился,

что авантюристу пошла впрок его недолгая служба в армии Юга: он сохранил военную пунктуальность.

Всю ночь он пропьянствовал, а утром успел подыскать и приторговать лошадей, фуру и даже все опробовать.

Андрэ убедился, что все покупки очень хороши и приобретены по дешевке.

Не считаясь со вкусами Фрикэ, Билль вместо громадного скакуна купил для него обыкновенную, местную, небольшую лошадку.

Тем временем Джим излечился от своего поражения тем, что пил за четверых ковбоев, то есть за десятерых обыкновенных мужчин, а потом подыскал несколько крутых ребят из безработных джентльменов и привел их к Андрэ. Шестерых из них Андрэ нанял на три месяца с условием полного повиновения его приказаниям и уважительного отношения к индейцам.

Вслед за тем принялись снаряжать фуру всем необходимым для экспедиции: мясом в ящиках, чаем, сахаром, кофе, виски, мукой, сухарями, окороками и прочей провизией, наконец, лагерным материалом, всякими запасными вещами.

Все это было окончено к вечеру. Нанятые люди старались усердно. За это Андрэ, так как они работали весь день, разрешил им пропьянствовать всю следующую ночь, но с условием, чтобы на следующий день, через час после восхода солнца, они были на месте, готовые двинуться в путь.

Условие это они свято соблюли, и в назначенный час экспедиция выступила из Валлулы, приветствуемая попадавшими навстречу жителями.

Первый переход был в сорок километров, что составляет как раз половину расстояния до городка Уэтсбурга. Ночевали на холме, а не в низине, что было удобно для путешественников, потому что низины здесь болотистые.

Дальше начался заметный подъем, но кругом по-прежнему расстилалась необозримая, бесконечная, однообразно-монотонная прерия. Путники продвигались вперед и в первый раз повстречали индейцев. Выглядели те весьма неважно; Фрикэ, представлявший себе индейцев по прочитанным книгам, был ужасно разочарован.

Неужели эти самые обычные, некрасивые люди, лишённые оригинальности, с печатью вырождения на лицах, — неужели это и есть потомки героев Купера, Майн Рида, Густава Эмара и Габриэля Ферри?

Эти противные оборванцы, в грязных лохмотьях, в таких

шляпах, что даже самые небрезгливые старьевщики не решились бы взять их в руки,— неужели это бывшие хозяева прерии?

Чистое Сердце, Онкас, Косталь, Большая Змея, где вы? Куда вы девались?

Нет больше изящно вышитых мокасинов, отделанных разноцветной бахромой и иглами дикобраза. Вместо них — какие-то хамские «щиблеты», починенные бечевками. Нет раскрашенных ярко краской лиц, что было если и не красиво, то хотя бы оригинально. Вместо краски — слой грязи, что совсем противно. Нет пряди волос для скальпирования, — пряди, украшенной перьями, которую краснокожие воины носили нарочно, как вызов врагу. Вместо нее длинные, прямые, жесткие волосы, выбивающиеся из-под трепанной войлочной шляпы и беспорядочно падающие на шею, лицо, плечи.

Фрикэ был очень разочарован.

Относительно скальпов он, однако, узнал от полковника Билля: обычай скальпирования еще существует, хотя тоже выродился. Теперь это не обязательный финал в героической борьбе индейцев с пионерами. Гораздо проще: молодой абориген встречается в глухом месте мирного ирландца-эмигранта или спящего мертвеца пьяного ковбоя и снимает с него скальп. Этот подло добытый трофей приносится с торжеством домой и приводит в восторг женщин, хотя потом, если белые об этом узнают, воришку-бандита преспокойно вешают.

Встреченных нашими путешественниками индейцев было человек двадцать. У некоторых из них были скорострельные винчестеры, у других хорошие пистонные ружья. Лошади под ними из породы, возвращенной прериями, были неказисты с виду, но очень быстры и выносливы.

Андрэ угостил индейцев разными яствами и виски, несмотря на предупреждение обоих полковников, что этот великодушный жест может иметь дурные последствия.

— Вот что я вам скажу, джентльмен, — говорил Билль, — в этих негодях нет ни малейшего чувства благодарности. Большая ошибка — показать им, что имеешь с собой запас крепких напитков. Этим только раздразнишь их жадность.

— Вы смотрите на вещи только с дурной стороны.

— Я забочусь о том, чтобы сохранить свой скальп, а также и ваши скальпы, господа. Не так ли, Джим?

— Совершенно верно, Билль.

Андрэ заговорил с индейцами по-английски. Их вождь

очень вразумительно ответил, что его зовут Красный Пес и что он принадлежит к племени «просверленных носов».

— Скажите лучше: отъявленных плутов,— перебил полковник, делаясь все мрачнее и недоверчивее.

На вопрос о бизонах, вождь объяснил, что по ту сторону Снэк-Райвера их еще очень много, несмотря на то, что сезон прошел.

— Вот это именно то, что нам нужно. Не правда ли, полковник? — вскричал обрадованный Андрэ.

— Не верю я ничему,— возразил ковбой.— Эти собаки все врут. Они нарочно выдумали. Вот увидите.

Обе группы дружески простились и разъехались в разные стороны. Путешественники благополучно прибыли в Уэтсбург.

На следующий вечер они были в Туканноре, сожженном, как рассказывал портландский конторщик, недавно ковбоями. Дощатые бараки и палатки были в плачевном состоянии. Вся обстановка в городе свидетельствовала о недавнем бедствии.

После встречи с индейцами подозрительность полковника Билля возросла до ничем не оправданных размеров. Он ежеминутно выражал опасения, что казалось особенно странным со стороны закаленного авантюриста.

На разведку вперед он не посылал никого, кроме своего кума Джима, доверяя только ему. Сам с утра до вечера рыскал позади экспедиции и возвращался всякий раз на взмыленном и усталом коне, отчаянно жуя табак и не переставая ворчать себе под нос.

Андрэ удивлялся и спрашивал его, что все это значит.

— Как хотите, джентльмен, но я побаиваюсь.

— Чего же именно?

— Всего.

— Однако же?

— Чутьем чую опасность, настигающую нас. Черт бы подрал этих проклятых индейцев!

— Так это они вас так напугали? Мне кажется, в этой встрече нет ничего удивительного.

— Решительно ничего, потому что они тут живут. И все-таки я тревожусь.

Охотники благополучно доехали до Снэк-Райвера и переправились через него, как раз напротив Пэлузской фермы, на совершенно первобытном плоту.

На ферме их приняли очень радушно. Она стоит на плоскогорье, изобилующем бизоньей травой, и ее хозяин, владея многочисленными стадами рогатого скота, очень богател.

Пэлуз-Ферм — последний принадлежащий белым пункт в этой части прерии.

Владелец фермы, к удивлению Билля, подтвердил, что на северо-западе действительно есть бизоны, вследствие чего Андрэ назначил выезд на следующее же утро. Ковбои были очень огорчены: им хотелось еще денек погостить у своих товарищей, служащих на ферме.

Со дня отъезда из Валлулы прошло пять дней. Через два дня путешественники должны были прибыть в резервацию «каменных сердец».

Проехав цепь холмистых возвышенностей, покрытых бизоньей травой, путешественники вступили в Камас-прерию, раскинувшуюся перед ними на необозримом плоскогорье.

Полковник Джим, скакавший по обыкновению впереди, возвратился галопом и радостно объявил:

— Бизоны!.. Джентльмены!.. Бизоны!..

Известие было принято с восторгом. Сейчас же набросали план охоты.

Джим не видел самих бизонов, но заметил в шестидесяти милях к северу их следы.

Французы настаивали, чтобы немедленно скакать вперед.

— Фуре за нами не поспеть,— справедливо заметил полковник Билль.

— Что ж такого? Она может остаться здесь с мистером Джимом и шестерыми нашими людьми, а мы поедем втроем,— сказал Андрэ.— Если мы заберемся чересчур далеко, можно будет заночевать в прерии. У вас есть возражения?

— Абсолютно никаких,— холодным тоном ответил мистер Билль и занялся приготовлениями в дорогу. Фрикэ и Андрэ стали готовиться тоже. Через несколько минут все трое выехали.

Несколько часов скакали они по пробитой бизонами колее — точно по дороге, но все не могли догнать стада. Нужно было, наконец, дать отдых лошадям. Фрикэ хотя и возражал, а все же пришлось сделать остановку.

День клонился к вечеру. Наскоро устроили обед — настоящий охотничий, состоявший из сухарей, сушеного мяса и чая с виски. Ночлег был тоже вполне походный: бизонья трава вместо перины, седло вместо подушки и шерстяное дорожное одеяло вместо простыни.

Лошадей стреножили и пустили в высокую траву, которую они с наслаждением принялись щипать, а потом, насытившись, устроились в ней спать.

Фрикэ спал с винчестером

Фрикэ, лежа на душистой траве под открытым небом, заснул рядом со своей верной винтовкой, чувствуя себя счастливее всех президентов и монархов обоих полушарий.

Возможно, что он был и прав.

Полковник не спал. Он в карауле.

Такая предосторожность никогда не бывает излишней в прерии, как бы ни казалось все кругом тихо и безопасно.

Пробыв в карауле два часа, полковник разбудил Андрэ. Тот тихонько встал, вооружился винтовкой и стал расхаживать вокруг лагеря. Все было тихо, только лошади звучно жевали траву.

Прошло еще два часа. Настала очередь Фрикэ. Походив четверть часа вокруг, полюбовавшись небом и звездами, он... преспокойно заснул сном праведника.

Горизонт уже побелел. Полковник прекратил свой звучный храп. Андрэ открыл глаза. Фрикэ спал как сурок, обнявшись с винчестером.

— By God! — вскричал хриплым голосом ковбой. — Нас хорошо охраняли, нечего сказать. Капитан, вы заснули на часах, точно рекрут.

— Черт возьми! — вскричал, вскакивая, парижанин. — Меня стоит за это в кандалы заковать. Это ни на что не похоже.

— В следующий раз, капитан, я буду стоять на часах не два часа, а четыре.

— Не называйте меня капитаном, называйте капралом и поставьте под ранец. Но все же я думаю, что заснуть здесь было не опаснее, чем на батарее броненосца.

— Ну-с, а я другого мнения. И меня, по правде сказать, удивляет, что вы, бывалый путешественник, так легко к этому относитесь.

— Вы по-прежнему полагаете, что здесь не надежно?

— Больше, чем когда-либо, мистер Фрикэ. А желал бы ошибиться.

— Ну, не сердитесь, полковник. Больше этого не будет, вот вы увидите.

— Надеюсь, что не будет, иначе я бы сию же минуту вас бросил.

Лошадей оседлали, взнуздали, напоили водой из кожаных мешков. Наскоро закусив, три всадника снова поскакали по следам бизонов. Опять прошло несколько часов, а бизоны не показывались. Охотники уже решили возвращаться в лагерь, как вдруг увидели новый отряд индейцев, остановившийся в рощице невысоких деревьев.

— Они тоже гонятся за бизонами, оттого у нас и неудача, — тихо сказал полковник. — Бизоны бегают от краснокожих как от чумы.

Вождь отряда на сквернейшем английском языке пригласил охотников подсесть к костру и выкурить трубку мира. Охотники согласились, привязали лошадей ремнями и подошли. Андрэ прихватил с собой козий мешок с виски, зная, что алкоголь хорошо развязывает дикарям языки.

Индейцы были такие же грязные и оборванные, как и встреченные раньше, но по-английски говорили совсем скверно. Их с трудом можно было понять. Это заметил вождь и заговорил на своем языке, который знаком большинству ковбоев.

— Черт вас подери вовсе! — вскричал с напускной грубостью полковник. — Белые охотники приехали из-за моря. С чего вы взяли, что они знают ваш язык?

— Мой брат не знает языка «просверленных носов»?

— Это я-то ваш брат? Гм! Пасторы говорят, что все люди братья, но я давно не слышал проповедей. Ваш брат, господин индеец, ничего по-вашему не понимает. Это верно.

— Но мне казалось, полковник... — заговорил было Андрэ.

— Молчите. Я весь обратился в слух. Держитесь поближе к лошадям. Тут затевается пакость.

— Разве мои братья не присядут к очагу волков прерии? — спросил опять на дурном английском языке вождь, скрывая волнение при известии о том, что белые не знают его языка.

— Нет, не присядут. Ваши братья охотятся за бизонами и очень торопятся догнать стадо. Если волки прерии дадут им какие-нибудь советы, они получают за это огненной воды.

— Го! — ответил индеец самым простым тоном.

Этот горловой звук можно было принять за согласие. Потом он стал неторопливо отдавать своим людям — их было человек пятнадцать — какие-то приказания на индейском языке.

Полковник весьма удачно притворился не знающим языка индейцев. Он понял все от слова до слова. Индейцы слушали не моргая.

Затевалось гнусное предательство.

Негодяй приказывал своим людям броситься на охотников и захватить их живыми.

Полковник, не выражая ни малейшего волнения, спокойно достал из-за пояса револьвер и выстрелил предателю в лицо.

Глава VI

Страшный выбор. — Через огонь. — Спасены! — Резервация «каменных сердец». — Контраст. — Индейцы-хлебоборобы. — Вооруженный мир. — «Здравствуйте, здравствуйте!» — Внушата дедушки Батиста. — Франко-канадский жаргон. — Селение. — Школа. — Кюрэ, он же учитель. — Обязательное бесплатное обучение. — Дома. — Импровизированный обед. — Будет охота на бизонов. — Накануне открытия охоты.

Далее произошли события, описанные в первой главе: убийство американцем вождя индейцев, бегство охотников через прерию, погоня за ними, наконец прибытие в лагерь,

где их товарищи оказались перебитыми и обезображенными.

Положение охотников было отчаянное. Им оставалось выбирать между огнем и индейцами.

Уж лучше огонь. Он не всегда безжалостен. От него можно и спастись. И, во всяком случае, смерть от огня наступает быстро, тогда как индейцы подвергают своих пленников таким пыткам, что у самых храбрых волосы на голове становятся дыбом.

И вот тогда-то, накрыв себя и лошадей мокрыми одеялами, три всадника понеслись прямо в пламя.

То, что они пережили, было ужасно. Дышать было нечем. Волосы подпаливало. Пламя облизывало их со всех сторон, бужуя с треском и свистом.

Лошади тоже страдали. Ноги им обжигали горячие угли, а бока ошпаривало огнем. Они жалобно ржали, задыхаясь в дыму.

Ощущение было кошмарное. Наверное, подобное испытывает человек, посаженный в горящую печь.

Это продолжалось тридцать секунд.

Но эти секунды стоили часов.

Люди и лошади были близки к обмороку. Еще немного, и они бы погибли. Но вдруг они почувствовали, что уже не так жарко. Сквозь гул пожара раздался звонкий голос Фрикэ:

— Смелей, друзья! Мы не погибли! Мы спасены, а дикари оставлены в дураках!

Парижанин сдернул с себя обгоревшее одеяло и сквозь поредевший дым увидел перед собой волнующуюся траву прерии.

Справа кто-то громко чихнул.

— Исполнения желаний, полковник! — сказал Фрикэ.

У полковника глаза были красны, ресницы опалены. Он едва мог глядеть.

— Monsieur Андрэ, снимайте ваш капюшон, — продолжал звенеть юноша. — Все кончено.

— Ах, мальчуган, я уж и не надеялся увидеться с тобой, — нервно ответил Андрэ.

— Спасибо, вы очень добры, но оставим это до другого раза.

Лошади остановились сами, усиленно вдыхая свежий воздух, веявший от реки, вода которой сверкала метрах в пятистах впереди.

— Господа! — сказал американец, разволнованный едва ли не впервые в жизни. — Настоящую цену человеку узнаешь только в подобных обстоятельствах. Вы оба храбрецы.

Всадники с наслаждением купались в реке

Позвольте пожать вам руку и сказать: я ваш по гроб жизни.

— С удовольствием, — отвечал проказливо парижанин. — Как это просто: пожали друг другу руку — и друзья, да еще на всю жизнь. Ай! Не так крепко. У меня пальцы болят. Monsieur Андрэ, когда мы в Париже расскажем обо всем этом героям охоты в Босе, они нам не позавидуют. Не особенно приятно играть роль каштана в огне.

Лошади вздрогнули, опять жалобно заржали и поскакали к реке. Они тоже пострадали от огня, но могли продолжать путь.

Несколько минут спустя кони и всадники с наслаждением переплывали через спокойную и тихую реку Пэлуз-Райвер.

Небольшая территория, на которую мудрые североамериканские правители выселили племя индейцев, известных под именем «каменные сердца», имеет площадь всего в тысячу шестьсот километров. Впрочем, и племя не многочисленно: только полторы тысячи душ обоего пола.

«Каменные сердца» уже давно, лет сорок, превратились в оседлых землепашцев.

Переправившись через Пэлуз-Райвер и оставив за собой горящую прерию, три беглеца через три четверти часа прибыли на территорию «каменных сердец» и сразу же встретили двух индейцев, одетых по-европейски и работающих в поле: один пахал на паре волов, а другой шел сзади с корзиной и сеял кукурузу.

Оба хлебороба были вооружены винчестерами. Заметив незнакомых всадников, пахавший остановил волов горловым криком, потом пронзительно свистнул и приготовил винтовку. Его товарищ поставил корзину на землю, распряг волов, ткнул их рожном и тоже приготовил винтовку. Волы умчались крупной рысью, громко замычав, а к хлеборобам подскочили два великолепных луговых копы, без узд и без седел, и весело, резво остановились перед хозяевами.

Оба труженика лихо вскочили на коней, чтобы скакать прочь, но Андрэ вдруг догадался вынуть из кармана белый платок и замахать им.

— Друзья! — крикнул он. — Не бойтесь!.. Мы французы!

Эти слова произвели магическое действие. Землепашцы передумали и подъехали к охотникам, оставаясь, однако, в оборонительном положении.

— Да это индейцы! — с удивлением вскричал по-французски Фрикэ.

Бесстрастные лица пахарей осветились доброй улыбкой. Они закинули винтовки за плечи и протянули руки, крича как дети:

— Здравствуйте! Здравствуйте!

Говорили они это по-французски, но очень плохо выговаривали слова.

Один из них прибавил:

— Так вы французы! Французы!

— Из Франции? — спросил другой.

— Да, друзья мои, — отвечал растроганный Андрэ, — мы французы из Франции. А вы кто же сами такие и почему говорите на нашем языке?

— Я Блэз, а это мой брат Жильберт.

— Значит, вы не индейцы?

Чистокровные «каменные сердца», из резервации. Мы здесь живем. А по-французски знаем потому, что мы внучата дедушки Батиста.

— Да, старого Батиста, нашего деда, который был в Канаде траппером. Милости просим в наш дом.

— Наши лошади выбились из сил, и мы сами тоже.

— Это видно, но две-то мили проедете, тут близко.

Охотники и пахари немедленно двинулись в путь. Плуг остался на недопаханной борозде, а волы чрезвычайно обрадовались неожиданным каникулам и отпирывались щипать траву.

Полковник Билль, не понимавший ни слова из разговора, молча ехал сзади. Фрикэ тоже понимал с трудом. Индейцы говорили на французском простонародном языке, да и тот коверкали безбожно. Зато Андрэ, превосходно умевший говорить по-простонародному, — он научился от своих фермеров и работников в Босе, — общался с индейцами свободно, и они тоже его легко понимали.

Андрэ рассказал своим новым друзьям все: зачем он и его друзья приехали в Америку и как на них предательски напали индейцы. Блэз и Жильберт слушали, прерывая рассказ гневными возгласами. Они объяснили, что встреченные ими индейцы были обычным сбродом, и вовсе не из племени «просверленных носов». «Просверленные носы» — хорошие люди, живут в резервации, занимаются земледелием и охотой и путешественников не трогают.

Мошенники и негодяи есть везде. В прерии много шатается разного люда — убийц, воров. Но на индейскую оседлую территорию они не смеют показываться. Тут пятьсот человек взрослых мужчин, воинов-пахарей, отлично вооруженных. Явись только сюда эти негодяи — они получают такой отпор!

Путь до поселка индейцев показался нашим охотникам очень трудным и долгим, ввиду болезненного состояния, в котором находились они сами и их лошади. Но вот показалось красивое селенье, выстроенное довольно правильно и защищенное от ветров пологими возвышенностями.

Домики из соснового леса красиво группировались вокруг небольшой церкви, окруженной деревьями. Женщины в опрятных ситцевых платьях хозяйничали возле хижин; около просторного деревянного дома рядом с церковью бегали и играли ребятишки в рубашонках и штанишках, но босиком. У окна стоял и наблюдал за ним старик, важно куривший длинную трубку.

— Наша школа, — пояснил Жильберт.

— А это наш священник, он же и учитель, — добавил Блюз, видимо гордившийся благоустройством своей деревни.

— Как! У вас даже школа! — перебил изумленный Фрикэ.

— Школа. У нас все грамотные, все читают и пишут. Родители обязаны посылать детей в школу.

— Даже обязаны! Кто же может их заставить?

— Сельский совет. У нас всеми делами управляют выборные старики из нас же.

Француз и даже американец были изумлены: они попали в оазис среди пустыни.

Старик вынул изо рта трубку, поздоровался с путешественниками и пригласил их к себе в дом, но Блюз и Жильберт запротестовали на индейском языке, непременно желая сами оказать им гостеприимство.

— Ну, хорошо, детки, хорошо, — отвечал старик на превосходном французском языке. — А все-таки, господа, я надеюсь с вами увидеться. Если вы не боитесь соскучиться со стариком, то, пожалуйста, приходите ко мне обедать. Обед будет неплохой, и от чистого сердца.

— Да вы француз! — вскричал Андрэ, пожимая ему руку.

— Я канадец, а это почти одно и то же... Однако вы просто измучены, ваши лошади тоже. Блэз и Жильберт тащат вас к себе, а мои ученики еще не дорешали задачи. До свиданья, господа!

Кюре-учитель зазвенел колокольчиком — дети бросили игру, выстроились в два ряда и молча вошли в школу.

Спустя пять минут путешественники остановились у соснового дома, похожего на все другие. Лошадей расседлали, разнуздали, поставили к кормушке. Приезд гостей взбудоражил весь дом. Женщины приготовили скромный, но сытный обед. В печке горел огонь, готовилась на настоящем коровьем масле румяная яичница. На простом, некрашеном столе появились железные блюда и тарелки, положен был хлеб, правда, черповатый и слишком плотный, но такой, какого в прериях почти и не видят американцы. Стояло также блюдо жареной свинины. Изголодавшиеся путешественники набросились как волки на эту незатейливую деревенскую трапезу.

Индейцы мужчины и женщины молча смотрели на гостей.

Когда гости насытились, братья провели их в соседнюю комнату, где стояли три хорошие постели из маисовой соломы с мягкими бизоньими шкурами.

— Вот, господа, отдохните. Доброго вечера!

— А скажите,— спросил, зевая, Фрикэ,— у вас здесь водятся бизоны?

— Конечно, и я думаю, что вам удастся убить нескольких.

— Значит, можно будет устроить охоту?

— Сколько угодно.

— Покойной ночи, друг Жильбер! Спасибо вам за все.

Фрикэ с наслаждением растянулся на бизоньей шкуре и еще слаще зевнул.

— Знаете, monsieur Андрэ, о чем я сейчас думаю?

— Я думаю, что мы не в Америке, а в Босе, и что мы не у индейцев, а у наших крестьян-земледельцев. И вот в этой мирной обстановке мне предстоит охота на бизонов, как настоящему герою Майн Рида или Эмара. Не правда ли, какой контраст? Что вы на это скажете?

Андрэ ничего не ответил. Он крепко спал.

Глава VII

Пробуждение.— Ранний завтрак.— Отец Батист.— Разлив озера Виннипег и его последствия.— Прошлые «каменных сердец».— Варварство.— Усилия.— Загадка цивилизации.— Происхождение всех войн между белыми и краснокожими.— Бедность.— Нечестность «агентов по индейским делам».— Бунтовщик.— Ситтинг-Буль, великий вождь сиуксов.— Эпилог битвы при Уайт-Маунтэне.— Канадские индейцы.— Потомок куперовского героя-нота-риуса в Квебеке.

Путешественники проспали долго и были разбужены ворвавшимся к ним в комнату и проникшим в постели веселым солнечным лучом. В одну минуту и совершенно отчетливо они припомнили все, что с ними было накануне. Такова привычка всех солдат, моряков, охотников и вообще авантюристов.

Как только они встали, послышался голос старого кюрэ, и он появился сам, улыбающийся в бороду и попыхи-вающий в трубку. Рядом с ним стоял громадного роста старик, прямой как дуб, загорелый, лицом более светлым, чем у других индейцев,— очевидно, метис.

Черты его умного, энергичного лица были очень похожи на лица молодых пахарей-индейцев, Блэза и Жильбера, и, прежде чем кюрэ представил его французам как Жана-Батиста Картье, они уже сами догадались, кто это такой.

Восьмидесятилетний старик пожал им руки так, что кости хрустнули, и фамильярно, как будто век был с ними знаком, увлек их к столу, едва дав им умыться и почиститься.

— Как! Сразу и за еду! — вскричал удивленный Фрикэ.

— Да, молодой господин, — отвечал старик. — Не знаю, как у вас, на старой родине, а у нас тут едят с утра, как встанут. Кто хорошо работает, должен хорошо и есть. Не правда ли, господин кюрэ?

— Правда, правда, Батист.

— А где же наши друзья Блэз и Жильбер? — спросил Андрэ.

— Они ушли по делу, даже, можно сказать, по вашему делу, и вернутся к вечеру. Ну же, земляки, пожалуйста к столу, и вы также, господин американец.

Компания уселась за стол, уставленный всевозможными яствами, среди которых красовалась целая пирамида из превосходных фруктов. Тут были яблоки, груши, персики, абрикосы, виноград, но такие, что художник, специализирующийся на натуре, пришел бы в восторг, а у лакомки сразу же потекли бы слюнки.

Гости выразили свое полное восхищение, но и пожурили хозяев за такую расточительность. Батист сказал:

— Это все господин кюре. Он опустошил для вас свой фруктовый сад. Сначала он хотел вас самих взять к себе, но я упросил этого не делать. У меня вам удобнее. Впрочем, у кого бы вы ни остановились, вы в одинаковой степени гости каждого из нас.

Фрикэ хотя и удивился такому раннему завтраку, но справедливости ради следует отметить, что отнесся к этому с большим вниманием и поел всего с отличным аппетитом.

Американец тоже позавтракал с удовольствием, хотя и не было тут ни соленого окорока, ни пресного хлеба, ни ужасных соусов и приправ на маленьких блюдах. Он ел много, внимательно слушал и очень мало говорил. Он был, видимо, не в своей тарелке, но держался вполне прилично.

Беседа зашла прежде всего о том, как хорошо устроилось и живет это маленькое индейское племя — «каменные сердца», о котором знают разве что одни записные географы.

— Это нам далось трудно, — сказал кюрэ. — Лет сорок тому назад «каменные сердца» были порядочными негодьями. Не правда ли, Батист? Много труда, усилий, хлопот, терпения положено было на то, чтобы сделать их иными.

— Расскажите нам, как это было, господин кюрэ, — попросил Андрэ. — Ведь это очень интересно.

— С удовольствием, мой молодой друг. Да и рассказать то недолго. Сорок лет тому назад мы с Батистом жили близ озера Виннипег в небольшом канадском приходе; теперь

даже места того не найти. Сильное наводнение смыло в несколько часов маленькое село и утопило почти всех жителей! Я выплыл на каком-то бревне и поутру увидел себя прибитым к дереву, наполовину вырванному из земли. На дереве ютился полумертвый от страха и холода человек, державший на руках мальчугана лет двенадцати. Мое бревно зацепилось за это дерево. Я узнал Батиста и его младшего сына.

— Где твоя жена? — спросил я.

— Ее больше нет.

— А дети?

— Тоже утонули... Кроме вот этого.

— Дом?

— Разрушен.

— А скотина?

— Пропала вся.

Тужа и горюя, мы принялись отогревать мальчика, который едва дышал. Потом нас подобрала какая-то лодка и привезла в Сен-Бонифас на Красной реке. Там мне повезло встретиться с отцом де Смэ, просветителем сиуксов, благодаря которому, как признают сами американцы, предотвращено было много убийств. Святой отец стал меня просить, чтобы я перешел границу и сделался бы его помощником в Северных Штатах. Он был уже стар, а я молод и полон сил. Я согласился. Батист и его сынишка остались с нами тоже. Подруга Батиста лежала на дне Виннипега. Ему теперь было все равно где жить. Отец де Смэ проинструктировал нас и возвратился в Дакоту, а мы отправились в верховья Миссури и с большим трудом перешли границу в Скалистых горах. Измученные, усталые, предстали мы перед толпой индейцев, охотившихся за бизонами. Языка их мы не знали. Это были совершенные дикари, грубые, неразвитые, не имевшие никакого понятия о добре и зле, о правде и справедливости. Жестокие от природы, они, казалось, были абсолютно неспособны воспринимать идеи добра и правды. Они увели нас к себе в деревню, где заставили исполнять самые грубые и грязные работы, кормили нас мало и очень плохо. К счастью, мы были крепки и сильны — не правда ли, Батист?

— Заправские канадцы!

— Прошло несколько лет без всякой для нас надежды вернуть себе свободу. Между тем дети наших хозяев, поначалу позволявшие себе всяческие озорные выходки по отношению к нам, кончили тем, что полюбили нас от души. Мы с Батистом поняли, что единственное средство исправить и цивилизовать наших дикарей — это овладеть душой

и сердцем подрастающего поколения. Усилием и трудом мы достигли победы.

— Труда было много! — вставил свое слово Батист.— Я сам полудикарь и никогда не думал, что дикари могут быть до такой степени дики, как эти сиуксы.

— Я учил их и развивал, развлекал, и был вознагражден за свой труд быстрым и поразительным успехом. Так прошло десять лет. Сын Батиста превратился в красивого молодого человека, которого усыновило племя и выбрало даже помощником вождя. Он женился на молодой девушке, от которой и родились Блэз и Жильбер. Наше поколение полностью переменялось. Старики племени под влиянием молодежи постепенно утратили многие гнусные привычки. Мы заставили их полюбить землю, оседлость, почти отучили от кочевий. Видя, что мы только вдвоем с помощью детей успешно обрабатываем землю, получаем хорошие урожаи и всегда сыты, застрахованы от голода, они тоже принялись расчищать землю, пахать, сеять, копать, сажать и, разумеется, тоже стали получать урожаи. Наш успех был полный: я со всем основанием мог донести отцу де-Смэ, что его воля выполнена. Таковы были первые шаги нашего племени на пути цивилизации. Но еще многое нужно было сделать. Прежде всего — обеспечить их землей. Передовые отряды пионеров продолжали еще прибывать на Северо-Запад и теснили индейские племена. Надобно было получить от государства концессию на участок из «земельного запаса». Правительство Штатов охотно раздает индейцам участки земли, гарантируя им спокойное владение этими участками и как бы запрещая белым претендовать на них. Это и есть так называемые «резервации», «резервные земли», или «земельный запас». В принципе, резервации предназначены исключительно для индейцев, но, к сожалению, этот принцип соблюдается плохо. Только индейское племя устроится на участке, как вдруг выясняется, что его недра содержат какую-то руду, или он порос лесом ценных пород, или по нему проводится железная дорога, и участок из малоценного вдруг превращается в стоящий большие деньги. Появляются эмигранты, открыто нарушающие распоряжения министра. Индейцы, естественно, оказывают сопротивление. Драки, битвы, выстрелы, убийства!.. Взаимное сдирание скальпов...

— Как взаимное? — вознегодовал Фрикэ.— Неужели и белые сдирают?

— Спросите полковника, — сослался старик.

— Сдирают, — лаконично подтвердил американец, не переставая жевать.

— Появляются войска. Индейцы подавлены, их выселяют на новые земли, и опять они должны начинать все сызнова, пока их снова не вытурят с только что обжитого места.

— А знаете, полковник, ведь это очень гнусно,— не удержался Фрикэ.

Ковбой, с набитым ртом, только развел руками, как бы говоря: «Я-то тут при чем?»

— Но это еще не все,— продолжал кюре.— Бывают и другие трудности. Вы знаете, что индейцы-кочевники питаются почти исключительно мясом бизонов. Между тем бизонов становится все меньше и меньше, потому что бывшие трапперы охотятся на них из-за шкур и истребляют их тысячами. Скоро, кажется, не останется ни одного бизона. С другой стороны, резервные участки раздаются все скупее и скупее и выбираются из самых скудных земель, где мало пастбищ и совсем почти не бывает бизонов.

Тут, наконец, в беседу вступил полковник.

— Но ведь правительство, достопочтеннейший господин кюрэ,— сказал он,— в своих договорах обязуется производить правильную раздачу мяса, орудий, одежды и проч. Раздача происходит под наблюдением особых чиновников, так называемых «агентов по индейским делам».

— На бумаге все это очень хорошо, а результаты плачевные. Агентами-то назначают кого? Обыкновенно тех, кто зарекомендовал себя во время избирательной кампании. Они знают, что продержатся на местах только до тех пор, пока останется у власти партия, за которую они агитировали, и думают лишь о том, как бы поскорее нажиться. И уж тут они, конечно, не церемонятся. В верхней палате громкогласно говорилось об их злоупотреблениях. Кто-то вычислил, что они расхитили больше половины отпущенных на это дело кредитов. В результате: несчастные индейцы, умирая от голода, принимаются грабить пограничных фермеров. С этого и начинаются все индейские войны. Помните ужасную войну с семинолами, продолжавшуюся с 1874 по 1877 год?

— Не та ли это война, когда у знаменитого Ситтинг-Булля, вождя семинолов, обнаружились необыкновенные способности? — спросил Андрэ.

— И он разбил наголову генерала и полковника,— добавил Фрикэ.

— Генерала Костера и полковника Крука,— вставил свое слово полковник Билль.— Он был гораздо сильнее их, вот и все. Но зато какой же он устроил эпилог к битве при Уайт-Маунэне, где были убиты оба — и Костер, и Крук.

— А какой?

— Это всем известно!.. Он велел подать ему оба трупа, сам вскрыл им грудные клетки и тут же, перед своими воинами, съел оба сердца. Я на него за это не особенно сержусь, хотя с Костером мы были старинные друзья,— продолжал примирительно полковник.— Не в обиду на него и наши политические деятели. Сначала Ситтинг-Булль скрывался в Канаде, в Манитобском округе, но потом заключил с федеральным правительством мирный договор. Наше правительство согласилось забыть все прежнее и гарантировало ему соблюдение всех параграфов договора, заключенного еще до восстания.

— Не может быть!

— Уверяю же вас, это факт. Ситтинг-Булль перешел обратно через границу и поселился с семьей тысячами своих подданных в Стэндинг-Роке, в штате Дакота. С тех пор он полюбил сельское хозяйство, живет в загородном доме, наносит время от времени визиты начальствующим лицам и вообще поддерживает со всеми добрососедские отношения.

— Не лучше ли было с самого начала в точности соблюдать все пункты договора? — продолжал кюрэ.— Тогда не было бы и этих ужасных войн. Ведь в конце концов само же правительство признало виновность своих чиновников. Никогда в действительности индейцы не нарушали договоров первыми. Вот поэтому-то, наученный опытом, я и решил устроить так, чтобы мои друзья «каменные сердца» были навсегда ограждены от произвола агентов по индейским делам, от всяких разделов и переделов. С этой целью я поехал в Вашингтон, представился министру и переговорил с ним. Он согласился с моими доводами и разрешил, в порядке исключения, как бы в виде опыта, устроить моих индейцев на земле по канадскому методу, дающему везде отличные результаты. На этом основании «каменные сердца» получили за двенадцать тысяч долларов в полную собственность всю территорию, на которой они жили с незапамятных времен, и, кроме того, из земельного запаса — участок в десять квадратных километров на западном склоне Утесистых гор в долине реки Колумбии.

— И вот мы живем здесь, в трудах и заботах. Живем сытно и в полной трезвости. Спиртные и хмельные напитки у нас совершенно запрещены. Ввоз их к нам не допускается. Все жители поголовно теперь грамотны. Кроме своего языка, они говорят на английском и на французском народном языке, который им почему-то особенно легко дается. Мы не только сами вполне обеспечены, но даже

помогаем своим соседям по резервации, когда у тех случается недород.

Старик замолчал. Слушатели сидели молча, очарованные его тихой и умной беседой.

Первым нарушил паузу Андрэ.

— Позвольте мне, господин кюрэ,— сказал он,— почтительно поклониться вам, приветствуя вас как скромного героя долга. Я вами просто восхищен. И удивляюсь вам бесконечно. Во Франции не знакомы с индейским вопросом. Там слыхали только о чиновничьих злоупотреблениях и о жестоких репрессиях. Неужели же американские государственные деятели серьезно убеждены, что единственно верное решение вопроса сводится к окончательному истреблению краснокожей расы? Неужели они пришли к заключению, что индейцы окончательно неспособны к мирной оседлой жизни и хотя бы к самой элементарной гражданственности? Скажите по совести, полковник Билль, неужели это так?

— Так,— подтвердил ковбой с некоторым смущением.

— Я очень рад, что здесь вы видите обратное,— сказал кюрэ.— Впрочем, пример канадских индейцев также доказывает, что они легко поддаются цивилизации и что добрым отношением к ним многого можно достичь. Об этом свидетельствует вся история Канады. Когда ее заняли французы, они заключили с индейцами договоры и жестко соблюдали их, строго наказывая тех чиновников, которые их нарушали. Это немедленно дало результаты. Во всех войнах, которые вели французы с англичанами, индейцы всегда поддерживали французов. Когда французы лишились Канады, англичане продолжили традиции прежних ее владельцев и сохранили с краснокожими добрые отношения, в противоположность североамериканцам. В настоящее время канадские индейцы, несмотря на старинные общинные устои, весьма похожи на русские, постепенно ассимилируются с белой расой. А что цивилизация им не чужда, вот вам доказательство: потомок великого вождя племени черепях, знаменитого Чингачгука, воспетого Фенимором Купером, теперь в Квебеке нотариусом! Однако, господа, если вам угодно поближе взглянуть на нашу цивилизацию, то прогуляйтесь со мной по нашей территории. Лошади готовы и дожидаются нас. Позвольте мне показать вам нашу резервацию, прежде чем вы отправитесь в свою охотничью экспедицию за бизонами.

Глава VIII

Путешественники опять удивлены.— Современные индейцы.— На тему о скальпе.— Ходячая монета ковбоев.— Сюрприз.— Найденная фура.— Проверка инвентаря.— Неожиданное богатство.— Виски.— Казнь бунтовщиков.— В путь-дорогу.— Плохие земли.— Цветущая прерия.— Размышления практика.— Бизоны!

То, что увидели французы и американец на землях «каменных сердец», превзошло все их ожидания.

Фрикэ и Андрэ окончательно убедились, что краснокожая раса безусловно поддается цивилизации. Даже американец переменял свое мнение о «краснокожих братьях» и вынужден был согласиться, что его соотечественники обращаются с ними чересчур уж жестоко и что они того, пожалуй, не заслуживают.

— Однако ведь далеко не все индейцы имеют дело с подобными священниками и подобными метисами, — сказал он. — Представьте, что вместо этих двух апостолов среди здешнего племени появились бы два каких-нибудь отпетых жулика из прерии или хотя бы просто два ковбоя. Во что бы они превратили тех же самых индейцев?

— Ваши слова не особенно лестны для ковбоев, полковник, — заметил Фрикэ.

— Что ж, my dear, я говорю правду, в то же время признавая за ковбоями удаль в работе. Говоря откровенно, понятия о чужой собственности у них самые... широкие, а уважение к чужой жизни... весьма умеренное. Вообще же страсти во взаимоотношениях между белой и красной расами еще не скоро улягутся, и до тех пор много будет с обеих сторон убито народу и много содрано скальпов.

— Скажите, пожалуйста, для чего белые совершают такую гадость — снимают скальпы? Я понимаю индейцев: для них это традиционный трофей, украшение, признак военной доблести. Но ведь не за трофеями же гонятся белые? Какой для них интерес представляют скальпы? Какую выгоду? Ведь янки народ практичный.

— Какую выгоду, вы спрашиваете? Обыкновенную, денежную. Например, женский скальп стоит десять долларов.

— Убивать женщину из-за сорока франков! Это гнусно. Неужели нельзя просто остричь ей волосы, если уж так...

— Полные скальпы — дороже волос. Коллекционеры очень их ценят и охотно покупают. Между людьми прерий скальпы играют роль ходячей монеты. Мужские скальпы ценятся дешево — не дороже двух долларов, потому что во-

Дети выходили из школы

лосы короче и не годятся для париков и женских причесок. Их покупают только индейцы.

— Индейцы покупают скальпы своих? Да что вы говорите!

— Представьте, что молодой воин еще не успел убить ни одного врага, а хочет выглядеть не хуже остальных. И вот он за две или за три бизоньих шкуры покупает скальп убитого и торжественно приносит домой. На него смотрят уже как на героя.

— Ну, теперь мне все ясно, между прочим, и то, почему индейцы так упорно сопротивляются вашей цивилизации.

Три друга, ведя эту беседу, совершали по площади предобеденный променаж.

Из школы выбежали ученики, крича, толкая друг друга и рассыпаясь по равнине, точно стая воробьев.

Вдруг, весело галдя, они возникли вновь — на сей раз рядом с многочисленным отрядом вооруженных всадников, сопровождавших какую-то фуру, запряженную быками.

— Наша фура! — вскричал Андрэ, не веря глазам.

— Невероятно, но факт, — подтвердил Фрикэ. — Где они ее добыли?

— Мы приготовили вам сюрприз, господа, — услышали они приятный знакомый голос.

Они обернулись и увидели кюре, попыхивающего трубкой.

— Старый Батист, еще как только вы приехали, отправил Блэз, Жильбера и их отца с полусотней молодцов на то место, где с вами случилось несчастье, чтобы похоронить с честью ваших товарищей и спасти что можно из имущества. Они привезли вашу фуру и кое-какие вещи.

Фуру распрягли и поставили во дворике дома, приютившего путешественников. Отец Блэза и Жильбера, Батист-младший, ростом без малого в сажень, которому было уже лет пятьдесят, доложил деду о своей экспедиции.

Батист-младший лицом был похож на Батиста-старшего, но был смуглее. К отцу он относился почтительно, как десятилетний мальчик. Говорил он на английском, радуя этим американца, не понимавшего ни слова по-французски.

По следам охотников Батист-младший со своими воинами добрался до Пэлуз-Райвера, переправился через него довольно быстро, нашел фуру, одиноко брошенную на поляне. Вокруг трава выгорела, а так как на месте лагеря травы не было и гореть было нечему, то и фура уцелела. Мародеры, спасаясь от пожара, который сами же зажгли, удрали на юг и еще не успели вернуться за фурой. Выкопав глубокую могилу, индейцы похоронили в ней убитых ковбоев, а в фуру запрягли приведенных с собой быков и привезли ее домой.

Андрэ горячо поблагодарил всех участников доброго дела и занялся осмотром фуры и уцелевших вещей.

Провизия и оружие сохранились. Разбойники, видимо, пробовали рубить дубовые ящики топорами, но твердое дерево не поддалось. Унесены были только одежда, сбруя и разные мелкие вещички, без которых можно было обойтись. Продолжая осмотр имущества, Андрэ обнаружил четыре бочонка в пятьдесят литров каждый, которых грабители не

заметили. Он велел вынести их из фуры во двор, потом попросил буравчик или сверло, чем бы можно было проверить дыры в бочонках.

— Впрочем, нет, не надо,— одумался он.— У меня у самого есть для этого подходящий инструмент.

Он отошел шагов на двадцать назад и попросил присутствующих сделать то же.

Вынув револьвер, он последовательно выстрелил в каждый из бочонков.

Из разбитых бочонков полилась на землю душистая жидкость.

— Что вы делаете, генерал! — вскричал раздосадованный американец.

— Видите — казню бунтовщиков,— отвечал, улыбаясь, молодой человек.

— Да ведь это виски!

— Совершенно верно. Но так как сюда запрещен ввоз крепких напитков, то я счел долгом уничтожить контрабандный товар.

— Для нас потери нет: мы нечего не пьем,— вставил свое слово Фрикэ.— Ну, а уж вы, полковник, поговееете. Дело в том, что «тигровое молоко» чересчур вредно для индейцев. Надо с этим считаться.

Полковник недовольно промолчал и в виде протеста засунул себе за щеку двойную дозу табаку, отчего щека вздулась, как при флюсе. Индейцы много смеялись по этому поводу, и в особенности досаде американца. После казни старый вождь приказал ускорить приготовления к охоте, которой он собирался как можно скорее порадовать французов.

Он выбрал самых лучших охотников, вытребовал самых лучших лошадей, чтобы заменить ими измученных, опаленных и наполовину обезноживших, принадлежавших гостям. На эти приготовления ушел весь день. На следующее утро из деревни выехала и направилась на северо-запад кавалькада из полусотни всадников под предводительством Батиста-сына, с фурой, запряженной на этот раз лошадьми, а не медлительными быками, и с тремя легкими телегами местной работы.

В тот же день кавалькада миновала границу резервации и вступила на дикую, необработанную землю — в прерию.

Перед французами расстилались необозримые луга с ослепительно яркими цветами, с никем не считанными животными, с чудным, свежим воздухом, которым дышалось как-то особенно легко и радостно.

Но это была еще не настоящая прерия: бизонья трава здесь не росла. Это были так называемые «неудобные земли», где лишь цвели красивые цветы, а трава была несъедобной. Полковник сердился и все требовал «бизоньей травы». Подождите, полковник! Будет и она. Увидите вы и настоящую прерию, столь любимую рэнчменами-скотоводами, прерию с антилопами, оленями и бизонами.

Французы восхищались изумительной картиной цветущего луга, а американец ворчал:

— By God! Конечно, джентльмены, у всякого свой вкус, но я не понимаю, как можно восхищаться никуда не годной травой, где даже лошади ущипнуть нечего. Я не собиратель трав, не ботаник, а охотник.

— Люблю доброго молодца за повадку,— насмешливо возразил Фрикэ.— Вы, полковник, положительно истинный американец. Недаром же у вас в стране все произведения искусств обложены налогом в сорок процентов от стоимости. Доллар — вот ваш национальный бог.

На третий день, во время привала, вернулись разосланные разведчики и донесли что-то Батисту-младшему. Радостно забились сердца французов, когда он объявил им:

— Господа, потерпите еще немного. Бизоны близко.

Глава IX

Бизон.— Скоро он исчезнет совсем.— Поезда, останавливаемые бизонами.— Шкура бизона.— Охота.— Погоня.— Стычки.— Безрассудство индейцев.— Фрикэ и бизон.— Первый выстрел.— Фрикэ убивает бизона и получает новый чин.— Пуля «Экспресс».— Трофей.— Общая свалка.— Избиение.— Подвиги Андрэ.— До завтра.

Бизон стоит того, чтобы дать здесь хотя бы краткое его описание.

Американцы неправильно называют его buffalo, что, собственно, значит буйвол, а не бизон.

Это самое крупное, самое полезное и вообще самое замечательное из животных Северной Америки. Превосходя иногда величиной наших европейских быков, он отличается от них размером головы, широким треугольным лбом и горбатой спиной; на горбу растет густая, длинная, жесткая грива. Вообще передняя часть тела бизона развита значительно больше задней. Его круп узок, покрыт очень короткой шерстью и совершенно несоразмерен со всей остальной фигурой.

Голубоватые глаза, пристально глядящие из-под нависшей гривы, огромные черные рога, твердые как железо,

крепко сидящие на несокрушимом гранитном черепе,— все это создает не особенно приятную внешность. Чувствуется, что это животное способно яростно броситься на всякий предмет, который приведет его в раздражение или покажется ему препятствием.

В начале зимы его шерсть бывает блестящего черного цвета, летом буреет, потом делается цвета перца с солью, потом совсем какой-то бесцветной и, наконец, летом вылезает совсем. Грива всегда темнее остальной шерсти и довершает страшный облик бизона. Она состоит из двух элементов: во-первых, из грубого, жесткого, длинного волоса и, во-вторых, из тонкой, мягкой подшерстки, которая считается лучше мериносовой.

До появления в Америке европейцев бизоны водились там в бесчисленном количестве, но потом, вследствие бесшабашной охоты, численность их значительно уменьшилась, и в настоящее время их уже остается так мало, что скоро, кажется, они исчезнут вовсе.

Большими стадами они теперь встречаются только на полосе земли между Скалистыми горами и рекой Миссисипи, и то только не ниже слияния ее с Миссури. В Мексике они уже почти истреблены, но в Техасе еще попадаются близ верховьев Рио-Бразо и Рио-Колорадо. Бизоны часто кочуют с места на место в поисках новых пастбищ и во время этих перемещений несутся вперед всем стадом, подобно урагану или лавине, не разбирая дорог и усеивая весь путь трупами своих же товарищей, разбившихся о встреченные преграды.

В самом начале, как только открылась Тихоокеанская железная дорога, целые поезда застревали, врезавшись в стадо бизонов, которых ничем нельзя было согнать с полотна. Машинист направлял на них паровоз, снабженный специальным приспособлением для их отгона; ошпаривал паром; пассажиры расстреливали их из ружей, из револьверов. Но бизоны не сходили с дороги, а все напирали и напирали, так что поезд не мог продвигаться, окруженный горами раздавленных и убитых животных.

Охотятся на бизона из-за его мяса, которое очень вкусно и напоминает самую лучшую говядину, но с прелестным ароматом дичины, а также из-за шкуры, которая продается от 75 до 100 франков и прекрасно служит путешественникам, заменяя и матрас, и одеяло, и непромокаемый плащ.

Охота на них довольно опасна... Но не будем забегать вперед, а вернемся к нашим друзьям, которых обрадовало известие:

— Бизоны близко!

Прискакали и другие разведчики с подобным же известием. Батист немедленно выстроил охотников в боевой порядок. Были осмотрены ружья, сбруя. И отряд двинулся к кургану, откуда была видна вся равнина, а при фуре и телегах осталось лишь несколько человек для охраны, которых предполагалось сменить на следующий день.

С вершины кургана охотники увидели стадо бизонов, остановившееся на отдых в высокой траве. Одни паслись, другие резвились, иные лежали и жевали жвачку.

Их было больше полутысячи. Андрэ, Фрикэ, даже американец при всей своей флегме, закричали «ура».

Всадники спустились с кургана настолько осторожно, что даже не растревожили бизонов, которые подпускают к себе обыкновенно не ближе, чем на километр.

Но вдруг стадо что-то почуяло. Быки глухо замычали, бизоны шумно вскочили и, тесня друг друга, помчались прочь бешеным галопом.

Раздался военный клич вождя — и цивилизованные индейцы разом превратились в первобытных дикарей. Их раздражил вид любимой дичи.

Лошади понеслись за бизонами, образовав огромное римское V, постепенно охватывающее стадо. Испуганные бизоны мчались все быстрее, плотно прижавшись друг к другу, так что и пушка не могла бы разбить эту плотную фалангу.

Андрэ и Фрикэ с увлечением отдались бешеной скачке и почти не управляли лошадьми. Умные животные сами старались избежать неровностей почвы, истоптанной бизоньими копытами.

Постепенно всадники догоняли животных, которые, по всей видимости, и не думали защищаться.

— Monsieur Андрэ,— крикнул на скаку Фрикэ,— на бизонов возвели напраслину. Вон как они удирают! Только и видны зады да задранные хвосты. Что-то не похоже, чтобы они встречали врага грудью.

— погоди. Дай им выдохнуться. Тогда они себя покажут. Только предупреждаю — при нападении бизона предоставь своей лошади полную свободу. Она лучше тебя сумеет отделаться от него.

— Понимаю, monsieur Андрэ.

Порядок преследования изменился, как только бизоны начали обнаруживать признаки усталости. Теперь каждый охотник определил себе жертву и старался отогнать своего бизона от стада. С этой целью индейцы с безрассудной

— Гип, гип, ура! — ревел полковник

отвагой подскакивали к стаду и выгоняли бизонов хлыстами, но не стреляли, ожидая, когда те кинутся врассыпную. Когда, получив удар хлыстом, бизон бросался на охотника, лошадь ловко увертывалась и скакала прочь, увлекая его за собой. Но лишь на короткое время. И если охотник за эти мгновения не успевал отрезать ему путь, бизон возвращался к стаду.

Многие бизоны уже начинали приходить в ярость. Исчезал страх, внушаемый даже самым свирепым зверям близостью человека. Они останавливались, запыхавшись, и отделялись от стада.

Фрикэ понял, что уже скоро можно будет стрелять. Он придержал коня и поехал сперва рысцой, потом шагом, а затем и вовсе остановился.

Он взял винтовку Гринера калибра 8, осмотрел ее и было совсем уже приготовился к новой скачке, как вдруг услышал крики и выстрелы. Фрикэ поднял голову — охотники находились в двухстах шагах от него. Сквозь их ряды прорвался огромный бык, раненный в круп и потому особенно свирепый. Увидев Фрикэ, он понесся прямо на него.

Фрикэ стоял спокойно, точно конная статуя.

Бизон приближался как вихрь.

— Это мой, — сказал юноша. — Я сейчас его угощу. Стоять! — крикнул он лошади, которая хотела отвернуть.

Не желая упускать случая, Фрикэ набросил ей на голову небольшую попонку, находившуюся впереди седла. Переставшая видеть лошадь стала, ее била дрожь.

Бизон был в сорока шагах.

Фрикэ прицелился и подпустил его еще ближе.

— *By God!* — вскричал американец. — Он целится в голову! Да ведь бизон разорвет его! Разве пробьешь бизоний череп пулей?

Бизон был уже только в двадцати шагах.

Белый дымок за клубился из дула винтовки неустрашимого юноши. Грохнул выстрел, похожий на взрыв торпеды. Бизон взвился на дыбы и опрокинулся навзничь, судорожно дрыгая всеми четырьмя ногами.

Полковник понесся к Фрикэ во всю прыть. Француз снял с глаз лошади покрывало, перезарядил винтовку и приблизился к убитому быку.

— Гип!.. Гип!.. Ура!.. — ревел изумленный полковник. — Замечательно!.. Блестяще!.. *Very splendid indeed* *!.. Молодчина, майор!

— Вот я и в новом чине, — пробормотал Фрикэ. — К вечеру, вероятно, дослужусь до полковника, если это так же трудно... Спасибо, полковник, — прибавил он вслух, — вы очень добры и любезны. Но я ведь ничего особенного не сделал.

— Ничего особенного!.. Разнесли череп бизону, свалили его, как зайца. Ничего особенного!

— Так это же не я, а винтовка Гринера и пуля «Экспресс».

— Череп раздроблен, — продолжал полковник, — мозг вылетел вон.

---

* Действительно превосходно! (англ.).

— Так и должно было быть. Однако и безобразен же ваш бизон, если поглядеть поближе.

— Погодите уходить. У нас обычай: всякий охотник, убивший бизона, отрезает и берет себе его хвост в виде трофея.

— Смешно, но я, пожалуй, это тоже сделаю.

— Готово,— сказал полковник, успевший вытащить нож и отрезать хвост, который и подал Фрикэ.

Оба охотника помчались догонять своих, пока оставив убитого бизона в прерии.

Вдали кипела общая свалка. Бизоны, люди перемещались в густой пыли. В один общий гул слились крики охотников, яростный рев и стоны животных и выстрелы из винчестеров. Сквозь облако, окутавшее поле битвы, сверкали огни выстрелов, свистели пули. В некоторых местах образовались целые груды битого мяса. Временами сквозь этот гул прорывались особенно громкие выстрелы: это давали себя знать винтовки французов.

Много бизонов было ими убито. Много накопилось у них бизоньих хвостов. Между прочим, Андрэ сделал двойной выстрел, который привел индейцев в неистовый восторг.

Зная, что мясо коров гораздо вкуснее мяса быков, хотя шкура быка и ценится дороже, Андрэ наметил себе корову и приготовился стрелять, как вдруг на него бросился огромный бык. Андрэ оказался между ним и коровой.

Фрикэ хотел прийти другу на помощь.

— Оставь, я сам,— сказал Андрэ.— Я хочу сделать двойной выстрел. На охоте за бизонами это редко удается. Исключительный случай.

Первый выстрел свалил быка.

Второй выстрел — и падает бизониха.

— Ура французам из Старого Света! — кричали запыленные, обрызганные кровью индейцы.

Но вот выстрелы и крики стали утихать. Люди и лошади утомились.

Вождь пронзительно засвистел. Индейцы собрались около него.

— На нынешний день довольно. Не следует истреблять бизонов бессмысленно. Убил сколько нужно для пропитания и будет. Мы ведь не дикари. Кончить охоту!

Глава X

После охоты.— Все становятся мясниками.— Ошибка новичка.— Что такое зеленый рог.— Практический совет старого охотника.— Колбаса прериш.— Как выделывать шкуру бизона.— Фрикэ блаженствует.— Запоздалые охотники.— Тревога не особенно впечатлительного человека.— След иноходца.

Избиение бизонов разом прекратилось.

Охотники спешили, расседлали и разнуздали коней и пустили их на траву.

Вдали по временам раздавались выстрелы: несколько охотников еще продолжало охоту. Но большинство сгруппировалось возле места, где лежало особенно много убитых бизонов.

Теперь предстояла задача: всю эту грудку мяса и шкур законсервировать для будущих нужд.

Пришлось приступить к самой прозаичной работе: сдиранию шкур, разделыванию бизоньих туш на части, потрошению их и т. д. Это вовсе не так легко для человека, не привыкшего к подобной процедуре.

Таким новичком оказался Фрикэ, и он сразу же надел множество ошибок.

Ему приходилось снимать шкуру со львов, тигров, пантер. Отчего же не выпотрошить бизона? И вот с обычной своей самоуверенностью он приступил к работе.

Вывув нож, он уселся рядом с американцем, у которого вся грудь и руки были перепачканы кровью. Янки ловко и умело потрошил бизонью тушу.

Фрикэ располосовал кожу своего бизона вдоль всего тела от нижней губы до промежности и стал ее снимать, просовывая нож между мясом и кожей.

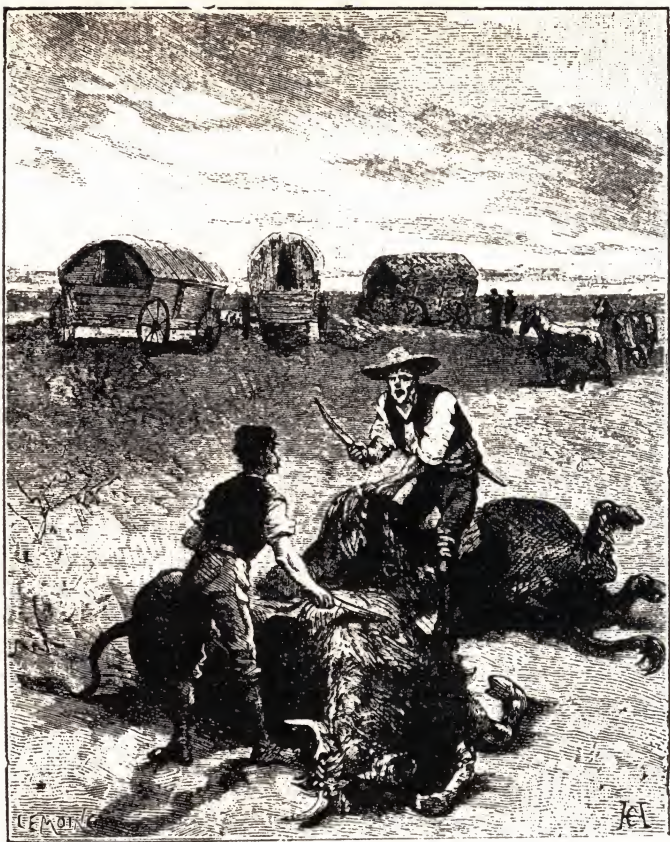
Но что же это такое? У него ничего не выходит. Кожа не отдирается. А между тем он старается изо всех сил.

— Да ее сам черт не отдерет! — вскричал он. — Уж очень плотно она пристала.

Полковник ехидно улыбнулся, сплюнул табачный сок и продолжал быстро отрывать шкуру от мяса своего быка.

— Право не знаю, что это такое, — продолжал бормотать себе под нос парижанин. — Какие-то комки сала перекатываются на ощупь под руками. Нож скользит, шкура ползет... Легче справиться с тигром, даже с бенгальским.

— Что верно, то верно, — кротко отозвался американец. — Вот что, мистер Фрикэ, жаль портить такую прекрасную шкуру. Дайте, я сделаю за вас. А вы потом попрактикуйтесь... над коровами... не так жестко.

— Да это совсем просто

— Очень рад, полковник. Принимаю ваше предложение. Но все-таки мне бы не хотелось сидеть сложа руки.

— Так что ж? Вот вырежьте у моего бизона язык, горб, выпотрошите внутренности, отрежьте филе...

— Прекрасно. Я сейчас.

— By God! Послушайте, что вы делаете?

— Вы видите, хочу отрезать заднюю ногу. Не беспокойтесь, я знаю, где она сочленяется и все...

— Недаром здесь в пограничных районах жители любят повторять, что «зеленый рог» может умереть с голоду, стоя перед бизоньей тушей.

— «Зеленый рог»? Что это такое — «зеленый рог»?

— Так у нас называют новичков.

— Вы очень добры. Спасибо. Но покажите же мне, пожалуйста, как надо делать. Мне надоело быть «зеленым рогом».

— All right*! Вонзите нож между ребер, за плечом. Режьте глубоко, до хребта... вниз до груди. Обрежьте также и прочие ребра до брюха. Так. Вы очень ловки, мистер Фрикэ. Теперь возьмите мой топорик и рубите ребра в том месте, где они соединяются с хребтом.

— Да это совсем просто и легко!

— Ну вот. Теперь вам осталось только разнять обе четверти, как открывают створчатую дверь, и вынуть внутренности.

— Это очень противно, но раз нужно — я сделаю.

— Ну вот. Теперь снимите часть горба. Сделайте круглый надрез. Тащите. Так.

— А язык, знаменитый язык?

— Сделайте надрез в горле между двумя челюстями. Ухватите это лиловый кусок и подрежьте у основания.

— И это все один язык! Тут фунтов десять!

— Very well**! Десять фунтов. Так вот, мистер Фрикэ, как надо разделять бизона по частям.

— А что же будет с остальным мясом?

— Это уж дело индейцев. Они сумеют приготовить его для своих нужд. Охотники берут себе только отборные части. Остатки идут в пользу волков и коршунов. Каждому нужно жить. Вот ваша шкура и готова. Мы потом ее обрабатываем, а покуда я вам покажу, как делать «колбасу прерий».

— Особенная колбаса?

— Yes, sir***. Очень тонкое блюдо. Вот, промойте эту кишку с таким аппетитным слоем жира. Вымыли? Переверните ее жиром внутрь. Теперь мелко изрубите вместе язык, горб и филе и начините смесью кишку. Если удастся достать кровь молодого телянка, то ею заполняют все промежутки; обыкновенно же вместо крови употребляют просто свежую воду. Колбаса готова, только поджарить ее на углях — и все. Раз ее отведав, вы не захотите никакого другого блюда.

— А как же выделывать шкуру? Мне кажется, это будет

---

* Ладно (англ.).

** Отлично (англ.).

*** Да, сэр (англ.).

Приготовление бизоньего мяса

непросто. Здесь нет никаких орудий и приспособлений для скорняжного дела.

— Индейцы умеют. Представьте, они изобрели способ, заменяющий технические приспособления. Мы будем делать, как они. Возьмите опять топорик, расколите им череп бизона. Так. Вы очень сильны и ловки. Я буду вынимать мозг, а вы пока разложите шкуру по земле мехом вниз.

Американец взял медный котелок, на треть налил его водой, бросил туда мозг и размешал так, что получилась густая каша. Этой кашей он тщательно смазал шкуру, причем растирал ее не меньше четверти часа. После этого он ее

свернул, обвязал ремнем и привязал к своему седлу.

— Это все? — спросил Фрикэ.

— Не совсем. Шкуру нужно оставить свернутой на сутки, чтобы она хорошенько пропиталась смесью из мозга и воды. Послезавтра я ее промою и потом протру куском дерева, чтобы она сделалась мягкой и гибкой, как бархат. Потом я ее обкурю дымом, отчего она примет красивый светло-желтый цвет. После этого она не будет ни разлагаться, ни съезживаться, ни твердеть. Вот вам и все, мистер Фрикэ.

— Благодарю вас, полковник. Вы очень снисходительны к «зеленому рогу».

К ним подошел Андрэ, только что набросавший карандашом оригинальную картину лагеря.

— Скажи, пожалуйста, что ты тут делаешь? — спросил он Фрикэ.

— Обучаюсь скорняжному делу. Не хотите ли и вы попрактиковаться?

— Нет, я сегодня не расположен к грязной работе. Завершу свой набросок и займусь нашим оружием. В порядке ли оно? Его нужно основательно почистить. Кстати, ты доволен охотой?

— Я блаженствую! Но каковы индейцы! Охота превратила их в настоящих демонов.

— Человеку трудно освободиться от дикарского прошлого. Поскоблите любого земледельца — получится охотник. Поскоблите охотника — получится краснокожий. Взгляни вон на тех, которые только теперь возвращаются. Как они возбуждены! Как они опьянели от крови, которой забрызганы с головы до ног!

— Мне кажется, что и теперь вернулись еще далеко не все.

— И не мудрено, ведь они далеко ускакали.

Во время этого разговора полковник флегматично сидел на только что отрубленной голове бизона и жевал свою бесконечную табачную жвачку.

— Ну, а вы как себя чувствуете, полковник? — спросил его Андрэ. — Вам, я думаю, все это не в диковинку.

— Действительно, сэр, не в диковинку. Но меня одолевает тревога.

— Не может быть. Вы, такой обстрелянный? Как же это так?

— Вот именно потому, что обстрелянный, я и тревожусь.

— По поводу чего же?

— Что вы скажете о лошадях наших индейцев?

— Чудесные кони. Красивы, выносливы, резвы...

— Не в том дело. А заметили ли вы среди них хоть одного иноходца?

— Нет, не заметил.

— Я тоже не заметил,— подтвердил Фрикэ.— Вообще, если я не ошибаюсь, индейцы избегают иноходцев. Походка эта очень удобна и приятна для всадника, но утомительна для коня, который часто спотыкается.

— Все это правда. На десять тысяч краснокожих едва ли у двоих найдется такая лошадь.

— Так что же, в конце концов?

— А то, что я сегодня пересек следы коня-иноходца. Следы свежие, не старше двух дней.

— Что же из этого следует?

— Что если не у двоих, то по крайней мере у одного индейца есть иноходец.

— Это для меня несомненно, раз вы сами видели следы.

— Господа, я полагаю, вы заметили, что я не из особо впечатлительных людей. Всякие видал я виды и никогда не волновался.

— Мы знаем. Но к чему вы говорите все это?

— К тому, что лучше нам повстречать самого черта с рогами, чем владельца этой проклятой лошади. Вы, кажется, думаете, что здесь в прерии все спокойно и безопасно. Дай Бог, чтобы вы были правы, и дай Бог, чтобы этот человек был от нас как можно дальше.

Глава XI

День на день не приходится.— Странное исчезновение бизонов.— Фрикэ, оставшись один в прерии, предается своим думам.— Неприятный сюрприз.— Лошадь и всадник на земле.— Короткая, но решительная борьба.— Четверо ступивших на тропу войны.— Пойман на лассо.— Тайна не разъясняется.— Что это: восстание индейцев или случай разбоя? — Три пленника.— Белый сниматель скальпов!.. — Кровавый Череп!..

Следующий день весь ушел на выделку бизоньих шкур и на заготовку впрок мяса, которого навялены были целые груды. Из арьергарда были привезены телеги, на которые и погрузили приготовленные туши.

На третий день самодеятельные мясники снова превратились в охотников, вскочили на коней и рассыпались по прерии.

Но, должно быть, эта первая гекатомба* основательно напугала бизонов: они бесследно исчезли.

---

* Массовое убийство.

Обычно так не бывает.

Как правило, стоит только прекратить преследования, как бизоны тоже останавливаются, вероятно не желая уходить с пастбища, где растет их любимая трава.

Значит, теперь случилось что-то особенное. Что же предпринять? Индейцы собрались на совет, на который пригласили, конечно, и троих белых охотников. Решили разбиться на несколько отдельных групп, ехать вперед всеором и охотиться каждой группе самостоятельно, не взаимодействуя с остальными.

В прежние времена это было бы очень рискованно, потому что индейцы находились между собой в постоянной войне, но теперь они друг с другом уже не воевали. От прежнего числа их осталась едва десятая часть: истребляемые белыми, они сплотились, чтобы хоть как-нибудь защититься от их напора, но совершенно безуспешно...

Прилив рос, рос, надвигался и смывал их...

Андрэ, Фрикэ и полковник вошли в состав отряда, поступившего под начальство Блэза, и по команде Батиста все отряды отправились в прерию.

Мы будем, конечно, следить за тем отрядом, в котором находятся наши путешественники.

Они скакали, напряженно вглядываясь вдаль. Андрэ не отнимал от глаз бинокля и очень сердился, что бизонов все не было видно. Фрикэ шутил и балагурил по поводу досадной неудачи, а американец был еще сумрачнее обыкновенного, он хмурился и в поисках бизонов не участвовал.

Прошла половина дня в безрезультатной скачке по прерии. Все заскучали и устали. Всем захотелось отдохнуть. Блэз распорядился сделать привал. Неудачливые охотники чувствовали хороший аппетит и с жадностью напустились на вкусное, сочное бизонье мясо, а лошади тем временем ели бизонью траву.

В связи с исчезновением бизонов Блэз предложил отряду рассыпаться поодиночке цепью и искать бизонов. Конечно, и остальные группы сделают то же самое, и таким образом удастся быстрее отыскать бизонов. Первый, кто их увидит, оповестит остальных выстрелом и остановится. К нему поспешат соседи справа и слева, в свою очередь тоже выстрелами известив своих соседей, и в результате все соединятся и возобновят охоту.

Прошли часы, много часов, а бизонов не было. Фрикэ, оставшись один между Андрэ и полковником, удалившимися от него каждый на километр, заскучал. Он не привык так долго отыскивать дичь, до сих пор она всегда шла к нему

сама. Поэтому он стал браниться и вспоминать всех чертей, не переставая однако при этом зорко вглядываться вдаль.

— Все шло как по маслу, и вдруг это непонятное исчезновение бизонов! Мне это не нравится. У меня какое-то предчувствие. Тем более, что и наш полковник пришел в расстройство. Его смутили следы иноходца. Что бы это значило? Своей биографии он нам не рассказывал, но ведь нетрудно догадаться, что у него было в жизни по крайней мере 999 приключений... Однако трава становится выше и выше и почти совсем покрывает мою лошадь, волнуясь от ветра, точно море...

Вдруг лошадь Фрикэ заржала.

— Ты поешь? Что это тебе вдруг вздумалось? Дичь почуяла или, быть может, других охотников? Какой я глупец! Если бы другие охотники были поблизости, я разглядел бы всадников. Что же это она ржет, в самом деле?

Фрикэ бросил поводья и хотел схватиться за винтовку, но не успел: стремительно перелетев через голову падающей лошади, он растянулся на траве.

— Гром и молния! — вскричал он в бешенстве, стараясь встать, но почувствовал, что сзади его схватили чьи-то грубые руки и крепко держат.

При маленьком росте и несколько тщедушной фигуре Фрикэ обладал громадной силой. Одним движением он стянул с себя тех, кто его держал. Быстро выпрямившись, он увидел перед собой индейца и треснул его кулаком в самую середину лица.

— Вот тебе, старая обезьяна!

Дикарь упал. Но парижанина обхватили сзади две другие руки и сжались узлом на его груди. Из травы выскочил еще один индеец и занял место упавшего.

Не имея возможности защищаться оружием, Фрикэ нагнулся, вцепился зубами в большой палец обхватившего его индейца и раздавил, словно щипцами.

Дикарь взвыл от боли и выпустил Фрикэ. Третьего нападающего парижанин свалил ударом ноги в живот.

— Засада!.. Ловушка!.. Что вам надо? Вы, должно быть, ошиблись, принимаете меня за другого. Прочь, или я вас уничтожу.

Фрикэ бросился к своей лошади, лежавшей в траве. Но та вскочила и ускакала в безумном испуге.

— Хорош же я теперь. — сказал он.

Между тем индейцы оправались и с коротким хриплым криком бросились на парижанина. Тот отступил на два шага и приготовился отразить удар. Борьба была не безнадежна,

тем более что индейцы не пускали в ход ни топор, ни нож, которыми были вооружены. Очевидно, они хотели взять Фрикэ живым.

Вдруг позади него что-то прошуршало по стеблям травы. Он обернулся и увидел длинный ремень, который скользнул по траве и быстро исчез, выдернутый невидимой рукой. Очевидно, то было лассо, которое и повалило лошадь. Индейцы несколько секунд пробыли в нерешительности. В траве опять послышался крик.

Фрикэ хотел броситься вперед, но почувствовал себя крепко стянутым на уровне локтей. Он больше не мог двигать руками. Лассо стянуло его мертвой петлей.

Подошли три индейца, которых он только что огрел. Они молча связали его по рукам и по ногам, а рот стянули ремнем из бизоньей кожи. Фрикэ рассматривал их не столько с тревогой, сколько с любопытством.

Это были оборванцы, одетые в европейские лохмотья, как и те индейцы, которых охотники ранее повстречали в прерии. Лица у них были разукрашены красной краской в знак войны.

Вновь прозвучал сигнал. Зашуршала и раздвинулась трава, и показались четыре великолепных луговых коня, или мустанга. Они примчались с разных сторон и остановились, пригнувшись: они чуяли чужих, их запах.

Фрикэ взвалили на одну из лошадей, как мешок, и крепко привязали, потом четыре индейца вскочили в седла и поскакали, очевидно, знакомой дорогой.

Кто были эти индейцы? Почему они напали на Фрикэ? Между индейцами и белыми заключен мир. Как же объяснить их действия? Возможно, это просто разбойники.

Но парижанин помнил, как заволновался полковник Билль, увидев след иноходца, и как пожелал себе и друзьям избежать встречи с владельцем этого коня. Тут была какая-то тайна, известная одному полковнику.

Увы! — скоро она сделалась известной и Фрикэ.

Трудная и долгая езда продолжалась часа три, после чего всадники остановились у довольно широкой реки, делавшей в этом месте большую круглую петлю. Они сошли с коней, развязали пленника, освободили ему рот и дали поесть, а сами сели на землю в стороне, как будто даже и не обращая на него внимания.

К своему удивлению, Фрикэ насчитал около себя целых шестьдесят краснокожих с раскрашенными лицами и вооруженных с ног до головы. По их размалеванным маскам невозможно было догадаться, как они намереваются посту-

пить с пленником. Лошади их были пущены в траву, но не расседланы. Очевидно, тут делался лишь небольшой привал для отдыха.

Вдруг эти бесстрастные люди разом испустили радостный крик. Послышался быстрый топот лошадиных копыт, и появился отряд индейцев человек в двенадцать.

Они везли еще двух пленников в европейской одежде.

Один был Андрэ. Другой — полковник Билль.

— Негодяи! — воскликнул молодой человек при виде связанного друга. — Да с вас мало шкуру содрать за это!

— Фрикэ! И ты здесь! — вскричал Андрэ.

— Ничего, monsieur Андрэ, мы видали и не такие виды. Все перемелется — мука будет. Выкрутимся!

Американец молчал и с тревогой оглядывал тесные ряды индейцев, в свою очередь смотревших на него пристально и злобно.

Вдруг он побледнел и невольно вздрогнул.

Из рядов вышел воин и медленно направился к нему.

У этого индейца, не в пример остальным, голова была покрыта меховой шапкой с длинным хвостом, падавшим на плечи. Шапка была низко нахлобучена на лоб и на уши.

В двух шагах от ковбоя он остановился и долго глядел на него с невыразимой ненавистью, потом проговорил по-английски горловым голосом, в котором дрожала злость.

— Белый сниматель скальпов узнает свою жертву?

Полковник Билль растерянно глядел на индейца и молчал.

Индеец сдернул с себя шапку и обнажил отталкивающий, совершенно гладкий череп, покрытый розовой кожей без малейшего признака волос.

— Кровавый Череп! — вскричал сдавленным голосом ковбой.

Глава XII

Янки и индейцы. — Колорадская война. — Сиуксы, чейены и арапагу. — Союз против общего врага. — Партизанская война. — Резня в Сэнд-Крикэ. — Какие ужасы творились американцами. — Белые сниматели скальпов. — Три года борьбы. — Первая встреча полковника Билля с Кровавым Черепом. — Кровавые репрессалии *. — Мир с пятью племенами Юга. — Два непримиримых врага. — В отместку за Сэнд-Крикскую резню. — Шестнадцатилетняя ненависть.

В 1864 году в Северной Америке между белыми и индейцами после короткого перерыва разгорелась война, не

---

* Средства принуждения в международных отношениях.

прекращавшаяся, в сущности, в течение нескольких веков.

Она постоянно тлела как бы под пеплом, то погасая, то снова вспыхивая без всякой видимой причины. Но причина была, и заключалась она в том, что белые никак не могли остановиться, захватывая все новые и новые земли. А земли эти каждый раз оказывались собственностью какого-нибудь краснокожего племени. И племя бралось за оружие, к нему присоединялись другие племена — и война вспыхивала с новой силой.

Белых застигали врасплох, скальпировали. Дома их жгли, грабили, скот похищали, женщин и детей уводили в плен. Белые вооружались, составляли военные отряды и жестоко мстили индейцам.

Война 1864 года вспыхнула и велась главным образом в штате Колорадо, который, впрочем, тогда еще назывался не штатом, а территорией.

Всякая новая земля, включаемая в состав Северо-Американского союза, вначале называется территорией и уж потом, когда население дойдет до 100 000, получает права штата, и на национальном знамени Северо-Американской республики появляется новая звезда.

Колорадо был признан штатом в 1874 году, когда еще не имел стотысячного населения. Этот штат лежит по обоим склонам Скалистых гор и граничит на севере со штатом Небраской и территорией Уайоминг, на востоке со штатом Канзасом, на западе с территорией Утой. Площадь штата равняется 270 600 кв. километров, то есть половине всей Франции.

В 1850 году в Колорадо почти не было белых, за исключением нескольких мексиканцев, поселившихся в Сан-Лью-Парке. В 1860 году благодаря быстрому развитию горного дела белых насчитывалось уже 35 000. В этом году из Колорадо образовали территорию с двумя городами — в сущности, простыми местечками — Денвером и Сентрал-Сити. Столицей стал Денвер.

Объявление Колорадо территорией для индейцев означало или подчинение федеральным законам, или выселение вон. Но там жили сиуксы, чейены и аррапагу, самые неукротимые из краснокожих племен. Они не желали ни подчиняться, ни выселяться и оказывали отчаянное сопротивление. А белые упорно надвигались, захватывали земли, строили фермы, города, заводы, добывали из земли уголь, ценную руду.

Индейцы действовали порознь и постоянно терпели поражение. Когда наконец они одумались, заключив мир между

собой и союз против общего врага. было уже поздно.

Прежде чем приступить к завершающей кровавой борьбе с сильным противником, индейцы сделали попытку договориться с представителем федерального правительства и добились некоторых уступок. В 1863 году к губернатору Колорадо прибыли делегации из некоторых сахемов, чтобы заключить мирный договор, но переговоры не были удачными, и борьба возобновилась.

Чейены, сиуксы и аррапагу остерегались прежних ошибок, не распыляли свои силы и не вступали в случайные стычки.

В свои набеги, с опустошениями и убийствами, они внесли систему, плановость. Повели настоящую, обдуманную партизанскую войну, которая на первых порах удалась как нельзя лучше. Между Джульсбургом и Денвером было полностью прервано сообщение, все фермы на пути между ними сожжены, уничтожены, скот разграблен. Убитым и искалеченным мужчинам был потерян счет. Уведенные в плен женщины и дети подвергались жестокому и недостойному обращению. Истреблялись целые партии эмигрантов, даже отряды милиции. Ободренные этими успехами, воины прерии решились даже осадить форт Сэдживик, но тут их жестокие усилия потерпели фиаско от артиллерии форта, закидавшей из картечью.

Колорадские пионеры боролись мужественно, проявляя свойственную американской расе холодную неустрашимость и железную настойчивость.

Междоусобная война Севера с Югом в то время была в полном разгаре. Все регулярные войска были задействованы. На военную помощь Штатов колорадцам рассчитывать не приходилось. Пионеры сами сформировали из своей среды милицию, назначили офицеров, на свой счет снарядились, вооружились и составили летучие отряды.

У индейцев они научились тактике засад и внезапных наскоков, присоединили к ней тактику цивилизованных армий, превосходное вооружение и железную дисциплину, всем этим уравнив численное превосходство индейцев.

Начав преследование индейцев, они делали это с большим ожесточением, позволяли себе порой такие зверства, от одного упоминания которых мороз продирает по коже.

До сих пор всем памятна ужасающая резня в Сэнд-Крике, устроенная полковником Чайвингтоном, командиром третьего полка колорадских волонтеров. Эта резня, пожалуй, почище самых жестоких индейских акций или уж, во всяком случае, им не уступит.

Совершилась она 29 ноября 1864 года.

Ловким маневром третий полк окружил шестьсот человек сиуксов, чейенов и аррапагу с женщинами и детьми. Полк состоял из двухсот волонтеров, вооруженных винтовками Спенсера.

Проиграли сигнал атаки.

— Вспомните ваших жен и детей, перебитых в Ла-Плате и Арканзасе! — крикнул полковник своим волонтерам, и без того дрожащим от нетерпения и ярости.

Солдаты в неслыханном бешенстве устремились на лагерь индейцев. Те были застигнуты совершенно врасплох и не могли защищаться. Они выкинули белый флаг и предложили переговоры. Но полковник не пожелал их и слушать... Произошла немыслимая, неслыханная резня. Расстреливаемые в упор из винтовок Спенсера, давимые конскими копытами, рубимые саблями наотмашь, краснокожие воины полегли все до одного рядом с женщинами и детьми, также не нашедшими к себе пощады.

Но этим дело не кончилось. Последовал неописуемый эпилог. Всех раненых и убитых оскальпировали белые люди! Солдаты распарывали женщинам животы, разбивали о камни головы детям, отрезали пальцы с кольцами и уши с серьгами, вообще вели себя гораздо хуже дикарей.

Эта доблестная «операция» стоила белым всего пятерых убитых, а индейцев погибло пятьсот, причем половина — женщины и дети. Прочие были брошены тяжелоранеными на поле битвы. Спаслось невредимыми только человек двадцать.

Вождь сиуксов Черный Котел и вождь чейенов Белая Антилопа получили тяжелые раны. Вывихнутое Колено, Одноглазый, Кривой и Малый Плащ, считавшиеся у индейцев знаменитыми воинами, были убиты.

Читатель помнит, как полковник Билль после того, как правительство распустило его отряд, набранный из краснокожих, лишился полковничьего чина и мундира. Тогда он оставил регулярную армию и отправился в Колорадо, где поступил в волонтеры простым солдатом, но скоро выдвинулся и был назначен капитаном в полк Чайвингтона. В этом чине он участвовал в Сэнд-Крикской бойне. Сражался он храбро, а после боя проявил особенную жестокость. Вложив в ножны окровавленную саблю, он достал нож и принялся скальпировать убитых и раненых — кто только попадался под руку.

У него уже набралась порядочная коллекция скальпов, когда он увидал лежавшего без движения молодого воина,

— Я не Черный Орел, а Кровавый Череп

помощника вождя, легко раненного в грудь. Недолго думая, мистер Билль ухватил его за волосы и привычным жестом прорезал круглую линию вокруг его головы. Раненый вздрогнул. Тогда из утонченной жестокости Билль стал водить ножом по коже медленно, медленно... Раненый не издал ни одного стога.

— Если очнется — простудится и насморк получит, — засмеялся полковник и перешел к другому убитому.

К его изумлению, оскальпированный поднял свою изуродованную голову, вскочил на ноги, ухватил за повод первую попавшуюся лошадь без всадника и прыгнул в седло.

— Я уже не Черный Орел, а Кровавый Череп,— вскричал он гортанным голосом.— Запомни это имя, Белый сниматель скальпов! Помни его до тех пор, пока твой скальп не заменит на моей голове снятых тобой волос!

Полковник схватился было за револьвер, но в нем не оказалось зарядов, а индеец успел ускакать.

Полковник Чайвингтон протрубил повсюду о своей победе, утверждая, что в битве пало 500 краснокожих воинов. Он надеялся, что в награду ему пожалуют генерала и переведут в регулярную армию. К чести федерального правительства следует, однако, сказать, что дело о злодеяниях было тщательно расследовано и Чайвингтона отставили от службы.

Сэнд-Крикское дело не забыто в Колорадо до сих пор и называется Чайвингтоновской резней.

Индейцы после происшедшего ожесточились еще больше. В январе 1865 года они разграбили и сожгли все фермы и станции на севере Колорадо. Поселенцы подверглись беспощадному избиению. Аррапагу и чейены, объединившись еще с тремя племенами — кайявайсами, команчами и апахами, повели войну не на жизнь, а на смерть. Сиуксы отошли на север и в боевых действиях пока не участвовали, хотя воин из их племени по имени Кровавый Череп был душой краснокожей коалиции.

Об этом вожде рассказывались ужасные вещи. Его жестокость по отношению к белым изумляла даже соплеменников. На голове он неизменно носил меховую шапку и ездил верхом на иноходце. Кровавый Череп был оскальпирован и страдал головными болями, которые делались невыносимыми от тряской лошадиной рыси, поэтому он признавал только иноходцев, а такие лошади встречаются в прерии крайне редко.

Кроме общей ненависти ко всем белым, Кровавый Череп руководствовался еще и личной местью. Причина ее нам известна.

Он поклялся отыскать человека, который снял с него скальп, оскальпировать его в свою очередь и затем предать самой мучительной смерти.

Во время войны, продолжавшейся до 1867 года, они нередко участвовали в одних и тех же боях, но несмотря на обоюдное желание лицом к лицу судьба их не свела ни разу.

В октябре 1867 года был подписан в Канзасе мирный договор между пятью главнейшими племенами Юга и правительством Союза. Колорадских волонтеров распустили. Мистер Билль вернулся к мирной жизни и принял прежний

чин полковника. Кровавый Череп скрылся где-то у сиуксов, увенчанный славой и обвешанный скальпами, которые он все с радостью бы отдал за один — с жесткими и сухими волосами — за скальп полковника Билля.

Последний не был спокоен за себя, часто встречая след иноходца и справедливо полагая, что договор — договором, а личная вражда индейца к нему — сама по себе.

В продолжение девяти лет их дороги неоднократно пересекались, они обменивались выстрелами, но оставались оба невредимыми.

Нашла коса на камень. Трудно было сказать, за кем в конце концов останется победа.

В 1874 году снова вспыхнула война, на этот раз с сиуксами, которые начали ее первые и принялись грабить и жечь поселки и скальпировать колонистов. Разумеется, Кровавый Череп и полковник Билль оказались в числе воюющих. Главный вождь всех соединенных племен сиуксов, знаменитый Ситтинг-Булль, выставивший семь тысяч воинов, взял Кровавого Черепа себе в ближайшие помощники.

Американскими войсками, высланными против сиуксов, командовали генерал Костер и полковник Крук. Ситтинг-Булль ухитрился заманить главные силы федералистов в ущелье Уайт-Маунтен, близ городка Бисмарка, и истребить их до последнего человека. После битвы он велел подать трупы Крука и Костера, вырезал у них сердца и съел на глазах у своих воинов.

Это было совсем в духе Чайвингтоновской бойни.

Полковник Билль и Кровавый Череп повстречались и тут. Индеец был уверен, что жертва на этот раз от него не уйдет и что он свершит наконец свою месть. Полковник чувствовал, что его скальп держится на одном волоске. Случилось иначе. В момент, когда Кровавый Череп, обнаружив полковника, устремился к нему, тот выстрелил из револьвера и ранил его в плечо. Индеец упал с коня, со своего пегого иноходца. Полковник моментально вскочил на него и ускакал, хотя и получил вдогонку шальную пулю, ранившую его на излете в левую руку.

— Это была едва уже не десятая их встреча, закончившаяся ничем.

С тех пор они не встречались до 1880 года, когда полковник Билль, начавший уже верить, что избавился от врага окончательно, неожиданно попался ему в руки во время охоты на бизонов.

Глава XIII

Индейцы, как они есть.— Дурные предчувствия полковника.— Фрикэ проголодался.— Парижанин завоевывает сердце старого дикаря.— Дела ковбоя идут все хуже и хуже.— Последствия опасного прыжка.— Снисхождение.— Прыжок через лошадей.— Победа Фрикэ.— Ужасное рукопожатие.— Фрикэ получает прозвище «Железная Рука».— Новые опасения.— С краснокожими ничего не выйдет.

Североамериканских индейцев многие представляют себе людьми серьезными, молчаливыми, говорящими образно и напыщенно. На самом деле они очень веселы, просты в обращении и выражаются далеко не высоким слогом. Серьезность и молчаливость напускают они на себя только на советах; там уж употребляется и этот надуманный метафорический стиль. У себя в деревне краснокожий охотно посмеется, попоет, пошутит и попляшет. В характере дикаря уживаются крайние противоположности. Сейчас он весел и добродушен, а через минуту может проявить ужасающую свирепость. Андрэ и Фрикэ, знавшие до сих пор индейцев только по книгам, были очень удивлены, когда увидели их такими, каковы они есть без всякой маски.

На пленников дикари, по-видимому, перестали вообще обращать внимание, а занялись торопливым набиванием своих желудков. Они болтали, смеялись, шутили, поглощая при этом громадные куски бизоньего мяса с невероятным обжорством и жадностью. Даже сам Кровавый Череп принимал участие в беседе, приправляя свой рассказ, должно быть, весьма солеными шутками, так как слушали его с видимым удовольствием и покрывали его слова дружным хохотом.

Фрикэ и Андрэ только удивлялись этой веселости индейцев, тогда как физиономия американца омрачалась все более и более: он понимал, о чем идет речь.

— Однако, полковник, наши враги довольно веселый народ, — сказал Фрикэ, — а истинный весельчак не может быть безнадежно жесток. Возможно, с ними еще можно будет столкнуться? Как вы думаете?

— Я думаю, мистер Фрикэ, что даже самый здоровый из нас уже обречен. Если б вы только понимали, что они говорят! Они смеются как тигры, если только это можно назвать смехом.

— Стало быть, дело очень серьезно?

— А вы еще сомневались? Эти скоты придумывают для нас самые утонченные муки и пытки и при этом хохочут. Вы тоже знаете, что я не трус. И уверяю вас, в эту минуту я испытываю страх. Не умереть я боюсь — нет. Раз смерть

пришла, так чего уж ее бояться. Но я боюсь тех ужасных мучений, которые нас ожидают перед смертью.

— Перспектива не из веселых.

— Если бы у меня были свободны руки, я бы всадил в себя нож. Если бы случайно у меня дрогнула рука, я бы стал умолять вас: ради Бога, убейте меня, господа!

— Значит, для нас все потеряно? Нам конец?

— Во всяком случае это произойдет не сегодня, потому что нам не дают есть.

— Действительно, не дают, и я начинаю чувствовать сильнейший голод. Кстати, разве наши друзья «каменные сердца» не могут сюда явиться и выручить нас?

— Не смею на это надеяться.

— А я смею. Двести молодцев с винчестерами — да ведь это сила! От здешних негодяев ничего не останется.

— Они их и ждать не станут. Кажется, мы сейчас двинемся в путь. До их племени несколько дней пути, и нас приведут в главную деревню, чтобы показать женщинам и детям. Там нас будут с неделю по крайней мере сытно кормить, чтобы мы хорошенько отъелись и подольше бы могли вытерпеть казнь, а не умерли бы в самом ее начале.

— Спасибо, полковник, за разъяснение. Стало быть, у нас в запасе есть еще несколько дней, а там, быть может, и выручка подоспеет. Но я проголодался и намерен потребовать, чтобы меня накормили. Как вы считаете, monsieur Андрэ?

— Скажу, что я с тобой совершенно согласен. У меня в желудке тоже черт знает что делается. Я хочу попросить кусок дичины.

— Эй, вы там! — крикнул Фрикэ на своем невообразимом английском языке. — Не найдется ли у вас чего-нибудь перекусить?

Ответа не было.

— Что же вы на меня уставились, точно гуси, услышавшие тромбон? Кажется, ясно: мы голодны, нужно нас покормить. Пленных всегда кормят.

Никто и бровью не повел, будто не поняли.

— Вот дикари! — проворчал по-французски Фрикэ.

— При этих словах с земли вдруг поднялся старик-индеец, одетый в разношерстную полуевропейскую мишуру, и подошел к пленным.

— Дикари? — проговорил он с удивлением.

— Ну да, дикари, а то кто же? Вы мало того что нас связали, вы еще и голодом нас морите.

— Зачем голодом? Надо кушать.

— Да ты, ирокез этакий, умеешь говорить по-нашему?

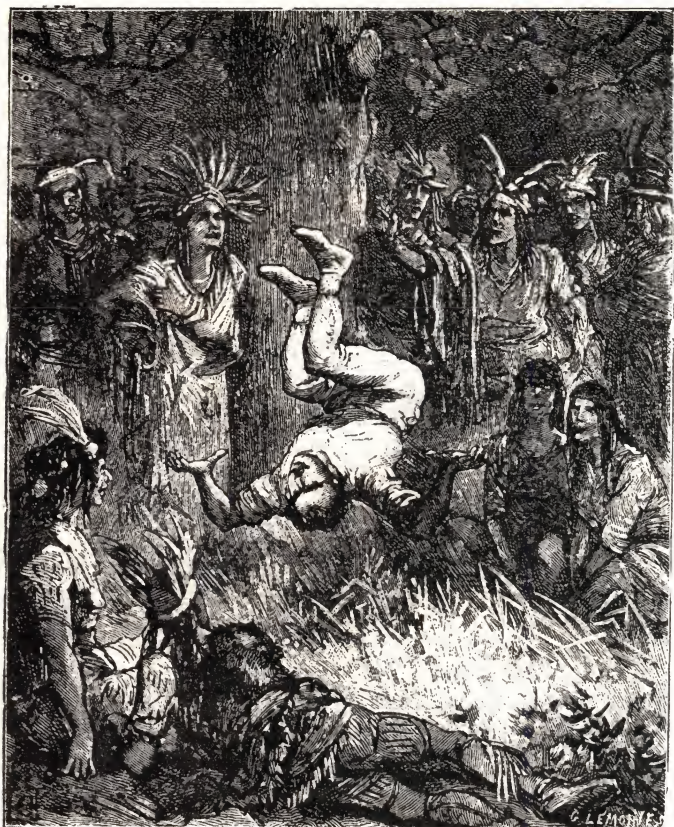

Старик-индеец подошел к пленным

- Французы?.. Вы французы?..
- Ну да, французы. Из самого Парижа. А тебе что?
- Я... знавал... отца де Смэ.
- Ты знавал отца де Смэ, миссионера? — с живостью вскричал Андрэ.
- Да, отца де Смэ... Отца сиуксов-дакотов.
- Не похвалил бы он вас за такое обращение с нами, — перебил Фрикэ. — Но об этом после. А пока давайте нам есть и пить и развяжите нас, а то у нас отекли и руки, и ноги.

Старик отошел к группе воинов, среди которых оратор-

Ему пришла фантазия сделать прыжок через голову

ствовал Кровавый Череп, и произнес какую-то длинную фразу. Ему возражали, потом долго горячился индеец с изуродованной головой, но старик упорствовал и в конце концов, должно быть, убедил, потому что через четверть часа он вернулся к пленным и положил перед ними солидный кусок мяса.

— Вот за это спасибо, дедушка. А теперь развяжи-ка вот эти веревки: они совсем сдавили ножки и ручки беденькому мальчику Фрикэ.

Старик несколько секунд колебался, но потом исполнил просьбу парижанина.

— Браво, старик! Теперь господину Андрэ разрежь. Monsieur Андрэ — это вот тот брюнет, который все молчит, но обо всем думает. Так. Господин краснокожий, вы добры, как сам крупитчатый папушник. Ну, теперь вот ему, — продолжал Фрикэ, указывая на американца.

— Нет! — резко ответил старик..

— Почему?

— Нет, нет и нет, — повторил тот с невыразимой ненавистью. — Он не француз. — Он — Длинный Нож.

— Ну и что же?

— Нельзя! — отрезал старик и на кончике ножа поднес к губам ковбоя кусок мяса.

— Так вы будете кормить его сами с ножичка? Надо же! А, по-моему, лучше бы просто развязать.

— Нет.

— Ну, дедушка, не будь таким сердитым. Ведь мы от вас все равно никуда убежать не можем.

Фрикэ встал и потянулся, разминая отекавшие члены. Потом вдруг ему пришла странная фантазия перекувырнуться через голову. Индейцы перестали есть и громко захохотали.

— А! Это им нравится! Ну что ж, будем продолжать в том же духе.

С пронзительным и веселым криком отчаянный клоун перекувырнулся через голову еще и еще раз; прошелся колесом перед почтенной публикой, проделав ряд уморительных штук, как настоящий клоун, и закончил представление умопомрачительнейшим *grand-ecart*. Индейцы пришли не только в изумление, но и в восторг. По рядам их пробежал гул и одобрительный ропот.

— Вот что значит получить законченное воспитание! — балагурил Фрикэ. — Но это еще не все. Если угодно, милостивые господа и милостивые государины, я вам покажу и другие вещи. Господа, не желает кто-нибудь из вас помериться со мной французским или английским боксом? Молчат. Неужели никто так и не желает?

Андрэ хохотал от всей души, глядя на проказника.

— Итак, — продолжал Фрикэ, — бокс вам не надобен. Ну, а не возьмется ли кто-нибудь перепрыгнуть через трех лошадей, поставленных рядом?

Он смело схватил за повод одну из лошадей, стреноженных неподалеку, и повел было ее на открытую площадку, поросшую, словно газон, густой и короткой травой. Лошадь испугалась белого человека и встала на дыбы. Индейцы, заподозрив покушение на побег, окружили Фрикэ

с угрозами. Тот обратился к старику и объяснил ему свое намерение. Добряк, испытывавший к юноше симпатию, знаками показал, что понял суть дела. Он сам подошел к лошади, взял ее за узду, успокоил свистком и знаком позволил юношу, чтобы тот взял ее.

— Прыгать через одну лошадь — пустое ребячество, — сказал Фрикэ. — Не правда ли, Андрэ?

— Не всякий и это может, — отвечал тот.

— Я могу и больше, да только у меня все суставы заржавели от веревок. Но все-таки я им нос утру, выложу перед ними.

Привели вторую лошадь, потом третью и поставили их в ряд.

— Кто желает? — спросил Фрикэ.

Из толпы, подталкиваемый товарищами, выступил молодой рослый индеец с мускулами гладиатора, с профилем, как на старинной римской медали, и степенно приблизился к Фрикэ.

Он, не стесняясь, скинул с себя кожаные панталоны, куртку из бизоньей шкуры, мокасины и отошел на несколько шагов для разбега.

— Сильный парень, — проговорил Фрикэ с видом знатока. — Но что за идея — упражняться в голом виде, в чем мать родила! А впрочем — молодец! Браво, браво!

Индеец приготовился к броску. В несколько секунд пробежал он расстояние, отделявшее его от лошадей, и с ловкостью перепрыгнул через всю тройку.

Индейцы завывали от радости, насмешливо поглядывая на Фрикэ, который рядом с богатырем-индейцем казался бледным и тщедушным.

— Ах вы, тюлени! Ну, смейтесь-смейтесь. Посмотрим, кто будет смеяться последним. Особенно-то не радуйтесь. Вот что. Приведите-ка мне еще трех лошадей, дедушка.

— Трех? — переспросил старик.

— Да, трех. Я буду прыгать через шесть.

— Ах!..

— Что «ах»? Вы удивлены? Да в нашей стране это могут сделать не только мужчины, но даже женщины и дети.

Поставили еще трех лошадей рядом с прежними тремя. Фрикэ даже нарочно увеличил между нами промежутки.

Индейцы окончательно забыли про еду и возбужденно следили за белым юношей.

Фрикэ отошел назад, скинул свои тяжелые желтые сапоги и, прокричав: «Раз!.. Два!.. Три!..», сделал несколько

быстрых мелких шагов, потом прыгнул, как на пружине...

Словно молния мелькнула.

Почти в один миг он легко перемахнул через всю шестерку лошадей и очутился по другую их сторону. Индейцы громко вскрикнули от восторга.

— Пустое дело, — сказал Фрикэ. — Пожалуй, парочку можно бы и еще прибавить. Ну, сударь, теперь ваша очередь, — обратился он к молодому человеку.

Тот отрицательно покачал головой.

— Отказываетесь? Ну, что ж. Будем друзьями. Давайте руку.

Фрикэ протянул ему руку. Индеец вложил в нее свою.

Вскоре на его лице изобразилось глубокое изумление, потом тревога и боль. Брови его нахмурились, рот раскрылся. Он завертелся и изогнулся пополам, как будто рука его попала в тиски.

— А-гу! — крикнул он хрипло.

— Что «а-гу»? — спросил Фрикэ, выпуская его обескровленные пальцы. — Это не «агу», а дружеское рукопожатие. У нас так жмут друг другу сплошь да рядом. Спросите хоть Андрэ.

Но краснокожий парень в ужасе расправлял раздавленные пальцы и даже глаз не смел поднять на этих удивительных людей. Вскоре он смешался с толпой, бормоча про себя какое-то слово, которое вполголоса повторяли и прочие индейцы. Фрикэ обратился к американцу:

— Скажите, полковник, что это за слово, которое они все твердят? Я даже и выговорить его не могу.

— Они называют вас Железная Рука. И это по заслугам. У вас в руках удивительная сила. Вы дикарям очень понравились и кое-что выиграли благодаря этому.

— Вы думаете, они нас отпустят?

— Ишь какой ты приткий! Вас только избавят от столба пыток и убьют без дополнительных мучений. И это уже много значит.

— Спасибо. Вы очень добры. Но я нахожу, что этого мало. Я им готовлю, или, вернее, мы все им готовим, целый ряд сюрпризов. И я уверен, что мы от них благополучно улизнем.

— Хотел бы я разделить вашу уверенность, мистер Фрикэ, но — увы! — не могу. Послушайте меня, бросьте ваши иллюзии. Разочарование ужасно. Во всяком случае, если только будет к тому хоть малейшая возможность, не забудьте доставить мне нож. Повторяю: я согласен умереть, но не желаю подвергнуться пыткам.

Глава XIV

Преклонение индейцев перед телесной силой и ловкостью. — Фрикэ не хочет пользоваться преимуществами, если они не будут распространены и на Андрэ. — Отряд движется на север, потом на запад. — Индейские собаки. — Визгамы. — Неласковый прием. — Как Кровавый Череп прекращает обмороки. — Хижина вождя. — Фрикэ Железная Рука узнает, что он великий воин. — Планы побега. — Каким способом Кровавый Череп затвятил трех пленников.

Часть предсказаний американца относительно двоих пленников исполнилась. По окончании дружеского состязания вождь отряда приказал сниматься с лагеря и выступать.

Связанного полковника без церемоний опять взвалили на лошадь, как тюк, привязали и повезли. Парижанин с неудовольствием ожидал и себе такой же участи, но ему подвели оседланного и взнузданного коня и предложили на него сесть. Старик-индеец объяснил, что такое снисхождение оказывается за его доблесть, но что он должен все-таки смириться с тем, что ему свяжут руки спереди на груди.

— Ну что ж, — сказал он, — если иначе нельзя, то я подчиняюсь. Но только, как же тогда я буду править лошастью?

— Ее возьмет за повод воин, который будет скакать рядом с тобой.

Парижанин дал себя связать и с помощью воина влез на седло.

— Все же и это плюс, — рассуждал он. — А потом увидим... Эй, нет, стойте! Так нельзя! Для monsieur Андрэ извольте сделать то же, что и для меня, иначе я не согласен. Тогда уж и меня опять извольте связать.

Воины не понимали. Лихой парижанин сделал сверхчеловеческое усилие, поднатужился — и ремни, которыми он был связан, лопнули, как простые бечевки. Быстро спрыгнул он на землю, выхватил у одного воина висевший сбоку нож для скальпов и в один миг перерезал ремни, которыми был связан его друг.

Дикари были ошеломлены.

Фрикэ же преспокойно взял ножик за острие и с самым любезным видом подал владельцу, говоря:

— Вот вам, душенька, ваш ланцет. У меня и в мыслях не было употребить его во зло. Я только хочу, чтобы вы с monsieur Андрэ, который стоит дюжины таких, как я, обращались не хуже, чем со мной. Только и всего. Поняли, а?

Индейцы опять заволновались и ударились в бесконечный спор. Они не поняли слов, но уловили смысл всего проис-

ходящего. Далеко не всем улыбалось исполнять требование парижанина.

— Как угодно, но только уж тогда вяжите и меня. Правда, он не устраивал перед вами акробатического представления, но я старался за него и за себя. Если награждать, то уж награждать. Я все сказал.

Индейцы догадались, что Фрикэ желает остаться связанным, если они не изменят отношения к ему другу. Это расположило их в его пользу еще больше.

В сущности, всякая попытка убежать была бы совершенно бесполезна. Поэтому дикари согласились развязать Андрэ ноги. Но на этот раз руки двум друзьям скрутили вдвое крепче прежнего.

Отряд, задержавшись из-за этого инцидента, по крайней мере на полчаса, наконец, выступил.

Двигались сначала в северном направлении, мимо цепи так называемых Теземенских озер, потом свернули на запад к озеру Калиспельму и, проведя в дороге весь остаток дня и всю ночь, на рассвете прибыли в долину, по которой в живописном беспорядке были разбросаны многочисленные хижины из бизоньих шкур.

Послышалось яростное рычание, и к приезжим кинулась целая свора собак весьма злобного вида. «Друзья человека» почти совсем не ласкались к своим хозяевам, а на пленников и вовсе оскалили острые белые клыки.

Неласковость индейских собак к своим хозяевам отмечена давно. Она объясняется, во-первых, дурным обращением с ними самих индейцев, которые одинаково грубы и с ними, и с лошадьми, и со своими женами, а во-вторых, тем, что во время голодовок собак преспокойно убивают и едят.

Собачий лай и вой перебудил все сонное население хижин.

Индейская хижина, или вигвам, стоит того, чтобы описать ее хотя бы кратко.

Представьте себе воткнутые в землю жерди, которые соединены сверху в одной точке. Общая длина жердей от пяти до шести метров. На этот остов натягивают бизоньи шкуры или холст, оставляя сверху отверстия для выхода дыма.

По одну сторону вигвама проделывается входное отверстие, в которое можно проникнуть только ползком. Его занавешивают бобровой шкурой или просто холстиной, прибитой сверху гвоздями. Это дверь.

В этом неудобном жилище постоянно горит огонь в очаге, и вокруг огня разложена куханная утварь, всегда идеально грязная: котлы, чугуны, горшки и т. д. Вся мебель — это би-

зоньи шкуры, служащие и постелями, и одеялами. Одежда — грязная, рваная — развешана по жердям на гвоздях вместе с копчеными бизоньими тушами и сыромятными ремнями. Прибавьте к этому деревянные сундуки с более ценной рухлядью и вещами, присовокупите невыносимую вонь — и вот вам жилье для полдюжины индейских душ обоего пола.

...У всех хижин поднялись дверные занавески и высунились кирпичные лица с черными глазами. Отвратительные старухи, типичные мегеры, злобно растягивали до ушей свои противные беззубые рты и визжали как гиены, перекрывая временами даже собачий лай. Вслед за ними из отверстий полезли дети, потом женщины, демонстрирующие свою ненависть к белым, и, наконец, люди «солидные», считающие ниже своего достоинства выражать чувства.

Несмотря на то, что кони устали, воины не могли отказать себе в удовольствии от небольшой скачки. При пленниках остались только Кровавый Череп и старик, с очень странным именем — Тот, Который Видел Великого Отца.

После оживленного спора между ними обоими, причем старик, видимо, был вынужден в чем-то уступить, последний помог Фрикэ и Андрэ слезть с лошади, а Кровавый Череп, словно тюк, стащил полковника Билля. Видя, что полковник почти потерял сознание, он несколько раз кольнул его ножом в ладони, чтобы привести в чувство. Ковбой открыл глаза, вздохнул глубоко-глубоко и устремил на врага блуждающий взгляд.

Тот, Который Видел Великого Отца объяснил пленникам, что они вместе с американцем будут жить в хижине Кровавого Черепа, пока совет вождей не решит их участи. Старик очень бы желал взять их к себе, но Кровавый Череп не соглашается. Для них сделана только одна уступка: пищу будет доставлять его жена — Мать Трех Силачей, потому что он не доверяет своему мстительному товарищу.

Друзья поблагодарили старика и пошли за Кровавым Черепом, сопровождаемые орущими ребятишками, разъяренными женщинами и лающими псами. Женщины, кроме того, грозили пленникам кулаками, а псы свирепо скалили зубы.

Полковник не мог идти. Ноги распухли, отказывались служить. Кровавый Череп, желая сохранить своего врага для предстоящих пыток, сам растер ему больные члены и в конце концов понес его на руках. Ненависть исполнила долг человеколюбия!

Пленники дошли до хижины вождя и поспешили укрыться в ней от шума и гама. Несмотря на то, что за время

своих скитаний привыкли ко всему, они невольно вскрикнули от отвращения — до такой степени было там грязно и злобно. Индеец вошел спокойно, опустил полковника на бивонью шкуру и сел около него в позе гранитной статуи.

Дым, копоть, вонь от полусгнившего мяса до такой степени возбуждали тошноту, что Фрикэ сказал:

— Ффа!.. Это, по-моему, начало пыток. Вот омерзительное логовище.

И он обратился по-английски к вождю, который не сводил с полковника взгляда неуголенной ненависти.

— Послушайте, гражданин, вы ведь говорите немного по-английски. Неужели нельзя приоткрыть немного дверь? Очень уж у вас тут душно.

Кровавый Череп как бы нехотя отвел взгляд от ковбоя и важно ответил:

— Железная Рука — человек молодой, но великий воин. Он может поступать как ему угодно.

— Железная Рука?.. Это что такое?.. Ах, да, вспомнил: мое индейское прозвище. Спасибо, почтеннейший. Я воспользуюсь разрешением и проветрю немного хижину. Здравствуй, ветерочек, добро пожаловать! Что же это, monsieur Андрэ, говорю все только я один? Примите и вы участие в беседе.

— Продолжай свои шутки и развлекай по возможности этого негодяя, — отвечал вполголоса Андрэ. — Я помолчу и обдумаю, нельзя ли как-нибудь освободиться отсюда.

— Я заранее согласен на любой план, как бы ни велики были шансы на успех. А у вас уж что-нибудь зародилось?

— Да. Но надобно подождать, когда полковник соберется с силами.

— Понятно. А что тогда?

— Негодяя-индейца мы свяжем, завладеем оружием — его в хижине много, переоденемся индейцами...

— Захватим каждый по мустангу — и были таковы. Разыграем спектакль «Дочь воздуха» *.

— Так. И если нам удастся эта первая часть нашего предприятия, мы поскачем в прерию.

— Само собой.

— Вот тут-то и начнутся всевозможные трудности.

— Без этого ничего не дается.

— Так вот ты и предоставь мне на свободе все обдумать как можно основательнее.

— Идет. А я тем временем буду любезничать с противным

---

* Название пьесы.

Кровавый Череп рассказывал, как ему удалось взять полковника

индейцем и, быть может, вытяну из него какие-нибудь полезные сведения. Тс!.. Он что-то говорит полковнику. Поему слушаем, это, наверное, интересно.

Кровавый Череп не обращал никакого внимания на французов. Он был весь поглощен своим врагом и наслаждался будущим мщением. Теперь он принялся рассказывать на ломаном английской языке, каким образом ему удалось взять его в плен.

— А!.. А!.. Белый Сниматель Скальпов считал себя в полной безопасности. Он забыл, что ненависть краснокожего воина не засыпает никогда. Кровавый Череп бывал среди

белых, одевался в их одежду. Живал в деревянных и каменных домах. Много раз он близко-близко подходил к Белому Снимателю Скальпов, но тот его не узнавал. Кровавый Череп часто имел возможность убить его и снять с него скальп. Но Кровавому Черепу этого мало. Он хочет видеть своего врага на столбе пыток. Хочет послушать, как будет шипеть его тело на огне, как будут трещать его кости; хочет видеть, как потечет его кровь; хочет насладиться его страданиями; хочет довести его до того, что он будет просить себе смерти как милости. Когда Белый Сниматель Скальпов выезжал с отрядом охотников из Валлулы, он не узнал Кровавого Черепа среди других индейцев. С тех пор Кровавый Череп все время следит за ним, не выпуская из вида. Он собрал своих друзей из трех племен и устроил засаду, в которой погибли белые. Он взял их скальпы.

— Так вот кто убийца! — проговорил в сторону Фрикэ. — Принимаю к сведению и при случае не пощажу.

— Кровавый Череп — великий вождь, — продолжал индеец, все больше и больше воодушевляясь. — Он поджег прерию, когда Белый Сниматель Скальпов убил Лосинога Рога, собиравшегося его схватить. Он последовал за белыми в землю «каменных сердец». Он отогнал и заманил белых туда, где их взяли в плен. И вот теперь Белый Сниматель Скальпов во власти Кровавого Черепа. Теперь уж ему не уйти от заслуженного мщения. Воины Кровавого Черепа находятся сейчас не на своей земле, а на земле мирных индейцев, вырождков, сделавшихся подданными Великого Отца, живущего в Вашингтоне. Поэтому с казнью необходимо спешить. Завтра соберется великий совет вождей, а послезавтра белые будут привязаны к столбу. Ты слышишь это, Белый Сниматель Скальпов? Послезавтра. Кровавому Черепу теперь можно будет успокоиться и закопать в землю топор войны, потому что твой скальп заменит у него на голове эту шапку. Я сказал.

— Черт возьми! — пробормотал Фрикэ. — Это не особенно весело. Если я верно понял, что говорил этот урод, то у нас впереди только две ночи и один день. Над этим стоит хорошенько поразмышлять.

Глава XV

В индейской хижине. — Мать Трех Силачей. — Шествие. — Хижина, где проходит совет. — Семь вождей. — Их одевание. — Шляпы, шляпы и шляпы. — Какофония. — Церемониал. — Слепой Бобр, великий вождь. — Кровавый Череп в роли прокурора. — На выставке. — Небольшой, но ценный подарок. — Предполагаемый обмен скальпами. — Осуждение полковника. — Кровавый Череп требует три жертвы. — Речь Фрикэ.

Несмотря на вонь и испарения, царящие в хижине, пленники в конце концов крепко уснули.

Их тяжелый сон, с кошмарами, с неприятным чувством удушья продолжался до самого позднего утра. Когда они проснулись, огонь в очаге давно потух, а в верхнее, дымовое, отверстие хижины врывались веселые лучи солнца. Пленники были в хижине одни, но стража находилась поблизости: снаружи доносились голоса. Кто-то с кем-то вел переговоры.

Вдруг голоса умолкли. Дверную занавеску подняла чья-то сухая, изможденная рука. Появилась старуха, измученная не столько годами, сколько непосильным трудом. Она принесла пленникам пищу.

— Мать Трех Силачей исполняет то, что обещал Тот, Который Видел Великого Отца, — сказала она. — Пусть белые едят, но только побыстрее: сейчас их поведут на суд вождей.

Фрикэ и Андрэ торопливо проглотили несколько больших кусков жареной дичи, сгрызли несколько очень вкусных маисовых лепешек и накормили американца.

Женщина сказала правду.

Едва пленники успели докончить свой незатейливый, но сытный завтрак, как в хижину вошел Кровавый Череп в полном вооружении и размалеванный краской, обозначающей войну.

— Белые должны встать и идти за мной, — проговорил он грубо. — Они предстанут перед своими судьями и увидят великих воинов.

— Так нас будут судить? — перебил Фрикэ. — Мы, значит, не осуждены заранее? Это любопытно. Мы увидим интересные вещи.

Он прибавил, обращаясь непосредственно к вождю, который в своей раскраске, в военных доспехах и украшениях казался еще суровее:

— Вот что, гражданин, извольте нам развязать ноги. Так идти неудобно и некрасиво, и вообще мы так не желаем.

— Кровавый Череп согласен, — со злой улыбкой проговорил индеец. — Пусть белые попользуются свободой за не-

Вокруг очага сидели семь индейцев

сколько минут перед тем, как их привяжут к столбу пыток.

— Вот уж придушил бы я тебя, молодчик, если б тут не было двухсот таких же негодяев, как ты,— проговорил в сторону Фрикэ.— Ну, да мы еще посмотрим...

— Идем,— сказал Андрэ, когда индеец закончил развязывать ноги полковнику.

Они вышли из хижины. Впереди шел вождь, а сзади воины, что стояли с ружьями у хижины. Появление пленников произвело на толпу заметное впечатление, но по бесстрастным лицам краснокожих трудно было судить, отнесится к ним толпа с ненавистью или только с любо-

пытством. Женщин и детей не было. Очевидно, им запретили показываться. В толпе были только мужчины.

Шествие приблизилось к хижине, что была поболе других. В ней свободно могли поместиться человек двадцать. Серая холстина, которой обычно она покрыта, оказалась со всех сторон приподнятой до половины — в предупреждение духоты и чтобы было светлее.

Воины разместились вокруг хижины, дабы преградить доступ любопытным и лучше все видеть самим.

Кровавый Череп вошел в хижину между двумя жердями. Вокруг очага, на котором среди золы тлело несколько угольев, сидели в ряд семь индейцев в полном воинском убранстве, то есть обвешанные всевозможными нелепыми украшениями и амулетами, похожими на шутовские погрешки и придававшие воинам весьма странный и смешной вид.

Когда пленники без страха, но и без пустого бахвальства остановились перед вождями, те запели что-то дикое, нестройное, с какими-то выкриками, похожими на звериный визг или вой. Пение длилось довольно долго; этим временем Андрэ и Фрикэ воспользовались для своих наблюдений, а американец нашел у себя в кармане немного табаку, запихнул его в рот и стал с наслаждением жевать.

Посередине, на переднем месте, сидел древний старик с мутными, слепыми глазами. Он был очень стар, но сохранил бодрость и свежесть.

Фрикэ заметил, что у всех вождей на головах были шляпы американского производства. Но в каком виде! Бог ты мой! Волосы старика цвета вороного крыла покрывал шелковый цилиндр, порыжелый и взлохмаченный так, что ворс сделался похож на мех лишайной черной кошки. Кроме того, цилиндр был измят и сплюснен. Ничего, все-таки шляпа... На другом вожде был также надет цилиндр, но еще в более худшем виде: без полей и с укороченной тульей. В этом индейце Фрикэ узнал своего друга и покровителя — Того, Который Видел Великого Отца. Мягкие фетровые шляпы остальных вождей были не менее затасканными и грязными.

Лица у всех были расписаны синей, желтой, красной и черной краской.

Выглядели они безобразно и карикатурно.

Костюмы были не менее ужасны: оборванные, засаленные мундиры американских офицеров, пиджаки, фланелевые блузы с разрезом сзади, как у сюртука, оборванные и обрезанные брюки, старые сапоги и башмаки, да еще к тому же разрозненные — например, на одной ноге сапог,

а на другой башмак или мокасин. Но зато на всех вождах были надеты ожерелья из раковин, серебряных долларов, зубов, когтей и даже из металлических ружейных гильз.

Важнейшим украшением, видимо, считался золотой мексиканский пиастр, просверленный с краю и привешенный на веревочке. У главного вождя место пиастра занимало круглое зеркальце грошовой стоимости. На Том, Который Видел Великого Отца торжественно висела большая серебряная медаль, пожалованная президентом Линкольном, принимавшим его в Вашингтоне в числе других индейских депутатов. По этому случаю он и получил свое длинное прозвище.

Когда пение кончилось, Кровавый Череп стал направо от пленников. Он не занял места рядом с судьями, а выступил в роли прокурора. Взяв трубку с камышовым чубуком, он насыпал в нее табаку, на табак положил уголек и вложил чубук в руку слепого вождя.

Тот затанулся три раза, прокричал: «Агу!» и медленно произнес:

— Я Слепой Бобр.

После этого он передал трубку соседу. Тот также затанулся три раза, прокричал «Агу!» и прибавил:

— Я Лосиный Рог.

Трубка пошла вкруговую, причем каждый вождь курил, вскрикивал «Агу!» и представлялся:

— Я — Тот, Который Видел Великого Отца.

— Я — Серый Медведь.

— Я — Длинный Шест.

— Я — Похититель Меда.

— Я — Раненный В Лицо.

Потом все опять разом крикнули:

— Агу!

Кровавый Череп покурил после всех. Он разломал чубук и сказал:

— Я — Кровавый Череп, помощник Ситтинг-Булля, великого вождя сиуксов-огаллалов.

— Сын мой, Кровавый Череп, — великий воин, — отвечал, помолчав, Слепой Бобр. — Мы приветствуем его!

Остальные шесть вождей повторили по очереди:

— Кровавый Череп — великий воин, мы приветствуем его! Агу!

Слепой Бобр заговорил опять:

— Кровавый Череп — великий воин, такой же вождь, как и мы. Почему он не садится рядом с нами?

— Его место не рядом с великими вождями Запада. Он перед нами стоит как проситель.

— О чем же просит сын мой, вождь огаллалов?

— Отец, твои глаза слепы, они не могут меня видеть, но твои уши могут слышать голос несчастного. Отец, я умоляю о правосудии.

— Сын мой, мои уши открыты твоему голосу. Правосудие тебе будет оказано.

— Братья!.. Я умоляю о правосудии!

— Правосудие тебе будет оказано, брат мой, — проговорили поочередно все вожди.

Слепой Бобр продолжал:

— Говори без страха, сын мой. Вожди дали тебе слово.

Кровавый Череп на минуту задумался, потом вдруг выпрямился, трясаясь от злобы, сорвал с себя меховую шапку и швырнул наземь. Перед судьями открылся его противный изуродованный череп, покрытый блестящей розовой кожей.

Вожди не могли удержаться, чтобы не вскрикнуть от гнева и ужаса. До сих пор сикс никому еще не демонстрировал своего увечья; в первый раз он показал его полковнику, теперь вождям.

— Отец, — произнес он задышающим голосом, становясь на колени перед Слепым Бобром, — твои глаза не могут видеть того места, где у меня вились раньше длинные пряди черных волос, краса и гордость воина. Положи твою руку на мою голову, голую, как горб ободранного бизона.

Старик тихо, без малейшего волнения провел рукой по голому черепу и проговорил мрачным, глухим, как бы замогильным голосом:

— Мои руки осязают. Моя мысль видит. Сын мой лишился скальпа. Сын мой очень несчастлив, но о бесчестье для такого знаменитого воина не может быть и речи.

— Агу! Отец сказал хорошо! — подтвердили вожди.

— Спасибо, братья. Вы не отвергаете Кровавого Черепа. Но что скажут наши предки, когда мое тело останется здесь, а дух полетит в вечнозеленую прерию, где люди нашей расы на быстрых, как ветер, мустангах охотятся за бизонами? Они не примут в свою среду воина, у которого голова похожа на чешую черепахи...

— Агу! — печально согласились вожди, не находя возражений.

— Однако, отец мой, — продолжал Кровавый Череп, — ты носишь звание великого вождя и обладаешь мудростью, свойственной старому возрасту. Скажи, как ты полагаешь:

Старик провел рукой по голому черепу

если я добуду скальп своего врага и оскорбителя, простят ли меня тогда наши предки?

Старик с минуту подумал. Потом, среди глубокого молчания, медленно приподнялся, ощупал свой пояс, снял с него нож для скальпов и сказал, подавая его Кровавому Черепу:

— Вот, сын мой, возьми этот нож, снявший много скальпов. Порази им того, кто поразил тебя. Иди смело, сын мой! Пусть глаз твой будет спокоен, рука тверда и сердце крепко. Предки примут тебя, если ты добудешь скальп врага.

Прочие вожди восторженно одобрили слова своего пред-

седателя. Индейцы по натуре мстительны и кровожадны.

— Узнай же, отец мой,— вскричал Кровавый Череп, потрясая полученным ножом,— узнай, что я с другими воинами, твоими сыновьями и моими приемными братьями, захватил в плен этого врага. Это белый. Это Длинный Нож. Он здесь, перед тобой!

— Агу! — перебил старый вождь, как будто только сейчас узнал эту новость.— Сын мой знает, что ему делать!

— Отцу моему должно быть ведомо, что мой враг, Белый Сниматель Скальпов — тоже великий воин. Он много лет воевал с Кровавым Черепом. Разве он, прежде чем лишиться скальпа, не должен показать краснокожим людям, что он не боится мучений? Не должен ли он поплатиться за тот позор, который я, благодаря ему, испытываю вот уже много лет? Не следует ли нам привязать его к столбу и принести в жертву предкам? Ведь таков наш обычай.

— Сын мой, ты сказал хорошо. Белый Сниматель Скальпов — великий воин. С ним должно поступить как с воином. Он будет привязан к столбу и пытан огнем. Что скажут на это мои сыновья, остальные вожди?

— Отец мой хорошо сказал,— отвечал Лосиный Рог.— Снимателя Скальпов получают сперва наши младшие воины, а потом Кровавый Череп после пытки снимет с него скальп. Агу!

Пятеро остальных вождей повторили слово в слово эту формулировку.

Первая часть заседания окончилась.

Американец был бесповоротно осужден.

Три пленника за все время не произнесли ни слова.

Кровавый Череп засунул полученный нож за пояс и сел на пол, даже не взглянув на полковника. Тот был презрительно спокоен и все время плевал на очаг меткими плевками, словно все свои способности хотел употребить на то, чтобы потушить головню.

Наступила пауза, продлившаяся не менее пяти минут. Кровавый Череп вновь поднялся и, указывая на двух французов, снова вошел в роль публичного обвинителя.

— Послушай дальше, отец мой. Какого наказания заслуживают те люди, которые держат сторону наших врагов, опустошают наши земли, истребляют наших бизонов и всячески нас притесняют?

— Что ты хочешь сказать, сын мой?

— Твои воины под моим начальством взяли в плен еще двоих бледнолицых; эти люди — товарищи Белого Снимателя Скальпов. Я требую также и для них казни, а скальпы

их украсят пояса двух самых младших из наших воинов.

Американец все время переводил товарищам слова индейца. Сиукс собирался продолжать свою речь дальше, как вдруг Фрикэ перебил его своим звонким голосом:

— Эй вы, злобный человек с голым, как камень, черепом! Что вы там за вздор несете? К чему вы обманываете старика? Что за наглая ложь? Коли говорить, так правду. Во-первых, мы вовсе не держим сторону ваших врагов, мы просто мирные путешественники. Во-вторых, мы охотились не на вашей земле, а у наших друзей, у «каменных сердец», с их разрешения. А вот вы пришли на их землю браконьерствовать. В-третьих, мы здесь никого не притесняем, ни у кого землю не отнимаем, а приезжали просто попутешествовать и скоро собираемся домой к себе на родину. В ваши дела не вмешивались и не вмешиваемся, у нас и своих дел довольно. С американцами у вас сейчас мир, а не война, поэтому на каком основании вы лишили нас свободы?

— Что говорит белый человек? — спросил старик, который, конечно, ничего не понял из этой речи: Фрикэ произнес ее залпом и по-французски.

Полковник перевел ее почти буквально.

— Правду ли говорит бледнолицый? — переспросил старик.

Американец перевел. Фрикэ ответил:

— Вот что, старик: я иногда шучу для смеха, но не лгу никогда.

— Что скажет Кровавый Череп? — спросил старик.

— Я скажу, отец, что все белые люди — наши враги. Они нарушают договор, захватывают наши земли, похищают у нас женщин, убивают нас, где только могут, и вообще хотят истребить всю нашу расу. Мы должны их уничтожать, если не хотим сами быть уничтоженными. Если я имею перед вами хоть какие-нибудь заслуги, много лет пробыв рядом с вами и начальствуя над вашими воинами, то я прошу себе награды: прошу предать смерти обоих этих белых.

Глава XVI

Дела идут все хуже и хуже.— Кровавый Череп не выпускает из рук добычи.— Андрэ защищается.— Французы в Канаде.— Напрасное красноречие.— Смертный приговор.— Новые мечты о победе.— Бывший медиум.— Сюрприз.— Экзамен.— Подвиги стрелка.— Всадник, каких мало.— Восторг.— Фрикэ и Андрэ получают приглашение стать индейцами.

Такая постановка вопроса, какой ее сделал мстительный сиукс, чрезвычайно затруднила решение совета и оказалась очень опасной для французов.

Участь американца вожди решили легко: они знали, что он — старинный и заклятый их враг, и нисколько не переживали за него. Они считали себя вправе поступить с ним так, потому что и он, в случае чего, поступил бы с ними не лучше. По отношению к нему совесть у них была вполне спокойна.

Но Фрикэ и Андрэ — другое дело.

Краснокожие редко встречали таких путешественников, как французы. Они интуитивно чувствовали, что эти люди незаурядные, не похожие на других и что их следовало бы оставить в покое, тем более что они были гостями «каменных сердец», а с «каменными сердцами» эти индейцы были в мире... Кроме того, им лично был симпатичен Фрикэ с его физической силой и фокусами.

С другой стороны, Кровавый Череп среди них, а также и у соседних племен слыл весьма влиятельным человеком. Отказывать ему тоже не следовало бы.

Случай был очень трудный.

Слепой Бобр счел самым разумным затянуть окончательное решение. Он сказал после долгой паузы, во время которой полковник переводил французам слова сиукса:

— Белые охотники слышали, что сказал Кровавый Череп. Пусть они отвечают откровенно и смело. Уши вождей открыты для всякого слова правды.

Андрэ, до сих пор спокойно молчавший, знаком показал, что желает говорить.

— Отец, — сказал он своим приятным голосом, — и вы, мои братья, выслушайте меня. Хотя мы и не принадлежим к американскому народу, к тем людям, которых вы называете Длинными Ножами, тем не менее по крови и по цвету кожи мы с ним братья, подобно тому, как все краснокожие — тоже братья между собой. Мы не отделяем себя от того человека, который переводит вам мои слова, мы не хотим для себя никаких преимуществ перед ним. Мы с ним позна-

комились совсем недавно, но он был нашим верным проводником среди опасностей, жил одной жизнью с нами, ел с нами хлеб, пожимал нам руки. Он такой же белокожий, как и мы. Или и мы умрем вместе с ним, или вы выпустите и его на свободу.

— Сэр, — перебил американец, — я должен вас предупредить, что на краснокожих это не подействует. Я их знаю. Вы только напрасно погубите себя, а меня не спасете.

— Не мешайте мне говорить, полковник, и переводите точно. Я исполняю то, что считаю своим долгом, а долг для меня превыше всего... Слышит ли меня отец и братья мои? — спросил он невозмутимо сидевших индейцев.

— Слепой Бобр понимает Белого Охотника, и уши моих сыновей также открыты.

— А-гу! — подтвердили сахемы.

— Теперь вы знаете наши мысли. Узнайте же, кто мы такие и зачем здесь. Мы — французы. Не может быть, чтобы вы не слышали про этот народ, издавна принимавший участие в судьбе людей краснокожей расы. Вы знаете имя миссионера, отца де Смэ, который сорок лет был другом краснокожих. Ваш вождь, которого зовут Кровавый Череп, говорит, что все бледнолицые — враги индейцам. Неправда! Отец де Смэ — ваш лучший друг, а он француз! Он наш соотечественник! Наконец, вы живете недалеко от Канады. Вы должны знать, что там французы и индейцы — давнишние друзья и никогда не враждовали между собой. И даже теперь, во время ваших войн с солдатами вашингтонского Великого Отца, где вы находите себе убежище в случае неудач? Все в той же Канаде, среди населения, в котором французская кровь перемешана с индейской. Это полубелое, полукраснокожее население свято блюдет старинные французские обычаи и остается дружественным к вам, оказывает вам покровительство и заступничество. Если бы белые люди всегда были врагами краснокожих, как утверждает Кровавый Череп, то разве могло бы составиться из белых и красных людей такое население, какое существует сейчас в Канаде? Кровавый Череп, вы сами сиукс. Скажите, где и у кого ваш главный вождь Ситтинг-Буль нашел себе убежище и защиту?.. Что скажет на это отец мой Слепой Бобер?

— Сын мой, Белый Охотник говорит хорошо. Слепой Бобр и сахемы слушают его с удовольствием.

— Зачем мы сюда прибыли, вы уже знаете, — продолжал Андрэ. — Мы люди свободные и любим охотиться. Мы путешественники и приехали сюда посмотреть страну Великого Запада и познакомиться с людьми красной расы, с ко-

торыми вели дружбу наши предки. Мы честно и благородно охотились на земле дружественного нам племени «каменных сердец», а соседних племен не трогали, собственности их не нарушали. Ты, отец, и эти вожди выслушали правду.

Семь сахемов сошлись вместе и тихо совещались некоторое время, потом сели опять на прежние свои места. Лица их не выражали ровным счетом ничего.

— Что скажет на все это Кровавый Череп? — спросил Слепой Бобр.

— Отец и вы, мои друзья! — вскричал сиукс, скрежеща зубами. — Не верьте вы белым людям, не верьте их словам. Они вам лгут, стараются представить белое черным, а черное белым. Взгляните вы лучше на мою обезображенную голову, вспомните ваших зарезанных братьев, похищенных женщин! Вспомните сожженные деревни, отобранные земли! Белый Охотник может говорить что ему угодно, но он не возвратит мне скальп, не воскресит ваших убитых, не вернет вам женщин, не выстроит хижин, не откажется от отнятых земель. Нет, этого он не сделает. Вы отдали мне скальп и жизнь Белого Снимателя Скальпов, вы дали мне слово... Слово вождей! Казнь должна совершиться.

— Но ведь сиуксы заключили мир с Соединенными Штатами, — возразил Андрэ. — Вы зарыли в землю топор войны. Ситтинг-Булль снова поселился в резервации. Ваш главный вождь сам объявил о прекращении военных действий. Берегитесь же. Вы очень рискуете. Ваш поступок не останется без наказания. Опять полется кровь, опять запылают селения. Опять повсюду промчится смерть и разрушение. И виноваты будете вы.

Слепой Бобр медленно встал и произнес твердо, без эмоций:

— Совет обсудил дело и объявил решение. Белый Сниматель Скальпов принадлежит Кровавому Черепу. Завтра он будет казнен. Это справедливо. Что касается двух охотников из Франции, то они умрут вслед за ним. Если они вернутся в землю белых, то расскажут про смерть Снимателя Скальпов и тогда придут солдаты Великого Отца и отомстят нам. Если же они будут уничтожены, то мы спокойно вернемся домой и никто ничего не узнает. Агу!

— Ну, что, генерал? — вскричал американец. — Не прав ли я был, когда говорил вам, что от этих скотов нельзя ожидать ничего путного? By God! Я много истребил их, но нахожу, что все же недостаточно. Надо бы побольше. Знайте, что наша участь была решена заранее. Весь этот

суд — комедия, обряд, не более. Можете представить, как эти негодяи в душе хохотали над вами, пока вы тут перед ними распинались!..

Андрэ, слегка ошеломленный грубым и неожиданным оборотом дела, опомнился, и к нему вернулось прежнее хладнокровие.

— Я сделал то, что считал своим долгом, полковник, Моя совесть чиста. Впрочем, у нас впереди еще целые сутки, а за сутки такие люди, как мы, могут многое задумать и выполнить.

Заседание закрылось. Пленников отвели обратно в хижину, на сей раз связав по рукам и ногам. Более того: к ним приставили индейца, вооруженного с ног до головы. Этот сторож устроился так, чтобы можно было поднять тревогу при малейшей попытке пленников к побегу.

Фрикэ насмешила эта чрезмерная предосторожность. Он громко расхохотался.

— Ты смеешься, шальной мальчишка! — сказал Андрэ, не понимая причины такой веселости. — Мне кажется, в нашем положении очень мало смешного. Вдобавок оно осложняется тем, что мы связаны.

— Пфф!.. Простые бечевки. Ничего не значат.

— Однако.

— Берусь в две минуты сбросить их с себя, кинуться на сторожа и придушить его, как мышонка, так что он и не пикнет. В две секунды развязываю вас и — вперед!.. Если у вас есть иной план, говорите!..

— Уж слишком легко ты относишься к нашим веревкам. Не переоцени себя.

— Пустяки. Перед тем как с вами познакомиться, я ведь работал у господина Робера-Удэна.

— Да, это было. Но что же из этого следует?

— Я был у него «медиумом» и проделывал всевозможные фокусы при помощи шкафа братьев Дэвенпорт. Никто лучше меня не умеет развязывать веревки, узлы и прочее.

— Добро. Значит, нам можно будет бороться до конца. Если и умрем, то хоть защищаясь до самой последней минуты — и то уже хорошо. Запасемся же терпением иждемся ночи.

— Кстати, этот старик совсем нас забросил. Я начинаю соглашаться с вами, дорогой полковник, что индейцы, в сущности, не многого стоят.

Прошло еще два часа. Фрикэ раз десять успел пожаловаться, что не приходит Мать Трех Силачей и не приносит пищи. Несмотря на близость смерти, все три пленника чув-

ствовали сильнейший голод. Вдруг поднялась дверная занавеска, и в хижину вошел индеец.

— Это вы, папаша! — вскричал парижанин, узнав Того, Который Видел Великого Отца. — А я уж думал, что вы нам изменили. Это хорошо, что вы не забываете друзей.

Старик, не говоря ни слова, ножом перерезал веревки на молодом человеке, потом сделал то же самое и у Андрэ. Молча подал им знак, чтобы они шли за ним, предварительно сказав шепотом несколько слов угрюмому сторожу.

Изумленные Андрэ и Фрикэ повиновались. Они с наслаждением потягулись, расправляя члены, и вышли из своей вонючей тюрьмы. Стоящий неподалеку отряд воинов молча пропустил их.

Старик привел пленников на просторную площадку, где были в сборе все сахемы и другие воины с раскрашенными лицами и в полном вооружении.

— Что они хотят с нами делать? — спросил себя Фрикэ. — Убить, что ли, сейчас же или собираются отпустить нас на все четыре стороны?

Индейцы смотрели на белых не враждебно, а скорее с любопытством.

Старый вождь наконец прервал молчание и обратился к Фрикэ:

— Сын мой Железная Рука очень молод, но он великий воин. Тот, Который Видел Великого Отца взял его под свое покровительство, и если Железная Рука захочет, то ему не будет причинено никакого зла.

— Очень приятно слышать, папаша. Что же для этого нужно сделать?

Старик продолжал, не отвечая на вопрос:

— Его друг, Белый Охотник, может быть, тоже великий вождь, но он не показал перед краснокожими людьми ни своей силы, ни ловкости, ни меткости.

— Да говорят же вам, дедушка, что я господину Андрэ в подметки не гожусь. Вы можете поверить мне на слово.

— Краснокожие люди хотят сами ознакомиться с достоинствами Охотника, прежде чем окончательно решить его участь.

— Значит, вы хотите устроить ему экзамен? У вас губа не дура, господа. Ну что ж. Вы останетесь довольны, за это я ручаюсь.

— Что ж, и я не прочь, пожалуй, держать «экзамен», — сказал Андрэ своему другу. — Может быть, благодаря ему, предоставится средство к спасению. Слушайте, вождь, я согласен. Давайте мне сюда винтовку.

Андрэ прицелился в ремень лассо и выстрелил

Последние слова были сказаны по-английски. Вождь очень обрадовался и перевел их своим. Сейчас же дюжина рук с винтовками потянулась к Андрэ.

Андрэ схватил первую попавшуюся. На счастье, она оказалась в превосходном порядке. Он осмотрел ее, испробовал, примерился и, зарядив, стал искать цель.

В это время высоко над его головой реял в воздухе коршун, упиваясь солнечными лучами. Андрэ поглядел на него, подумал, потом быстро прицелился и выстрелил.

На глазах изумленных индейцев коршун, подстреленный

на лету, сложил крылья, кувырком полетел вниз, точно бумажный змей с оборвавшейся ниткой.

Обычно невозмутимые индейцы громко завывали от восторга. Андрэ решил доказать им, что этот удачный выстрел — для него вовсе не случайность, и стал искать глазами еще какую-нибудь цель.

В пятидесяти метрах от него, испугавшись выстрела, билась прелестная молодая лошадка, привязанная за лассо к колу. Андрэ прицелился в ремень лассо и вновь выстрелил. Пуля перерезала ремень, словно ножом. Лошадь, почувствовав свободу, хотела было унести в прерию, но свисток хозяина вернул ее назад. Когда она пробегала мимо Андрэ, он схватил ее за лассо и разом остановил. Лошадь взвилась на дыбы, стала брыкаться. Не обращая на это ни малейшего внимания, Андрэ подошел, взял ее за гриву и без седла и узда вскочил ей на спину.

Индийские лошади испытывают к белым людям отвращение и страх. Под Андрэ мустанг выделявал всевозможные штучки, чтобы его сбросить, но бесстрашный француз сидел неподвижно и невозмутимо, только все сильнее и сильнее сдавливая его ногами.

Наконец лошадь стала успокаиваться. Прыжки ее делались все меньше и меньше. Вдруг она остановилась, вся дрожа, заржала жалобно-жалобно, потом согнула колени, опустилась на задние ноги и вытянулась на земле.

Андрэ успел вовремя соскочить. Индейцы были изумлены. Белый Охотник одним движением ног в пять минут укротил полудикого жеребца-мустанга!

— Ну что, дедушка? — вскричал торжествующий Фрикэ. — Разве не правду ли я вам говорил, что другого такого человека, как monsieur Андрэ, днем с фонарем не сыщешь?

Индейцы дико выли от восторга.

— Они, по-видимому, довольны, — продолжал он в сторону. — Пусть поорут. Это все же лучше военных криков!

Индейцы едва верили своим глазам. На Андрэ они глядели с обожанием. Ни он, ни Фрикэ никак не могли себе объяснить перемены в обращении с ними дикарей. Они их заинтриговали. Парижанин отвед Того, Который Видел Великого Отца в сторону и спросил, что все это значит.

— Краснокожие люди любят силу и храбрость, — отвечал старик. — Тот, Который Видел Великого Отца объяснил вождям, что французы — друзья индейцам и что жаль убивать без вины таких великих воинов. Вожди пожелали узнать,

такой ли силач и смельчак Белый Охотник, как и Железная Рука. Теперь они убедились, что Белый Охотник — великий вождь.

— Все это очень приятно, но, однако, что же с нами решено сделать? — спросил Фрикэ. — Отпустят ли нас к «каменным сердцам» и отдадут ли нам нашего несчастного товарища?

— Сын мой говорит, говорит, говорит... как птица-пересмешник. Но мое сердце его все-таки любит. Нет, его не отпустят в землю белых людей. Он вместе с Охотником останется в вигваме. Они женятся на моих дочерях и сделаются великими вождями нашего племени. Только на этом условии им будет сохранена жизнь. Что же касается Белого Снимателя Скальпов, то завтра он будет казнен.

Глава XVII

Фрикэ не желает быть зятем Того, Который Видел Великого Отца. — Представление. — Две невесты. — Желтая Кобыла и Бутылка С Виски. — Отеческое внушение. — Под строгим надзором. — Приготовление к казни. — Невозможность вступить. — Геройское, но безумное решение. — Мсть Кровавого Черепа. — Казнь огнем. — Борьба. — Двое против двухсот! — Сигнальный рожок. — Американская кавалерия. — «Каменные сердца». — Око за око, зуб за зуб. — Возвращение. — Надобно носить парик.

— Скажите, monsieur Андрэ, вас не бросает в дрожь от развязности, с какой Тот, Который Видел Великого Отца берет на себя смелость распоряжаться нашей судьбой?

— Бросает, но что же делать, бедный мой Фрикэ? У нас пока нет выбора.

— Так-то так, но все же коротать жизнь рука об руку с краснокожей подругой... Брр! В особенности для нас с вами, для таких неисправимых холостяков... Не заявить ли нам, что мы женаты?

— Это на них не подействует. Здесь можно иметь сколько угодно жен.

— Черт возьми! Превращаться в индейцев невесело, а жениться на индейках прямо-таки тошно.

— До этого еще не дошло, но события разворачиваются быстро. Мы еще не знаем, что будет дальше. Может, стоит пока покориться для вида, чтобы потом можно было еще раз заступиться за полковника и спасти его.

Приняв молчание французов за согласие, старик-индеец объявил об этом землякам, которые встретили известие одоб-

Андрэ и Фрикэ увидели двух молодых индианок

рительным криком: они рады были иметь у себя таких воинов и охотников.

Французам предоставили относительную свободу: их развязали, отобрали у Кровавого Черепа и торжественно водворили в хижине Того, Который Видел Великого Отца, где женщины принялись готовиться к пиршеству.

Краснокожий патриарх был человек светский, понимал толк в жизни и не упустил случая представить женихам их невест. При свете солнечных лучей, врывавшихся в хижину, Андрэ и Фрикэ увидели двух молодых, но уже поблекших, надорванных работой индейок, некрасивых

настолько, насколько могут быть некрасивы только женщины.

— Вот это Желтая Кобыла,— сказал вождь, обращаясь к Андрэ и указывая ему на высокую девушку с прямоугольной фигурой, напоминающей футляр для часов. Одета она была в грязные лохмотья, нарумянена и набелена. Смотрела исподлобья и хмурым взглядом. Волосы были растрепаны.

Андрэ не знал, что ему сказать, и с безгливой жалостью глядел на это существо, находившееся почти на одном уровне с животными.

— А вот это Бутылка С Виски,— продолжал старик, указывая Фрикэ на обладательницу такого странного имени.

— Боже, какое чудо-юдо! — пробормотал парижанин.— Козья голова на журавлиной шее! В таком духе делают теперь модные коньячные рюмки. И нарожал же себе потомство наш старик! Я заметил уже, что здешний женский пол очень некрасив, но эти две перецеголяли всех своих подруг.

Изумление женихов старый вождь истолковал в самом благоприятном для себя смысле и обратился к дочерям с несколькими словами. Те подняли крик: по-видимому, они протестовали. Тогда старик поднял с пола валявшийся обломок жерди и вытянул ту и другую девицу по спине. Аргумент подействовал. Девушки обе разом подошли — одна к Андрэ, другая к Фрикэ — и легли перед ними на пол. Каждая обхватила по ноге своего жениха и поставила ее себе на затылок. Это означало признание над собой полной, неограниченной власти.

— Никогда не освоюсь с такими обычаями,— ворчал недовольный Фрикэ.— Как не похожи эти особы на веселых и милых кумушек у «каменных сердец»! К счастью, я не намерен задерживаться здесь долго. Как вы думаете, Андрэ?

Хотя французы и не рассчитывали на полную свободу, но все же ожидали, что некоторая самостоятельность будет им предоставлена. Но они очень ошиблись. Хитрый старик не отпускал их от себя ни на шаг. К надзору за будущими зятьями он привлек также трех своих сыновей, рослых парней атлетического вида, в честь которых и мать их получила свое прозвище Матери Трех Силачей. Воспылав внешней нежностью к своим будущим шуринам, краснокожие парни не отходили от них ни на минуту. Кроме того, к хижине то и дело подходили соседи, друзья, родственники,

так что французы все время находились под самым бдительным надзором, исключавшим возможность всякой попытки к бегству.

День закончился обжорством и пьянством, любимым занятием индейцев, обладающих способностью поглощать жидкую и твердую пищу в невероятном количестве.

Наступила ночь. Надзор сделался еще строже. Десять воинов с оружием в руках, потрезвее других, разместились вокруг хижины. У Кровавого Черепа тоже шел пир горой, и его хижина тоже охранялась.

Взбешенные Андрэ и Фрикэ провели тревожную ночь. Почти всякая надежда у них исчезла.

Настало утро, а с ним и роковой час для американца.

Старый вождь объявил французам, что не пустит их смотреть на казнь товарища: они могут не выдержать страшного зрелища. К его изумлению, они выразили непереносимое желание присутствовать при казни. Старик старался их отговорить.

— Ведь мы же теперь члены вашего племени, — возражал Андрэ. — Мы имеем такие же права, как и другие воины.

Старый вождь уступил, но его подозрительность только усилилась.

При себе у французов было только по ножу, украденному в хижине, но они решились на отчаянную попытку, которая заведомо имела мало шансов на успех.

Вскоре появился выведенный из хижины полковник, окруженный ревущей толпой, буквально не помнящей себя от ярости.

Он был очень бледен, но спокоен и шел гордо, со скрученными сзади руками и спутанными ногами, так что походка его была затруднена. Увидев французов, он вздрогнул и произнес, обращаясь к Андрэ, несколько слов по-английски, но проглотив при этом некоторые слоги, так что индейцы его не поняли:

— Спасибо, что вы пришли. Вы можете оказать мне огромную услугу. Сократите мою пытку. Когда меня привяжут к столбу и сделают мишенью для выстрелов, но так, чтобы ни одна пуля не задела серьезно, тоже вызовитесь пострелять. Вам не откажут. И убейте меня наповал.

— Не теряйте надежды, мой друг, — отвечал сдавленным голосом Андрэ, хотя и сам уже ни во что не верил.

Палачи грубо потащили ковбоя дальше, и его загородила плотная толпа.

Американец завыл не своим голосом

Вот и место казни: площадка, на ней темно-красный столб.

Странное дело: индейцы, обычно большие любители подольше помучить человека, на этот раз почему-то торопились, и в особенности сам Кровавый Череп. Не мог же он опасаться, что жертва от него ускользнет? Для этого не было никаких оснований. Скорее всего тут была иная причина: племя находилось не на своей земле, а на земле мирных индейцев, которые могли появиться в любой момент и помешать казни, чтобы не навлечь на себя репрессий со стороны американского правительства.

Кровавый Череп схватил пленника, опрокинул его на землю, раздел донага и с помощью нескольких палачей-любителей растянул ему руки и ноги, привязав к четырем кольям.

Не было предварительной стрельбы в цель ни из ружей, ни из лука. Приступили прямо к делу.

Кровавый Череп разложил на обнаженной груди пленника от плеч до пояса небольшой костер из веток смолистого дерева, поджег этот костер в трех или четырех местах.

Ветки затрещали, задымались. Послышался запах горелого мяса...

Несчастный американец, сжигаемый заживо, корчился от боли и выл не своим голосом.

Его крик заглушили диким ревом. Озверелая толпа пустилась вокруг костра в чертовскую пляску.

Фрикэ и Андрэ, застрявшие в плотной толпе, не видели этой ужасной сцены. Они услышали только крик несчастного товарища.

Ни слова не говоря, они ринулись на стоявших ближе к ним индейцев, сшибли с ног пятерых или шестерых и очистили вокруг себя пространство.

Индейцы не ожидали нападения и не были готовы к нему. В один миг каждый из французов вырвал себе по винтовке.

— Прочь, каналы! — громовым голосом гаркнул Андрэ.

— Назад, негодяи! — пронзительно прокричал Фрикэ.

Конечно, их попытка была лишь жестом отчаяния и не могла принести благоприятного результата. Из-за тесноты друзья не стреляли, а только действовали прикладами. Индейцы быстро опомнились и уже теснили их.

Было ясно, что сейчас их сомнут, раздавят. Они безрасудно принесли себя в жертву, только и всего.

Вдруг по рядам индейцев пробежала паника. Андрэ и Фрикэ не могли понять, что бы это значило. Струсил даже самый храбрый из краснокожих воинов.

Вдали послышался звук сигнального рожка.

Горнист играл атаку. Кавалерийскую атаку. Затем «ура» белых и военный крик дикарей. Топот стройно скачущих коней. Мчатся во весь карьер кавалеристы, окружают со всех сторон лагерь. Солдаты в голубых мундирах рубят саблями направо и налево. С другой стороны отряд индейцев пересекает дорогу беглецам и избивает их без всякой пощады.

— Американские солдаты!.. «Каменные сердца»!..—

вскричали Фрикэ и Андрэ, и оба бросились к несчастному ковбою, стараясь успеть вовремя.

Индейцы сами мастера нападать врасплох, но внезапного нападения отражать не умеют. Окруженные со всех сторон, избиваемые томагавками «каменных сердец» и саблями американцев, они не сумели оказать стройного сопротивления и пустились в бегство.

Фрикэ и Андрэ подбежали к ковбою, который выл и корчился на огне.

Их глазам представилось ужасное зрелище. Какой-то индеец, должно быть, Кровавый Череп, — наклонившись над полковником, снимал с него скальп и уже доканчивал эту операцию.

Андрэ хотел свалить его прикладом, но дикарь быстро отскочил в сторону и исчез в толпе беглецов, размахивая на бегу окровавленным лоскутом кожи с волосами.

Подоспевший Фрикэ рукой разбросал горящий костер и освободил грудь полковника от головней. Несчастный лежал без признаков жизни. Его окружили, развязали, осмотрели.

Оказалось, что ожоги не смертельны, что опалена только кожа, а мускульный слой прожжен не особенно глубоко. К несчастью, мстительный враг успел содрать с него скальп, и кость черепа белела сквозь стекавшие по ней кровавые струи.

Разбойничье племя было полностью рассеяно. Командир американского отряда приказал трубить отбой. Раздавались только отдельные выстрелы по беглецам, находимым в траве, да еще пристреливали раненых.

В этой ужасной войне в плен не берут, и обе стороны соперничают между собой в жестокости.

Раненого окружили заботливым уходом.

Андрэ и Фрикэ поспешили горячо пожать руку Батисту-младшему и его сыновьям Блэзу и Жильберу, а также всем, кто спас их от неизбежной гибели. Тут они узнали, каким образом состоялось их избавление.

Охотники за бизонами, когда не досчитались трех белых, сразу же поняли, что те попали в засаду. Отыскать их следы для индейцев не составило ни малейшего труда. Прекратив охоту, они немедленно погнались за похитителями, несмотря на свою малочисленность. Но даже за то короткое время, что они отыскивали следы, похитители успели уйти вперед довольно далеко.

К счастью для «каменных сердец», они встретили отряд сабель в пятьдесят федеральной кавалерии, шедший на стоян-

ку в форт Окайнакэн, что на реке того же имени, впадающей в Колумбию. Узнав от Батиста, в чем дело, начальник отряда согласился сделать небольшой крюк и объединить силы с цивилизованными индейцами.

Результатом, как мы видели, было полное поражение бандитов прерии.

Спустя три недели после этих кровавых событий Фрикэ и Андрэ трогательно прощались с краснокожими друзьями, и в сопровождении двух десятков хорошо вооруженных «каменных сердец» покинули их резервацию.

Впереди ехала хорошо нагруженная провизией фура, в которой на мягкой подстилке из бизоньих шкур лежал выздоравливающий полковник Билль, друзья ухаживали за ним с трогательной предупредительностью.

Ковбой благополучно перенес скальпирование, которое вообще не столько смертельно, сколько болезненно и неприятно.

Действительно, если оскальпированный не был перед тем ранен и если он не брошен без всякой помощи, то он всегда может выздороветь, так как при сдирании скальпа не бывают задеты важные органы.

Рана на голове мистера Билля почти совсем зажила и только ужасно его безобразила, хотя, впрочем, полковник и раньше не был красавцем.

Гораздо медленнее заживали ожоги на груди, но нет худа без добра: у полковника зато прекратились невралгические боли в плевре, которыми он страдал уже много лет. Воистину «нет худа без добра».

Нечего и говорить, что краснокожих он возненавидел еще больше и собирался при случае крзаво отомстить за свое увечье.

Благополучно прибыли в Валлулу, откуда французы решили немедленно вернуться на «Голубую Антилопу» и отправиться в Европу прямым путем.

Полковник, от души привязавшийся к ним, упрашивал их остаться еще погостить в Америке и попутешествовать по Дальнему Западу, но они не соглашались, считая, что и так достаточно испытали здесь.

В свою очередь, Фрикэ уговаривал полковника бросить наконец приключения и отказаться от опасного образа жизни.

— Ведь право же, полковник, с вами могло случиться и худшее, — сказал он на прощание ковбою. — На вашем месте я успокоился бы и стал носить парик. Как только приеду в Париж, сейчас же закажу для вас новенький

скальп у самого лучшего парикмахера. И если вы когда-нибудь встретитесь с Кровавым Черепом, советую вместо мщения показать ему вашу новую прическу. Успех будет громадный, ручаюсь вам. Послушайте меня, помириться вы с этим злым дикарем. Из-за чего вам теперь ссориться? Сдирать вам друг с друга больше нечего: вы оба теперь одинаково лысы.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РОМАНОВЪ
ЛУИ БУССЕНАРА

Изъ Парижа въ Бразилію

Переводъ Е. Н. Киселева

- I. ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ.
II. ОТЬ АЛЯСКИ ДО ПАНАМЫ.
III. ПО ЮЖНОЙ АМЕРИКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство П. П. Сойкина
СТРЕМЯННАЯ, 12, СОБСТВ. ДОМЪ
1911.

ИЗ ПАРИЖА В БРАЗИЛИЮ

Часть первая

ЧЕРЕЗ СИБИРЬ

Глава I

Езда на санях. — Стой! — Капитан Изумнов. — Женщины или мужчины? — Грозный приказ. — Партия арестантов. — Русское добродушие. — На постоялом дворе. — Допрос. — Среди снегов и вдруг речь об экваторе. — Путешественники или червонные валеты? — Русские или французы?

— Стой! — раздался в густом тумане чей-то повелительный голос.

— Что такое? Что случилось? — тревожно осведомился другой голос из глубины крытых саней быстро мчавшейся по необозримой снежной равнине тройки.

Звон колокольчика пронзительно раздавался в морозном воздухе.

— Ничего, пустое, ваше благородие... так что-нибудь, — отвечал ямщик, привставая на облучке и энергично погоняя замедливших было бег лошадей. — Эй вы, соколики!.. — прикрикнул он на них.

— Стой! — снова прогремел неизвестный голос.

В темноте сухо звякнули ружья, и сквозь дымку валившего крупными хлопьями снега блеснуло несколько стальных дул.

Повозка во всю прыть неслась прямо на грозный полукруг сомкнутых штыков.

— Тпру!.. Тпру!.. — закричал испуганный ямщик, тщетно стараясь остановить этим чисто русским окриком разогнавшуюся лихую тройку. Но и это не помогло.

К тому же на беду у него оборвалась веревочная вожжа, которую он натянул слишком сильно... Катастрофа казалась неизбежной.

Вдруг прямо перед лошадьми, как из-под земли, выросла высокая фигура в меховой шубе и шапке.

Быстрее молнии незнакомец бросился к кореннику и схватил его сильною рукою под уздцы. Тройка разом остановилась на всем скаку, звонкий колокольчик умолк, а сани

от внезапной, слишком крутой остановки в одну минуту перевернулись полозьями вверх.

Ямщика сбросило с облучка, и он, взмахнув руками и ногами, точно мячик, отлетел в сторону, уткнувшись головой прямо в сугроб.

— А ну-ка, мои молодчики,— заговорил прежний повелительный голос, в котором теперь звучали нотки иронии,— дайте на вас посмотреть... Что, знать, не очень-то удалось обмануть капитана Игумнова?.. А?.. Сорвалось?.. А?.. Не вывезло?.. У самих молоко на губах не обсохло, а туда же... Уж где вам, молокососам, провести меня, старого сибиряка!.. Вылезайте-ка, вылезайте-ка из-под саней-то. Нечего прятаться. Ну, живо!..

Из-под перевернутой повозки послышался глухой стон. При всем желании путники не могли исполнить приказание капитана Игумнова.

— Эй, вы! — обратился капитан к своим солдатам.— Поднимите повозку и вытащите господ проезжающих.

Солдаты бросились исполнять приказание начальника, и в одну минуту сани приняли надлежащее положение; но только сани, а не то, что в них было. Весь скарб из них вывалился на снег вместе с путешественниками.

Образовалась невообразимая груда подушек, шуб и всякого багажа. Тут были и так называемые дохи, или ергаки*, и пищевые консервы, и сахарные головы, и валяные сапоги, и чемоданы из желтой кожи, и бутылки с водкой, и веревки, и молотки, и ящики с чаем — поверх всего этого, точно два тюка, неподвижно лежали путешественники.

А может, две путешественницы? Одинаково было возможно и то, и другое, потому что обе фигуры были так закутаны во всевозможные тулупы и шубы, что походили на бесполох чучел.

— Да они не шевелятся! — пробормотал с оттенком тревоги капитан.— Идиоты! Неужели их угораздило убиться до смерти?

Но опасения офицера не оправдились. Солдаты принялись трясти путешественников, растирать им снегом лица и руки, и через некоторое время обе закутанные фигуры подали признаки жизни.

Они открыли глаза и первым делом громко враз чихнули.

— Где мы? Что случилось? — спросил один из них по-французски.

— Не знаю,— отвечал другой на этом же языке.

---

* Тулупы из короткошерстных шкур шерстью наружу.

Увидав поломанные сани и сбившихся в сторону дрожащих лошадей, обнаружив разгром своего багажа, первый из путников произнес самым плачевным тоном:

— Опять приключение!.. Да когда же этому будет конец?

— Что за несчастье! И куда девался собака-ямщик? Нет, все это просто из рук вон. Я пожалуюсь почтмейстеру. Дайте мне жалобную книгу...

— Молчать! — сердито перебил путешественников капитан Игумнов тоже на французском языке. — Отвести обоих на постоянный двор, — продолжал он по-русски, обращаясь к солдатам. — Вы мне отвечаете за них, слышите? Если они сделают попытку убежать или вздумают заговорить с кем-нибудь из арестантов — стрелять. Поняли? Налево-кругом марш!

Капитан круто повернулся и пошел прочь, гремя саблей.

Снег продолжал валить. Серые сумерки сгустились. Наступал вечер.

Унтер-офицер скомандовал что-то. Солдаты окружили пленников, и те печально последовали под их конвоем, гадая о причинах неожиданного ареста.

— Это какая-нибудь ошибка, — сказал один из путников.

— Очевидно, ошибка, — подтвердил другой, — но все-таки это очень неприятно.

— Подожди, скоро все объяснится, и нас выпустят. Нас приняли за других...

Снег хлестал им прямо в лицо, мешая смотреть; но тем не менее арестованным удалось разглядеть редкие вехи по сторонам замеченной снегом дороги. Путники шли, увязая в снегу и едва-едва волоча ноги с непривычки и от усталости. Но вот впереди на дороге показалось несколько бревенчатых изб, крытых тесом, как все сибирские постройки.

Ближе к поселку на дороге виднелись следы многочисленных ног, как будто здесь недавно прошла толпа.

Солдаты ускорили шаг, повернули влево на боковую дорогу и вскоре все вышли на обширную площадь, на краю которой, напротив церкви, возвышалось каменное здание.

От холода путники еле двигались, но солдаты не имели права снисходить до их слабостей и продолжали путь по направлению к большому дому.

Вдруг поблизости раздался мерный, тяжелый, топот шагающих в ногу солдат. То была этапная команда, сопровождавшая партию арестантов. Арестанты шли медленно, позвякивая тяжелыми кандалами.

— Каторжники! — шепнул на ухо своему товарищу один из путешественников.

Капитан пытливо вглядывался в них

Но не все арестанты были в кандалах, а только те, которые были приговорены к каторжным работам. Ссыльно-поселенцы шли без цепей. В хвосте конвоя ехали повозки с больными и с арестантскими женами и детьми, пожелавшими следовать за мужьями и отцами в ссылку.

Некоторые из каторжников напевали унылую острожную песню, которая всегда производит сильное впечатление на сибиряка. Все русские, а сибиряки особенно, относятся к каторжникам с замечательным добросердечием. Они видят в них только «несчастных» и никогда не спрашивают о том, насколько эти «несчастные» заслужили свою участь.

Услыхав унылые звуки песни, каждый сибиряк торопится подать милостыню «несчастьемому», — каждый, до последнего убогого бедняка.

Тяжелые ворота мрачного здания — оно оказалось этапным острогом — отворились и пропустили партию и конвой. Но солдаты с арестованными путешественниками прошли мимо куда-то дальше.

Они шли к дому, в котором остановился капитан Игумнов.

Окончательно наступила ночь. Капитан дожидался арестованных в первой комнате своего невзрачного жилища, которая по такому случаю была ярко освещена. Сам капитан был уже без своей теплой енотовой шинели; он стоял у стола в мундире, при сабле и в высоких походных сапогах.

На столе грубой работы лежала гряда бумаг, прикрытых вместо пресс-папье револьвером крупного калибра.

Дверь распахнулась, и арестованные, как были в шубах, вошли в комнату и учтиво раскланялись с капитаном. Солдаты остановились у дверей и взяли ружья к ноге, стукнув об пол прикладами.

Капитан, не отвечая на поклон вошедших, пытливо глянул на них своими ясными светло-серыми глазами.

Это были два молодых человека во цвете лет, оба среднего роста, стройные и с наружностью истинных джентльменов, хотя в выражении их лица сквозило вполне понятное беспокойство.

У обоих были густые, окладистые бороды, у одного черная, у другого белокурая. Обе были тщательно расчесаны, но тем не менее привлекли к себе особое внимание капитана. Шубы на незнакомцах были огромные, очень теплые, но изящного покроя. Вообще видно было, что путешественники принадлежали далеко не к низшему классу общества.

Вдруг капитан как будто сообразил что-то. Он погладил несколько раз левою рукой свои усы с проседью, потом бакенбарды, выпрямился по-военному и резко спросил путешественников по-русски:

— Кто вы такие?

— Милостивый государь, — твердым голосом, но с безукоризненною вежливостью отвечал ему по-французски белокурый, — позвольте вам заметить, что ни я, ни друг мой по-русски не говорим. Поэтому позвольте нам давать вам объяснения на французском языке, который хорошо знаком всем образованным русским, а следовательно, и вам.

— Вот как! — перебил офицер. — Да вы, оказывается, хитрее, чем я предполагал. Хорошо. Будем говорить по-

французски, хотя я уверен, что вы такие же русские, как я. Ну-с, посмотрим, что вы намереваетесь мне объяснить?

— То, что мы являемся жертвой весьма печальной ошибки. Вы, очевидно, изволили нас принять за каких-нибудь беглых арестантов. Так, по крайней мере, мне кажется. Иначе я не могу себе объяснить всего происходящего.

— Вы хорошо заучили свою роль, господа, — последовал холодный ответ.

— Уверяю вас, мы говорим правду. Мы можем это вам доказать. У нас есть бумаги, паспорта... они там, в чемодане...

Капитан не ответил ни слова. Он приподнял револьвер, служивший вместо пресс-папье, взял из-под него одну из бумаг и прочитал себе под нос:

— «Среднего роста...» — Совершенно верно. «Большие бороды у обоих». — И это как раз. «Один белокурый, другой брюнет». — Чего же еще яснее? «Люди очень подвижные, нервные». — И это есть. «Говорят на многих языках и держатся совершенно прилично». — Так чего же более? Конечно, они. Остается посмотреть, до чего дойдут они в своем дерзком заpiresательстве. Это даже забавно.

— Ну-с, господа, — обратился капитан к путешественникам вслух, — так, значит, вы французы? Так-с. Как же вас зовут в таком случае?

— Меня — Жюльен де-Кленэ, а моего товарища — Жак Арно.

— Очень хорошо-с. И вы, разумеется, путешествуете для собственного удовольствия?

— Не совсем. Господин Жак Арно едет по своим делам, а я провожаю его, чтобы доставить удовольствие и себе, и — как я надеюсь — ему.

— Хитрая бестия! — пробормотал сквозь зубы капитан. — А простите за нескромность, — продолжал он вслух, — куда это вы оба изволите ехать?

— Извольте, капитан. Мы едем в Бразилию.

Капитан ожидал всего, но только не этого. Это уж был пассаж совершенно необыкновенный. В Бразилию — через Томск! Через Сибирь! Из Франции!

— В Бра... зи... лию! — насилиу выговорил он, не будучи в силах скрыть свое чрезвычайное удивление. — В Бразилию через...

— Сибирь, — досказал за него белокурый француз. — Совершенно верно. Мы хотим проехать туда сухим путем. Конечно, по дороге нам встретится Берингов пролив, отделяющий Америку от Азии. Но ведь это безделица — всего пятьдесят верст каких-нибудь. Да и то мы рассчитываем

переехать через него зимой, следовательно, по льду. Мой друг до безумия боится морской болезни. По этой причине мы и в Сибирь попали, в чем нисколько не раскаиваемся, так как имеем теперь случай познакомиться с вами, капитан.

Слова эти были сказаны с развязностью истинного парижанина и сопровождались самым галантным поклоном.

Капитан принял такое обращение за дерзкую насмешку над собой и вспыхнул не на шутку.

— Довольно, негодяи! — крикнул он. — Полно вам людей-то морочить. Туда же: Жюльен де Кленэ, Жак Арно... Нет-с, я вам лучше скажу: ты, называющий себя Жюльеном де Кленэ, ты просто лишенный всех прав состояния дворянин Алексей Федоров Богданов, а твой товарищ — тоже лишенный всех прав отставной губернский секретарь Станислав Осипов Бережковский. Вы оба принадлежали к так называемой шайке червонных валетов, которые, как все помнят, не гнушались даже убийствами; вы были сосланы по суду на каторжные работы, с которых и бежали несколько месяцев тому назад. Да-с. Что, голубчики? Что, французы? Удалось вам меня провести?

Путешественники хотели протестовать, но капитан не дал им заговорить и продолжал:

— Теперь вас отведут в острог, а завтра утром отправят с прибывшею сейчас сюда партией арестантов по этапу в Красноярск. Я сейчас напишу об этом отношение.

Глава II

В этапном доме. — Арестантский староста. — Старый знакомый. — Луч надежды. — Как французы попали в Сибирь.

Определим точнее время и место действия нашего рассказа.

Время — несколько лет тому назад*; место — Сибирь и большой тракт между Томском и Якутском.

Капитан Игумнов — старый служака, начальник этапной команды, сопровождавшей арестантов по Сибири к месту ссылки. Путь по Сибири длинен и труден, — обыкновенно партия арестантов совершает его в несколько месяцев. При всей строгости и бдительности охраны в пути часты побег арестантов. До сих пор у капитана Игумнова они случались реже, чем у кого-либо, и вдруг, вскоре после выхода этапа

---

* Напоминаем, что действие романа относится к 1885 году.

из Томска, бежали два особо важных арестанта, приговоренных к усиленному режиму еще за первый побег с каторги, который они совершили спустя два года после начала отбывания срока. Тогда они были пойманы, осуждены вновь и сданы капитану Игумнову, причем ему было предписано принять относительно них особенно строгие меры. И вот они вновь бежали.

Но недолго им удалось погулять на воле. Не такой человек капитан Игумнов, чтобы его легко было провести. В конце концов беглецы опять-таки наскочили на него и попались в его руки. Размышляя подобным образом, капитан не понимал, что совершает ужасную ошибку. Да и мыслимо ли запомнить в лицо всех каторжников из такой огромной партии? Арестантский армяк всех уравнивает, все арестанты делаются похожими друг на друга. Но с другой стороны — представительная наружность подозреваемых? Эти длинные бороды, эти шубы... А их безукоризненный французский язык?.. Впрочем, это ничего не значит: ведь отыскиваемые арестанты из интеллигенции, принадлежали когда-то к хорошему обществу.

Правда, паспорта у них в совершенном порядке, даже подорожными они запаслись... И это ничего не доказывает: все можно очень легко подделать.

Одним словом, капитан Игумнов был искренне убежден, что задержанные им личности — именно те беглые, которых он страстно желал поскорее найти.

И вот путешественников отвели в этапный дом. Дорога из Томска в Якутск изобилует подобными острогами, в которых останавливаются в пути арестантские партии. Они называются также этапными домами. Из них один из самых больших и внушительных — Ишимский острог, тот самый, с которым пришлось так неожиданно познакомиться нашим путешественникам.

Тяжелые двери отворились и, жалобно проскрипев на заржавленных петлях, тяжело захлопнулись за арестованными.

Они очутились в просторном, но душном помещении, в котором на жестких нарах, а то и прямо на полу, спали вповалку арестанты.

С непривычки путешественникам сделалось дурно. Они оба пошатнулись на ногах и упали на первую попавшуюся койку.

Очнувшись, они увидели перед собою высокого, худого арестанта с длинною седою бородою и грустным интеллигентным лицом.

— Успокойтесь, господа, не волнуйтесь!

Это был староста партии. Так называется выборный из всей партии арестант, который заведует личными деньгами этапников, расходуя их, каждый раз с разрешения начальства, на арестантские нужды, и даже считается до некоторой степени ответственным лицом за поведение партии.

— Где мы? — вскричали французы. — Кто вы такой? Куда это нас заперли?.. Помогите! Помогите!

— Успокойтесь, господа, не волнуйтесь: это не поможет, — по-французски заметил им худой арестант.

— Но кто вы? Скажите, ради Бога!

— Я такой же арестант, как и вы.

— Послушайте, мы вовсе не арестанты,— заговорил, на этот раз уже несколько спокойнее, Жак Арно.— Мы даже не русские, мы французы и путешествуем... Нас арестовали по ошибке.

— Как по ошибке? Не может быть!

— Уверяю вас. Нас приняли за каких-то двух беглых...

— Конечно, это очень неприятно... но поверьте, если это ошибка, то она скоро разъяснится и вас выпустят с извинениями. Не сердитесь. Бежавшие арестанты были очень важные преступники...

— Но кто же вы сами? Ваше лицо мне как будто знакомо... Свое имя я скажу: я Жак Арно, а это мой товарищ, Жюльен де Кленэ.

— Жюльен де Кленэ! — вскричал староста.— Знаменитый путешественник, с которым я...

Арестант остановился и в смущении покраснел.

Жюльен де Кленэ взглянул на него пристальнее и на его лице отразилось крайнее изумление.

— Боже мой! — вскричал он.— Вы не... вы не господин Михайлов, с которым мы несколько лет назад встречались в Париже во многих домах?.. Вы были тогда богатым русским помещиком... были еще так молоды... я и сейчас бы узнал вас, если б не эта седая борода...

— Горе не красит человека и не молодит,— со вздохом заметил арестант.

— Но... простите... скажите... что вас... за что вы...

Густая краска покрыла щеки арестанта. Он опустил глаза и тихо проговорил:

— За дело... Живя слишком широко, не по средствам, я разорился... потом захотел поправить состояние... пустился в аферы... сделал подлог и... о, ради Бога, не мучьте меня, не спрашивайте... пожалейте...

Жак Арно и Жюльен де Кленэ, точно сговорившись, разом протянули ему руки. Арестант молча пожал их и после короткой паузы продолжал:

— Вот видите, бывает положение и хуже вашего. Относительно себя вы можете быть совершенно спокойны: ошибка разъяснится, самое большее — вам придется провести здесь ночь... правда, очень скверную, но что же делать? Считите все это просто за неприятное путевое приключение.

— Но ведь надо удостоверить наши личности. Капитан Игумнов даже паспортам нашим не верит.

— Он снесется по телеграфу с кем следует... наконец, я тоже скажу, что вас знаю... мое свидетельство все же может что-нибудь значить. Будьте уверены, что все устроится как нельзя лучше...

Слова старосты успокоительно подействовали на путешественников. Для них мелькнул слабый луч надежды. С душным воздухом тюрьмы они мало-помалу свыклись и вскоре заснули на арестантских нарах крепким сном усталых людей.

Глава III

Встреча двух друзей на бульваре.— Американский дядюшка.— Письмо из Бразилии.— Житейская философия дядюшки.— Волнение «сидня».— Страх морской болезни.— Сухим путем в Бразилию.

Читателю, вероятно, небезынтересно узнать, какой ветер занес в Сибирь злополучных французов.

Вернемся на некоторое время назад и перенесемся в Париж.

В один прекрасный день два друга, Жюльен де Кленэ и Жак Арно столкнулись нос к носу на одном из парижских бульваров.

— Боги бессмертные! — вскричал Жюльен. — Что случилось? Париж горит? Или пруссаки вторглись во Францию? Или монархию восстанавливают?

— А! Жюльен! Здравствуй. Как поживаешь?

— Нет, как ты поживаешь? У тебя лицо до того странное, точно испуганное.

Жак вздохнул, молча пожал руку друга и опять вздохнул.

— Нет, кроме шуток, что с тобой стряслось? Болен? Женишься? Орден получил?

— Ах, поди ты!.. Знаешь, мне хочется сквозь землю провалиться.

— Сквозь землю? Это все же довольно далеко, а ты терпеть не можешь путешествий.

— Вот это-то меня и сводит с ума. Мне положительно нужно ехать.

— Куда?

— В Бразилию.

Тут уж де Кленэ окончательно не выдержал и расхотался во всю мочь.

— То-то ты так и съезжился весь, точно испуганный заяц. Ах, бедненький! Вечно сидел сиднем и вдруг в Бразилию! Конец не малый: двадцать три дня на пароходе. Зато как хорошо там: солнце, голубые небеса, роскошная флора...

— Бог с ней, с флорой... Я пуще всего боюсь... морской болезни.

— Пренеприятная вещь.

— Мне принесли письмо. На, читай

— И все это ради миллионов. Знаешь, ведь я теперь архимиллионер.

— Вот как! Наследство, стало быть?

— Да.

— От дядюшки?

— Да.

— Из Америки? Там ведь все солидные дядюшки.

— Да.

— Ну, что же, дай Бог. Только зачем же мы здесь стоим, проходим мешаем? Зайдем лучше куда-нибудь. Кстати, я голоден, как волк. Знаешь что? Пойдем в ресторан. За столом приятнее беседовать.

— Хорошо, пойдем. Я сегодня все равно не в состоянии идти в свою канцелярию.

Через полчаса друзья уже сидели за отдельным столом в ресторане за великолепным завтраком.

Когда подали кофе, Жюльен положил локти на стол, закурил сигару и сказал:

— Ты говоришь, дядюшка тебе...

— Оставил в наследство громадное состояние. Мне сегодня принесли письмо. На, читай.

— Боже! Какое объемистое!

— Да уж ты прочти. Право, очень интересно. Дядя мой не часто писал.

— А главное — с таким солидным «вложением!..» — пошутил Жюльен, разворачивая письмо.

Потянув из рюмки несколько капель шартреза, он принялся читать медленно и внятно:

«Гасиенда Жаккари-Мирим, 49° западной долготы по парижскому меридиану и 21°50' южной широты. Бразильская Империя.

Сего 21 июля, текущего 188... года

Милый мой племянничек!

Некоторые сердитые философы утверждают, что никогда не следует действовать по первому побуждению, ибо первое побуждение всегда бывает доброе. У меня же относительно тебя вышло совершенно наоборот. Первым моим намерением было лишить тебя наследства, но потом я передумал и оставлю тебе по завещанию все, что имею.

Ведь, не правда ли, на этот раз ты одобришь, что я пренебрег советом строгих философов?

Я на тебя долго сердился, с тех самых пор, как ты окончил курс юридических наук и превратился в какого-то чинушу.

Твоя мать, а моя сестра, обратилась тогда ко мне за советом. Я отвечал, что, мол, пусть она присылает тебя ко мне в мою гасиенду Жаккари-Мирим, где для ее сына найдутся родственные объятия, честное, искреннее сердце старика дяди и тяжеленный сундучище с деньгами.

Она не согласилась на это, Бог с ней, я ее за это не виню. На то она и женщина, чтобы быть трусихой. Но ты... Никогда я не мог простить тебе твоего малодушия. Ты самостоятельно ответил на мое предложение как трус.

Какую причину ты привел? Стыдно сказать: ты мне написал, что одна мысль о двадцатитрехдневном плавании по морю приводит тебя в ужас.

После этого что же мне оставалось делать? Я дал себе слово забыть о тебе — и это мне удалось без особого труда.

По временам ты писал мне о своих планах. Что сказать

о них? Ты шел по избитой дорожке, проторенной буржуа средней руки. Тебе предстоял выбор: или добиться должности подпрефекта и носить трехцветный шарф, или сделаться «охранителем основ» и поступить в товарищи прокурора при каком-нибудь провинциальном окружном суде.

Но тебя даже это испугало. Подпрефект и товарищ прокурора должны иногда ездить с места на место, а ты вырос неисправимым сиднем. Ты даже такой незавидной доле предпочел еще более ничтожную и поступил... и чиновники министерства.

Сидень! Чернильная душа! Геморроидалист!

Со временем ты добьешься места столоначальника. У тебя под начальством будет несколько писарей, которые будут тебе завидовать. Департаментские сторожа и курьеры будут тебе низко кланяться... Упоительно!

Чего ж тебе еще нужно?..

Дурак, дурак и дурак».

— Однако твой дядя, видно, охотник до сильных выражений,— заметил, прекратив чтение, Жюльен.

— Да ты читай дальше!

«Воображаю твою жизнь! Квартира где-нибудь на Монмартре,— несколько душных, темных комнат. Весь путь — до канцелярии и обратно, ты носишь полинялый зонтик и резиновые калоши, вечно страдаешь ревматизмом... Пошлая жизнь! Ты считаешь каждый грош и допытываешься у кухарки, куда она девала остатки вчерашнего супа. Два раза в месяц ты бываешь в театре, но зато куришь омерзительные сигары. Перед начальством ты сгибаешься в три погибели, а то — перовен час — в шею выгонят.

И это — существование порядочного человека? О, сидень! Ты дойдешь до этого, помани мое слово.

Теперь — другая картина. Вот как бы ты мог жить у меня в гасиенде:

Захотел ты съесть бифштекс или котлетку? Вели убить быка — их у меня десять тысяч голов — или барана — им я уж и счет потерял — и кушай на здоровье, сколько душе угодно. Откушав, вели бросить остальное собакам, потому что вчерашнее мясо у нас есть не принято.

Любишь охотиться? К твоим услугам девственные леса и неисчислимая в них дичь. Обожаешь музыку? Насладись чудным концертом пернатых лесных обитателей. Хочешь золота, алмазов? К твоим услугам богатейшие рудники. Нужна мебель из драгоценного дерева? Леса у нас древесиной изобилуют. Захочешь верхом покататься — у меня такие лошади, которые способны свести с ума любого знатока. Одним словом, к твоим услугам у меня найдется все возможное и даже невозможное.

Если же в один прекрасный день тебя потянуло бы в Париж — поезжай, сделай одолжение. Живи, жуируй, трать по десять тысяч франков в день. Это полезно. Отчего не проветриться?

Вот, милый племянничек, как бы ты мог жить у меня.

После твоего отказа я было решил завещать все свое состояние государству. Но меня что-то удержало. Мне вспомнилась родина — Турэнь, вспомнилось милое лицо сестры, вспомнился ее сынишка, розовощекий, толстый мальчуган, — и я растаял. Кровь — не водица, ничего не поделаешь.

Вследствие сего, милый племянник, я назначаю тебя моим единственным наследником.

Оставляю тебе мое поместье Жаккари-Мирим со всеми угодьями, лесами, лугами, выгонами, папшнями, золотыми и алмазными рудниками. Оставляю тебе мои стада, — быков, лошадей, баранов, мои табачные, кофейные и всякие иные плантации. Наконец оставляю тебе всю движимость, запасы в складах и амбарах, слитки серебра и золота, а также бриллианты, находящиеся на хранении в бразильском государственном банке в Рио-де-Жанейро. Одним словом, оставляю тебе все мое имение и состояние.

Одно только условие ставлю я тебе: ты должен лично съездить в Бразилию, в гасиенду Жаккари-Мирим, и лично вступить во владение наследством.

Если ты не сделаешь этого, то оставайся чинушей на всю жизнь. Состояние мое перейдет государству.

Этим все сказано.

Засим прощай, дорогой племянничек. Доброго пути.

Твой дядюшка из Америки

Леонард Вуазен.

P. S. Когда получишь это письмо, я уже умру и буду похоронен. Мой управляющий — рекомендую его тебе: человек в высшей степени честный — погребет меня на земле моего поместья, но достаточно далеко от усадьбы, чтобы я не мешал живым.

Вид могилы всегда производит довольно грустное впечатление.

Впрочем, ты иногда ко мне на могилу заглядывай, приходи».

— А ведь у твоего дяди золотое сердце, кроме шуток, — прознес взволнованным голосом Жюльен, окончив чтение. — Несмотря на показной скептицизм, все письмо его проникнуто такой горячей потребностью кого-нибудь любить, что невольно умиляешься, читая его. Откровенно говоря, ты сделал капитальную глупость, отказавшись тогда от приглашения своего дядюшки. Скажи, по крайней мере, что намерен ты делать теперь?

— Я и сам не знаю. Я совсем голову потерял. Все мысли перепутались.

— Ты болен, что ли?

— Хуже! Гораздо хуже!

— Так неужели трусишь?.. Впрочем, нет. Я видел тебя на войне. Ты вел себя храбро, а я в этом кое-что понимаю.

— Что бы ты сделал на моем месте?

— Очень просто: взял бы место на первом пароходе, отходящем в Бразилию, и поехал бы положить венок из цветов на могилу... которая находится достаточно далеко от усадьбы.

— Я умру, я не вынесу.

— Ах ты, мокрая курица!

— Хорошо тебе говорить: ты не испытал морской болезни.

— А ты-то где успел?

— Однажды нелегкая понесла меня из Гавра морем в Кан. Я рассчитывал совершить приятную прогулку и после поделиться с друзьями путевыми впечатлениями. Но только я ступил ногой на мостик, перекинутый с парохода на пристань, как на меня напал ужасный недуг, напоминающий что-то среднее между холерой и воспалением мозга.

— Обыкновенная морская болезнь.

— Но такая сильная, что я возбудил к себе отвращение и жалость и пассажиров, и матросов. Поминутная икота, рвота, судороги... я думал, что умру.

— От этой болезни не умирают и скоро вылечиваются.

— Ты думаешь?.. От Гавра до Кана езды по морю три часа. Море в этот день было беспокойно, и мы проехали вместо трех часов — восемь. И все это время моя болезнь прогрессировала. Сам капитан, старый морской волк, и тот был удивлен. Он никогда не видал ничего подобного.

— Неужели ты так слаб?

— Восемь часов я терпел качку и восемь часов хворал. Полагаю, что это крайний предел того, что может вынести мой организм. От Бордо до Рио-де-Жанейро двадцать три дня пути. Конечно, в Бразилию придут только мои кости.

— А давно это случилось?

— Лет тринадцать назад.

— С тех пор твой организм мог перемениться. Это часто бывает. Иной в молодости не мог выносить ни малейшей качки, а в зрелом возрасте ему нипочем самое сильное волнение на море.

— Нет, я уверен, что мой организм остался прежним. У меня до сих пор кружится голова от одного вида качелей. Потом я как-то однажды сел в простую речную лодку,

— Звоню гарсона, чтоб он принес бумагу и перо

и со мною сделалось дурно, так что меня едва не приняли за пьяного. Одним словом, я заболел морскою болезнью на Сене. Не правда ли, мило? И после этого ты хочешь, чтобы я плыл через Атлантику!

— Так как же быть?

— Я готов ехать в центральную Африку, на экватор, на Камчатку, к полюсам, куда угодно. Я крепок телом и вовсе не труслив, я готов трудиться, вынести всевозможные лишения и опасности. И при этом, не шутя тебе говорю, я силен, как бык.

— Что-то не верится.

— Уверяю тебя. Ведя сидячую жизнь, я боялся ожирения и записался в члены гимнастического общества. Теперь я великолепно фехтую, стреляю и способен на что угодно.

— Bravo!

— Если бы не морская болезнь, я бы пяти минут не промедлил и отправился в Бразилию.

— Отлично. А что, если я тебе предоставлю возможность проехать туда без угрозы морской болезни?

— Повторю тебе: я отправляюсь, не медля ни минуты.

— Хорошо. Дашь честное слово?

— Даю. Только с условием: без морской болезни.

— Принимаю это условие.

— Жюльен! Что ты делаешь?

— Звоню гарсону, чтобы он принес счет и бумагу с пером и чернилами.

— Что ты хочешь писать?

— Будешь писать ты, а не я.

— Что?

— Прошение об отставке в должности.

— Так ты, стало быть, не шутишь?

— Иногда шучу, но в важных вопросах — никогда.

— Ну, хорошо. Я сжигаю свои корабли.

— Это очень хороший способ избежать морской болезни, но только я для тебя избрал другой путь.

— А какой же?

— Покуда — секрет.

И Жюльен прибавил про себя:

— А, голубчик, попался! Ты говоришь о путешествии на Камчатку и экватор как о прогулке по окрестностям Парижа. Хорошо же. Ты у меня поедешь не только на Камчатку, но и во многие другие места. Не я буду, если не свежу тебя в Бразилию... сухим путем.

Глава IV

Гимназическая дружба. — Отставка Жака. — Первое приготовление к длительному путешествию. — По Северной железной дороге. — На пути в Петербург.

Дружба между Жаком Арно и Жюльеном де Кленэ началась еще в гимназии.

Жюльена двенадцатилетним мальчиком отдал в гимназию его опекун Сент-Барб, принявший опеку над огромным состоянием сироты и поспешивший поскорее отделаться от ребенка.

Привыкнув к суровой дисциплине закрытого учебного

заведения, Жюльен не знал не только свиданий с родными и праздничных отпусков домой, но даже и летние вакации проводил в гимназии.

Каждый год, когда веселый, шумливый рой школьников разлетался по родным уголкам, бедный малютка-миллионер оставался томиться взаперти вместе с учениками иностранцами: американцами, египтянами и румынами, которых за дальностью расстояния при кратковременности вакаций родные не могли брать домой.

Так рос Жюльен, не зная ни родственной ласки, ни радостей домашнего очага, и легко мог бы отупеть и огрубеть. Но с ним не случилось ни того, ни другого, потому что он, не имея возможности развлекаться, ревностно принялся за учение и все время шел одним из первых учеников.

На третий год своего пребывания в гимназии он однажды после вакаций увидел в толпе целовких новичков только что привезенного из провинции толстого, краснолицего, угловатого, мешковато одетого мальчика, который особенно выделялся своей неуклюжестью.

Этот новичок был Жак Арно, провинциал из Турэни.

«Деревенщина» тотчас же сделался предметом преследования со стороны гимназических забияк, будущих хлыщей, и на него градом посыпались насмешки, впрочем, не столь остроумные, сколько грубые и подчас сальные.

Но Жак оставался невозмутим. Насмешки не действовали на него, да, по правде сказать, он и не понимал смысла большей половины из них. Тогда, желая во что бы то ни стало чем-нибудь пробрать новичка, забияки начали проделывать с ним разные мучительные шутки, которые, кажется, теперь, к счастью, уже вывелись в казенных учебных заведениях.

Однажды бедный толстячок не выдержал и, залившись горькими слезами, забился в угол, точно собачонка, преследуемая уличными мальчишками. Но преследователи достали его и там.

И вдруг — стоп!

Резкий, повелительный окрик, — и вслед за тем на толпу забияк посыпались мастерские удары кулаком, пинки ногою, оплеухи.

У одного оказался подбитым глаз, у другого расквашенный нос, у третьего — фонарь под глазом...

— Смелей! — кричал энергичный голос. — Делай, как я! Колоти их! Кулаками, кулаками... так... молодец!..

Чувствуя поддержку, Жак ободрился и пустил в дело кулаки. Он не был ловок и не умел драться, но сила в нем

была, и вдвоем с союзником ему довольно скоро удалось обратить неприятеля в бегство.

Этот неожиданный союзник был не кто иной, как Жюльен де-Кленз.

Жюльен среди товарищей имел авторитет и пользовался уважением, во-первых, за силу, во-вторых, за хорошее ученье, и в-третьих, за богатство.

Его заступничество навсегда оградило Жака Арно от нападок.

— Чего ты плачешь? — добродушно-строго спросил он толстого увальня.

— Мне больно. Они меня били.

— Никогда не нужно плакать при них. При мне ничего, а при них нельзя. Тебе скучно здесь? Это пройдет. Привыкнешь. Хочешь, будем друзьями? Тогда никто не посмеет тебя пальцем тронуть. Они все трусы, стоит только хорошенько огрызнуться на них.

С этой минуты Жак почувствовал к своему покровителю беспредельную нежность. Он привязался к нему так, как умеют привязываться только цельные, нетронутые натуры, когда впервые отдают свое сердце. Со своей стороны и Жюльен полюбил угловатого мальчика, как всегда мы любим тех, кому оказываем помощь.

Впрочем, Жак сумел прекрасно отплатить своему другу за покровительство. У Жюльена на всю жизнь осталось светлое, радостное воспоминание о том лете, когда он в первый раз в жизни простился со стенами гимназии и поехал провести вакацию у матери Жака госпожи Арно в ее прелестном домике в Монлуи, на берегу Луары, в самой очаровательной турэнской глуши.

Невозможно, да и бесполезно было бы описывать восторг юноши, в первый раз после многих лет вырвавшегося из душных казенных стен.

С этой поры в Жюльене зародилось новое чувство: это необузданная любовь к свободе.

Прошли годы. Жюльен получил несколько первых наград по всем предметам, Жак — несколько похвальных отзывов за сочинения и латинские стихи. Затем кончился курс и того, и другого, получены аттестаты — с очень хорошими отметками Жюльеном и с удовлетворительными Жаком.

По выходе из гимназии восемнадцатилетний Жюльен очутился на свободе, имея в близкой перспективе получение миллионов в полное свое распоряжение. Какое-то врожденное презрение к низким удовольствиям удержало его от падения в пропасть, уже поглотившую столько богатых юнцов, как

и он, лишенных опоры и руководства при своем вступлении в жизнь.

Его страсть к свободе получила полное удовлетворение: он пустился в путешествия и побывал во всех пяти частях света.

Сначала он странствовал просто как человек скучающий и праздный, но потом стал относиться к своим путешествиям серьезнее и даже провел несколько замечательных исследований, разом поставивших его в ряд знаменитых путешественников наших дней.

Находясь в Гваякиле, он получил известие о смерти госпожи Арно и оплакал покойную, как родную мать.

Временами он наезжал во Францию, и всегда неожиданно, как снег на голову. Появившись метеором, он наскоро обнимал Жака, делал несколько сообщений и докладов в ученых обществах, заглядывал раз-другой в оперный театр и снова исчезал с парижского горизонта.

О жизни, которую вел Жак, мы уже достаточно знаем из письма его американского дядюшки, так что нам больше нечего добавить.

В то время, с которого начинается наш рассказ, друзья находились в возрасте около тридцати пяти лет. Жюльен де Кленэ, белокурый, среднего роста мужчина, сохранил еще почти всю свою юношескую гибкость и подвижность. Широкоплечий, с высокой грудью, он был очень силен и никогда не знал, что такое болезнь.

Поверхностному наблюдателю его черты, пожалуй, могли бы показаться слишком уж безупречно-правильными и потому банальными, если бы не загорелый цвет его лица и резкий, пронизательный, даже несколько суровый взгляд его глаз, глаз путешественника-исследователя, который привык бесстрашно выслеживать и дикого зверя, и разбойника.

Жак был рыхлый, склонный к тучности, добродушный брюнет с лысеющими висками и зарождающимся брюшком.

Итак, мы познакомили читателя с характерами наших героев. Теперь, следовательно, можно и продолжать рассказ.

Жак, обыкновенно очень сдержанный, на этот раз пил особенно много. Приятель подливал ему то бургонского, то крепких ликеров, и вскоре наш чиновник пришел в блаженное состояние. Щеки покраснелись, глаза заблестели, и даже на жизнь у него появился другой взгляд.

— Ты говоришь: отставка,— промолвил он, молодцевато закидывая ногу на ногу.— Я, пожалуй, с тобой согласен.

Это говорилось в ту минуту, когда гарсон подавал бумагу, перо и чернильницу.

— Мне кажется, следовало бы на министерской бумаге и в казенном пакете...

— Полно, разве не все равно?

— Что же писать? Я не знаю. Вероятно, для этого есть какая-нибудь форма. Нужно упоминать о причинах или нет, как ты думаешь?

— Ну вот еще, это ни к чему. Напиши только по-вежливее и распишись.

— Нет, а я все-таки думаю, что о причинах упомянуть не лишнее.

— Делай как знаешь.

Жак принял самую что ни на есть чиновничью позу и написал прошение об отставке.

— Ну вот, — сказал он, когда подписался с росчерком, — дело сделано. Теперь я готов с тобою хоть на Луну.

«Так, так. Подогрелся, значит, — сказал про себя Жюльен. — Не нужно давать ему остыть. Будем ковать железо, пока горячо».

— Ну, — произнес он вслух, — едем, что ли?

— Куда?

— Отвозить прошение.

— А потом?

— Потом мне нужно будет еще кое-куда заглянуть. Ты поедешь вместе со мной.

— Я готов.

Жюльен крикнул извозчика в белой шляпе, и тот, в ожидании хороших чаевых, лихо покати́л наших приятелей по городу.

Вскоре фиакр остановился у подъезда полицейской префектуры.

Жак после обильного завтрака и возлияния вздремнул дорогой. Он проснулся и с удивлением посмотрел на полицейского, стоявшего на дежурстве у подъезда.

— Что такое? — воскликнул он. — Куда это ты меня привез, мой милый? Это не мое министерство. Мне нужно в Люксембург.

— Сейчас поедem и туда, но сначала сюда зайдем.

— Зачем?

— Взять паспорта.

— Как? Так скоро? Да ты мне простодохнуть не даешь.

— Дыши сколько хочешь, сидя в карете, а я тем временем сбегам в префектуру и все устрою без тебя. У меня там много знакомых.

Жюльен ушел и через четверть часа вернулся, складывая на ходу и пряча в бумажник две бумаги казенного формата.

— Вот и паспорта готовы. Теперь дело за отставкой.

Опять остановка возле здания министерства. Жюльен вновь вышел и вернулся назад еще быстрее.

— Ну, теперь все сделано. Твоя отставка подана. Ты больше не служишь. Едем ко мне. 52, бульвар Гаусман! — крикнул он извозчику, и фиакр быстро покати́л дальше. — Через полчаса я буду готов, — сказал Жюльен по приезде Жаку, который снова впал в дремоту. — Хочешь подняться ко мне наверх?

— Нет, не надо, мне и здесь хорошо.

— Как хочешь.

Жюльен де Кленэ на случай внезапного отъезда всегда держал у себя дома достаточное количество наличных денег золотом и билетами.

Он набил дорожную сумку банкнотами и золотыми монетами, открыл письменный стол и достал оттуда свой диплом на звание члена Географического Общества и несколько писем от знатных лиц.

К этим бумагам он присоединил несколько свидетельств, аккредитирующих его при французских дипломатических агентствах в качестве члена разных научных обществ, карту полушарий с собственноручными заметками и дополнениями и, наконец, объемистый пакет с бумагой, которую он перечитал с видимым удовольствием, хотя уже давно знал чуть не наизусть ее содержание.

В бумаге значилось:

«Господам посланникам, полномочным министрам, консулам и начальникам эскадр Ее Величества королевы Великобританской.

Предъявитель сего, французский гражданин граф Жюльен де Кленэ, путешествует в качестве ученого исследователя.

Благоволите, милостивые государи, оказывать ему всякое, в чем до кого касаться будет, содействие и покровительство, как если бы он был подданным Ее Величества королевы английской. Всякую услугу, ему оказанную, я сочту за личное для себя одолжение.

Подписано: Лорд Б...

Статс-секретарь».

— Это самая лучшая из всех данных мне рекомендаций, — сказал Жюльен вполголоса, — потому что британские власти всегда обращают внимание на подписи своих министров.

Он позвал единственного слугу, рассчитал его, заплатив вперед годовое жалованье, и велел отнести в карету две дорожные шубы и два меховых одеяла.

Жак вошел в купе первого класса

Затем он надел сумку через плечо, обвел глазами свое живописное жилище парижанина-космополита и спустился вниз к консьержу, чтобы заплатить за квартиру за год вперед.

— Вы уезжаете, сударь? — осведомился тот. — А ваши письма?

— Не беспокойтесь. Их будет пересылать ко мне сам почтамт. Ну, — обратился он к Жаку, бессознательно гладившему рукою шелковистый мех шуб, — теперь я весь к твоим услугам. Только позволь мне заехать к банкиру и сказать ему словечко. Это в двух шагах отсюда, на Шоссе д'Антен.

— Скажи, пожалуйста, зачем ты берешь с собой шубы

и одеяла? Ведь теперь только 15 сентября и жара страшная.

— Но ночам зато бывает довольно свежо.

— В постели не чувствуется.

— Постели может у нас и не быть.

— Ты все шутишь.

— Ни капельки. Когда едешь путешествовать, то никогда не знаешь, где будешь спать, да и будешь ли вообще.

— Так разве мы едем путешествовать?

— А ты думал как? Конечно, едем... В Бразилию... разве ты забыл?

— Не может этого быть! — вскричал Жак, привставая с места. — И ты едешь со мной? Ты?

— Я тебя везу.

— Милый Жюльен! Как мне тебя благодарить!

— После когда-нибудь, а теперь мне нужно к банкиру, потом мы найдем карету и поедем кататься в Булонский лес; вернувшись с прогулки, пообедаем в Cafe Anglais и окончим приготовления.

— Окончим!.. Мы их только начнем. Ведь их будет так много.

— Может быть, — загадочно произнес Жюльен.

День кончился по программе, и за обедом в Cafe Anglais Жак, усердно угощаемый Жюльеном, опять очень много пил и не заметил, как приятель подлил ему в ликер какой-то темноватой жидкости из крошечного пузырька.

Была половина восьмого.

Карета быстро проехала расстояние от Cafe Anglais до вокзала Северной железной дороги, и Жак, ничего не сознавая, машинально вошел в вокзал под руку с приятелем и рухнул, как тюк, в спальное купе вагона первого класса.

Спящего разбудили какие-то горловые звуки, произнесенные на чуждом, непонятном языке.

Он проснулся, потянулся и привстал, смотря во все глаза на Жюльена, который насмешливо улыбался.

— Где мы? — спросил Жак.

— Едем по железной дороге.

— А который теперь час?

— 8 часов 40 минут вечера.

— Как! Ведь мы выехали в 8 часов. Значит, я спал только 40 минут?

— Плюс двадцать четыре часа.

— А? Что ты сказал?

— Я говорю, что ты проспал без малого двадцать пять часов.

— Ты с ума сошел!

— Нет. Это тебе так кажется спросонья.
 — Так, стало быть, мы уже много отъехали от Парижа?
 — Тысячу километров.
 — Значит, мы в Германии?
 — Да. В Берлине. Это наша первая станция на пути в Бразилию. Выходи и давай обедать. Ты, вероятно, страшно голоден.

Жак поначалу совсем опешил и не знал, как поступать, что говорить. Он машинально шел за Жюльеном к буфету, стараясь убедить себя, что видит все происходящее во сне.

Громадный рыжий немец проворно подал им сытный обед и налил в кружки пенистого баварского пива, сказав Жюльену, что следующий поезд в Петербург отходит через час с четвертью. Жак на лету уловил слово «Петербург».

— Так,— сказал он.— Кошмар все еще продолжается.

Он рассмеялся и прибавил, как бы в шутку над самим собою:

— Выходит, что я еду в Петербург. Это интересно.
 — Едешь, едешь,— весело отвечал ему Жюльен.
 — А что мы с тобой будем делать в северной Пальмире?
 — Будем искать средство против морской болезни.

Глава V

Жак Арно убедился наконец, что все происходящее не во сне.— От Диршау до Петербурга.— «Я бы желал вернуться в Париж».— Как переехать через Берингов пролив, не переплывая его? — Обетованная земля.— Русские впечатления Жака.— Его пассивность.— В тарантасе.— Из Москвы в Пермь через Казань.— Из Перми в Екатеринбург по железной дороге.— Жак непочтительно выражается об Уральских горах, называя их кочками.— Граница между Европой и Азией.— Владимирка.

Жак Арно пил и ел совершенно машинально, не произнося ни слова и точно все еще во сне.

Внезапно раздавшийся свисток поезда, отходившего к русско-германской границе, вернул его наконец к сознанию действительности.

Он понял, что все происходящее совершается наяву, и грустно вздохнул, убедившись, что как он там ни вертись, а путешествия уже не избежать.

Вчерашнего возбуждения его как не бывало. Мюнхенское пиво не в состоянии так расшевелить человека, как несравненный бургонский нектар.

Друзья уселись в спальное купе, и Жюльен, рассудив, что не следует мешать товарищу размышлять, спокойно расположился для сна.

— Итак, — промолвил Жак упавшим голосом, — мы едем путешествовать...

— Конечно.

— Ну и куда мы сейчас направляемся? В Петербург?

— Да. Ведь я тебе это сказал еще там, в буфете.

— Разве это так необходимо?

— Можно и иначе. Можно вернуться в Кельн, оттуда проехать в Гамбург, из Гамбурга в Лондон на почтовом пароходе, а оттуда через Лиссабон, Тенериф и Пернамбуко морем в Бразилию.

— Нет, так я не хочу.

— Ну, так дай мне тоже поспать. Ты выспался, а я нет. Завтра в половине седьмого мы будем в Диршау, то есть в пятистах километрах отсюда. Тогда будет светло, и мы успеем вволю наговориться вплоть до самого Кенигсберга, откуда мы проедем в Эйдкунен, пограничный немецкий пункт в восьмистах километрах от Берлина. От Эйдкунена будет всего два километра до Вержболова, первого русского города на нашем пути. Покойной ночи!

С этими словами Жюльен закрыл глаза и по привычке опытного путешественника сделал над собой усилие, чтобы заснуть. Спустя две минуты он уже спал глубоким сном, предоставив Жака его собственным думам, которые, судя по вздохам подневольного путешественника, были далеко не веселого свойства.

В шесть часов утра Жюльен открыл глаза.

— С добрым утром, путешественник! — сказал он приятно, который был еще мрачнее и нахмуреннее вчерашнего. — Будет сидеть как сыч, развеселись. Ну, что это, в самом деле? Ведь нехорошо...

— Я всю ночь думал.

— Разумнее было бы спать.

— И надумал вернуться в Париж. Бог с ним, с наследством. Не нужно оно мне.

— А как же отставка?

— Я опять поступлю на службу. Обо мне похлопочут влиятельные друзья, и все устроится.

— Послушай, да ведь над тобой все куры будут смеяться.

— Лучше пусть куры смеются, чем я буду вести такую жизнь.

— Да как ты вернешься? Как ты уедешь отсюда? Я уверен, что у тебя нет в кармане ни гроша.

Жак открыл портмоне и нашел в нем семнадцать франков и сорок пять сантимов.

Жюльен рассмеялся.

— Ты, может быть, рассчитываешь, что немецкие железные дороги повезут тебя даром или в кредит?

— Я возьму у тебя денег взаймы.

— А я ни за что тебе не дам. Ты обещал ехать со мной в Бразилию. Честным словом пренебрегать нельзя. Так что волей-неволей ты последуешь за мной, если только не предпочтешь выйти из вагона в Диршау и возвратиться во Францию пешком, питаюсь по дороге подающими Христа ради, картофелем и кислой капустой.

— Но подумай, Жюльен: со мной нет ни багажа, ни денег, ни даже чистой сорочки.

— У меня в сумке сорок тысяч наличными. Этого хватит на все, что угодно. Кроме того, я везу с собой на всякий случай векселя от моего банкира во все главные банки на нашем пути. Понял ты это?

— Я даже за квартиру не заплатил... Хозяин рассердится и продаст мой скарб с аукциона.

— Не беспокойся. Я поручил все тому же банкиру отдать твою мебель на сохранение. Что касается до внезапности твоего исчезновения, то сознайся, что весьма забавно, если полиция твоего участка станет искать тебя в море.

— У тебя на все есть ответ. Но главное дело даже не в этом, а в том, что я уже утомился и не могу ехать дальше.

— Ну, полно, как не стыдно! Что ты за баба? Встряхнись... Впрочем, вот что я тебе скажу. Я знал, что так будет, что ты передумаешь, и решил тебя похитить. Ведь хорошо я придумал, а? Что ты на это скажешь?

— Не знаю.

— Не знаешь? Ну, так я тебе сейчас объясню, и ты, наверное, сам похвалишь меня.

Жюльен достал из сумки карту обоих полушарий, наклеенную на полотно, и разложил ее на подушке.

— Я никогда с ней не расстаюсь,— сказал он.— Видишь эти отметки и надписи? Здесь вся моя жизнь. Все места, где я бывал, все реки, через которые я переправлялся, я отмечал своей рукой. О жизнь, полная свободы и приключений, тревожная, трудная, но привольная жизнь! Никогда, никогда, кажется, не пожалею, что я ее избрал.

Жак с удивлением смотрел на друга и молчал. Этот неожиданный и необычайный лирический порыв изумил его, потряс до глубины души.

— Вот, взгляни,— продолжал Жюльен.— Тут вся наша земля. Смотри, как нам с тобой придется ехать вокруг света.

— Вокруг света! — вскричал Жак, поддаваясь прежнему

страху.— Ты шутишь. Для кругосветного путешествия нужно следовать морским путем, а я не могу ехать морем,— понимаешь ты это?

— Впоследствии увидим. А теперь я держусь пока только своей первоначальной программы — проехать в Бразилию сухим путем.

— Через Петербург?

— Да.

— Хороша дорога, нечего сказать.

— По крайней мере, не будет ни боковой, ни килевой качки, а для тебя это важнее всего. Итак, вот наш маршрут: Петербург, Москва, Казань, Екатеринбург, Тюмень, Омск, Колывань, Томск, Красноярск и Иркутск.

— Очень мило: через всю Сибирь.

— В санях от Тюмени до Байкала и от Байкала до крайнего северо-восточного пункта Азии.

— Я против саней ничего не имею и мороза тоже не боюсь.

— От Иркутска мы поедем вдоль Байкала и спустимся по Лене до Якутска.

— По реке?.. Ни за что! Я не поеду по воде, и ты мне это обещал.

— Лена замерзнет. Мы поедем по льду. Он в России очень крепок на реках.

— Прекрасно.

— От Якутска мы поедем дальше на северо-восток, переправимся через небольшую цепь Верхоянских гор, достигнем Колымы и спустимся по ней до устья. В Нижне-Колымске мы возобновим наши запасы, перешагнем через Полярный круг и очутимся на 69° северной широты.

— Брр!.. Продолжай.

— Что? Сам заинтересовался?

— Позволь спросить: будут у нас почтовые лошади для саней?

— И лошади, и олени, и собаки. Не беспокойся, не застрянем нигде. Таким образом мы приедем в страну чукчей. Перед нами будет мыс Восточный, крайняя оконечность Азии, отделенная от Америки узким Беринговым проливом. Мы будем уже в другом полушарии... Пролив имеет ширину всего пятьдесят километров.

— Так. Тут-то я тебя и подстерегал. Помни, дружок: плавать не полагается — ни пятидесяти километров, ни пятидесяти метров, ни даже пятидесяти сантиметров. Это мое последнее слово.

— Мы и не будем плавать. И Лена, и Колыма, и Берингов

пролив покроются льдом. Мы переправимся через них в санях, так что ты и не заметишь, что мы едем не по суше. И вот мы приедем на американский материк возле мыса Принца Валлийского, в страну эскимосов. Это будут прежние российско-американские владения, теперь принадлежащие Соединенным Штатам и известные под именем территории Аляски. Здесь мы опять обновим свои запасы, что будет весьма кстати. Далее мы переправимся через Аляскинские горы и, не без труда достигнув Скалистых гор, направимся на юго-восток. Проехав английскую Колумбию, мы очутимся уже в цивилизованной стране.

— Как? Так скоро?

— Вот это мне нравится: то совсем не хотел ехать, то жалеет, что скоро кончится путешествие... Однако я продолжаю. Вот штат Вашингтон и ветвь железной дороги, которая от Такомы под 49° северной широты доведет нас через весь этот штат и через штат Орегон до Канонвиля, находящегося под 43° северной широты. После трудной езды на чем Бог послал эти 45 километров по железной дороге покажутся очень приятным путешествием. Далее, на 42-й параллели, будет калифорнийская граница. Вот маленький городок Ганлей, от которого ведут железную дорогу — теперь она уж, должно быть, окончена — через всю Калифорнию с севера на юг. Мы проедем эту страну быстро, если только ты не пожелаешь остановиться в ней подольше.

— Это мы увидим.

— Сакраменто и Стоктон стоит посмотреть. Потом уж все пойдет как по маслу, и мы не заметим, как проедем железной дорогой всю Америку и достигнем Аризоны в тридцати километрах от Мексики...

— Постой! Дай дух перевести: у меня голова закружилась от такой неспроты и быстроты.

— Без нежностей, милостивый государь!.. За Аризоной следует Альтар, Гермосилио, Гуаймас, Кулиакан, Сан-Луис-Потоци — этот путь мы преодолеем на лошадях, — затем Мексика и коротенькая веточка железной дороги до Оризабы. Далее мы пустимся через Гватемалу, через мелкие республики: Сан-Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рика, пересечем Панамский перешеек и прибудем в Соединенные Штаты Колумбии. Здравствуй, значит, Южная Америка. Вот она, взгляни: огромное пространство, изрезанное реками, в числе которых величественная Амазонка, царица рек. Это твоя обетованная земля, страна дядюшек-миллионеров и богатых га-сиенд. Но до нее нужно будет сначала добраться. На пути будут республики: Колумбия, Эквадор, Перу, Боливия. К не-

счастью, там очень мало железных дорог. Не будь у тебя этой нелепой водобоязни, мы отлично могли бы ехать по рекам, а теперь...

— Только не по воде... об этом и речи не может быть. Иначе вези меня назад.

— Да ладно, ладно. И вот мы приезжаем в гасиенду Жаккари-Мирим, расположенную на одноименной реке, впадающей в один из притоков Параны. Ну, что же? Разве я не сдержал слова? Разве я не привез тебя в Бразилию сухим путем?

Жак приехал в Петербург с предвзятым намерением ни на что не смотреть и ничем не интересоваться. Когда Жюльен упрекнул его в этом, он отвечал:

— Я решил относиться к путешествию безучастно. Делай со мной, что хочешь. Я буду твоим багажом, который ты можешь везти куда угодно, но лишь... сухим путем.

— Неужели тебя не интересует Россия?

— Нисколько! Петербург, по-моему, такой же город, как и все. Много красивых домов, нарядных дам и мужчин, много военных, газ... совершенно все так же, как и везде. Одна только разница: у церквей золоченые купола, как у нас на Инвалидном Доме, и у всех кучеров бороды... Я готов ездить с тобой по посольствам, магазинам и театрам, но это меня нисколько не занимает. Довольствуйся тем, что я есть, и оставь меня в покое.

— Нечего сказать, хороший будет у меня спутник.

— Какой есть. Впрочем, впоследствии во мне, быть может, и проснется интерес ко всему, хотя я сильно в этом сомневаюсь. Вот о чем я хотел тебя еще попросить: нельзя ли тебе устроить отсюда наш отъезд поскорее? Мне скучно, хочется поскорее на простор, в Сибирь.

— Подожди еще два дня, и мы выедем.

Два дня прошли, и приятели выехали по Николаевской железной дороге в Москву. В древней столице московских царей они не останавливались вовсе и прямо проехали в Нижний Новгород, где кончается железнодорожный путь.

Несмотря на свое подлинное или напускное равнодушие ко всему, Жак не мог не заметить, что у Жюльена нет никакого багажа, кроме небольшого ручного чемоданчика.

— Успокойся,— отвечал ему с улыбкой Жюльен,— у нас, напротив, очень много багажа. Я купил великолепные сани. В них лежат все наши вещи, платье, шубы, оружие, припасы, книги... Если тебе показать список всего, так ты ужаснешься.

— А где же эти сани?

Они прямо приехали в Нижний Новгород

— Они едут на одном поезде с нами... на экипажной платформе, прицепленной в конце состава.

— Так. Но ведь ты говоришь, что от Нижнего Новгорода железной дороги нет. Что же мы будем делать с санями? Ведь теперь не зима, и снегу еще долго не будет.

— Мы отправим сани в Пермь на пароходе «Днепр», а сами будем трястись в тарантасе по сухопутной дороге.

— А велико ли расстояние между этими двумя городами?

— С неделю проедем, если не особенно будем спешить.

— Хорошо.

По приезде в Нижний, Жак, скрепя сердце, сел с прияте-

лем в тарантас и покати́л на тройке с колокольчиком по тряской дороге. Его ужасно подбрасывало, но он ни разу не пожаловался и строго хранил свое напускное равнодушие. Он ни разу даже не взглянул на красавицу Волгу, которая медленно катила свои волны по правую руку от него. Проехали Казань, причем Жак даже взглядом не удостоил эту древнюю столицу татарского царства, и на восьмой день этого адского путешествия прибыли в Пермь.

— Дальше мы снова поедem по железной дороге,— сказал Жюльен, с наслаждением предвкушая более спокойную езду.

— Жаль,— отвечал Жак,— я было привык к тарантасу.

— Можешь утешиться. Это только ветвь от Перми до Екатеринбургa. Скоро мы опять сядем в тарантас.

— Очень приятно.

Жюльен опять нанял платформу для саней, уже давно привезенных в Пермь пароходом «Днепр» и стоявших на товарной станции, и занял с Жаком купе первого класса.

— Урал! — произнес он несколько часов спустя, указывая Жаку из окна вагона на ряд сероватых возвышенностей, тянувшихся вдаль с севера на юг.

— Ну уж и горы! — презрительно отвечал тот. — Какие низенькие!

— Да, невысоки, — согласился Жюльен, — но тем не менее они производят на меня сильное впечатление.

— Вольно же тебе!.. Впрочем, ты и в Перми восхищался домами... деревянными хижинами какими-то... Разве это горы? Это кочки, бугры, — все, что хочешь, только не горы.

— Зато они — граница между Азией и Европой. Через несколько минут мы вступим на землю, которая считается колыбелью рода человеческого. Видишь ты каменный столб?

— Вижу. Что же это такое?

— Это пограничный столб между варварством и цивилизацией.

— Азия! Азия! — воскликнул с комическим ужасом Жак. — Я в Азии! Думал ли я когда-нибудь, что это случится, — я, не ездивший в жизни своей дальше главного города в кальвадосском департаменте!

— Не говоря уже о том, что ты едешь в Сибирь, пространство которой — страшно сказать! — равняется четырнадцати миллионам квадратных километров. В Сибирь, страну хвойных лесов, населенных оленями, медведями и волками; в страну золота, драгоценных камней, льда и каторжников; в страну гигантских рек и бесконечных степей; в страну диких северных народов и полярной ночи!..

Час спустя наши приятели были уже в Екатеринбурге и снова садились в тарантас.

— Знаешь, как называется дорога, по которой мы едем? — спросил Жюльен своего друга, который тщетно старался сосчитать число сделанных им километров.

— Нет, не знаю.

— Это знаменитая Владимирка...

— Я все-таки не понимаю сути этого названия.

— По этой дороге гоняют в Сибирь ссыльных.

— А...

Через неделю наши путешественники благополучно прибыли в Омск, столицу Западной Сибири.

Глава VI

Столица Западной Сибири.— Пребывание в Омске.— Жаку очень нравятся степи.— Море без качки.— Первые холода или «азимье».— Санний «первопут».— Отъезд.— Дорожный костюм для езды по Сибири.— Шампанское среди степи.— Ишимский острог.

Торопясь проехать поскорее громадное расстояние между Москвою и Омском, Жюльен де Кленэ имел определенную цель.

Ему захотелось завести своего приятеля подальше и тем лишить его каких-либо шансов на возвращение назад в одиночку.

Он надеялся, что по мере дальнейшего своего углубления в бесконечные степи этой азиатской страны подневольный путешественник все меньше и меньше будет протестовать против совершившегося и, кроме того, попривыкнет к трудностям.

Как Жюльен предвидел, так и случилось. Чем дальше ехали приятели, тем веселее становился Жак Арно и приходил с каждой переменной лошадей, с каждым появлением нового ямщика на козлах тарантаса все в лучшее и лучшее расположение духа.

Чем далее проникал он в этот неведомый мир, тем туманнее представлялась ему покинутая европейская цивилизация. Временами по поводу какой-нибудь необыкновенной встречи, или странного костюма, или оригинального типа в душе Жака оживали воспоминания о Европе, но теперь они уже не возбуждали в нем желания вернуться домой, а только порождали ассоциации, будили мысль.

Такой прогресс в настроении друга, бывший следствием быстрого переезда через страну, не похожую ни на какую другую, бесконечно радовал сердце Жюльена де Кленэ. Он имел

теперь основание надеяться, что его друг делается для него более приятным спутником, чем до сих пор, и перестанет исполнять роль живого багажа, безучастного ко всему окружающему и даже к своей собственной участи.

Жак уже больше не поднимал вопроса о своей отставке. Он добросовестно послал к черту свою канцелярию, научился на ломаном русском языке покрикивать на ямщиков: «Пашоль», — и не пропускал случая щегольнуть на станциях своим знанием нескольких фраз, которые, впрочем, вследствие некоторой фантастичности выговора, были для сибиряков не столько понятны, сколько удивительны.

Таково было настроение нашего канцелярского чиновника, когда он тройкой в тарантасе торжественно въезжал в Омск, столицу Западной Сибири.

Омск — довольно красивый город, расположенный при слиянии Оми и Иртыша, на обоих берегах первой и на правом берегу последнего. В нем до 18 тысяч жителей, по преимуществу чиновников, купцов и золотопромышленников.

Крепость в Омске построена в 1760 году и теперь, конечно, устарела, но все-таки она до сих пор представляет один из важнейших форпостов Западной Сибири.

Имея в карманах целую кучу рекомендательных писем от влиятельных лиц, наши друзья были радушно приняты местным бомондом и очень весело провели время. А пробыли они в Омске немало. Благоразумный Жюльен рассудил, что первую часть путешествия лучше совершить до наступления холодов, чтобы дать Жаку постепенно привыкнуть к сибирскому климату и местным обычаям и лишь после этого повезти его далее по северной стране.

Кроме того, он еще опасался, как бы Жак, приехавши в Москву зимою, не вздумал наотрез отказаться от санного путешествия по бесконечным снежным равнинам. Это очень легко могло случиться, так как тогда ретироваться было еще не поздно. Но теперь, в глубине Сибири, настаивать на возвращении смешно, потому что отсюда решительно все равно куда ехать: что назад, что вперед.

К своему величайшему удивлению Жюльен вдруг увидел, что Жаку необыкновенно понравилась необозримая степь, окружающая город.

На подневольного путешественника произвела сильное и вместе с тем приятное впечатление эта бесконечная, необъятная равнина, покрытая лишь травой и на вид переменчивая, как море, в зависимости от погоды.

В сумрачные дни, когда по небу ходили облака и по степи гулял ветер, трава волновалась, как океан, и принимала

темный оттенок, напоминая сумрак бездны. В хорошую погоду, когда ярко светило солнце, степь переливалась всевозможными оттенками зеленого цвета, — сочетаниями самыми разнообразными и неожиданными и вместе необыкновенно приятными для глаз.

И Жак, вдруг полюбивший степь со всем пылом природного сибиряка, целыми часами предавался безмолвному созерцанию.

Действительно, степь, по словам отважного французского путешественника Виктора Меньяна, объехавшего Сибирь и Монголию, представляет для жителей Омска то же, что горы для горца, что море для матроса, что небо для воздухоплателя. С нею советуются каждое утро. По ней узнают погоду и, следовательно, сообразуют свои действия. В Омске любят степь. Она кормит скот; она дает приют диким зверям, охота за которыми составляет любимое занятие омича. Праздники и гулянья народного характера устраиваются в степи; в степь же направляются для прогулок и в одиночку; идти или ехать по степи — для омича наслаждение, и это делается понятным всякому, кто хоть раз ее увидит.

Когда Жюльен выразил удовлетворение тем, что его друг нашел наконец для себя интерес в путешествии, Жак отвечал:

— Неудивительно, что после сидячей жизни в Париже я пришел в восторг от этого моря зелени. Что я там видел, кроме зеленого сукна на своем канцелярском столе, а здесь — смотри, какая ширь, какая необъятность. Вообрази только — ведь это море, только без кораблей и без качки. Подумай — ведь это мой идеал.

Друзья проводили время весело: охотились, удили рыбу, ловили ее неводом, ездили верхом и в экипаже, совершали прогулки пешком. Дневные удовольствия оканчивались вечерами, проводимыми в приятном обществе.

Но вот наступили и первые заморозки. Несколько раз выпадал снежок. Потом вдруг после непродолжительного зимастья термометр упал сразу на 14 градусов ниже нуля. Накануне в ночь выпал обильный снег и окутал степь снежным саваном.

Жак печально смотрел на свою приятельницу степь, укурышующую белым плащом зимы.

— Что, голубчик? — сказал ему Жюльен. — Ведь хорошо, а? Степь еще лучше стала, а?

Но Жак нерешительно молчал. Он еще сам не знал, лучше так или хуже.

— Если такая погода простоит еще недели две, — продолжал Жюльен, — то нам можно будет продолжать путь.

Дорожные костюмы для зимнего времени

— Ну, что ж, и отлично,— покорно сказал Жак, хотя и без восторга.— Ехать так ехать.

Жюльен словно напоролил. В этот год зима, как нарочно, установилась необычайно рано, так что даже старожилы удивлялись. Термометр всю неделю не поднимался выше 19° холода по Реомюру *, снег окончательно улегся, и реки стали, скованные льдом.

Установился санный путь. Друзья решили немедленно выехать по этому первопутку.

---

* 1° по шкале Реомюра равен $1,25^{\circ}$ по Цельсию.

У них уже давно все было готово: сани нагружены провизией, шубы находились в порядке. Они нанесли прощальные визиты знакомым и поехали к себе на квартиру одеваться в дорогу.

Много смеху было, когда совершалось это переодевание. Укутываясь, друзья под конец буквально пыхтели от усталости. Надевши три пары шерстяных чулок, они сверху натянули еще пару войлочных и обулись в высокие меховые сапоги, преогромные и претяжелые. После этого они надели на себя легкие, но чрезвычайно теплые оленьи дохи и затем еще несколько шуб; самые верхние шубы были с капюшонами, под которыми окончательно исчезли головы путешественников, и без того уже прикрытые огромными меховыми шапками.

В таком виде Жюльен и Жак вышли из квартиры и сели в сани, нагруженные чемоданами, баулами, ящиками, ящичками, перинами, матрацами и подушками.

Запряженные тройкой лошади нетерпеливо били копытами и грызли удила. Помогавший господам сесть ямщик вспрыгнул на облучок, гикнул, и тройка, звеня колокольчиком, во весь дух помчалась по гладкой укатанной дороге.

Сани наших путешественников выехали не одни. За ними ехало еще саней двадцать, в которых сидели омские знакомые Жюльена и Жака, пожелавшие проводить французов до первой станции, то есть верст двадцать пять.

Не доезжая до станции, поезд остановился в открытом поле, и все провожавшие, выйдя из своих саней, направились к передним. У каждого из провожавших было под мышкой по бутылке шампанского. Откуда-то явились стаканы. Шипучая влага полилась, запенилась, послышалось чоканье, посыпались пожелания доброго пути...

Но вот опорожненные бутылки брошены, стаканы тоже полетели со звоном на мерзлый снег и, разбиваясь, смешали блестящую игру осколков с алмазным сверканием озаренного солнцем снега.

Оригинальное сибирское прощание кончилось. Сани путешественников понеслись дальше по дороге в Томск, а провожавшие поехали назад.

В первые дни езда на санях была чрезвычайно занимательна. Так приятно скользить почти без малейших толчков по ровной, гладкой дороге, не слыша даже стука лошадиных подков. Только колокольчик заливается своей бесконечною песней, и всюду кругом только снег, снег и снег...

Жак Арно и Жюльен де Кленэ, наслаждаясь этим своеобразным комфортом, в три дня доехали до Томска, находя,

Мужик перекрестился на образ и вышел

что все идет как нельзя лучше в этом лучшем из миров, и рассчитывая, что дальнейшее их путешествие будет так же мило и комфортабельно, как протекало оно до сих пор.

В Томске они остановились ненадолго, только представились губернатору, и поехали далее в Иркутск. Благополучно проехав Семилюкский этап, они прибыли в Ишимский *, где с ними случилась уже известная нашим читателям неприятность...

---

* Авторская неточность: названные населенные пункты находятся близ Омска, а не между Томском и Иркутском.

Пока они спали тяжелым сном на арестантских нарах, староста Михайлов все думал о том, как бы освободить их поскорее из-под ареста. Он знал, что капитан Игумнов страшный формалист и ни за что не выпустит их, прежде чем не наведет самых кропотливых справок, а в Сибири это затянется надолго.

Михайлов вспомнил, что теперешний губернатор слыл замечательно гуманным и честным человеком. Кроме того, они были прежде довольно хорошо знакомы между собою, часто встречаясь друг с другом в петербургском обществе.

И он придумал средство ускорить освобождение арестованных.

Позвав осторожного служителя, он велел ему сыскать где-нибудь в поселке мужика, который согласился бы отнести письмо в Томск, но так, чтобы начальство не знало.

Мужика привели. Дав ему три рубля на водку и взяв с него обещание доставить послание по назначению, Михайлов отправил с ним письмо к губернатору, в котором извещал сановника о приключении с французами, брал на себя смелость удостоверить их личности и, на правах прежнего знакомого, просил принять меры к немедленному освобождению путешественников.

Мужик перекрестился на образа, сунул врученное ему письмо за пазуху и вышел.

Глава VII

Пробуждение в остроге. — Неудачная прогулка по двору острога. — Вестник радости. — Освобождение. — За завтраком. — Жак делается другим человеком. — Go ahead *. — В путь, в Иркутск. — До свиданья.

Когда друзья проснулись утром после тяжелого сна, все их товарищи по камере уже встали. Внесли арестантский завтрак, от которого Жюльен и Жак отказались и попросили служителя позвать к ним старосту.

Через несколько минут пришел Михайлов.

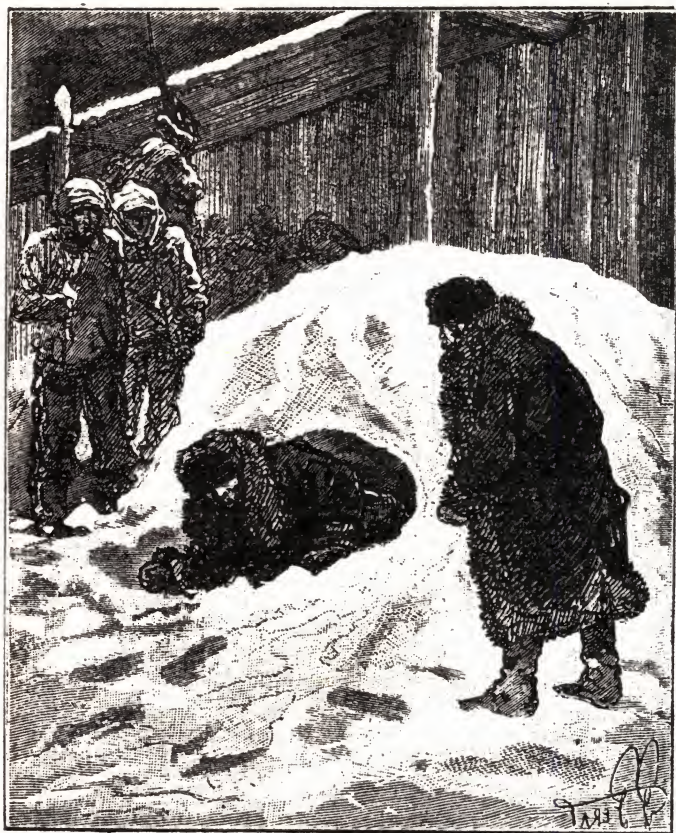
— Ну что, как провели ночь? — обратился он к французам после дружеского рукопожатия. — Плохо, конечно? Ну, что ж делать. Зато я могу вас утешить — я послал письмо к губернатору с верным человеком. Ответ должен прийти не позднее завтрашнего утра.

— Вы это сделали! О, как нам вас благодарить!... — вскричал Жюльен, протягивая старосте обе руки.

---

* Вперед (англ.).

Он с головой провалился в снег

— Полноте, что вы? Что ж тут особенного? — возражал Михайлов, сконфуженный этим порывом благодарности. — Оставим это, поговорим лучше о деле. Нынешний день вам во всяком случае придется провести в остроге. Пищу с арестантского стола вы, конечно, есть не будете. Уполномочиваете вы меня позаботиться о вас?

— Но... У нас ничего нет. Наш багаж, наши деньги отобрали.

— Это ничего не значит. Я как староста могу из арестованных денег вытребовать часть на расходы для вас. В городе можно будет достать порядочный обед и завтрак... наконец, самовар, чай...

— Пожалуйста. Мы вам будем очень признательны...

Благодаря заботливости добряка Михайлова, у друзей появился в остроге некоторый комфорт, скрасивший их грустное пребывание там.

Скучно прошел день, несмотря даже на то, что им позволили среди дня выйти погулять на острожном дворе в числе нескольких других арестантов и, разумеется, под строгим надзором. Прогулка эта ознаменовалась довольно смешным приключением, героем которого явился Жак Арно.

Метель, бушевавшая ночью, намела во дворе огромный сугроб пушистого, рыхлого снега. Жаку вдруг пришла фантазия влезть на него, чтобы выглянуть через высокую стену острога и хоть одним глазком окинуть свою приятельницу степь. Но он не рассчитал, что рыхлый снег не выдержит тяжести человека. Едва успел он подняться на половину сугроба, как в ту же минуту с головой провалился в снег и, преуморительно барахтаясь и отряхиваясь, вылез оттуда с помощью подбежавшего Жюльена. Арестанты столпились около сугроба и громко хохотали.

— Точно маленький! — говорили они. — Вот так барин!

Но вот и окончился скучный день. Настала ночь, и друзья снова улеглись на жесткие нары...

Наутро их ждала счастливая весть, обрадовавшая их, тем более, что они никак не ожидали ее так скоро.

Нарочный, посланный Михайловым, в ту же ночь оседлал быструю сибирскую лошадку и во весь опор помчался в Томск.

Лишь только стало смеркаться (а в это время в Сибири смеркается рано), как он уже подъезжал к губернаторскому дому и потребовал, чтобы привезенное им письмо немедленно передали в собственные руки его превосходительства.

Пробежав письмо, добряк губернатор заволновался.

— Как! Возможно ли — такая несчастная ошибка! Вот неприятность! Какой, право, неосмотрительный этот капитан Игумнов... Неужели это те французы, что проехали недавно через Томск? Вероятно, они... Ужасно неприятно... Надо, однако, хорошенько расследовать...

Губернатор взволнованно позвонил.

— Пошлите ко мне чиновника особых поручений господина Добровольского.

Через несколько минут в кабинет администратора вошел представительный молодой человек в форменном фраке.

— Николай Петрович, — торопливо обратился к нему начальник губернии, равной по пространству половине Франции, если не больше, — прочтите-ка, что мне пишут.

Чиновник взял поданное ему губернатором письмо, прочитал и возвратил назад с почтительным поклоном.

— Что скажете? — продолжал губернатор.

— Почти наверное можно сказать, ваше превосходительство, что это те самые путешественники, которые недавно проследовали через наш город и проездом нанесли визит вам.

— Как же быть?

— Надо расследовать на месте. Все может быть. А вдруг окажется, что Игумнов прав?

— Вы видели их? Знаете?

— Как же не знать, ваше превосходительство? Мы были друг другу представлены.

— Так вот что, голубчик Николай Петрович... Поезжайте немедленно, на курьерских, в Ишим и распорядитесь. Если действительно ошибка — передайте этим господам от меня — слышите, от меня, — что я очень сожалею и извиняюсь. Как только приедете, немедленно телеграфируйте мне, что и как... Кроме вас там на месте никто не может удостоверить их личности... Поезжайте же с Богом.

Чиновник особых поручений откланялся, и через десять минут его сани тройкой уже неслись во весь опор по дороге в Ишим...

Он ехал всю ночь, останавливаясь лишь для перемены лошадей, и наутро, как снег на голову, явился в этап.

Рано утром арестованных путешественников, едва они успели проснуться и позавтракать, вызвали в канцелярию острога. Там уже были в сборе все острожное начальство, ишимский уездный исправник и начальник этапной команды, сам строгий и суровый капитан Игумнов.

Едва Жюльен и Жак вошли в канцелярию, как сейчас же узнали Добровольского, а тот их. Встреча была дружеская, любезная. Послышались восклицания. Губернаторский чиновник обернулся к капитану Игумнову и сказал:

— Конечно, вы действовали по уставу, и все же это чрезвычайно неприятно.

Игумнов молчал. Он был сконфужен.

— Господа, — продолжал Добровольский, обращаясь к путешественникам, — я уполномочен передать вам, что его превосходительство искренне сожалеет о случившемся. Забудьте эту неприятность тем более, что его превосходительство немедленно принял меры к расследованию дела, лишь только узнал о случившемся. Капитан Игумнов, конечно, виноват, но он действовал, во всяком случае, добросовестно; в этом нет причин сомневаться.

Капитан подошел и сконфуженно произнес:

*Капитан сконфуженно произнес:
— Извините меня, старика*

— Извините меня, старика. Уверяю вас, я очень сожалею, что такое вышло... но, право, я думал, что исполняю долг.

Французам стало жаль старого служаку. Они протянули ему руки и заявили, что нисколько не сердятся и готовы забыть происшедшее.

Так, наконец, уладилось печальное недоразумение с нашими путешественниками. Им объявили, что они свободны и могут во всякое время получить свой багаж, на который был тоже наложен арест.

Когда все было оформлено и протокол об их освобожде-

нии составлен и подписан, Добровольский подошел к ним со словами:

— Господа, я сейчас посылаю губернатору телеграмму с донесением о том, что все улажено. Вместе с тем в этой же телеграмме я намерен сделать ему представление: не проехать ли мне в Иркутск, чтобы лично донести генерал-губернатору, которому подчинена и наша губерния, о случившемся и тем заранее предупредить превратные толки, которые могут до него дойти. Если его превосходительство согласится с моим представлением, то я могу быть вашим попутчиком. Вы ничего против этого не имеете?

— О, напротив, мы будем очень рады! — воскликнули в один голос Жюльен и Жак.

— А теперь, господа, не угодно ли вам пройти в кабинет рядом с канцелярией. Вы можете расположиться в нем, как дома, и вам, если хотите, принесут сюда ваши вещи. Прямо отсюда мы сможем отправиться в путь, как только придет телеграмма.

Добровольский велел принести самовар и угостил путешественников превосходным, ароматным чаем, а они его за это своими консервами, которые сначала пришлось отогреть, потому что они были совершенно холодные.

Завтрак прошел весело. Много болтали, смеялись. Добровольский, как водится, прекрасно говорил по-французски. Он очень удивлялся фантазии французов — ехать в Бразилию сухим путем.

— Это вот все он, — говорил Жюльен, указывая на друга. — Ни за что не хочет ехать морем — и баста! А скажи по совести, Жак, ведь тебе уж надоело путешествовать? Не хочешь ли назад? А?

Жак даже подпрыгнул на стуле и с живостью вскричал:

— Ни за что!

— Как? Это говоришь мне ты? Ты?

— Да, я.

— Вот странная перемена. Да ты ли это, Жак? Уж не подменили ли тебя? Ты стал совсем другим человеком.

— Может быть. Но только я назад возвращаться не желаю. Хотя бы мне пришлось идти пешком по снегу до самого Берингова пролива, хотя бы мне на каждом шагу приходилось наткаться на капитанов Игумновых и через каждую станцию сидеть в остроге, хотя бы мне пришлось зимовать в юртах диких чукчей и питаться тюленьим жиром, хотя бы... Одним словом, я во что бы то ни стало еду вперед. Я не держал никакого пари, и ни лично я, ни моя национальная честь не задеты в вопросе о том, доеду ли я до Бразилии

сухим путем или нет, но я все-таки заявляю, как американец : go ahead!

— Bravo! — вскричали сотрапезники Жака, любуясь его неожиданным энтузиазмом.

— Итак, господа, давайте чокнемся за наше счастливое путешествие, — закончил Жак свой восторженный спич.

Сотрапезники чокнулись и выпили. Добровольский заговорил:

— Господа, ваши сани сломаны. Это, кажется, случилось во время ареста и по вине капитана Игумнова... Вы имеете право требовать вознаграждения... а также и за багаж, большая часть которого попорчена...

— О, что за пустяки... Не стоит об этом говорить, — возразил Жюльен де Кленэ. — Чемодан мой с деньгами и бумаги целы, а это главное.

— Во всяком случае вам в ваших санях ехать нельзя. Знаете что? Я вас довезу до Иркутска в своих. Они у меня просторные, рассчитанные на четырех человек!

— Мы будем вам очень благодарны, Николай Петрович; нам так еще лучше: вдвоем не скучно, а втроем еще веселее.

— Отлично, господа. Стало быть, в путь.

Жюльен де Кленэ и Жак Арно перед отъездом пошли проститься со старостой Михайловым, хлопотам которого они были обязаны скорым освобождением. Они искренне благодарили его, жали ему руку и кончили тем, что крепко обнялись с ним на прощанье. Старик прослезился и пожелал им счастливого пути. В свою очередь они пожелали ему скорейшего облегчения его участи.

Старик печально покачал головой и произнес:

— Только милость государя может изменить мою судьбу, а я этой милости не заслуживаю... Впрочем, за меня хлопочут...

— Не теряйте надежды, Сергей Иванович, не теряйте, — утешал его Жюльен. — Ваша же русская пословица говорит: на милость образца нет...

Отъезжающие сели в сани. Ямщик погнал тройку умеренной рысью, огибая острог. Проехав улицу города, путешественники опять очутились среди снежной равнины.

— Всем хороша езда на санях, — заметил Жак, — одно только плохо.

— А что? — спросил Добровольский.

— Да уж очень холодно... Бррр! Давно ли мы едем, а уж я начинаю смертельно зябнуть... Нет, Жюльен, как хочешь, а назад мы поедем летом. В тарантасе хоть и тряско, зато не так холодно.

— Как! — вскричал с удивлением чиновник особых поручений. — Вы и назад хотите ехать тою же дорогой?

— Да что же мне делать, когда я и пяти минут не могу пробывать на корабле? Уж в этом я неизлечим, а другого сухопутного пути ведь нет.

Глава VIII

Путевые заметки Жака. — Разочарование Жака насчет сибирских волков. — Сибирские Афины. — Золотопромышленники. — Ангара все еще не замерзла. — Близок локоток, да не укусишь. — Состязание Ангара с морозом. — Целиком. — Сальто-мортале в снег. — Бегство коренника. — Байкал зимой. — По льду. — По льдине. — Коренник проваливается под лед. — Шаманский утес. — По льдине внезапно замерзает. — В Иркутске. — Замечания Жака становятся язвительными. — Новый попутчик. — Воспоминание о Михайлове.

— Сознайся, голубчик Жак: ведь тебе начинает нравиться путешествие. Вот и господин Добровольский, наверное, то же думает.

— Совершенно верно, господин Арно, — сказал Добровольский. — Я вполне согласен с вашим товарищем. Вы положительно примирились с ездой — так, по крайней мере, мне кажется.

— Начинает нравиться?.. Вы оба слишком скоры на заключения. Вернее сказать: начинает заинтересовывать.

— Не придирайся к словам, Жак. Во всяком случае, ты ведешь какой-то дневник, который старательно прячешь. Сознаюсь, мне бы очень хотелось почитать, что ты там пишешь.

— Как? Ты подглядывал за мной?

— Я не делал этого специально, но ведь не слепой же я. Вижу, как ты всякий раз берешь карандаш и что-то царапаешь у себя в книге. Я убежден, что твои путевые заметки очень интересны.

— Не знаю, но во всяком случае они верно передают мои впечатления.

— А, сам сознался! Господин Добровольский, слышите: он сознался, что пишет путевые заметки.

— Ну вот и здравствуйте!.. Недостает только, чтобы вы оба пристали с просьбой дать их вам почитать.

— Разумеется, пристанем.

— Напрасно. Заметки отрывочные, писаны простым, необработанным, нелитературным языком...

— Все равно. Дело не в литературностях, а в твоих впечатлениях.

Езда в санях быстрая и спокойная

Жак, для формы, еще некоторое время отнекивался, но под конец, как водится, уступил, достал книжку и начал читать.

«27 ноября. Нас только что выпустили из-под ареста. Радость моя по этому поводу так велика, что я в ту же минуту забыл все неприятности, причиненные лишением свободы. Замечательно одно: с этих пор мой умственный кругозор вдруг словно расширился. Я начал замечать пропасть вещей, которые до сих пор ускользали от моего внимания. Я заметил, что мы едем лесом вековых берез, ветви которых, покрытые инеем, необыкновенно ярко выделяются

на фоне синего неба. В общем картина чудная! До ближайшей деревни нас провожала огромная стая волков. Начитавшись о них разных ужасов, я ожидал отчаянной кровавой борьбы. Каково же было мое разочарование: ни господин Добровольский, ни наш ямщик, ни Жюльен не обратили ни малейшего внимания на свирепую стаю. Господин Добровольский объяснил мне, что волки бегут за нами потому, что по проторенному следу им передвигаться легче, чем по снегу, а нападать на нас они не собираются.

28 ноября. Ужасно не нравится мне внешний вид сибирских построек. Неуклюжие, неживописные, просто ужас что такое. Как могут жить люди в этих бревенчатых хибарках с тесовыми крышами! Езда в саних очень быстрая, спокойная и, право, очень приятная. Только нужно плотнее закутываться в шубу, а то замерзнешь. Какое странное чувство: ни качки, ни толчков, несешься, как по ровной скатерти; и все-таки у меня иногда является — как бы это лучше выразиться? — какой-то привкус морской болезни... Что, если бы сказать это Жюльену!

29 ноября. Мы едем и день, и ночь. Я сплю в саних. Приятно проснуться и узнать, что во время сна проехали уже много, много верст. Мы переехали через реку Чулым, приток Оби. Этот «приток» на самом деле длиннее и шире Рейна. Ехали, конечно, по льду. Станный звук производят копыта лошадей, ударяя по этой твердой массе. Жутко как-то становится. Я отмечаю этот факт для того, чтобы напомнить самому себе, что есть же люди, которые ездят по воде на кораблях и лодках. Немного не доезжая Красноярска, главного города Енисейской области, наши сани опрокинулись на дороге. Ямщик попался неловкий. Впрочем, для нас все обошлось совершенно благополучно, хотя сани были немного поломаны. Придется сделать остановку на день.

30 ноября. Нет худа без добра. Красноярск оказался премиленьким городком, в котором есть даже бомонд, красивые экипажи и ливрейные лакеи, совсем как в Париже. Дома деревянные, но не без комфорта. Есть общественный парк, расчищенный в березовом лесу. Должно быть, он имеет волшебный вид, когда в нем гуляет избранная публика, разодетая по последней моде. Нанесли визит губернскому начальнику. Прием был благосклонный. Он — статский генерал. Н. В.: в России есть статские генералы, как ни странно звучит этот термин для французского уха. Это чиновники, чин которых по табели о рангах соответствует генеральскому чину в военной службе. Еще одна особенность: жены чиновников и военных титулуются там сплошь

и рядом по чину своих мужей: так, есть поручицы, капитанши, полковницы, всевозможных рангов советницы, генеральши и — всего удивительнее — даже губернаторши. Как перевести это последнее слово по-французски? Gouverneresse, по-моему, — иначе нельзя.

1 декабря. Чиновник особых поручений томского губернатора, господин Добровольский, замечательно милый господин; такие люди редкость».

— Кланяйтесь, Николай Петрович, — вставил Жюльен.

— Я ведь предупреждал, что мой дневник написан откровенно, — возразил Жак и продолжал читать:

«Кто-то прозвал Красноярск сибирскими Афинами. Город богатый, действительно, но что в нем от Афин — ума не приложу. Жители на афинян мало похожи. В основном, это золотопромышленники, по большей части разбогатевшие выскочки, щеголявшие безвкусной и бестолковой роскошью. В обществе они несносны своим хвастовством, вечно говорят о своих миллионах, о ежедневных реках шампанского, о своих богатых домах... Мне показывали господина, который, жалея ехать по грязи в новом роскошном ландо, велел устлать коврами дорогу. Это по крайней мере оригинально...

Посетил местный рынок. Зрелище прелюбопытное. Все без исключения съестные припасы продаются в замороженном виде и могут сохраняться хоть до весны. Окрока, говяжьи туши, тетерки, рябчики — все заморожено и твердо, как камень; при отвешивании куски отпиливают пилой. Видел огромных рыб; замороженные, они напоминают бревна.

2 декабря. В десять часов вечера мы выезжаем. В городе тишина. «Афиняне» пьют шампанское, танцуют кадрили, котильоны; идет умопомрачительная игра в карты. Впрочем, в городе не совсем тихо: периодически слышится постукивание ночных сторожей о доску.

От 2 до 8 декабря. Едем и день и ночь. Останавливаемся только для приема пищи и перемены лошадей. Мелькают села и деревни. Между прочим, по пути я видел два города, Канск и Нижне-Удинск, но они ничем не примечательны, особенно после «сибирских Афин». Местность делается холмистою. Все чаще и чаще попадаются сосновые и еловые леса... О! Что за леса!.. Все идет хорошо. Через несколько часов мы доедем до Иркутска».

— Все? — спросил Жюльен.

— Конечно.

— Молодец! Поздравляю тебя от души. Все у тебя описано кратко, но замечательно верно, а легкий юмор придает особенную прелесть твоему изложению.

Добровольский присоединил свой голос к похвалам, которые расточал приятелю Жюльен, но вместе с тем было видно, что он чем-то глубоко озабочен.

Жюльен заметил это и обратился к нему с вопросом:

— Уж не задели ли вас некоторые места в дневнике моего друга, Николай Петрович?

— О, вовсе нет... В дневнике описана правда... Но меня смущает неприятие вашим другом водного пути.

— А что?

— Как вам известно, мы подъезжаем к Иркутску, расположенному на противоположном берегу Ангары. Надо вам сказать, что эта река не похожа на другие: она, быть может, до сих пор не замерзла.

— Но ведь там же есть мост!

— Очень может быть, что теперь его снесло. Придется переезжать на пароме.

— Ни за что! — энергично воскликнул Жак. — Я путешествую сухим путем. Воды я не признаю совсем. Я подожду, пока Ангара замерзнет, и объеду тем временем Байкальское озеро.

Вскоре показалась Ангара и на правом берегу ее город с многочисленными церквями.

Сани мчались правым берегом реки. Ямщик весело покривал на лошадей:

— Эй вы, разлюбезные!

По реке шел лед. Громадные, причудливых форм, глыбы его мчались по холодным синим волнам, сверкая, гремя и сталкиваясь между собой.

— Иркутск! — вскричал радостно Жюльен, любуясь городом.

— Ангара свободна ото льда! — печально констатировал Жак, глядя на лед.

— Мост снесло ледоходом! — с оттенком беспокойства заметил Добровольский.

— Ну, так что же? — возразил Жак. — Подождем в таком случае, когда она замерзнет.

— Из всех сибирских рек Ангара удивительно долго не замерзает. Иногда она остается незамерзшею всю зиму, несмотря на ужасные холода.

— Ах, черт возьми! Как же теперь быть?

— Нынешняя зима очень сурова, и я уверен, что река в конце концов замерзнет, но во всяком случае не ранее как через неделю.

— А почему, скажите пожалуйста, эта капризная красавица не подчиняется общему правилу?

— Из-за специфического рельефа местности Ангара вытекает из Байкальского озера, лежащего на высоте пятисот метров над уровнем моря.

— Недурно. Выше озера Титикаки.

— Вследствие этого течение реки необыкновенно стремительно, вот почему воды ее так упорно сопротивляются морозу. Замерзание начинается с нижних слоев и распространяется медленно. В конце концов мороз, конечно, побеждает, но лишь после долгой и упорной борьбы.

— Итак, обычной дорогой нам, я вижу, в Иркутск не попасть.

— Нет, отчего же, если дожждаться победы мороза над упрямицею.

— Можно, наконец, доехать до Байкала и переехать на другой берег по льду озера. Как вы думаете, замерзло оно или нет?

— Я уверен, что замерзло.

— А далеко ли до него отсюда?

— Часа четыре езды на санях.

— Так не поспешить ли нам туда, господа, как вы думаете? — предложил Жюльен.

Сани повернули назад и поехали вверх по Ангаре к Байкальскому озеру.

Путники скоро заметили, что двигаются не по дороге, а по снежной целине. Пришлось положиться на опытность ямщика и инстинкт лошадей, увязавших в снегу по грудь. Сани поминутно колыхались, грозя опрокинуться.

По временам попадались крутые холмы, на которые лошади с трудом взбирались, таща за собою нырявшие по ухабам сани. Временами также ямщик требовал, чтобы путники вышли из саней, и один проезжал казавшееся ему слишком опасным место.

Таким образом путешественники с грехом пополам добрались до Байкальских гор, которые тянутся вдоль берега озера от севера к югу.

Вдали уже виднелось озеро, лежавшее неподвижным ледяным зеркалом.

К несчастью, ямщик вдруг зазевался. Лошади спускались под гору и, почувствовав облегчение, неожиданно понесли.

То была головокружительная скорость. Ямщик не в силах был сдерживать лошадей.

Грозил неизбежная катастрофа.

— Господа, — спокойно предупредил Добровольский, ничуть не теряя присутствия духа, — мы опрокинемся. Это неизбежно, неотвратимо. Можно только принять меры,

Сани перевернулись и скатились в глубокую рытвину

чтобы сделать это с наименьшими потерями. Ни за что не цепляйтесь, не пытайтесь выскочить, сидите смирно. Снег мягкий, мы не ушибемся.

Только что он это успел сказать, как Жюльен и Жак почувствовали, что их бросает из стороны в сторону с невероятной силой.

Коренник упал. Сани описали круг и скатились в глубокую рытвину. Ямщик вверх ногами полетел с облучка в снег, успев только крикнуть:

— Господи Иисусе Христе!

Жюльен упал, свернувшись клубком, а Жак растянулся плашмя, носом в снег.

Добровольского швырнуло вперед вслед за ямщиком, и он перелетел через дугу упавшего на колени коренника.

Все трое живо поднялись на ноги, от души хохоча над своим приключением.

Ямщик, крихтя, вылезал из своей рывины.

Пристяжные стояли, понуря головы, и спокойно дожидались, что будет дальше. Коренник увяз глубоко в снегу, виднелась только его голова.

Сани скатились в яму, но не перевернулись. Ездоки вылетели из них от толчка.

Добровольский, Жюльен и Жак подошли к лошадям.

— Выпряжем пристяжных,— сказал Добровольский,— пристегнем их как-нибудь постромками позади саней и вытащим сани из ухаба задним ходом.

— Но ведь это будет очень тяжело лошадям.

— Ничего, вывезут.

С большими усилиями, с помощью подоспевшего ямщика, который, наконец, вылез из сугроба, лошадей перепрягли и заставили их вытащить сани. Но этим временем выпряженный из оглоблей коренник, почувствовав себя свободным, вдруг пустился бежать прочь от места происшествия по направлению к озеру.

— Лошадь!.. Моя лошадь!..— вскричал ямщик.

— Оставь ее; не бежать же за ней,— сказал Добровольский.— Мы и так замерзли. Запрягай парой и вези нас скорее.

— А как же лошадь-то, ваше благородие? — твердил ямщик.

— Говорят тебе, брось ее и запрягай парой.

Лошадей запрягли, выгребли из саней навалившийся в них снег, и продрогшие путники сели, кутаясь в шубы и полости.

На озеро сани въезжали как раз в минуту солнечного заката, когда дневное светило медленно садилось за снежные вершины гор, словно нарисованные на горизонте.

Лед на озере был не гладкий, а весь состоял из громадных, рассеянных группами, кристальных глыб, алмазами искрившихся на солнце. Видно было, что и Байкал, как и его дочь Ангара, не вдруг уступил действию мороза, а долго боролся с ним, прежде чем дал себя сковать ледяными узами.

Французские путешественники и русский чиновник в восторге любовались величественною картиною замерзшего громадного бассейна пресной воды, как вдруг где-то вдалеке раздался оглушительный треск наподобие грома и далеко прокатился по ледяной пустыне.

— Что это такое? — не без тревоги спросили французы.
— Не бойтесь, — отвечал Добровольский. — Это где-нибудь на озере лопнул лед. Для нас это ровно ничего не значит, потому что для такой ледовой массы наши сани все равно что пушинка.

— Но разве не случается широких трещин?

— Случается. Но, во всяком случае, дорога по льду озера находится под надзором администрации, и об опасных трещинах всегда заранее дают знать. Их огораживают, чтобы около этого места не ездили. Будьте покойны, я велю ехать ямщику как можно осторожнее... Ну, что там еще случилось?

— Ваше благородие, извольте взглянуть.

— Что такое?

— Вон коренник-то наш бежит... Из-под копыт у него брызжет вода... Лед, стало быть, не крепок... Господи помилуй! Полынья!.. Проваливается коренник-то... Провалился!..

— Нет худа без добра, — заметил Добровольский. — Вместо него могли провалиться мы, не заметив полыньи, а теперь мы обнаружили ее и постараемся миновать. Я знаю это место. Тут неподалеку исток Ангары, которая и препятствует замерзанию озера. Больше уже не будет опасных мест. Однако мы едем быстро: вот уж и Шаманский утес. Через десять минут доберемся до берега. Выйдемте, господа, из саней и осмотрим полынью, в которую упал коренник.

— Что это за Шаманский утес? — спросил Жюльен, идя рядом с Добровольским.

— Это, видите ли, у шаманистов (вы, вероятно, знаете, что здешние инородцы — язычники и называются шаманистами по имени своих жрецов, шаманов) существует поверье, что на эту скалу шайтан или гений зла уносит души умерших людей. Если душа удержится на такой головокружительной высоте и не упадет в озеро, то верховное существо милует ее и берет к себе в рай; души же, упавшие в озеро, достаются шайтану.

Между тем путники дошли до того места, где исчез подо льдом коренник. Полыньи уже не было. Она успела опять затянуться льдом.

Французы бесконечно удивились.

— Вам это странно, господа, — сказал им Добровольский, — но это случается здесь сплошь да рядом. Полынья при таком морозе может замерзнуть в несколько минут.

Путники снова сели в сани. Пара лошадей понеслась по льду, который затрепал под санями; через десять минут пу-

Лошади понеслись по льду, который затрещал под санями

тешественники выехали на берег, а еще через четверть часа уже были в Иркутске.

Два друга решили пробыть в столице Восточной Сибири ровно столько времени, сколько им надобно для приготовлений к дальнейшему путешествию.

Генерал-губернатор, уже уведомленный по телеграфу о случившемся, принял их чрезвычайно благосклонно и буквально обворожил своею любезностью.

О пребывании их в Иркутске читатель лучше всего узнает из дневника Жака; мы приведем оттуда некоторые выдержки.

«9 декабря. Иркутск. Город стоит на реке Ангаре. Населения 35 тысяч. Маловато для столицы края, размерами равного десяти Франциям. Местные жители мне порядком надоели своим гостеприимством. Все зовут нас к себе, буквально наперебой. В довершение беды, все так называемые «люди из общества» говорят по-французски так, что нельзя даже ссылаться на незнание русского языка. Я устал и замечаю сам, что слог моего дневника становится очень язвительен.

Город еще богаче Красноярска. Много представительных домов, отделанных с безвкусною роскошью. Особенно надоедают купцы-миллионеры. Они гостеприимны, это правда, но их гостеприимство какое-то хвастливое, показное; видно желание пустить пыль в глаза, удивить, поразить своим богатством: «у нас-де счета нет деньгам, у нас-де их куры не клюют... Нам-де все доступно, хоть молоко птичье...» И при этом постоянно повторяют: «Мы — что ж? Мы люди простые, не заграничные, мы дикари...» Очевидно, что последняя фраза говорится с прямым расчетом услышать опровержение, комплимент. И поневоле опровергаешь, хотя в душе страх как хочется сказать: ну да, конечно, это совершенно верно, вы разбогатевшие дикари; порешим так и не будем больше поднимать этого вопроса...

Завтра вечером мы выезжаем в Якутск, до которого отсюда шестьсот миль. Кончатся эти бесконечные обеды и непрерывное полоскание желудка чаем. С нами едет новый попутчик, московский уроженец, торговец мехами. Он пробирается на ярмарку в Нижне-Колымск, в страну чукчей. Оттуда до Берингова пролива рукой подать. Генерал-губернатор, желая нас вознаградить, подарил нам новые дорожные сани, превосходные, покойные, и множество дорожных принадлежностей для путешествия по Сибири. Сердечное ему спасибо.

Мы с Жюльеном просили у него за Михайлова. Обещал сделать все, что может. Дай-то Бог. Я сильно надеюсь. потому что ходатайство генерал-губернатора должно непременно много значить...»

Глава IX

Отъезд в Якутск.— Долина Лены.— Восторг.— Северные пейзажи.— Замечательно образованный торговец.— Мамонт мистера Адамса.— Дорога в Якутск.— Сибирские холода.— Флора.— Фауна.— Минералы.

В полдень, 12 декабря, сани с французскими путешественниками и новым попутчиком выезжали из столицы Восточной Сибири по дороге в Якутск.

Генерал-губернатор, вознаграждая французов за безвинное заточение, проявил большую щедрость.

В этом случае он выказал себя большим баринoм и — что еще важнее — большим русским баринoм.

Провизии, чемоданов, матрацев, оружия, шуб — всего им было дано вдоволь и даже более чем вдоволь.

За саями, еще более просторными, чем прежние сани Жюльена, ехали другие, принадлежавшие купцу-попутчику и нагруженные предметами для меновой торговли с чукчами на берегах Колымы.

— Наконец-то! — воскликнул Жак, испуская вздох облегчения. — Вот мы и выехали. Честное слово, я начинал терять голову. Не приведи Бог, как меня замучили эти обеды, балы и вечеринки!

— Ну, а сознайся, что город все-таки веселый.

— Очень веселый, только я все-таки слишком устал от него...

Случайный попутчик наших французов был высокий, здоровый москвич, лет тридцати от роду, белокурый, с окладистой пушистой бородою, добродушным, симпатичным лицом и умными, живыми голубыми глазами.

И что еще замечательнее — он совершенно правильно говорил по-французски.

Вы не верите, читатель? Сибиряк, торговец мехами, и вдруг — французский язык?!

Дело в том, что Федор Иванович Лопатин — так звали молодого купца — во-первых, родом был не из Сибири, а из Москвы, во-вторых, кончил курс в Коммерческой академии; и в-третьих, живя в Париже в качестве представителя одной московской фирмы, усовершенствовал свой французский и даже посещал известные коммерческие курсы Тюрго. Таким образом, из него вышел замечательно образованный человек — для купца, конечно.

Самым важным затруднением для наших друзей во время их путешествия было незнание ими русского языка. Правда, Жюльен мог связать несколько фраз и умел называть знакомых русских, как это принято в России, по имени и отчеству, но этого было все-таки очень мало. Что касается Жака, то он даже и этого не знал, остановившись на двух-трех заученных коротеньких фразах вроде «пашоль» и «на водку».

Вследствие этого у них часто выходили комические недоразумения с ямщиками, смотрителями станций и пр.

Теперь, благодаря новому попутчику, это затруднение было устранено. Он отлично знал местные порядки, как человек бывалый, и успешно ругался на станциях при перемене

лошадей, так что путешественников перестали задерживать, как прежде, и они быстро продвигались вперед.

А надо сказать, что остановки на станциях были для наших французов как нож в сердце. Сибиряк любит тепло в доме, и в станционных избах Жюльен и Жак просто не знали, куда деваться от жары. Пот всякий раз лил с них градом, они изнемогали от духоты, с трудом переводя дыхание.

Теперь они быстро и благополучно проехали двести верст, отделяющих Иркутск от того места, где большая якутская дорога достигает берега Лены и зимою проходит по льду этой реки.

В тридцати пяти верстах от города Верхоленска Лопатин указал своим спутникам направо на ряд холмов, покрытых снегом.

— Долина Лены, господа, — объяснил он.

— Лена! — с волнением в голосе отозвался Жюльен. — Как! Эта гигантская река, соперница другого гиганта — Енисея! Неужели так скоро?.. Я слышал: перед ней самые большие европейские реки — просто ручейки. Как жаль, что теперь зима и мы не увидим Лену во всей ее многоводной красе.

— Я слышал, — вставил от себя Жак Арно, — что она, подобно Ангаре, тоже вытекает из Байкальского озера. Может быть, я ошибаюсь?

— Так действительно многие думают, — возразил Лопатин, — но только это мнение ошибочно. Лена берет начало вовсе не в Байкале, а невдалеке от него. Истоки ее отделяются от озера лишь небольшой грядой утесов. Это и дало повод сибирякам утверждать, что их великая река вытекает из пресноводного озера-моря.

— Да, река великая, это вы правду сказали, — согласился Жак.

— Длина ее равняется пяти тысячам верст; она впадает огромною дельтой в Ледовитый океан.

— И в эту дельту до сих пор никто, кажется, ни разу не мог проникнуть, — сказал Жюльен.

— Вы ошибаетесь, — возразил Лопатин. — Несколько лет назад, как-то в июне, во время половодья, в дельту входил пароход «Лена» под командой норвежца Иогансена и прошел вверх по реке до самого Якутска.

— Но ведь это замечательное путешествие.

— Да, действительно... Вы сейчас пожалели, что теперь не лето. Вы совершенно правы. Тогда вы увидали бы чудную картину. Лена в этом месте имеет уже пятьсот метров ширины и двадцать два — глубины. Она величественно те-

Рыбак отпилил бивни

чет, омывая зубчатые утесы наподобие громадных башен; крутые берега поросли вечнозелеными соснами и елями... Дальше с нею сливается многоводный приток Олекма, увеличивая ее мощность...

Лопатин вдруг замолчал, как бы смутившись своей велеречивости. Он, действительно, пришел в восторженное состояние. Щеки у него покраснелись, глаза горели. Жюльен и Жак подумали про себя: «Какой замечательно образованный господин, это так не характерно для купца, да вдобавок еще для торговца мехами».

Чтобы дать поскорее пройти смущению своего попутчи-

ка, Жюльен поспешил поддержать разговор, призвав на помощь весь запас своих географических сведений.

— И странная вместе с тем река,— сказал он.— Течет по руслу вечного льда; не омывает почвы, а скорее скользит по промерзлой на сто метров в глубину земле; острова ее дельты служат, если не ошибаюсь, кладбищем громадных животных, ныне совершенно исчезнувших с лица земли. Ведь здесь, кажется, какой-то казак открыл в семидесятых годах прошлого столетия остров, весь усеянный костями и слоновыми клыками?

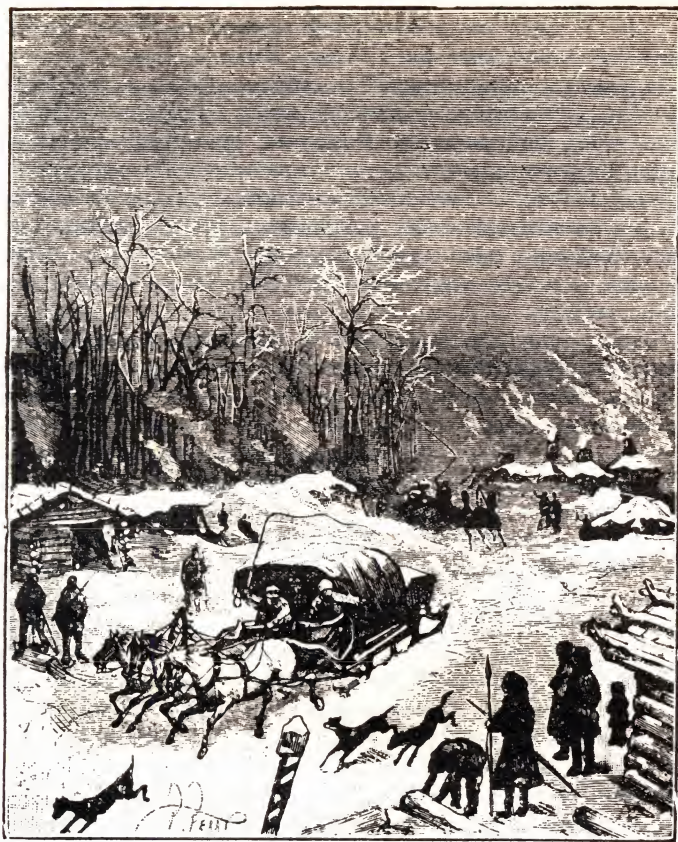
— Да, правда ли, что здесь находят мамонтов? — заинтересовался разговором Жак.

— Правда,— отвечал Жюльен.— Кстати, ты мне напомнил одну вещь. Кажется, в 1734 году некто Гмелин, исследуя Сибирь по поручению русского правительства, первым открыл здесь ископаемые останки. В 1768 и 1777 годах их исследовал натуралист Паллас и признал, что они принадлежат слонам, гиппопотамам и носорогам. В своем донесении он упоминает о почти невероятном факте нахождения сохранившегося носорога, у которого были целы и кожа, и мясо, и сухожилия. А знаешь ли ты историю мамонта нашего знаменитого Кювье?

— Не припомню что-то. Ты мне сделаешь большое одолжение, если расскажешь ее. Ведь это в самом деле замечательно, что мы ступаем по земле, усеянной подобными реликвиями.

— Это было в 1799 году. Один рыболов-тунгус заметил на берегу Ледовитого моря, возле устья Лены, среди льда, какую-то громадную глыбу неизвестного происхождения. На следующий год эта глыба оттаяла, но не настолько, чтобы можно было понять — что это. На третье лето из массы льда выделился наконец целый бок животного и огромный бивень. И лишь на пятый год неведомая туша окончательно была выброшена ледоходом на песчаную отмель. В марте 1804 года рыбак отпилил бивни и продал их за пятьдесят рублей. Спустя два года член Петербургской Академии наук, господин Адамс, отправился в эти места и нашел животное уже сильно изуродованным. Окрестные якуты изрубили мясо на корм собакам. Внесли свою ленту и дикие звери. Скелет, впрочем, был весь цел за исключением одной передней конечности. Сохранились также следы кожи и левое ухо с клочками волос на нем. Мозг в черепе не сгнил, а ссохся. Остаток кожи был настолько тяжел, что его насилу могли поднять десять человек. Это был мамонт, самец, с бивнями более трех метров длины. Академик Адамс

Олекминск

тщательно собрал останки допотопного зверя, выкупил бивни и отвез все это в Петербургскую Академию.

— Да, все это удивительно. И знаешь, теперь я до такой степени всем заинтересовался, что ни за что не соглашусь прервать путешествие, даже если встретятся непреодолимейшие препятствия.

Следующие затем дни потянулись однообразно. Путешественники по-прежнему летели вперед без задержек, благодаря особенной подорожной, выданной генерал-губернатором, и опытности Лопатина, который всегда умел вовремя настоять на быстрой перемене лошадей.

Сани мчались по льду спящей красавицы Лены, просыпающейся только один раз в году, в июне месяце.

14 декабря путешественники проехали Шигалово и Усть-Ольгинск, остановившись для завтрака в Шамановске. 16 декабря утром они достигли Киренска, где Лена принимает приток Киренгу, и в четыре часа прибыли в Петропавловск, который не следует смешивать с главным городом Камчатки.

Лопатин заметил своим попутчикам, что возле Киренска Лена сближается с Нижней Тунгуской, одним из главнейших притоков Енисея, отделяясь от него лишь небольшою грядкою холмов.

Через сутки они были уже в Витимске, стоящем при впадении в Лену Витима, одного из важнейших ее правых притоков. Из других притоков правой стороны замечательны еще Олекма и Алдан.

19 числа путники проехали через Нохтуйск, стоящий на 60-й северной параллели, и 20-го прибыли в Олекминск, расположенный при впадении Олекмы в Лену.

По мере движения на северо-восток холод становился все нестерпимее. Оставалось два дня пути до Якутска, лежащего в самом холодном на свете крае.

Кругом стояла какая-то гнетущая, томительная тишина, нарушаемая лишь изредка треском лопнувшего льда.

Вся природа казалась погруженной в летаргический сон: спали мхи и травы, одетые плотным покровом льда и снега, спали звери в берлогах, спали реки, скованные льдом, спала, наконец, земля, покрытая белым пушистым ковром.

Резкий контраст этой мертвой тишине — лишь яркие звезды в ночном небе. Голубой, прозрачный воздух днем позволял видеть встающее и садящееся солнце во всей чистоте контуров блестящего диска, без того розоватого ореола, к которому привыкли жители других стран.

Дни становились все короче. Солнце всходило как-то разом, без зорь и без тумана.

Холод был такой, что нельзя ни на секунду выставить нос на воздух без риска отморозить его. Температура была ниже той, при которой замерзает ртуть.

Можно подумать, что при таком ужасном климате эта часть Сибири совершенно лишена растительности. Но это не так. Растительность здесь есть и даже весьма замечательная.

Во-первых, здесь встречаются все же хвойные породы деревьев, что и в Европе, за исключением красивой пихты, прекрасного гладкоствольного дерева, достигающего иногда тридцати метров высоты. Это дерево уж чисто сибирское. Затем отметим еще голубовато-зеленую благородную ель,

из которой остяки строят лодки, лиственницу, ель лесную, ель ползучую, сибирский кедр *pinus sibirica*. В долинах растут липа, клен, ольха, тополь, береза, осина и черемуха.

Береза — это едва ли не самое любимое дерево русских. Много народных песен посвящено «кудрявой березоньке».

Это дерево замечательно в одном отношении: оно нередко вырастает на месте хвойных лесов, срубленных или сожженных. Китайцы видят в этом предзнаменование того, что со временем над всей Азией распространится власть Белого Царя. Существует легенда, что березы прежде не было в этой части Сибири и что белое дерево, как здесь ее зовут инородцы, появилось лишь перед приходом русских.

Если это верно, то совпадение действительно замечательное.

Сибирская флора богата разнообразными видами ягод, служащих пищею людям и животным: шиповник, дикая вишня, красная смородина, черника, ежевика, поляника, морошка, клюква, дикая малина. Ядовитых растений удивительно мало, и кроме того, они на севере теряют эти свойства: так, например, растения, ядовитые у верховьев Енисея, в полярной стране употребляются туземцами в пищу без малейшего вреда для здоровья.

Фауна тоже весьма разнообразна. Вот ее главнейшие представители: медведь, волк, рысь, черно-бурая и рыжая лисица, дикий баран, или аргали, соболь, заяц, выдра, лось, дикий олень, косуля, лань, кабан, белка, летучая мышь, крыса, сурок и другие. Из птиц чаще других встречаются белый аист, лебедь, утка, нырок, гусь, журавль, тетерев, белая куропатка, бекас, кулик.

А минеральные богатства этой, как считается, Богом обездоленной страны! Они громадны. В Сибири добывают восьмую долю всего золота мира, там огромная масса платины, серебра, свинца, олова, меди, железа, ртути, цинка.

Всего невозможно перечислить, иначе сухой перечень слишком утомит читателя, но я все-таки, хоть и наскоро, упомяну о топазах, аметистах, сапфирах, изумрудах, опалах, бирюзе, гранатах, аквамаринах, не говоря уже о малахитах, агатах, порфирах, корналинах, лапис-лазури, яшме и многих других камнях, имевших такой успех на парижской всемирной выставке.

Не забудем также громадные залежи каменного угля.

Вообще Сибирь — это непочатый край всевозможных богатств, ожидающих только правильной разработки...

Глава X

Якутск. — Две дороги на Нижне-Колымск. — Географический закон, открытый современными учеными. — Берег высокий и берег низкий. — Якут-проводник. — «Железные люди». — В бездну. — После катастрофы. — Замерзли, утонули! — Героизм Лопатина. — Оттирание пострадавших. — Сибирское погребение. — Что теперь делать? — Бескорыстие.

Два дня пути до Якутска прошли для путников незаметно и без всяких приключений. Та же белая, ровная дорога, те же душные станционные избы, та же перебранка ямщиков во время остановок для перемены лошадей, те же жалкие уездные города из нескольких десятков деревянных домов... Но вот и Якутск.

Подъезжая к главному городу округа, по пространству равному пяти Франциям, Жак отказался верить своим глазам.

Это был тот же Олекминск или Нохтуйск, только немного бóльших размеров, те же неприглядные дома с тесовыми крышами, те же бревенчатые стены, те же деревянные заборы, занесенные снегом.

— Неужели это город?.. — вскричал Жак.

— Да, голубчик, город, — отвечал Жюльен, — и, по-моему, так даже очень значительный по здешним местам. Ты только вообрази, какой здесь климат, какая почва и как здесь трудно человеку бороться за свое существование.

— А между тем географическое его положение отличное, — вмешался Лопатин. — Он стоит при слиянии двух рек и представляет собою важный центр торговли мехами.

— Но зато уж и холод какой!.. Сколько там жителей?

— Постоянных жителей около шести тысяч.

— Шесть тысяч! Не может быть.

— Уверю вас. И это не считая охотников, лодочников и купцов, которые бывают наездами. Впрочем, зато я считаю чиновников, солдат и ссыльных. Без них цифра постоянных жителей была бы гораздо ниже.

— О, я вполне понимаю, что только крайность может заставить жить здесь долго. Ведь только подумать: на вершине Монблана средняя температура такая же, как здесь. Солнце только взойдет — и сейчас же готово закатиться... Надеюсь, мы в городе не долго пробудем.

— Нет, — успокоил друга Жюльен, — только запишем дорожные и представимся областному начальнику, к которому у нас есть рекомендательное письмо от иркутского генерал-губернатора.

Областной начальник принял путешественников очень

любезно, оставил их обедать и одобрил их намерение ехать из Якутска на северо-восток.

При этом он высказал мысль, показавшуюся дикой неопытным французам, что дальше к северу будет не так холодно.

Лишь полсуток прошло, как путешественники приехали в город, а они уже снова в станционном доме со слюдяными стеклами и с грязными просиженными диванами вместо мебели обдумывали маршрут.

— Отсюда на Нижне-Колымск есть две дороги, — говорил Лопатин. — Одна дорога — сейчас на восток, через Верхоянские горы и прямо к Колыме, вдоль которой путь идет вплоть до самого устья. Вторая дорога отсюда на север, пересекает реку Алдан, потом Верхоянские горы и доходит до города Верхоянска. От него она слегка поворачивает на юго-восток к Зашиверску на реке Индигирке и уже оттуда прямо — на восток в Верхне-Колымску, где обе названные дороги сходятся и ведут вместе к устью Колымы. Как вы думаете, господа, какой маршрут выбрать?

— Мне, по правде сказать, совершенно все равно, — отвечал Жак. — А тебе, Жюльен?

— Я вполне полагаюсь на господина Лопатина. Пускай выбирает он.

— Помните, господа, что выбор дороги — событие очень важное.

— Будут ли у нас перемены лошадей, по какой бы дороге мы ни поехали?

— Надеюсь. Наконец, в крайнем случае, можно будет нанять парту, запряженную собаками или оленями.

— Кстати, по какой дороге водят каторжников?

— По северной.

— Ну, так мы поедem по восточной. Так будет лучше.

— По восточной — так по восточной. Едемте, значит.

Переправа через Лену совершилась возле самого Якутска по твердому льду, покрытому санными следами.

При свете белой северной ночи, во время которой бывает обыкновенно светло, как днем, Жюльен проверил феномен, признаваемый всеми современными географами.

Этот феномен заключается в стремлении текущей воды перемещаться направо и обуславливается вращением земли. Он особенно нагляден в Сибири, неподалеку от полюса.

У огромных сибирских рек, текущих с юга на север, восточные берега, подвергающиеся постоянному напору воды, беспрерывно подтачиваются волнами, тогда как западные этому действию не подвержены.

Отсюда и различие внешнего вида берегов. Левый берег сибирской реки всегда низок и едва-едва возвышается над уровнем воды, тогда как правый обыкновенно крут и обрывист.

Это явление до того распространено, что сибиряки никогда не говорят «правый» или «левый» берег, а всегда — «высокий» и «низкий».

В Сибири, как и в России, жители при постройке городов прежде всего старались обезопасить себя от разлива во время весеннего половодья. Поэтому все города их построены преимущественно на правом, нагорном берегу, как недоступном наводнению. Но за это преимущество жителям приходится иногда дорого расплачиваться. Высокий берег хотя и не заливадается никогда, но зато постоянно подмывается водой, вследствие чего происходят нередко большие обвалы, разрушающие строения.

Таким образом, приходится чуть не ежегодно производить частичные перестройки даже в таких сравнительно новых городах, как Семипалатинск и Тобольск.

Точно такова была конфигурация берегов Лены возле Якутска, на чем и остановил свое внимание географ-любитель Жюльен.

Благополучно прибыв на первую станцию за Якутском, путники напились чаю с ромом, так как успели изыбнуть до смерти, и, переменяв лошадей, отправились дальше.

Станционный смотритель позаботился дать им проводника-якута, в обязанности которого входило ехать впереди и осматривать дорогу.

Эта мера предосторожности была необходима особенно ввиду переправы через Алдан, на льду которого сплошь да рядом образуются неожиданные полыньи.

Якут был плечистый, здоровый парень, истинный представитель племени, прозванного за свою необыкновенную выносливость «железными людьми».

Благодаря опытности и зоркости проводника, переправа через Алдан по льду совершилась благополучно. Проскакав сутки верхом на лошади, якут несколько не казался утомленным. Холод тоже совершенно на него не действовал. Такова сила привычки от рождения.

Проводив путешественников до другого берега Алдана, якут собрался было возвратиться назад, но Жюльен, которому тот очень понравился, предложил ему проехать с ними до Верхоянских гор. Якут согласился, чуя хорошее вознаграждение на водку.

Дорога пошла по льду небольшого правого притока Ал-

Весь поезд исчез в разверзшейся бездне

дана, речки Шандуги, берущей начало в Верхоянских горах. Уже якут объявил, что видит вдали эти самые горы.

Как ни напрягал Жюльен зрение, он ничего не мог рассмотреть и заключил, что якут фантазирует, о чем и сообщил Лопатину.

— Напрасно вы так думаете, — возразил ему Лопатин. — Очень возможно, что мы с вами еще не видим гор, а он видит. У этого племени замечательно развито зрение. Существует анекдот об одном путешественнике, которому якут поведал великую тайну: «Я видел, — сказал якут, — как большая голубая звезда проглотила несколько маленьких

и потом сейчас же выплюнула их»... Как бы вы думали, что же такое видел якут? Ни более ни менее как затмение спутников Юпитера... И это невооруженным глазом, не забудьте. Так вот и извольте судить об остроте зрения у этого народа.

— Ладно, ладно, — сказал ворчливо Жюльен. — Пусть же вот он теперь смотрит хорошенько.

И точно Жюльен напроорочил: под саями вдруг что-то треснуло, и твердая почва словно куда-то уплыла... Лошади вскопили на дыбы и жалобно заржали...

Слой льда, на котором находились сани, опустился вниз, и весь поезд, с лошадьми и пассажирами вместе, исчез в разверзшейся бездне.

Льдина опустилась быстро, точно трап; сани полетели вниз по совершенно вертикальной линии.

Проводник-якут провалился вместе с лошадью.

Ямщику передних саней, нагруженных товарами Лопатина, рассекло голову осколком льда.

Французы и Лопатин, как были в шубах, погрузились в ледяную воду.

Спасти их могло только чудо.

Прошло несколько секунд.

Вдруг вода в провалившемся месте всплеснула, и из нее вынырнула чья-то голова. Кто-то быстро плыл, сильно работая руками. Это был Федор Лопатин. Не обращая внимания на волны, произведенные барахтающимися утопающими лошадьми, он ухватился одной рукой за плывшую по воде дугу, а другой торопливо стащил с себя обледеневшую шубу.

Глубоко переводя дух, он снова погрузился в воду, нырнув на этот раз уже нарочно.

Булькнула вода... Храбрый, самоотверженный спаситель появился на поверхности, таща за собой Жюльена, уже не подававшего признаков жизни.

Отыскав местечко на твердом льду, чтобы положить выловленное тело француза, Лопатин, недолго думая, снова нырнул в полынью.

Но он не нашел тела Жака и вынырнул ни с чем.

Отдышавшись, перекрестился и в третий раз бросился в воду.

На этот раз он нащупал Жака, но уже не имел силы вытащить его...

— Помогите! Помогите!.. — крикнул он в отчаянии.

— Сейчас, батюшка, сейчас! — ответил ему сверху голос ямщика.

*Лопатин крикнул ямщику:
— Тащи!*

Лопатин поднял голову. Ямщик, которому тоже посчастливилось спастись, стоял на краю полыньи. Развязав и сняв с себя длинный шерстяной кушак, он опустил его в полынью. Держа на плечах Жака, Лопатин ухватился за кушак и крикнул ямщику:

— Тащи!

Силач-сибиряк без малейшего труда вытащил обоих — и спасенного, и спасителя — и только крикнул, когда эти два обледенелых кокона очутились на твердом льду.

Лопатин еще раз заглянул в пропасть. Боже мой, что там было!

Сани, лошади, багаж — все перепуталось и смешалось в бесформенную массу; ямщик с лопатинских саней был мертв; тело его лежало на плавшем изломанном кузове саней, все избитое и окровавленное... Из глубины доносился голос якута, молившего о помощи. Он еще не утонул, держался за что-то, но уже выбивался из сил.

Якуту тоже бросили кушак и вытащили из полыни.

Жака и Жюльена раздели и стали оттирать. Долго возились с ними, но все старания были безуспешны. Наконец ямщик вырубил топором ступени у ледяного обрыва, спустился вместе с проводником вниз, и они вдвоем общими усилиями вытащили обломки саней на твердую землю. Разведя из этих обломков костер, они выловили затем из воды несколько ящиков и чемоданов, достали из них запасные шубы и между прочим несколько бутылок водки; этой водкой они принялись натирать Жака и Жюльена. Здоровяк якут выказал при этом такое усердие, что у Жюльена спина оказалась вся в ссадинах.

Наконец французы открыли глаза.

— Где я? — спросил Жюльен.

И, не дожидаясь ответа, так как ему самому сразу вспомнилось происшедшее, прибавил тревожно:

— А Жак?

Но Жак тоже успел уже прийти в чувство, согретый растираниями и пламенем ярко горевшего костра.

— А где другие? — продолжал Жюльен.

— Все живы, кроме моего ямщика, — отвечал Лопатин.

— Так это мы вам обязаны жизнью!.. — сказал Жюльен, слабым движением протягивая руку своему самоотверженному попутчику. — Вы нас спасли. Благодарю вас. Я никогда этого не забуду.

— И я тоже! — заявил Жак, тоже протягивая руку Лопатину. — Спасибо, добрый, великодушный друг!

Ямщик и якут снова спустились в полынью и выловили тело умершего товарища. Вырыв топором яму в снегу, они серьезно и торжественно опустили в нее убитого, засыпали ее, заровняли и набожно перекрестились, шепча:

— Царство ему небесное!..

Между тем в одном из выловленных ящиков оказался дорожный самовар со всеми принадлежностями для чая. Ямщик вскипятил воду, и прозябшие путники уселись вокруг костра подкрепить свои силы тем, что нашлось под руками. Нашлось, конечно, немного, потому что большая часть поклажи утонула в воде, но в теперешнем своем положении бедные путники и этому были рады.

— Что же теперь мы будем делать, господа? — спросил Лопатин, первый нарушая тягостное молчание.

Жак молчал. Жюльен подумал немного и ответил:

— Я скажу вам, как давеча, в Якутске: на ваше усмотрение. Мы вполне полагаемся на вас.

— По-моему, нужно сделать вот что: отправить якута и ямщика с нашими подорожными на следующую станцию, сообщить о катастрофе и потребовать, чтобы нам сюда прислали лошадей. Если лошадей не окажется, что очень возможно ввиду того, что станции здесь глухие, то наш якут может нанять в каком-нибудь поселке две-три упряжки оленей или собак с нартами и явиться с ними к нам сюда. Мы его здесь как-нибудь дождемся, авось не замерзнем до его возвращения. В окрестностях лесов много, топоры у нас есть, поэтому о топливе для костра беспокоиться нечего. Кое-что из провизии нам удалось спасти, на некоторое время хватит... Ну, а уж насчет саней нечего и говорить: они, конечно, погибли и останутся на дне полыньи. Во всяком случае роптать на судьбу мы не имеем права: все могло кончиться во сто раз хуже.

— А шкатулка с бумагами и деньгами? — вспомнил Жюльен. — Цела ли она-то, по крайней мере?

— Цела, — отвечал Лопатин, — вот она: ямщик ее вытаскил.

— Федор Иванович, как же ваши-то вещи? — спросил Жак. — Ведь ваши сани погибли со всем, что в них было?

— Да.

— Для вас это, конечно, большой убыток.

— Большой. Почти все, что я имел...

— Послушайте, — вмешался Жюльен, — ведь это случилось из-за нас. Позвольте нам вознаградить вас...

— Оставьте, пожалуйста... Какое там из-за вас! Со мной, как и с вами, случилось несчастье, мы все одинаково пострадали.

— Но ведь у вас ничего теперь не осталось. Вам теперь отпала надобность ехать туда, куда вы хотели: у вас нет товаров для обмена.

— Не бойтесь, я не совсем еще нищий. А до Колымска я могу доехать с вами; ведь вы меня, конечно, довезете?

— О, с удовольствием...

— Ну вот и отлично. А там я, может быть, с вами и дальше поеду... в Бразилию вас провожу...

— Вы? Нас? В Бразилию?

— Да. Что же тут удивительного? На то я русский купец. Взбрет на ум — уеду ни с того ни с сего хоть на край света.

- Нам это будет очень приятно. Но только вы все шутите. Зачем вам в Бразилию?
- Да низачем, так. Путешествовать.
- Какой же вы купец после этого?
- Право же, купец, уверяю вас, только русский...
- Значит — решено? Вы едете с нами?
- Почти решено, если вдруг не передумаю.

Глава XI

Десять дней в снеговой пустыне.— Метель.— Якутская колдунья.— Возвращение проводника.— Нарты с сибирскими собаками.— По снежной равнине.— Переезд через Верхоянские горы.— На высоте оказывается не так холодно, как в долине.

Десять дней прошло со времени катастрофы. Наши путешественники жили все это время среди снеговой пустыни, питаясь остатками спасенной провизии, согреваясь дровами, за которыми сами ходили в соседний лес, и укрываясь от непогоды в углублении, вроде пещеры, устроенном самой природой в крутом обрывистом берегу реки, неподалеку от того места, где произошло крушение.

Проводник все не возвращался, точно в воду канул. Друзья начинали уже не на шутку беспокоиться. Что с ним? Неужели случилось несчастье или что-нибудь серьезное его задержало? А вдруг — страшно подумать — он изменил, оказался предателем?

Жюльен и Жак склонны были поверить в последнее, но Лопатин предполагал скорее первое. У французов не было никаких данных для подтверждения своих опасений, тогда как у Лопатина, напротив, имелись очень веские доводы в пользу первого предположения.

Действительно, в ту ночь, когда ямщик и якут отправились за лошадьми в ближайший поселок, погода вдруг резко переменилась. В несколько минут все небо почернело от туч, и на землю обрушился снежный ураган.

В течение следующих полусуток свирепствовала страшнейшая метель. Все это время по снежной равнине носились вихревые потоки снега и совершенно занесли природный ледяной дом наших друзей. Ветер уныло завывал, нагоняя на них вместе с холодом невыносимую душевную тоску.

Когда метель улеглась, друзья с трудом проложили себе выход из пещеры среди нанесенных сугробов и поспешили возобновить на всякий случай запас дров для костра, который они постоянно поддерживали в своем жилище.

Они укрывались в углублении, вроде пещеры

Тянулись томительные, нескончаемые дни и ночи, в течение которых путешественники наши находились в постоянном напряжении от ожидания, скоро ли кончится их бедственное житье среди снега и льда в обледеленной береговой впадине замерзшей реки.

К счастью, у них все-таки оказалось достаточно съестных припасов и, сверх того, эти припасы были довольно разнообразны. Так, у них был чай, сахар, белый хлеб — правда, мерзлый, разные консервы, водка, ром, коньяк и даже несколько свечей, которые пришлось весьма кстати в продолжительные зимние ночи.

При бережном расходе этих запасов можно было втроем просуществовать безбедно в течение довольно значительного периода времени.

Лопатин вполне терпеливо переносил это вынужденное сидение в ледяной пустыне, но для французов оно было невыносимо, и они просто не знали, куда деваться от скуки.

— Но ведь это просто невозможно! — восклицал то и дело Жюльен. — Этак с ума можно сойти!..

— Потерпите, потерпите, — уговаривал его хладнокровный Лопатин. — Все устроится.

Жак ничего не говорил; он только сопел, вздыхал и угрюмо поглядывал на друга, завезшего его в такую снежную даль.

От нечего делать путешественники занялись вылавливанием из полыньи кое-каких вещей; впрочем, занятие это не увенчалось большим успехом: удалось добыть лишь небольшой чемодан с платьем.

Лопатин взялся высушить платье, и тут французам представился случай подивиться способу, которым это было совершено.

Он не развесил мокрые вещи перед огнем, а, напротив, удалил их подальше от костра, вырыл яму в снегу, положил туда вещи и засыпал снегом.

— Что вы делаете? — воскликнул Жюльен.

— А вот увидите, — спокойно отвечал торговец. — В снегу вымерзнет вся влага из платья; если бы я развесил мокрые вещи перед костром, то они не просохли бы целую неделю; несколько дней с них капала бы вода. Теперь же я вам ручаюсь, что через несколько часов все будет совершенно сухо.

И действительно, на другой день все вещи оказались сухими, точно их выгладили утюгом; это развлекло французов, но ненадолго. Скоро к ним вернулась прежняя хандра.

— Так как же, господин Лопатин, — говорил Жак, — неужели вы и теперь станете утверждать, что якут нам не изменил? Неужели в вас до сих пор не поколебалась вера в якутскую честность?

— А ямщик, наконец? — поддерживал друга Жюльен. — Ведь тому нужно было только дойти до первой почтовой станции и заявить, чтобы нам выслали лошадей. Что же он-то не возвращается?

— То, что ямщик не возвращается, это объяснимо. Он человек подначальный. На станции могло не оказаться лошадей — что он станет делать? Наконец, ведь и между станционными зрителями тоже понадевается сплошь и рядом

такая дрянь... Покажи им подорожную да прикрикни на них хорошенько — все сейчас сделают, а нет — ничего от них не добьешься.

— Но ведь ямщик должен был сказать смотрителю...

— Станет смотритель его слушать!.. «Пошел вон», — и весь разговор... Конечно, я не утверждаю, что в данном случае произошло непременно так, но, во всяком случае, это весьма вероятно, я сибирские-то порядки знаю. Да, наконец, он просто мог и не дойти до станции...

— Ну, а якут? Ведь уж и ему пора бы возвратиться?

— Я уверен, что он явится. Если он запоздал, то, значит, были серьезные причины.

— Не случилось ли с ним чего-нибудь во время последней метели?

— С якутом-то? Нет, я этого даже и не думаю. Что якуту метель. Он с ней сроднился и знает, как с нею обращаться.

— Ох, хотелось бы и мне разделять вашу уверенность, да не верится.

— Напрасно. Я знаю людей. Наш якут — честнейший малый. Да, наконец, якуты высоко ставят долг благодарности. Они соблюдают его свято. На этот счет у них даже своя легенда есть...

— Легенда?.. Расскажите, пожалуйста. Кстати, это может нам убить время...

— Извольте. Давным-давно, лет сто тому назад, а может быть, и больше, жила-была древняя старуха-якутка. Ее считали колдуньей; кого любила она, тех называли счастливыми, а кого ненавидела, на тех, рано или поздно, непременно обрушивались всякие беды. Слово ее было для соплеменников словом оракула. Когда она уж очень состарилась, то удалилась в отдельную лачужку. Мимо нее никто не проходил, не испросив себе благословения у колдуньи и не принеся ей какой-нибудь лепты по своему достатку. Кто забывал оказать ей почтение, тому она страшно мстила. Превратившись в черного ворона, она вздымала против оскорбителя вихри и метели, потопляла в реке лодку с его добром или отнимала у него разум. Теперь колдунья уже умерла, но якуты до сих пор приносят разные дары на то место, где она жила. Предание добавляет, что колдунья жила на земле сто лет, что она была очень толста, рябовата и имела глаза блестящие, как звезды... Колдуньей же она сделалась вот почему. Однажды, будучи еще не старой жепщиной, она дала у себя в хижине приют посту-чавшемуся ночью страннику, напоила его, накормила, —

Появился якут, весь покрытый инеем

одним словом, пригрела. Проснувшись утром, она убедилась, что гость отплатил самой гнусной неблагодарностью: он ограбил ее хижину, зарезал ее единственного сына (она была вдова) и скрылся. Чтобы отомстить убийце, она вступила в союз с шайтаном, сделалась колдуньей и с тех пор преследует неблагодарных, кто бы они ни были и в чем бы их неблагодарность ни проявлялась. Нашего якута мы спасли от смерти, помогли ему выбраться из полыньи. Он никогда этого не забудет и непременно постарается выручить нас из беды в свою очередь... Да вот... чу!.. Слышите, кто-то кричит?

Действительно, в это время кто-то окликнул путешественников. Голос раздавался где-то поблизости.

— Эй! Якут!.. Это ты, что ли? — отозвался Лопатин.

— Я, барин, — ответил хорошо знакомый нашим путешественникам голос.

С этими словами якут появился у входа в ледяную пещеру, весь покрытый инеем.

Его приветствовали крепкими рукопожатиями, посадили к огню и угостили горячим чаем. Наскоро напившись любимого российского напитка, якут предложил путешественникам ехать как можно скорее.

— А у тебя есть на чем ехать? — спросил Лопатин.

— Есть.

— Что?

— Четыре нарты.

— С оленями?

— Нет, с собаками. Но только скорее, барин; надо торопиться.

— А что? Разве что-нибудь неладно?

— Неладно, барин.

— Шалят, а?.. Варнаки *, что ли?

— Варнаки... Эх, барин, чем бы ехать скорее, а ты с разговорами...

— Да нет, брат, ты говори толком, я знать хочу.

— Ямщик — дурной человек... Мы встретили варнаков... С нас что взять?.. Нам они не страшны... Ямщик рассказывал — вот, мол, господа богатые провалились в реку, сидят теперь, нас послали... «Так богатые господа-то?» — «Богатые. Деньжищ, добра всякого — целая уйма»...

— Ну, и что же? — спросил Лопатин.

— Ну вот и то же... Чай, сам теперь можешь понять, барин...

— Ямщик, значит, стакнулся с варнаками? Приведет их к нам?.. Ограбить хотят нас?.. Да?..

— Стало быть, что да!

Наскоро объяснив французам, в чем дело, Лопатин вместе с ними поспешно направился к нартам вслед за якутом. Кроме него, при нартах находилось еще два проводника, с помощью которых был живо нагружен уцелевший багаж.

Два слова о том, что такое нарты. Нарты — это узкие, длинные сани, очень легкие в ходу, но вместе с тем чрезвычайно устойчивые. На каждой нарте могут поместиться трое, включая и проводника. Последний садится обыкновен-

---

* Беглые каторжники.

но на передке, в очень неудобной позе, к которой, впрочем, каждый якут абсолютно привык, и всегда бывает готов соскочить на землю в случае какого-нибудь приключения.

Под сиденьями делаются вместительные ящики для провизии пассажиров и для корма собак или оленей — для собак — мясо, для оленей — мох и лишай.

Для трех человек в нарту нужно впрячь по крайней мере десять собак. Эти упряжные с виду неказисты и не сильны, но на деле очень выносливы, трудолюбивы и умны.

Привязывают их к саням ремennыми постромками, продеваемыми через ремennые же ошейники. По первому окрику проводника они бросаются со всех ног и способны мчать нарту со скоростью двадцать верст в час в течение целого дня, не чувствуя ни малейшей усталости.

Вечером они довольствуются часто весьма малой пищей: дадут им по рыбе, да и то сплошь да рядом гнилой, и собаки ложатся спать, сбившись все в кучу, чтобы теплее было, а наутро просыпаются свежие и бодрые, готовые к новым трудам.

Якуты предпочитают собак оленям, во-первых, потому, что они дешевле, во-вторых, потому, что они гораздо выносливее и неприхотливее последних.

Якут сел с Лопатиным в переднюю нарту; на две следующие нагрузили багаж, а на четвертой поехали Жюльен и Жак.

На всякий случай французы положили около себя заряженные винтовки.

Караван двинулся. Собаки понеслись во всю мочь.

Якут-проводник бесстрашно пустил свою нарту не по дороге, а напрямик по снежной равнине, зорко вглядываясь в туманную даль, нет ли чего подозрительного.

К вечеру доехали до цепи Верхоянских гор и на вершине ее провели ночь. Ночлег был чисто сибирский: вырыли пещеру в снежном сугробе да в ней и спали.

Предсказание Лопатина сбылось: наверху оказалось гораздо теплее, чем внизу, в долине. В долине замерзала ртуть, а здесь градусник показывал только 17° холода по Реомюру. Это ниже средней зимней температуры Якутска.

На другой день собаки пробежали около ста тридцати верст.

Якут отыскал покинутую юрту и решил сделать в ней ночлег.

Друзья расположились там, развели огонь и за ужином принялись обсуждать свое положение.

Оно было не из приятных. Приходилось, бросив накатанную дорогу, ехать по целине, чтобы скрыть свои следы от шайки беглых каторжников, привлеченных предателем-ямщиком.

Как быть, если шайка окажется многочисленной?..

— Остается только положиться на наши добрые винтовки, вот и все, — заметил в заключение разговора Жюльен. — А теперь мне хочется лишь одного: спать.

— Надо по очереди караулить, а то на нас могут напасть врасплох, — возразил Лопатин.

— Спите спокойно, — сказал якут. — Я беру все на себя. Сон у меня чуткий — чуть что, сейчас услышу и разбужу вас.

Вскоре усталые путники заснули глубоким сном.

Глава XII

Нападение. — Два удачных выстрела. — Вперед. — Сибирские собаки. — Еще полторы тысячи верст. — Молодец на все руки. — Что может сделать якут. — Исследователи Сибири. — Сибирские леса и низкорослые деревья. — Предел растительности. — Тундра. — Дикая стая.

Среди глубокой ночной тишины спящих разбудил голос якута:

— Барин, барин!.. Вставай!

Лопатин и французы вскочили в мгновение ока и схватились за винтовки.

— Что такое? — спросил меховой торговец.

— Варнаки! — коротко и сухо ответил якут.

Лопатин выбежал из двери юрты, вглядываясь в темноту. Вдали слышался гулкий топот лошадей по снегу, как будто скакал конный отряд, но ничего не было видно.

— Да это, должно быть, настоящие разбойники! На лошадях!

— На лошадях или пешком, — возразил Жюльен, — но во всяком случае мы им дешево не дадимся.

Топот приближался. Вот уже в темноте стали вырисовываться неясные очертания скачущих всадников. Их было человек десять или двенадцать. Вдруг луна, все это время скрывавшаяся за тучами, выплыла на прояснившемся небе, и разбойников стало видно ясно, как днем.

Они были вооружены какими-то странными пиками, вроде казацких, и сидели на малорослых, но выносливых степных лошадках. Вероятно, у многих были еще и пистолеты, но, во всяком случае, все это уступало вооружению путе-

шественников, давая последним большое преимущество, как и возможность использовать юрту в качестве своеобразной крепости.

Предводитель разбойников скакал впереди. Пики у него не было, а за плечами висело ружье. Кроме того, у пояса маячила казацкая шашка, а в кобурах седла зоркий Лопатин разглядел револьверы.

Скачущие всадники приблизились к юрте шагов на пятьдесят. Путешественники взвели курки и прицелились.

— Стой! Кто вы? — крикнул Лопатин. — Остановись или мы стреляем!

Вместо ответа всадники гикнули на лошадей и понеслись еще быстрее к юрте.

Три путешественника разом выстрелили.

Под одним из всадников упала лошадь. Другой с ругательствами выронил пику из раненой руки. Но тем не менее разбойники продолжали скакать к юрте. Лишенный лошади бежал за товарищами бегом.

— Кто вы? Что вам нужно? — опять окликнул их Лопатин.

— Мы-то? Мы вольные люди, — отвечал, осаживая лошадь, предводитель шайки, громадный рыжий мужик со зверским лицом.

— Что вам нужно?

— Об этом после поговорим... А теперь вот что: долой оружие.

— Сила солому ломит, — произнес Лопатин и, значительно переглянувшись с французами, направился к атаману, как бы с намерением отдать ему свою винтовку.

Тот выехал еще несколько вперед, нагнулся с лошади и протянул руку к подаваемому ружью. В эту минуту Лопатин с быстротой молнии вынул из кармана револьвер и в упор выстрелил в ухо лошади атамана.

Лошадь упала, увлекая и всадника. Лопатин кинулся на него, схватил его железною рукою за горло, приставил ко лбу револьвер и выстрелил...

Разбойник был убит наповал.

Жюльен и Жак снова выстрелили из своих винтовок. Еще двое повалились смертельно раненные. Остальные, совершенно деморализованные смертью предводителя, обратились в поспешное бегство.

— Снова мы спасены благодаря вашей решительности и присутствию духа! — обратился к Лопатину Жюльен, горячо сжимая его руку.

— Я и сам не ожидал, что мы так дешево отделаемся.

Лопатин приставил ко лбу его револьвер и выстрелил

Но, очевидно, это были еще не настоящие, не закоренелые варнаки, а новички; от старых, опытных варнаков мы не избавились бы так легко. Те никогда бы не совершили такого детски неумелого нападения.

Остаток ночи друзья благодаря понятному нервному возбуждению провели без сна. Якуты этим временем разрубили на части убитых лошадей и сложили куски мяса на нарты. Это было очень кстати: для собак таким образом пополнился запас обильного и питательного корма.

Рано утром все было уже готово, и путешественники, покинув юрту, двинулись дальше.

Якут-проводник ехал впереди

До Берингова пролива им оставалось еще около двух тысяч верст. Даже если усиленно кормить собак и при условии, что бежать они будут изо всех сил, преодолеть это расстояние можно по меньшей мере дней за шестнадцать или семнадцать.

Якут-проводник опять поехал впереди, погоняя собак по утомительно однообразной снежной равнине. Долго ехали путешественники вдоль Станового хребта, который от места, где он образует узел с Верхоянскими горами, тянется с запада на восток на протяжении пятисот верст и затем, повернув к северо-востоку, углубляется в землю чукчей.

Разговоров дорогой не было. Лопатин ехал в передних саних с якутом-проводником, а Жюльен с Жаком — в последних. Закутанные с головою в воротники своих шуб, французы изредка лишь перебрасывались между собой двумя-тремя словами. Сани однообразно скрипели полозьями по мерзлому снегу, усыпляя путников своим мерным и покойным скольжением.

Во время остановок делали по сибирскому обыкновению привал, зарываясь где-нибудь в сугроб, если только счастливый случай не наводил путников на какую-нибудь покинутую юрту или на бедный якутский поселок.

Здоровье путешественников было превосходным. Собаки благодаря сытному корму работали великолепно и обнаруживали необыкновенное проворство и неумоимость.

Для Жюльена и Жака эта езда на собаках представляла чрезвычайный интерес.

Французы не переставали дивиться уму и сообразительности сибирских псов с торчащими ушами и остроконечной мордой, быстро мчавших санки и по малейшему знаку поворачивавших направо или налево — словом, куда нужно.

Не обходилось, однако, и без приключений, нарушавших временами однообразие скучной езды. То вдруг дорогу перебегала черно-бурая лисица, потревоженная в своей норе, или дикий северный олень; упряжные собаки, поддаваясь инстинкту, с громким лаем пускались в погоню за бегущим зверем, и погонщику всякий раз стоило немалого труда остановить их и привести к порядку.

В подобных случаях погонщикам помогал вожак стаи. В каждой упряжке есть такой сильный, обученный пес, который задает тон всем остальным. Когда стая бросалась в случайную погоню за выбежавшим зверем, вожак вдруг живо поворачивался и начинал лаять в противоположную сторону, как будто заметил там еще одного зверя.

Стая немедленно прекращала прежнюю погоню и пускалась в новую — за тенью. После этого порядок восстанавливался сам собой.

Расстояние до Берингова пролива быстро уменьшалось. Благополучно переехали Колыму по льду и доехали до верховьев реки Коркодон, берущей начало на Становом хребте, не более как в ста двадцати километрах от Гижигинской бухты на Охотском море.

Таким образом путники за пять дней благополучно преодолели расстояние в 800 верст, то есть делая по 160 верст в день. Это было почти невероятно.

Но все-таки до Берингова пролива оставалось еще далеко — около тысячи двухсот верст.

Путники проехали узкую долину реки Коркодон, промерзшей насквозь до самого дна.

Не умея определить пройденное расстояние, они всегда обращались к своему якуту, который безошибочно измерял число оставленных за собою верст по скорости, с которою бежали собаки.

Они часто спрашивали себя, что бы стали делать одни, не будь с ними якут?

Он положительно был мастер на все руки: и повар, и кучер, и дворецкий, — одним словом, просто незаменим.

Руководимый единственно своим дикарским инстинктом, якут ни разу не сбился с принятого однажды направления, что с чрезвычайным удивлением засвидетельствовал Жюльен, справлявшийся время от времени с компасом.

Нужно ли было нарубить дров для костра, заварить ли чай, откупорить ли ящик с консервами или посадить на вертел кусок мяса, — якут поспевал всюду и все исполнял исключительно хорошо.

Холод на него не действовал; работая, он распахивал шубу и только бесечно посвистывал, словно был не из плоти и костей, а из железа и камня.

Он даже выучился одному французскому слову — *manger** и произносил его с самым торжественным видом, когда, приготовив обед, обращался к французам с предложением приступить к трапезе.

Нужно ли было соорудить хижину из снега или временную юрту из ветвей, прикрытых оленьими шкурами, — якут и здесь не ударял лицом в грязь и делал свое дело основательно.

Во время привала Жюльен часто разворачивал карту и изучал ее с Жаком и Лопатыным. Безграмотный якут, просмотревшись к ней, скоро выучился понимать значение разных линий и черточек.

Вообще якуты — исключительно смышленное племя, по крайней мере, самое смышленное из всех племен Сибири. Они в высшей степени одарены способностью приспосабливаться к окружающим условиям, — как к климату, так и к людям.

Собственно первоначальная их родина — окрестности Байкальского озера; но три столетия тому назад, теснимые бурытами, они покинули родные места, подались на север

---

* Есть, еда (фр.)

и переменили свой образ жизни, адаптировавшись в новых климатических и почвенных условиях.

Во время короткого северного лета якут — неутомимый работник, будучи зато натурой весьма противоречивой, зимой впадает в беспробудную лень, словно северный зверь в спячку. Ведет ли он оседлую или кочевую жизнь, занимается ли скотоводством или охотой, якут всегда и во всем выказывает склонность к торговой и промышленной предприимчивости. Его недаром называют «жидом» Сибири. Что бы он ни делал, в нем всегда проявится юркий торгаш. Но вместе с тем нет такого дела, на которое он не был бы способен. В городе все ремесленники — плотники, столяры, маляры, кузнецы — по большей части из якутов. Они умеют недурно делать самовары и даже ружья, только, разумеется, весьма примитивного образца.

Якут-рабочий замечательно умеет подражать всему, чему хотите, но вместе с тем во всякое подражание он всегда вносит что-нибудь свое, самобытное.

Точно так же и в отношениях с людьми. С самоедом или тунгусом якут держит себя как самоед или тунгус, но в то же время он сохраняет по всей полноте свои личные качества, свою смышленность и всегда сумеет поставить себя на первое место среди инородцев, с которыми сведет его судьба.

Климат в Сибири суров и неблагоприятен для земледелия, поэтому якуты не везде могут возделывать свои тощие поля, но зато они прекрасные скотоводы и сумели развести скот даже в таких северных краях, где, казалось бы, для этого нет ни малейших климатических условий. Якутские лошади и коровы встречаются даже севернее Полярного круга...

Неутомимые в труде, нечувствительные к сибирской стуже, якуты (недаром их зовут «железными людьми») необыкновенно умеренны в пище и великие трезвенники. Пьяный якут — это что-то неслыханное, невиданное, необыкновенное. В этом их можно поставить в пример многим цивилизованным народам запада...

Все эти сведения о якутах сообщал французам их спутник Лопатин во время доверительных бесед на привалах.

После переправы через Коркодон якут повез наших путников на северо-восток, следуя изгибам Станового хребта и оставляя налево от себя реку Омолонь с притоками.

Таким образом была пройдена 64-я северная параллель. Французы находились теперь на два градуса ниже Полярного круга, в огромной, до сих пор мало исследованной низине.

Уже с некоторых пор они стали замечать, что характер растительности меняется. Деревья здесь росли как будто с натугой, словно им трудно было бороться с холодом. Стволы, толщиной в поперечнике более метра, которым так дивились ранее французы, уже больше не попадались. Теперь деревья были чахлые, точно больные.

Вскоре и они исчезли. Лишь изредка встречались какие-то приземистые, словно выродившиеся лиственницы.

Наконец еще через некоторое время перед путешественниками открылась необъятная, необозримая равнина, на которой кое-где виднелись миниатюрные заросли каких-то низкорослых деревьев, имевших не более трех метров в высоту.

Лопатин свернул свои сани с дороги, придержал собак и, пропустив мимо себя нарту Жюльена и Жака, поехал рядом с ними, чтобы немножко побеседовать.

— Какой странный каприз природы! — сказал Жюльен, дивясь на необыкновенную растительность.

— Точно питомник, — прибавил Жак. — Посмотрите, какие крошечные деревца.

— Это лиственницы, я полагаю. Есть такие приземистые лиственницы, особый вид... как еще они называются-то... вот забыл...

— Господа, вы ошибаетесь, — возразил французам Лопатин. — Это вовсе не особый вид лиственниц, а обыкновенные недоразвившиеся лиственницы, проросшие на почве, не способной их питать, и потому зачахшие, пораженные неизлечимым худосочием.

— Не может быть!

— Среди этих крошечных деревцев случаются такие, которым уже по двести или по триста лет. В другой стране, на другой почве из них вышли бы громадные лесные великаны, а здесь они тщетно отыскивают в земле соки для своего питания.

— Что вы говорите! Неужели между этими деревцами есть трехсотлетние?

— Может быть, даже и старше, чем трехсотлетние. Но что же делать, если тундра не кормит их, если она для них не мать, а суровая мачеха.

— Вы сказали: тундра. Объясните, пожалуйста, что это такое, я не совсем хорошо понимаю значение этого слова, — сказал Жюльен.

— С удовольствием. Вы знаете, что прибрежная полоса Ледовитого океана лишена всякой растительности, по крайней мере, там совершенно нет деревьев, а только мох и лишай-

ники. Эта полоса известна у картографов под названием «границы лесов» и начинается она на юге с того места, где перестает расти лиственница. Эти бедные чахоточные кустики — последние представители лиственниц. Граница лесов не тянется, как бы следовало ожидать, по прямой с запада на восток и по одной и той же параллели; напротив, ее контуры имеют весьма причудливые изгибы. Так, например, она пересекает бассейн Оби у Полярного круга, а Енисей под 70° северной широты и затем поднимается еще севернее на триста километров, заходя на полуостров Таймыр. Дальше к востоку она снова опускается к Полярному кругу и оставляет на севере от себя окончательный полуостров Берингова пролива.

— Но тундра, господин Лопатин? Что же такое тундра?

— А тундра — это и есть та забытая Богом земля, которая начинается там, где перестает расти лиственница, и простирается до берега Ледовитого океана. Это — бесплодная пустыня, в которой растет только серый олений мох, но только здесь бесплодие происходит не от недостатка влаги, а от избытка холода. Вид ее не менее уныл и тосклив, чем даже вид лесовой пустыни. Вот что такое тундра. Почва тундры промерзает насквозь и лишь во время мимолетного лета оттаивает под солнцем не больше как на метр в глубину, превращаясь в топкое, вязкое болото. Зимой — лед, летом — трясина, тундра во всякое время года одинаково негостеприимна, и даже туземцы, вообще весьма нетребовательные относительно комфорта, боятся ее, как огня.

— Благодарю вас, — сказал Жюльен. — Однако вы прекрасно знакомы с местными условиями, и мы можем только благодарить судьбу, что она послала нам такого полезного попутчика.

— Пользы от моей опытности покуда еще нет никакой. Все равно я ничего больше не могу для вас сделать: не могу достать дров для обогрева, не могу сыскать пищи. В сущности, наше положение просто ужасно: корма собакам осталось всего раза на два, не больше.

— Да, это действительно очень серьезно. Впрочем, что ж? Без дров мы еще можем обойтись: будем чаще ставить самовар и согреваться ромом, чаем, водкой, — этого у нас много.

— Хорошо, но собаки-то как же? Конечно, оленей еще можно прокормить, раскапывая снег и доставая из-под него мох. Но в тундре, я не думаю, чтобы можно было встретить какую-нибудь дичь. Из этого следует, что когда собаки переколют от голода, то нам придется или замер-

зять в тундре, или идти пешком. И то, и другое одинаково ужасно.

— Ничего, все устроится. Не будем терять надежды.

Это главное. Действительно, никогда, ни при каких обстоятельствах, даже самых трудных, не следует терять надежды. Бывали случаи, когда упадок духа был губительнее самых тяжелых материальных лишений, и наоборот — люди, сильные духом, выходили победителями из самой жестокой борьбы с обстоятельствами.

Надежда путешественников не замедлила оправдаться.

Сани быстро летели по тундре среди деревьев-карликов, как вдруг якут-проводник так круто остановил передние, что Лопатин едва не вывалился из них от толчка.

— Что случилось? — спросил Лопатин у якута.

Тот, нахмутив брови, пытливо озибался кругом, разглядывая бесконечную равнину, освещенную красноватым светом полярного солнца.

— Волки, барин, — отвечал он.

Нарта Жака и Жюльена поравнялась с передними саними.

— Волки? — переспросил Лопатин. — Где же? Я не вижу.

— Я тоже не вижу, зато слышу, — отвечал якут.

— Что же они делают?

— Гонятся за зверем.

— За каким?

— Стало быть, за лосем или за оленем.

Лопатин перевел французам слова якута и прибавил от себя, поясняя невысказанную проводником мысль:

— Надо этого оленя или лося перехватить у волков.

Глава XIII

Охота на лося. — Война с волками. — Арктический город. — Северный рынок. — Чукчи. — Инкогнито. — Искуситель. — Бешеная вода. — Конец ярмарки. — Любитель бешеной воды. — Опять по тундре. — Поселок чукчей. — Северное сияние. — Новая беда. — Болезнь Лопатина. — У чукчей. — Внутренность жилища. — Жара, вонь и грязь. — Преследование.

На горизонте быстро перемещалась черная линия, как бы следуя за черной точкой, которая в свою очередь тоже двигалась с необыкновенной быстротой.

Вскоре зоркий глаз якута смог различить в сплошной линии отдельные точки, а чуткое ухо его уже давно улавливало волчий вой.

Путешественники приготовили ружья. Четыре нарты

Лось тяжело рухнул на землю

стали на расстоянии ста метров одна от другой, образовав таким образом засаду, на которую неминуемо должна была наткнуться дикая стая.

Черная точка между тем быстро увеличивалась, принимая определенные очертания. Вот уже стали видны громадные ветвистые рога крупного лося.

Преследуемый огромной стаей сибирских волков, он быстро мчался к опушке карликового леса, близ которой остановились сани путешественников.

Чуя приближение кровожадной стаи, собаки притихли и в испуге жались к саням, ощетинив шерсть и поджавши хвосты.

Лось, не видя опасности, ожидавшей его впереди, помнил только одно, что за ним гонятся хищники, и вихрем неся прямо на нарту, в которой сидели Жюльен и Жак.

Жюльен уже давно целился в лося из своего ружья.

Подпустив животное на пятьдесят метров, он вдруг скинул с правой руки теплую меховую перчатку и нажал курок.

Лось бежал, вытянув вперед голову, и пуля попала ему в самую середину лба, между глаз. Он сделал громадный прыжок и тяжело рухнул с простреленным черепом на землю, окрашивая теплой кровью ослепительно белый снег.

— Браво! — вскричал Жак, дивясь проворству и меткости своего товарища. — Вот теперь у нас есть большой запас корма для собак.

Но Жюльену было не до комплиментов. Он, не особенно цензурно ругаясь, отчаянно тряс правой рукой и дул на свои заледеневшие пальцы.

— Что с тобой? Что случилось? — удивился Жак.

— То, что мои пальцы примерзли к курку, вот что. Чертовский мороз!.. Это такая боль, такая боль... точно от ожога раскаленным железом.

— Обжегся морозом!.. Вот замечательная несообразность!..

— Да, тебе смешно, черт тебя побери, а каково мне-то? Но хуже всего то, что я не могу теперь стрелять, а между тем нам, наверное, придется повоевать с волками. Они добычу не уступят.

— Ничего, теперь стрелять буду я. Моя очередь.

— Берегись, чтоб и с тобой того же не случилось. Я глупо сделал, что забыл одну простую вещь: ведь если к замерзшему металлу прикоснуться теплой рукой, то рука непременно примерзнет и с тканями ее произойдет то же, что бывает от ожога.

— Как же теперь быть?

— Заверни руку во что-нибудь... в какой-нибудь лоскуток, в тряпку, в платок носовой, что ли... Но только поскорее. Волки проголодались.

— Да, правда. Эти волки не так добродушны, как в Западной Сибири. Черт возьми! Что за пасти у них! Что за клыки!

Действительно, волки не столько испугались, сколько удивились выстрелу и полукругом обступили мертвого лося на расстоянии сажен пятнадцати.

Преважно усевшись на задние лапы, они вытянули вперед морды и завывли.

Самые смелые из них, а быть может, самые голодные,

начали понемногу подвигаться вперед, опустив хвост и припадая на задние лапы, как бы готовясь к прыжку. Полукруг около мертвого лося все больше и больше сужался.

Жак послушался совета Жюльена и, сняв перчатку, обернул руку оторванным лоскутом капюшона своей шубы.

Грянули два выстрела, и два волка покатались в судорогах по снегу.

Затем еще раздалось два выстрела... и опять два волка упали мертвыми на снег... потом еще... и еще...

Выросла целая груда убитых хищников, но уцелевшие и не думали отступать.

Между тем Лопатин и якут, зная упорство волков, не без тревоги дожидались исхода поединка.

Прийти на помощь французам они не могли. Собаки до такой степени испугались волков, что остолбенели от страха и ни за что не хотели двинуться с места.

Идти же пешком было опасно: во-первых, собаки при санях остались бы на произвол судьбы, хотя бы и ненадолго, а во-вторых, встреча с волками один на один могла окончиться очень печально для Лопатина и якута.

Но, к счастью, скорострельные винтовки, подарок иркутского генерал-губернатора, отлично делали свое дело.

Жюльен и Жак стреляли без перерыва, окруженные облаками дыма, в котором то и дело вспыхивали молнии выстрелов. Вскоре от громадной, сотенной стаи осталось не больше сорока волков.

Тогда остальные начали наконец отступать, но медленно, шаг за шагом, как бы все еще не решаясь уступить противникам лакомую добычу.

Неутомимые стрелки сделали передышку, чтобы перезарядить свои винтовки.

Волки воспользовались этим перерывом. Они вновь приблизились, открыли свои кровожадные пасти...

Челюсти их заработали.

Над чем? Над лосем, конечно?

О, нет, читатель, отнюдь не так.

Волки стали пожирать... своих мертвых и раненых собратьев.

Друзья, зарядив ружья, не стали, однако, стрелять и с изумлением ждали, что будет дальше.

В несколько минут хищники утолили первый голод... Затем — очевидно, волки были опытные — они позаботились, чтобы у них и назавтра осталось корму. Одним словом, они удалились, таща за собой каждый по полусъеденному трупу товарища.

Путешественники опять спаслись.

Лось, по мнению Жюльена, весил килограммов сто. За вычетом костей и кожи получался, таким образом, значительный запас корма для сорока собак; этого должно было хватить дней на пять.

Нижне-Колымск — самый крайний русский город на севере Сибири и вместе с тем главный город округа, хотя и малонаселенного, но весьма значительного по своей территории.

Внешний вид городка непригляден: несколько жалких хижин и юрт, в которых ютится бедное местное население, на две трети состоящее из сосланных в «отдаленные» места казаков, которые в числе трех или четырех сотен составляют местный гарнизон.

Мы уже описывали читателям Якутск. Пусть же они вообразят себе городишко, который настолько же уступает Якутску, насколько последний Петербургу, и они поймут, что такое Нижне-Колымск, девять месяцев в году погребенный под снегом.

Жители занимаются рыбной ловлей во время короткого лета, на зиму рыбу вялят и сушат. Случается, что всего запаса не хватает до конца зимы, и тогда, разумеется, в край приходит голод и смерть. Но что же делать? Таковы уж суровые климатические условия.

Сурова, бедна, жалка жизнь обитателей этой «могилы природы», но тем не менее человек способен привыкнуть даже и с такой ужасной жизнью. Во всяком случае, бывают минуты, когда даже местное, удрученное всеми невзгодами, население забывает ее тяготы и предается бесшабашному веселью.

Случается это в феврале, во время ежегодной меховой ярмарки, в селении Островном, в двухстах верстах от Нижне-Колымска.

На эту ярмарку съезжаются купцы из разных мест Сибири и даже из бывших русских владений в Америке.

Селение Островное состоит из трех десятков юрт, бедной деревянной церкви и деревянного этапного дома, в котором и сосредоточивается во время ярмарки местное полицейское управление. Эта ярмарка называется нижнеколымской, по имени округа, а не по имени городка, где она происходит.

Русские купцы приезжают в Островное с запада, везя на запряженных оленями саних предметы для меновой тор-

говли, а с востока и северо-востока съезжаются на запряженных собаками нартах чукчи, везущие добытые отчасти охотой, отчасти куплей ценные шкуры пушных зверей.

Чукчи — единственные посредники между русским торговым людом и туземцами крайнего севера Америки. Они не любят заниматься охотой, предпочитая этому трудному занятию торговлю. Весной, во время разлива, они собираются на мысе Восточном и оттуда переплывают Берингов пролив на своих байдарках — утлых челноках из оленьей или тюленьей шкуры. На американский берег они перевозят табак, железо, стеклянные вещи и прочие товары из России и в обмен на них вывозят из Америки всевозможные меха и моржовые клыки, вымениваемые у эскимосов.

Прибыв домой на азиатский берег, они со всем своим скарбом, с женами и детьми, с собаками и оленями и даже со своими кочевыми юртами направляются в Островное. Это напоминает настоящее кочевье.

Чукчи держат много оленей, так как эти животные — их единственный ресурс пропитания. Вот почему у них всегда на первом месте забота о том, чтобы олени были сыты, чтобы их было чем кормить. Поэтому чукчи никогда не пускаются в путь, не нагрузив предварительно свои нарты кормом для оленей, достаточным на все время переезда через тундру.

Эта поездка всегда длится долго. Чукчи едут обыкновенно не прямой дорогой, а с многочисленными объездами, чтобы посетить на пути те места, где можно обновить запас оленьего корма. Для них эти заминки ничего не значат, а лишь вносят разнообразие в скучную дорогу. В Островное на ярмарку они все равно поспеют.

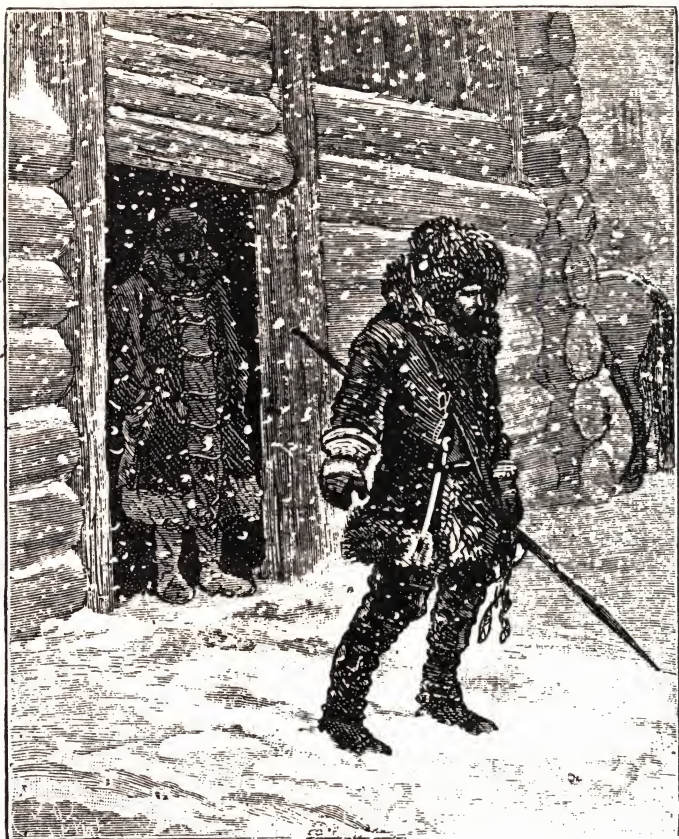
Делая на пути частые остановки, они развлекаются между делом охотой и, таким образом коротая время, незаметно приближаются к своей цели.

Жалких хижин Островного, разумеется, никогда не хватило бы для того, чтобы вместить всех прибывших. Но чукчи и не нуждаются в этом. Они устраивают свой лагерь за селом и по-своему комфортабельно располагаются в кибитках. По другую сторону села разбивают привезенные с собой палатки из оленьих шкур русские купцы, и таким образом по обеим его сторонам образуются два торговых лагеря.

Особенно впечатляюще выглядят эти два лагеря вечером.

Там и сям поднимаются к синему небу, на котором мигают многочисленные звезды, столбы дыма из походных хижин. Далеко кругом блестят костры, освещаая своим заревом

Из сторожки вышел какой-то человек

бесчисленные кабитки купцов, а на горизонте разворачивается, точно громадное знамя, северное сияние, блистая то красными, то зелеными, то лиловыми огнями.

Это зрелище для взора. До слуха же доносится немолчный, смутный гул, образуемый всевозможными звуками, покрываемыми по временам дробным гудением. То трещат барабаны шаманов, созывающих чукчей на молитву.

Или иногда вдруг из общего неопределенного шума выделится звонкий вой сотен собак и долго звучит господствующей нотой в морозном воздухе.

Так проходит ночь, и наступает короткий день, во время

которого между обоими лагерями ведутся оживленные сношения. Ярмарка обыкновенно продолжается несколько дней.

В этом году ярмарка была необыкновенно оживленной: мехов навезли много, и русские купцы и чукчи заключили обилие выгодных для обеих сторон сделок.

Недалеко от Островного, в стороне от дороги на Нижне-Колымск, стояла заброшенная деревянная сторожка, в которой прежде, вероятно, останавливались казацки разъезды; по крайней мере, при сторожке находился навес вроде сарая, приспособленный для размещения лошадей.

В последний день ярмарки, накануне ее закрытия, в забытую сторожку приехали какие-то всадники.

Лошади и вооружение у многих было вроде казацкого, но тем не менее сами всадники были явно не казаками. Заняв дом, неизвестные приняли меры, чтобы их присутствие обращало на себя как можно меньше внимания.

В ночь перед официальным закрытием ярмарки из покинутой сторожки вышел какой-то человек, закутанный в теплую шубу, под которой он тщательно прятал ружье. В руках у него была длинная пика, взятая им, вероятно, с собой по забывчивости, потому что вслед за ним из двери караулки выбежал человек и окликнул его. После чего незнакомец вернул пику и уже без оружия пошел по узкой тропинке к лагерю чукчей.

Уже стемнело, и в лагере горели огни, но оживление и толкотня еще продолжались; торгующие спешили до закрытия ярмарки закончить запоздалые сделки.

На пришельца смотрели с удивлением, но так как каждый был занят своим делом, то скоро переставали обращать на него внимание.

А он, небрежно и как будто равнодушно оглядывая толпу, спокойно шел между кибитками чукчей. Поравнявшись с одной из них, стоящей несколько поодаль от других, он приподнял фартук из звериной шкуры, служившей дверью, и заглянул в нее. Увидев незнакомца, пожилой чукча с удивлением поднялся навстречу ему.

— Хочешь получить бешеной воды? — задав вопрос незнакомцу.

— А где она? — спросил чукча.

— Ты плохо торговал на нынешней ярмарке, — продолжал, не отвечая на вопрос, пришелец. — Мехов с тобой было мало, а купец, которому ты продал свой товар, надул тебя. Ты можешь поправить свои дела. Я дам тебе много хороших вещей и много бешеной воды. Пойдем в сторожку, которая стоит налево от дороги в Нижне-Колымск; от тебя

потребуется услуга, которая для тебя почти ничего не будет стоить.

Соблазненный перспективой получить бешеную воду, чукча последовал за незнакомцем той же дорогой, по которой тот только что пришел сам.

За бешеную воду, то есть за водку, чукчи готовы сделать все что угодно. Власти запретили спаивать во время ярмарки местных жителей, чем в прежние времена пользовались купцы, приобретая от пьяных дикарей дорогие меховые товары за бесценок. Выпив первый стаканчик водки, чукча неудержимо тянется ко второму и пьет до тех пор, покуда не свалится с ног.

Чукча вошел с незнакомцем в сторожку.

Беседа продолжалась довольно долго. По окончании ее гость выбрался наружу, выписывая вензеля, и насилу добрел до своей кибитки.

На другой день после молебна ярмарка закрылась, и флаг, все это время развевавшийся над этапным домом, был спущен. Русские купцы и чукчи начали разъезжаться.

Среди суеты и толкотни все давно позабыли о таинственном посещении лагеря неизвестным человеком.

В тот же день рано утром из уединенной избушки вышло двенадцать человек, вооруженных с ног до головы, во главе со вчерашним незнакомцем; они вывели из-под навеса лошадей и поскакали по направлению к нижнеколымской дороге. Но не выехали на нее, а взяли чуть в сторону. Проехав версты три параллельно ей, всадники нагнали нарту, запряженную великолепными собаками.

В нарте сидел вчерашний любитель бешеной воды.

Увидав своего знакомого, чукча сейчас же потребовал:

— Дай водки, барин! Ты обещал.

— Как! Уже!.. Скоро же ты захотел опять водки. Давно ли я давал тебе?

— Дай водки, а то не поеду дальше, хоть зарежь.

— На, на, подавись. Только показывай дорогу скорее и смотри, непременно доведи туда, куда я просил. За это ты каждый день будешь получать свою порцию.

Неизвестный достал из мешка за седлом бутылку и протянул ее чукче. Тот так и прилип к ней губами.

Удовлетворив свою жадность, он гикнул на собак и погнал свою нарту.

Всадники поскакали следом.

Предстоял трудный путь по тундре. Судя по направлению, целью этого пути была Анадырская губа.

На третий день всадники, по-прежнему следуя за чукчей,

достигли реки Чаун, делая дорогой лишь самые необходимые остановки для краткого отдыха.

Переправившись на другой берег, они поскакали дальше, и на четвертый день, вечером, чукча осадил свою нарту, указывая на видневшийся невдалеке жалкий поселок:

— Вот!

В эту минуту, точно специально, чтобы осветить всадникам путь, на небе вдруг засияли две полосы света: одна — на западе, другая — на востоке; они вертикально перерезали небо и, поднимаясь все выше и выше, наконец, слились, образовав над горизонтом дугу более чем в девяносто градусов.

Вслед за этим над землей, точно прикрепленная к выси, распростерлась длинная пурпуровая завеса и заколебалась, словно чье-то невидимое дыхание привело ее в волнение.

Эта внезапная вспышка света со стороны магнитного полюса озарила всю землю. И предметы на ней выделились с необыкновенной отчетливостью, а звезды на небе, делаясь все бледнее и бледнее, постепенно исчезли, как бы потонув в кровавом зареве.

Все ярче и ярче разгорались на блестящей завесе многочисленные, переливчатые огни, точно блестящие фейерверочных ракет.

Лучи расходились все шире и шире, все дальше и дальше, охватывая все небо...

Но ни всадники, ни их проводник не любовались великолепным зрелищем.

Это явление было им слишком хорошо знакомо и потому не представляло для них ни малейшего интереса.

В настоящее время они видели в нем только полезную сторону: при таком ярком освещении хорошо можно было разглядеть окрестность.

Они увидали перед собой массивную, неуклюжую хижину, занесенную снегом. Над крышей ее вился удушливый дым, от которого отвратительно пахло пригоревшим маслом.

Узкий занавес из оленьей кожи, служивший дверью, был слегка откинут и в проеме были видны двое, с любопытством смотревшие на ярко освещенную равнину.

Увидав скачущих всадников, они разом скрылись. Занавеска задернулась, и в хижине послышался яростный возглас:

— Опять варнаки!

Почему же наши путешественники очутились в таком ужасном положении? Почему они едут не с прежним комфортом по почтовой дороге, а скитаются по тундре, терпя всевозможные опасности и невзгоды?

Читатель помнит, как после катастрофы на льду Шандуги они послали на следующую станцию ямщика со своей подорожной и требованием помощи и лошадей, и как ямщик оказался предателем и навел на них шайку разбойников.

От разбойников они отделались, но подорожная пропала. Как могли они ехать без подорожной? Выправлять другую? Но ведь это было бы сопряжено с длиннейшими проволочками, а между тем французам хотелось двигаться вперед как можно скорее. Прелести путешествия по ледяной стране слишком уж давали себя чувствовать.

И вот они избрали тот рискованный путь, который уже известен нашим читателям.

Путешественники без подорожной принуждены были избегать городов и станций и ехать по тундре на собаках. Однако все трудности искупались той необыкновенной скоростью, с которой они продвигались к цели. Вскоре после известного случая с лосем, когда у собак появился неожиданный корм, путники миновали Полярный круг и переехали через реку Чаун. Страшная тундра осталась позади.

До мыса Восточного было всего пятьсот верст.

Всего пятьсот! Как это мало в сравнении с пройденным расстоянием, и как много, если судить по тому, что им еще предстояло испытать.

Новая катастрофа, еще более ужасная, нежели все предыдущие, надолго задержала путешественников на шестьдесят седьмой параллели под 176° восточной долготы.

Дело в том, что Лопатин, уже за два дня перед тем слег, недомогал и отказывался от еды. Теперь же он вдруг впал в лихорадочное состояние. С ним делался то жар, то озноб. Целый день он перемогался, пробуя бороться с болезнью, лечился чаем с ромом, но все усилия его были тщетны.

Озноб усилился. Больного охватила такая слабость, что он не мог сидеть в санях и должен был ехать лежа. У него по всем признакам открылась какая-то тяжелая болезнь.

К страшной головной боли присоединилась еще боль в боку. Друзья его перепугались не на шутку. Путешествие следовало прервать. Но вопрос: где же остановиться? Где сделать привал?

По счастью, вскоре на дороге показался довольно значительный поселок чукчей.

Якут-проводник, знакомый со всеми сибирскими обычая-

Чукчи столпились вокруг саней

ми, недолго думая, решился попросить убежища в первом же попавшем чуме.

Каковы бы ни были чукчи, но долг гостеприимства они чтут свято, как все дети природы. Никогда не откажут они в ночлеге путнику, и как ни бедны сами, всегда позаботятся о том, чтобы его согреть и накормить чем могут.

Заслышав лай собак и скрип полозьев по снегу, многие жители поселка поспешили из своих изб поглядеть, кто едет. При виде незнакомцев они не выказали ни малейшего испуга или неприязни, а лишь весьма понятное любопытство. Как только якут объяснил на их языке, в чем дело,

чукчи сейчас же столпились вокруг саней и принялись наперебой объяснять якуту, что больного нужно перенести в хижину.

Якут ни минуты не промедлил воспользоваться радушным приглашением и, смело отдернув рукой кожаный занавес ближайшего жилища, вошел в него, сопровождаемый Жюльеном и Жаком, несшими своего товарища.

Свои чумы чукчи строят довольно остроумно; несмотря на то, что на постройку употребляется весьма простой материал, в них можно спастись от самого сильного арктического холода.

Эти первобытные постройки имеют коническую форму и состоят обыкновенно из двух отделений — одно внутри другого. Стены их выводят из барочного леса, а стропила делают из китовых ребер.

Снаружи их вместо теса обшивают оленьими шкурами, которые, в свою очередь, обкладывают дерном. Внутри этой первой постройки возводится второе, внутреннее отделение, которое служит семейной спальней, а вместе и столовой и гостиной.

С первым отделением внутреннее не имеет почти никакого сообщения и отделяется от него стенами, состоящими из оленьих и других шкур. Температура, благодаря горящим постоянно нескольким светильникам с тюленьим жиром, поддерживается там настолько высокая, что обитатели хижины могут сидеть в ней, раздевшись хоть донага.

Для придания большей прочности внутренней постройке к месту соединения китовых ребер подвешивается на ремне большой камень, который и свисает с потолка посредине жилища, подобно люстре.

Пол устлан охапками соломы и сена, и тюленьими шкурами поверх них. Постели устроены из оленьих шкур, и на них очень мягко и тепло спать.

В общей сложности жилище чукчей для зимнего времени представляло бы верш совершенства, если бы не адская, невыносимая жара, не скученность обитателей и не ужасная вонь от всевозможных отбросов, валяющихся по углам... Чтобы дать читателю полное представление об ароматах, наполняющих чум, упомянем о неопытной привычке его обитателя совершать внутри жилого помещения все естественные отправления.

Сделав странное усилие над собой, преодолевая отвращение к этой вонь и грязи, Жак и Жюльен осторожно положили больного на меховую постель, гостеприимно приготовленную обитателями хижины во внутреннем отделении.

Но — нет худа без добра. Эта мудрость подтвердилась еще раз.

Банная температура хижины, так неприятно действовавшая на здоровье Жюльена и Жака, оказалась благотворной для больного Лопатина.

Охваченный теплотой, он впал в приятную истому; кашель, мучивший все время его воспаленную грудь, унялся, и больной крепко заснул.

Французы никак не ожидали такого скорого и счастливого результата и теперь получили твердую надежду на благоприятный исход болезни.

Отдохнув немного от тревог, они решили, что не выдержат долгого пребывания в такой невыносимой духоте и, изучив внутреннее устройство хижины, попросили у гостеприимных хозяев позволение расположиться в теплом коридоре, который находился между отделениями.

Чукчи сочли, что эта просьба исходит от чрезмерной скромности и деликатности приезжих, и охотно дали просимое разрешение.

Якут, успевший тем временем убрать сани и накормить собак, вошел в чум, устроил постели, зажег лампы и принес провизию.

Между тем обитатели хижины, подстрекаемые любопытством, понемногу начали выходить из средней комнаты и разглядывать приезжих с наивным и радушным интересом.

Мужчины, поужинав тюленьим мясом, прислонились к перегородке, покуривая свои трубочки; за ними набежали совершенно голые ребятишки. Женщины, как более стыдливые и пугливые, остались в спальне и только порою выглядывали из дверей, не переставая заниматься каким-нибудь домашним делом.

Разговор между французами и чукчами по необходимости ограничивался одними знаками, потому что якут не мог служить переводчиком по незнанию французского языка, а Лопатин по-прежнему спал глубоким сном тяжело больного человека.

Тем не менее обе стороны остались довольны знакомством и, когда пришло время ложиться спать, от души пожали друг другу руки на прощанье.

Утром больной проснулся весь в поту, точно после паровой бани, но состояние его заметно улучшилось. Боль утихла, лихорадка прошла, но оставалась еще большая слабость.

— Мне лучше, друзья мои, много лучше, — сказал Ло-

патин французам,— но все-таки я боюсь еще долго пролежать, а между тем вам нужно ехать дальше. Я не хочу быть вам помехой. Оставьте меня здесь и поезжайте одни.

— Ни за что! — воскликнули в один голос Жюльен и Жак.— Если вы так будете говорить, то обидите нас.

— Умоляю вас, не ждите, поезжайте.

— Да что вы в самом деле? Или вы уж так долго думаете хворать?

— Во всяком случае, недели полторы, не меньше.

— Вот что я вам скажу,— решительным тоном произнес Жюльен,— хотя бы вы пролежали до лета, хотя бы нам из-за вас пришлось дожидаться следующей зимы, мы вас не оставим в таком положении. Это наше последнее слово. Ведь так, Жак?

— Конечно, так. Вы забываете, *monsieur* Лопатин, что вы нам дали слово ехать с нами в Америку.

— Да, но теперь... такой исключительный случай...

— Вы, значит, хотите изменить своему слову?

— Вовсе нет; но я не хочу обременять вас.

— Стыдитесь! После всего, что мы с вами вместе вынесли, после стольких опасностей и трудностей, которые вы с нами братски разделяли, вы вдруг решаетесь говорить подобные вещи!.. Да, наконец, с чем вы останетесь? Ваши товары потонули, вы и так понесли убытки.

— Но у меня еще несколько тысяч рублей... они со мной в бумажнике... Да и, наконец, на родине, дома, у меня остались средства.

— Пусть так, и все-таки бросить вас теперь было бы подло. Если вы и после выздоровления будете стоять на своем, тогда видно будет, а до тех пор предупреждаем: вы будете только даром тратить слова.

С тех пор подобный разговор уж больше не возобновлялся. Между тем выздоровление больного шло быстрыми темпами, и друзья уже поговаривали о продолжении путешествия.

Нижеколымская ярмарка совпала как раз с болезнью Лопатина. Между прибывшими на ярмарку чукчами шел часто разговор о том, что в таком-то поселке остановились неизвестные люди, приехавшие на нартах, запряженных собаками.

Разбойники-варнаки, от которых так успешно защитили себя путешественники в покинутой юрте, проводали об этом. Шайка их, уменьшившаяся было после столкновения, снова пополнилась новыми негодяями; у них даже явился новый атаман из старых, опытных, прожженных беглецов с каторги.

Этот атаман и был тот неизвестный, которого мы видели на ярмарке таинственно беседующим с чукчей.

Дело в том, что шайка решила повторить свое грабительское нападение; но для этого нужно было отыскать след путешественников, что можно было сделать лишь при посредстве кого-нибудь из местных жителей.

Подыскать проводника взялся сам атаман, и как мы уже видели, весьма удачно.

Но мыслимо ли напасть на путешественников в самом селении? Ведь нельзя же было надеяться, что чукчи позволят ограбить своих гостей и не окажут сопротивления разбойникам?

Как бы то ни было, а преступная шайка, разглядев поселок при свете северного сияния, пустилась прямо к хижине, в которой видели европейцев.

Очевидно, предводитель шайки знал, что делал, и у него был четкий план, сообразный со сложившимися обстоятельствами...

Глава XIV

В плену.— Несколько слов о чукчах.— Замысел якута.— Якут запутывается рукой в бороде спящего разбойника.— Последствия ошибки.— Вот так пьют! — Погоня.— Олени.— В пятистах километрах от мыса Восточного.— Кислая капуста и мороженое мясо тюленя.

Предводитель шайки задумал ни более ни менее как инсценировать приезд взвода казаков.

Конечно, у человека сведущего этот грубый маскарад вызвал бы только смех, но чукчи наивны как дети и обмануть их вовсе не трудно.

Вот почему негодяи и ворвались так нахально в поселок. Они знали, что инородцы никогда не посмеют оказать сопротивления отряду войск Белого Царя.

Но для этого, разумеется, необходимо сделать вид, что путешественники подвергаются аресту по закону — пришлось, таким образом, воздерживаться от самоуправства, прикрываясь маской законности. Расправиться с путниками по-разбойничьи злодеи предполагали впоследствии.

Повторяем, обман был грубый, рассчитанный только на чукчей.

Шайка примчалась в деревню как раз тогда, когда Лопатин был уже практически здоров, и наши друзья собирались через пару дней двинуться в дальнейший путь, распростившись с гостеприимными чукчами и поблагодарив их за радушие.

Друзья метались в бешенстве, не зная, что предпринять

На Жюльена и Жака это новое нападение подействовало как электрический заряд. Они с обычной французской пылкостью, в первый момент решили обороняться с оружием в руках.

Но это было невозможно. Оружие, снаряды — все было уже уложено в сани, приготовленные в путь и стоявшие под навесом в нескольких саженях от чума.

У Жака и Жюльена при себе были только карманные револьверы, превосходные для стрельбы на близком расстоянии, но малоэффективные для защиты от разбойников, вооруженных ружьями.

В деревне поднялось невообразимое смятение. Лаяли собаки. Плакали ребятишки, женщины выли.

Пользуясь светом северного сияния, всадники сориентировались и высмотрели сараи, в которых чукчи обыкновенно хранят нарты, прячут упряжных собак и оленей. Негодяи знали, что чукчи ни за что не впустят их к себе ночью в чумы и, как люди благоразумные, избегая бесполезного кровопролития, решили дожидаться утра в одном из сараев, наблюдая за хижинкой, в которой укрылись путники.

Три друга между тем метались в бешенстве, не зная, что предпринять. Из поселка выехать им не было никакой возможности. Стоило им показаться из хижины, как они были бы схвачены разбойниками. Всю ночь они не смыкали глаз, придумывая планы, один другого несообразнее, один другого несбыточнее.

Один якут хранил невозмутимое бесстрашие, пребывая в глубокой задумчивости.

Хитрого якута трудно провести. Он ни минуты не сомневался в том, что ворвавшиеся всадники никакие не казаки, а простые грабители, и раздумывал, как об этом дать знать жителям поселка.

Если это удастся, негодяям непоздоровится. Чукчи довольно миролюбивый народ, но в обиду всякому тоже не дадутся. Когда-то и они умели постоять за себя и далеко не без сопротивления подчинились русскому царю.

Первая встреча с русскими, о которой упоминает история, произошла у них в 1701 году. Чукчи были разбиты в стычке, и говорят, что многие из них, не желая пережить поражения, убили друг друга, чтобы не попасть в плен.

Но уже вторая экспедиция русских в 1711 году окончилась неудачей, а равным образом и поход полковника Шестакова в 1730 году. В следующем году полковник принял новую экспедицию для усмирения чукчей, но погиб в тундре со всем своим отрядом.

В 1732 году капитану Павловскому удалось наконец пройти с сильным отрядом войск через всю землю чукчей до Анадырской губы. Лишь после этого, и то нескоро, чукчи наконец покорились.

В Западной Европе существует легенда об их неукротимости и свирепости, и на географических картах конца прошлого столетия и даже начала нынешнего еще ставилась лаконичная, но многозначительная надпись возле полуострова, занятого поселениями чукчей: «Tjuktry, natio ferocissi-

ma el bellicosa, Russorum inimica, qui capti, se invicem interficiunt» *.

В настоящее время чукчи совершенно покорны России и исправно платят пушниной установленную подать.

Но из этого не следует, что они были способны выдать своих друзей на истребление разбойникам, нарядившимся казаками, да и то не особенно искусно.

Но как сообщить им об этом теперь, ночью?

Якут решил основательно разведать положение дел.

Осторожно выбрался он на улицу, стараясь как можно тише без скрипа ступать по снегу.

Тут ему пришло в голову посмотреть, действительно ли сани путешественников находятся во власти разбойников и не удастся ли как-нибудь достать оттуда оружие.

Он прокрался в сарай и начал в темноте ощупывать все предметы, попадавшие под руку.

Вот он дотронулся до чего-то волосатого... Сначала он подумал, что это мех, но вслед за тем послышалось сердитое ворчание. Якут запутался рукою в густой бороде одного из разбойников.

Разбуженный негодяй проснулся и вцепился в якута обеими руками.

Тот и не подумал вырваться и сказал на ухо разбойнику:

— Слушай, я нашел здесь целый бочонок водки.

— Ой ли! — радостно воскликнул разбойник, принимая хитрого якута за одного из своих. — Да ты кто же? В темноте не видать, а по голосу словно Сидоров... Это ты, Сидоров?

— Да, — отвечал якут, внутренне радуясь неожиданной удаче.

— Где же бочонок?

— Здесь... в сарае... на нарте...

Якут в темноте отыскал багажную нарту и, разобрав часть поклажи, добрался до объемистого бочонка с крепчайшим ромом.

— Ступай сюда, — сказал он разбойнику.

Тот подошел и, ощутив бочонок, сразу оценил по достоинству его емкость. Затем проворно отыскал втулку, отогнул гвоздь и жадно припал устами к отверстию.

Долго длилось это страстное объятие. Наконец негодяй оторвался от бочки, прищелкнув языком, и сказал:

---

* Чукчи, племя свирепое и воинственное, враждебное русским; попадая в плен, они убивают друг друга (*лат.*).

— Славная водка! Спасибо, Сидоров. Пей теперь ты.

Якут сделал вид, что тоже тянет из втулки. Будто бы напившись, он приподнялся и сказал:

— Надо бы и других угостить, как думаешь?

— Конечно, надо.

С этими словами негодяй встал и разбудил двух товарищей, которые тоже находились в этом сарае с заданием бодрствовать в карауле. Но дисциплина в разбойничьих бандах почти никогда не бывает крепка. Караульные преспокойно спали.

Приглашенные также приложились к волшебной бочке. Придя от рома в дружелюбное настроение, они придумали позвать всех остальных товарищей, разместившихся по другим сараям, и поделиться с ними неожиданным лакомством.

Не прошло и четверти часа, как к гостеприимному сараю отовсюду заскользили тени. Около бочонка собралась вся шайка за исключением атамана. Его, конечно, не приглашали. Только узнай он, чем занимается его команда, он бы ей задал...

Атаман ничего не слышал. Утомленный бешеною ездой по тундре, он крепко спал, завернувшись в меховую шубу, в сарае рядом.

Пьяницы не удовлетворились одной порцией: каждый из них приложился к бочке по нескольку раз. Ром исчез весь до капельки.

Такое обильное возлияние не прошло, конечно, без последствий. Разбойники так наугощались, что один за другим свалились на пол сарая без чувств.

Разговоры стихли. Их сменил громогласный храп двенадцати здоровенных мужиков. Точно дюжина контрабасов загудела разом...

Якут, терпеливо дождавшись неизбежного финала, поспешил вернуться в чум, где спали два его соплеменника, бывшие тоже проводниками при путешественниках; разбудив их, он велел запрячь в каждую нарту по три оленя, а собак оставить и подъехать с санями к задней стене чума, в котором остановились европейцы.

Он полагал, что опьянение, в которое впали разбойники, и крепкий сон усталого атамана позволят ему блистательно выполнить задуманное предприятие.

Он вернулся в чум, где три друга ждали его с нетерпением.

Был первый час ночи.

— Готов ли ты, барин? — обратился якут к Лопатину.

- К чему?
- Ехать готов ли, спрашиваю?
- Когда?
- Сейчас.
- А как же сани?
- Запряжены сани.
- А... эти... как их?..

Якут тихо и загадочно усмехнулся.

- Умерли, — сказал он.

— Как умерли? Неужели ты их зарезал? Что ты наделал, несчастный!

— Нет, барин, я их не резал. Их водка зарезала. Завтра они воскреснут здоровехонькие, только башки у них малость потрещат... Едем, — закончил он круто, отдергивая кожаный фартук, заменявший дверь.

Якуты-помощники тем временем не дремали. Возле чума стояли три запряженные оленями нарты.

Молодые люди собрались садиться, как вдруг Лопатин с удивлением воскликнул:

- А где же мои сани?

Якут не успел ответить: в ночной тишине раздался яростный крик:

- Стой!.. Стой!.. Лови их!.. Держи!..

Якут прыгнул в первую попавшуюся нарту. Жак, Жюльен и Лопатин последовали его примеру, и трое саней быстро помчались, скрипя полозьями по мерзлому снегу.

Блеснул в темноте красноватый огонек, грянул выстрел, и над головами путников прожужжала пуля.

Атаман, как всякий бывалый авантюрист, имел привычку часто просыпаться. И на сей раз, желая посмотреть, что подельывает его шайка, он встал и пошел обходить сараи.

Каково же было его изумление и ярость, когда он увидел, что нет ни одного человека на своем посту! Более того, войдя в сарай, где происходила попойка, и наткнувшись на бесчувственные тела метвецки пьяных разбойников, он просто света не взвидел от ярости. Выхватив пашку, он принялся плашмя колотить ею храпевших пьянчуг и топтать их ногами. Разумеется, никто от этого не проснулся.

Тут у атамана мелькнуло подозрение: не скрыта ли в случившемся какая-то каверза.

— Их наюили!.. — воскликнул он. — Это дело проклятых путешественников!.. Больше никому!..

В этот момент при свете луны он разглядел выходящих из чума людей и запряженные нарты. Бросившись вперед, он узнал путешественников и выстрелил, но, к счастью, промахнулся.

Он принялся колотить разбойников

Услыхав выстрел, из чумов выбежало несколько напуганных, заспанных чукчей.

«Попался! — смекнул атаман. — Чего доброго, и эти еще на меня набросятся. Надо к ним хорошенько подъехать»...

Он задумался на минуту и затем крикнул, обращаясь к чукчам:

— Слушайте, что я вам скажу. У вас сейчас были злодеи... Мы казаки и посланы их ловить. Они удрали от нас. Помогите мне. Я вам дам за это много, много водки... и денег... Слышите? Только помогите их изловить, а уж я награжу вас так, что останетесь довольны.

Чукчи внимательнее вгляделись в незнакомца. Видят: по одежде как будто и вправду казак. Да и слова: награда... водка... деньги... ласкали слух. Толпа заволновалась, и по ней пробежал одобрительный ропот.

— А сколько дашь?..

Оставалось только поторговаться. Сделку живо заключили, к великой радости атамана.

Чукчи народ тяжелый на подъем, ленивый, флегматичный. Но раз решившись на что-нибудь, они напролом идут к цели и ничто их не может остановить — ни холод, ни голод, ни даль.

— Что же велишь делать?

Атаман спешил ковать железо, пока горячо. Он велел немедленно приготовить шесть нарт, запряженных каждая тройкой оленей, и подать их к сараю, где неподвижными тушами лежали пьяные разбойники.

Атаман сделал знак. Чукчи подняли пьяных, завернули в меха, чтобы не перемерзли дорогой, и по двое, точно бревна, взвалили их на нарты.

— Добро,— похвалил атаман.— Молодцы!.. Злодеи опередили нас не больше как часа на два. Через сутки мы непременно их нагоним. Придется, конечно, драться с ними, но это ничего: пьяницы мои к тому времени проснутся... Ну, ребятушки, трогай!..

Сани помчались.

Нарты наших путешественников уже три часа неслись с быстротою метеора.

Все это время олени не выказывали ни малейшей усталости, но вдруг, по прошествии этих трех часов, остановились сами собою без какого-либо знака проводников.

Лопатин отнесся к этой остановке как к явлению нормальному, но французы бесконечно удивились.

— Как? — воскликнул Жюльен.— Уже остановка? Скоро же.

— Ничего не поделаешь,— отвечал Лопатин.— Олени могут несколько дней подряд бежать полным ходом, но с условием, чтобы через каждые три часа делать остановку. Во время этой стоянки они раскапывают снег и щиплют мох, а через час, отдохнув и насытившись, готовы снова бежать с прежнею быстротою.

— А нельзя ли как-нибудь сделать, чтобы эти остановки повторялись пореже?

— Никак нельзя. Оленя скорее можно убить, нежели заставить идти без остановки более трех часов. Но вы не тревожьтесь. Олени сильнее собак и из двадцати четырех

часов в сутки могут пробыть в езде восемнадцать. Вы сами устанете ехать раньше, чем они вас везти.

— А скажите, пожалуйста, где мы теперь находимся? Благодаря удачной выдумке якута, мы свободны, по крайней мере относительно. За какое же время думаете вы добраться до Берингова пролива?

— Если мы с якутом не ошибаемся, то отсюда до мыса Восточного с небольшим пятьсот верст.

— Ай-ай-ай!.. Да это безбожно далеко.

— Зато олени бегают очень быстро. Исчисляя среднюю скорость их бега в 15 верст в час, можно смело сказать, что с остановками весь путь займет около 45 часов.

— Еще два дня и две ночи скакать по равнине, имея на хвосте шайку разбойников, от которой не у кого искать защиты!.. Вдумайтесь: ведь это ужасно.

— Насчет разбойников нет особенной нужды беспокоиться. Мы во всяком случае опередили их на несколько часов; гнаться за нами они могут только на оленях, следовательно, и у них те же условия езды, как у нас.

— Не можем ли мы ехать еще скорее?

— Можем, но тогда мы, наверняка, загоним животных.

— Кстати, где же наши припасы и оружие? Я теперь вспоминаю, как вы воскликнули, когда мы селились: «Это не мои сани!»

— Вот об этом-то я и хотел вас предупредить. По всей вероятности, те два проводника не поняли якута и запрягли оленей в чужие нарты. А может быть, и просто ошиблись в темноте.

— А наши вещи?

— Остались в поселке. Якут сейчас проверил багаж. Дело скверное: нет ничего — ни сахара, ни консервов, ни водки, ни рому, ни сухарей.

— Так, значит, нам скоро грозит голодная смерть?

— Ну, до этого еще далеко. В санях, в которых я еду, оказалось пуда три мороженого тюленьего мяса и несколько мешков с какими-то квашеными листьями, вроде кислой капусты.

— Да, с этим можно спастись от голодной смерти, хотя мороженный сырой тюлень... едва ли это вкусно.

— Винтовки, разумеется, остались там...

— Увы! И у нас только револьверы!

— Однако едемте, друзья мои. Олени поели, отдохнули, и нечего терять время. Как проголодаемся, так и испробуем, каков на вкус сырой тюлень...

И опять езда во весь олений дух по гладкой, ровной

снежной скатерти. Отдохнувшие, сытые «олешки» весело подскакивают на бегу, погоняемые покрикиванием якутов, которые адресуют им разные ласкательные слова на грубом, диком наречии.

Несмотря на эту скорость, часы для путешественников тянутся убийственно медленно. Становится еще тоскливее от того, что Жюльен, Жак и Лопатин сидят каждый в отдельном санях в обществе своего проводника. Лопатин еще может беседовать с якутом, но французы обречены на молчание. Не с кем отвести душу, не с кем поделиться мыслью или чувством... Надоела езда — думается: ах, скоро ли остановка! А на остановке хочется поскорее снова двинуться в путь, чтобы уйти от погони...

Глава XV

Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет.— Пароход «Вега».— Экспедиция в поисках северо-восточного морского пути.— Профессор Норденшильд.— Радующие шведского ученого.— Неверный компас.— Ложное направление.— Внезапный отъезд.— Потерянное время.— В Беринговом проливе.— Опять все те же.— Кормежка оленей.— Пешком по льду.— Жак и Жюльен с удивлением слышат нижненормандское наречие.— Канадские трапперы*.— Смерть от холода.— Первая часть пути из Парижа в Бразилию пройдена.

Так прошло двадцать шесть часов.

Скорость езды на оленях не только не уменьшалась, а, напротив, даже как будто увеличивалась.

Мы не намерены утомлять читателя однообразными рассказами о бедствиях, какие приходилось терпеть трем путешественникам во все остальное время их пути по Сибири. Упомянем только об ужасном холоде, от которого путники временами впадали в опасное оцепенение и, чтобы стряхнуть его, выходили из саней и шли часть пути пешком; да еще о несносных страданиях европейского желудка, отказывавшегося переваривать куски мороженого тюленя, которые, по живописному выражению Жака, «загромождали желудок, как ледяные глыбы».

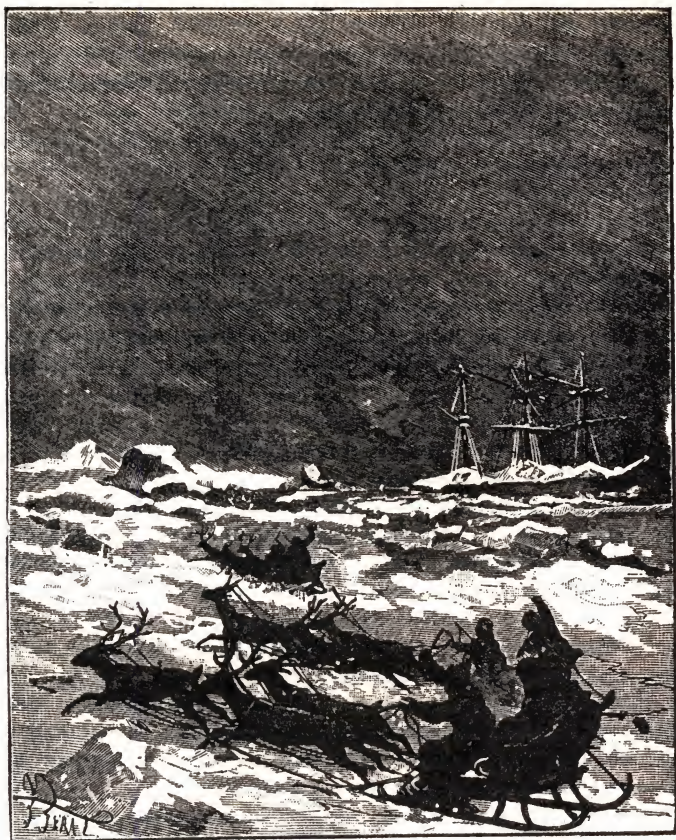
Но что же делать? Приходилось есть эту мерзость, чтобы не умереть с голоду. Недаром существует пословица: «Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет».

Беглецы находились недалеко от Колючинской бухты, немного ниже того места, где ее пересекает Полярный круг.

К несчастью, за несколько часов до этого опустился

---

* Охотники на пушного зверя в Северной Америке.

— Корабль!.. Друзья!..

густой туман, и якут никак не мог разглядеть вех, которые ставятся чукчами для обозначения верст. Поэтому определить точнее место своего нахождения путники не могли.

Приходилось строить свои предложения на показаниях компаса и соображениях якута.

По временам во мгле гулко разносился какой-то грохот, похожий на пушечные выстрелы.

Полузамерзший голодный Жюльен все еще находил в себе силы и желание шутить.

— Эй, Жак! — кричал он другу со своей нарты, — под нами море. Мы едем по льду: слышишь, трещит. Позволь

мне еще раз послать тебя к черту за твою боязнь морской болезни: ведь если бы мы сели первого октября на пароход, то уж давно были бы в гасиенде Жаккари-Мирим, качались бы в саду в гамаках и обмахивались веерами.

— Нет! Я с тобой не согласен! Все, что угодно, только не морская болезнь! — возразил Жак глухо из-под обледеневших бороды и усов.

Жюльен хотел ответить новой шуткой, как вдруг Лопатин, по-прежнему ехавший в передних санях, громко вскрикнул от удивления.

Завеса мглы разорвалась, и в ста метрах впереди показался изящный профиль превосходного трехмачтового корабля, черный абрис которого отчетливо выделялся на фоне белого снега.

— Корабль!.. Друзья!.. Корабль!..

Французы, не помня себя от радости, закричали во все горло, точно сумасшедшие:

— Корабль!.. Мы спасены!..

Олени замерли у кормы корабля, стоявшего неподвижно во льду, и читатель легко поймет чувства наших путешественников, которые прочли на борту надпись золотыми буквами: «Вега».

То был действительно знаменитый пароход «Вега» известного профессора Норденшильда.

Почтенное имя шведского профессора знакомо всему читающему миру. Всякий знает, что доктору Норденшильду первому удалось совершить то, над чем три с половиной века безуспешно бились голландцы и англичане.

Известно, что в конце семидесятых годов он предпринял на пароходе «Вега» экспедицию с целью объехать берега Ледовитого океана вдоль Сибири, переплыть Берингов пролив и этим совершенно новым путем проехать в Японию или Китай.

Ученый исследователь был убежден, что вдоль северных берегов Сибири и во всяком случае до мыса Таймыр океан летом свободен ото льда, этому должен способствовать, по его мнению, приток теплой воды из великих сибирских рек — Оби, Енисея и Иртыша, — а также встречное течение под воздействием ветров, дующих в этих местах осенью и относящих лед к северу.

Гипотеза Норденшильда отчасти уже давно подтверждалась некоторыми русскими исследователями. Еще в 1843 году путешественник Миддендорф с высоты холма на берегу Таймырского залива видел на необозримом пространстве море, свободное ото льда.

А за девяносто лет перед этим лейтенант Прончищев, отправившись из устья Лены, нашел возможность доплыть до Олонцкого залива.

2 сентября 1736 года экспедиция капитана Лаптева достигла мыса Фаддеева, не встретив нигде льда.

Относительно той части океана, которая расположена между дельтой Лены и Беринговым проливом, показания бывалых людей еще определеннее. Смелые русские китобой еще в семнадцатом веке проплывали по этим местам, и, между прочим, казак Дежнев совершил в 1648 году переезд морем от Колымы до Анадырской губы.

В 1735 году лейтенант Лассиниус, отправившийся из устья Лены в Берингов пролив, был в самом начале пути остановлен льдом. Во время зимовки он и его пятьдесят два матроса умерли от скорбута *. В 1739 году Лаптеву посчастливилось доплыть до Индигирки и перезимовать у ее устья, а в 1740 году добраться до мыса Баранова.

Безуспешность большинства предприятий объяснялась по большей части неудовлетворительной конструкцией кораблей.

В списке смелых мореплавателей, пускавшихся в Ледовитый океан, мы встречаем также имя капитана Кука, который в 1790 году добрался до 180° восточной долготы по гринвичскому меридиану.

Наконец в 1855 году американский капитан Роджер проник до 176° восточной долготы по гринвичскому меридиану, а в 1856 году английский китобой Лонг прошел еще дальше своих предшественников, достигнув Чаунской губы.

Экспедиция Норденшильда финансировалась щедрыми меценатами: треть расходов принял на себя шведский король, выделив суммы из своих собственных средств, а остальные две трети были субсидированы господином Сибиряковым и господином Диксоном, готенбургским купцом, снарядившим уже на свой счет шесть экспедиций к Северному полюсу.

В плавание отправились четыре судна под общим начальством Норденшильда, который сам находился на головном корабле «Вега».

Этот корабль был специально построен для полярных экспедиций. Водоизмещением в триста пятьдесят тонн, с машиной в шестьдесят лошадиных сил, имея три мачты, он делал девять узлов под парусами и около шести-семи под парами.

Командовал пароходом капитан Поландер, весьма опытный мореплаватель-полярник.

---

* Цинги.

Экипаж состоял из девятнадцати отборных матросов, попавших на корабль из шведского военного флота, и трех «fangstmänn», специальность которых заключается собственно в ловле китов.

Тремя другими кораблями были «Лена», «Экспресс» и «Фразер». Пароход «Лена», под командой капитана Иогансона, должен был прокладывать путь для «Веги» до устья Лены и затем подняться по этой реке вверх до Якутска. «Фразер» и «Экспресс», нагруженные товарами для Сибири, рассчитывали подняться по Енисею и затем вернуться в Европу.

Роль исследователя полярных морей возлагалась только на одну «Вегу».

Флотилия отправилась из порта Тромзе, через неделю прошла мимо Новой Земли, затем проплыла Югорский залив, обогнула с юга остров Вайгач, благополучно прошла Карским морем и вступила в порт Диксон на маленьком острове близ устья Енисея.

Тут «Экспресс» и «Фразер» отделились от «Веги», и она продолжала путь с одной «Леной».

Счастливо обогнув мыс Челюскин, пароходы отсалютовали ему пушечными выстрелами. Через неделю они были уже против устья реки Лены, и пароход «Лена» покинул Норденшильда, чтобы идти по своему назначению.

«Вега» осталась одна.

Достигнув устья Индигирки (это пришлось на первые числа сентября), «Вега» повернула на юго-восток и через некоторое время подошла к берегу на такое близкое расстояние, что с парохода бросили якорь на большую льдину. Тут в первый раз чукчи увидели корабль.

В конце сентября «Вега» достигла восточной оконечности Колючинской губы, и тут пароход сковало льдом, случилось это на 67°7' северной широты и 173°30' восточной долготы по гринвичскому меридиану. Произошло это как раз тогда, когда профессор Норденшильд был почти у цели.

Пришлось зазимовать в ожидании оттепели, которая наступала лишь поздним летом, в середине июля...

Понятна была радость французов, когда они встретили пароход, участью которого интересовались в Европе решительно все образованные люди.

Встреча была удивительная, необыкновенная, непостижимая.

— «Вега»!.. — вскричал Жюльен. — Да ведь это для нас спасение!

— «Вега»!.. — поддакнул Жак. — Это оазис из дерева и же-

леза!.. Конец тюленьему мясу!.. Конец полярной капусте!.. Конец разбойничьей погоне!..

— Не очень радуйтесь, друзья мои, — охладил их восторги Лопатин. — В гостеприимстве профессора Норденшильда нет причин сомневаться: чем человек интеллигентнее, тем он отзывчивее на несчастье ближнего, об этом спору нет. Но вот в чем загвоздка: имеем ли мы право злоупотреблять гостеприимством человека, который и сам терпит бедствие? Ведь мы явились к нему на затертый льдом корабль как лишние рты. С другой стороны — до каких пор придется нам оставаться на корабле? Ждать отлива? Но это едва ли может входить в намерение господина Арно... Вообще, я советую быть как можно осмотрительнее.

— Да, это правда. Нужно постараться причинить как можно меньше хлопот профессору. Возьмем у него только немного съестных припасов, чтобы нам было с чем добраться до берегов Америки — и в путь. Теперь уже недалеко, и мы наверняка уйдем от разбойников.

С корабля уже давно заметили нарты путешественников, но не обратили на них внимания, принимая, вероятно, их за туземцев. Каково же было изумление экипажа, когда Жюльен заговорил по-французски, а Лопатин по-немецки.

Путешественники торопливо взошли на борт, где их встретили с самым искренним, самым теплым радушием.

Жюльен отрекомендовался сам и представил своих товарищей, а Норденшильд в свою очередь представил гостям весь свой штаб, состоявший из выдающихся ученых и путешественников.

Затем приезжих угостили сытным завтраком, который они не съели, а в полном смысле слова проглотили. О своих делах путешественники говорили мало, о погоне же совсем не упоминали, из боязни, что Норденшильд в тревоге за них станет удерживать их у себя на корабле.

— Теперь, господа, я велю приготовить вам каюты, — сказал Норденшильд, когда гости позавтракали. — Можете пробыть у меня сколько угодно; я буду очень рад видеть вас у себя — и чем дольше, тем лучше.

— Мы очень благодарны вам, господин профессор, — отвечал Жюльен, — но только позвольте нам отклонить ваше любезное предложение. Нам пора ехать.

— Как? Уже? — с удивлением возразил профессор. — Куда же вы так спешите? Нет, как хотите, но я вас так скоро не отпускаю... И что это за причина?

— Причины мы не можем вам объяснить. Это секрет. Считайте, что мы держим пари на английский лад... и что

для нас все решает скорость... Нам, право, очень жаль, но.. уж вы извините. Я попрошу у вас только две вещи: не можете ли вы назвать нам координаты места, где мы находимся, и ссудить хотя бы немного провизии...

— С удовольствием, господа, с удовольствием. Очень жаль, что вы требуете так мало. Я для вас и на большее готов... Вот вам карта здешней страны; из нее вы сами узнаете все, что вас интересует.

Жюльен с видом знатока занялся картой и вдруг с удивлением откинул голову.

— Как так? Неужели мы на 67°7' северной широты? Но ведь это значит, что мы ужасно далеко завернули на север, больше чем на три градуса к северу от мыса Принца Валлийского!

— Совершенно верно, — заметил Норденшильд, — если вы ехали к мысу Восточному, то заблудились и взяли гораздо левее.

— Не понимаю, как это могло случиться. Мы все время справлялись с компасом. Разве только магнитная стрелка дала отклонение?..

— Очень может быть. Вы, вероятно, знаете, что во время северного сияния магнитная стрелка всегда испытывает колебания... Должно быть, это самое и случилось с вашим компасом.

Жюльен вытащил свой компас и сверил его с прибором Норденшильда.

Увы! — профессор был прав. Компас Жюльена оказался испорчен. Причина этого была теперь ясна, и путешественникам оставалось лишь принять меры против дальнейших отклонений стрелки, которые могли повлечь за собой весьма печальные последствия.

Для Жюльена начертили новую схему пути, дали ему другой компас, и француз встал, чтобы проститься с профессором.

Норденшильд не стал удерживать гостей, видя, что они так торопятся.

— Очень жаль, — сказал он, пожимая им руки, — очень жаль, что мне так мало пришлось для вас сделать. В сани ваши я велел положить провизии, ружей и зарядов. По крайней мере, вы теперь хоть несколько обеспечены... Но все-таки очень, очень жаль... Еще одно слово: нет ли каких-нибудь новостей из Европы?

— Мы сами уже давно оттуда, — отвечал за всех Лопатин, все это время молчавший. — Особенно свежих новостей у нас нет, разве только та, что пароход «Лена» благопо-

лучно прибыл в Якутск, исполнив ваше предписание.

— О, разве это не новость? Уверяю вас, что лучшего известия для меня вы не могли привезти. Я теперь вдвойне рад случаю, который свел меня с вами. До свиданья, господа, не говорю: прощайте. Желаю вам самого благополучного пути.

— До свиданья, господин профессор. Поверьте, что мы никогда не забудем того, что вы для нас сделали. Вы нас от многого спасли.

Путники сошли с корабля, подкрепленные физически и ободренные нравственно, сели на свои нарты и помчались дальше. Вскоре снасти гостеприимного корабля исчезли у них из вида.

Новый путь, начертанный Норденшильдом, шел не как прежде, вдоль всего материка до крайней оконечности мыса, а отклонился немного к югу, пересекал нижний угол основания мыса Восточного, проходил наискось через самый большой остров в группе Диомедовых островов, находящихся как раз посередине Берингова пролива, и прямо упирался в мыс Принца Валлийского.

Дорога, таким образом, сокращалась на тридцать верст из общего числа двухсот двадцати пяти. Время, потерянное на корабле, почти восполнялось благодаря рациональному маршруту.

Но, может быть, и разбойники тоже догадались сократить дорогу?

Вот в чем была опасность.

Проводники гнали оленей во весь опор. Стоило видеть, как быстроногие животные мчались по гладкому, твердому снегу.

Делая по шестнадцати верст в час, не жалея себя, олени как будто сами сознавали, что от их быстроты зависит участь преследуемых беглецов.

Так прошло полсуток. Три друга заметили, что уровень местности, по которой они проезжали, слегка понизился, и заключили, что материк злосчастного полуострова уже остался позади.

Нарты с тихим скрипом заскользили по льду Берингова пролива. Громкое, радостное «ура» путешественников далеко разнеслось в недвижимом морозном воздухе.

Жак Арно уже начал в душе торжествовать победу над морем, которое ему удалось пересечь без морской болезни... как вдруг якут, обернувшись, в бешенстве крикнул:

— Опять варнаки!..

В ту же минуту, как нарочно, остановились и олени,

выбившиеся из сил. Повернув к проводникам свои грациозные головы, они требовали пищу, которой, разумеется, не было подо льдом.

Якуты стали доставать из нарт благоразумно припрятанный запас мха, а европейцы, сидя в санях, с тревогой следили за длинным цугом саней, черной линией двигавшихся по белому снегу верстах в двух позади остановившихся путешественников.

— Негодяи! — проворчал Жюльен. — Неужели они осмелятся преследовать нас даже на американской территории?

— Конечно, осмелятся, — ответил Лопатин. — Неужели вы думаете, что они станут разбирать? Да к тому же мы еще не на американском берегу.

— Скажи, пожалуйста, — обратился к Жюльену Жак, — вот эта группа скал в двух километрах отсюда, — ведь это, кажется, и есть Диомедовы острова?

— Да.

— Они кому принадлежат? Америке?

— Не знаю, право. Да и не все ли равно? Monsieur Лопатин совершенно верно сказал, что бандиты разбирать не станут.

— Ну-ка, дружище, — спрашивал тем временем Лопатин якута, — посмотри, что там такое у них делается?

— Они тоже остановились покормить своих оленей, как и мы, — отвечал якут, без бинокля видевший совершенно ясно все, что происходило у разбойников.

— Но все-таки, друзья мои, — сказал Лопатин, — передав французам слова проводника, — все-таки у нас нет никакого основания надеяться опередить разбойников. Поэтому я не вижу другого средства, кроме открытого боя.

— Ну что же, бой так бой, — отвечал Жюльен. — Попытаем счастья.

— Надо бы как можно скорее добраться до утесов: они могут служить прикрытием.

— А пойдут ли олени-то?

— Надо попробовать.

— Господин, они уж поехали, — перебил разговаривающих якут, все время не спускавший с разбойников глаз.

Один из оленей при первых санях ни за что не хотел вставать. Пришлось обрезать постромки. Два других лениво, неохотно встали на ноги и еле-еле затрусили, постоянно оглядываясь на оставшийся на месте привала недоенный мох.

Нарты разбойников заметно сокращали расстояние.

— Черт возьми! — вскричал Жюльен. — Ведь этак мы ни-

когда не доедем до утесов. Лучше приготовим-ка оружие. Надо достать патроны.

— Патроны!.. — отвечал, бледнея, Жак. — Боже ты мой милостивый! Да ведь они упакованы в ящиках с медной обшивкой, и крышка завинчена... Нужно сначала отвинтить ее.

— Ну вот еще отвинчивать! Просто разбить один из ящиков топором.

— Но ведь если будем колотить по ящику, то произойдет взрыв.

В это время еще один олень лег на землю и жалобно мычал под ударами погонщика.

В двухстах шагах позади остановились и вторые сани. Олени третьих саней, увлеченные примером, тоже легли на снег.

До островов было сажень триста. Единственное, что осталось путешественникам, это бежать туда бегом.

По счастью, и у разбойников тоже дело не обходилось без приключений. Их загнанные, с разбитыми ногами олени тоже падали то и дело на землю.

Пришлось и бандитам сойти с саней и устремиться к утесам, торчавшим на льду.

Впереди всех бежал озлобленный неудачами, свирепый атаман шайки. Чтобы облегчить бег, он скинул с себя шубу и остался в одном своем фантастическом, Бог весть откуда добытом, вернее же всего — украденном мундире.

Он достиг саней, покинутых путешественниками, успешными наконец взобраться на крутую скалу и приготовившими к защите.

— Недостает только, чтобы он завладел нашими же са-
нями! — вскричал с досадой Жюльен. — Черт возьми! Да ведь так оно и есть!

— И олени слушаются, пошли.

— Ах, черт возьми!

— Ничего не поделаешь!..

— Monsieur Лопатин, велите, пожалуйста, якуту дать мне свой топор. Я хочу непременно разбить ящик, хотя бы мне самому пришлось взлететь на воздух. Смерть как руки чешутся у меня выстрелить в этого негодяя из своей винтовки.

— Не могу ли я вам чем-нибудь помочь? — раздался вдруг сзади путешественников чей-то спокойный голос, произносивший французские слова с тягучим нижненормандским акцентом.

Если бы вдруг северный белый медведь запел «Марсельезу» или «God save the Queen», то друзья удивились

— *Замерз. Вольно же ему было снимать шубу*

бы меньше, чем теперь. Они разом обернулись и увидели перед собой рослого молодца с добродушным, веселым, широко улыбающимся лицом.

— Меня зовут Жозеф Перро, я уроженец Квебека, что в Канаде. А это вот мои братья, Жофруа и Андрэ, рекомендую. Эй вы, парни, идите же сюда! Земляки встретились... Эй, Жофруа! Эй, Андрэ! Да что ж вы?

Появились еще два гиганта, с длинейшими ружьями за плечами, закутанные в меха и с лыжами на ногах. Они молча поклонились нашим путешественникам.

— Мы честные трапперы, господа земляки, — продолжал

первый великан.— Когда я услышал родной язык, у меня в брюхе точно что заиграло... Чем мы вам можем помочь?

Последовал обмен крепкими рукопожатиями.

— Благодарю, друзья мои,— отвечал Жюльен.— Помочь вы нам можете... С вами нас шестеро... Дело в том, что за нами гонятся разбойники, сибирские варнаки...

— А! Варнаки! — спокойно произнес Перро.— Ничего, мы им зададим хорошего перцу.

Олени, везшие сани с атаманом, приближались мелкою рысцой.

Атаман сидел в санях совершенно один, неподвижный и безмолвный.

Саженья в двухстах позади следовала пешком остальная шайка.

Перро выпрямился во весь рост на белом от снега утесе и зычным голосом окликнул:

— Эй ты, там!.. Слушай!

Сани продолжали двигаться.

— Стой, говорю! — снова произнес великан-траппер.

Атаман по-прежнему был неподвижен, точно мраморная статуя.

Канадец опустил ружье, из которого уже совсем было готовился выстрелить, и сказал:

— Он не шевелится. Чего доброго, он мертв!..

Наконец, увидав людей, олени остановились. Атаман и тут не пошевелился.

Зажав в руке револьвер, Жюльен подошел к саням, дотронулся до разбойника и с удивлением отскочил назад.

На него смотрели остановившиеся глаза атамана. На губах застыла кровь. Лицо было жестко, как камень. От пальцев, до которых дотронулся Жюльен своей меховой перчаткой, кожа отставала, точно сваренная.

Подошел Перро, посмотрел на покойника и хладнокровно произнес:

— Замерз. Вольно же ему было снимать шубу.

Увидав своего атамана в плену и не рассчитывая справиться с шестерыми, варнаки пустились без оглядки назад.

Труп атамана зарыли в снег и навалили на него большой камень. После этого все шестеро отправились к покинутым саням, достали оттуда съестные припасы с «Веги» и принялись утолять голод, вспоминая добром радушие профессора Норденшильда.

— Господа,— сказал Жак, обмакивая сухарь в стакан горя-

чего чая, — подробности отложим до следующего раза, а теперь, я полагаю, нам бы следовало поспешить поскорее на Аляску. Здесь мы все еще в Сибири, а на американском берегу наше самолюбие будет тешить тот факт, что мы завершили первую часть нашего пути из Парижа в Бразилию.

Часть вторая

ОТ АЛЯСКИ ДО ПАНАМЫ

Глава I

Форт Нулато. — Борьба зимы с весною. — Жак Арно желает идти по льду. — Разлив реки Юкон. — Утонувшие сани. — Жак убеждается в существовании во французском языке слова «невозможно». — Аляска и американская компания торговли мехом. — Фактория. — Гостеприимство капитана. — На одинаковой широте неодинаковая температура. — Воздушный шар капитана Андерсона. — Воспоминание о том, что было. — Жак оказывается изобретателем. — Монгольфьер. — Первые опыты. — Неожиданный полет.

— Ну что, господа, не прав ли я был, когда еще в прошлом месяце говорил, что вам не удастся выехать ни завтра, ни через неделю, ни через две?

— Правы, капитан, совершенно правы.

— И помните, что я еще сказал? «Вы пробудете в форте Нулато до половины весны».

— Увы!..

— Как? Неужели вам здесь так скучно? Неужели вы все еще рветесь в дорогу? Но ведь подумайте: даже сами здешние жители не решаются выходить в это время из своих домов.

— Вы не так поняли восклицание моего друга, — вмешался третий собеседник. — Живя здесь, нам совершенно не на что пожаловаться. Ваше радушие выше всяких похвал, комнаты отведены нам прекрасные, стол отличный, а уж мистрисс Андерсон мы не знаем как и благодарить.

— Вообще мы вам бесконечно благодарны и от души, и от желудка, — прибавил еще один собеседник, четвертый.

— И все-таки вам ужасно хочется в путь, несмотря на погоду, в которую, как говорится, добрый хозяин собаки из дому не выгонит.

— Но ведь это отчего? Оттого, что мы здесь сидим и ничего не делаем, а до Бразилии далеко.

— Прекрасно, но чем же я-то виноват, если погода ни-

куда не годится и дождик льет, как во время потопа?

— Вот что, капитан: скажите, пожалуйста, неужели так-таки и нет никакой возможности переехать в санях через эту проклятую реку?

— Monsieur Арно, ваши соотечественники любят повторять фразу, что во французском языке нет слова «нельзя», «невозможно». Но дело в том, что человек, составивший эту поговорку, вероятно, никогда не бывал под 155°30' западной долготы и 64°42' северной широты, то есть у ворот форта Нулато, на правом берегу реки Юкон, и вдобавок еще в то время, когда преждевременная и дружная весна находится в разгаре своего спора с необыкновенно суровой зимой. Вы как думаете, monsieur Лопатин?

— Я с вами совершенно согласен, капитан, и тоже боюсь, что всякая попытка будет неудачна,— отвечал тот самый собеседник, который делал поправку к печальному восклицанию Жака «Увы!»

— И не только неудачна, а даже, может быть, и гибельна,— заметил Жюльен де Кленэ, то есть четвертый собеседник, благодаривший «от души и желудка» гостеприимного хозяина.— Ну, милый Жак,— продолжал он,— не будь же капризным ребенком, который сердится, что ему не дают поиграть луной в ведре. Со стихией ничего не поделаешь. У ней есть много способов смирять непокорных: ураганы, бури, метели и не знаю еще что.

— Но ведь сегодня, право же, не холодно: после дождя пошел снег, и ртуть поднялась выше нуля.

— Вот это-то повышение температуры и опаснее всего. Ведь так, капитан?

— Так, monsieur де Кленэ. С минуты на минуту нужно ожидать оттепели и разлива реки. Слышите, какой ужасный треск раздается по временам? Это лед ломается.

— Оттепель! Разлив! — вскричал Жак.— Да что вы!.. Значит, Юкон скоро освободится ото льда, а я все еще здесь!

— И слава Богу, что все мы здесь, а не где-нибудь под дождем...

— Вам-то хорошо говорить, а я...

— Что ж вы? Чем вам здесь плохо? — спросил капитан.

— Да, в самом деле,— поддержал капитана Жюльен.— Отчего тебе здесь хуже, чем нам, Жак? Или ты из другого теста сделан? Особенно важный господин?

— Совсем не в этом дело, а просто я хочу выбраться отсюда.

— Домой в форт? Отлично. Нам тоже пора идти.

— Вовсе не в форт... Я хочу переправиться на другой берег реки.

— Да ведь тебе уже сказано, что это невозможно.

— Несчастный! Чего же ты хочешь? Дождаться, что ли, следующей зимы, когда река опять замерзнет? Нет, благодарствую. Я уже здесь досыта насиделся. А ехать по реке две тысячи метров...

— Две тысячи восемьсот,— поправил капитан.

— Я не поеду водой. Я путешествую посуху. Ты обещал, что не будет плавания. Изволь держать свое слово.

Треск льда стал настолько силен, что ответа Жюльена нельзя было расслышать. Точно пятьдесят пушек непрерывно стреляли, сопровождаемые частой ружейной пальбой.

— Капитан,— сказал Жак, воспользовавшись минутным затишьем,— дайте мне, пожалуйста, сани и немного провизии.

— Зачем вам?

— Покуда еще есть время, я на собственный страх и риск переправлюсь через реку по льду и буду ждать на другом берегу конца разлива.

— Нет, сударь, этого я не сделаю,— коротко отрезал капитан.— Я не желаю обременять свою совесть вашей гибелью.

— Ну, хорошо; в таком случае я пойду через реку пешком.

— А мы вас не пустим силой.

— Увидим... Взгляните-ка, взгляните, пожалуйста! — вдруг воскликнул Жак с искренним торжеством. — Вот какие-то два человека, даже и не французы, доказывают вам наглядно, что невозможного не существует.

Действительно, на реке показалась запряженная двенадцатью собаками легкая нарта, в которой двое неизвестных пытались переехать через реку.

Они были еще в пятистах метрах от берега, на котором стояли европейцы, и всеми силами погоняли собак, которые, чуя опасность, и сами добросовестно старались поскорее вытащить сани.

— Несчастные! — прошептал капитан.

— Да, я им не завидую,— сказал Жак,— но только потому, что они едут с берега, на который мне бы страстно хотелось попасть.

— Они обречены.

— Ничего подобного! Через четверть часа они будут здесь, еще через пять минут я подойду к ним, а самое большее через полчаса они перевезут меня на другой берег.

Однако надеждам Жака не суждено было сбыться.

Вследствие быстрого повышения температуры конфигурация льда на реке сильно изменилась.

Юкон уже давно делал усилия сбросить ледяной панцирь, который вздулся на середине, образуя опасные покаты с края. Вода снизу напирала все больше и больше.

Вдруг раздался страшнейший грохот, точно залп артиллерии. По ледяной коре побежали во все стороны широкие трещины, перекрещиваясь, перепутываясь между собой, и вода хлынула через них неудержимыми потоками.

Сани в это время находились на самом краю огромной, внезапно образовавшейся трещины. Вдруг та часть льдины, на которой они стояли, оторвалась от общей массы и почти отвесно стала погружаться в воду.

Люди, экипаж, собаки исчезли под водой на глазах у потрясенных европейцев, безмолвных свидетелей страшной сцены.

— Ну что, *monsieur* Арно,— нарушил наконец тягостное молчание капитан,— излечились вы теперь от вашего упрямства? Подействовал ли на вас этот страшный урок?

— Действительно, страшный,— отвечал Жак,— я сдаюсь, я отказываюсь от борьбы с неумолимой стихией.

— Вы, значит, согласны теперь, что переезжать реку нельзя?

— Увы! — произнес опять Жак тем же тоном, как и прежде.

— Ну-с, так пойдемте-ка домой в форт,— продолжал капитан.— Это самое лучшее, что мы можем сделать. За стаканом горячего грога мы поищем компромиссный вариант между вашим неприятием водного пути и желанием непременно ехать.

Полчаса спустя после этого трагического события, имевшего для Жака весьма важные последствия, капитан Андерсон и его гости уютно сидели за большим столом в зале комендантского дома. Сняв эскимосские шубы и оставшись в удобных суконных костюмах, все четверо с наслаждением тянули из стаканов вкусный грог, но воспоминание о гибели нарты с пассажирами не выходило у них из головы.

Фактория, или форт Нулато, находится на расстоянии 200 верст с небольшим от залива Нортон, в бассейне Берингова моря, на берегу реки Юкон, где эта река делает решительный крутой поворот с северо-востока на юг. Форт принадлежит той территории Северной Америки, которая в 1867 году куплена у России Соединенными Штатами и известна теперь под названием Аляски.

Богатства края, состоящие преимущественно из дорогостоящих мехов, эксплуатируются с широким размахом «Товариществом американской пушной торговли», которое, таким образом, является серьезным соперником старинной анг-

лийской Компании Гудзонова залива, преследующей точно те же цели.

С туземцами сделки совершаются обыкновенно меновые, как и в Сибири на нижнеколымской ярмарке. Меновой единицей служила прежде бобровая шкура, но теперь бобры стали очень редки и единицей служит шкура бизона. Индеец или вообще какой-нибудь траппер является в факторию с трофеями своей охоты. От агента компании он получает столько деревянных марок, сколько бизоньих шкур он принес; если он доставит какую-нибудь более ценную шкуру, равную, например, по цене двум бизоньим, то получает за каждую две марки, и т. д. На эти марки он тут же, в фактории, имеет право получить в специально для того существующих магазинах компании все нужное для трапперского обихода: порох, топоры, пули, ножи, ружья, одежду.

Форт Нулато, построенный некогда для обороны от туземцев, до сих пор еще сохранил, несмотря на давность постройки и суровый климат, вполне внушительный вид.

Он состоит из крепкого палисада в шесть метров высотой, построенного из толстых, глубоко вбитых в землю бревен, связанных между собой крепкими поперечинами. Палисад имеет форму обширного параллелограмма с четырьмя четырехугольными бастиянами по углам; в них проделаны отверстия для стрельбы; крыша имеет коническую форму. В середине ограды стоит крепкий дом, в котором живет комендант форта и главные агенты товарищества. Дом в два этажа и с виду вполне приличен, хотя в окнах вместо стекол вставлены крепко натянутые тюленьи пузыри.

Остальную часть двора занимают постройки, в которых помещаются склады мехового товара и предметов для менового торга, жилой дом для низших служащих, пороховой магазин и небольшая часовня, в которой за неимением пастора капитан Андерсон сам читает по воскресеньям Библию для живущих в фактории.

Когда все жители в сборе, что бывает очень редко, население форта Нулато состоит из пятидесяти мужчин, сорока женщин и двадцати пяти детей.

Это все народ рабочий: артельщики при складах, кузнецы, плотники, охотники. Происхождения самого разнообразного: американцы, англичане, канадцы, метисы; но все живут между собой дружно, объединенные великодушием и твердостью капитана Андерсона.

Хотя мистер Андерсон и носит воинственное звание капитана, тем не менее статуса и полномочий коменданта крепости он не имеет.

У него под командой нет ни одного солдата. Все охотники, все служащие в фактории в минуты первой же опасности готовы превратиться в бойцов, но в обыкновенное время они простые, скромные труженики.

Еще в то время, когда территория Аляска принадлежала России и Компания Гудзонова залива брала у казны на откуп местную меховую торговлю, управляющие факториями величались обыкновенно капитанами, а фактории — фортами. Это название сохранилось по старой памяти до сих пор, даже после того, как территория перешла во владение Америки. Такова сила традиции, сила привычки. Впрочем, капитаном зовут Андерсона, так сказать, неофициально его подчиненные и индейцы; официальное же его звание главноуполномоченный. Итак, наш *chief-factor*, или, если хотите, капитан Андерсон, сидел у себя в зале в кресле, откинувшись на спинку, вытянув ноги и положив их на решетку камина. Это был добродушный пятидесятилетний мужчина, твердый, хладнокровный и хорошо образованный. Потягивая горячий грог, он старался убедить Жака Арно в том, что проще пересечь Юкон в лодке, нежели подниматься до ее истоков, как непременно того желал неисправимый ненавистник воды.

Лопатин и Жюльен тоже сидели в креслах, но не в позе капитана, а в более учтивой, принятой у европейцев. Покуривая сигары, они с улыбкой слушали спор Жака с капитаном. Их взоры в сотый, быть может, раз безучастно и рассеянно останавливались на американском девизе «*E pluribus unum*», который держал в когтях взлетающий орел. Рядом капитан Андерсон оставил на стене залы, вероятно как реликвию, старинный герб Компании Гудзонова залива. На этом вычурном и довольно безвкусном гербе были изображены: на одной половине на серебряном поле — горностаи, а на другой, на голубом поле — лисица. Под гербом девиз: «*Cutem acutus tollet acuti*».

Жак все жаловался на то, что зима неожиданно проходит и наступает непрошенная весна.

— Просто ужасно! — говорил он. — Я рассчитывал, что здесь зима протянется до июня, а между тем оттепель наступила еще в апреле... На что это похоже?

— Ваш расчет был совершенно верен относительно сибирского берега, — возражал капитан, — но относительно американского нужна совсем другая мерка.

— Это почему?

---

* Из многих единое (лат.).

— Да потому, что температура здесь совершенно иная, хотя широта та же.

— Вы серьезно говорите? Или, может быть, шутите? Когда мы постучались в вашу гостеприимную дверь, на дворе было тридцать пять градусов мороза. Неужели это, по-вашему, теплее, чем в Сибири?

— Не теплее; я говорю в другом смысле: в том, что наша зима короче сибирской. Да уже одного взгляда на растительность нашего и сибирского берегов достаточно, чтобы сразу уяснить разницу в климате. На американском берегу возле мыса Принца Валлийского в изобилии растет лес, а в Сибири на той же самой широте только мох и лишай.

— Но ведь это странно. Отчего такая разница? Или ваши соотечественники ухитрились поставить какой-нибудь искусственный нагреватель? С них это станется. Чего доброго, они и тундру, пожалуй, разогрели бы, попадись она к ним в руки.

Капитан громко захохотал, сотрясая своим тучным телом кресло.

— Ну нет,— возразил он, насмеявшись от души,— до этого еще не дошло. Правда, мы придумали отапливать дома паром, но менять климат еще не научились. Со временем, конечно, кто знает... Нет, господин Арно, разница в климате тут зависит не от нас, а от самой природы.

— На мою беду! — вздохнул Жак, которого снова кольнуло воспоминание о разлившейся реке.

— И это легко объяснить,— продолжал капитан.— Вы, конечно, знаете, что во всех морях существуют течения, направления которых настолько неизменны, как будто бы они в самом деле заключены в какое-нибудь твердое русло.

— Кое-что слышал, читал. Но все равно: продолжайте.

— Массы воды, нагретые у тропиков, течением относятся с юга на север, проникают в Японское море и далее в Берингово. Для атмосферы они такой же источник тепла, как и ветры.

— Хорошо. Но почему же это тепло не равномерно распределяется между обоими берегами? Что за каприз природы?

— Это происходит оттого, что теплое течение встречает крутые подводные берега Азии и отклоняется к берегам Америки; сверх того холодное полярное течение устремляется в северную воронку Берингова пролива и вследствие вращения земли отклоняется вправо, к берегам Сибири. Так как плотность воды в обоих течениях не одинакова, то воды их не смешиваются, вследствие чего сохраняется разница

температур на обоих берегах. Вот вам и весь секрет необыкновенного явления.

— Благодарю вас, я теперь все отлично понимаю и вижу, что моему горю помочь нельзя. Кажется, я так никогда и не пройду между Сциллой и Харибдой морозов и оттепелей. Но повторяю вам самым решительным образом: водой через Юкон я не поеду ни за что, хотя бы мне пришлось дожидаться здесь следующей зимы или подниматься вверх до истоков реки по берегу, или лететь на воздушном шаре...

— На воздушном шаре? — переспросил капитан.

— Да, на аэростате... Называйте меня, пожалуй, сумасшедшим, если хотите.

— Нет, я вас так не назову, потому что у меня есть для вас кое-что.

— У вас есть воздушный шар?!

— Yes, sir *.

...Читатель помнит, конечно, как наши путешественники спаслись от преследования разбойников благодаря случайной встрече с канадским охотником Жозефом Перро и его братьями. Отпустив якутов домой и щедро наградив их, путешественники в сопровождении трапперов через шесть дней достигли форта Нулато, где нашли радушный прием у управляющего фактории, мистера Андерсона.

Европейцы хотели немедленно продолжать путь на санях до Виктории, главного города Колумбийского округа, но, как на грех, наступили такие ужасные холода с бурями и метелями, что пускаться в дорогу было опасно, и потому капитан Андерсон задержал гостей до наступления более благоприятной погоды.

Лопатину и Жюльену очень пришлось по душе эта неожиданная задержка, но Жак Арно плохо мирился с нею и беспрерывно жаловался на судьбу, опасаясь какого-нибудь еще нового приключения.

И вдруг, к его ужасу, опасения оправдались. После морозов наступило внезапное повышение температуры, полил дождь, началась оттепель.

Мы уже стали свидетелями подвижки льда на многоводной реке Юкон.

Жак совсем был готов прийти в отчаяние. Вдруг его выручил капитан Андерсон, упомянув о воздушном шаре.

Воздушный шар! Здесь, в форте Нулато! — Жак положительно не верил своим ушам.

— Этот шар можно купить? — спросил он.

---

* Да, сэр (англ.).

— Решено, капитан, я покупаю у вас шар

- Можно.
— За сколько?
— Сколько дадите.
— Значит, дело решено. Где он у вас? В хорошем ли он состоянии?
— Вполне. Впрочем, вы можете осмотреть его сами.
— Но где вы раздобыли этот снаряд для плавания по воздуху? — вмешался живо заинтересованный Жюльен.
— Его три года тому назад оставил у меня капитан Роджерс, отправляясь открывать свободный ото льда проход в Ледовитом океане. Как и множество других путешественни-

ков этого рода, капитан Роджерс — увы! — не вернулся назад. Членов экспедиции я снабдил припасами, одеждой и оленями для нарт. Они обещались оплатить расходы по возвращении. Стоимость шара едва покрывает собой сумму всех затрат. Следовательно, он моя неоспоримая собственность.

— Где он у вас хранится?

— В одном из бастаионов. Пойдемте, я вам покажу.

Шар оказался в превосходном состоянии. Он был очень большой и сделан из прочной материи, на которой после тщательного осмотра друзья не нашли ни малейшего повреждения. Чрезвычайно легкая и удобная гондола могла свободно вместить четырех человек. Шелковая сетка казалась прочной, словно сделанная из стальных волокон.

— Решено, капитан,— произнес с веселым видом Жак,— я покупаю у вас шар. Как только наступит хорошая погода, мы немедленно приступим к надуванию его. Нужно выработать газ. У вас, конечно, есть и цинк, и серная кислота.

— By God!..* Роджерс не оставил мне ни того, ни другого.

— Вот тебе раз! — Стало быть, газ взять негде! — с огорчением воскликнул Жак.

— Да, голубчик, тебе действительно не везет,— заметил Жюльен.— Как нельзя ружье зарядить без пороха, так нельзя и аэростат надуть без газа.

— Ты все шутишь, а мне, ей-богу, не до смеха... Послушайте, monsieur Лопатин, неужели нельзя добыть водород как-нибудь иначе?

— Я знаю способ добывать водород из воды при помощи электричества.

— Где же нам взять электричество? У нас и аппаратов никаких нет

— Ничего не поделаешь, придется оставить и эту мысль,— сказал Жюльен.

Но Жак не хотел сдаваться. Он мрачно стоял, глядя пристально на шар, и, наморщив брови, думал. Вдруг лицо его прояснилось, и он обратился к друзьям с некоторой насмешкой:

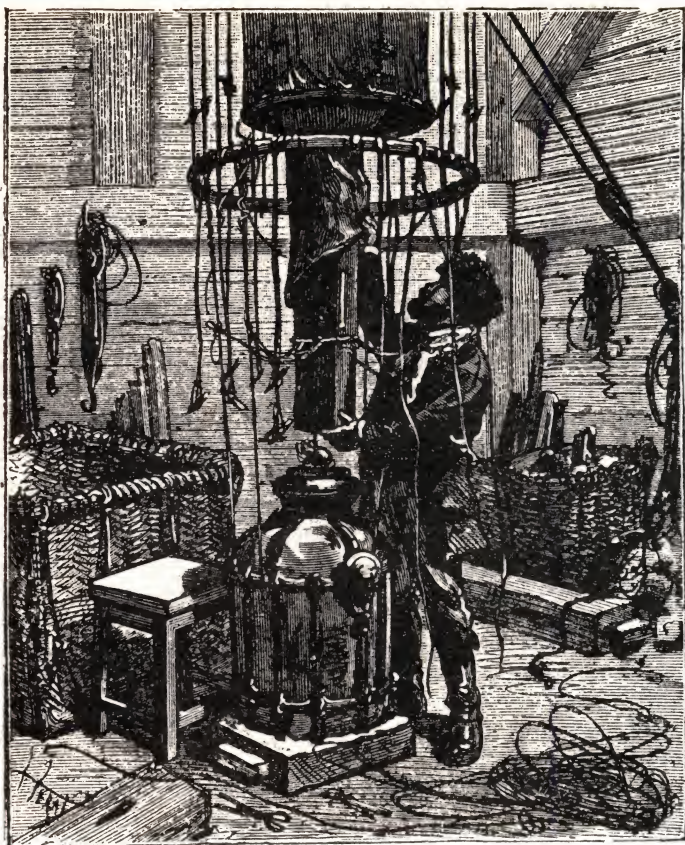
— Так нельзя надуть шар? А? Нельзя, по-вашему?.. Эх вы, ученые!

— Попробуй, надуй сам.

— И надую. Только пусть никто мне не мешает. В первый же ясный день я полечу по воздуху. Капитан, можете вы достать мне следующие вещи: ножницы, несколько аршин

---

* О, боже! (англ.).

— Ты додумался сделать монгольфьер!..

медной проволоки, тюленью кишку, бутылъ с двадцатью фунтами масла, железную трубу от переносной печи и железный или деревянный обруч?

— Могу.

— Так вот, пожалуйста... Жюльен, можно покупать шар...

На следующий день дождь перестал, проглянуло солнце. Наступила хорошая погода.

Жак, получив желаемые вещи от капитана, заперся в бастионе, где на потолке, точно люстра, висел аэростат, и принялся за свою таинственную работу.

Он вырезал в нижней части шара круг и вставил в него

обруч, прикрепив проволокой; к обручу он подвесил бутылку с маслом, в которую пропустил фитиль, зажег его, прикрыв пламя железной трубой, как ламповым стеклом; верхний конец трубы он вставил в кишку, которая, будучи прикреплена к обручу, соединялась с шаром.

Сделав все это, Жак позвал друзей полюбоваться его трудами.

Те вошли и остановились в изумлении.

— Ты додумался сделать монгольфьер! * Наполняешь шар нагретым воздухом! Только подумай: труба может накалиться и шар сгорит.

— Не сгорит. Труба достаточно изолирована от материи, из которой сделан шар.

— Но лампа, наконец, может потухнуть, когда не будет притока свежего воздуха.

— Я проделал в трубе отверстие внизу, смотри сам. Помоги мне вынести шар на воздух, испытаем его.

Шар вынесли из бастиона. Он стал заметно надуваться.

Жака горячо поздравляли с удачной выдумкой.

— Да ты у нас просто гений! — кричал Жюльен, весело улыбаясь.

Изобретатель занял место в гондоле. Шар, надуваясь все больше и больше, поднялся уже фута на два от земли.

— Ничего, на нем можно перелететь через Юкон, — сказал капитан. — Это вполне безопасно... Да вот что: я думаю, шар достаточно силен, чтобы поднять двух. Мне ужасно вдруг захотелось с вами. Вы позволите?

— О, пожалуйста.

Капитан Андерсон вошел в гондолу. Он был человек дородный, тучный, и шар тотчас опустился на землю. Пришлось прибавить огня в лампе. С новым притоком нагретого воздуха шар поднялся опять на прежнюю высоту.

— Чудесно! — кричал снизу Жюльен. — Замечательный корабль! Как мы его назовем?

— «Аляска», — подсказал Лопатин.

— Прекрасно! — подхватили остальные. — Ура, «Аляска»!.. Вот и окрестили... Надо теперь спрыснуть крестины — и в путь.

— Первый опыт удался, — сказал капитан Андерсон. — Пока довольно. Пойдемте в дом и чокнемся перед отъездом.

С этими словами он выпрыгнул из гондолы на землю. Жак хотел сделать то же, как вдруг... Все присутствующие разом вскрикнули. Шар, избавившись от тяжести грузного

---

* Воздушный шар, наполненный нагретым воздухом.

капитана, моментально взмыл вверх, как подброшенный резиновый мячик. Веревка выскользнула из рук ничего не ожидавшего служителя, приставленного ее держать, и быстро провизжала по блоку.

Через несколько секунд Жак был уже на высоте тысячи метров от земли, а зрители стояли, задрав головы, раскинув руки и разинув рты.

Глава II

Жители Аляски.— О том, как разрыв трансатлантического кабеля благоприятно повлиял на географическое изучение бывшей Русской Америки.— Река Юкон.— Перипетии воздушного путешествия.— Жак Арно как новичок воздухоплавания.— Морская болезнь на высоте 1500 метров над уровнем океана.— Невозможность спуститься на землю.— Сон заменяет еду.— Неприятное пробуждение.— «Где я»?— Краснокожие.— Первая и вместе неудачная попытка.— Снова холод.— Что бы ему подождать! — Бегство и болезнь луны.— Через Аляску.— Остановка.— Два выстрела.— Тревога канадца.— «Братишка» в опасности.— На поляне.— Вокруг дерева.— Охотник, превратившийся в дичь.

Берега Аляски, то есть бывшей Русской Америки, неоднократно изучались русскими офицерами флота. Ранее других их исследовали Лаперуз, капитан Кук и Ванкувер; позднее их посетил капитан Мак-Клюр, предпринявший экспедицию по розыску сэра Джона Франклина, а в сравнительно недавнее время — француз Пинар, основательно их исколесивший.

Но до 1865 года никто из путешественников, за исключением русского офицера Загоскина, не проникал в глубь страны. Заходили туда лишь торговцы мехами и агенты Гудзонбайской компании, но ни те, ни другие не считали нужным делиться с широкой публикой добываемыми сведениями об этой интересной земле.

Географические сведения о целой огромной территории ограничивались знанием ее границ и приблизительного пространства, достигающего 1 500 000 квадратных верст. Эти границы суть: на севере — Ледовитый океан, на западе — Берингово море с одноименным проливом, на юге — Великий, или Тихий океан, на востоке — Английская Америка.

Кроме того, из текста документов о продаже Россией своих владений Соединенным Штатам следует, что к ним причисляются: Диомедовы острова, остров Св. Лаврентия, острова Прибылова, Алеутские, идущие полукруглой цепью от полуострова Аляски до Камчатки, остров Кадьяк, Ситха, остров Адмиралтейства, архипелаг Короля Георга, архипелаг Принца Валлийского.

Сведения об Аляске пополнились совершенно случайно благодаря двукратной неудаче, постигшей попытку соединить Америку с Европой подводным телеграфным кабелем. Когда он порвался во второй раз, американская компания придумала соединить Старый свет с Новым обыкновенной надземной телеграфной сетью, и с этой целью были предприняты изыскания, обогатившие географию новыми данными об Аляске.

Хотя практического результата эти изыскания не имели, потому что в 1866 году подводный кабель удалось наконец уложить и надземный телеграф не понадобился, но тем не менее данные, добытые Фредериком Винтером, которому были поручены эти изыскания, открыли возможность считать Аляску в числе исследованных стран.

Явилась возможность уточнить направление течения реки Юкон, до того времени изображавшееся на чертежах совершенно ошибочно. Даже устье этой великой реки, которая превосходит Ориноко и почти равна Миссисипи, обозначалось неточно: его помещали на семь градусов севернее и на три градуса западнее, чем нужно. Ошибка, как видит читатель, весьма значительная.

А между тем эта река справедливо может считаться одной из величайших рек мира. В двухстах верстах от устья она имеет три версты в ширину, а в самом устье еще шире и образует громадные лагуны, усеянные бесчисленным множеством островов.

Длина Юкона не менее поразительна. Члены телеграфной комиссии, исследовавшей Аляску, поднимались вверх по реке на шестьсот пятьдесят французских миль, то есть на всю длину такой реки, как Ориноко, и все-таки не дошли шестисот верст до истоков. Что касается притоков Юкона, то каждый из них считался бы в Европе большой рекой.

При взгляде на этого великана, омывающего громадную территорию, в которой могли бы поместиться целые царства, вполне понятной делается наивная гордость прибрежных туземцев. Индейцы, населяющие бассейн Юкона, всегда говорят о себе с большим чувством собственного достоинства: «Мы не дикари, мы индейцы с берегов Юкона».

Население Аляски насчитывает 75 тысяч туземцев и 3 тысячи белых. Туземцы принадлежат к краснокожему, эскимосскому и чукчинскому типам*. Из них самые способные

---

* То есть коренному американскому типу и особой арктической разновидности монголоидной расы.

и развитые, но зато и самые беспокойные — бесспорно, индейцы.

Но вернемся к нашему наследнику бразильской гасиенды Жаккари-Мирим, плывущему на монгольфьере получать свое богатое наследство.

Всякий знает, что нет ничего проще, чем вывести из равновесия надутый воздушный шар: стоит только хоть на малую толику облегчить его. Случается, что шар, прочно удерживаемый на земле малейшим избытком веса, вдруг поднимается в воздух при уменьшении балласта на каких-нибудь два-три фунта.

Понятно, с какой быстротой взлетел на воздух Жак Арно, когда его монгольфьер освободился от груза семипудового капитана Андерсона.

Скорость подъема увеличилась еще вследствие большой разницы между плотностью теплого воздуха в монгольфьере и окружающей среды, температура которой не превышала трех градусов тепла. Соединение этих двух причин привело к тому, что наш путешественник почти в одно мгновение поднялся на полторы тысячи метров над уровнем моря.

Озадаченный неожиданным полетом, слыша еще в ушах крики ужаса, доносившиеся снизу, несясь над землей на головокружительной высоте, бедный Жак Арно растерянно присел в своей корзине и долго не мог опомниться и прийти в себя.

Положение было для него совершенно непривычное. До этого времени он ни разу не летал на воздушном шаре, и вдруг такой неожиданный сюрприз.

Он не знал, что ему делать, что предпринять. Более того, он не знал, что и думать.

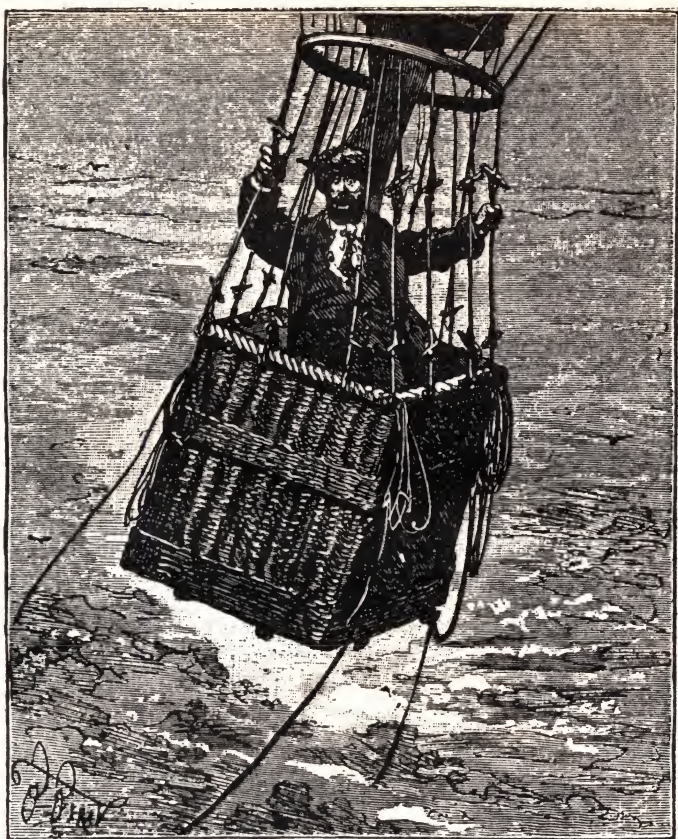
Подъем произошел настолько внезапно, что произвел эффект падения вниз, вызвав страшное сотрясение, так что Жак инстинктивно ухватился за корзинку.

Между тем шар стал подниматься все медленнее и медленнее и наконец пришел в равновесие.

Но Жак не мог определить, закончен ли подъем. Для этого нужно было иметь под руками барометр, а он отсутствовал. Да и вообще его гондола ничем не была снабжена для воздушного путешествия: не было ни балласта, ни провизии. Жак даже не знал, правильно ли действует клапан, устроенный в верхней части монгольфьера. Из необходимых инструментов оказался налицо только маленький стальной четырехлопастный якорь, по счастью, привешенный снаружи гондолы вместе с канатом.

Даже для опытного воздухоплователя подобное положение

Он просунул голову через веревочки

было бы весьма затруднительным, а для такого новичка в этом деле, как Жак, и вовсе опасным.

Понемногу, однако, он пришел в себя, и к нему вернулась способность соображать.

Он просунул голову через шелковые веревочки, соединявшие гондолу с сеткой, и с удивлением, но довольно спокойно осмотрелся кругом.

— Э! — произнес он. — Да я все еще лечу! Шар перемещается боком и довольно быстро. Почти как поезд на железной дороге. А между тем странно: я не чувствую ветра. Отчего это?.. Предметы на земле быстро бегут подо

мною. Вот эта крошечная хижинка, затерявшаяся в лесу, — этот форт Нулато. Каким он кажется маленьким!.. А эта серебряная лента, причудливо извивающаяся, — это Юкон, величайшая река Аляски... Для меня это не Юкон, а Рубикон... только как странно я перехожу через него. Цезарю такой способ был неизвестен... Однако, черт возьми, шар несется все быстрее и быстрее. Этак я, пожалуй, и невесту куда улечу. Оно бы недурно, если бы со мной были Жюльен и Лопатин. Как жаль, право, что их нет... Вот, я думаю, индейцы-то здешние дивятся, видя мой шар. Что они думают обо мне?.. Впрочем, пора подумать и об остановке. Не довольно ли лететь? Я думаю, что довольно. Высмотрю местечко, где удобнее спуститься на землю, открою клапан и выпущу теплый воздух.

С этими словами Жак развернул канат якоря и спустил его вниз, затем потянул бечевку от клапана.

Монгольфьер начал медленно опускаться, и Жак с удовлетворением наблюдал, как на земле постепенно увеличивались предметы, видимые им сверху.

Но вскоре его радость сменилась крайним изумлением. Жак заметил, что по мере снижения шар неся все быстрее в боковом направлении.

Деревья, холмы, ручьи, долины мелькали словно за окном вагона курьерского поезда.

Жак долго всматривался в картинки земли, как вдруг почувствовал некоторый дискомфорт. Сначала появилось легкое головокружение, затем оно усилилось, и, наконец, бедный воздухоплаватель с ужасом убедился, что его начинает тошнить.

Голову как будто сжимали тиски, в висках стучало, на лбу выступил холодный пот.

Он сейчас же вспомнил симптомы перенесенной им дважды морской болезни.

— Черт побери! — вскричал он. — Нашла-таки она меня, проклятая, и где же? В воздухе!.. Стоило после этого лететь!.. Лучше бы уж дожидаться окончательной оттепели и переплыть через Юкон в лодке. Это было бы и быстрее, и безопаснее. Проклятый шар! Как он быстро летит. Это значит, что на земле сильный ветер: надо подняться вверх и подождать, когда он уймется. Только бы у меня достало масла на это время...

Жак опять закрыл клапан, и монгольфьер поднялся на прежнюю высоту, но продолжал лететь боком еще быстрее, потому что попал в воздушное течение.

Впрочем, у Жака было теперь то преимущество, что,

Несколько краснокожих тянули шар вниз

не видя перед глазами мелькающих предметов, он перестал ощущать тошноту.

Зато на него напало какое-то тяжелое оцепенение. Во всем теле он чувствовал свинцовую тяжесть.

Желудок его уже давно просил пищи. Но где же было ее взять? Утешая себя пословицей: «Сон заменяет обед», Жак плотнее укутался в шубу и, весь съевшись в своей корзинке, уткнулся носом в колени и заснул.

От сна, который, по всей вероятности, продолжался довольно долго, его пробудил внезапный, сильный толчок и яростные, дикие крики, раздавшиеся внизу под гондолой.

Жак в испуге открыл глаза и увидел, что его монгольфьер наполовину съезжился. Лампа потухла и перестала нагревать воздух.

Затем, бегло осмотревшись вокруг, Жак заметил цепь высоких гор, снежные вершины которых отливали пурпуром в лучах заходящего солнца.

Шар быстро спускался на землю. Внизу виднелись темно-зеленые верхушки сосен, над которыми во многих местах медленно взвивались черные дымы костров.

По мере приземления крики становились все слышнее.

Жак высунулся из гондолы и невольно отпрянул в ужасе.

Несколько краснокожих индейцев ухватились за якорный канат и, повиснув на нем, изо всех сил тянули шар вниз, между тем как кругом бесновалась, орала и плясала целая орда дикарей, потрясая луками, томагавками и даже ружьями.

— Индейцы! — прошептал несчастный воздухоплаватель. — Индейцы! Но где же это я в самом деле? Куда залетел? Неужели эта громадная цепь — Аляскинские горы? Но ведь это значит, что я удалился на двести верст от форта Нулато... О, мои друзья!.. Увижусь ли я когда-нибудь с вами?

Возвратимся тем временем в форт Нулато и посмотрим, что делалось там после неожиданного исчезновения Жака.

Друзьям воздухоплавателя, разумеется, страстно хотелось броситься вслед на его поиски, но, несмотря на всю их тревогу и беспокойство, они ничего не могли предпринять: ледоход на Юконе являлся неустранимой преградой.

Жюльен и Лопатин все-таки сделали было безумную попытку преодолеть реку, покрытую плывущими льдинами, и окончательно убедились в том, что плыть по реке не было ни малейшей возможности.

Возобновлять подобную попытку ранее окончания ледохода было бы безумием, равнозначным самоубийству.

Пребывая все время в смертельной тревоге за Жака, друзья хранили сумрачное молчание, тая в себе свои опасения; только один капитан Андерсон не умолкал и то и дело бранил себя за «глупую», как он говорил, неосторожность.

Он ругал себя и за то, что влез в эту воздушную гондолу, и за то, что вовремя не вылез из нее; упрекал себя за то, что надоумил Жака воспользоваться шаром, и за то, что помог превратить его в монгольфьер; вместе с собой он посылал к черту и все вместе взятые воздушные шары, и всех тех, кто их выдумал.

Под конец он даже поставил себе в вину свою тучность и грузность.

В другое время Жюльен и Лопатин рассмеялись бы, но теперь им было не до смеха. Что-то теперь делает их Жак, летящий на столь ненадежном монгольфьере?

В течение дня они несколько раз выходили в сопровождении капитана к воротам форта и смотрели на бушующую реку. Но дело укрощения ее несколько не подвигалось от этого вперед.

Однажды, когда они стояли так втроем в мрачном молчании, к ним подошел старший из братьев Перро, тех самых братьев-охотников, которые помогли нашим путешественникам избежать нападения разбойников и проводили их в Нулато. Перро служили в фактории под началом капитана Андерсона.

— Капитан,— сказал великан траппер,— не унывайте. И вы также, господа.

— А что, разве вы что-нибудь придумали, Перро? — спросил Жюльен, в душе которого мелькнул луч надежды.

— Ничего не придумал, земляк, я хочу только заметить, что это еще не настоящая оттепель.

— Как не настоящая?

— Прошу вас, не мешайте, дайте мне досказать. Дело в том, что ветер, дувший все это время с запада, теперь переменялся и стал северным. Этим ветром вашего бедного друга, вероятно, унесло в Английскую Америку. И, кроме того, заметно похолодало. Я уверен, что к ночи будет мороз, а следовательно к завтрашнему утру Юкон опять покроется крепким льдом.

— Неужели? Вы в самом деле так думаете?

— Совершенно уверен в этом, чтоб мне помереть. Только уж вы не мешкайте. Готовьтесь скорее в путь. Да вот еще что: попросите капитана, чтобы он позволил мне и моим братьям, Жофруа и Андрэ, сопровождать вас. Мы люди сильные и не трусы, будем вам полезны.

— Перро,— сказал капитан, тронутый этой бесхитростной готовностью охотника помочь ближнему,— вы молодец, и ваши братья также; вы все трое славные люди. Поступайте как хотите. Я предоставляю вам полную свободу действий.

— Спасибо, капитан...

— А от нас примите сердечное спасибо,— проговорил Жюльен, пожимая руку охотника.— Я с удовольствием принимаю от вас услугу как от честного, хорошего человека и как от земляка, француза.

Предсказание траппера сбылось в точности. За ночь температура вдруг упала до 15° ниже нуля; ледоход разом прекратился; треск льда смолк; когда взошло солнце, жители снова увидали Юкон под крепкою ледяною корою. При таких условиях переезд через реку не представлял уже ни малейшего затруднения.

Достали трое саней, в каждые запрягли по дюжине собак, взяли достаточный запас провизии, оружия и зарядов и впятером тронулись в путь, дружески простившись с капитаном Андерсоном.

В передних санях ехал один Жозеф Перро в качестве проводника. В следующих сидел Жюльен с Жофруа Перро, а в последних Лопатин с Андрэ.

Канадцы гикнули на собак, и нарты быстро помчались по льду Юкона.

— Что бы Жаку подождать четыре часа! — с огорчением думал Жюльен, вспоминая бесполезный полет друга на шаре.

Это происходило 30 апреля. Вследствие ранней оттепели верхний слой снега растаял, а когда вслед за тем подморозило, то сделалась гололедица, и потому дорога для саней стала гладкой и легкой. Собаки весело и быстро бежали вперед, подгоняемые трапперами.

Канадец держался направления, принятого аэростатом Жака, и дорогой беспрестанно расспрашивал встречных индейцев, не попадался ли им летящий шар.

Индейцы народ зоркий. Они, действительно, видели большой желтоватый шар, носившийся по воздуху. По их мнению, это была луна, бежавшая по небу среди белого дня. Только она, бедняжка, должно быть, была больна: цвет ее был землистый, без блеска. Кроме того, она была несколько больше своего обыкновенного размера, распухла как будто.

Так говорили Жозефу индейцы, объясняясь с ним на каком-то фантастическом языке, представлявшим собой смесь французского, английского и местных наречий.

Со своей стороны, со слов траппера индейцы пришли к заключению, что луна действительно сбежала и что белый охотник гонится за ней, чтобы ее поймать и возвратить на место.

Хитрый траппер не стал их разуверять. Он полагал, что если этот слух распространится среди индейцев, то в крайнем случае Жаку Арно можно будет воспользоваться привилегированным положением рыцаря сбежавшей планеты.

Между местным населением всякий слух распространяется необыкновенно быстро. Не успеет, например, в Нортонскую

бухту прибыть корабль, как об этом уже известно всем индейцам на огромном расстоянии от бухты. Или выбросит буря кита на берег — сейчас же эта новость облетает весь край с быстротой молнии, и целые толпы сбегаются к чудовищу урвать хоть кусочек от его громадной туши.

То же было и в данном случае. Всюду, куда ни приезжала наша экспедиция, о цели ее прибытия, оказывалось, знали уже заранее.

Расспрашивать о луне не приходилось. Всякий сам, перебивая, спешил сообщить все, что знал или что слышал о беглянке.

Благодаря всему этому наши путешественники не сбивались с правильного направления и ехали тем путем, по которому до них пронеслась сбежавшая луна.

Они надеялись скоро догнать Жака, ибо не представляли истинного расстояния, которое он успел пролететь.

Но вот уже собаки начали утомляться. Перро предложил сделать стоянку, чтобы покормить их. Промыслить для животных пищу было не трудно: стоило только поохотиться за дичью, которой кругом водилось более чем достаточно.

— Поищем лося,— сказал Перро.— Их здесь просто гибель. А как только покормим собак, и они отдохнут немного, сейчас же тронемся в дальнейший путь.

Но Жюльену и Лопатину не хотелось останавливаться. Они полагали, что, проехав еще немного, они догонят шар. Об этом они и заявили Перро.

— Нет,— возразил тот,— это невозможно. Собаки слишком утомились. Да, наконец, стоянка не будет долгой. Лося мы найдем сейчас же: вон глядите — свежие следы. Андрэ, бери-ка это дело на себя.

— Ладно, братец,— ответил Андрэ.

Он надел лыжи, вскинул ружье и исчез в лесу.

— Через четверть часа,— продолжал Жозеф Перро,— вы услышите выстрел. Мы поедем по тому направлению, откуда он раздастся, и найдем зверя уже на земле, между ухом и рогом у него будет маленькая красная дырочка, на правой или на левой стороне, смотря по тому, с какой стороны подкрался стрелок.

— Не может быть! — удивился Жюльен.

— Уверяю вас. Дело очень простое. Хотя у лося глаза большие, он до крайности близорук. Дальше морды своей почти ничего не видит. Зато слух у него развит в высшей степени: он слышит малейший посторонний шорох в лесу, хотя бы в это время свирепствовал сильнейший ураган. Поэтому к нему довольно трудно подкрасться. Однако Андрэ это сде-

Андрэ бегал вокруг кедра, преследуемый медведем

лает, и причем как всегда хорошо. Никто лучше его не сумеет. В настоящее время произойдет вот что: Андрэ найдет лося лежащим под деревом. Положение неудобное для стрельбы. Но охотник прицелится и в это время намеренно хрустнет веткой. Лось вскочит, чтобы бежать, но будет уже поздно. Выстрел Андрэ прикончит его.

Не успел старший Перро договорить, как где-то в темно-зеленой чаще сосен действительно грянул выстрел.

— Вот и готово! — весело объявил Перро. — Мы выберем для себя лучшие куски, а остальное отдадим собакам.

В это время грянул новый выстрел.

Перро слегка побледнел.

— Братишка мой в опасности, — проговорил он.

— Как так? — торопливо спросил Жюльен.

— Второй выстрел.

— Так что же? Значит, ваш брат первым выстрелом только ранил лося.

— Мой брат никогда не стреляет два раза по одному зверю.

— Ну, так, стало быть, он повалил другого лося.

— Нет, я велел ему застрелить только одного. На что нам двух.

— В таком случае поспешим к вашему брату.

— Я и хотел вам это предложить. Жофруа, оставайся при санях. Вы тоже, сударь, — обратился он к Лопатину. — А вы готовы?.. Так идемте.

Жюльен молча взвел курок винтовки, подаренной ему Норденшильдом, и пустился вслед за канадцем.

Охотник бежал так быстро, что француз едва поспевал за ним.

Они вошли в лес и устремились по следам Андрэ. В несколько минут они пробежали расстояние метров в триста и очутились на довольно обширной лесной поляне.

Тут они увидели страшное зрелище.

— Гром и молния! — вскричал Перро, бросаясь вперед. — Чуть было не опоздали!

Посреди поляны лежал мертвый великолепный лось; около него на снегу расходилась большая лужа крови.

С противоположной стороны вокруг огромного толстого кедра бегал Андрэ, преследуемый чудовищных размеров медведем, рычащим на охотника.

Несмотря на свою громадную величину и неуклюжесть, медведь проворно кружил вокруг дерева, поминутно вскакивая на задние лапы, чтобы броситься на охотника; но, когда тот увертывался, медведь опять опускался на четвереньки и продолжал преследование.

— Grizzly *, — прошептал Перро.

То был, действительно, страшный обитатель североамериканских лесов, гроза всех прочих лесных жителей.

Жюльен невольно вздрогнул, вспомнив, как силен и кровожаден этот зверь, которого не берет даже пуля, и который, будучи ранен, лишь удваивает свою свирепость.

Перро остановился, дожидаясь, когда медведь повернется к нему головой.

Зверь, озлобленно преследуя свою добычу, не обратил

---

* Бурый медведь.

внимания на новых пришельцев, которые к тому же появились позади него.

Андрэ, с ножом в руке, по другую сторону дерева задыхался от быстрого бега.

На несколько секунд человек и зверь как бы замерли в неподвижности. Затем преследование возобновилось.

— Нужно во что бы то ни стало, чтобы медведь повернулся ко мне мордой,— проворчал Перро.— Хотя бы на одну секунду.

— Есть одно средство,— сказал Жюльен.

— Какое?

— Я выстрелю наудачу. Медведь обернется. Ваше дело будет этим воспользоваться.

— А для вас не страшно остаться на время безоружным?

— Конечно, нет.

— В таком случае — стреляйте. Ведь если Андрэ хоть немного оступится, он погиб. Хорошо еще, что наше спасение зависит от моей верной винтовки.

Глава III

Скорость и сила ветра.— Краснокожие и монгольфыер.— Свидание Жака с Белым Бизоном.— Сын Луны.— Приключения пленного человека и воздушного шара.— Наплыв посетителей.— Представление по приказу.— Отказ.— У столба пыток.— Стрела пароянская.— Бегство.— Борьба с медведем.— Неосторожный поступок.— В лесу можно ожидать всего что угодно.— Канадский траппер жалуется на забвение старых традиций.— История одного выстрела, который никого не убил, но повлек за собой смерть многих людей.— Отец Медицины у индейцев-челикотов.— У атнасов.— Опоздали!

Горы, виденные Жаком, были действительно Аляскинские.

Воздушный шар, подхваченный воздушным течением, несся быстро и менее чем в десять часов пролетел около семисот верст.

Такая скорость, быть может, покажется читателю неподобной, но, собственно говоря, в ней нет ничего необыкновенного. В летописях воздухоплавания встречаются примеры и еще более значительной скорости.

Поэтому не удивительно, что наш путешественник удалился в такое короткое время на такое далекое расстояние от форта Нулато.

Можно теперь представить изумление краснокожих индейцев при виде летящего шара и человека в корзинке под ним.

Однако нужно отдать справедливость индейцам: их бес-

страшие никогда не изменяет им, даже в случае неведомой опасности. Все таинственное, конечно, пугает их, как всяких дикарей, но не настолько, чтобы они малодушно обращались в бегство.

Стоит напомнить один факт. Когда открывали тихоокеанскую железную дорогу, то многие индейцы при виде приближавшегося поезда храбро становились на рельсы и с копьем в руке встречали налетевший на них паровоз, не думая об участи, ожидавшей их.

Приглядевшись к шару, который значительно приблизился к земле, индейцы заметили на нем свесившийся вниз канат. Недолго думая, они ухватились за веревку и принялись изо всех сил тащить к себе шар, хотя и считали его принадлежностью сил сверхъестественных.

Судя по его объему, они думали, что шар представляет большую тяжесть и потребуются громадные усилия, чтобы опустить его вниз.

Каково же было их удивление, когда шар оказался необыкновенно легок.

Но удивление перешло в дикий восторг, когда корзинка коснулась земли и летевший в ней оказался живым человеком, из плоти и костей.

Со своей стороны голодный, уставший от неудобной позы в гондоле и еще наполовину сонный Жак являл собой среди ликующих дикарей преуморительную фигуру.

Не зная еще сам, что будет дальше, он вышел из гондолы, выпутался из веревок, которыми она была привязана к сетке, и сделал несколько шагов по земле, разминая отекшие ноги и потягиваясь всем телом.

Когда толпа увидела Жака во весь рост, пляска и крики разом прекратились.

Воцарилась глубокая тишина. Из толпы вышел вождь, которого можно было узнать по длинному плащу из шкуры белого бизона, в который он горделиво драпировался, — и подошел к Жаку, приветствуя его на ломаном английском языке:

— А гу! Здравствуй, мой брат великий вождь!

— Спасибо, вы очень добры, — отвечал Жак, с неменьшим варварством коверкая язык гордых бриттов.

— Мой брат прилетел к нам из страны звезд, где после смерти обитают воины, любимые Великим Духом?

— Ваш брат, господин индеец, просто-напросто прилетел из форта Нулато, который он оставил нынче утром.

— Гу!.. — с удивлением произнес краснокожий воин. — Скоро же летает мой брат. Скорее орла Скалистых гор.

— Здравствуй, мой брат, великий вождь!

— Да еще бы: ветер был такой чертовский, а шар ведь очень легкий.

— Что мой брат называет шаром?

— Да ту машину, которая меня сюда принесла.

— Гу!...— с некоторым даже раздражением воскликнул индеец.— Зачем мой брат смеется надо мною? Или он считает Белого Бизона старой бабой? Или желает скрыть, откуда он прилетел?

— Ну вот что, мой хороший, не сердитесь и говорите толком, что вам надобно?

— Только пусть язык моего белого брата не будет раздвоен.

Пусть он откровенно признается Белому Бизону, что он — сын луны.

— Не может быть! — вскричал Жак, не веря собственным ушам.

— Потом пусть он объяснит нашему племени, отчего луна захворала и стала похожа на пустой мех. Только пусть мой брат отвечает правду, если дорожит своим скальпом.

— Вот тебе раз! — пробурчал себе под нос Жак. — Чего доброго они обвинят меня в похищении спутницы нашей планеты. Однако эти индейцы довольно глупы: отстали на пол-столетия даже от тех, которых изображают Густав Эмар, Купер и Майн Рид. Кажется, они, кроме того, считают меня сыном луны. Ничего, оставляю-ка я их покуда в этом заблуждении во имя моих собственных интересов.

— Слышал ли мой брат, что я ему сказал? — спросил индейский вождь.

— Да, вождь, я слышал. Только тут есть лишние уши. Пусть все молодые люди будут глухи и слепы, а также дети и женщины. Белый Бизон должен один слышать, что скажет ему сын луны. Уф! — вздохнул Жак. — Вывернулся, кажется, ловко.

— Хорошо, — согласился вождь, которому требование Жака об удалении лишнего народа чрезвычайно понравилось, так как это возвышало его в глазах всего племени. — Мой брат будет гостем Белого Бизона.

Жак, в восторге от своей удачной выдумки, пошел за вождем, который привел его в просторную хижину. Когда подали пищу, проголодавшийся воздухоплаватель напустился на нее как волк. Утоливши свой голод, он бросился на постель из звериных шкур, устроенную в углу хижины, и заснул как убитый.

Первое что он увидал утром при своем пробуждении, было лицо Белого Бизона, но до безобразия разрисованное яркими красками. То была военная татуировка индейцев из племени атнасов.

— Пусть мой брат покажет атнасам свое искусство, — потребовал Белый Бизон.

— А... помню... так, так... — спохватился Жак, который уже начал было забывать вчерашнее приключение. — Луна... сын луны... Что же угодно Белому Бизону?

— Луна заснула так крепко, точно умерла. Пусть мой брат оживит ее и даст ей подняться в небо.

— Хорошо, но покуда белый человек будет совершать свои великие приготовления, никто не должен следить за его действиями.

— Как? Даже вождь атнасов? Но ведь белый брат обещал... и Белый Бизон даже военную татуировку себе сделал для этого случая.

— Впоследствии вождь узнает все, но сейчас ему лучше подождать, — отвечал Жак и прибавил про себя: — Однако с этими дикарями можно иметь дело. Они народ стговорчивый и нетребовательный. Поживу-ка у них покуда. Буду забавлять их своим шаром, а потом сюда явятся и мои друзья, которые, наверное, уже напали на мой след.

За ночь Белый Бизон распорядился обнести шар плотною изгородью, чтобы скрыть его от нескромных глаз. Подле были поставлены часовые с приказанием отгонять любопытных.

Подобное распоряжение вождя как нельзя более соответствовало интересам Жака.

Пополнив в бутылки запас масла, наш воздухоплаватель вошел один за загородку, поправил сетку, зажег лампу и приступил к наполнению шара воздухом.

Затем он важно и торжественно вышел из загородки, горделиво окинул взглядом собравшуюся толпу индейцев и жестом подозвал к себе вождя.

— Что, разве мой брат уже приготовил лекарство для луны? — спросил Белый Бизон, сияя от радости.

Жак отвечал поклоном.

— Можно Бизону пройти за загородку, где совершается чудо?

— Глаза вождя могут открыться, — отвечал напыщенным тоном Жак.

В эту минуту раздался громкий, душераздирающий крик, какой умеют исторгать только индейцы.

Жак машинально поднял кверху голову и сейчас же догадался, в чем дело.

Над загородкой, превышая ее на несколько сантиметров, появилось какое-то круглое тело.

— Луна поднимается! — вскричал Белый Бизон, хватая европейца за руку. — Мой белый брат — любимый сын Великого Духа.

«Отлично, — подумал Жак. — Если так пойдет дальше, то я сделаюсь у них, чего доброго, каким-нибудь божеством».

— Пусть Белый Бизон даст мне веревку, — произнес он вслух, как бы не замечая удивления индейца, — и мы войдем с ним в загородку.

Между тем шар наполнялся воздухом чрезвычайно быстро, вследствие того, что внешняя температура была очень низкой.

Жак привязал к якорю принесенную вождем веревку

и другой конец ее крепко обмотал вокруг одного из столбов загородки. Таким образом шар, оставаясь на привязи, поднялся выше, чем на обыкновенную длину якорного каната.

Когда все было готово, Жак сел в корзину и, выбросив балласт, поднялся в воздух.

Невозможно описать восторга дикой толпы, с благоговением взиравшей на «чудо», делавшей предположения одно другого несуразнее и суевернее.

Шар поднялся на столько, на сколько ему позволила привязь. Поревя немного в воздухе, Жак нашел, что любопытство толпы не следует удовлетворять до конца и, открыв клапан, спустился на землю.

— Ну, — сказал он, устроив шар на прежнем месте, за загородкой, — доволен ли теперь Белый Бизон? Убедился ли он в могуществе сына луны?

Индеец ничего не отвечал. Он был поражен и даже как будто немного напуган.

Жак Арно полагал, что дело этим и ограничится, и тревожить его больше не будут. Но он жестоко ошибся.

Вечером в деревню меднолицых нашло множество гостей из соседних племен. Оказалось, что жители всех окрестных селений уже провели, что у атнасов гостит луна с сыном, и теперь отправились воочию убедиться в справедливости слуха.

Жаку пришлось совершить вторичный полет.

На другой день утром пришли еще гости. Жак вынужден был подняться и для них. В тот же день вечером явилось несколько соседних вождей, сахемов. От Жака снова потребовали представления. На этот раз он с раздражением отказал. Белый Бизон долго упрасивал, но француз стоял на своем, повторяя:

— Не могу больше. Устал.

— Хорошо, — холодно отрезал наконец Белый Бизон и отступился от Жака.

Не прошло и пяти минут, как к французу подошли несколько воинов с разрисованными лицами, схватили его и потащили к столбу, стоявшему посередине деревни. Затем, без дальнейших церемоний, Жака крепко привязали к этому столбу ремнями.

Тогда перед пленником как из земли вырос Белый Бизон с луком в руках и обратился к нему со словами:

— Знает ли мой белый брат, как называется столб, к которому его привязали?

— Нет, — сердито отрезал Жак.

— Это столб пыток. Мои молодые воины будут упраж-

— Это столб пыток

няться в ловкости на сыне Луны. Стрелы их будут слегка касаться его тела, пули засвистят над его головою, томагавк, ударяясь о дерево, застучит у него над ухом. Этим молодые воины будут забавлять гостей Белого Бизона, которых не хочет потешить сам сын Луны. Если шальная пуля или стрела, по несчастью, заденет бледнолицего человека и убьет его, то Белый Бизон оплачет сына Луны и возьмет его скальп себе на память.

— Что же после этого с вами делать, господин краснокожий! — воскликнул со смехом Жак. — Придется покориться. Извольте, я опять полечу, раз уж вы такие все ненасыт-

Арно выбросил часть балласта и исчез с глаз толпы

ные... Только посмотрим, на чьей улице будет праздник,— многозначительно прибавил он про себя.

На другой день собралось еще больше народа. Наплыв зрителей был громадный. От Жака опять потребовали, чтобы он поднялся на своей луне.

На этот раз он особенно тщательно надул шар, чтобы совершить максимальный подъем, положил в гондолу балласт из песка, вошел в нее и взлетел высоко вверх на глазах у тысячной толпы.

Веревка у якоря натянулась; но на этот раз оказалось, что конец ее не привязан к столбу.

— Белый Бизон! — крикнул Жак, приставляя обе руки воронкой ко рту. — Белый Бизон, слышишь ты меня?

— Слышу, — со смущением отвечал Белый Бизон.

— Белый Бизон, ты осмелился поднять руку на бледнолицего. Твои воины привязали его к столбу пыток. Берегись после этого, Белый Бизон! Лекарство сына Луны действует неотразимо...

И, послав в адрес индейцев эту туманную и совершенно невинную угрозу, Жак Арно выбросил из корзинки часть балласта и исчез с глаз изумленной толпы.

Вернемся теперь опять на лесную поляну, где охотник Андрэ бегаёт вокруг дерева, спасаясь от медведя.

Положение молодого траппера было не из приятных; несмотря на приход Жюльена и старшего Перро, зверь ожесточенно преследовал его.

Жозефу Перро хотелось лишь одного — чтобы медведь повернулся к нему мордой. Мы уже знаем, как решил привлечь к себе внимание зверя Жюльен.

Заручившись одобрением канадца, француз прицелился из своего штуцера и выстрелил в медведя. Пуля попала в круп.

Зверь зарычал и повернулся, Жюльен тем временем успел вновь зарядить ружье.

Свирепая, безобразная морда с оскаленными зубами была обращена теперь прямо к Жюльену и стоявшему рядом с ним Жозефу Перро. Диверсия удалась.

— А, гадина, ты дорого заплатишься за мучения, причиненные моему брату! — сквозь зубы проворчал канадец.

Грянул короткий, резкий выстрел, отрывисто просвистела пуля и ударилась обо что-то твердое.

Медведь приподнялся на задние лапы, а передними судорожно ухатился за голову, словно желая вытащить из нее засевшую пулю.

— Так, — произнес со смехом Жозеф, — служи, Мишка, служи, только за это ты не получишь конфет.

Медведь не в силах был двинуться с места. Постояв с минуту на задних лапах, он покачнулся, захрипел и тяжело рухнул на землю.

Жюльен захлопал в ладоши.

— Браво, друг! — обратился он к трапперу. — Мастерский выстрел.

Андрэ подошел к брату.

— Спасибо, — горячо проговорил он. — Ты спас мне жизнь...

— Очень может быть, друг мой. Надеюсь, однако же, что впредь ты будешь осторожнее, а теперь знай, что ружье надо заряжать тотчас же после выстрела.

И, обращаясь к Жюльену, Жозеф прибавил:

— Видите ли, сударь, я начинаю опасаться, что старые охотничьи традиции окончательно придут в упадок. Во времена моей молодости — мне теперь сорок девять лет — у нас, трапперов, были только ударные ружья. Теперешних, нарезных, с разными хитростями, мы знать не знали. Но это не мешало нам чудесно исполнять свое дело, и уж ни один из нас никогда бы не допустил такой непростительной неосторожности, как этот парень. Сойти с места, не перезарядив ружья! В мое время это было неслыханным делом... Теперь ружья заряжаются с казны, и молодые охотники то и дело попадают впросак. Уж одно то скверно, что теперешний охотник, пользуясь легкостью зарядки ружья, не дорожит выстрелами и не жалеет пускать пули куда попало. Он целится небрежно, торопится, теряет хладнокровие, предпочитает три плохих выстрела одному хорошему... Да вот вам пример. Прежде бобров всегда убивали выстрелом в голову. Причем обыкновенно целились в глаз, чтобы не портить шкуру. А теперь что? Я видел в Нулато бобров, простреленных насквозь поперек тела. С каждой стороны на шкуре оказывалось по большой дыре величиной в палец. Ведь это варварство, как хотите. Да что! Это еще ничего, а многие охотники поступают еще хуже: стреляют бобров крупной дробью, и шкурка бывает вся изрешечена выстрелами.

— Что же, разве это так плохо? — спросил удивленный Лопатин. — Неужели вы сами никогда не употребляете дробь?

Канадец рассмеялся.

— Нет, один раз в жизни и я стрелял дробью, но и то раскаиваюсь. Лучше было бы совсем не стрелять, потому что этот выстрел никого не убил, а между тем причинил зло многим людям.

— Как так? Расскажите, пожалуйста.

— А вот так. Это было возле форта Мумфорда. У меня несколько ночей подряд кто-то крал все, что я настреляю за день. Мне это надоело, и я задумал наказать вора, не нанося ему, впрочем, особенного вреда. Вечером я притаился в засаде, зарядив свое ружье крупной дробью. Вор подкрался и — цап великолепного бобра. Я пригляделся при лунном свете, прицелился и выстрелил. Вор закричал и пустился бежать со всех ног... Все бы хорошо, да дело в том, что этим вором оказался страшный колдун индейского племени чилико-

тов, или как его величали Отец Медицины. Лакомка и лентяй, он никогда сам не охотился, а только крал у других настроенную дичь. За мой выстрел он возненавидел всех белых той кровожадною ненавистью, на какую способен только ди-карь. Благодаря своему влиянию на соплеменников, ему удалось уговорить их и объявить нам войну. Война завязалась кровавая, истребительная. Много индейцев погибло, а остальные, теснимые нашими, вынуждены были отступить на юг. Видите, господа, как опрометчиво я поступил, стреляя дробью. Лучше бы было пустить пулю и убить вора наповал. Но, однако, довольно болтать. Жаркое поспело, закусим хорошень-ко, а завтра чуть свет снова в путь, чтобы поскорее добратъ-ся до деревни племени атнасов на берегу Медной реки.

— Атнасы? Это что же такое за племя?

— Это племя живет по другую сторону гор. Из рассказов встреченных индейцев, которых мне доводилось расспрашивать, я понял, что шар опустился где-то в той стороне.

— Я думаю то же самое,— согласился Жюльен.— Вершины Аляскинских гор, по всей вероятности, отразили воздушное течение, и Жак, попав в более спокойную атмосферу, получил возможность опуститься на землю.

Вскоре наши путешественники действительно получили сведения о Жаке, но сведения неутешительные.

Перевалив на саних через Аляскинские горы, они с риском для жизни спустились в долину и явились к атнасам, которых нашли в смущении и ярости.

Сын луны скрылся так же внезапно, как и явился. На него пришли смотреть жители отдаленнейших местностей, а он отнесся к ним с крайним неуважением и улетел, не удовлетворив их любопытства.

Как ни спешили наши путники, они опоздали на два часа.

Пришлось сейчас же ехать дальше, не зная наверняка, какого направления следует держаться. Индейцы-атнасы либо не хотели, либо не умели объяснить, в какую сторону улетел монгольфьер, уносивший Жака Арно.

Глава IV

Восемь месяцев путешествия.— Над морем.— Страна дождей.— Удивление путешественника в арктической стране при виде европейских домов, карет и джентльменов.— Ситка.— Остров Баранова.— Двадцать долларов нищего.— В гостинице Жак платит за место на корабле, чтобы... не плавать.— На буксире.— Чиликоты узнают о прибытии Перро.— Нападение.— Канадец и Отец медицины.— Перро угрожают.

«3 мая. Делаю эту пометку, а сам думаю: действительно ли сегодня 3 мая? Сколько пришлось пережить за последнее время, что неудивительно, если числа и перепутаются в голове.

Впрочем, дело не в хронологии. Буду писать как Бог на душу положит и со временем когда-нибудь перечту написанное, если мои воздушные полеты не кончатся каким-нибудь смертельным сальто-мортале.

Я ужасно устал, но тем не менее мне необходимо лететь. Я несусь на юг, и это самое главное.

Жюльен и monsieur Лопатин, вероятно, следуют за мною по тому же направлению. О них я не беспокоюсь, потому что у них есть средства окружить себя всевозможными предосторожностями. Я уверен, да и они, без сомнения, тоже, что рано или поздно мы соединимся вновь.

Я в гораздо худшем положении, чем они, да и то не унываю. У меня нет ни копейки денег, ни щепотки табаку, никакого багажа. «Все мое со мной», как говаривал греческий философ Биас».

Так писал в своей памятной книжке Жак, сидя в корзине монгольфьера, уносимого ветром с севера на юг.

Вдруг наш аэронавт услышал гул, похожий на шум прибоя. Он бросил свое писание и поднял голову.

— Черт возьми! — воскликнул он слегка изменившимся голосом. — Я, кажется, узнаю этот отвратительный гул, хотя и слышал его всего только раз в жизни. Это волны.

Жак угадал. Действительно, доносившиеся до него звуки порождали волны, над которыми несея по воле ветра монгольфьер.

Гул волн, услышанный путешественником, происходил от прибоя в проливе Кросс между материком Аляски и островом Ситка.

К счастью, ветер был довольно сильный, и шар не падал, а держался на высоте, невзирая на промозглый холод.

Тревожное настроение не покидало Жака часа два, потом

Шар опустился не в воду, а на сушу

гул прибоя затих. Шар понесся над островом Ситка в южном направлении.

Жак понемногу успокоился, но через некоторое время под ним снова загудел океан, величайший из всех океанов — Тихий.

Монгольфьер находился в это время близ самой оконечности острова Ситка. Целый час вертелся он между островом Круза и северным мысом острова Баранова.

Минута была критическая. Малейшее отклонение — и воздухоплавателью грозила неминуемая гибель.

Но судьба снисловилась.

Вследствие долгого пребывания в слишком влажной атмосфере шар до крайности отяжелел и начал опускаться с весьма значительной быстротой.

Он летел вниз все быстрее и быстрее... Куда он упадет?... Жак зажмурил глаза.

Вдруг — толчок, и довольно сильный. Слава Богу! Шар опустился не на воду, а на сушу. Аэронавт довольно чувствительно стукнулся о землю-матушку. К нему от этого не особенно нежного прикосновения вернулось веселое расположение духа.

— Итак, я на твердой земле! — заговорил он сам с собою. — Правда, льет ливня дождь, но это ничего: я боюсь оказаться на воде, а состояние «под водой» меня нисколько не пугает.

Жак оглянулся кругом и увидел по левую и по правую руку дома, построенные добротно, на европейский лад; по лужам шлепали какие-то джентльмены в резиновых калошах, непромокаемых плащах и под зонтиками.

Жак выскочил из гондолы, протирая глаза и спрашивая себя, не сон ли все это?

— Нет, я положительно брежу, — говорил он, открывая клапан шара, чтобы выпустить остающийся теплый воздух. — Дома!.. Настоящие европейские дома!.. Нет, это невозможно! Прилично одетые люди... даже экипажи. И никто со мной не заговаривает. Во всяком случае, здесь Америка, страна цивилизованная, и мне скорей всего не откажут, если я попрошу кого-нибудь объяснить, где я нахожусь.

Заметив проходившего мимо господина с козлиной бородой, который мимоходом рассеянно взглянул на пустой монгольфьер, Жак обратился к нему:

— Послушайте, сэр, не могли бы вы мне сказать, где я нахожусь?

— В Ситке.

— Но ведь Ситка — главный город Аляски?

— Да, сэр.

— На острове, кажется?

— Да, на острове... Баранов-Эйланд.

— Мерси, сэр. Это все, что я хотел знать. Вы видите перед собой человека, с которым случилось несчастье...

Но господин с козлиною бородой был уже далеко.

«Я на острове! — воскликнул мысленно Жак. — На частице суши, окруженной со всех сторон водою! Неужели мне придется оставаться здесь? Ведь у меня нет ни копейки, чтобы купить себе масла и надуть шар..

Но и жить на Ситке Жак не мог, опять-таки потому,

что у него не было ни копейки денег. Чем он стал бы оплачивать квартиру, пищу, питье?

Погруженный в такие невеселые думы наш воздухоплаватель вдруг обратил внимание на то, что к нему подъехал громоздкий экипаж, вроде тех, в каких у нас возят пассажиров с вокзалов в гостиницы, — подъехал и остановился.

— Сэр, вы, вероятно, ищете гостиницу? — спросил Жака кучер кареты.

— Да. Не возьметесь ли вы довезти меня вместе с багажом?

Они вдвоем не без труда уложили монгольфьер в экипаж, и через некоторое время карета остановилась у подъезда гостиницы, с виду очень приличной.

— С вас один доллар, — сказал кучер.

— Ах, черт возьми!..

— Неужели это по-вашему дорого, сэр?

— Недорого, и я с удовольствием заплатил бы вам даже два, если б только они у меня были.

— У вас нет денег? Это легко поправить, — отвечал кучер. — Например, у вас имеется в корзинке бизонья шкура, которая стоит двадцать долларов.

— Не купите ли вы ее у меня за эту цену?

— Охотно. Вот вам девятнадцать долларов. Один я вычитаю за проезд.

Жак, ни слова не говоря, спрятал деньги в карман, помог вынуть из кареты монгольфьер, убрать в сарай и прошел в обеденную залу гостиницы.

Хозяин, несмотря на американскую флегматичность, вытаращил глаза на нового постояльца, прибывшего с таким необыкновенным багажом и к тому же одетого столь неуместно в меховую одежду.

— Комната и стол — четыре доллара в день, — отвечал он на вопрос Жака о цене.

— Хорошо, — сказал Жак. — Дайте мне позавтракать.

— Позвольте вперед деньги.

— Получите. Какой скот! — прибавил Жак в сторону. — А что, за справки и вопросы у вас тоже платят авансом? — вслух спросил он содержателя гостиницы.

— Справки у нас даются даром. Что вы желаете узнать? — отвечал хозяин, смягчившись вследствие получения задатка.

— Далеко ли от Ситки до материка?

— Около ста миль.

— Есть ли стабильное пароходное сообщение с берегом?

— Два раза в неделю.

— Когда отходит первый пароход?

— Завтра утром.

— Не можете ли вы подсказать, где мне найти капитана этого судна?

— Я капитан.

— Вы?

— Да... Почему вас это удивляет?

— Нет, я не удивляюсь. Это ваше дело. Не возьмете ли вы меня пассажиром?

— Да. До устья реки Стикена цена десять долларов. Оплата предварительная при посадке на корабль.

— Знаю уж я вашу присказку: «плата вперед»... Хорошо, я согласен. Но только предупреждаю, что я сяду к вам не как обыкновенный пассажир.

— Все мои пассажирские места за десять долларов для обыкновенных пассажиров.

— Да, но они помещаются на корабле, а я желаю быть над кораблем.

— Не понимаю.

— А между тем это очень просто. Согласны ли вы взять меня на буксир в лодочке, привязанной к надутому шару?

Хозяин подумал с минуту, потом кивнул головою в знак согласия и даже снисходительно улыбнулся на странную фантазию постояльца.

— Стало быть, решено? И вы беретесь перевезти на корабль мой шар?

— За это с вас еще доллар.

— Отлично. А можете ли вы также продать мне три галлона китового или тюленьего жира?

— И это могу... по доллару за галлон... деньги вперед.

— В котором часу отплытие?

— В восемь часов.

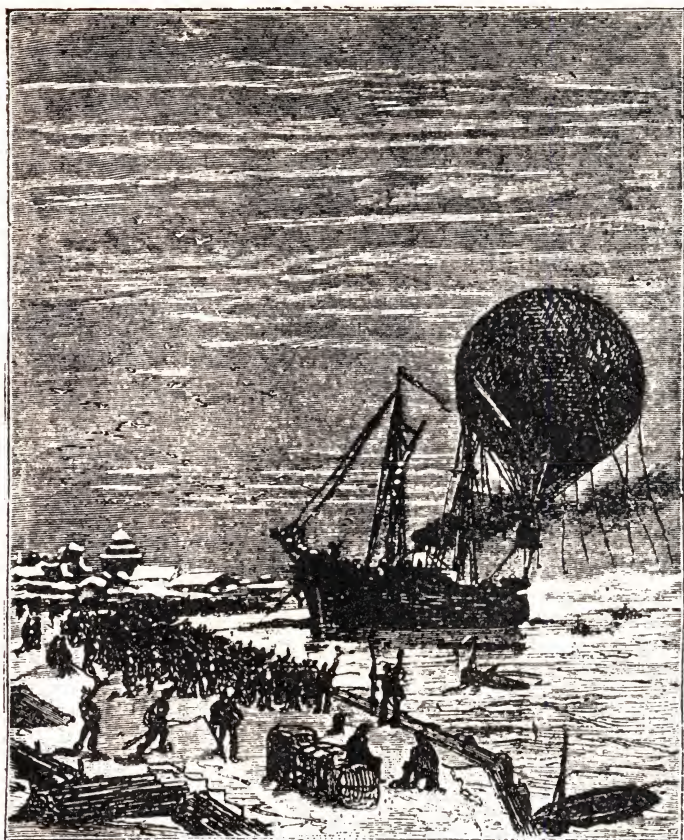
— Хорошо. В семь часов я явлюсь на пароход надуть свой шар.

— Как вам угодно. Что касается до меня, то я никогда никого не жду ни одной минуты.

Жак за завтраком ел и пил за четверых, потом завалился спать. О, блаженство! Он спал на настоящей постели, в опрятной гостинице и находил, что четыре доллара потрачены им недаром.

На другой день ровно в семь часов он явился на набережную, взошел по трапу на пароход, разводящий пары, и нашел свой шар привязанным к корме. Около шара были приготовлены все принадлежности для надувания.

Жак откупорил бутылку и не мог сдержать порыва гнева и удивления при виде жидкости, которая оттуда вылилась.

Он нашел свой шар привязанным к корме

Но так как нужно было спешить, то Жак не стал долго раздумывать и приступил к надуванию шара, мимоходом изумляясь необыкновенному стечению народа на пристани и возле парохода.

Но вот монгольфьер плавно взмыл в воздух, и публика в восторге подняла одобрителный крик.

— Гип! Гип! Ура! — кричала толпа, к изумлению аэропавта, который не читал утренних газет и потому не знал о напечатанных там по инициативе бесцеремонного хозяина гостиницы широковещательных объявлений.

В них значилось, что за плату в один доллар леди и

джентльмены могут присутствовать при подъеме воздухоплателя на монгольфьере.

Объявления свою роль сыграли, и ловкий торгош ни за что ни про что положил себе в карман двести долларов.

Из всех индейских племен Аляски две наиболее многочисленные группы представляют чиликоты и атнасы, причем они в свою очередь разделяются каждая еще на несколько групп.

Чиликоты по большей части лентяи, пьяницы и воры. Они не любят охотиться сами, а норовят поживиться на чужой счет, крадут продукты чужой охоты и вообще не пользуются хорошей репутацией не только между трапперами, но и между своими же индейцами.

Читатель помнит, как наши друзья, догонявшие Жака, приехали к атнасам и узнали от них, что сын луны уже улетел.

Путешественники поехали дальше почти наугад и через несколько часов достигли английской фактории, куда именно в это время прибыло продавать меха много чиликотов.

Рассчитывать на гостеприимство начальника фактории наши путешественники не могли. Между английской компанией и американской существует такое жестокое соперничество, что агент одной ни за что не подаст даже стакана воды представителю другой, а, как известно, братья Перро были агентами американской компании.

Поэтому путешественники не вошли в форт, а остановились за его пределами в покинутой хижине, собираясь провести в ней ночь и наутро ехать дальше.

Между тем среди чиликотов просочился слух, что Перро, их непримиримый враг, приехал и остановился недалеко от фактории.

Старая ненависть вспыхнула с новой силой. Известный уже читателю Отец Медицины приложил все свои усилия, чтобы ее раздуть, и ему удалось склонить индейцев к действиям, почти неслыханным по своей дерзости.

Перро не знал о присутствии чиликотов в фактории и потому был далек от мысли опасаться чего бы то ни было, а тем более в виду европейского представительства.

Ночью, когда все спали, чиликоты тихо взломали двери, прокрались в хижину и в одну минуту связали путешественников.

Пленников бросили связанными возле груды материала для палаток и, торжествуя победу над ненавистным вра-

Пленника связали и приступили к попойке

гом, приступили к потешной попойке, которой, однако, суждено было войти в историю племени.

Больше всех пил и неистовствовал Отец Медицины. В середине кутежа ему вдруг пришла в голову мысль пойти в палатку, где лежал его связанный враг, ненавистный Перро, и дать волю сквернословию и насмешкам.

Омерзительно пьяный он вошел в палатку, держа по бутылке в каждой руке, и принялся осыпать канадца самыми гнусными оскорблениями.

Тот не удостоил пьяницу ответом и лишь презрительно смотрел на него своими честными темно-серыми глазами.

Это уничижительное молчание еще больше взбесило негодяя. Он приблизился и наклонился к охотнику, обдавая того винным перегаром.

Терпение Перро истощилось. Он вдруг совершил стремительное движение головою, ударив лбом своим индейца прямо в лицо. Удар был настолько силен, что свалил негодяя с ног.

Однако тот сейчас же вскочил с проворством обезьяны. Все лицо его оказалось расшибленным в кровь, передние зубы выбиты и рот полон крови.

Весь хмель разом соскочил с него.

— Ладно,— произнес он, стараясь быть хладнокровным.— Перро очень силен. Посмотрим, как будет он вести себя у столба пыток... Перро убил много чиликотов. Перро ударил Отца Медицины. Перро умрет. Но сперва Отец Медицины снимет с него скальп...

И негодяй, желая напугать пленника, в чем, однако, ничуть не преуспел, измазал себе кровью палец и провел им вокруг головы канадца, обозначая линию, по которой должен пройти нож.

Но вдруг по всему лагерю пронесся страшный вой. Вся негодная орда чиликотов испуганно, отчаянно взвыла, подняла кверху руки и попадала ниц на землю.

С неба валилась какая-то огромная пылающая масса, осыпая чиликотов огненным дождем...

Глава V

Воздушный шар на буксире парохода.— Жака опять обирают.— Последний доллар.— Читатель узнает о том, что монгольфьер Жака нагревался керосином.— Между потоплением и пожаром.— Без якоря.— Над поляной.— Жак узнает друзей.— Как спуститься на землю? — Отчаяние и героизм.— Умышленный поджог шара.— Ужас Отца Медицины.— Освобождение.— Появление краснокожих.— Битва.— Скальп.— Перро забавляется.— Поражение чиликотов.— Не все янки похожи друг на друга.— Лошади прерий.

— Эй, Джентльмен! Эй!

— Эй! На корабле! Эй!

— Мы прибыли.

— Тем лучше. Я очень рад.

— Если вы желаете сойти на берег, то поторопитесь.

— Отлично, капитан, мне только этого и надо. Покличьте-ка сюда двух человек, чтобы они взяли за канат и притянули шар к палубе.

— Нет.

— Как нет? Отчего?

— У меня пассажиры высаживаются сами, матросы им не помогают. Они переходят по трапу на пристань и засим прощайте.

— А багаж?

— Багаж помещается в трюме. Его выгружают при помощи эллинга*.

— Мой шар — тоже багаж.

— По-вашему, да, а по-моему, нет. Я считают багажом только то, что помещается в трюме или на палубе.

— Не висеть же мне тут до второго пришествия, согласитесь сами. Вам поневоле придется помочь мне спуститься.

— Конечно, я и сам не желаю, чтобы вы висели тут до второго пришествия, но помогать вам спуститься все-таки не намерен.

— Но ведь это низкая ловушка! Подлое предательство!

— Потихе, джентльмен, потихе. Я условился довести вас от Ситки до устья реки Стикена за десять долларов. Обязательство свое я выполнил: вы доставлены к месту. Большого от меня вы не вправе требовать. Поэтому не угодно ли вам сойти с корабля наравне с другими пассажирами.

— Вы, я думаю, сами видите, что мне невозможно сойти без вашей помощи.

— Эта помощь стоит доллар.

— Я заплачу вам доллар.

— И, конечно, вперед.

Услыхав это невозможное требование, Жак страшно рассердился, но делать было нечего, пришлось подчиниться и дать себя обобрать, что называется, до нитки.

— К счастью, у меня есть еще доллар,— пробормотал Жак про себя.— Единственный, последний.

— Вы слышали, джентльмен? — снова заговорил янки.— Платите вперед, или я обрежу ваш канат и вы улетите прочь.

— Выходит, я должен вам верить на слово, а вы мне нет. Есть ли тут справедливость?

— Есть. Не вы мне нужны, а я вам. Если когда-нибудь наши роли переменятся, я вам тоже буду платить вперед.

— Хорошо. Будь по-вашему.

С этими словами Жак вырвал лоскуток подкладки у своей шубы, завернул в него монету и, тщательно прицелившись, кинул свой последний доллар вниз на палубу парохода.

---

* Место на берегу со специально устроенным наклонным фундаментом.

Но он забыл принять в расчет качку.

Несмотря на то, что волнение в устье реки было невелико, маленький пароходик так и прыгал на своем якорю. В тот момент, когда брошенная Жаком монета падала вниз, пароход, как на грех, накренило в противоположную сторону. Серебряный доллар звякнул о гладкую обшивку борта и, отскочив, булькнул в воду.

Этот плеск болезненно отозвался в ушах Жака.

Американец бесстрастно наблюдал за гибелью доллара.

— Этот не в счет, — сказал он своим хриплым голосом. — Давайте другой доллар, или я обрежу ваш канат.

— У меня больше нет денег! — крикнул ему Жак.

— Нет больше денег!.. В таком случае...

С этими словами негодьяй, только что положивший в карман благодаря Жаку двести долларов, вынул ножик и одним ударом обрезал канат, которым шар был привязан к пароходу.

Бесчестного янки несколько не тревожила участь человека, которому он был обязан кругленькой суммой.

Шар поднялся на значительную высоту, и ветер, по счастью дувший с запада, понес его к берегу. Тем не менее положение Жака было ужасным, и вот почему.

Еще когда он надувал свой шар, собираясь лететь на буксире парохода, он с удивлением и досадой обнаружил, что вместо тюленьего жира ему дали керосину.

Однако он все-таки поднялся в воздух, не предусмотрев того, что при малейшем сотрясении бутыл с керосином может опрокинуться и поджечь шар.

Ему ничего не оставалось, как продолжать полет в неизвестном направлении, рискуя каждую минуту сгореть.

Вдруг на своем пути он заметил одинокую факторию, затерявшуюся среди лесов. Ветер с моря нес шар прямо на нее. Для Жака это был шанс на спасение.

В одну минуту он открыл верхний клапан. Шар стал опускаться, но очень медленно. Если бы у Жака был якорь, он мог бы поручиться в успехе, тем более что и ветер был не очень сильный. Но теперь, без якоря, аэронавту, предоставленному на волю ветра, предстоял долгий и затяжной спуск.

Вот уже не более трех километров отделяло его от фактории. Плывая над зеленым лесным массивом, воздушный шар держался на высоте около сорока метров.

Вдруг лес разом кончился. Взору Жака открылась широкая поляна, и на ней пестрая толпа людей, копошащихся и издающих какие-то дикие, звероподобные крики.

— Индейцы! — вскричал Жак. — Хорошо же я влип, нечего сказать. У них какая-то оргия.

Вслед за тем Жаку удалось разглядеть каких-то пленников, лежавших связанными на земле.

— А! Вот оно что! Теперь я понимаю, чего они беснуются: тут скоро прольется кровь.

Между тем шар подлетал все ближе и ближе. Вот он поплыл над группой людей, в одном из которых Жак с трепетом узнал Перро.

— Гром и молния! — воскликнул он изменившимся голосом. — Да ведь это наш канадец из Нулато! Тогда, значит, те, другие... Жюльен и Лопатин!.. Но как же я до них доберусь! А!.. Придумал. Средство есть, и я употреблю его, хотя бы мне пришлось погибнуть самому...

Не медля ни минуты, Жак ударом кулака разбивает верхнюю часть непрочной установки, где содержится нагревательный аппарат. Пламя керосиновой лампы, ничем не сдерживаемое, вырывается наружу.

Нижняя оболочка шара разом занимается пламенем, которое в несколько секунд охватывает две трети аэростата. Все это происходит всего в нескольких футах над головою воздухоплавателя.

К счастью, шелковая сеть, к которой подвешена гондола, довольна крепка и не скоро поддается огню. Вследствие этого верхний колпак аэростата превращается некоторым образом в парашют.

Горящий шар вместе с Жаком стремительно летит вниз. Из предосторожности путешественник уже не сидит в гондоле, а, одной рукой держась за ее край, висит в воздухе, что позволяет при падении на землю не попасть под горящие обломки.

Благодаря своим прежним занятиям гимнастикой, он в момент падения делает ловкий прыжок в сторону от горящего шара и тем самым спасает себе жизнь.

Ибо в то же самое время бутылка с керосином вдребезги разбивается и ее содержимое осыпает огненным дождем толпу индейцев.

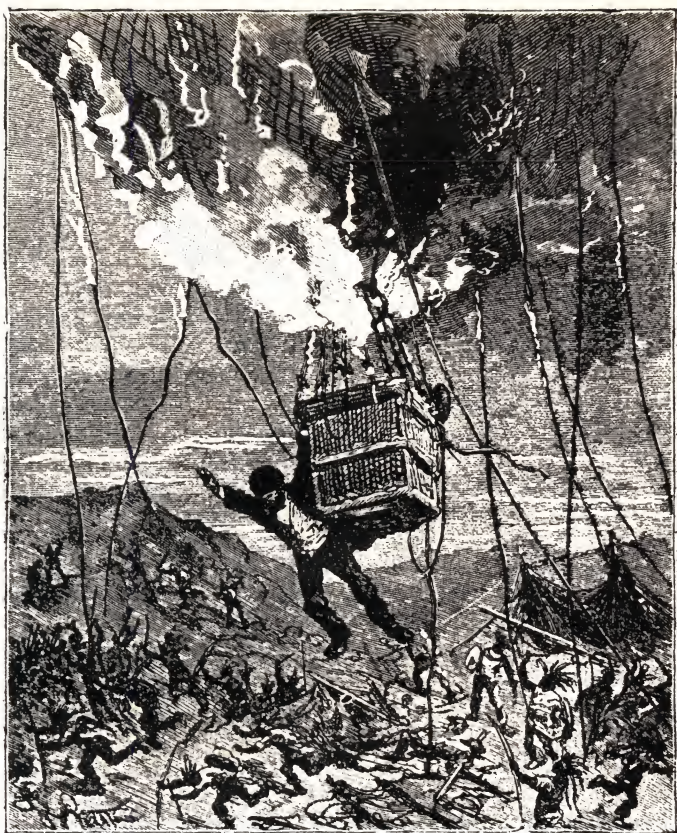
Торжествующие крики дикарей вмиг сменяются воплями боли и ужаса.

Обожженные, ослепленные огнем, индейцы бросаются на землю, громко взывая к своим богам с мольбой о пощаде.

Бедствие, которое на них обрушилось, они не могут себе ипаче объяснить, как гневом Маниту, наславшего на них одну из своих блуждающих звезд в наказание за что-то.

Среди пленников слышен возглас изумления... затем несколько торопливых слов и кратких восклицаний.

— Жак!

Горящий шар стремительно летит вниз

— Monsieur Лопатин!.. Жюльен!.. Я так и думал... Нет ли у вас ножа?

— У меня за поясом, monsieur Арно,— откликнулся Перро.

В одну минуту все веревки и ремни разрезаны. Пленники освобождены и уже на ногах, грозные и решительные. Они теперь готовы грудью встретить врага и заставить кровью отплатить за нанесенное оскорбление.

Их оружие валяется подле. Пьяные индейцы не успели прибрать его к рукам. Перро берет в руки свою винтовку и не может удержать радостного восклицания от сознания

того, что его старый, испытанный товарищ опять с ним.

Канадец окидывает быстрым взглядом всю поляну. Там царит беспорядок и смятение. Сам Отец Медицины обезумел от страха. Наглый шарлатан и мистификатор, до сих пор удачно прикидывавшийся великим знахарем и чародеем, быстро утратил всю свою важность и самоуверенность. Он напуган едва ли не больше всех и не смеет даже взглянуть на необыкновенное явление.

Но ужас, обуявший несчастных дикарей, нисколько не трогает сурового охотника.

В отношениях с дикарями он чужд гуманности и признает только один закон — закон Линча.

Он поднимает свою винтовку и прицеливается в Отца Медицины, хладнокровно собираясь размозжить ему голову, но вдруг с чего-то меняет свое намерение и тихо смеется про себя.

— Не стоит тратить заряда. Можно с этой дрянью обойтись иначе. Мы теперь все равно в безопасности.

— Как? А индейцы? Они могут опомниться и возобновить нападение.

— Не беспокойтесь, это исключено. У них иные цели.

— Какие? Что вы подразумеваете?

— Эти негодяи чиликоты, очевидно, учинили, по своему обыкновению, какой-то грабеж. Видите, вон там движется толпа других индейцев? Они идут наказывать чиликотов. Сейчас будет битва.

— Неужели?

— Уверяю вас. Вот отличный случай наблюдать, как индейцы снимают скальп. Вы никогда не видели?

— Нет, и не имею ни малейшего желания.

— А еще путешественник! Путешественник должен стараться на все взглянуть.

— Но почему вы думаете, что здесь будут скальпировать? Кто? И кого?

— Да разве вы не видели?

— Что?

— Других дикарей... Смотрите, они бегут из английской фактории?

— Но зачем они бегут сюда? Неужели они видели, что случилось?

— По всей вероятности, их привлек летящий шар. Они слышали о сыне луны и поспешили удовлетворить свое любопытство. Но, придя на место, они застали там чиликотов, которые, наверняка, что-нибудь уже успели украсть... Обратите внимание на эти подозрительные тюки у чилико-

Товары были верхом совершенства в глазах индейцев

тов. В трех из них завернуты как будто живые существа: видите, как барахтаются?.. Я уверен, что эти негодяи кого-то выкрали... Так ведь и есть: смотрите, подоспевшие индейцы освобождают пленников... Боже мой! Да я их узнаю: это chief-factor одной американской фактории, и с ними два его агента... И как они взбешены!.. Еще бы!.. Хватают свои винтовки... Ах, негодные чиликоты! Какая дерзость с их стороны! Где это они успели их пленить? Вероятно, те неосторожно отправились к ним в лагерь торговать и были схвачены. Ничего, зато и наказание будет соответствующее. Чу! Освобожденные пленники стреляют... Пиф! Паф!.. Два

чиликота убиты, третий ранен... Так: три скальпа уже сняты. Три красных колпака.

Перро немного помолчал, потом продолжал:

— Чиликоты разбиты. Те, которые не убиты и не скальпированы, обратились в бегство. Все кончено.

Сцена эта длилась не более нескольких минут, хотя описывать ее пришлось долго. На самом деле события со стремительной быстротой следовали друг за другом с того самого момента, как Жак Арно в вихре пламени при- неся на своем шаре.

Три друга и их храбрые союзники-канадцы смогли наконец отставить свои ружья и дружески обняться.

Полились торопливые рассказы о событиях, пережитых теми и другими со времени неожиданной разлуки в форте Нулато.

Героем дня был, конечно, не кто иной, как Жак Арно, на которого друзья справедливо смотрели теперь как на своего спасителя.

Не им одним, впрочем, сыграло на руку его неожиданное появление в дыму и пламени.

Краснокожие, как сумасшедшие выбежав из английской фактории в погоню за шаром, наткнулись на чиликотов, которые только что перед тем ограбили американский склад и взяли в плен трех агентов компании.

В итоге происшедшей стычки пленники получили свободу.

Предприимчивый chief-factor воспользовался стечением народа и поспешил разложить перед своими освободителями индейцами принадлежащие ему товары, спасенные от грабежа чиликотов. Кстати, он догадался угостить освободителей несколькими бутылками столь страстно любимой дикарями огненной воды. Когда водка полилась из бочек в бутылки, а из бутылок в широкие глотки индейцев, языки последних развязались и сами они пришли в самое благодушное настроение.

Товары, разложенные американцами, были верхом совершенства в глазах индейцев. Особенно приглянулись по вкусу блестящие ружья, с безвкусными и бесполезными, но зато яркими, пестрыми украшениями.

У краснокожих разгорелись глаза. В свою очередь и они стали нахваливать свои товары, оставленные в английской фактории. Между обеими сторонами завязался деловой коммерческий разговор.

Индейцам страстно захотелось приобрести ружья у американца. Таких им не предлагали англичане. Они бросились

назад в факторию и очень скоро доставили оттуда свои меховые товары... на спинах своих жен.

Таким образом совершенно случайно американскому агенту удалось одержать победу в конкуренции с английским.

Итак, товары принесены были индейскими женщинами. Что касается мужчин, то они возвратились, гарцуя на прекрасных лошадях, так называемых мустангах.

Лошади эти замечательно выносливы и быстры на бегу.

Глядя на живописный эскадрон, скакавший во весь карьер, Перро не удержался от восклицания:

— Ах, monsieur Жюльен! Подходит весна, через два дня стает весь снег, на санях больше ехать нельзя...

— Так в чем же дело? Купите у индейцев шесть лошадей за мой счет.

— Они не продадут их нам ни за какие деньги.

Chief-factor услышал ответ Перро и сказал с лаконизмом человека, дорожащего временем:

— Сэр, у вас будет шесть лошадей.

— Благодарю вас, — отвечал Жюльен. — Если вы так добры, что собираетесь за нас похлопотать, то я готов заплатить какую угодно цену.

— Вы получите их даром.

— Но, сударь...

— Я вам очень многим обязан, даже, по всей вероятности, жизнью. Компания, в которой я служу агентом, обязана вам выгодною сделкой, великоленным барышом. Принимайте мое предложение, что тут думать. Вы нас всех обидите, если откажетесь.

— Вот как! — сказал Жак на ухо своему другу. — Этот янки мирит меня со всей их породой, на которую я был страшно зол за проделки моего капитана, хотя, впрочем, благодаря им я прибыл к вам как раз вовремя.

Между тем американец уже успел кончить дела с индейцами и обратился к своим спасителям со словами:

— Господа, не угодно ли вам выбрать себе шесть лошадей?

Глава VI

В путь-дорогу.— Золотопромышленный округ.— Обратная сторона медали.— Бэкер-Тоунский прииск.— Промывка золота.— Лопатин интересуется у Жюльена де Кленэ, велик ли его годовой доход.— Вступление в компанию и разлука.— Телеграмма из Ричфильда в Париж.— Что Жюльен намеревался сделать в 30 дней.— Прощание.— Жак с удивлением обнаруживает себя плывущим.— В гостинице.— Англо-американская граница.

Лошади индейцев оказались превосходными скакунами. Это были кровные мустанги, превосходно выезженные и необыкновенно выносливые.

Шестеро всадников покинули реку Стикен и помчались на юг, ориентируясь на телеграфную линию, проведенную между Ситкой и Сан-Франциско.

Ближайшей целью путников был золотопромышленный округ Карибу. Была первая половина мая, и весна вступала во все свои права. Давно не приходилось видеть Жаку ярко-зеленой травы и деревьев, и теперь он радовался, глядя на цветущую растительность, которая становилась все богаче по мере того, как путники продвигались к югу.

Земли округа Карибу были открыты только в 1857 году, и с первых же дней наводнили искатели золота.

Когда туда явились первые диггеры, они нашли там несметное количество золота. Пустыня оживилась, работа на приисках закипела, все были воодушевлены, всякий жил надеждой на быстрое обогащение. Но пришла осень, вслед за нею зима, и наступили такие морозы, каких никто и не предполагал. Истощенные непосильной работой и одновременно излишествами в развлечениях, плохо обеспеченные пищей и одеждой диггеры, жившие к тому же по большей части в скверно сколоченных хижинах, начали погибать как мухи. Смертность среди них была просто ужасающая.

С тех пор в Карибу больше не было ажиотажного наплыва диггеров, но зато наладилась регулярная эксплуатация приисков более или менее солидными товариществами. Диггеры-одиночки появлялись изредка, чаще кооперируясь в небольшие артели человек по шесть-семь.

В то время, когда наши путники посетили Карибу, золото добывалось там самым рутинным способом, установленным еще двадцать лет назад.

Промывка производилась допотопнейшими средствами, так что Лопатин, глядя на все это, нашел, что даже на самых глухих приисках Сибири известна гораздо более усовершенствованная технология.

— Сколько золота пропадает в результате такой небрежной

Смертность между диггерами была ужасающей

промывки! — восклицал молодой русский коммерсант.

Прииск, на который они попали, назывался Бэкер-Тоунским. Почва была вся изрыта ямами. Золото добывалось уже не на поверхности ее, давным-давно разработанной; а на значительной глубине, где бедные диггеры не видели света Божьего.

На зиму работы в округе Карибу обыкновенно прекращались; и теперь, с наступлением весны, они только что возобновились, поэтому диггеров было еще немного.

Внимательно присмотревшись к местным приемам золотодобычи, Лопатин о чем-то глубоко задумался, потом вдруг

лицо его сделалось решительным, как у человека, основательно все взвесившего. Он подошел к Жюльену.

— Скажите, пожалуйста, вы очень богаты? — спросил он француза.

— Гм! — произнес тот не без удивления. — Да, богат, то есть настолько, что могу исполнять даже некоторые свои прихоти.

— А не будет нескромностью спросить, как именно велик ваш годовой доход? — продолжал допытываться Лопатин.

— Отчего же? Извольте, я вам скажу: сорок тысяч франков.

— Хороший доход.

— Не скажите. Мне едва-едва хватает.

— Следовательно, вы бы не отказались удвоить или даже утроить его без всякого риска?

— По правде сказать, я не особенно жаден до наживы.

Лицо Лопатина выразило некоторое недовольство. Жюльен это сейчас же заметил.

— Вас огорчил мой ответ? — поспешил спросить он. — Почему вам непременно хочется, чтобы я пожелал разбогатеть?

— Потому что я хотел, — сконфуженно пробормотал коммерсант, — хотел предложить вам вступить в компанию со мной.

— С вами?

— Да.

— Объяснитесь, пожалуйста. Если дело идет о вас лично, то я заранее соглашаюсь на все, с закрытыми глазами.

— И я тоже... принимая во внимание будущие миллионы, которые я получу в гасиенде Жаккари-Мирим, — засмеялся Жак. — Наличных же денег, вы знаете, у меня сейчас нет: последний мой доллар лежит на дне устья Стикена.

— Вы знаете, дорогие мои друзья, что я теперь крайне беден. Правда, у меня есть тысячи три-четыре, но разве на эти деньги можно жить? Их можно только прожить. Поэтому мне необходимо работать, чтобы поправить свое положение. Теперь мне представляется неожиданный случай разбогатеть. Вы видели, как здесь дурно совершается промывка. Плохо вымытый песок образует целые терриконы на приисках и никого более не интересует, а между тем в этом бросовом песке должно быть еще много золота. И мне пришла мысль скупить здесь отработанные прииски за бесценок и совершить вторичную промывку известным мне

усовершенствованным способом. Я уверен, что выгода будет громадная, а расходы почти ничтожные, потому что никаких земляных работ, никаких водоотводов делать не придется: все это уже есть готовое, и мне остается только совершить повторную промывку, ничего более. Назовите меня лгуном, если я не добуду золота больше, чем его получают при первой промывке.

— Я вполне понимаю вашу мысль, дорогой Федор Иванович,— отвечал Жюльен,— и она мне чрезвычайно импонирует. Я нахожу ее в высшей степени остроумной и дельной и уверен в вашем успехе. Теперь я понимаю, почему вы спросили меня, желаю ли я разбогатеть. Вам нужны деньги для начала предприятия. Так тут и вопроса быть не может. Весь мой кошелек к вашим услугам. Только я не желаю вас стеснять, вступая с вами в компанию, а просто предлагаю вам ссуду. Кредитором я буду, поверьте, самым невзыскательным...

— Вот потому-то, зная ваше бескорыстие, я и хотел...

— ...Хотели, чтобы я разбогател без всяких с моей стороны на то усилий. Довольно об этом. Дело скреплено словом. Когда вы думаете начать?

— Да сейчас же.

— Как? Вы, стало быть, расстанетесь с нами? Так скоро?

— Иначе нельзя. Все равно придется это сделать рано или поздно. Но успокойтесь: разлука будет не долгая, самое большее до ноября, а затем я, быть может, приеду к вам в Жаккари-Мирим провести с вами зиму.

— Если только мы сами доберемся туда к этому времени,— заметил Жак.— Нам ведь еще немалый конец предстоит. Нет, это просто ужасно, как далеко от Парижа до Бразилии сухим путем!..

Вообще предстоящая скорая разлука с Лопатиным огорчила друзей. Их утешало только то, что это делается для пользы их верного товарища.

— Если уж вы решились расстаться с нами,— сказал Жюльен,— то необходимо, чтобы вы имели возможность немедленно начать работы, и уж самое большее через месяц.

— Через месяц — это мне кажется слишком скоро,— возразил Жак.— Ведь нужно выписать сюда машины, инструменты.

— Я берусь выписать их из Европы через месяц.

— Ты забыл, что одно письмо с заказом пройдет три недели.

— А телеграф на что?

— Да разве здесь есть телеграф?

— Конечно. Не желаешь ли телеграфировать своему бывшему начальнику просьбу о новом местечке в канцелярии? Это будет стоить всего по полуфранку за слово.

— Полфранка? Да ведь это баснословная дешевизна.

— Телеграмма пойдет по англо-американскому кабелю через Брест. Город, где мы находимся в данную минуту, называется Ричфильд. Я сейчас телеграфирую отсюда своему банкиру в Париж. Через четыре дня он доставит требуемые вещи в Гавр, через десять дней они придут в Нью-Йорк, а затем французский консул отправит их по тихоокеанской железной дороге в Сан-Франциско. Итого: от Парижа до Гавра с упаковкой четыре дня, от Гавра до Нью-Йорка десять дней, от Нью-Йорка до Сан-Франциско шесть. Всего значит, двадцать дней, да я набавлю день на непредвиденные задержки, стало быть, двадцать один день. От Сан-Франциско до Ричфильда и из Ричфильда на прииск все присланное можно будет доставить в одну неделю.. Вот тебе даже и меньше тридцати дней. Ну-с, дорогой *monsieur* Лопатин, что вы скажете о моем плане?

— Он превосходен, и я вполне согласен с вами. Благодаря вам я не упущу нынешнего лета и буду иметь возможность вовремя начать работы.

— Да ты молодец, Жюльен,— присоединился Жак.— И как это ты все сейчас же сообразил и высчитал!.. Молодец, что и говорить.

— Ну, довольно об этом. Поговорим лучше о деле. Если уж разлука решена, то нужно расставаться как можно скорее — и, следовательно, сейчас.

— Как сейчас? — с печалью воскликнул Лопатин.— Отчего же непременно сейчас? Подождемте до завтра.

— Нет,— решительно возразил Жюльен.— Долгие прощания — лишние слезы. Я так не люблю.

— Но, пожалуй, верно,— согласился Жак.

— Итак, Федор Иванович, вот вам деньги на уплату за аренду прииска, на жалованье рабочим, на пищу и прочее. Младшие братья Перро могут возвратиться в форт Нулато, или, может быть, они пожелают остаться здесь с вами?.. чему я был бы очень рад.

— Отчего и не остаться? — отвечал за братьев Жозеф Перро.— Сезон охоты теперь уже кончился, делать им в Нулато нечего, а здесь на прииске они могут зашибить хорошую монету. Да, наконец, здесь много дурных людей, отбросов общества, можно сказать, и господину Лопатину не лишнее иметь при себе двух надежных телохранителей.

Дорога змеится по нагорному берегу

— Что касается вас, Перро, то вы поедете с нами до Сан-Франциско.

— Куда угодно, хоть на край света. Я полюбил вас. День расставания с вами, господа земляки, поверьте, будет для меня очень грустным днем.

— И для нас тоже, дорогой Перро. Но что же делать? В жизни всегда свидания чередуются с разлукой. Без этого нельзя. В Сан-Франциско мы попрощаемся, и вы будете сопровождать сюда обратно присланные из Европы вещи и китайцев-рабочих, которых мы найдем в Сан-Франциско. А вы, дорогой monsieur Лопатин, отправьте за меня и от

моего имени депешу в Париж, о которой я уже говорил. Кроме того, не забывайте, что здесь с Панамой есть телеграфное сообщение и что, следовательно, мы можем поддерживать связь. До свидания, дорогой друг! Желаю вам успеха!

Друзья обнялись и горячо пожали друг другу руки на прощанье. Жюльен, Жак и Жозеф Перро на лошадях отправились в Сан-Франциско.

От Ричфильда они повернули на восток по направлению к местечку Квеспель, стоявшему при слиянии одноименной речки с Фрззером.

Не будем подробно описывать их путь, на протяжении которого им приходилось все время останавливаться на грязных постоянных дворах и переправляться через реки впасть; а через Томсон-ривер, даже на пароме, что вызвало недовольную гримасу Жака. Но река была столь широка и бурлива, что у него поневоле прошла всякая охота riskовать при переправе впасть.

Въехав на своей лошади на паром, Жак остался в седле и во время переправы сохранял важный и неприступный вид конной статуи.

Далее путешественники повернули на литтонскую дорогу, по всей вероятности, одну из самых примечательных на свете. Она змеится по левому нагорному берегу Фрззера. С одной стороны дороги громоздятся скалы и нависают горные выступы, с другой — совершенно отвесный обрыв на высоте двухсот метров над рекой.

Местечко Литтон путешественники проехали днем и к ночи прибыли в Иэль, настоящий цивилизованный город. Здесь их ждал сытный ужин и ночлег в хорошем номере на мягкой постели.

Выехав рано утром из Иэля и миновав Гоп, путники поспешили поскорее преодолеть расстояние, отделяющее их от границы Соединенных Штатов.

Мустанги скакали быстро, и через два часа Жюльен, осадив свою лошадь, объявил:

— Мы приехали.

— Куда? — спросил Жак.

— В Соединенные Штаты Америки.

— Очень приятно, — равнодушно произнес Жак. — А почему ты так решил? Я не вижу никаких пограничных столбов и ничего такого, что указывало бы на границу.

— А между тем граница существует, и очень точная. Английские владения отделяются от территории Соединенных Штатов не более как 49-й северною параллелью.

— И неужели этой условной границы достаточно?
— Совершенно достаточно. Американцы не такой народ, чтобы позволить отнять у себя хоть одну пядь земли.
— Да, народ крепкий, — согласился Жак, вспомнив свои похождения в Ситке. — Однако чего же мы остановились? Пора переступить эту невидимую астрономическую черту.

Глава VII

От англо-американской границы до Такомы. — Первая станция железной дороги. — Жак за газетой. — Развязная бесцеремонность американских граждан. — По поводу... зубной щетки. — Жак теряет терпение и наносит удар. — Американские нравы. — Полковник Бутлер. — Почему дуэль отложена на две недели. — Все довольны, кроме Перро. — Жак приобретает славу.

Итак; французы Жюльен де-Кленз, Жак Арно и канадец Перро пересекли англо-американскую границу, то есть 49-ю параллель, недалеко от 122° западной долготы по гринвичскому меридиану.

В тот момент, к которому относится настоящий рассказ, они находились в двухстах верстах от Такомы, городка, в сущности, ничем не примечательного, но предоставляющего нашим путешественникам право не трястись, как прежде, верхом на лошадях, а воспользоваться таким благом цивилизации, как железная дорога.

Такома стоит на берегу пролива Пэджет на 47° 15' северной широты в начале железнодорожного пути, пересекающего южную часть штата Вашингтон и проходящего почти через весь штат Орегон.

Избегая бесчисленных возвышенностей и глубоких долин, которые тянутся с севера на юг и придают всей стране вид в высшей степени дикий, путешественники повернули на юго-восток к проливу Георгия, отделяющему остров Ванкувер от материка.

Ровная местность позволила им пустить лошадей во весь опор. Полудикие мустанги неслись вперед с обычной неутомимостью, вплавь переправились через реку Нурсак, миновали форт Беллингем и доставили своих всадников в Свиномиш, проделав, таким образом, изрядный путь в тринадцать миль.

Жак сначала не прочь был ехать немедленно дальше, но потом уступил доводам Жульена, который убедил его сделать остановку на ночь ввиду трудностей предстоящего пути.

Остановка оказалась вдвойне полезною для путников.

Мустанги переправляются через реку

Один метис, агент американской компании и сотоварищ Перро, гостеприимный хозяин приютившего их дома, сообщил им, между прочим, о том, что через три реки на пути их следования можно найти брод, если только повернуть немного на восток до пересечения с телеграфной линией.

Благодаря этой ценной информации путники получили возможность избежать троекратного купания, которое в конце концов могло бы иметь, пожалуй, и печальные последствия, если даже не для их жизни, то во всяком случае для здоровья.

Таким образом, все шло как по маслу, и наши друзья

благополучно прибыли в Ситтль, отстоящий всего на тридцать две версты от Такомы.

Ночь они провели прескверно. Сам Жюльен, несмотря на свое хладнокровие, долго не мог сомкнуть глаз от волнения, в предвкушении всех благ цивилизации, которыми они завтра воспользуются.

Чуть свет они пустились в путь, весь переход скакали крупною рысью, преодолели вплавь, за неимением бродов, три или четыре реки и, наконец, прибыли в Такому, вымокнув до костей.

В Такоме, к своему огорчению, друзья узнали, что первый поезд уже ушел и что следующий будет только в три часа. Поэтому все время до поезда они бесцельно бродили по городку, который не имел ничего примечательного или живописного. На рейде стояло несколько кораблей, нагруженных углем и лесом.

Сверх того, на станции Жюльен узнал, что железная дорога доведена только до Каньонвилля, небольшого местечка, находящегося на 42° северной широты, что он совершенно упустил из виду, хотя прежде и знал об этом. Жюльен рассчитывал, что железную дорогу доведут к этому времени до Сан-Франциско, а между тем оказалось, что этого не произошло. Таким образом, от Каньонвилля до Генлея путешественникам предстояло вновь ехать верхом или в дилижансе по сквернейшей дороге, а расстояние было не малое — верст сто. Да столько же, если не больше, нужно было трястись от Генлея до Шасты.

Жюльен терпеть не мог дилижансов и никогда ими не пользовался. «Все что угодно, только не эта мерзость», — таков был его зарок как путешественника. Он питал к этому способу передвижения почти такое же сильное отвращение, как его друг Жак Арно к плаванию по воде.

Вследствие этого Жюльен предложил перевезти лошадей до Каньонвилля по железной дороге в отдельном вагоне и затем ехать опять верхом.

Жак и Перро единогласно приняли предложение.

Но вот наконец прошли и томительные часы ожидания поезда. Приближалась минута отъезда. Резкий, пронзительный свисток локомотива показался Жаку «небесной музыкой», — так, по крайней мере, выразился он.

Все время, пока поезд громыхал по рельсам, Жак не мог нарадоваться той глубокой продуманностью всех мельчайших деталей комфорта, которою отличаются американские железные дороги.

Начать с того, что пассажиру никогда не приходится

стоять перед билетной кассой в длинном хвосте очереди. Билеты можно приобрести всюду: во всех гостиницах и агентствах. Кроме того, билетные кассы открываются не только перед отъездом: они работают целый день, таким образом можно приехать на станцию, уже заранее запасшись билетом.

Далее — пассажир не попадает немедленно, за свои же деньги, в зависимость от последнего железнодорожного служащего. Он совершенно свободен и ходит всюду где угодно, не попадая ни под чью опеку и ни под чей надзор. Разделения на классы нет: пассажир садится в любой вагон. Тесноты не бывает; вагоны везде просторны, высоки; духота — вещь совершенно неизвестная здесь.

Наконец, если пассажир засунет свой билет за ленту шляпы, то контролер его не станет беспокоить, а, подойдя, возьмет билет сам, проколет и положит на место.

Вагоны ближнего сообщения устроены удобно и вместе с тем просто. Ассортимент же вагонов дальнего следования весьма разнообразен: это вагоны-спальни, или *sleeping-cars*, вагоны-салоны, вагоны-рестораны и прочее. Проезд в этих вагонах одинаково доступен для любого кошелька; к обыкновенной цене делается лишь весьма незначительная доплата.

Все время Жак наивно восторгался американскими железнодорожными порядками, благодаря которым путешествие не только не тяготит путника, а даже наоборот — доставляет удовольствие.

Но вскоре ему пришлось убедиться, что и на этом лучезарном фоне есть темные пятна.

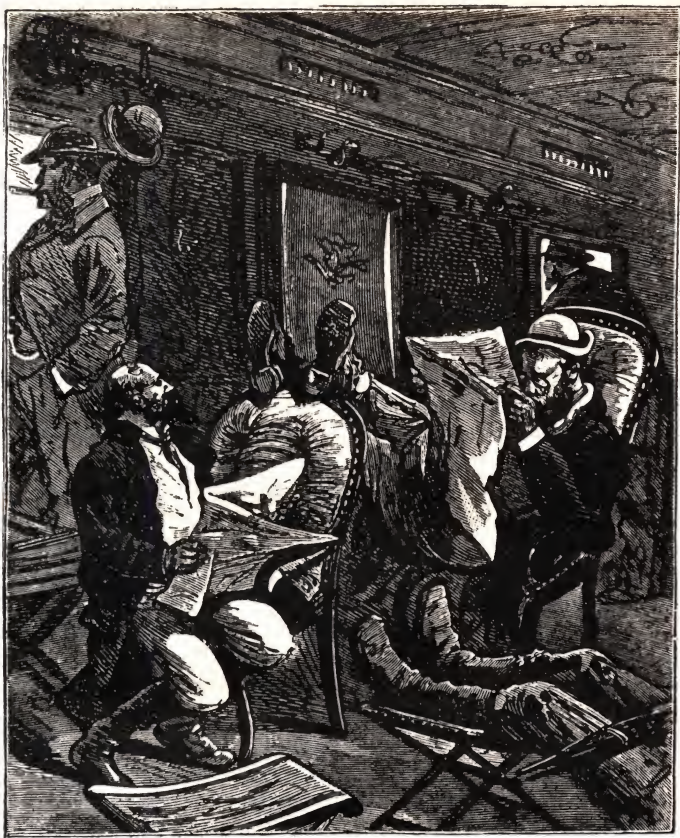
Пройдя сорок верст, поезд остановился на станции Тенино, где маленькая боковая ветвь соединяется с магистралью, идущей на Олимпию, главный город территории Вашингтон.

Несколько мальчишек проворно взобрались на подножки вагонов и принялись визгливо выкрикивать названия и заголовки газет, листки которых еще не успели просохнуть после печати.

Жак купил номер какого-то *Olympia-Fimes* и старательно принялся читать его. Скептик Жюльен давно уже перестал верить газетам; он не соблазнился купить себе номер и продолжал свою нескончаемую беседу с Перро о канадских метисах.

Жак добросовестно углубился в чтение, не обращая внимания на порою слишком громкие крики других пассажиров, чересчур оживленно обсуждавших цены на сало,

Он увидел на своем кресле чьи-то подошвы

кожу и керосин, точно здесь был не вагон-салон, а биржа.

Наконец Жака начали несколько раздражать толчки то коленями, то локтями, которыми награждали его соседи; впрочем, без всякого дурного умысла.

— Черт знает что такое! — бормотал он себе под нос. — Это совершенно невозможные люди. Невежи какие-то. С ними просто нельзя находиться рядом. Мне никогда и не снилась подобная грубость.

Он встал со своего места, чтобы пересесть на другое, поближе к Жюльену и Перро. По дороге он поскользнулся, ступив в какую-то черную лужу.

Сидевшие рядом три джентльмена жевали табак и постоянно сплевывали на пол.

Состроив гримасу отвращения, Жак поспешно вернулся на прежнее место и вновь углубился в чтение. Но тут вдруг он почувствовал легкое прикосновение к затылку.

Быстро обернувшись, он увидел на уровне своего лица две огромные подошвы. Какой-то пассажир, сидевший сзади, преспокойно положил свои ноги на спинку кресла Жака.

Это показалось французу несколько фамильярным. Но как тут протестовать, когда почти все пассажиры в вагоне сидели точно в таких же позах, нисколько не шокируя друг друга.

Жюльен взглянул на друга, увидел его страдальческую мину и громко расхохотался.

— Ну, что бы ты сделал на моем месте? — спросил его Жак, вставая. — Лучше научи меня, чем смеяться.

— Во Франции я предложил бы такому господину перейти в вагон для транспортировки скота, — отвечал Жюльен. — А если бы он не послушался, то дал бы ему пощечину. В Америке дело другое: в каждой стране свои нравы, и в чужой монастырь со своим уставом не лезут.

— Нет, право, — проворчал Жак, — якуты, буряты и чукчи мне гораздо больше нравятся: они добродушнее и человечнее, наконец, даже благовоспитаннее. Эти же меня просто бесят своим наглым невежеством.

— Только, пожалуйста, не думай с ними связываться, — испугался за друга Жюльен. — Ей-богу, не стоит; их ты все равно не перевоспитаешь, только себя поставишь в смешное положение.

Эти мудрые слова на время смирili гнев Жака. Вскоре наступила ночь, и наши путешественники, после плотного, хотя и не изысканного ужина, расположились на ночлег в спальном вагоне.

Перед тем как лечь, Жак по привычке разложил возле своего спального места на ручном чемоданчике кое-какие туалетные принадлежности, купленные им при проезде через Изль: мыло, гребенку, пилку для ногтей и непременно зубную щетку.

Я говорю непременно, потому что допускаю, что можно обойтись без белья, без платья, без сапог, без чулок, без соли, без табаку, без чего угодно, — но не допускаю возможности обходиться без зубной щетки.

Жак Арно разделял мое мнение и потому хранил свою щетку как зеницу ока — и сохранил, несмотря на все беды и напасти, которые ему пришлось вынести.

Оцените же, читатель, меру возмущения его при пробуждении, когда он увидал, как сосед — тот самый, который клал свои ноги на спинку его кресла, — преспокойно кладет на место его зубную щетку, вычистив ею свои огромные волчьи зубы.

Задыхаясь от ярости, Жак наскоро оделся, натянул сапоги и дрожащим голосом спросил бесцеремонного янки:

— Вы посмели... взять... мою щетку?..

— Yes, sir, — отвечал тот, удивляясь, из-за чего это так волнуется незнакомый пассажир.

— Моей щеткой... вы чистили свои зубы?..

— Что же тут особенного? Между путешественниками всегда существует обмен мелкими услугами. Ведь вы, надеюсь, не отказали бы мне в щетке для ногтей, для платья или для сапог?

Такое глубокое непонимание самых элементарных вещей озадачило и обезоружило Жака.

Но, к несчастью, он вдруг услышал воркотню соседей. Ему показалось, что над ним смеются.

— Неужели вы думаете, что я стану после вас чистить свои зубы? — произнес он дрогнувшим от гнева голосом.

— Как вам угодно... Ведь я же чистил после вас.

Сказав это, американец вдруг как бы спохватился. Ему пришла в голову весьма опрометчивая мысль.

— А чтоб не было лишних разговоров, — флегматично продолжал он, — вот мы на чем с вами порешим. Щетка стоит, вероятно, не дороже шиллинга? Я вам заплачу за нее доллар, только оставьте меня в покое.

С этими словами американец сунул руку в жилетный карман, достал серебряный доллар и кинул его Жаку.

Оскорбленный француз света не взвидел от злости, хрипло вскрикнув, он кинулся на янки и прежде чем успел вмешаться Жюльен, ударил его кулаком прямо в лицо с ловкостью и силой настоящего боксера.

Американец, взмахнув руками, упал и растянулся вдоль коридорчика вагона.

— Ловко, черт возьми! — сказал Перро. — Молодец, земляк! Честь вам и слава!

— Слава славой, а неприятностей нам все-таки не избежать, — заметил Жюльен.

Между тем к поверженному кинулись соседи, sprysнули его водой и помогли встать на ноги. Но, Боже мой! — каким великолепным синяком было украшено его лицо!

Увидав Жака, подле которого стояли Жюльен и Перро, он опознал в нем своего оскорбителя.

— Полагаю,— холодно сказал он,— что вы имели намерение меня оскорбить?

— Оскорбить? Нет,— отвечал Жак,— я просто хотел вас наказать за вашу наглость.

— Я полковник Сайрус А. Бутлер. Я убил на дуэли пять человек.

— Вы просто хвастун. Оставьте эти хвастливые выходки опереточным полковникам и не пытайтесь меня запугать: это вам не удастся. Потрудитесь сформулировать, чего именно вы от меня добиваетесь?

— Я желаю знать, имели вы намерение меня оскорбить или только подражаться?

— Оскорбить. Наказать и оскорбить.

— В таком случае я вас убью.

— Опять хвастаетесь? Впрочем, если вы серьезно предлагаете мне дуэль, то я к вашим услугам. Вот и свидетели мои; потрудитесь указать ваших.

Полковник молча поглядел на Перро и Жюльена, кивнул одобрительно головою и перевел глаза на остальных пассажиров.

Потом его вдруг как бы осенила внезапная мысль, и он спросил Жака, не давая прямого ответа на его предложение.

— Вы куда едете? В Сан-Франциско?

— Да. А что вам до этого?

— Как что? Я сам туда же еду. И долго вы думаете там пробыть?

— Недели две.

— Хотите отложить дуэль на этот срок? Вам же лучше: подольше сохраните себе жизнь.

— Благодарю вас. Вы очень добры. Но почему не сейчас?

— Потому, во-первых, что вы дольше проживете на свете, а во-вторых — у меня есть дело в Сан-Франциско. Я еду жениться и, кроме того, «подогреть» выборы моего будущего тестя в сенат.

Ситуация Жаку казалась все смешнее и смешнее.

— Но какое же отношение может иметь наша дуэль к женитьбе и сенатским выборам? Одно другому не мешает, я думаю.

— Отец моей невесты, мистер Даниэль Вельс, сам тоже уложивший на дуэли пять человек, никогда мне не простит, если я не приглашу его к себе в секунданты. С другой стороны, моя невеста, мисс Леонора Вельс, большая любительница всякого рода спорта и сама прекрасно стреляет. Она будет моим вторым секундантом.

— Полковник,— сказал Жак, состроив серьезную грима-

су, я должен вам сказать, что вы замечательный оригинал. Знаете, что я думаю о вашем предложении?

— Что?

— Я нахожу его великолепным. Кроме того, я считаю вас превосходнейшим зятем и лучшим в мире супругом...

— Следовательно, вы соглашаетесь...

— Драться в Сан-Франциско в тот день, когда нам обоим покажется удобным.

— Вы настоящий джентльмен, и я очень рад, что не вытащил револьвера сейчас же, как только встал на ноги после вашего удара. А сказать по правде, у меня было это желание, и я собирался пристрелить вас как собаку.

— Ну, душа моя, это тебе не удалось бы. — вмешался вдруг молчавший до этого времени Перро. — Я все время следил за тобой зорко-зорко. Да и на дуэли тебе не удастся убить monsieur Жака Арно. Убить человека, проехавшего сюда из Парижа через Сибирь, через Америку, то пешком, то верхом, то на воздушном шаре! Держу пари сто против одного, что это никому не удастся.

Эта энергичная речь произвела большой эффект.

Жаком сразу заинтересовались все. В нем открыли «great attraction» *, по американскому выражению. Да и магическое для янки «держу пари», в устах канадца, тоже сильно подействовало на всех.

Сейчас же все пассажиры пожелали принять участие в пари, даже хорошенько не разобрав еще, в чем смысл спора.

Полковник был в восторге. Его лицо, украшенное синяком, сияло.

— Джентльмены! — вскричал он. — Вы не поверите, как я счастлив, что имею своим противником такого замечательного человека. Нашей дуэли будет радоваться и завидовать весь город. Мы будем драться в большой зале Альгамбры, на Монтгомери-стрит, и мистер Вельс наймет ее для этого случая. Встреча наша произойдет накануне дня выборов и сейчас же вслед за митингом республиканцев. Какой успех для мистера Вельса! Кандидат демократической партии не сумеет доставить подобного развлечения своим избирателям. Человек, убитый на дуэли! Шутка ли!

Жаком овладело безумное веселье. Он расхохотался. Жюльен долго крепился, но под конец тоже последовал его примеру.

— Скажите же, джентльмены, вы согласны? — продолжал полковник. — Мы можем назначить пять долларов за

---

* Грандиозное развлечение (англ.).

вход, и половина сбора пойдет в пользу наших наследников.

Такое необузданное нахальство взорвало наконец Перро. Он заговорил резко, с жаром:

— Поверьте, сударь, что не он, а вы будете убиты, и сбор пойдет на ваши похороны. Monsieur Арно не нуждается в ваших поганных деньгах. Знайте, что у него есть в Бразилии пятьдесят квадратных миль земли, с такими лесами, какие найдутся только в Канаде, и с такими серебряными рудниками и золотыми приисками, перед которыми Карибу и Невада все равно что ничего. Кроме того, алмазные копи у него такие, что в них бриллиантов больше, чем во всех ваших штатах. Очень ему нужны ваши доллары!.. Если бы он захотел, он бы мог купить здесь вас всех вместе взятых, и со всем поездом, со всею железной дорогой.

Во Франции подобное сообщение вызвало бы всеобщий смех, и Перро наверное приняли бы за сумасшедшего. В Америке, напротив, Жак немедленно сделался героем, а Перро снискал всеобщие симпатии.

Все окружили путешественника и наперебой принялись рекомендовать ему в Сан-Франциско — кто лучшую гостиницу, кто увеселительные места, кто лучшее кафе, кто наиболее приятную прогулку. Один хвалил револьверы Смита и Вессона, другой советовал непременно приобрести для дуэли Нью-Кольтовские и прочее и прочее и прочее.

Но всех оригинальнее вел себя в эти минуты полковник Бутлер. Убедившись, что случай с Жаком представляет пышную рекламу для мистера Вельса, а следовательно и средство еще сильнее пленить сердце мисс Леоноры, полковник буквально засыпал француза своими любезностями. При этом янки нализался как сапожник, употребляя водку в качестве внутреннего лекарства от наружного недуга, причиненного кулаком Жака.

Обескураженный появлением столь неожиданных и непрошенных поклонников, Жак ходил из вагона в вагон в поисках уголка, где можно было бы от них скрыться.

Наконец он свободно вздохнул: поезд остановился на большой станции.

Приехали в Каньонвилль.

Глава VIII

От Каньонвилля до Шасты.— От Шасты до Сан-Франциско.— Нищенское положение краснокожих.— Как действует на индейцев цивилизация.— «Резервации».— Ложное представление об индейцах.— Драгоман.— Переходное время.— Увеличение индейского населения.— Краснокожие посылают детей в школу.

Отвлечшись на приключение Жака, мы забыли, хотя бы вкратце, описать читателям места, через которые следовал поезд, мчавший наших путешественников.

Миновав станцию Тенино, о которой мы упоминали, поезд в течение ночи пробежал территорию Вашингтон и прогремел по мосту над огромной колумбийской рекою, которая служит ей южной границей. Затем путешественники миновали Орегон, с городом Порландом, возникшим лишь вчера, но уже приобретшим важное значение, и, наконец, Солем и Юджен-Сити, большую станцию на 44-й параллели.

Далее поезд проследовал крутым ущельем Калапуйских гор, пересек три или четыре реки по высочайшим мостам в чисто американском вкусе, от которых голова кружилась, если глядеть вниз, и на две минуты остановился в Винчестере, где и произошла у Жака известная стычка с полковником Бутлером. Оттуда после двукратной остановки — в Розенбурге и Миртльвилле — поезд прибыл наконец в Каньонвилль, конечный пункт Североамериканской железной дороги (Northern-American-Railroad).

Три друга вышли из вагона после четырнадцатичасовой езды и получили своих мустангов, выведенных на платформу из специального вагона и громким ржанием протестовавших против продолжительного заключения в духоте, которому их подвергли.

Пассажиры, которым предстояло дальнейшее путешествие в дилижансе, не без зависти посматривали на эту тройку сильных и бойких лошадей.

— Господа, вы приедете в Сан-Франциско раньше меня, — сказал путешественникам полковник Бутлер. — Так не забудьте, пожалуйста, нанести визит мистеру Даниэлю Вельсу; он вас примет как старых друзей. Передайте также от меня почтительнейший поклон мисс Леоноре. Адрес таков: 24, Невада-стрит.

— Хорошо, полковник, будьте покойны! — со смехом отвечали ему Жюльен и Жак и, дав шпоры коням, вихрем помчались вперед в сопровождении Перро.

Мустанги бежали неумоимо. Только американским скотоводам по силам вырастить таких неимоверно выносливых

На площадке вагона находилось трое индейцев

животных, которым и горы, и реки, и болота — все нипочем.

В городке Генли путешественники видели дорогу, по которой прокладывался рельсовый путь, долженствовавший в скором времени соединить Каньонвилль с Шастой. Торопясь доехать поскорее до этого города, где можно было вновь воспользоваться железной дорогой, путешественники делали лишь самые необходимые остановки.

Дорога от Генли до Шасты прекрасная, с великолепными мостами и виадуками, так что всадники имели возможность ехать все время аллюром.

По приезде в Шасту путешественники опять наняли

для лошадей отдельный вагон и сами заняли места в салон-вагоне, чтобы со всем комфортом доехать до Сан-Франциско, до которого от Шасты десять часов езды на скором поезде.

Они уселись в роскошном вагоне, и поезд тронулся. Вдруг до слуха их донеслась очень громкая перебранка. Неприятный, грубый женский голос кричал что-то на индейском языке, и этому голосу возражал тоже женский, но не грубый, а плачущий, жалобный.

Диалог закончился громкой оплеухой.

Жюльеном овладело любопытство. Он отворил заднюю дверь вагона, и вот что представилось их с Жаком взорам.

На площадке следующего вагона стояло трое одетых в грязные лохмотья индейцев. Две женщины и мужчина.

Высокий краснолицый индеец с гордостью испанского гидальго драпировался в рваный плащ, очевидно, цивилизованного происхождения. Из национальных атрибутов на нем были только мокасины из буйволово́й кожи.

Женщины были наверняка еще молоды, но на вид обе казались гораздо старше своего возраста. Старшей было не больше двадцати пяти лет, а на вид можно было дать лет сорок, младшая, скорее всего совсем еще девочка, смотрелась женщиной лет тридцати.

Младшая горько рыдала, и крупные слезы текли по ее лицу.

Старшая, вне себя от гнева, занесла опять руку, собираясь повторить пощечину.

Но тут на подножке вагона появился драгоман * поезда, и его приход остановил занесенную руку. Такие драгомены имеются в Америке на всех больших железнодорожных линиях. Их обязанность — давать пассажирам всевозможные объяснения и справки. Они должны говорить на нескольких языках.

— Ах вы, гадины! — вскричал он. — Неужели у вас не было времени подраться дома? Зачем вы беспокоите пассажиров криком и шумом? Или вы забыли, что железная дорога перевозит вас бесплатно с условием не шуметь, не сходить с отведенной для вас подножки и вообще вести себя прилично?

— Гу! — отвечал индеец. — Мой брат говорит совершенно верно. Но должна же старая жена Филина научить его молодую жену, как нужно исполнять свои обязанности.

— Так это твои жены?

— Мой брат говорит правду.

---

* Толмач, переводчик.

— Какие же могут быть у них обязанности по отношению к такому негодяю, как ты?

— Гу!.. Они должны во время войны носить за Филином оружие и припасы, в мирное время собирать хлеб, молоть муку...

— Не продолжай. Знаю. Иными словами, они должны делать всякую работу, а ты сидеть сложа руки, как самый неисправимый лентяй.

— Гу!.. Филин великий вождь.

— И негодяй тоже порядочный. Ну, да во всяком случае это твое дело: веди только себя смирно. Да, вот еще что скажи: за что это твоя старшая жена побила младшую?

— У Филина нет денег на табак и огненную воду. Старая жена его учила молодую, как нужно просить милостыню у бледнолицых. Для этого она и побила ее, чтобы она умела плакать и ныть.

Слыша такой удивительный разговор драгомана с индейцами, Жак не верил своим ушам.

На Жюльена это не произвело никакого впечатления. Ему уже приходилось однажды путешествовать по Северной Америке, и теперь он только посмеивался над наивным изумлением своего друга.

— Ну,— сказал он ему наконец,— что скажешь ты об этом индейце, тронутом цивилизацией?

— Все это не делает чести ни ему, ни цивилизации. Впрочем, я не думаю, чтобы он был чистокровным индейцем.

— Как? Да взгляни на его череп, на все его лицо. Чище этнический тип трудно найти.

— Ни за что не поверю! Такое вырождение — в столь короткое время!

— Что делать, дружок. Как ни грустно, а приходится признать тот факт, что потомки делаваров, ирокезов, гуронов и прочих превратились по большей части в нищих, кланча себе бесплатный проезд по железным дорогам. Прежний гордый тип индейца сохранился разве только в резервациях.

— Что это такое резервации?

— Землями резервации называются в Америке земли, отведенные для индейцев, вытесненных с их прежних территорий. Этим индейцам запрещается покидать отведенные им места под страхом смертной казни, благодаря этому у них и сохранились древние нравы и обычаи.

— Поверьте, джентльмен, что и те не лучше,— вмешался в разговор драгоман.— Все они, по натуре своей, одинаково бродяги и лентяи, не во гнев будет сказано Шатобриану, Майн Риду и Куперу.

— Вы слишком строги, мне кажется. Впрочем, оно и понятно: ведь вы американец.

— Ошибаетесь, — на чистейшем французском языке возразил драгоман, — я европеец, швейцарец. Три года тому назад я приехал сюда, весь пропитанный европейскими филантропическими иллюзиями. С тех пор мои взгляды сильно переменились.

— Нет, вы все-таки не совсем правы, — горячо вступился Жак. — Если бы американцы вместо того, чтобы загонять краснокожих, как зверей, и одурять их водкой, позаботились хорошенько об их просвещении, результат был бы иным. Законы гуманности ведь одинаковы что для белого, что для краснокожего.

— Вы мне позволите быть откровенным?

— Сделайте одолжение. Я буду очень рад выслушать все ваши доводы, которые, я заранее чувствую, меня не переубедят.

— Вы говорите, что законы гуманности одинаковы для белых и индейцев. Прекрасно. Белые признают это и отводят индейцам земли для поселения, и земли достаточные. Но индеец не хочет заниматься ничем, кроме охоты, и отказывается возделывать эти земли. Что же получается? Огромная территория, могущая прокормить десять тысяч человек, едва дает пропитание тремстам. Что же, так это и оставлять? В жертву варварству принести цивилизацию? Отказать в хлебе тысячам белых ради лености нескольких сотен дикарей?

— С этой точки зрения вы правы, сударь, — вмешался Жюльен. — Против закона природы ничего не поделаешь. Из двух столкнувшихся рас одна непременно должна взять верх.

— Вернее сказать, одна вберет в себя другую и сольется с нею воедино.

— Как? Неужели вы думаете, что люди, подобные вот этому субъекту, который курит выпрошенную у меня сигару, превратятся когда-нибудь в граждан Федерации?

— Во всяком случае они со временем дадут граждан Федерации. Не верьте, пожалуйста, европейскому расхожему мнению об истреблении медно-красной расы.

— Как, сударь? Этак вы, пожалуй, скажете, что индейское население не только не вымирает, а, напротив, увеличивается?

— Я уверен в этом и могу доказать фактами.

— Это очень странно, — вмешался Жак. — Везде говорят и пишут, что в скором времени в Канаде и в Соединенных Штатах не останется ни одного индейца.

— Двадцать лет тому назад это, пожалуй, можно было утверждать, но теперь нельзя. Между прочим, население Верхней и Нижней Канады давно уже перестало уменьшаться, а новейшие статистические данные доказывают даже очень быстрый его рост.

Жак все более удивлялся, слушал и не верил ушам.

— То же самое и в Соединенных Штатах,— продолжал драгоман.— Но, конечно, вместе с тем исчезает и национальная самобытность, так что краснокожее население если и не пропадает бесследно, то, во всяком случае, сливается с белым, и нужно ожидать, что в скором времени все этнические различия сгладятся.

— Дай Бог! — произнес Жак.

— И в этих новых американских гражданах будет почти невозможно признать потомков таких господ, как этот попрошайка, драпирующийся в дырявый плащ и, слышите, клянущий у вас вторую сигару.

— Да, печальный субъект, что и говорить. Неужели все переходные типы таковы?

— Ну, этот особенно выделяется. Он, очевидно, первостатейный пьяница и лентяй! Но заметьте: он, наверное, и сам понимает, что его леность и пьянство несовместимы с жизнью в цивилизованном обществе.

— Не может быть.

— Хотите, я его спрошу?

— Пожалуйста.

— Скажи мне, вождь, откуда ты едешь?

— Из земли моих братьев, кламатов.

— Что ты делал у кламатов?

— Покупал вторую жену. Филин очень беден.

— Если ты беден, как же ты купил себе жену? Зачем она тебе?

— Она будет на меня работать. У неженатого индейца очень много работы, а на женатого работают жены. Гу! Жены Филина засеют ему поле, а потом он отдаст их работать на дорогу.

— А что ты будешь делать с деньгами, которые они заработают?

— Я куплю виски и еще жену, третью.

— Третью! Ты хочешь завести трех жен!

— Гу! Святые с Соляного Озера имеют жен еще больше.

Дикарь намекал на известную секту мормонов, проповедующих многоженство.

— Зачем ты брал к кламатам свою старую жену?

— Чтобы она выучила молодую. Молодые жены, как

только их купишь, ни на что не годятся, а только плачут по родине. Старые их бьют, пока те не перестанут плакать и не сделаются умнее.

— А почему же ты сам их не учишь?

— Гу! — вскричал индеец с ужасом. — Да разве это возможно? Если белые увидят, что я бью жену, они меня повесят.

— И поэтому ты предпочитаешь устраивать драку между своими женами. Это очень удобно и остроумно. Скажи мне, вождь, еще вот что: думаешь ли ты иметь детей?

— Конечно.

— Что ты с ними будешь делать?

— Они будут ходить в школу к белым.

Жак и Жюльен ожидали всякого ответа, только уж никак не такого.

Они не могли удержаться, чтобы не выразить крайнего изумления.

Драгоман продолжал допрос.

— А зачем ты будешь посылать их в школу?

— Чтобы они научились там понимать, что огненная вода — яд для человека; чтобы выучились возделывать землю, как белые, и кормиться ее плодами; чтобы они переняли как можно больше у детей Великого Отца — Вашингтона.

— Ну, господа, — с торжествующим видом обратился к французам драгоман, — убедились ли вы теперь? Вот вам и «переходный человек», уже понимающий пользу образования и желающий научить своих детей трезвости и оседлому земледелию. Успокоились ли вы теперь за будущность медно-красной расы?

— Совершенно убедился и успокоился, — отвечал Жюльен, — и отдаю вам должное. Но тем не менее меня все-таки удивляет противоречие между вашими первыми словами и последними.

— Это очень просто. Не могу же я смотреть как на равного на такого субъекта, который напивается пьян, как только дорвется до водки, который ничего круглый год не делает и пользуется своими женами как рабочим скотом. Нравственного чувства у него нет и малейшего, и я ничем не могу развить в нем его. Вот почему я и сказал, что мои филантропические воззрения на краснокожих развеялись, как дым, лишь только я пожил в Америке. Впрочем, они не то что совсем развеялись, а сделались правильные, трезвее. Не всех индейцев я признаю за равных себе, а только тех, которые обратились к труду. Так смотрят на это дело и янки, и они, по-моему, безусловно правы.

Глава IX

Прибытие в Сан-Франциско.— Дворцовая гостиница.— Неожиданный визит.— Каким образом будущий тесть полковника Бутлера отыскала троих путешественников.— Дочь мистера Вельса.— Впечатления Жака Арно от американских нравов.— Жак с досадой узнает, что он рискует сделаться зятем.— Жизнь на параз, или, вернее, на электрическом токе.— Жак строг, но, вероятно, несправедлив к мисс Леоноре.— Будуар женщины, любящей спорт.— Виртуоз пистолетной стрельбы.— Заключительное словечко.

Наконец поезд прибыл в Сан-Франциско и с грохотом остановился у крытой платформы роскошного вокзала, делающего честь этому большому городу.

Драгоман расхваливал дорогой нашим друзьям Дворцовую гостиницу как лучшую в городе, и в ней они решили остановиться.

Вообразите себе громадное семиэтажное здание, со множеством окон и балконов, с тремя подъемными лифтами, двумя монументальными лестницами и с целой тысячей комнат. При каждой — уборная и ванна. Сверх того, множество салонов, курилен, читален и огромный крытый двор, где прогуливаются многочисленные постояльцы.

В нижнем этаже помещается hall — огромная сквозная зала, где каждый может прогуливаться, читать газеты, покачаться в кресле-качалке, полюбоваться картинами, висящими на стенах, просмотреть телеграммы, приходящие со всех концов света, фантастические афиши и рекламы в американском вкусе, приобрести лотерейные билеты или просто посидеть в кресле, задрав ноги выше головы и нахлобучив на нос шляпу.

— Не угодно ли вам расписаться в книге, — вежливо предложил нашим путешественникам встретивший их по приезде в гостиницу клерк в черном фраке и с козлиной бородой, указывая на толстую шнуровую книгу, лежавшую на широком пюпитре из черного дерева с серебряной инкрустацией.

Такой книге, в которую записываются имена всех приезжающих, в американских гостиницах отведена большая роль. Всякий из публики может просматривать ее в любое время, и благодаря ей происходят иногда весьма важные события.

Так случилось и с нашими друзьями два часа спустя после их приезда.

Жюльен вписал своим тонким изящным почерком имена своих спутников и свое. Клерк обвел все три имени скобкой, поставил внутри ее номер апартаментов, которые заняли

— Не угодно ли расписаться в книге!

друзья, и вызвал коридорного, чтобы тот проводил их.

На этом завершились все формальности водворения приезжих в гостиницу.

Устроившись, путешественники прежде всего основательно занялись своим туалетом, чего давно не имели возможности сделать и что так легко и удобно осуществить в американских гостиницах, этих эталонах комфорта.

Друзья уже собрались осматривать город. Жюльен, кроме того, хотел побывать у французского консула и взять в банке деньги по переводу на Сан-Франциско, как вдруг в прихожей номера зазвенел электрический звонок.

Вошел коридорный, неся на серебряном подносе визитную карточку, и подал ее Жюльену.

— Сам джентльмен здесь, — сказал коридорный, между тем как Жюльен с удивлением разглядывал лощеный квадрат бумаги.

— Что такое? — заинтересовался Жак.

— Взгляни сам.

— Даниэль Т. Вельс, 24, Невада-стрит, Сан-Франциско, — вслух прочитал Жак, изумившись не менее друга. — Да ведь это мистер Вельс, будущий тесть полковника Бутлера, отец кроткой мисс Леоноры, глазки которой ждут не дождутся зрелища моей смерти!.. Что же, очень приятно. Милости просим... Свидание будет прекурьезное.

Коридорный вышел. Через несколько минут в дверях показался худощавый, подвижный человек среднего роста, с седой бородой и такими же волосами и с чрезвычайно пронизательным взглядом. Он вошел свободно, несколько шумно, с каким-то фамильярным добродушием.

— Если не ошибаюсь, господа, — сказал он, — я имею честь говорить с графом де Кленэ и господином Жаком Арно?

— Да, сударь, — холодно возразил Жюльен. — Что вам угодно?

— Что мне от вас угодно?.. Да право же, ничего особенного. Я просто хотел видеть вас, познакомиться с вами, пригласить вас к себе в дом... Я представлю вас своей дочери, мисс Леоноре, покажу вам город и окрестности, познакомлю с лучшими здешними прогулочными местами. Я знаю, что вы настоящие джентльмены. Мой будущий зять, полковник Сайрус Бутлер, телеграфировал мне о вас со всеми подробностями... о том, как вы с ним познакомились. Вас ждут здесь со вчерашнего дня. Известие о вашей будущей дуэли облетело весь город. Уже составились даже пари. Известно также, что вы лица важные, и вы сделались героями дня. Ну же, принимайте скорее мое приглашение, без церемоний, попросту, по-приятельски. Поедьте ко мне. Пообедаем вместе. Потом я вернусь к своим делам, а мисс Леонора будет вас занимать, станет вашим чичероне... Ах, если бы вы знали, как я занят, как я тороплюсь!

— Хорошо, я согласен, — сказал с легкой улыбкой Жюльен, взглядом посоветовавшись с Жаком.

— А я поброжу тем временем по городу, — заявил Перро, — попрошу у вас отпуска.

— Пожалуйста, пожалуйста, дорогой друг. Делайте все, что вам будет угодно, а главное — не экономьте. Вам пре-

доставляется неограниченный кредит. В случае, если мы вам понадобится, вы знаете, где нас найти.

Карета мистера Вельса, запряженная превосходными кровными рысаками, стрелой помчалась по улицам города.

Здесь мы полагаем уместным приостановить течение нашего рассказа и познакомить читателя с дальнейшими событиями прямо по материалам путевых заметок Жака Арно, относящихся к пребыванию наших путешественников в доме американского крупного дельца.

Жак Арно писал свои заметки, находясь под свежим, еще не отстоявшимся впечатлением от происшедших событий. Вследствие этого они дышат неподдельным реализмом и самую искреннюю правдой. Портреты в них — вернейшие фотографии.

Цитируем дневники дословно.

«1 июня. Сегодня где-то около двух недель, как мы покинули округ Карибу и расстались с нашим милым товарищем Федором Ивановичем.

Сколько за это время случилось интересных событий! И сколько еще их готовится в близком будущем!

Теперь я больше, чем когда-либо, верю поговорке: «Чего на свете не бывает». Действительно, на свете все возможно, и иногда действительность, самая реальная действительность, превосходит любой сказочный вымысел.

Начать с того, что я в данную минуту гость мистера Вельса, и гость уважаемый, за которым всячески ухаживают. Не странно ли это? Гость. И у кого же? У будущего тестя полковника Сайруса Бутлера, того самого Бутлера, которого я в вагоне угостил ударом кулака и наградил синяком на физиономии!

Почтенный джентльмен просто не знает, куда меня посадить, чем позабавить. Его дочь, мисс Леонора, относится ко мне с искренним дружелюбием. Нельзя подумать, что и тот, и другая горят нетерпением поскорее насладиться зрелищем моей кончины. Впрочем, они, быть может, считают долгом относиться ко мне так, как к человеку, приговоренному к смерти.

Жюльен предполагает иное. Он думает, что мистер Вельс, будучи себе на уме (здесь это называется sharp), просто-напросто желает сохранить со мной дружеские отношения на тот случай, если погибнуть на дуэли суждено Бутлеру, а не мне, что вообще вполне возможно.

Наследство покойного моего дяди сделало из меня в денежном отношении то, что называется хорошей партией. Поэтому мистер Вельс, вероятно, не прочь получить в зятя миллионера вместо дуэлянта-полковника. Опять-таки это не мои домыслы, а версия все того же Жюльена.

Только мистер Вельс жестоко ошибается, если в самом деле так думает. Я вовсе не затем ехал из Парижа в Сан-Франциско сухим путем, чтобы совершить подобную глупость.

Мне — жениться на американке! Боже Всемогуший! Этого только недоставало! И на какой еще американке-то: на мисс Леоноре, на этой кавалерист-девице, на любительнице всякого спорта!

Впрочем, не думайте о ней слишком дурно, читатель, — если только у меня будет читатель. Эта молодая особа вовсе не урод какой-нибудь, напротив. Честнее даже сказать — она положительно красавица.

Двадцати лет, высокая, стройная, прелестный, нежный цвет лица, чудные брови, правильные черты, жемчужные зубы, осанка богини — таковы ее внешние данные.

Физически она мне очень, очень нравится. Со стороны нравственной — она внушает мне ужас.

Всему виною ее невозмутимый, неизменный апломб во всем, везде и всегда.

Например, самые трудные, щекотливые и подчас даже просто скабрзные вопросы мисс Леонора трактует как ни в чем не бывало, нисколько не смущаясь и с авторитетным видом бывалого мужчины.

Как тут быть, в самом деле? Ведь я не видывал еще таких женщин, не имел о них ни малейшего понятия и не умею себя с ними держать. Поневоле станешь в тупик.

Мы сидели за сытным и — что большая редкость в Америке — изысканным обедом в большой роскошной зале. Впрочем, роскошь была банальная, безвкусная, вполне американская.

Мистер Вельс, сделавшись кандидатом в сенаторы, ведет такую жизнь, что будь я судьей, не приговорил бы к подобному существованию даже самого гнусного преступника.

Про некоторых людей говорят, что они живут на парах. Мистер Вельс живет, так сказать, на электричестве.

Говорит он кратко, все жесты у него порывистые, торопливые, вечно он куда-нибудь спешит. Все его действия своей стремительностью напоминают телеграфный аппарат.

Наскоро проглотив за обедом несколько кусков рыбы и

выпив большую кружку молока пополам с какою-то минеральной водою, он умчался по своим делам, оставив нас с Жюльеном в обществе мисс Леоноры.

Впиваясь своими крепкими зубками в огромные куски мяса, юная американка долго вела разговор об иностранной политике, философии, математике, эстетике, живописи, музыке и, сделав искусный переход, завела речь о политике внутренней, особенно привлекавшей ее внимание в то время. Я от всей души восторгался Жюльеном. Он держал себя с разглагольствующей девицей как доктор-психиатр с несущим чепуху сумасшедшим. Невозмутимо и серьезно бросал он реплики на все произносимые ею нелености.

Что касается меня, то я в душе бесился. Все это казалось недостойной мистификацией.

Вот примеры. Мисс Леонора, желая похвастаться знанием всеобщей литературы, завела речь о «Гиуго и Дзола» — читайте: «Гюго и Золя». Это, конечно, очень похвально, что она интересуется такими писателями и даже старается дать им посильную оценку как представителям двух крайних направлений — романтизма и реализма. Но тем не менее нехорошо с ее стороны считать «Девяносто третий год» эпизодом из «Завоевания Плассана», а «Ассомуар» продолжением «Тружеников моря».

Живопись точно так же оказалась китайской грамотой для девицы, которая не умела отличить раскрашенной фотографии от хромофотографии, а дешевой олеографии от масляной картины первоклассного художника.

В музыке мисс Леонора всему предпочитала громадный паровой орган в кафедральном соборе города Чикаго. И все остальное в том же роде.

Я сидел в каком-то оцепенении. Язык у меня прилип к гортани, я не мог выговорить ни слова.

Сначала она, кажется, приняла меня за идиота, но впоследствии, очевидно, переменяла мнение о моих умственных способностях, и по весьма курьезному поводу.

По выходе из-за стола мисс Леонора, желая, вероятно, показать, что и в физическом отношении она такое же совершенство, как в интеллектуальном, пригласила нас в свои апартаменты.

Она привела нас в большую комнату, где на стенах висели коллекции всевозможного огнестрельного оружия. Кроме того, здесь же были развешаны белые картонные квадраты с черными кружками на них, пробитые пулями.

Всюду были рапиры, эспадроны, разные принадлежности для фехтования, как-то: проволочные сетки, перчатки

и прочее. С потолка спускалась трапеция для гимнастических упражнений. На полу лежали вытяжные гири.

Странный будуар двадцатилетней девушки!

Здесь, очевидно, она была более компетентна, чем в вопросах искусства. Она подала Жюльену пистолет и предложила ему попасть в цель.

Жюльен взял с глубоким поклоном, наметил себе в мишени точку и, быстро прицелившись, всадил в нее пулю.

Юная любительница стрельбы покраснела до ушей и прикусила губку.

Очевидно, она не ожидала подобного результата.

Жюльен, за обедом из учтивости все время уступавший ей в спорах, не считал нужным простираť свою любезность до того, чтобы представляться неловким стрелком.

Он снова выстрелил и всадил пулю в прежнее место. И так в течение пяти раз.

Мисс Леопора без борьбы признала себя побежденною и не решилась вступить в состязание с подобным стрелком.

Желая испытать наши способности до конца, она, когда смолкли выстрелы Жюльена, указала ему на одну из вытяжных гирь, жестом приглашая показать свою силу и ловкость в этого рода упражнениях.

— Что касается до мускульной силы, мисс, — сказал с улыбкою Жюльен, — то я отдаю пальму первенства моему другу.

Я, сказать по правде, терпеть не могу гимнастики после обеда, но тут считал долгом побороть свое отвращение. Выбрав самую большую гирю, килограммов по меньшей мере в шестьдесят, я проделал с нею всевозможные трудные штуки и с такой легкостью, что даже сам удивился.

Личико мисс Леоноры понемногу прояснилось. Она убедилась, что я вовсе не картонное чучело, и я поднялся в ее мнению на несколько ступенек. Пусть я и не смыслил ничего в вопросах философии и литературы, зато мускульной силы у меня оказалось достаточно, а это много значило в глазах американской барышни.

Наконец мы простились с юной гражданкой. Она крепко, по-мужски, пожала нам руки и пригласила нас в гости на следующий день.

Вернувшись в гостиницу, я спросил Жюльена:

— Как тебе нравится мисс Леопора?

— Аппетит у нее разорительный, кулак сокрушительный, а логика...

— Какая же? Договаривай.

— Умопомрачительная!..»

Глава X

Прибытие посылки из Европы.— Экскурсия в китайский квартал.— Страсть к титулам в демократической Америке.— Газетная статья.— Что такое carpet — bagger.— Rowdy.— Лучшие опровергнуть, нежели наказать.— Парадный митинг в честь мистера Вельса.— Двенадцать тысяч ходячих афиш.— Перед фейерверком.— Полковник Бутлер, обвиненный в воровстве, оказывается убийцей.

Два друга и их товарищ Перро прожили в Сан-Франциско больше недели.

От Лопатина было получено за это время несколько телеграмм. В Карибу все шло превосходно. Жофруа и Андрэ тоже прислали несколько депеш своему старшему брату. Легкость сообщения по телеграфу до некоторой степени примирила канадца, постоянно скучавшего по лесам и равнинам Аляски, с американской цивилизацией. Наконец от банкира, который горячо взялся за поручение Жюльена, пришло известие, что все требуемые вещи куплены, отправлены и придут в Сан-Франциско в самом скором времени.

Действительно, через несколько дней тихоокеанская железная дорога привезла партию тюков, адресованных на имя Жюльена. Вещи прибыли даже днем раньше, чем предполагал Жюльен, и все было доставлено в целости благодаря тщательной упаковке.

Теперь оставалось только нанять китайцев-рабочих. В Сан-Франциско это очень легко: там желтолицых сынов Небесной империи хоть пруд пруди.

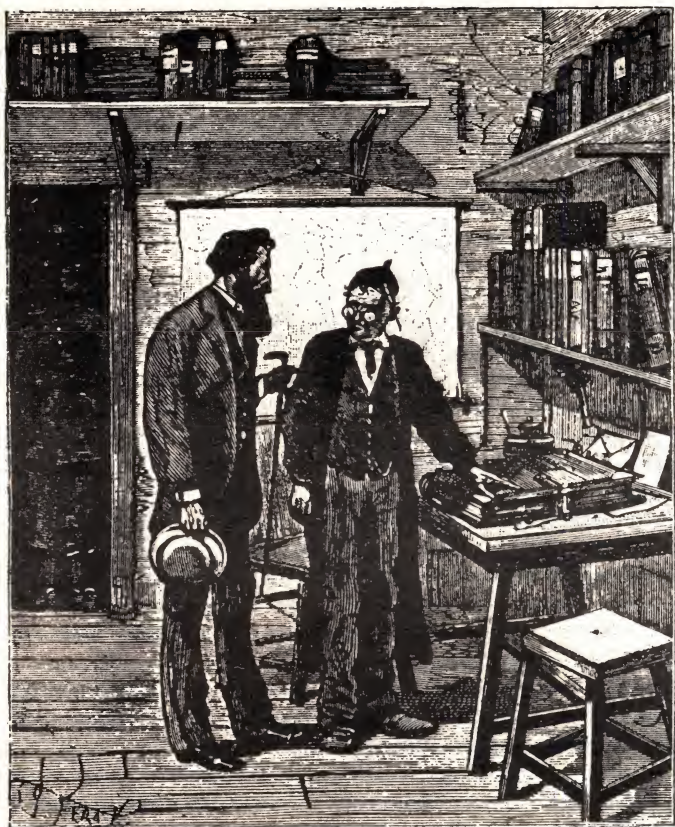
Жюльену и Жаку стоило только посетить китайский квартал, находящийся даже не на окраине города, как логично было предположить, а в самом центре Сан-Франциско. В этом месте лепятся друг к другу грязные, отвратительные домишки, в которых живут эмигранты-китайцы.

Жюльен обратился к главному агенту эмигрантского комитета, маленькому сухому старичку в круглых очках, и в двух словах объяснил ему цель своего визита.

Старичок наговорил кучу китайских любезностей, порылся в объемистой прошнурованной книге, такой же большой, как и в Дворцовой гостинице, но только несравненно более грязной, и тронул пуговку электрического звонка. Сбежалась целая стая конторщиков и писцов; старичок прокричал им что-то пискливым голосом, и они скрылись. Через несколько минут перед Жюльеном и Жаком продефилировали в огромной зале двести или триста китайцев, из которых они и отобрали надлежащее число по своему усмотрению.

Жюльен заплатил старичку какую-то очень небольшую сумму, пропорционально числу нанятых рабочих, и передал

Жюльен обратился к главному агенту эмигрантского комитета

ему, кроме того, небольшие чаевые с просьбой раздать их отобранным китайцам.

Такая щедрость — вещь неслыханная в Америке, где с азиатами обращаются грубо, враждебно. Желтые лица радостно осклабились, и один из наемников, от имени всех своих товарищей, поблагодарил Жюльена за подарок, говоря, что с таким добрым господином им будет очень приятно уехать из «Сан-Флиско» (то есть из Сан-Франциско). Эта небольшая речь была произнесена на ломаном английском языке.

Всем нанятым китайцам было приказано послезавтра

собраться на пароходе, который курсирует два раза в месяц между Сан-Франциско и Нью-Вестминстером. На нем предполагалось отправить в Карибу вещи, присланные из Европы, и рабочих под надзором Перро.

Исполнив все формальности, Жюльен и Жак вернулись в свою гостиницу, где застали неизменного мистера Вельса. Кандидат в сенаторы был еще возбужденнее и порывистее обыкновенного. Он положительно не мог устоять на месте.

— Ах, граф, что за жизнь! — воскликнул он. — Просто мучение! Вы не поверите, доктор, до чего я устаю!

Титул доктора относился к Жаку, который проглотил это, даже глазом не моргнув. Он уже привык. Со времени его приезда в Калифорнию его постоянно титуловали. Бог знает с какой радости, то доктором, то профессором. По крайней мере, сам он не подавал к тому ни малейшего повода.

Демократические граждане Соединенных Штатов до фанатизма любят всевозможные титулы. Эта страсть особенно развилась у них после междоусобной войны. Под страхом прослыть человеком ничтожным каждый старался быть кем-нибудь — командиром, генералом, полковником, президентом, судьей, губернатором, в крайнем случае, хоть доктором или инженером.

— Нет розы без шипов, — отвечал на восклицание Вельса француз.

В тоне Жюльена было что-то странное, двусмысленное.

— Ах, уж не говорите! — продолжал делец. — Но ведь если бы только труды, это бы ничего, а то ведь еще и неприятности, страшные неприятности.

— Какие же неприятности у вас? — спросил Жак.

— Да вот какие, господин профессор, — отвечал мистер Вельс, потрясая огромной газетной простыней. — Напечатана самая гнусная, самая отвратительная диффамация...

— Против кого же?

— Против полковника Бутлера!.. Против моего друга, которого я скоро назову своим сыном...

— Ах да, полковник Бутлер... — возразил Жак. — Я было и забыл о нем.

— Прочтите, — сказал мистер Вельс, подавая газету, — и скажите, разве это не гнусность?

— Да, это очень серьезное дело, — произнес Жюльен, быстро пробежав глазами указанную статью. — Настолько серьезное, что если бы изложенное обвинение было доказано, то мой друг Жак счел бы для себя невозможным выйти на дуэль с полковником Бутлером.

— Не может быть! — вскричал Жак.

— Суди сам. Я сделаю тебе подстрочный перевод.

И Жюльен начал читать статью вслух, переводя ее на французский.

«В Америке народ не дурак, и среди него водится немало carpet-bagger'ов * ловить рыбу в мутной воде. Если этих политиканов не особенно чествуют, то все-таки их терпят и оставляют в покое, с одним лишь условием, чтобы они были по возможности чисты на руку.

Но иногда дело усложняется тем, что carpet-bagger бывает вместе с тем и rowdy. Человек, совершивший несколько убийств и ловким фортеlem спасшийся от веревки; вор, хватающий на лету и ловко прячущий концы в воду; проходимец, живущий на широкую ногу, но не имеющий определенных средств, — вот что такое rowdy.

Обыкновенно rowdy принадлежит к хорошему обществу: за ним ухаживают молодые повесы; к нему благоволит прекрасный пол; вкрадчивый, гибкий и липкий, rowdy при случае храбр и далеко не обязательно злодей. Кончает он иногда вовсе не плохо, остепеняется, становится солидным человеком. Это обыкновенно зависит от обстоятельств. Случай делает из rowdy или вора, или честного человека.

Таким образом, ниже rowdy стоит на общественной лестнице только вор.

Граждане! Сегодня вечером соберется парадный митинг по случаю предстоящих выборов. На этом митинге будут устроены овации в честь непобедимого мистера Вельса. Очень может быть, что большинство голосов наберет мистер Вельс.

О мистере Вельсе мы ничего не можем сказать особенного. Это одна из тех ничтожных личностей, которые, кажется, на то и созданы, чтобы фигурировать в парламентах в качестве статистов, в качестве лиц без речей.

Но берегитесь, граждане, того человека, который будет председательствовать на митинге. Большая часть жителей Сан-Франциско смотрит на него как на простого политикана, как на carpet-bagger'a. Иные считают его rowdy. Но мы открыто называем его вором и готовы доказать, что мы правы.

Так подумайте же, граждане, хорошенько подумайте, прежде чем послать своим представителем в сенат человека, поступками которого, за его спиною, будет распоряжаться опасный негодий. Неужели вы хотите общественного скандала?

---

* Любителей (англ.).

Нужно ли называть по имени то лицо, о котором мы говорим? Сегодня вечером все равно это имя будет у всех на устах. Но дабы не осталось никакого сомнения, дабы незнающие люди не заподозрили кого-нибудь другого, мы называем его прямо во всеуслышание. Это полковник Сайрус А. Бутлер, будущий зять кандидата Даниэля Вельса. Полковник Бутлер тот самый вор, о котором мы предупреждаем публику.

Полковник!.. Откуда у него этот титул?.. Да, конечно, он полковник... конного полка, лошади которого были украдены в компании с индейцами-шпионами, а людям платилось жалованье фальшивой монетой и сами они употреблялись для разбоев и грабежей...

Но довольно на нынешний день. Завтра мы поговорим обо всем этом подробнее и представим доказательства, которые, мы уверены, вполне удовлетворят почтеннейшую публику».

— Все? — спросил Жак.

— Все, — отвечал Жюльен.

Затем он обратился к мистеру Вельсу, который стоял в безмолвном негодовании.

— Следовательно, полковник Бутлер приехал?

— Только сегодня утром.

— Я надеюсь, что он победоносно опровергнет возведенное на него обвинение и даст неопровержимые доказательства своей невиновности.

— Наказание не заставит себя ждать, — отвечал американец. — Полковник не снесет такой обиды. Оскорбитель в живых не останется.

— Дело не в наказании, а в опровержении, — строгим голосом заметил Жюльен. — Это гораздо важнее. Повторяю вам, мистер Вельс, что если ваш будущий зять не оправдается, то мы будем вынуждены прервать знакомство с ним, а следовательно — как это нам ни прискорбно — и с вами.

Гул нестройных криков, раздавшийся под окнами гостиницы и потрясший ее стены, избавил мистера Вельса от затруднительного ответа.

На улицу вступал отряд из нескольких тысяч человек.

В этой толпе развевались знамена, флаги всех цветов и размеров. На них — надписи: «Вельс — кандидат!.. Ура, кандидат Вельс!.. Подавайте голоса за Вельса!.. Непобедимый Вельс!..»

Толпа дефилировала целый час. Наступила темнота, а крики людей, обезумевших неизвестно отчего, все еще не умолкали.

Услыхав этот шум, мистер Вельс, по-видимому, удивился не меньше французов и внезапно исчез.

Не зная, к кому обратиться за объяснением, Жюльен спросил у одного из клерков гостиницы, что происходит. Клерк отвечал, что это прелюдия к предстоящему митингу. Процессию устроил сам полковник Бутлер и едет верхом впереди толпы.

— Такого парада не было здесь со времени выбора президента Гранта, — прибавил он. — А вот и сам полковник Бутлер. Взгляните, джентльмены.

Шум усилился. По улице проходил огромный оркестр. Музыканты были одеты в белые кепи и в белые полотняные плащи, на каждом из которых красовалась надпись черными буквами: «Непобедимый Вельс».

Вслед за оркестром ехал на великолепном коне полковник Бутлер в черном бархатном костюме и высоких верховых сапогах.

За ним валила толпа тысяч в двенадцать, одетых так же, как музыканты, и с такою же надписью на спинах.

Кроме того, у каждого в руке был шест с транспарантом, на котором было выведено все то же надоедливое: «Непобедимый Вельс».

Два с половиной часа тянулась по улицам эта длинная процессия.

В десять часов полковник скомандовал что-то. Колонна находилась в это время на Маркет-стрит. Услыхав команду, она начала выстраиваться шпалерами вдоль улицы и заняла пространство в полторы тысячи метров.

Вот что обыкновенно происходит дальше в подобных случаях, нередких для Америки.

Каждый участник шествия вынимает из-под плаща по пакету с ракетами для фейерверка. Вздвигается сигнальная ракета, и за нею вся улица заливается ослепительным огнем.

На всех окнах, на всех балконах, занятых сторонниками кандидата, зажигается бесчисленное множество петард, электрических солнц и ракет, вместе с разноцветным бенгальским огнем, от которого рябит в глазах, все это производит самое фантастическое впечатление.

Фейерверк продолжается до тех пор, пока не истощится весь для него материал. Когда погаснут последние искры, оркестр умолкает и толпа движется обратно к своей главной квартире — какому-нибудь большому дому с ярко освещенным, выходящим на улицу фасадом. Каждый участвующий снимает с себя свои атрибуты и возвращается домой, дабы насладиться заслуженным отдыхом после великих трудов.

Но вернемся к тому моменту, когда люди полковника Бутлера, столпившись на Маркет-стрит, с ракетами в руках ожидали сигнала к началу фейерверка.

Полковник, по-видимому, ликовал. Он уже собирался пустить ракету, как вдруг его точно что кольнуло. С громким проклятием он пришпорил лошадь, которая взвилась на дыбы, и подскочил к тротуару, на котором теснились зрители.

В числе их стоял человек, к которому именно и устремился Бутлер.

В одно мгновение полковник достал револьвер, взвел курок и приставил дуло к груди незнакомца, никак не ожидавшего такого грубого нападения.

Раздался выстрел, и несчастный упал на тротуарные плиты. Зрители были так изумлены, что никто из них не успел вмешаться.

Выстрел из револьвера был воспринят как ожидаемый сигнал. Взвились, затрещали ракеты и заглушили предсмертный стон жертвы и крик негодующей толпы.

Воспользовавшись минутой, полковник дал шпоры своему коню и очутился на другой стороне улицы, где его окружила толпа сторонников, не ведавших, какой кровавый эпилог к митингу устроил их предводитель.

Глава XI

Безнаказанность.— Последний козырь полковника Бутлера.— Визит полковника в Дворцовую гостиницу.— Как его там приняли.— Перро вмешивается кстати.— Канадец собирается «спустить» полковника с четвертого этажа.— Угрозы.— Неудача мистера Вельса.— Судья занимается наконец делом об убийстве.— Бегство преступника.— Перро отправляется в Карибу.— Отъезд в Аризону.— Через Южную Калифорнию.— Форт Юма и Рио-Колорадо.— Мексиканская граница.

Толпа волновалась. Слышались крики:

— Убийца!.. Убийца!.. Держите убийцу, арестуйте его...

Но полковник преспокойно вернулся в дом своего будущего тестя, причем полиция не сделала ни малейшей попытки арестовать преступника.

Такая безнаказанность возмутила многих, но большинство нисколько не удивлялось ей и объяснило ее очень простой причиной.

Дело в том, что судья, от которого зависел приказ об аресте Бутлера, был в близких отношениях с мистером Вельсом, и, кроме того, срок его службы в ближайшее время истекал.

Мог ли он при подобных обстоятельствах ссориться

с человеком, которого лишь часы отделяли от кресла сенатора Соединенных Штатов?

Негодование общества дошло до предела, когда вдруг оказалось, что убит даже не сам автор оскорбительной статьи, а его брат, несколько к этому делу не причастный.

Требовали правосудия; некоторые члены частного «комитета безопасности» настаивали на том, чтобы схватить полковника Бутлера и расправиться с ним самосудом по закону Линча.

Зато сторонники мистера Вельса — а их было очень много — всячески оправдывали и полковника, и судью, который оставил его на свободе.

— Что же особенного сделал полковник Бутлер? — говорили они. — Он ошибся, приняв другое лицо за оскорбителя? Но ведь это нечаянно. Дурного умысла тут не было. Конечно, полковник человек горячий. Но разве это грех? На то он и янки.

Что касается судьи, то разве можно поставить ему в вину, что он немножко виляет хвостом накануне выборов? Ведь это так естественно. С какой стати навяжет он себе на шею могущественного врага через не в меру ретивое исполнение своих обязанностей?

Да, наконец, разве арест полковника возвратит убитого к жизни?

Таковы были чисто американские и совершенно превратные доводы сторонников мистера Вельса.

Полковник отнесся к общественному мнению с полнейшим пренебрежением. В поступках, совершенных им на следующий день, он выказал себя в высшей степени бесстыдным и безнравственным человеком.

Не заботясь о ходивших по городу толках, он бесстрашно разгуливал по улицам, побывал во всех клубах, раздавал советы своим наперсникам, убеждал неверующих, укреплял сомневающихся, подкупал упрямых и вообще пускал в ход все возможные средства, чтобы увеличить шансы мистера Вельса на выборах.

Но, несмотря на все эти меры, Бутлер не вполне был уверен в успехе. В душу его невольно закрадывалось опасение, он чувствовал, что нужно сделать еще что-то такое, что бы окончательно обеспечило за ним победу.

— Ах ты, Боже мой!.. — бормотал он, дергая себя за бороду. — Нужно поскорее устроить дуэль с французом. Я теперь более чем когда-либо заинтересован в том, чтобы мистера Вельса выбрали. Если моего тестя не изберут, то я безвозвратно погиб. Правда, я рискую собственною жизнью

на этой дуэли, но риск в этом случае необходим. Если мистер Вельс провалится на выборах, то мне и жизни не надо. Впрочем, я непременно убью своего противника. Это необходимо. Дуэль мы устроим в зале Альгамбры... или нет, лучше в садах Вудварса, при электрическом освещении. Дело это наделает шуму, да такого, что затмит даже вчерашнее приключение. Я снова сделаюсь героем дня, а симпатии избирателей вещь настолько капризная, что у мистера Вельса могут появиться новые тысячи голосов в его пользу... Решено, еду в Дворцовую гостиницу.

Но господин Бутлер строил свое здание на песке.

Явившись в номер наших друзей, полковник застал Жюльена и Жака за беседою с Перро. Они давали канадцу наставления по поводу отъезда последнего в Карибу.

Разумеется, полковника приняли очень холодно. Жюльен презрительно смерил его взглядом с ног до головы, а Перро без церемоний повернулся к нему спиною.

Жак отнесся к приходу полковника не с таким хладнокровием. Он буквально вышел из себя от гнева.

— Черт возьми! — вспыхнул он. — Надо отдать вам должное, милостивый государь, что вы удивительный наглец. Вы смеее являться сюда и предлагать мне дуэль?

— Но, сударь, — отвечал Бутлер, несколько смутившись, несмотря на всю свою наглость, — ведь вы же сами мне ее обещали...

— Обещал?.. А теперь я обещаю вытолкать вас вон, если вы сами не уберетесь отсюда.

— Как, сэр?.. Вы, следовательно, отказываетесь от дуэли?

— Решительно отказываюсь. Я и прежде находил вас человеком неблаговоспитанным, видел в вас не более чем оригинала. Не всем же иметь хорошие манеры, убеждал я себя, принимая ваш вызов и согласившись стреляться с вами, как равный с равным. Я, пожалуй, согласился бы иметь своим противником *carpet-bagger'a*... даже *rowdy*, но с убийцей у меня ничего не может быть общего. Вы не представляете собой достойного противника, вы добыча палача. Вы висельник. Ступайте вон отсюда.

Полковник не двигался, оглушенный, пораженный этим тяжким оскорблением.

Жак крикнул с еще большей запальчивостью:

— Что же вы стоите? Вон, говорю вам! Ступайте вон! Мы не полисмены и не желаем, чтобы вас арестовывали в нашем номере.

У американца вновь кровавая пелена стала застилать

взор. Инстинкт убийцы проснулся в нем с новой силой.

Осознать себя поруганным, опозоренным, втоптаным в грязь — и когда же? Накануне предполагаемого торжества! — он быстро решил на отчаянный поступок.

Из груди его вырвался хриплый крик.

В одну секунду он опустил руку в карман и приставил револьвер к груди Жака.

Щелкнул курок... Все это произошло с такой молниеносностью, что Жак не успел даже пальцем шевельнуть. Он понял, что погиб, и закрыл глаза.

Однако выстрела не последовало. Вместо него в комнате послышался звук падающего тела и чье-то хрипение.

Затем другой голос глухо произнес:

— Теперь уж ты, негодяй, не отвертись!.. Не-ет!.. Теперь я с тобой разделаюсь навсегда.

Жак открыл глаза.

Американец лежал на ковре с посиневшим лицом и тяжело хрипел. Жозеф Перро коленом давил ему грудь.

Траппер, искушенный за свою бурную жизнь во всевозможных приключениях, как только вошел полковник, сразу, всем своим существом почувствовал, что должна последовать схватка, и приготовился ко всякой случайности.

С необыкновенной ловкостью, просто поразительной при его неуклюжем, громадном, неповоротливом теле, он кинулся на убийцу, как только тот полез в карман, повалил его и придавил к полу, как каменная глыба.

Нападение убийцы совершилось с быстротой молнии.

Ответные действия канадца последовали быстрее мысли.

Жак обомлел. Жюльен сделался бледен как полотно, увидав, какой страшной опасности избежал его друг.

Дикая сцена длилась не более трех секунд.

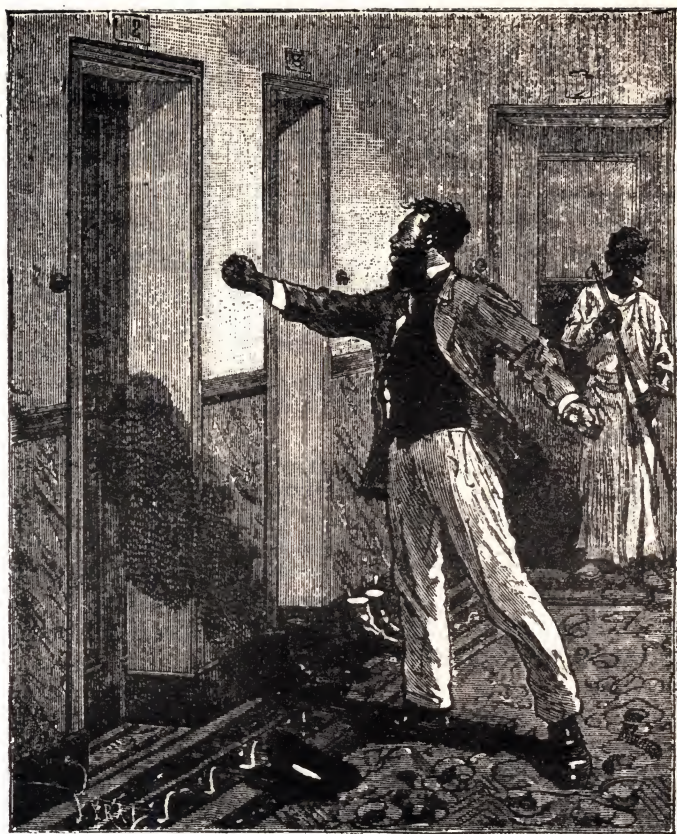
— Monsieur Жак, — заговорил Перро своим грубым голосом, — мы на четвертом этаже. Прикажете открыть окно и спустить этот тюк на улицу? Я приму меры, чтобы не ушибить никого из прохожих.

— Нет, нет, дорогой друг, не делайте этого, — остановил канадца Жак, невольно улынувшись при его словах. — Только отнимите у него револьвер, и пусть он убирается к черту.

На бронзовом лице траппера изобразилось такое бесконечное изумление, что на этот раз и Жюльен, до сих пор сохранявший серьезность, громко и от души расхохотался.

— Как пусть убирается к черту? — повторил Перро. — Да ведь он прямо туда и отправится, если я сброшу его

Он погрозил кулаком на запертую дверь

вниз головою на тротуар. Ручаюсь вам, что дьявола ему на том свете не миновать.

— Жак прав, дорогой мой Перро,— ответил Жюльен.— Мы не палачи. Обезоружьте этого негодяя и прогоните.

— Но ведь он хотел убить monsieur Жака...

— Правда, и я очень рад, что благодаря вам это ему не удалось. Вы мне оказали новую услугу, которая никогда не забудется.

— Ну, это что ж, пустяки... А все-таки он хотел вас убить.

— Да ведь не убил!

- Но мог убить... Неужели этого недостаточно?
- Нет уж, Перро, как хотите, а не трогайте его. Пустите.
- Ну, если вы непременно этого желаете... ваша воля.

Я его, так и быть, отпускаю.

Перро отнял колено от груди американца. Тот с жадностью потянул в себя воздух, встал, пошатываясь, и взглядом зверя, попавшего в западню, обвел всю комнату, ища выхода.

— Вот дверь, не угодно ли пожаловать, — произнес насмешливо Перро, настежь отворяя американцу дверь.

С налитыми кровью глазами, с пеною у рта бросился к ней американец, ни слова не говоря, и машинально переступил через порог. Дверь сейчас же захлопнулась за ним.

На площадке он остановился, задыхаясь от нового прилива злости.

— О! — вскричал он, грозя кулаком в запертую дверь. — До сих пор я еще не знал, что такое ненависть. Я жертвовал людьми только для своего честолюбия. Я убивал из гнева, из выгоды... без сожаления, но и без особенного волнения. Теперь я начинаю понимать опьянение от пролитой крови. Теперь я чувствую сладость мести и ненависти. И горе наглым французам, пробудившим во мне это чувство! Они жестоко за это поплатятся. Да!

На следующий день состоялись выборы.

Борьба между мистером Вельсом и соперником-кандидатом была сильная и упорная. В конце концов она завершилась поражением мистера Вельса. Избран в сенаторы был не он, а кандидат конкурирующей партии.

Недостало всего лишь нескольких сот голосов для того, чтобы папаша кроткой мисс Леоноры занял место в сенате. Озлобленный неудачей, мистер Вельс всецело приписал ее полковнику Бутлеру и на чем свет стоит проклинал своего будущего зятя, который после того, как был оглашен результат голосования, словно в воду канул.

Мистер Вельс твердо решил закрыть для полковника двери своего дома. Мисс Леонора, в негодовании на своего жениха за несостоявшуюся дуэль, которая обещала ей столько новых и интересных ощущений, подала свой голос за немедленный и окончательный разрыв.

Таким образом, по этому вопросу мистер Вельс добился, так сказать, полного единогласия.

Что касается полковника, то он очень предусмотрительно

поступил, скрывшись. Бегство очевидно спасло его от веревки.

Судья, видя постыдное фиаско своего приятеля, сейчас же вильнул в другую сторону с проворством и ловкостью чистокровного янки, которые вообще большие мастера держать нос по ветру. Он ухватился за подвернувшийся случай дать удовлетворение общественному мнению и подписал ордер на арест убийцы.

Но ордер остался мертвою буквой в правосудии. Убийца был не так глуп, чтобы дожидаться полицейских. Он исчез бесследно из города, после того как будоражил умы и чувства его жителей в течение целых двух суток.

Ничто не удерживало теперь Жака и Жюльена в Калифорнии.

Радуюсь, что наконец они могут избавиться от прелестей американской жизни, они на другой день после описанных драматических событий, то есть 3 июня, приготовились в путь к мексиканской границе.

В тот же день надлежало отправить в Карибу к Лопатину необходимые инструменты для разработки прииска.

По настоятельному совету Перро друзья оставили при себе индейских мустангов.

— Других таких лошадей вы не скоро найдете, — говорил им Перро. — Это редкие кони. Кроткие как овцы и крепкие как железо, они могут жить без еды и все-таки мчаться во весь опор. Возьмите их с собою в Мексику. Жалеть не будете, уверяю вас. Мексика страна дикая, железных дорог там почти нет, как вам известно, а езда в дилижансах — хуже каторги. На своих лошадях вы будете делать 15 миль в день и проедете расстояние очень быстро. Кроме того, вы во всем будете сами себе господа.

Таким образом, лошадей опять заперли в особый вагон.

Затем друзья нежно простились с Перро, горячо обнявшись с честным канадцем и взяв с него обещание, что если Лопатину можно будет отлучиться зимою в Бразилию, то он, Перро, приедет вместе с ним.

— Если только нам не доведется увидаться раньше, — загадочно кинул Перро, избегая с этими словами на пароходную пристань, чтобы поскорее завершить трогательное прощание.

Жак и Жюльен, взволнованные не меньше канадца, отправились на станцию южнотихоокеанской железной дороги Southern-Pacific Railroad.

Поезд должен был отойти почти одновременно с пароходом, на который были уже посажены китайцы и сданы инструменты.

Друзья сели в вагон, в котором им предстояло ехать до Аризоны, крайнего пункта на мексиканской границе, расположенного при слиянии Рио-Жила с Рио-Колорадо.

Поезд тронулся на закате солнца. Друзья комфортабельно устроились на ночь, поужинав в походном ресторане. Жак набросал в своем дневнике несколько заметок, Жюльен начертил на карте маршрут, и затем оба путешественника самым прозаическим образом улеглись спать.

Проснувшись с рассветом, путники некоторое время любовались проплывающими за окнами картинами. Поезд мчался мимо богатых плантаций хлеба, маиса, табака, хлопчатника, сахарного тростника, винограда, пеньки и льна.

Вскоре появились великолепные фруктовые сады, где среди деревьев возвышались чудесные померанцы в цвету.

Колокол паровоза зазвонил, поезд наполовину уменьшил свой ход и пошел по улицам городка, застроенным хорошенькими домами из необожженного кирпича. Это был Лос-Анжелос, столица одноименного графства, насчитывающий 8500 жителей.

Городок ничем не примечательный, кроме того, что это последний американский город на пути наших приятелей, если не считать Аризоны, которая хотя и называется городом, но, собственно говоря, не имеет права на такое название.

Жилищ нигде не было видно, за исключением станций, на которых локомотив обновлял свой запас воды и топлива.

Пять часов длилось это утомительно-скучное путешествие. Но вот колокол снова зазвонил, сливаясь с резкими свистками локомотива, и поезд остановился перед каким-то жалким строением, стоящим возле небольшой крепостишки, внизу которой протекала огромная река. На крепости развевался американский флаг.

То был форт Юма, построенный для отражения нападения местных индейцев, склонных к разбоям.

Глава XII

Центральная Америка.— Через Мексику.— Новое снаряжение двух путешественников.— Их слуга.— Сапоте.— Прерванный сон.— Жюльену кажется, что он слышит голос полковника Бутлера.— Засада.— Нападение.— Убийство лошадей.— Оборона.— Неожиданное вмешательство.— Дилижанс из Аризоны в Гуаймас.— Жюльен и Жак останавливают дилижанс.— Денежа из Мексико.— Прибытие в Эрмосио.— По дороге в Гуаймас.— Префект полиции.— Гвадалагара и Гуанахуато.— Кверетарская драма.— Город Мексико.— Французское посольство.— «Здравствуй, арестант».— Первый секретарь посольства.— Три друга.

Таким образом, долгий путь из Парижа в Бразилию постепенно близился к концу; громадное расстояние медленно, но неустанно сокращалось, и Жак Арно с каждым часом был все ближе и ближе к гасиенде Жаккари-Мирим, где его поджидало колоссальное наследство.

Но путь по-прежнему был труден. Читатель легко поверит этому, если взглянет на карту тех стран, через которые пролегал маршрут наших друзей.

Раз в неделю этим путем отправляется дилижанс, но наши путешественники не воспользовались им, а поскакали верхом на своих мустангах. Кроме того, они приобрели двух мулов — для поклажи и слуги двадцатилетнего метиса по имени Сапоте, которого они наняли на время путешествия.

Итак, наши французы двигались вперед по бесконечно длинной дороге от Аризоны до Гуаймаса.

Вечером на пятый день путники прибыли в венту (постоялый двор) Каборквениас, которая находится ровно в трехстах километрах от Аризоны и в сорока от Альтара.

Это было 10-го июня.

Плотно поужинав, друзья закурили благовонные мексиканские сигары, не уступающие гаванским, и уютно устроились в гамаках, легонько раскачиваясь в них.

Сладкая дремота овладела путниками. Они чувствовали, что скоро заснут крепким сном, как вдруг в их дрему ворвался стук копыт. Очевидно, в венту приехало несколько всадников.

Сон прервался. Друзья прислушались.

В той самой столовой, где только что ужинали французы, теперь слышались хриплые голоса, кричавшие что-то по-английски и по-немецки.

— Какие-нибудь американские авантюристы, приехавшие работать на железной дороге, — сказал с зевотой Жак, досадуя, что прерван сон.

Жюльен спал крепче и вскочил спросонок.

— Странно! — произнес он, стараясь собраться с мыслями. — Я готов поклясться, что слышал голос полковника Бутлера или называющего себя таковым. Но нет, я, вероятно, ошибся. Это мне почудилось во сне.

Шум, разбудивший Жака и Жюльена, вскоре стих, — и в вепте все успокоилось.

Друзья снова заснули после вынужденного перерыва и на другой день встали довольно поздно.

Жюльен вспомнил, как ему с вечера почудился во сне голос полковника Бутлера, и улыбнулся.

Возможно ли было, чтобы убийца, на арест которого подписан ордер, укрывался на мексиканской территории? Логичней было бы предположить, что он уединился в каком-нибудь из самых отдаленных штатов.

Первое предположение казалось настолько нелепым, что французы поспешили его отвергнуть. Что же касается неизвестных всадников, прибывших ночью, то они, должно быть, очень торопились, потому что покинули венту чуть свет.

Французы тоже тронулись дальше и небрежно пустили мустангов легкой рысью, как люди, которым некуда торопиться.

Весело переговариваясь, проехали они полдороги от венты Каборквениас до венты Бамори. Вдруг Жак обратил внимание на глубокий овраг, по одной стороне дороги, и на стену гигантских кактусов, ограждавших ее с другой.

— Превосходное место для засады! — воскликнул он.

— Какая засада! Против кого? — возразил скептик Жюльен. — В Мексике головорезы скрываются преимущественно в городах, а индейцы очень смирны.

— Ну что ж, тем лучше. Я это только так сказал, к слову.

Не успел он вымолвить эти слова, как Жюльен с несвойственным ему волнением в голосе вскричал:

— Подними на дыбы лошадь!..

И сам сделал то же самое.

Жак машинально повиновался, недоумевая, что это значит.

Он кинул беглый взгляд на кактусы и увидел, что сквозь зелень их блестит что-то металлическое.

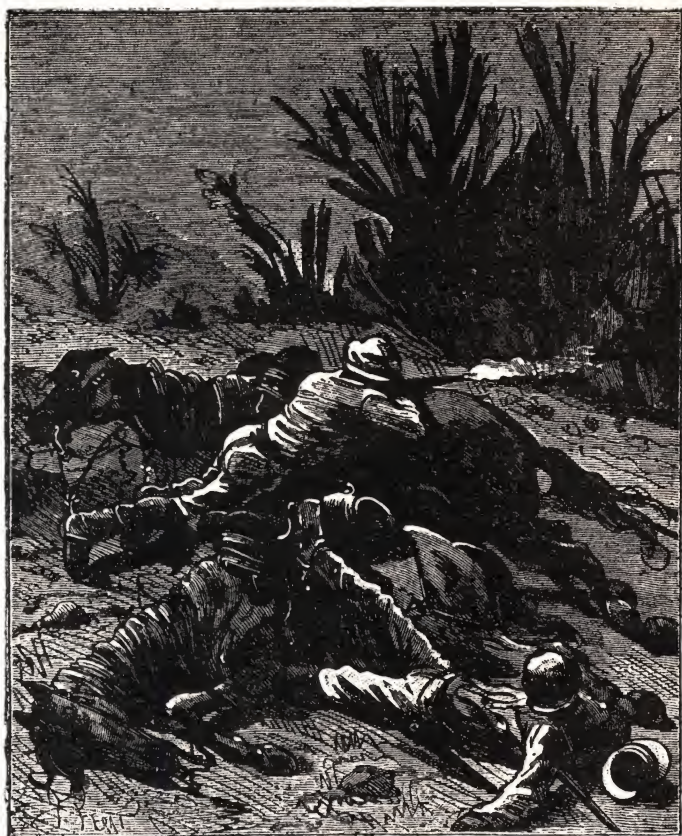
То были ружейные стволы, сверкавшие на солнце.

Послышался легкий треск, потом грянул выстрел. Лошадь Жюльена, раненная в голову, тяжело повалилась на землю.

— Спешивайся! — крикнул Жюльен другу, проворно отскакивая от падающей лошади.

Раздался второй выстрел. Лошадь Жака повалилась тоже,

Жюльен сделал два выстрела

но сам он не был так ловок, как Жюльен, и не сумел вовремя соскочить с нее. Лошадь, падая, придавила ему ногу.

Все это произошло в четверть минуты.

Жюльен выхватил револьвер, в мгновение зарядил винтовку и приник к земле, скрываясь за тушей лошади, как за бруствером.

— Ты ранен, Жак? — с тревогой спросил он друга.

— Нет, не ранен, но мне придавило ногу.

— Стрелять можешь?

— С трудом, потому что лежу очень неудобно. И, кроме того, у меня нет патронов с пулями.

— Стреляй хоть дробью! Стреляй в толпу. Сейчас, вероятно, будет нападение.

Едва он успел это произнести, как стена кактусов раздвинулась и из-за них, ползком, показались один за другим шесть человек. Это были белые, а не индейцы.

Они подползали все ближе.

— Тише, тише! — слышался среди них грубый голос, говоривший по-английски. — Осторожнее! Эти французы народ здоровый. Если мы их не раним достаточно серьезно, то взять их живыми будет очень трудно.

— А вы хотите взять их непременно живыми, полковник?

— Да, дружок, и если это не удастся, то я буду в отчаянии.

— Почему?

— Вы знаете, что такое месть?

— О! Теперь я понимаю...

— Да ведь это полковник Бутлер, — прошептал Жюльен. — Значит, я не ошибся вчера. Как видно, он человек мстительный... Ну, да ведь и с нами не легко сладить. Надобно его хорошенько попугать. Хорошо. Вот мой ответ ему...

Жюльен бесстрашно выставил голову из-за своего прикрытия и дважды выстрелил.

Среди осаждающих послышались возгласы боли и злобы.

— Попал! — сказал он хладнокровно. — Жаль только, что мало... Жак, осаждающие, кажется, отступают.

— Наше положение от этого не лучше... Это ведь Бутлер, да?

— Он самый. Очевидно, он нас преследует от самого Сан-Франциско.

— Как же теперь быть?

— Ждать.

— А голод? А жажда?.. Притом мое положение невыносимо: нога болит и распухла, я лежу головою на солнцепеке.

— Я попробую тебе помочь.

— Нет. Не рискуй жизнью напрасно.

— Вот еще! Они сами говорят, что непременно хотят взять нас живыми.

— А если они тебя ранят в ногу или руку?

— Тем хуже для них. Но это невозможно: они не успеют; ты от меня близко, всего в нескольких шагах.

С этими словами Жюльен встал и подошел к Жаку. Пока он шел, в него успели выстрелить, и он слегка вскрикнул.

— Ты ранен?

— Да. Царапина. Эти негодяи стреляют довольно метко.

Вскоре с помощью друга Жак высвободил ногу из-под лошади и поднялся на ноги.

— Ну, что теперь делать? — спросил он, окидывая взглядом местность. — Куда же девались наши враги?

— Они спрятались за кактусовую стену, бросив на поле битвы двоих раненых.

— Если это только не хитрость с их стороны...

Вдруг послышался звон бубенчиков, стук колес и копыт и громкое щелканье кнута.

Какой-то экипаж, которого еще не было видно, приближался к тому месту дороги, где она делала поворот мимо оврага.

Французы ободрились: вдруг это окажется неожиданною помощью?

Услышав стук колес, два раненные Жюльеном злодея собрали последние силы и поползли в сторону, к кактусам.

Едва они скрылись за колючей стеною, на дороге во всем своем великолепии показался огромный, но крайне ветхий дилижанс, дребезжавший всеми гайками и скрипевший всеми осями. Запряжен он был мулами.

Освобожденный из-под лошади Жак встал на ноги и принялся разминать отекавшие члены.

Когда дилижанс приблизился, Жюльен по-испански окликнул майорала (кондуктора, сидевшего на одном из дышловых мулов дилижанса) и попросил, чтобы он остановился.

Последний отнесся к этому требованию с гордой пренебрежительностью истинного гидальго и, не отвечая ни слова Жюльену, крикнул фореитору, чтобы тот свернул в сторону от лежавших на дороге мертвых лошадей и ехал дальше.

Жюльен вскинул ружье и прицелился в майорала, а Жак схватил переднего мула за узду и пригнул его голову к земле так сильно, что бедный мул упал на колени.

— Стой, каналья!.. Стой, или я в тебя выстрелю! — крикнул Жюльен громовым голосом.

Горделивая чванливость гидальго-майорала улетучилась как дым перед этой решительной угрозой.

— Как угодно вашему сиятельству, — залебезил он.

— Молчи, холуй! Молчи и слушай, что я буду тебе говорить. Подъезжай сюда, Сапоте, — обратился он к появившемуся метису. — Снимай багаж с мула и клади его в дилижанс. Седла с наших лошадей туда же. Жак, поезжай в карету. Так, хорошо. Ну, Сапоте, нам больше не нужны твои услуги. Вот тебе золотая уния.

— Благодарю, синьор.

— Но это еще не все. Можешь взять себе обоих мулов.
— Благодарю, синьор.
— Если тебе некуда идти, можешь проводить нас до Альтара, а в противном случае ступай себе с Богом на все четыре стороны. Прощай.

Отпустив метиса, Жюльен заглянул внутрь кареты и увидел, что там сидят два пассажира. Он влез туда же и поместился рядом с Жаком, поставив между ног свое ружье.

— Ну, негодяй, — крикнул он майоралу, — трогай, да поживей, а не то — смотри.

По звуку голоса майораль понял, что нужно повиноваться. Он хлестнул кнутом своих мулов, и тяжелая колымага со скрипом и дребезжанием снова покатила по дороге.

Когда после четырехчасовой езды дилижанс прибыл в Альтар, то не успели Жюльен и Жак устроиться в гостинице, как к ним явились местный алькальд * и коррехидор **, в сопровождении многочисленного конвоя, и объявили, что арестуют их именем закона.

С дилижансом, который курсирует между Аризоной и Гуаймасом, перевозится нередко и почта: письма, деньги, посылки. В последнее время оборот денежной корреспонденции особенно возрос вследствие начавшегося строительства Аризонско-Гуаймасской железной дороги.

Случилось так, что в тот день, когда на Жюльена и Жака совершил нападение полковник Бутлер со своими приспешниками, дилижанс вез как раз денежную почту из Аризоны в Гуаймас. Сумма пересылаемых денег была весьма значительная.

Когда Жюльен громко и резко приказал остановиться, майораль принял его за разбойника и крикнул форейтору, чтобы тот гнал лошадей вперед.

Но приказание майорала, как мы помним, не было исполнено.

Майораль не успокоился даже тогда, когда два друга уложили в колымагу свой багаж и сели сами. Напротив, то обстоятельство, что Жюльен поставил у себя между ног ружье и по временам беспокойно выглядывал из окна, еще более тревожило несчастного почтаря.

---

* Судья в странах Латинской Америки.

** Глава муниципального управления.

Один был монах, другой какой-то полковник

Жюльен из чистой предосторожности следил, не гонятся ли за дилижансом люди Бутлера, майоралю же казалось, что незнакомец высматривает своих собственных сообщников.

Однако дилижанс, к величайшему изумлению майорала, прибыл в Альтар совершенно благополучно.

Майораль понял, что ошибся, приняв незнакомцев за разбойников. Но вместе с тем ему вдруг пришло в голову воспользоваться дорожным приключением для того, чтобы возвести себя в ранг героя.

Он растрезвонил повсюду, как, благодаря его хладнокровию и храбрости, была спасена почта, и разбойники не

получили к ней доступ. В конце концов дело кончилось тем, что он сам поверил своему рассказу.

Два других пассажира подтвердили заявление майора. Один был монах, другой полковник.

Легенда пошла гулять по городу. Пылкая фантазия мексиканцев украсила ее всевозможными подробностями. Одним словом, получилось Бог знает что.

Алькальд и коррехидор, которым, разумеется, не преминули донести о происшедшем, решили немедленно арестовать французов, тем более что в Мексике на французскую нацию посматривают вообще весьма косо.

Вдобавок еще монах утверждал, что французы действительно учинили буйство и насилие над майором и всеми пассажирами дилижанса.

Жюльен и Жак дали себя арестовать без сопротивления, но все-таки заявили протест и добились, чтобы их оставили в гостинице под домашним арестом до тех пор, пока не придет ответ от французского министра-резидента в Мексико, которому друзья послали телеграмму.

На другой день из мексиканской столицы пришел ответ, который был равносильным для наших друзей удару обуха по голове.

Вот его текст:

«Нижепоименованные лица: граф де Кленэ и Жак Арно, французские путешественники, находящиеся в настоящее время в городе Альтаре, суть важные политические преступники. Они подлежат немедленному препровождению в город Мексико под сильным конвоем, на курьерских. Обращаться с ними почтительно, но не допускать с их стороны никаких попыток сношения с кем-либо. На местное начальство возлагается ответственность за их доставку к месту назначения. Багаж, который при них окажется, подлежит опечатыванию, за исключением вещей для повседневного обихода.— Весьма спешное.— Конфиденциально».

Удивительная бумага была подписана министрами внутренних и иностранных дел и завизирована префектом полиции.

О сопротивлении нечего было и думать. Осталось только повиноваться. Это было тем легче и удобнее, что путешествие предстояло весьма быстрое и уж на этот раз вполне безопасное.

Но предоставим слово Жаку Арно, который дорогою снова принялся за свой дневник.

«12 июня. Мы — государственные арестанты. Только вопрос: конституцию какого государства мы нарушили?

Не знаю даже что и думать по этому поводу.

Мы выехали из Альтара в дилижансе, который весь предоставлен исключительно в наше пользование. Мы можем в нем свободно курить, разговаривать, спать.

Но этим и ограничивается вся наша свобода. Во всем остальном мы страшно стеснены. Предписания начальства местные власти исполняют строго.

Транспортировка таких арестантов, как мы, обходится государству дорого, тем более что нас кормят, как эрцгерцогов, ни в чем нам не отказывая, и причем за казенный счет.

Но содержат нас в изоляции.

Дилижанс наш катит себе и катит. Майораль ругает форейтора; форейтор подстегивает лошадь... Мы мчимся во весь карьер.

Таким образом, через два дня прибудем в город Эрмосилю, отстоящий от Альтара на сто двадцать четыре километра.

13 июня. В Эрмосилю 12 тысяч жителей, так что для Мексики это уже большой город. В нем есть монетный двор, в котором в 1879 году было отчеканено на три миллиона франков золотых и серебряных монет.

14 июня. И вот мы снова мчимся по дороге в Гуаймас. Наш поезд чрезвычайно напоминает триумфальное шествие. Во Франции с преступниками так не обращаются, кто бы они ни были.

15 июня. Мельком взглянули на Гуаймас. Это городок, страдающий от нехватки воды, которые развозят по улицам в мехах.

19 июня. Остается сорок миль до Гулиакана. Жара убийственная, нечем дышать. Комары просто одолевают.

Дилижанс при помощи мягких матрацев превратили в спальный вагон. Питаемся на остановках, когда меняют лошадей.

25 июня. Венты, местечки, города следуют друг за дружкой без перерыва, и мы едем себе вперед.

До самой Гвадалахары не попадается ничего примечательного.

В этом последнем городе, насчитывающем 95 тысяч жителей, мне бы очень хотелось остановиться хоть на несколько часов. Здесь в первый раз после Сан-Франциско видишь следы цивилизации и благоустройства. Но нет. Нас везут мимо и не дают ни с кем перемолвиться словом.

26 июня. От Гвадалахары до Гуанахуато двести двадцать километров. Мы едем гористой местностью с живописными

кручами и ущельями, способными привести в восторг пейзажиста и альпиниста.

Всеми этими прелестями мне бы так хотелось налюбоваться вдоволь, как следует...

Вперед!.. Наша проклятая колымага по-прежнему трещит, скрипит и дребезжит, а все-таки катится. Как бы я желал, чтобы она рассыпалась в щепки!

27 июня. Полдень. Мы в Кверетаро. Жителей 50 тысяч человек. Город благоустроенный, расположенный на чудной равнине. Окружен кокетливыми садами и роскошными плантациями. Замечательный водопровод.

Но зато какие мрачные воспоминания!

Двенадцать лет тому назад, в ясный летний день, недалеко от дороги, по которой мы теперь едем, три человека подставляли здесь свои груди взводу мексиканских солдат.

Стоявший в середине твердым голосом скомандовал солдатам: «Пли!» Все трое упали на землю, простреленные пулями.

Эти три человека, вместе встретившие свой трагический конец, были: генерал Мехия, генерал Мирамон и император мексиканский, эрцгерцог Максимилиан Австрийский.

Если первые завоеватели Мексики жестоко обращались с несчастными ацтеками, то как же страшно отомстили за них потомки Гватемозина праправнуку Карла Пятого!»

Измученные толчками экипажа, утомленные духотою, друзья крепко спали, когда дилижанс въехал в столицу мексиканской республики.

Это было 29 июня.

Когда карета запрыгала и заскрипела по городской мостовой, они проснулись, лениво потягиваясь и рассеянно поглядывая на улицы, по которым катилась колымага.

Затем дилижанс остановился и одновременно стих стук копыт конного конвойного отряда.

Дверца отворилась.

Разбитые тряской дорогой, помятые, Жюльен и Жак выбрались из кареты у монументального подъезда красивого здания, над которым развевался трехцветный флаг.

— Французское посольство! — воскликнул Жюльен, с волнением глядя на родной флаг.

Конвойный офицер сошел с лошади и в сопровождении четырех солдат, без оружия, вошел в здание, чтобы совершить передачу арестантов представителю их страны.

По исполнении этой формальности в присутствии надлежащих лиц и с соблюдением соответствующих правил, офицеры и солдаты удалились, твердо веруя, что спасли отечество от страшных злодеев.

Все было исполнено в несколько минут. Жак и Жюльен с любопытством ждали, что будет дальше.

Вошел лакей в ливрее и пригласил арестованных пожаловать к первому секретарю посольства, который за отсутствием посланника исполнял посольские дела.

Следуя за лакеем, друзья миновали длинную анфиладу роскошно меблированных комнат и остановились у полуотворенной двери.

Лакей громким голосом доложил:

— Граф де Кленэ! Господин Жак Арно!

Жюльен вошел в комнату первый и остолбенел, услышав чей-то фамильярно-ласковый голос, приветствовавший его:

— Здравствуй, арестант! Как поживаешь! А ты какими судьбами здесь, Жак? Ведь ты всегда был неисправимым сиднем. Ну, что ты за несчастный человек, право: в кои-то веки собрался попутешествовать немного и попал в передрягу.

— Анри!.. Анри де Шатенуа! Товарищ наш!.. Однокашник!.. Ты здесь!..

— И состою первым секретарем французской миссии в Мексике. За отсутствием посланника в настоящее время исполняю его обязанности. К вашим услугам, друзья мои.

— А я думал, что ты не то в Голландии, не то в Швеции. Мы ведь так редко виделись со времен выпуска из гимназии.

— Я здесь служу вот уже полгода.

— И, значит, наш арест и быстрая езда по Мексике?..

— Дело моих рук.

— Ты получил мою телеграмму?

— Получил, но до того искаженную и переиначенную, что оказались не перевранными только ваши фамилии. Секретное донесение алтарского алькальда изображало вас какими-то ужасными злодеями. Подозревая более или менее умышленное извращение фактов, я решил пресечь козни в самом начале.

— Не с целью ли шантажа все это было затеяно?

— Конечно, с целью шантажа. Зная, что перед местной юстицией нельзя быть правым без денег, я решил вырвать вас немедленно из ее когтей и придумал добиться вашего ареста. На это я имел право как представитель Франции, хотя бы и временный. Я посоветовался с двумя мексикан-

скими министрами, внутренних и иностранных дел,— оба они люди умные и порядочные,— мы втроем решили представить вас преступниками, нарушившими закон во Франции, и потребовать вашей выдачи от имени французского правительства.

— Теперь я начинаю понимать.

— Ах, да это так просто. Преступники, выдачи которых требует иностранное государство, пользуются в Мексике большим почетом. Местные власти отвечают не только за их побег, но и за малейший причиненный им вред: вот почему они и заботятся так обо всех удобствах арестантов, порученных их надзору. Надеюсь, что с вами поступали именно так?

— Это нас даже конфузило.

— Ну, значит, все слава Богу. Нечего и говорить о том, что вы свободны как ветер с той самой минуты, как кончилась комедия. Вы будете моими гостями все время вашего пребывания в Мексико. Ведь да? Здесь есть много любопытных вещей, которые я могу показать вам.

— Согласны! — в один голос отвечали путешественники.

— Далее. Если только я не ошибаюсь, из вашей депеши следует, что вы оба задумали пробраться в Бразилию, минуя водный путь. Жак едет получать наследство. Так?

— Совершенно верно.

— Естественным будет ваш отдых на перепутье. Комнаты вам готовы. Устраивайтесь там поскорее, приводите себя в должный вид после утомительной дороги и расскажите мне все подробности вашего оригинального вояжа. Я уверен, что услышу весьма много интересного.

Часть третья

ПО ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ

Глава I

Тайна вокзала панамской железной дороги.— Шхуна капитана Боба.— Крейсер.— На что нужны американцу четыре тысячи ружей Ремингтона и два миллиона патронов.— Ночное отплытие.— Кораблекрушение.— Полковник Бутлер.— Два француза.— Одиссея полковника Бутлера.— Капитан Боб с удовольствием узнает, что его пленники богаты.— Арифметика пиратов.— За оскорбление — особая плата.— Капитан Боб высчитывает миллионы, а французы, которых он думал запугать, обращаются с ним как с шутком.— Проект.— Страж таинственной крепости.— Страшное мучение.— Больница прокаженных.

Вдали слышен дуэт колокола и свистка, затем визг и лязг железных осей, цепей и колес.

Вот шум и грохот становятся все ближе и ближе, свистки и звонки все громче и громче, потом вдруг все разом смолкает.

Товарно-пассажирский поезд «межокеанской» железной дороги, пересекающей Панамский перешеек от Колона до Панамы, всплывает, окруженный облаком пара, под навес так называемого «Трансконтинентального» вокзала, за которым находится панамская пристань, а сейчас же за нею — необозримая гладь Великого океана.

Поезд останавливается.

Быстро, с чисто американской торопливостью выходят пассажиры из вагонов и получают свой багаж; не менее оперативно сдается на шлюпки и корреспонденция, простая и денежная, которая затем перевозится на пароходы.

Платформа быстро опустела. На ней остались только служащие станции.

— Мы одни? — спросил вдруг по-английски у одного из служащих, по-видимому начальника станции, какой-то человек, появившийся из товарного вагона, точно из ящика с сюрпризами.

— Одни, сэр, — коротко отвечал железнодорожный агент.

— Двери вокзала заперты?

— Слышите, их запирают.

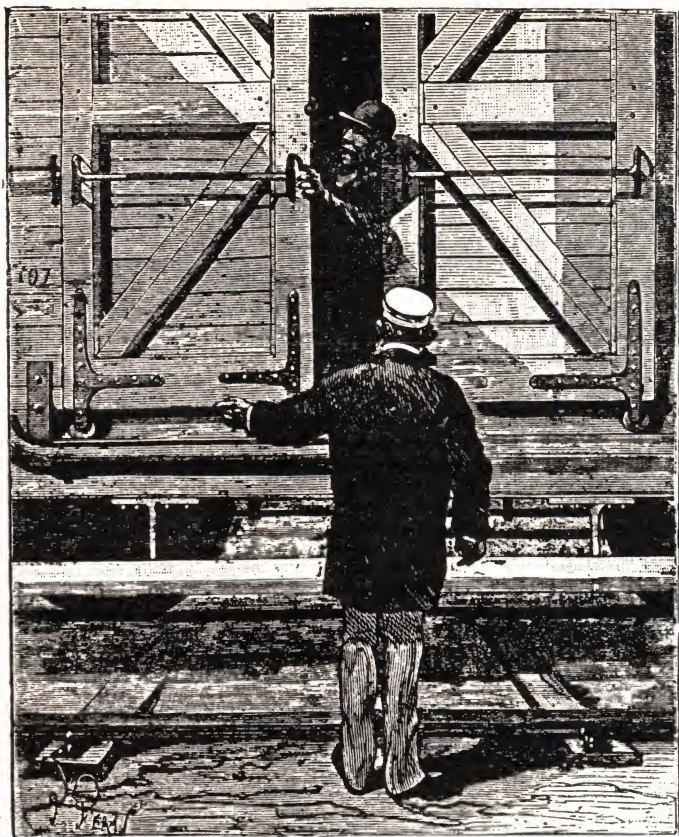
— Хорошо. На ваших людей можно положиться?

— Да, если хорошенько им заплатить.

— Вы знаете, что я никогда не торгуюсь.

— Yes.

— Надеюсь, никто не найдет странным, что обществен-

— Мы одни?

ное место вдруг по чьему-то распоряжению становится недоступным для публики?

— Мы имеем предписание губернатора Панамы... Нам теперь вдвойне полезно следовать в точности этому распоряжению.

Во время этого разговора к пристани, возле которой находился вокзал, подошла и остановилась прехорошенькая шхуна. Вслед за тем со шхуны раздался хриплый голос:

— Черт бы вас всех побрал! Стоят, зевают и ничего не делают!.. Настоящие вороны.

— Здравствуйте, Боб, здравствуйте! — примирительно

заговорил первый незнакомец. — Что вы все ворчите? Будет вам, право.

— Здравствуйте, Сайрус. Я ворчу, это правда, но только мне, быть может, уж скоро никогда больше не придется ворчать.

— Это почему же?

— Потому что меня завтра, быть может, повесят.

Незнакомец, которого называли Сайрусом, вздрогнул и переменялся в лице, несмотря на свое самообладание.

— Так вы, стало быть, серьезно? — произнес он слегка изменившимся голосом.

— Настолько серьезно, что если бы можно было повременить с разгрузкой привезенного на поезде...

— Это совершенно невозможно.

— Я так и думал. Перуанцы ждать не могут, а в этом-то и заключается опасность для меня.

— Что же делать, дорогой Боб. Без труда ничего не дается. Риск у нас хоть и большой, зато и барыши немалые. Но скажите, пожалуйста, чего именно вы боитесь в данную минуту?

— Вот уже три дня, как один проклятый корабль крейсирует в водах Панамы недалеко от города.

— Даже ночью?

— Ночью в особенности. По крайней мере один раз в час на нем включается электрический прожектор, освещающий весь рейд, как днем. Проскользнуть не замеченным с этого корабля нельзя, уйти от него тоже, потому что у него исключительно быстрый ход.

— Но ведь я слышал, что ваша шхуна тоже замечательный ходок...

— Сразу видно, что вы не моряк, дорогой Сайрус: вы сказали глупость, недостойную янки. Да разве может какая бы то ни было шхуна соперничать в скорости с военным крейсером?.. Ну, да уж была не была, а рискнуть надо. Скажите, Сайрус, вы что привезли на поезде?

— Четыре тысячи ружей Ремингтона и два миллиона патронов. Скоро вы думаете отправиться?

— Да часа через четыре. Как только примем груз, сейчас поставим паруса и выйдем в море.

— Ночью?

— Мы пойдем вдоль берега, чтобы обмануть крейсер. Так менее опасно.

— По крайней мере, хорошо ли вы знаете этот берег?

— Лучше любого лоцмана.

— А как же быть с крейсером?

— Крейсеру из-за мелководья к нам не подойти.
— А если он нас потопит огнем?
— Я рассчитываю удачно лавировать под выстрелами.
— А если он вас все-таки пустит ко дну?
— Ну, тогда, значит, такая уж наша судьба. Надоели вы мне, Сайрус, со своими глупостями. Ступайте-ка лучше к своим вагонам, а я покуда тут все приготовлю для принятия груза. Вон уж там работают, поглядите.

Действительно, из вагонов товарно-пассажирского поезда негры тем временем выгружали ящики с ружьями и патронами, швыряя их на платформу так, что недалеко было и до взрыва.

Наступила ночь, — быстро, без сумерек, как бывает обыкновенно в тропиках. Работа продолжалась при свете факелов. К восьми часам она окончилась, начавшись в четыре.

Вместе с тем вокзал, бывший все это время закрытым для публики, отперли вновь, и он наполнился суетливою толпою.

Корабля, который так беспокоил и даже пугал капитана Боба, уже не было видно. Он куда-то исчез или не стал видим в темноте.

Северо-западный ветер надул паруса шхуны, и она вышла из бухты.

Установленные морскими правилами огни не были зажжены.

Капитан решил держаться берега, таинственное исчезновение крейсера, естественно, внушало живейшее беспокойство.

Капитан Боб искусно маневрировал своей быстроходной шхуной, которая неслась по волнам, как огромная морская птица.

На рассвете она пришла в пустынную Коколитскую бухту, у Колумбийского берега под 7° 20' северной широты.

Капитан бросил якорь, решив простоять здесь весь день до ночи и с наступлением темноты идти дальше.

Он надеялся, что ему удалось сбить крейсер со своего следа, и рассчитывал благополучно достичь места назначения.

Вечером шхуна опять вышла в море с тем же успехом, что и в водах Панамы, и шла до утра.

Но вместо того, чтобы на день благоразумно зайти в какую-нибудь бухту, американец прельстился благоприятным ветром и оставался в пути весь день. Шхуна шла так хорошо, что вечером с левого берега вахта заметила остров Горгоны, недалеко от Колумбийского берега.

Благополучно удалившись таким образом на шестьсот километров от Панамы, капитан Боб имел, казалось, все основания считать, что он вне опасности.

Вдруг с его уст сорвалось одно из его самых безобразных ругательств.

Вдали, в открытом море, среди мелкой зыби внезапно вспыхнул длинный сноп яркого света и разом осветил море на значительное расстояние.

— Черт бы всех нас побрал!.. Проклятый корабль...

— Это крейсер, должно быть? — спросил пассажир, которого звали Сайрусом.

— Да, черт возьми! И он нас видит, как днем.

— Что же теперь с нами будет?

— Понятно что: нас повесят, а груз и корабль конфискуют.

— В таком случае уж лучше зажечь шхуну и понестись прямо на стальное чудовище, чтобы погубить его вместе с собою.

— Капитан не настолько глуп: он нас даже и не подпустит.

— В таком случае мы погибли.

— Если только мы не сядем на мель.

— Но ведь это для нас разоренье.

— Зато жизнь спасем... Стойте!.. Я придумал!.. Ура!

— Что такое?

— Мы не будем ни разорены, ни повешены. Видите вон там на берегу красноватый огонек?

— Смутно вижу. Я еще ослеплен электрическим светом.

— Или я сильно ошибаюсь, или это огонь маяка, освещающего вход в маленькую бухту Бурро.

— Так какая же нам польза от бухты и ее маяка?

— Она надежна, неглубока и, следовательно, недоступна для броненосца. Мы в ней отлично укроемся. Я, не теряя ни минуты, направлю шхуну на маяк.

Капитан взялся за руль.

Он молчал в течение получаса и сосредоточенно управлял кораблем, ведя его к берегу.

Огонь на берегу быстро увеличивался, и капитан, удивляясь, что все еще нет прилива, собирался уже изменить курс, как вдруг невдалеке послышался рев бурунов.

В то же время шхуна, подхваченная внезапным вихрем, закружилась на одном месте и, не слушаясь руля и парусов, ударилась об утес, торчащий из воды.

Вопляя ужаса, раздавшимся на шхуне, отвечали другие — с берега, который был в нескольких саженьях.

Люди, лежавшие возле огня, разведенного на высоком берегу, вскочили и побежали на помощь потерпевшим крушение, размахивая горящими головнями.

Капитан Боб, изрыгая потоки ругани и воплей, рвал на себе волосы.

— Горе негодяям, которые зажгли этот огонь и погубили нас! — кричал он. — Из-за них я подумал, что нахожусь в виду Бурро. За это я изрублю их в куски... Эй, матросы, ко мне!..

Между тем люди, бывшие невольною причиною несчастья, спешили предложить свою помощь потерпевшим крушение.

При свете головней можно было, как днем, видеть их лица. На них читалось самое глубокое сострадание.

Затем раздался громкий победоносный крик:

— Гром и молния!.. Да ведь это мои французы, граф де Кленэ и его друг Жак Арно!

— Полковник Бутлер! — в один голос воскликнули два друга, изумленные до последней степени.

— Ах, черт возьми! Я снова вас встречаю, и при каких обстоятельствах!.. Здесь не Дворцовая гостиница, и я, кланусь честью, не желал бы теперь оказаться в вашей шкуре.

Отчаянный спекулянт, думавший до сих пор только об одной наживе, полковник Бутлер, как истинный янки, не знал, что такое ненависть, куда судьба не столкнула его с Жюльеном де Кленэ и Жаком Арно.

Мы помним, как он погнался за путешественниками по Мексике и как его постигла неудача на Аризонской дороге. Но эта неудача не укротила свирепого янки, а лишь подстегнула его энергию в дальнейших происках. Он мечтал взять французов живыми, чтобы предать их пыткам по индейским обычаям.

Без всякого определенного плана, а лишь руководствуясь инстинктом, он приехал в Гуаймас, где встретился со своим старым приятелем и сообщником, контрабандистом капитаном Бобом, давным-давно заслужившим, как и он, виселицу.

Капитан вел в это время контрабандную торговлю с республиками Центральной Америки.

Между Перу и Чили шла кровопролитная война на суше и на море. Обе стороны вооружались с лихорадочной поспешностью. Особенно заботился о своем вооружении Перу, арсеналы которого были почти пусты к началу военных действий. Перуанское правительство скупало оружие всюду, где придется, и по любой цене, не торгуясь.

Капитан Боб и полковник Бутлер носом почуяли перспективу хорошей наживы.

Случай свел их с перуанским консулом в Гуаймаса, который перед тем получил от своего правительства циркуляр, предписывавший всем дипломатическим агентам заботиться о пополнении военного арсенала.

Консул прямо предложил им обоим взять на себя поставку военных снарядов и оружия, и вручил им рекомендательные письма ко всем дипломатическим агентам в Перу и Соединенных Штатах.

У капитана Боба был под рукой хороший экипаж. Он снарядил свою быстроходную шхуну, поднял якорь, через некоторое время доставил полковника в Панаму и, спокойно расположившись в гавани, дожидался поезда, который должен был доставить нужный товар.

Все шло хорошо вплоть до известной уже нашим читателям катастрофы.

Легко понять ярость капитана Боба и полковника Бутлера, когда их шхуна гибла и благодаря кому? — тем самым лицам, погибели которых они сами искали.

Жака и Жюльена, прибежавших на помощь, в одну минуту скрутили веревками.

Они не успели даже пальцем шевельнуть для своей защиты.

Между тем полковник Бутлер бесновался, с пеною у рта, осыпая связанных французов бранью и угрозами.

— Подлые гадины!.. Вы мне за все это заплатите. Я изорву вас в клочки... Я растерзаю вас...

Грубый смех капитана Боба остановил расходившегося компаньона.

— Потише, приятель. Знаю я ваши замашки. У вас права короткая.

— А что же еще делать с такой дрянью?

— Они могут, например, заплатить нам за убытки, если они достаточно богаты. Поэтому не лучше ли вам успокоиться и остыть немного? Впрочем, позвольте лучше мне с ними потолковать. Вы слишком возбуждены для этого. Послушайте, джентльмены, — обратился он персонально к Жаку, — вы, конечно, согласны с тем, что ваша прямая обязанность заплатить нам за убытки, которые вы нам нанесли?

— Надо сначала знать, в чем заключаются убытки и велика ли сумма, которую вы желаете получить, — хладнокровно возразил Жак. — Нас задержали совершенно незаконно, и этот отвратительный бандит угрожает нам чем-то... мы должны прежде всего от вас потребовать объяснения.

— Потише, приятель, знаю я ваши замашки

— Мне очень нравится ваша речь, джентльмен,— отвечал капитан Боб,— исключая то место, где вы так сурово отзываетесь о моем друге, полковнике Бутлере. В чем заключается нанесенный вами ущерб, спрашиваете вы? Вот в чем: вы развели на берегу огонь. Этот огонь я принял за маяк Бурро и направил на него свою шхуну. Шхуна налетела на скалы и разбилась. Таким образом, вы являетесь прямым виновником крушения. Моя шхуна была замечательным ходок-ом и необыкновенно хорошо приспособлена для моего дела. Подыскать другую такую будет мне очень трудно. Оценить ее следует по крайней мере в двести тысяч франков.

— Я принял ваш огонь за маяк Бурро

— Это очень дешево. Почти даром.

— Нет, это цена достаточная. Я не бессовестный человек, лишнего не запрашиваю. Далее: груз стоит, скажем, пятьсот тысяч франков.

— Из чего же он состоял?

— Из патронов и ружей Ремингтона для перуанского правительства.

— Вот как?

— Это вас удивляет?

— Да, признаться. Вы больше похожи на бандитов, ускользнувших от виселицы, нежели на честных поставщиков военного оружия.

— Наружность иногда обманчива, — наставительно заметил капитан Боб.

— Пятьсот тысяч да двести тысяч, — продолжал Жак, — это составит ровно семьсот тысяч. Это все?

— Какие вы ловкие!.. Нет, не все: мы не досчитали еще до миллиона. Это только на закуску.

— Очень хорошо. И много таких миллионов вы надеетесь от нас потребовать?

— Много — и не только потребовать, но и получить, что еще важнее.

— Мне кажется, это вам будет довольно трудно.

— Вы отказываетесь? В таком случае у меня есть средство вас принудить; позвольте только мне посоветоваться с моим приятелем.

Капитан Боб взял под руку бледного от злобы полковника, отвел его в сторону и начал с ним о чем-то сговариваться.

Совещание шепотом длилось две-три минуты. Потом бандиты вернулись к связанным пленникам.

— Итак, господа, вы отказываетесь от сделки? — грубо спросил их капитан Боб.

— Решительно отказываемся, — отвечали в один голос Жюльен и Жак.

— Прекрасно. Я этого ожидал и потому придумал предложить вам пожить в одном укромном местечке до тех пор, пока вы не одумаетесь. Не так ли, Сайрус?

Бандит что-то злобно промычал.

— Что же вы намерены с нами делать? — спокойно спросил Жюльен.

— Вы это узнаете через четверть часа, если соблаговолите последовать за нами.

— Мы не можем идти, мы связаны.

— В таком случае мои люди вас понесут. Эй, вы, — крикнул он матросам, — снесите этих джентльменов.

— Есть, капитан!

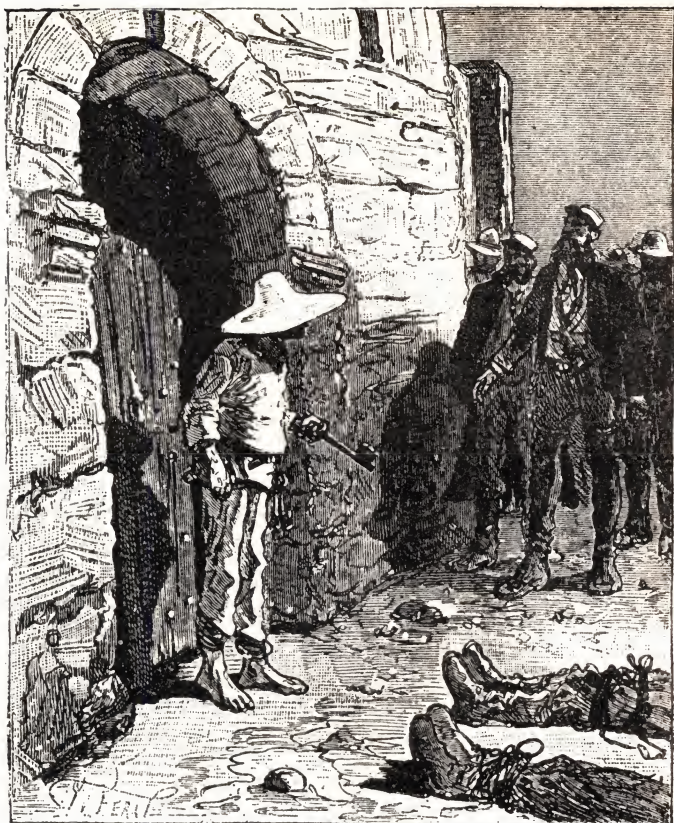
— Я пойду вперед, а вы, Сайрус, идите сзади. Да револьвер не забудьте держать наготове. Вперед, друзья!

Через четверть часа шествие приблизилось к высокой белой стене, которая выглядела при свете ночных звезд как ограда крепости.

Послышалось на испанском языке: «Кто идет?» Голос был какой-то надтреснутый. Капитан сделал знак. Шествие остановилось.

Из мрака арки ворот выступила какая-то фигура.

— Это ты, сторож? — не без робости в голосе спросил капитан Боб.

Из мрака арки ворот выступила какая-то фигура

— Я, синьор, — отвечал надтреснутый голос.

— Вот тебе два новых пансионера. Смотри в оба, чтобы они не сбежали, и не допускай никаких сношений с окружающими.

— Стены у нас высокие, синьор, а дверь крепка. Отсюда никто не выходит... даже после смерти.

Вслед за этими словами сторож в темноте вернулся к двери и повернул со скрипом ключ в заржавленном замке.

С визгом дверь отворилась. Французов внесли в какое-то темное помещение и бросили на липкую, грязную землю.

— Поскорее отсюда, — проворчал капитан Боб. — Мне

самому здесь страшно. Сам воздух здесь как будто заражен чумой.

— Подождите, мне нужно сказать им еще одно слово,— возразил полковник Бутлер, желавший до конца насладиться своей местью.— Эй, господин Арно!.. Господин де Кленэ!.. крикнул он.— Слышите вы меня через эту дверь или нет?.. Наверное, слышите. Вы, разумеется, желали бы знать, где вы находитесь?

Ответа не было.

— Однако вы не любопытны. Ну, так и быть, я вам скажу. Вы находитесь в доме, откуда не выносят даже покойников. Это дом прокаженных.

Глава II

Из Мексико в Гватемалу.— По Центральной Америке.— Ужасная ночь.— Страшная действительность.— Чудо!..— Сломанное дерево и разрушенная стена.— Выстрел.— Размышления по поводу ядра, не попавшего в цель.— Завтрак на развалинах.— Подле дома прокаженных.— По горячим следам.— Деревня на болоте.— Пропажа заведания.— Каргуэросы.— Поле сахарного тростника.— Укус змеи.

Теперь читателю следует объяснить, каким образом Жак Арно и Жюльен де Кленэ очутились в столь критических обстоятельствах возле малоизвестного порта Бурро, на территории Соединенных Штатов Колумбии, под 2° 55' северной широты и 80° 20' западной долготы.

Читатель помнит, конечно, как они чудом улизнули от нападавших, попали под арест и благополучно прибыли во французское посольство в Мексико. Помнит он, без сомнения, и радостную встречу с секретарем посольства, столь счастливо оказавшимся старым товарищем.

Они пробыли в Мексико две недели, пользуясь радушным гостеприимством Анри де Шатенуа, и затем продолжили свое странствие.

Считаем излишним утомлять читателя описанием многочисленных, порою неприятных и всегда опасных обстоятельств их дальнейшего путешествия.

Жаку Арно и Жюльену де Кленэ довелось познакомиться с лихорадкой, пару раз висеть над пропастью, встречаться со змеями и кайманами, изведать трудности пути среди скал, болот, непроходимых лесов и многоводных рек.

Из Мексико они преодолели двести километров по железной дороге до Тагуакана, оттуда верхом на лошадях — проскакали в Тегуантепек, через Оахаку. Дорога была пре-скверная, через горы и скалы.

Верхом на лошадях они проскакали Тегуантепек

От Тегуантепека, обогнув русло одноименной реки, они добрались до небольшого городка Метапы на гватемальской границе, что на расстоянии семисот километров от Оахаки.

Затем их путь пролегал вдоль линии холмов, отлого спускающихся между песчаным побережьем Великого океана и плоскогорьем Гватемалы.

Республику Сан-Сальвадор, напоминавшую рельефом Гватемалу, путешественники проехали так же быстро, следуя вдоль берега Великого океана по отлогому склону холмов.

После утомительного пути по лесам и горам они выехали на труднейшую «костоломную» дорогу в Панаму и вскоре очутились на территории перешейка — в буквальном смысле слова: узкая полоса земли между Атлантическим и Тихим океанами, соединяла два американских материка и между Колоном и Панамой имела не более шестидесяти двух километров ширины.

Приехав в гавань Панамы, они запаслись провизией и дали себе небольшой отдых на несколько дней. Затем обогнули с востока Панамскую бухту, взяв сначала юго-восточное, затем южное направление и вступили наконец на землю Южной Америки.

Со времени отъезда из Мексико они проехали шестьсот миль в три месяца. Это очень много ввиду необычайной сложности пути.

На протяжении пяти градусов они следовали затем вдоль колумбийских берегов Великого океана, между океаном и независимою от Кордильер цепью гор Сьерра-Баудо, переправились через бесчисленное множество рек, из которых самые значительные Рио-Баудо и Сан-Хуан, два дня отдыхали в маленьком порте Санта-Буэнавентура, благополучно миновали бухту Чоко с гибельными для европейца испарениями и в один прекрасный вечер сделали привал на холме близ местечка Бурро, где с ними и приключилась описанная нами в предыдущей главе драматическая история.

Несмотря на всю свою душевную стойкость, Жюльен и Жак содрогнулись всем телом, когда услышали из-за закрытой двери зловонной темницы злобные слова полковника:

— Вы — там, откуда не выносят даже покойников, вы — в доме прокаженных.

Не раз во время своих странствований в тропиках наши путешественники встречали людей, пораженных страшной болезнью, известной под именем лепры, или проказы. Сам вид этих несчастных возбуждал в них всегда ужас и отвращение.

Проказа распространена преимущественно в местах жарких и болотистых и поражает в основном людей, живущих скученно и бедно. Лепра считается до сих пор болезнью неизлечимой, в некоторых местностях западно-колумбийского побережья она свирепствует довольно сильно.

От несчастных прокаженных люди бегают как от чумы, брошенные на произвол судьбы, они умирают там, где их застает смерть, чаще всего от недостатка средств к существованию.

Но, как правило, заболевших проказой в городах насильно

Над трупом вились орлы-стервятники

или по доброй воле запирают в больницы, которые похожи на все что угодно, но только не на медицинские учреждения.

Хотите знать, что это такое — больница прокаженных? Представьте группу гнилых, тесных хижин, кое-как сколоченных и обнесенных высокою каменною оградой, через которую нет никому доступа ни внутрь, ни наружу.

Пища больных скудна и малопитательна, подается она два раза в неделю через форточку, которая немедленно захлопывается.

Капитан Боб знал, что делал, когда бросил французов в

подобную тюрьму. Это было отличным средством сломить упорство самого строптивого человека.

— Дом прокаженных! — прошептал Жюльен изменившимся голосом. — Лучше бы уж он бросил нас в гнездо самых ужасных змей.

— О, бандит! — проворчал Жак. — Зачем мы не дали Жозефу Перро разmozжить этому подлецу голову? Что теперь делать? Ночь так темна...

— Подождем рассвета. Незачем волноваться. Я не допускаю мысли, чтобы мы остались в подобном положении.

— На что же ты надеешься?

— Я и сам еще не знаю на что. Прислонимся к стене и будем сидеть смирно. В настоящий момент нам не грозит никакая опасность. Если я сам взволнован несколько, то это просто нервы шалят... Мне противно здесь находиться, меня тошнит, вот и все.

Ночь для наших друзей тянулась мучительно медленно. Вокруг слышались стоны несчастных, валявшихся также на липкой земле. Наконец эта бесконечная ночь прошла, взошло солнце и осветило ужасную картину.

На широком прямоугольном дворе, обсаженном деревьями, валялись на грязной земле полуголые люди — негры, индейцы и мулаты. У некоторых из них лица были до того обезображены проказой, что представляли одну сплошную язву. У других язвы были только на груди и на руках, у третьих еще не было видно резко выраженных внешних признаков болезни: они были лишь недавно заражены.

Довершал ужасную картину лежащий в углу двора под деревом труп, над которым вились орлы-стервятники и клевали его мясо. Там и сям валялись человеческие кости.

Жюльен и Жак с неописуемым отвращением взирали на эту сцену, и каждый из них думал о том, что предпочел бы смерть подобной жизни.

— Нет, мы не должны умереть! — воскликнул вдруг Жюльен с внезапным порывом энергии. — Нет, это невозможно. Я чувствую, что наш час еще не пробил.

— А по-моему, — возразил Жак, — осталось рассчитывать только на чудо.

— Чудо, ты говоришь? Вот оно! — с неожиданной радостью вскричал Жюльен. — Слышишь? Видишь?

В тот момент, когда Жюльен произнес слово «чудо», широкая толстая стена ограды вдруг раздалась и обрушилась. Огромные камни полетели во все стороны, одним из них было срезано чуть не под корень громадное, толстое дерево.

Вся окрестность содрогнулась от страшного гула и треска.

— *Посмотри на море!*

Прокаженные в ужасе закрыли лица руками и попрятались кто куда мог.

— В пролом! В пролом! — закричали в один голос оба друга и в несколько быстрых скачков достигли зияющего отверстия посреди стены.

Полминуты спустя они были уже на свободе, в долине, никто и не думал их преследовать.

— Наконец! — произнес Жак, с наслаждением вдыхая чистый воздух. — Наконец-то мы свободны после стольких тревог!.. Но это странно. Я не вижу кругом никого. Кто же обрушил нашу стену?

— Пушечный выстрел,— не менее радостно отвечал Жюльен.— Пушечное ядро, не попавшее в цель.

— Как это?

— Посмотри на море.

— В полукилометре отсюда я вижу только шхуну нашего врага, разбитую об утесы.

— А дальше... вот эту черную точку?

— Вижу и ее; это, по-видимому, пароход.

— И без сомнения, тот самый крейсер, который гнался за шхуной.

— А это что за маленькое белое облачко, вьющееся над морем?

— Это новый пушечный выстрел. Очевидно, крейсер упражняется в стрельбе по разбитой шхуне.

— Ты думаешь?

— Да вот тебе доказательство.

Громадное ядро, пущенное с замечательной меткостью, обрушилось на шхуну, искалечив ее корму и срезав мачту, которая тяжело рухнула на палубу.

— Ну что, ты теперь понял, чему мы обязаны нашей свободой?

— Понял: ядру, которое не долетело до цели.

— Да, и сделано это было комендором нарочно. При упражнениях в стрельбе, когда расстояние хорошо известно, делаются обыкновенные сначала два пробных выстрела: одно дальше цели, другое ближе. С третьего стрельба уже прицельная. Дом прокаженных находится за целью, то есть зади потонувшей шхуны.

— Значит, первое ядро перелетело через цель, которую имел в виду крейсер?..

— И достигло той, которую имели в виду мы.

Вывавшись из проклятой темницы, друзья очутились на морском берегу. В желудках была пустота. Теперь, на свободе, они с особой остротой почувствовали голод, и переглянулись между собой.

— Поищем какой-нибудь пищи,— сказал Жюльен.— Тут на берегу должны быть крабы.

Вдруг Жак ударил себя по лбу.

— Какие мы дураки!

— Мы просто голодные люди,— возразил Жюльен.— А ты разве что-нибудь придумал?

— Чем питаться моллюсками и крабами, не лучше ли поискать чего-нибудь посущественней? Я уверен, что у нас под носом достаточно продуктов.

— Не понимаю?

— Да ведь теперь отлив.

— Ну, что же из этого?

— Да разве ты не видишь кузов разбитой шхуны?

— Действительно, вода отливает, и шхуна остается на мели, на утесах. Только я не понимаю, что же, по-твоему, общего между остовом разбитой шхуны и нашим завтраком?

— А то, что крейсер не до конца ее разрушил, пустив в нее лишь два ядра.

— Все-таки отказываюсь понимать.

— Какой ты стал непонятливый! Да ведь если кузов шхуны цел, то и кладовая, вероятно, цела, а если кладовая цела, то, стало быть, мы найдем там какие-нибудь консервы и позавтракаем.

— Ты совершенно, совершенно, совершенно прав. И как это мне не пришло в голову самому? Я, должно быть, отупел от голода. Ну, живо, марш к шхуне.

Подгоняемые голодом, друзья вмиг добежали до разбитого корабля, перескакивая с утеса на утес.

Бедная шхуна была изуродована страшно. Удивительно еще, как ядра не попали в скрыт-камеру, где был порох, и не привели к взрыву всей шхуны.

Все же остальное носило следы полнейшего непоправимого разгрома.

Первым ядром разнесло палубу. Внутри корабля, где разорвалось второе ядро, тоже было все разрушено.

Только заряды, сложенные в ящиках в трюме, каким-то чудом уцелели.

Предположение Жакка оправдалось.

Среди хаоса и разгрома он отыскал своими зоркими, голодными глазами превосходный окорок в маленьком чуланчике при камбузе.

— Окорок! — вскричал он, хватая тушу за конец и потрясая ею, как молотом.

— Сухари! — в тон ему воскликнул Жюльен, снимая крышку с одного из ящиков.

— И вино! Настоящее вино! — повторил Жак, из-под груди разного хлама откопавший уцелевшую бутылку.

— Браво! Теперь мы позавтракаем отлично, — сказал Жюльен.

Они принялись с аппетитом уписывать отысканную пищу.

— Ай! — вскричал вдруг опять, вскакивая, Жак.

— Что с тобой?

— Ах, мы обжоры!.. За едой-то совсем забыли об очень важной вещи.

— О какой?

— О какой? О такой, что ведь у нас нет оружия, а мало ли что еще может произойти.

— Это верно.

— Настолько верно, что я бросаю свой завтрак и иду в подвал, который моряки, кажется, называют трюмом. Там пропасть ружей и все ремингтоновские винтовки... и патроны к ним. Сейчас пойду, выберу два ружья и принесу их вместе с достаточным количеством патронов.

Отсутствие Жака длилось минут пять, не больше. Он вернулся, отыскав два совершенно неповрежденных ружья с зарядами к ним и штыками.

— Теперь мы вооружены,— сказал он важно,— и можем спокойно продолжать завтрак.

— Позавтракаем скорее и станем в засаду.

— В засаду?

— Да, около дома прокаженных.

— Ты прав.

— Бутлер и его сообщник, разумеется, явятся туда требовать от нас капитуляции. Вот мы им и покажем капитуляцию.

Боясь пропустить случай, друзья наскоро завершили трапезу и спустились со шхуны, прихватив с собой остатки ветчины и сухарей.

Они добежали до дома прокаженных и не без содрогания взглянули на отвратительную тюрьму, которая едва не сделалась их могилой.

Друзья взяли немного вправо и наметили себе группу гигантских тропических растений, окаймлявших дорогу в Бурро.

Там было превосходное место для засады.

Кто бы и откуда ни прошел по дороге к воротам больницы, он неминуемо попадал в поле действия винтовок, которые держали наготове жаждущие мщения путешественники.

Жак и Жюльен простояли в засаде до вечера, ужасно устали и никого не дождались. К удивлению их, ни Бутлер, ни Боб не показывались.

Это было в высшей степени странно. Уже одна алчность контрабандистов должна бы была привести их к стенам лепрозория.

Теряясь в догадках, французы поужинали сухарями и остатками ветчины, запили этот скромный ужин вином и легли спать.

Они проспали до утра и первую мысль их при пробуждении было: «Что же это не приходят бандиты?»

Предполагая, что новый день в засаде окажется таким

же неудачным, как и предыдущий, Жюльен предложил отправиться в селение Бурро.

— Идем, — согласился Жак. — Жители Бурро наверняка помогут снабдить нас всем необходимым.

Через полчаса ходьбы они пришли в селение.

Местные рыбаки рассказали им, что накануне утром они продали много рыбы десяти вооруженным белым людям, которые сверх того чуть не насильно забрали в деревне всех свободных мулов и проводников.

Нельзя было сомневаться, что эти бесцеремонные господа были те самые бандиты, с которыми имели дело наши путешественники.

Французы все-таки решились преследовать всадников, несмотря на то, что сами были пеши.

Закупив по баснословной цене немного маисовой муки и сахару и приобретя также две сабли, они углубились в девственный лес и направились в Барбакоас. Дорога привела их в ту самую страну дождей, о которой ранее им приходилось читать, что дождь здесь не перестает никогда.

Под страшным ливнем путешественники пришли в деревню весьма непривычного вида.

То было настоящее болотное селение, в котором дома были построены на высоких сваях для защиты от наводнений. Казалось, будто они стоят не на земле, а парят в воздухе.

Население оказалось веселым, добродушным и гостеприимным. Путешественников пригласили в дом, накормили и напоили. Жюльен и Жак с удовольствием чувствовали себя защищенными от дождя, сырости и грязи.

Устроившись под гостеприимной кровлей, Жюльен первым делом пересмотрел у себя в сумке документы, рекомендательные письма и чистые листы бумаги.

Все оказалось в целости. Сумка была непромокаемая.

Жак сделал то же самое и перелистывал свой дневник. Ни одного листа в книжке не оказалось испорченным.

Вдруг он беспокойно оцупал себя и растерянно посмотрел на друга.

— Что с тобой? — спросил Жюльен.

— Я давно не смотрел, цел ли у меня в кармане мой бумажник, и вдруг теперь вижу, что карман разорван.

— И бумажник?

— Потерян.

— Очень жаль.

— Как ты равнодушно отзываешься о моей потере!

— А что же было в бумажнике?

Французы наняли носильщиков

— Письмо, в котором дядя назначает меня наследником своей гасиенды и своих миллионов.

Впрочем, потеря бумажника не имела для Жака особой важности.

В самом деле, если хорошенько рассудить, что такое особенно неприятное могло произойти от этой потери?

Самое большее — возникнут кое-какие затруднения при вступлении его во владение наследством. Но ввиду близости гасиенды Жаккари-Мирим от Рио-де-Жанейро эти формальности легко можно было уладить.

Наконец, управляющий покойного землевладельца имел,

вероятно, самые подробные инструкции относительно будущего наследника.

Подобные соображения изложил Жюльен в ответ на известие о потере Жаком бумажника со знаменитым письмом.

Затем, поблагодарив гостеприимных жителей болотной деревушки, путешественники отправились дальше и достигли селения Барбакоас.

Дождь по-прежнему лил как из ведра.

Местность становилась все более пересеченной. Идти по ней было трудно, особенно потому, что ноги вязли и скользили по намокшей земле. И французы наняли в Барбакоасе носильщиков, или, по местному названию, каргуэро. Специальность этих каргуэро — проносить на себе путешественников через горы. Народ они, как правило, здоровый и сильный.

Каргуэро посят путешественников обыкновенно на стуле, который взваливают себе на спину. Не было еще случая, чтобы кто-то из них подскользнулся или уронил свою ношу.

Усевшись на стул, Жак завернулся в плащ и притих под страшным дождем.

На четвертый или пятый день при тех же погодных условиях путешественники прибыли в селение Сан-Пабло.

Сан-Пабло находится на высоте тринадцати тысяч метров. Дальнейшее путешествие обычно совершается на мулах.

Каргуэро получили щедрую плату и удалились, от души поблагодарив путешественников, которые пересели на мулов, с виду очень тощих, но оказавшихся на самом деле сильными и выносливыми.

Вместо носильщиков наняты были два проводника, простодушных метиса. Дорога была скверная, почти непроезжая, но, к счастью, совершенно безопасная, как и любая дорога в Западной Европе. Дурные встречи здесь были крайне редки.

Таким образом, друзья достигли долины реки Чоты, расположенной в солнечной стране.

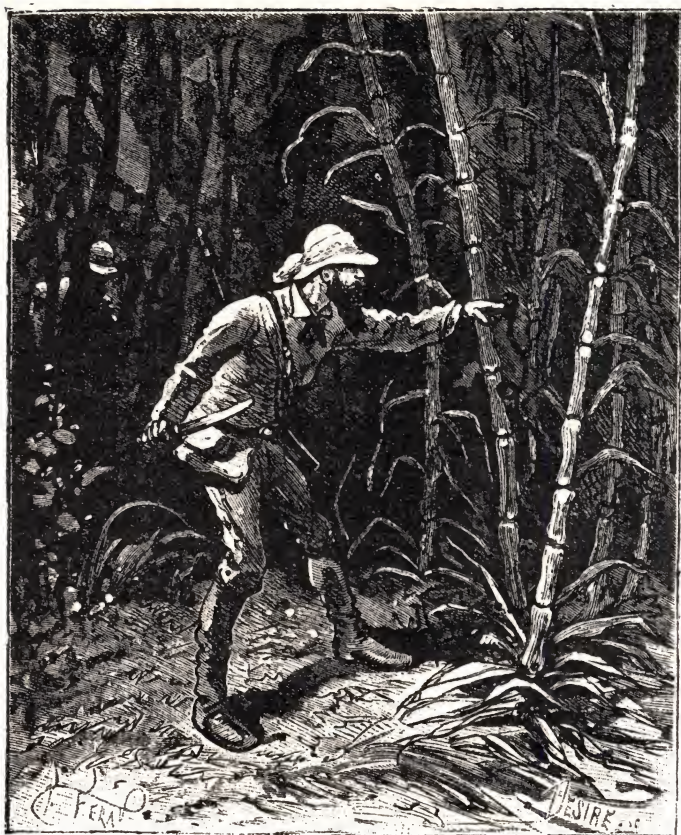
Они находились на обширном плато, прилепившемся сбоку к откосу, на котором пышно цвело поле сахарного тростника, окруженное изгородью из алоэ.

Мехи с водой были давно уже пусты, и у путешественников не было в запасе ни одной капельки влаги.

А между тем до реки оставалось еще никак не менее трех четвертей часа пути.

Жюльену совершенно естественно пришла в голову мысль утолить жажду, пососав несколько стеблей сахарного тростника.

Он вдруг почувствовал сильную боль в пальце

Он достал из ножен свой мачете, ловко сбил им несколько огромных листьев алоэ, проделав таким образом проход в гигантской изгороди, и углубился в него.

Зная по опыту, что в этих гигантских зарослях водятся змеи и всякие ядовитые гады, Жюльен постукивал по обе стороны палкой, чтобы удалить всевозможных ядовитых пауков, сколопендр и прочих хищников.

Он беспрепятственно прошел растительную стену, вышел на сахарное поле, проворно срезал несколько тростинки и наклонился, чтобы поднять их с земли.

Протянув руку к траве, он вдруг почувствовал у себя

в указательном пальце такую сильную боль, что невольно вскрикнул и поспешно выбросил поднятые было тростинки, думая, что он укололся шипом алоэ.

Взглянув себе на руку, он побледнел, несмотря на все свое самообладание.

Ужас леденил в нем кровь. Волосы на голове встали дыбом.

Вокруг его пальца, вцепившись в него сжатыми челюстями, обвилась маленькая змейка размером с ручку пера. Она была странного пурпурного цвета.

Глава III

Несчастье с Жюльеном.— Неожданная помощь.— Средство от укуса змей.— Город Ибарра.— Катастрофа 1868 года.— На экваторе.— Вулкан, извергающий миллионы рыб.— Вулкан Кайамба, соперник Чимборазо.— Несколько слов о столице Эквадора.— Единственный вид в мире.— Серьезное положение.— Чилийско-перуанская война.— Братья враги.— Воюющие флоты.— Блокада Иквикве.— Первое морское сражение.

Жак и проводник, услышав крик Жюльена, бросились не только что проделанному проходу к изгороди.

— Коралловая змея!.. — вскричал проводник тоном крайнего ужаса. — Это коралловая змея!.. Ах, синьор, синьор!..

— Как! — пролепетал Жак в невыразимой тревоге. — Неужели это коралловая змея?

Он насилу мог говорить. Язык не слушался его.

— Да это одна из самых ядовитых, каких я только знаю, — отвечал Жюльен, к которому тем временем уже вернулась вся его твердость. — Для укушенных ею мало надежды на спасение...

— Но ведь если так... — задыхающимся голосом произнес Жак. — Но нет, нет... Я этого не хочу...

Он не мог продолжать. Его душили рыдания.

— Да, друг, — спокойно продолжал Жюльен, — мне осталось жить не более часов четырех... Если только...

— Если только я не отсеку сейчас же палец, зараженный ядом гадины.

С этими словами он первым делом рубанул саблею змею, которая все еще висела на пальце.

Затем он бросил на землю свою ремингтоновскую виштовку, положил на приклад свой раненый палец и, замахнувшись саблей, приготовился нанести самому себе удар.

Проводник схватил Жюльена за руку

Жак закрыл глаза, с ужасом ожидая удара, который должен был искалечить его друга, и, быть может, безо всякой для него пользы...

Действительно, средство, выбранное Жюльеном для своего спасения, было поистине героическим.

Требовалась, во-первых, необыкновенная твердость, чтобы нанести самому себе удар, самого себя искалечить. Во-вторых, это средство было само по себе опасно, так как ампутация могла иметь очень дурные хирургические последствия.

Еще секунда — и удар был бы нанесен. Но случилось

нечто такое, что совершенно неожиданно остановило его.

Увидав, что собирается делать Жюльен, проводник вышел из оцепенения, в которое впал перед тем, и схватил Жюльена за руку в самый последний момент.

— Ты что, любезный? — спросил его Жюльен с некоторой досадой.

Ему неприятно было, что проводник задерживает его, тогда как результат операции зависел всецело от быстроты, с которою будет отсечен источник заражения.

— Не теряйте надежды, синьор, не отчаивайтесь, — отвечал метис. — Не режьте пальца. Ведь у вас другой не вырастет, — прибавил он наивно.

— На что же мне надеяться? — с горечью отозвался Жюльен.

— На излечение.

— Кто же меня вылечит и чем?

— Я вылечу.

Раненый с сомнением пожал плечами. Метис продолжал с горячностью:

— Взгляните, синьор: в пятидесяти шагах растет дерево, которое содержит отличное противоядие.

— А вдруг ты ошибаешься?

— Нет, синьор, ручаюсь головой. Да вот что: я пойду к дереву, ваш друг пусть идет следом, держа меня под прицелом своего ружья, если он сомневается во мне и боится, что я убегу. Если затем вы, приняв лекарство, все же не выздоровеете к нынешнему же вечеру и не будете в состоянии ехать дальше, то пусть ваш друг меня убьет.

— Хорошо, я тебе верю, — сказал Жюльен отрывисто. — Только поскорее, пожалуйста, а то я уже начинаю чувствовать дурноту.

Метис бросился к дереву и в одну минуту влез на него с проворством обезьяны.

Во время этого короткого разговора, оглушенный несчастьем Жак, не слыша сабельного удара, открыл глаза, но по-прежнему пребывал в каком-то оцепенении.

Затем он начал постепенно вникать в смысл слов метиса и наконец все понял.

Возродившаяся надежда вернула его к жизни. Жак приободрился и даже сам стал поддерживать друга, бормоча какие-то бессвязные утешительные слова.

Жюльен, хранящий по-прежнему хладнокровное спокойствие, как ни в чем не бывало следил за симптомами заражения, которые проявлялись все явственнее и явственнее.

Его распухший палец сделался сине-багровым.

— Теперь уж и поздно отрезать его, — сказал он. — Онемение распространяется на сустав, и вся рука уже начинает менять цвет.

— Что, тебе очень больно? — с тревогою спросил Жак.

— Нет, не очень. Только я чувствую головокружение и тошноту, но это пустяки.

— А проводник наш все не возвращается!

— Возвращается, синьоры, возвращается! — раздался вдруг радостный голос запыхавшегося проводника.

Метис примчался во всю прыть, неся два каких-то плода величиною с гусиное яйцо, фляжку с водой, вынутую из мешка за седлом, и небольшую жестяную кружку вроде солдатской.

— Вот и лекарство, синьор, — проговорил он, между тем как взгляд Жюльена был прикован к плодам, от которых зависела его жизнь.

Плоды были мясистые, с косточкой в середине. Метис извлек косточки, очистил их от пленки, вскрыл и вынутые ядра положил в кружку.

Не теряя ни минуты, он налил туда воды и дал отпить половину Жюльену.

Затем, увидав кончик носового платка, торчавший у Жака из кармана, метис вытащил его, обвязал им вздувшийся палец и вылил на него остаток жидкости.

Прошло не более четверти часа с тех пор, как Жюльена укусила коралловая змея, хотя и маленькая, но не менее опасная, нежели гремучая.

Покуда метис чистил плоды, у Жюльена началась рвота, окончившаяся обмороком. Это было несомненным признаком отравления уже всего организма.

Проглотив поднесенную ему жгуче-горькую жидкость, Жюльен почувствовал общую слабость и хотел было лечь на землю, чтобы ускорить действие лекарства. Однако проводник стал отговаривать его.

— Лучше находиться в движении, синьор, — возразил метис. — На ходу лекарство подействует скорее и вернее.

— Хорошо. В таком случае я пойду взглянуть на чудесное дерево, которое, может, спасет мне жизнь. Это будет, так сказать, мой благодарственный визит.

Все четверо медленно приблизились к дереву, щадя больного, который слабел на глазах, несмотря на его физически крепкое сложение. Дерево оказалось из породы пальм, с очень прямым стволом и вершиною из больших перистых листьев.

— Как оно называется? — спросил Жак.

Вулкан Имбабура

— У нас оно зовется цедрон и считается священным, — отвечал проводник.

То был действительно знаменитый цедрон, целебные свойства которого стали известны белым недавно, примерно с 1828 года.

В настоящее время признан факт, что ядра плодов этого дерева нейтрализуют самый смертоносный змеинный яд, лечат лихорадку, горячку, эпидемическую дизентерию и другие желудочные болезни, а также и болезни, происходящие от малокровия.

Визит к цедрону пошел Жюльену на пользу.

Совет проводника — ходить, чтобы лучше усвоить противоядие, оказался весьма полезным. Лекарство начало действовать необыкновенно быстро, и вскоре злоеущие признаки заражения крови стали исчезать, как по мановению волшебной палочки.

Это выздоровление было равнозначно воскресению из мертвых.

Сделали привал неподалеку от целебного дерева и на другой день с зарею двинулись дальше, прихватив с собою большой запас косточек из плодов цедрона.

В полдень друзья прибыли в Ибарру, главный город провинции Имбабуры.

Это был симпатичный городок с населением в 25 тысяч жителей. Выстроенный со вкусом в благословенных краях, с прекрасным климатом, он, увы, рискует в любую минуту превратиться из миленького городка в груды развалин.

Так, в 1868 году ужасное землетрясение разрушило в городе почти все дома, уничтожило много замечательных памятников седой старины и погребло десять тысяч человек в черте Ибарры и втрое больше в провинции.

Жюльен и Жак прибыли в Ибарре полсуток и направились дальше на юг, минуя вулкан Имбабуру, который отстоит от города всего в пятнадцати километрах.

Этот вулкан, потухший уже около ста лет тому назад, время от времени выбрасывает из своих недр огромное количество грязи и органических веществ. Некоторые полагают даже, что самое название вулкана произошло от слияния двух слов: и м б а — небольшая рыба черного цвета, и б у р а — производить. Действительно, в 1691 году вулкан Имбабура выбросил громадное количество мелкой рыбы, очевидно, жившей в каком-нибудь подземном озере.

По невозможнейшим дорогам путешественники проехали селения и местечки Тупигаче, Тобокундо и Качикуанто.

Слева от них, в шести тысячах метрах, величественно возвышался вулкан Кайамбе, превосходящий по высоте даже знаменитый Чимборазо.

Вдруг Жюльен остановился и указал на огромный конус, покрытый вечными снегами, в которых отражался ослепительный свет палящих солнечных лучей.

— Знаешь ли, в какой точке земного шара мы находимся? — спросил он друга.

— Да, — отвечал Жак, — мы достигли экватора.

На другой день утром путешественники прибыли в город Квито, расположенный на 0°13' ниже экватора.

Несмотря на желание как можно скорее ехать дальше, им все-таки пришлось сделать остановку в столице Эквадора.

Возможности человеческого организма не беспредельны. Путешественники проделали большое расстояние, так что отдых им был просто необходим.

Да, наконец, и Жюльен не совсем еще оправился после укуса змеи.

Но и помимо всего этого возникла необходимость пробыть хоть несколько дней в Квито. Полученные друзьями по приезду в город известия были настолько важны, что приходилось подумать о более глубоком изучении страны, которую им предстояло проехать.

Поэтому старинный город Квито, несмотря на все его своеобразие и экзотику, друзья осмотрели лишь поверхностно, мельком.

Правда, им довелось пережить несколько минут эстетического наслаждения, когда с холма перед ними развернулась чудеснейшая в мире панорама из семи вулканов: Кайамбе, Антизаны, Коразона, Хинизы, Котопахы и Пичинчи, из которых два последних до сих пор действующие.

Возвратившись затем на крутые улочки города, они нанесли визит французскому консулу, который принял их очень радушно и предоставил им целую коллекцию газет, вышедших за последние месяцы.

Узнав о намерении французов во что бы то ни стало добраться до Бразилии сухим путем, консул любезно сообщил им самые подробные сведения о странах, лежащих на пути их следования.

Эти сведения были весьма кстати, ибо теперь, пускаясь в рискованное предприятие, путешественники по крайней мере знали, чего им следует беречься, и заранее могли принять меры для избежания опасностей.

В Южной Америке в то время кипела война, которой не предвиделось конца.

Перу в союзе с Боливией вела войну с Чили, войну кровавую, истребительную, беспощадную, сродни кровной вражде внутри одного семейства или племени.

Не будем вдаваться в анализ всей совокупности причин и поводов к этой войне. Все они, надо сознаться, не делают чести Боливии и Перу, государственные мужи которых, запутавшись в экономических трудностях, грозивших им полным банкротством, во что бы то ни стало хотели войной

прикрыть собственные недочеты и промахи*. У многих охотников ловить рыбку в мутной воде были при этом и личные виды на обогащение.

Что касается Перу, то этой стране решительно нечего было терять, даже в случае поражения ее дела не стали бы хуже: они и так уже были катастрофически плохи. От былой славы и прежнего богатства давно уже остались одни лишь смутные воспоминания. Война же, напротив, могла многое поправить.

Точно в таком же гибельном положении находилась и Боливия, где какое-то жалкое подобие правительства вершило дела республики.

Зато положение Чили было совершенно иным.

Избавившись в 1810 году от неумелого и недееспособного правления испанцев, эта страна тружеников не стала на путь внешнеполитической интриги и военных переворотов, а в полном соответствии со своим девизом, заключающимся в двух словах: *trabajo, cordura*, то есть «Труд и здравый смысл», добилась необыкновенного процветания, возбудив тем самым зависть промотавшихся соседей, а зависть, в свою очередь, породила глухую ненависть, которая при первом же поводе переросла в явную вражду.

Нищета — плохая советчица. Она и помогла двум разорившимся республикам отыскать предлог, чтобы поссориться с третьей, преуспевающей. Спор возник первоначально между Боливией и Чили из-за неясных границ. Выведенное из терпения недостойными придирками и притеснениями жителей пограничных районов, правительство Чили объявило Боливии войну.

Между Боливией и Перу еще раньше было заключено двустороннее военное соглашение. Однако объявление Чили войны Боливии застигло Перу врасплох.

Но как бы там ни было, а перуанцам, в силу договора, пришлось тоже включиться в войну.

В первой же стычке с чилийским отрядом численностью в 500 человек, высадившимся в Антофагасте и в марте 1879 года взявшим город Коламу, боливийцы были разбиты наголову.

Но республика Перу нисколько не смутилась неудачей союзницы. Перуанцы объявили, что сотрут Чили в порошок, и приняли на себя всю тяжесть войны, надеясь на высокие боевые качества своей армии, а в особенности на свой броненосный флот.

---

* Авторская трактовка причин и событий Тихоокеанской войны 1879—1883 гг. не всегда совпадает с точкой зрения ученых.

Морской бой

Но их с первых же шагов ожидало горькое разочарование.

Покуда перуанское правительство с лихорадочной поспешностью проводило мобилизацию, чилийцы преспокойно взяли в блокаду важнейший стратегический объект перуанцев — гавань Иквикве.

И с какими кораблями!.. Господи Боже!..

Потребовалась большая смелость со стороны Чили, чтобы принять вызов в такой неравной борьбе, — неравной ввиду относительной слабости чилийского флота.

Республика Перу располагала восемнадцатью военными кораблями, из которых четыре были броненосцы: фрегат

«Independencia» и три монитора: «Huascar», «Atahualpa» и «Manco-Capac», кроме того, два корвета и двенадцать более мелких судов, в том числе одна броненосная канонерка.

Чилийский флот состоял всего лишь из 9 кораблей, в числе которых было только два броненосца.

Командующий эскадрой, стоявшей в водах Иквикве, адмирал Реболledo, несмотря на скудость военных сил, решился идти к Калье и дать перуанцам сражение. Для поддержания блокады он оставил перед Иквикве всего два корабля, находившихся в таком плачевном состоянии, что считались совершенно не пригодными к бою.

То были корвет «Эсмеральда», с 25-летним стажем службы, и маленькая шхуна «Кавандонга», отнятая у испанцев в 1866 году, — оба судна, разумеется, деревянные.

И это было все.

Спустя два дня после отплытия главной эскадры в виду Иквикве появились два больших перуанских корабля: «Индепенденсия» и «Гуаскар». Гордые броненосцы полагали, что стоит им только показаться, как чилийцы тут же снимут осаду и сдадутся в плен на своих ветхих кораблях.

Однако это не входило в намерение командиров «Эсмеральды» и «Кавандонги», дон Атуро Прата и дон Карлоса Канделя. Оба молодые, бесстрашные, до конца верные присяге и долгу, они решились сражаться до последней капли крови и дорого продать свою жизнь.

«Гуаскар» наметил «Эсмеральду», у которой машина едва действовала, а «Индепенденсия» понеслась на «Кавандонгу».

«Эсмеральде» предстояло стать первой жертвой.

Командир «Гуаскара», разгневанный дерзким сопротивлением старой скорлупы, изрешеченной ядрами и все-таки усердно отвечавшей на артиллерийский огонь, приготовился потопить ее стальным тараном.

Два раза удалось «Эсмеральде» увернуться от столкновения с монитором*.

Чилийский капитан поднял на громт-мачте национальный флаг.

Моряки знают, что это значит.

Это значит, что корабль пойдет ко дну, но не сдастся.

Снова монитор несется на корвет, и снова корвет ускользает от удара. Оба корабля почти соприкасаются бортами.

Тогда капитан Прат, в сопровождении офицера и солдата, с саблей наголо бросился на палубу «Гуаскара», воодуше-

---

* Бронированным военным кораблем с сильной артиллерией.

вив своих матросов личным примером и громкой командой:
— На abordаж!

К несчастью, монитор как раз в этот момент отошел от корвета, и экипаж последнего не имел возможности последовать за своим героем-капитаном. Дон Артуро Прат сдержал слово и погиб со своими товарищами на палубе неприятельского корабля, который тем временем снова бросился на «Эсмеральду» и врезался в ее борт.

Машина остановилась. Корвет, продержавшись с минуту, пошел ко дну.

Но гибель корвета не осталась без отмщения.

Как ни странно, но жалкая паровая шхуна «Кавадонга» все время стойко держалась в бою с громадной «Индепенденсией» и, хотя вся была изранена ядрами, энергично отвечала из своих двух пушек тем страшным 18 орудиям, которые осыпали ее целым градом снарядов.

Машина шхуны оставалась невредимой.

Взбешенный командир «Индепенденсии» решил немедленно потопить дерзкую посудину. Фрегат устремился на «Кавадонгу», но капитан Кандель, великолепно знавший конфигурацию дна у берегов, обратился в притворное бегство и, пользуясь малым водоизмещением шхуны, смело понесся над подводным скалами.

Перуанский фрегат, преследуя его на всех парах, с разбега налетел на скалы.

«Гуаскар» выслал шлюпки спасать погибающих матросов «Индепенденсии», а «Кавадонга», едва держась на воде, гордо вошла в гавань Антофагасту латать свои пробоины...

Теперь можно вернуться к продолжению нашего политического экскурса.

Республика Перу, нуждаясь в оружии для своих рекрутов, с самого начала войны заключила контракты с разными оружейными заводами в Европе и Америке.

Беспрерывным потоком шли в Перу обозы оружия и военных припасов через Панамский перешеек, представлявший кратчайший и удобнейший путь. Тщетно чилийские консулы протестовали против такого вопиющего нарушения нейтралитета. Протестов этих никто не принимал до тех пор, покуда наконец успехи чилийцев не поубавили спеси у перуанцев. Только тогда республики, державшие пристрастный «нейтралитет», спохватились и поняли, что с маленькою юго-западною республикою приходится считаться.

Все вышеизложенное в достаточной мере проливает свет и на деятельность капитана Боба и полковника Бутлера, как раз и занимавшихся доставкой оружия перуанцам.

Глава IV

Новый маршрут.— Mayordomo и арриеро.— В виду Чимборазо.— Перед Аренальским ущельем.— Буйство стихий.— На краю бездны.— Помогите!..— Надо спасти майордомо.— Смелый план.— Воздушный разбойник.— Нападение кондора.— Борьба на краю бездны.— Спасены! — Возвращение в теплые страны.— Гуаякиль.— Несколько часов в Гуаякиле.— Ворот газет, журналов, брошюр и тому подобное.— Два письма из Ричфильда.— Жак соглашается сесть на корабль... но Жюльен решительно отказывается.— Близ рейда Салаверри.— Средневековый город.— В городской тюрьме.

Несмотря на реальные опасности, угрожающие на каждом шагу, наши путешественники все-таки решились во что бы то ни стало ехать через Боливию и Перу.

Они прикинули свой маршрут через Гуаякиль, Тумкез (маленький пограничный перуанский городок), Лиму, Арекину, Пуньо, через озеро Титикака и город Чуквизака.

Жюльен, зная по опыту, как трудно нанять в пути для поклажи мулов, решил купить их целую дюжину.

Метис-проводник, вылечивший Жюльена от укуса змеи, горячо привязался к обоим французам, а те, в свою очередь, к нему. Когда этот честный человек попросил разрешения сопровождать их и далее, они, разумеется, с радостью согласились.

Путешественники немедленно сделали его своим mayordomo *, и он принялся исполнять свои обязанности с большим усердием и расторопностью.

Прежде всего он занялся покупкой мулов и подыскиванием подходящего товара.

Арриеро, или погонщик мулов,— это чрезвычайно оригинальный человеческий тип, встречающийся в Андаде. Он везде одинаков — на юге, на севере и в центре. Одежда арриеро состоит почти всегда из полотняных панталонов, засученных до колен, и из пестрой, очень короткой рубашки, надетой навыпуск и подпоясанной ремнем, на котором висит длинный и крепкий мачете.

Очень редко арриеро бывает обут в кожаные башмаки, а сапог и вовсе никогда не носит.

---

* Управляющим.

Устроив покупку мулов и наняв хорошего погонщика, новый *mayordomo* занялся вместе с Жюльеном заготовкой провизии в дорогу и предметов обихода.

Когда все было готово, маленький караван, состоящий из двух французов, одного арриеро, метиса-проводника, двух пеонов и двенадцати мулов, ранним утром 2 ноября покинул столицу Экуадора.

На третий день пути путешественники увидели усеченный конус вулкана Карихуаиразо, не действующего с 1699 года. Вершина его, высотой в пять тысяч метров, покрыта вечными снегами.

Вслед за тем показался и вулкан Чимборазо — «*el rey*», то есть «король», как его зовут местные жители. Белоснежная вершина его возвышается на ярко-лазорево-м фоне неба на высоте 5600 метров.

Дорога была сплошь загромождена глыбами, извергнутыми огнедышащим жерлом вулкана. В некоторых скалах были проделаны отверстия, из которых смотрели оскаленные человеческие черепа.

Жак невольно воскликнул от удивления.

— Что это значит?

— Ах, синьор, — заметил арриеро, — это очень дурное место.

— А что?

— Мы приближаемся к Ареналю.

— Знаю, — перебил Жюльен. — Это песчаное ущелье, окаймленное пропастями. В нем каждый день бывает после полудня такая буря, против которой ничто не может устоять.

— Как, синьор? Вы знаете Аренальское ущелье? — воскликнул изумленный проводник.

— Отлично знаю. Мне вся здешняя местность хорошо знакома.

— Но я все-таки не понимаю, при чем же здесь кости и черепа? — сказал Жак.

— Это — остатки неосторожных жертв этой ежедневной бури...

— Ах, синьор, синьор! — вскричал вдруг жалобно проводник.

— Что случилось?

— Нам не выбраться из ущелья... Сейчас разразится буря.

— Не может быть!

— Взгляните сами на эти тучи... Слышите, как завывает ветер?.. Солнце затмевает мгла... Слышите: «*el rey*» гудит... Святая Матерь Божья! Сжалась над нами! Не погуби нас!

Буйство стихий продолжалось два часа

И действительно, внезапно налетела и разразилась страшная буря.

Как бы в опровержение слов Жюльена: «Не может быть», природа решила доказать обратное.

Обыкновенно эти бури случаются после полудня и никогда не бывают поутру, так что на этот раз произошло непредвиденное исключение, какого не помнили даже старожилы этих мест.

Жюльен не успел опомниться, как попал под страшный дождь с градом, и налетевший порыв ветра повалил его наземь вместе с мулом.

Лежа на земле среди поваленных мулов и вьюков, молодой человек с ужасом озирался по сторонам.

Молнии бороздили небо, которое казалось объатым сплошным огнем. Буря ревела, срывая утесы и бросая их в бездну.

Все живое казалось уничтоженным.

Буйство стихий продолжалось часа два.

Но вот облака рассеялись. Гром постепенно утих. Дождь прекратился, из-за туч проглянуло солнце и как ни в чем не бывало заиграло на белоснежных вершинах гор.

Во время бури мулы припали к земле, руководимые инстинктом самосохранения. Это спасло их от бездны, куда ветер мог снести бы их прочь, как легкие щепки.

Жюльен встал с земли и увидел Жака, прижавшегося к утесу. Видя друга целым и невредимым, Жак, все еще не покидая безопасного места, приветствовал его громким «Ура!»

Услыхав этот крик, арриеро и два пеона тоже поднялись с земли, радостно вскрикивая.

— А *mayordomo*? — воскликнул вдруг Жюльен, хва-
тившись своего спасителя.

В то же время из глубин соседней бездны раздался жалобный, молящий крик:

— Ко мне!.. Погибаю!.. Помогите!.. Синьоры, помогите вашему верному слуге, спасите его!..

Услыхав отчаянный зов своего слуги, Жак и Жюльен, не думая о себе, склонились над краем бездны и окинули взглядом ее темные глубины.

По всем признакам пронасть была вулканического происхождения, стены ее были почти отвесные, поросшие кое-где диким кустарником. За один из таких кустов несчастному метису и удалось при падении ухватиться. Но тонкие ветви сгибались под его тяжестью, грозя обломиться, и он каждую минуту рисковал сорваться вниз.

— Бедный! — содрогаясь, произнес Жюльен.

— Как же нам его спасти? — Жак был взволнован не меньше друга. — Он от нас в метрах пятидесяти.

— Спасти его нужно во что бы то ни стало, — отвечал Жюльен, уже начавший обдумывать смелый план. — Сколько у тебя запасных ремней для привязывания вьюков? — обратился он с вопросом к арриеро, который весь дрожал от страха...

— Только три, синьор.

— По десяти метров каждый. Связать все три вместе —

выйдет тридцать метров. А что, крепки они? Выдержат одного человека?

— Хоть двух, синьор.

— Хорошо. Слушай, Жак. Ты меня обяжешь этим ремнем под мышками. Потом вы все вместе возьметесь за свободный конец и будете держать его как можно крепче.

— Нет, — возразил решительно Жак. — Это гимнастика, следовательно, мое дело. Спускаюсь я, а не ты.

— Нельзя ли без лишних споров? Время не ждет. Ты забыл одно: ведь ты в полтора раза тяжелее меня, так что придется спустить меня.

Жюльена обвязали ремнем под мышками, как он велел, и неустрашимый француз спустился в мрачную бездну.

Жак и арриеро, крепко вцепившись в ремень, осторожно опускали его вниз. Прошло две минуты, показавшиеся им целою вечностью. Натяжение прекратилось.

— Пускай! — крикнул снизу Жюльен, благополучно достигнув выступа.

Затем, обращаясь к метису, который, видя спускавшегося к нему Жюльена, перестал кричать, прибавил:

— Мужайся друг, мы тебя спасем.

Жак бросил веревку в бездну. Жюльен, отвязав от себя один конец и укрепившись на выступе, спустил другой конец метису, который висел метрах в пятидесяти ниже.

Затем, напрягшись, откинулся всем корпусом назад, а ногами как можно тверже уперся в выступ и начал медленно и осторожно тянуть вверх несчастного метиса.

Ослепленный ярким светом, пронизывающим тьму, оглушенный таинственным шумом, доносившимся из глубины бездны, злополучный *mayor-domo* почувствовал головокружение и впал в беспамятство.

В таком состоянии его тащил вверх Жюльен.

Вот уже остается не более пяти метров... Вот и еще меньше... Еще минуты две — и метис будет спасен...

Вдруг из уст всех стоявших над пропастью вырвался дружный крик ужаса.

В тот же миг Жюльен увидел, что над его выступом появилась какая-то большая тень, и послышался свист и хлопанье могучих крыльев.

Огромная, чисто сказочной величины птица, с иссиня-черным оперением, с желтыми глазами, свирепыми и кровожадными, как у тигра, с плоскою, прижатою с боков головою на крепкой шее, недвижно реяла над французом и метисом.

Это был кондор.

Он со всего размаха ударил кондора саблей по голове

Кондор, гигантский коршун Андов, обладающий страшной силой, равной к тому же его кровожадности.

С бесконечной высоты, на которой он обычно парит целыми часами, распластав свои громадные крылья, он зорким взглядом увидел человека, который как труп болтался над бездной.

Руководимый ненасытной жадностью, кондор, подобно камню, с дьявольской точностью низринул к бездне и, распустив парашютом свои крылья, повис над ней.

Он приготовился к атаке. Он видел перед собою двух человек, одного живого, другого недвижимого. Если он до-

будет хоть одного из них — у него будет пища на целый день.

Он вытянул вперед свою хищную голову с раскрытым кровожадным клювом и свои светло-желтые лапы с крепкими и острыми, словно железными, когтями.

Бесстрашный Жюльен, сознавая, как дорога каждая секунда, изо всех сил налег на канат и ценой не человеческого усилия поднял метиса вровень с уступом.

Снова кондор устремился на человека, движимый своей алчностью.

Тогда Жюльена захлестнул порыв ярости. Он почувствовал, что силы в нем удесятерятся и он способен теперь на самый отчаянный поступок.

Не думая о том, что сам может каждую минуту сорваться в бездну, повинаясь лишь внезапному неосознанному порыву, он дважды обернул ремень вокруг своей левой руки, принимая на нее всю тяжесть тела майордомо, а правой выхватил из ножен свой мачете и, изогнувшись над бездной, со всего размаха ударил кондора саблей по голове в тот самый момент, когда клюв хищника уже был обращен к горлу метиса...

Мачете с треском обрушилось на голову чудовища и раскололо ее пополам.

В тот же миг, вырвавшись из руки Жюльена, мачете ударяется об утес и, отскочив с звонким металлическим стуком, падает в бездну. Вслед за ней летит в пропасть и кондор.

Метис открыл глаза. К нему начала возвращаться память. Руки его судорожно схватились за выступ, и это бессознательное, инстинктивное усилие дало возможность Жюльену ухватить ремень опять обеими руками и окончательно втолкнуть несчастного на скалу.

Чрезмерное напряжение сил изнурило Жюльена. Он на минуту присел, опасаясь головокружения, которое очень легко могло у него начаться вследствие прилива крови к голове.

Но у подобных натур приступ слабости, как правило, непродолжителен.

Сверху послышался голос Жака:

— Привяжи ремень к веревке, я спускаю ее тебе. Готово?

— Да. Тащи.

— Хорошо. Привязывай теперь товарища — мы его вытащим.

— Готово. Поднимай.

Жак с помощью арриэро и обоих пеонов — подстраховка

в таких случаях не повредит — с необыкновенной силой потянул вверх веревку.

Вслед за метисом скоро и благополучно подняли и Жюльена.

— Господин! Господин! — воскликнул майордомо, бросаясь к ногам своего спасителя, как только тот ступил на твердую землю. — Я бедный дикарь, полунегр, полуиндеец. Мне нечего предложить тебе в благодарность, кроме жизни, которую ты мне спас. Позволь мне следовать за тобой всюду. Я буду твоей вещью, твоим рабом.

— Хорошо, сын мой, оставайся со мной, если хочешь, — отвечал ласково и серьезно Жюльен. — Но только не считай себя обязанным мне сверх меры. Я лишь исполнил свой долг.

Путешественники миновали город Таторильяс, расположенный на высоте трех тысяч девятисот метров над уровнем моря.

Вскоре начался спуск с гор. Стала появляться растительность, характерная для южных широт, встречались пальмы, бамбуки, геликонии.

Путники проехали берегом Рио-Химбо, увидав строящуюся ветвь железной дороги до города Ягуаки. Это первая железная дорога в Эквадоре.

На следующий день вечером они уже достигли берегов реки Гуаякиля, вобравшей несколько значительных притоков: Гуаяса, Дуле, Бабагайо, Якуаки и др.

Здесь они остались ждать до следующего утра прибытия парохода, на котором собирались перебраться на другой берег реки, где находился знаменитый эквадорский порт Гуаякиль.

Впрочем, и в этом городе наши друзья рассчитывали пробыть недолго.

Они предполагали лишь завизировать свои паспорта в консульстве, получить свою корреспонденцию и сейчас же ехать дальше.

Поэтому они оставили майордомо, арриеро, пеонов и мулов на небольшом постоялом дворе на берегу реки, а сами сели на пароход, три раза в день перевозящий через реку пассажиров, и благополучно прибыли в город.

Дел у наших друзей, однако, оказалось гораздо больше, чем они предполагали. Все формальности с паспортами были исполнены быстро, но что касается полученной па

их имя корреспонденции, то разобраться с нею оказалось не так-то легко.

Ни Жюльен, ни Жак не ожидали такого громадного количества бумаг.

Это был целый ворох накопившихся за несколько месяцев журналов, брошюр и давным-давно посланных визитных карточек.

Целого дня едва хватило на то, чтобы только сориентироваться в этом потоке, а на прочтение всего понадобилась бы еще неделя.

Жак предложил универсальное средство избавиться от такого каторжного труда.

— Меня нисколько не интересует, — заявил он, — что делалось в мире за время нашего путешествия. Поэтому я бы все это просто сжег не читая.

— Ты забываешь, что тут должны быть письма, очень нужные для нас.

— Да, правда, я чуть не забыл о Федоре Ивановиче.

— Вот именно. Тебе очень нравится в Гуаякиле?

— Нравится! Да я просто не чаю, как вырваться отсюда, хотя и двух часов не прошло, как мы здесь. Меня невыносимо раздражает здешняя сутолока.

— Хорошо, сделаем вот как. Запакуем всю эту грудку бумаг в тюки, сядем на пароход и переедем на тот берег, где мы оставили наших людей и мулов, раскинем там палатку и проведем денек-другой в тиши полей, вдали от шумного света.

— О, это прекрасно! Так поспешим!

К вечеру все было готово, и в тот же вечер оба друга, комфортабельно расположившись в своей палатке, «разбирались в хламе» (по выражению Жака) при свете двух свечек, привезенных из Гуаякиля *ad hoc* *.

У Жака с первого же раза оказалась очень счастливая рука.

Порывшись с четверть часа в одной из кип, он вытащил два конверта, связанных вместе тоненькой бечевкой. На обоих стоял ричфильдский штампель.

— Из Ричфильда! — вскричал он, делая причудливое и очень игривое антраша между разбросанных кип. — Это от Федора Ивановича! Я знаю по почерку!

— Bravo! До остального нам, значит, нет никакого дела.

— А другое письмо от кого?

---

* Для этой цели (*лат.*).

— Ей-богу, никак не пойму. Что за странная каллиграфия! Вот так буквы!

— Перро! Да это от Перро! — вскричал Жак, разломав печать. — Бедный Перро — это он самолично «берет перо в руку...»

— Читай скорее, полно тебе.

Жак, большой любитель комфорта, поудобнее расположился среди раскиданных бумаг и принялся за чтение.

«Дорогой господин де Кленэ, дорогой господин Арно.

Не без большого колебания я беру перо в руку, желая описать вам подробно все наши приключения.

Господин Лопатин уже описал вам все, что может быть вам интересно, и, разумеется, я не смею соперничать с таким искусным рассказчиком: ведь вы сами изволите знать, какой он оратор.

Но господин Лопатин сказал, что если я еще и от себя панишу вам несколько строк, то это доставит вам большое удовольствие.

Скажу я вам, во-первых, что все мы втроем уже больше не служим в меховой компании. И вы не думайте, что самовольно — нет, нам разрешил сам мистер Андерсон, начальник фактории Нулато.

Золота у нас добывается — пропасть.

Мы очень рады за господина Лопатина. Это поправит его состояние, и он будет по-прежнему богат.

Надо вам, кстати, сказать, что мы никак не могли с ним сговориться насчет нашего жалованья.

Он вздумал нам предложить такое жалованье, какое постыдился бы взять себе даже комендант форта Нулато: до того оно велико.

Я, разумеется, наотрез отказался.

Тогда хозяин (вот какой он упрямый!) выдумал сделать нас дольщиками в своем предприятии.

— ...Нам так много не нужно, — отвечал я господину Лопатину. — А вы лучше вот что сделайте: так как скоро по случаю холодов работу придется прекратить на полгода, то я попрошу вас отвезти нас всех троих в гости к господину Арно, на дачу. В Бразилии очень тепло, а я солнечного удара не боюсь.

— Я согласен, — отвечал наш хозяин.

При этом он даже засмеялся, а это с ним бывает редко.

— Потом, — говорю я ему дальше, — если ваши дела будут идти и на будущий год так же хорошо, как теперь, то вы свозите одного из нас во Францию. Нам бы так было приятно повидать «старую родину».

— Перро, — сказал мне тогда господин Лопатин своим приятным, твердым голосом, — с наступлением холодов мы все вместе уедем с прииска и вчетвером поедem в Бразилию.

Затем мы вместе с господами Арно и де Кленэ определим, сколько приходится на нашу долю и сколько на вашу. Решению наших друзей вы уже, конечно, подчинитесь без всяких споров — не так ли?

Понятно, я обещал. Неучтиво было бы не согласиться.

Так вот, господа, в каком положении наши дела.

Признаться, хотя мы и не перестаем работать с прежним усердием, однако терпеливо ждем первых заморозков.

А как только они появятся — в путь, в страну, где греет жаркое солнце.

В ожидании этого счастливого дня, господа, позвольте старому охотнику и двум его братьям, Жофруа и Андрэ, засвидетельствовать вам свое искреннее почтение и совершенную преданность.

Перро Старший.
Карибу, 28 сентября 188...»

— Черт возьми! — вскричал вдруг Жак. — А ведь сегодня 12 ноября. Теперь там, должно быть, уже настали холода. Если так, то наши друзья уже выехали и приедут в Жак-кари-Мирим раньше нас.

— Очень возможно. Наверное, так оно и будет, — ответил Жюльен. — Ведь они не станут избегать моря и поедут, разумеется, на корабле.

— Жюльен? — помолчав немного, спросил нерешительно Жак.

— Что?

— Вернемся в Гуаякиль и сядем на корабль.

— Как? Это говоришь мне ты, Жак, — ты?

— Да, я.

— Нет, голубчик, теперь уж поздно. Теперь я и сам не хочу. Мы непременно должны проехать в Бразилию сухим путем... слышишь: должны. Я во что бы то ни стало желаю закончить начатое.

— Но, послушай, если они приедут в гасиенду без нас...

— Велика беда!.. Бразилия славится гостеприимством. Управляющий примет их тем более радушно, что они приедут в качестве друзей его будущего патрона. Успокойся же, милый друг, и едем в Перу.

Спустя десять дней после краткого визита в Гуаякиль, то есть 22 ноября, Жюльен и Жак стояли на набережной Салаверри новой гавани Трухильо.

Путешественники отпустили арриеро и неонов, сели на поезд железной дороги и приехали в Салаверри.

Дорогой в вагоне французы завязали новое знакомство. С ними ехал необычно словоохотливый пассажир, перуанец, добродушная общительность которого заставила наших путешественников изменить их обычной сдержанности с незнакомыми.

Новый знакомый наших путешественников довольно правильно говорил по-французски.

Разговор шел о жестокой войне, которая велась в то время между Перу и Чили и имела далеко не благоприятные последствия для Перу.

Когда он упомянул о военных поставках из Европы, французам сию же минуту вспомнилось приключение с контрабандистами.

Жюльен заметил своему собеседнику, что доставка из Европы, оружия вещь ненадежная, что суда контрабандистов подвергаются риску быть захваченными чилийскими крейсерами, или попасть под эмбарго * нейтральных государств, или же, наконец, потерпеть крушение.

— О, нет, это случается крайне редко, — с живостью возразил перуанец. — К тому же поставщикам деньги выплачиваются уже после доставки материала, так что мы ни сколько не рискуем.

— Теперь я понимаю, отчего так страшно взбесился капитан Боб и его достойный компаньон Бутлер, — вскользь, но очень кстати заметил Жак.

— Как! Вы знаете этих негодяев? — с живостью воскликнул перуанец.

— Увы, к нашему несчастью, — отвечал Жюльен и в нескольких словах описал сцену крушения шхуны.

Перуанец выслушал рассказ чрезвычайно внимательно и впервые ни разу не перебил по своей всегдашней привычке собеседников, дав им высказаться до конца.

— Во всяком случае это крушение принесло нам большие убытки, — задумчиво произнес он, выслушав рассказ, — и на целый месяц задержало вооружение значительной части ополчения. На этих двух американцев я, чтобы вы ни говорили, продолжаю все-таки смотреть как на негодяев. Этого же мнения, сколько я знаю, держится и наше правительство, так что если когда-нибудь они осмелятся ступить на перуанскую землю, то...

— Их повесят, конечно.

— Нет, синьоры, их казнят как изменников: расстреляют в спину.

---

* Запрещение на заход в порты страны не принадлежащих ей судов.

— А мы со своей стороны готовы оказать вам содействие в поимке. Однако, к сожалению, я не думаю, чтобы для них скоро пробил час возмездия.

— *Quien sabe?* * — каким-то загадочным тоном произнес перуанец.

Скоро поезд пришел в Салаверри. Перуанец предложил путешественникам временно остановиться в одной из местных гостиниц, в которой, впрочем, не было ни малейшего намека на какой-либо комфорт.

Сам же он отправился в Трухильо, чтобы приготовить там все к их приему — так, по крайней мере, он объявил.

Дружески простившись с новым знакомым, французы задержались на набережной. Их внимание привлекла разгрузка корабля и высадка с него пассажиров.

В других гаванях это дело очень простое, но в тихоокеанских все осложняет сильный прибой.

К кораблю подъезжает огромный плот, который под действием качки попеременно то поднимается волнами вровень с бортом корабля, то ныряет опять вниз.

Тем временем на корабле готовят «журавли». К цепи «журавля» прикрепляют бочку, которая служит своеобразной кабиной для пассажира; цепи приводятся в действие на блоках — и пассажир в бочке переправляется на плывущий по волнам плот.

Принявший таким образом пассажиров плот тяжело плывет к берегу, раскачиваемый волнами, которые с головы до ног обрызгивают пассажиров.

Наконец те высаживаются на берег, промокшие до костей, и поздравляют себя с благополучным прибытием в Салаверри.

— Господи Боже мой! — бормотал Жак, глядя на это. — А я-то, дурак, едва не сел на корабль в Гуаякиле! Что бы со мной было, если бы меня начали этак таскать!..

Тем временем высадка с парохода приняла юмористический оборот.

Высаживалось английское семейство, состоящее из папаша, мамыша, трех мисс и пятнадцатилетнего юноши. Толстый папаша совершенно не мог стоять на ногах, и в бочку его сажали четыре носильщика, с трудом удерживавшие такую тяжесть.

В эту минуту к путешественникам подбежал метис Эстебан и доложил, что прибыла обещанная перуанским синьором карета, чтобы везти их в гостиницу с громким названием «*Jran Hotel de la Patria y de los extranjeros*».

---

* Кто знает? (исп.). — Прим. авт.

Два друга не без сожаления покинули пристань, где в это время миледи спускалась в бочке на прыгающий по волнам плот.

— А мне так хотелось понаблюдать, чем все это кончится,— сказал Жак, садясь в карету, которую резво помчали сильные лошади чилийской породы.

Четверть часа спустя путешественники прибыли в Трухильо, столицу департамента Либертад,— тихий, благоустроенный город со средневековым колоритом.

Далее карета миновала еще одну улицу и въехала в ворота в какой-то стене, не менее мрачной, чем стены монастырей.

Ворота закрылись, и друзьям навстречу поспешил их новый знакомый — перуанец, любезно оповещая их о том, что комнаты для них готовы.

В подобных обстоятельствах у всякого путника прежде всего возникает желание умыться и переодеться.

К услугам наших путешественников сейчас же явился громадного роста негр в ливрее со светлыми пуговицами. Они прошли за ним, в сопровождении своего метиса, в маленькую комнатку, с выбелёнными стенами. Пол комнаты был устлан циновками, единственное окно, находившееся на каком-то странном случаю под самым потолком, было заделано крепкой решеткой.

— Вот комната для ваших сиятельств,— глухо произнес негр и быстро исчез, захлопнув за собою дверь и для чего-то заперев ее снаружи на задвижку.

Жак и Жюльен, заподозрив подвох, принялись изо всех сил барабанить в дверь, требуя, чтобы ее сию минуту отперли.

В стене беззвучно отворилась маленькая форточка, и просунулась голова перуанца, предложившего им не шуметь и подождать немножко.

— Не потрудитесь ли вы нам объяснить, что значит эта гнусная ловушка? — вскричал с негодованием Жюльен.

— Вы находитесь в городской тюрьме,— было им ответом.— При вашем аресте не было подстроено вам никакой ловушки. Страна, ведущая войну, имеет право всеми средствами защищаться от авантюристов, которые ее эксплуатируют и содействуют ее разорению.

— Но мы просто французские путешественники, насколько не причастные к боевым действиям.

— Будет притворяться!.. Хотя вы и прекрасно говорите по-французски, тем не менее вы все-таки американцы, а не французы.

— Даю вам честное слово дворянина, что я граф Жюльен де-Кленэ, а это мой друг Жак Арно. Но вы, конечно, не верите словам: вы, без сомнения, полицейский... поэтому...

— Да, я начальник здешней полиции... к вашим услугам, полковник Бутлер... и капитан Боб.

— Как вы сказали? — переспросил опешивший Жюльен.

— Я говорю, что вы, называющий себя графом де-Кленэ, не кто иной, как полковник Бутлер, вор-американец, а ваш товарищ — капитан Боб, моряк-кораблекрушитель. Что вы на это скажете?

— Скажу, что вы очень искусный начальник полиции.

— А! Значит, вы сознаетесь, что вы американцы?

— Да, черт вас возьми, взгляните на наши паспорта!

— Мало ли что пишется в паспортах, — к тому же они у вас подложные.

— Как это? Не угодно ли вам объяснить?

— Неделью тому назад я собственноручно подписывал паспорта настоящих господ де Кленэ и Жака Арно, французских путешественников, севших в Трухильо на пароход, отходивший в Бразилию. Эти два господина не делали секрета из своего путешествия, они с многочисленной свитой ехали получать в наследство богатую гасиенду Жаккари-Мирим и в доказательство предъявили даже письмо завещателя. Вы видите сами, что ваша уловка очень груба и делу не поможет. До свиданья, господа, напоминаю, что у нас изменников расстреливают в спину.

Глава V

В тюрьме. — Похитители наследства. — Перед военным судом. — Опереточные генералы. — Обвинение. — Притворная уступка председателя. — Курьер в Лиму. — Письмо к французским представителям. — Пытка сладостями. — Нет вам воды! — Ужасные страдания. — Военный суд, состоящий из одного человека. — Пли! — Кто эти новые лица! — Поиски метиса. — Бумага, вследствие которой можно взорвать город и опустошить целую провинцию. — Scottia. — Ультиматум. — Десять минут срока. — Динамитный патрон. — Эстебан и тюремщик. — Начальник полиции прижат к стене. — На корвете. — Ночь на корабле. — Качка. — Прощание с английскими офицерами. — В Лиме. — Озеро Титикака. — Оригинальное топливо. — Морская болезнь побеждена. — Прибытие в Чуквизаку.

Камера, в которую заперли Жака и Жюльена с их метисом, представляла довольно опрятную комнату с оштукатуренными стенами и одним окном наверху.

Беглый осмотр помещения скоро утвердил французов в

мысли, что заперты они крепко и убежать отсюда невозможно.

Когда миновал первый приступ гнева и изумления, друзья постарались хладнокровно обсудить то положение, в котором они оказались.

Жак полагал, что все это лишь недоразумение, которое очень скоро разъяснится. Он верил в добросовестность перуанской администрации, у которой не было причин сомневаться в подлинности их бумаг.

Жюльен недоверчиво качал на это головою. Он не разделял оптимизма своего друга.

— Припомни,— говорил он,— припомни состояние умов в нашем обществе во время страшной войны с Германией. Мы дошли до такой подозрительности, что в каждом иностранце, в каждом человеке с не совсем чистым произношением или одетым не как другие видели шпиона.

— Что же из этого следует?

— А то, что Перу находится в таком же положении, как и мы во время войны с Пруссией. Перуанцам не хочется признаваться в своих поражениях. Они лихорадочно мечутся, кидаются во все крайности, обвиняют и Бога, и людей, и чилийцев, одним словом — ищут козлов отпущения, чтобы утолить раздражение толпы.

— Ты прав, Жюльен. Дело наше плохо, тем более что подлецы-американцы через этот город проехали недавно...

— И, по-видимому, в нашем обличье.

— Украд у меня бумажник с документами и бросив нас в больницу для прокаженных.

— Да, слов нет, ловкачи. Их план очень прост: они едут на пароходе в Рио-де-Жанейро, направляются в гасиенду Жаккари-Мирим и вступают во владение наследством.

Во время этого разговора снова отворилась форточка, и голос мрачного сторожа глухо произнес:

— Господа, приготовьтесь явиться перед военным судом.

Вслед за тем в комнате послышался звук возвращающегося вала.

Правая боковая стена камеры качнулась и медленно поднялась вверх, точно занавес в театре, открыв ярко освещенную многолюдную залу, отделенную от камеры толстой железной решеткой.

На подиуме за столом, покрытым черным сукном, сидели члены военного суда, пятеро чопорных господ, преисполненных сознания своей избранности. Их роскошные мундиры представляли верный слепок с военной формы французских генералов, но только богатое шитье, сверкавшее на них, было добыто не в честных боях за родину, а в междоусобицах и крамолах.

Генерала, не служившего в действующей армии, не нюхавшего пороха в битвах, видно сразу. Нет у него того достоинства, той военной выправки, той величаво-спокойной простоты движений, которая отличает истинного солдата.

В качестве комиссара от правительства при суде состоял сам господин начальник полиции, облаченный в мундир простого полковника. Напротив со своим помощником восседал секретарь, тучный каноник с толстым, красным лицом, двойным, если не тройным, подбородком и маленькими хитрыми зелеными глазками.

Помощник секретаря, длинный, тощий, сухой монах, с вечно опущенными глазами, являл резкую противоположность своему начальнику.

Наконец, справа и слева стоял взвод солдат при оружии. Внешний вид их был довольно непрезентабельный, и в них никак нельзя было узнать тех воинов, которые во всех сражениях — падо отдать справедливость перуанской армии — выказывали чудеса храбрости...

При появлении арестантов солдаты подобрались и взяли ружья к ноге, готовые при первой же необходимости кинуться на защиту расфранченного опереточного генералитета, восседавшего за судейским столом.

Предложив подсудимым сесть, его превосходительство господин председатель военного суда задал им протокольные вопросы о звании, имени и фамилии и прочее.

Секретарь уселся поудобнее в своем кресле и задремал, предоставив своему помощнику записывать вопросы и ответы по его усмотрению.

Затем председатель, перелистывая составленный начальником полиции обвинительный акт, инкриминировал* подсудимым нелепую басню, превращавшую безобидных французских путешественников в преступных авантюристов. Затем он сделал заключение по этому делу и в итоге предложил подсудимым во всем признаться и подписать протокол.

Станный ход процесса поразил Жюльена. Пылая негодованием, он произнес горячую речь, в которой доказывал, что они действительно французские путешественники, ссылаясь на паспорта, находящиеся при них.

— Я уже говорил вам, синьор, — перебил речь Жюльена начальник полиции, — что паспорта можно подделать. Да и кто, наконец, докажет, что вы не похитили их у подлинных владельцев?..

— Скажите, господин начальник полиции, — произнес

---

* Поставил в вину.

с глубочайшим презрением Жюльен, — скажите, дорого ли заплатили вам те два негодяя, которые опередили нас здесь? Я говорю о настоящих Бобе и Бутлере, преображению которых вы, очевидно, содействовали... за хорошие деньги, разумеется.

Начальник полиции позеленел и заскрежетал зубами.

— Ты лжешь, иностранец-собака! — вскричал он вне себя от бешенства.

— А! Вот как!.. Я очень рад. «Собака-иностранец»? Прекрасно. Слово сказано, а в нем-то и вся суть. Сознавайтесь же прямо и откровенно, что в этом и заключается главное обвинение. За последние дни вы, вероятно, получили дурные вести с театра военных действий. За неимением реальных побед вы удовлетворяете раздраженное общество юридическими расправами над иностранцами. Вам нечем сгладить свои поражения, нечем оправдаться в собственных ошибках, вот вы и кричите: «Смерть шпионам-иностранцам! Казнить их!..» Реляций о победах нет, так вместо них вы развлекаете тупую чернь кровавыми спектаклями...

В это время снаружи, через окна ворвался в залу гул собравшейся перед зданием толпы. И словно эхо после восклицания Жюльена, донеслись выкрики:

— Смерть изменникам!.. Смерть иностранцам!..

— Что я говорил! — иронически-торжествующим тоном продолжал граф де Кленэ, между тем как члены суда смущенно молчали. — Разве я не оказался прав? О, я все отлично понимаю. Я вижу вас насквозь. Вы просто гонитесь за дешевой популярностью. Но только вы не особенно удачно выбрали нас в качестве жертв на заклание. Мы — слышите вы это? — мы не намерены платить за ваши политические и военные промахи.

— Смерть шпионам! — ревела толпа. Послышались глухие удары в двери здания.

— Что же вы молчите, господа судьи? Что ж не произнесите свой правый приговор? Посылайте же нас на казнь: это зрелище с успехом может заменить бой быков... Нет? Вы не хотите? Отчего? Сказать вам? Да просто оттого, что вы не смеете.

Опереточные генералы заволновались. За судейским столом слышался ропот, разбудивший каноника-секретаря.

— Да, я повторяю вам это в лицо: вы не смеете. Не смеете потому, что вы твердо убеждены в том, что мы французы. И вы наивно полагали, что мы подпишем какой-то там подложный протокол, который вы нам подсовываете! Да с чего вы это взяли? Правда, в данную минуту мы

в ваших руках, но ведь существует же международное право, которое служит нам защитой. Не думаете ли вы в самом деле, что наши следы потеряны от самого Гуаякиля? Успокойтесь. Нас найдут, и дипломаты потребуют вас к ответу за нашу гибель. Поэтому предъявляю вам ультиматум: немедленно возвратите нам свободу или бойтесь последствий злодеяния.

— Но, синьор, — возразил смущенный и несколько даже напуганный председатель суда, — я все это и сам хорошо понимаю. Однако примите во внимание и наше неловкое положение. Неделию тому назад в Трухильо сели на пароход два иностранца, ехавшие в Бразилию. Они носили ваши имена и были снабжены документами, удостоверяющими их личности. Разумеется, им дали свободный пропуск в силу того же международного права, на которое ссылаетесь вы.

— Довольно! — резко перебил Жюльен председателя. — Довольно, ваше превосходительство. Скажите мне одно: есть у вас в Перу правосудие или нет? И сами вы кто — слуги закона или убийцы?

— Что вы хотите этим сказать?

— В Лиме есть французский резидент и начальник французского порта адмирал Дюперрэ. Оба меня знают. Прикажите отправить в Лиму курьера с письмом от меня. Вот все, что я пока требую от вас, господа судьи, во имя правосудия и вашей военной чести.

— Хорошо, синьор. Ваша просьба будет удовлетворена. Завтра утром в Лиму отправляется курьер. Господа, заседание закрыто.

Снова опустилась подъемная стена, отделив арестованных от залы судебного заседания.

Решение председателя было встречено громким ропотом.

— Ваше превосходительство, что вы сделали? — с волнением подбежал к председателю начальник полиции. — Неужели вы вправду пошлете курьера?

— Конечно, пошлю.

— И он доедет до Лимы?

— Он должен доехать, чтобы передать посланнику и адмиралу письмо. В этом наша гарантия.

— Не понимаю вас, ваше превосходительство. А вдруг они окажутся невиновными?

— Это все равно. Когда вернется курьер, будет уже поздно.

— Почему?

— Потому что до Лимы полтораста миль и десять дней

пути, а подсудимые виновны или нет, сознаются во всем раньше этого срока.

— Вы думаете?

— Убежден.

— Как же вы добьетесь этого дознания?

— О, конечно, мерами самыми кроткими, — многозначительно закончил председатель.

После допроса пленники получили через сторожа-негра чернила, перо и бумагу, и Жюльен немедленно написал письма к французскому посланнику в Лиме и к начальнику французского порта в Кальяо.

Сторож сообщил путешественникам постановление военного суда, предписывавшее немедленно выпустить на свободу метиса Эстевана, потому что тюремными правилами не дозволяется заключенным иметь при себе прислугу.

— Хорошо, — спокойным голосом отвечал Жюльен, подавляя легкую дрожь.

Сторож ушел, а метис громко зарыдал, до глубины души огорченный разлукой с теми, ради кого он готов был пожертвовать всем.

— Дураки! — сказал граф де Кленэ тихо Жаку. — Этой мерой они, вероятно, хотят усилить строгий режим нашего заключения и вернее соблюсти тайну...

— Удалив лишнего свидетеля, — перебил друга Жак.

— Очень может быть. Во всяком случае, в этом распоряжении содержится и положительная для нас сторона. У нас теперь явилась возможность послать в Лиму собственного курьера.

— Это верно.

— Следовательно, Эстеван отправится в Лиму, но, разумеется, не с казенным курьером, а отдельно от него. Этим властям не следует слишком много доверять.

Прошло два часа, в течение которых Жюльен успел дать метису самые подробные и точные наставления. Затем снова явился тюремщик, принеся два больших закрытых сосуда с пищей для заключенных.

— Хорошо, — холодно произнес Жюльен. — Письма наши готовы, возьмите их кстати для передачи курьеру.

Затем, обращаясь к метису, граф прибавил:

— Можешь идти... Счастливцев: ты на свободе!.. Прощай.

— Прощайте, синьор, — произнес, рыдая, молодой человек. — Я никогда не забуду вашей доброты ко мне.

— Раб! — сердито проворчал негр, презрительно пожимая плечами и выталкивая метиса в коридор.

— Вот так потомок дяди Тома! — сказал Жак. — Нечего

сказать, хорош... Но, однако, в желудке у меня черт знает что делается. Надо поскорее попробовать, чем здесь кормят.

Он снял крышку с одного из сосудов, попробовал и состроил гримасу удивления. В нем оказалось какое-то желе, густое и плотное.

— Черт возьми!

— Что такое?

— Да ведь это варенье! И, надо сказать, превкусное.

— Очень вкусное,— подтвердил Жюльен, отведав в свою очередь поданного яства.— Только ведь это не питание.

— Еще бы! Вместо обеда — один десерт.

— Но так как нам больше ничего не несут, то придется довольствоваться и этим, памятуя, что сахар в соединении с растительными веществами составляет все-таки некоторый суррогат пищи.

Наевшись густого желе, французы, естественно, захотели пить и обнаружили, что в камере нигде нет воды.

— Должно быть, забыли,— проворчал Жак.— Виданное ли дело: тюрьма без классических хлеба и воды.

Они принялись звать тюремщика, стучали кулаком в стену. Но на их зов не откликалась ни одна живая душа.

Бесцельно потратив силы, друзья растянулись на постелях и впади в забытье.

Ночь была длинная. Томимые жаждой, с пересохшим горлом и воспаленными губами, заключенные пребывали в мучительном состоянии полусна, полуяви.

На другой день рано утром в камеру опять вошел негр с двумя точно такими же сосудами как и накануне.

— Воды! Воды давай нам! — закричали французы, лишь только он показался в дверях.— Что ж ты вчера нас без воды оставил?.. А это что такое? Опять варенье? Так неужели нас все время здесь будут кормить этой гадостью?

— О синьоры,— с самым любезным видом возразил сторож,— у вас будет самый разнообразный стол.

— Разнообразный?

— Да. Извольте заметить: сегодня варенье другое.

— Как, негодяй?.. Другое варенье? Ты смеешься над нами?

— Смею ли я, синьоры?.. Нет, в самом деле: вчера вам давали лимонное желе, а сегодня кокосовое...

— А воды?

— У нас в тюрьме заключенным не полагается вода,— отвечал негр, оскаливая белые зубы, которым позавидовал бы любой волк.

— Как, негодяй! Не даешь воду? Что ж это такое? Или нас хотят довести до бешенства? Ну хорошо же: ты ответишь за всех.

Но негр проворно шмыгнул за дверь и запер ее на ключ. Жак, вне себя от гнева, принялся сыпать самые злобные ругательства, которые, впрочем, были столь же бесполезны, как и его удары кулаками и ногами в запертую накрепко дверь...

Прошло два, три, четыре дня. Страдания бедных французов становились с каждым днем невыносимее.

Тщетно силились они не дотрагиваться до приносимых сластей. Жажда была настолько сильна, что временами искушение брало верх, и узники съедали несколько ложек сладкого сока, надеясь этим обмануть жажду.

Но чем чаще они поддавались искушению, тем сильнее хотелось им пить.

На это и рассчитывали гениальные изобретатели особого рода пытки — «пытки сластями».

Да не сочтет читатель все это нашей выдумкой. Подобные факты случались в Перу во время чилийской войны и засвидетельствованы иностранными консулами.

При виде очередного кушанья Жак разразился ругательствами. Боже, что у него был за голос. Хриплый, глухой, точно замогильный.

Вдруг до слуха друзей донесся гул пушечного выстрела со стороны моря.

Друзья прислушались. Первым заговорил Жюльен.

— Чу!.. Слышишь, какие-то крики, суматоха?.. Барабанный бой. В тюрьме беготня. Нет, определенно что-то случилось.

Послышался опять звук вертящегося вала.

Как и пять дней тому назад, внезапно поднялась та же стена, отделявшая камеру узников от зала судебных заседаний.

Французы вновь увидели толстую железную решетку. За нею стоял взвод солдат.

Но судей в зале не было. Страх — чувство, очень хорошо знакомое генералам крамол и интриг.

За столом на подиуме был один начальник полиции. При нем находился помощник секретаря.

Вероятно, по перуанским понятиям, этих двух лиц было вполне достаточно, чтобы признать судебное заседание состоявшимся.

Едва ли собирался когда-нибудь суд более единодушный.

Между тем Жюльен, до сих пор постоянно призывавший

Жака к спокойствию, вдруг сам почувствовал страшный прилив гнева при виде изобретателя гнусной пытки.

В порыве ярости он потерял всякую способность рассуждать и владеть собою.

Голод и жажда часто доводят человека до подобного состояния.

Бледный, с налитыми кровью глазами, он бросился к решетке, с яростными криками навел револьвер прямо на начальника полиции.

Тот побледнел и, спрятавшись за скамью, как за редут, скомандовал солдатам:

— Стреляйте в обоих!.. Пли!..

Громко звякнули ружья.

В эту самую минуту раздался страшный грохот, посыпалась штукатурка, треснула стена.

Но к великому изумлению узников они оба были живы.

Напуганные не менее их солдаты сбились в беспорядочную кучу.

Оказалось, что взрыв произошел не в самом здании, а за его пределами.

Когда смолкли последние отзвуки взрыва, в коридоре послышался быстрый и мерный топот идущих строем людей.

Затем раздалась команда на каком-то иностранном языке, произнесенная звучным, твердым голосом, и лязг оружия.

Шумно распахнулась боковая дверь в залу, и тот же голос звучно скомандовал по-английски...

Начальник полиции, монах-секретарь и солдаты застыли в ужасе и изумлении.

Жак и Жюльен были удивлены не менее их.

Слова команды были следующие:

— Долой оружие!.. Я вас всех беру в плен!..

Получая с театра военных действий известия о беспрепятственных поражениях своей армии, перуанское правительство в панике изыскивало все возможные способы занять чем-нибудь общественное мнение и отвлечь его от постыдной действительности.

Схватить невинных, ложно обвинить их в шпионстве и расстрелять ничего не стоило для бесчестных перуанских чиновников. Этим они думали показать обществу: вот как мы заботимся о вас, как бдительно охраняем общественную безопасность.

Жюльен догадывался, что именно такую штуку и собирались проделать перуанские администраторы, и потому снаб-

дил своего метиса самыми точными инструкциями на этот счет.

Прежде всего ему было приказано сделать все возможное для того, чтобы пробраться морем из Трухильо в Лиму.

Метис пошел отыскивать контору одной из местных пароходных компаний, чтобы взять себе билет.

На набережной, где находилась эта контора, он увидел здание, над которым развевался флаг. Посланцу французов показалось, что он уже встречал такой флаг над иностранными консульствами в Квито и Гуаякиле, и, полагая, что нашел искомое, вошел в подъезд.

Приемная здания была не заперта. Метис вошел в нее. У стола, заваленного бумагами, сидел без сюртука, в одном жилете, толстый-претолстый господин и курил сигару, потягивая при помощи соломинки какой-то напиток из стакана.

— Что вам угодно? — добродушно спросил толстяк молодого человека.

— Съездить на пароходе в Лиму, — робко отвечал метис.

— Вы ошиблись адресом, молодой человек. Здесь не пароходная контора. Здесь английское консульство... со вчерашнего дня.

Эстебан вежливо извинился. Толстяк продолжал с прежним добродушием:

— Ничего, любезный, это не беда... А скажите, пожалуйста, вы очень торопитесь в Лиму?

— О да, сударь, очень тороплюсь.

— Ну, так вы опоздали. Вчера ушел американский пароход, а французский отходит через две недели.

Видя, как его собеседник изменился в лице, толстяк пожалел бедного парня. Он предложил ему присесть и отдохнуть, затем осведомился, не болен ли он.

— Ах, сударь! — воскликнул метис, вдруг разражаясь рыданиями. — Что ж теперь будет!.. Мои господа теперь погибли!..

— Ваши господа?..

— Да, сударь... Мои господа — французские путешественники. Перуанцы посадили их в тюрьму и хотят умертвить.

— Вот как! Они французы!.. Расскажите-ка, расскажите. Это меня интересует, хотя я и англичанин. Но международное право в цивилизованных странах в равной мере распространяется на всех.

Эстебан рассказал о своих отношениях с Жюльеном и Жаком, о цели их путешествия, ложном обвинении и, наконец, о цели своей несостоявшейся поездки в Лиму.

Англичанин слушал рассказ молча, потягивая свой сироп и посасывая сигару.

— Вы, следовательно, везете письма к адмиралу и посланнику?

— Да, сударь.

— Я британский консул и в Трухильо являюсь единственным представителем европейских стран. Поэтому покажите мне бумаги, которые вы везете: мне не помешает с ними ознакомиться.

— Извольте, господин консул,— отвечал с готовностью метис.— Вот они.

Консул распечатал конверт и вынул из него несколько бумаг. Взгляд его упал на одну из них, написанную по-английски и с приложенною к ней большой печатью.

Консул развернул бумагу и быстро пробежал глазами.

Он вздрогнул, точно по его телу пробежал электрический ток.

То был известным нашим читателям охранный лист, выданный Жюльену английским министром лордом Б.

— Ну, мой милый, у вас такая рекомендация, какие мало у кого имеются. Тут есть из-за чего взорвать на воздух целый город и опустошить целую провинцию.— Молодой человек, ваши господа спасены!

— О, господин консул! — воскликнул метис.— Как вы добры, как великодушны!

— Тут не о доброте вовсе речь и не о великодушии. Я исполняю только долг. В силу этого документа я обязан министерским приказом взять немедленно ваших господ под высокое покровительство Ее величества Королевы Великобритании. Оставайтесь пока у меня, а я приму меры... Впрочем, какие же тут нужны особенные меры? Просто потребность освобождения — вот и все.

— Ну, а если вам откажут, господин консул?

— Мне-то откажут? Консулу Ее величества? Это немыслимо!

— Если прямо не откажут, начнут тянуть время... и потихоньку отравят их... Граф де Кленэ именно приказывал не поднимать тревоги, покуда мы не будем в силе.

— Покуда не будем в силе! — вскричал консул, засмеявшись.— Да, пожалуй, вы правы. Но через неделю, даже раньше, мы будем в большой силе. Я ожидаю на днях военный корабль Ее величества.

Наступил пятый день.

Эстебан, все время с тоской всматривавшийся в морскую даль, влетел, как пуля, в кабинет консула:

— Корабль!.. Пароход!..

— Какой флаг? — спросил консул.

— Не знаю... кажется, такой же, как здешний.

И метис указал рукою на потолок. Консул подошел к окну. К пристани подходил стройный корабль. На бугшпирте его гордо развевался английский военный флаг.

— Ура!.. — вскричал консул. — Это тот самый корабль, которого я ждал: корвет «Scottia», под командой сэра Колина Кэмбля. Кричите и вы «ура», молодой человек. Ваши господа спасены. Теперь уж можно сказать наверное, что спасены.

Корабль между тем выбрал место для стоянки и бросил якорь.

Консул уложил бумаги Эстевана в герметическую жестяную коробку и предложил метису отправиться с ним на пристань и вместе сесть в бочку.

Капитан корвета, молодой стройный офицер, белокурый, матово-бледный, с голубыми глазами, бесстрастно взирал на торжественное путешествие консула в бочке на корабль.

Ступив на борт корвета, тот приблизился к капитану и отвесил ему глубокий и церемонный поклон.

— Имею честь засвидетельствовать свое почтение сэру Колину Кэмблю.

— Добро пожаловать, дорогой мистер Гоуитт. Очень рад вас видеть. Оказывается, вы уже водворились на этом негостеприимном берегу.

— Берег действительно негостеприимный. Он даже хуже, чем вы предполагаете. Я ожидал все-таки найти здесь цивилизованных людей, а между тем это какая-то дикая орда.

— Что вы! Неужели вам здесь не оказали уважения, соответствующего статусу дипломатического представителя Ее величества?

— Тут не обо мне, собственно, речь... но это все равно. Дело такое, сэр Колин, что вашим пушкам, быть может, придется заговорить. Удивительного в этом ничего не будет.

— Объясните ваши слова, мистер Гоуитт, — бесстрастно возразил капитан, в глазах которого, однако, как будто что-то блеснуло.

— Прежде чем приступить к объяснению, я прошу вас просмотреть вот эти документы. Шесть дней тому назад мне передал их молодой человек, приехавший со мною на корвет... Не угодно ли?

Командир корвета «Scottia» пересмотрел поданные ему бумаги.

— И этот джентльмен,— заговорил сэр Колин Кэмбл, складывая бумаги,— просит британской помощи?

— Да, капитан, и не без основания, потому что положение обоих путешественников отчаянное, как это вы сами можете видеть из писем...

— Ну, из этого неприятного положения они выйдут менее чем через три часа, за это я вам ручаюсь, мистер Гоуитт,— ручаюсь, хотя бы для этого мне пришлось обратиться весь город в груды развалин и пепла... Лейтенант, прикажите выставить боевые сигналы... Канониров к орудиям. Сорок человек морской пехоты приготовить к высадке... раздать по двести патронов на человека.

— Но, капитан, ведь это объявление войны... Нужно сначала послать ультиматум.

— Ультиматум?.. Передайте его вы лично и возвращайтесь в консульство. Я буду следить за консульским флагом: если вы его спустите, я открою огонь.

— All right!

Сэр Колин Кэмбл удалился в свою каюту, пробыл там с четверть часа и вернулся наверх уже в полной парадной форме, держа в руках только что составленную бумагу, которую и передал Гоуитту.

Это был ультиматум властям города Трухильо с требованием немедленного освобождения французских путешественников.

— Теперь вы знаете, что вам делать, любезный мистер Гоуитт. Отправляйтесь в консульство, надевайте мундир, а тем временем мои люди высадутся на берег под началом одного из офицеров и сопровождают вас до города. Слуга французских джентльменов покажет вам дорогу в тюрьму, если местные власти не исполнят нашего требования добровольно. Ступайте и знайте, что всякое ваше требование я энергично поддержу.

Солдаты морской пехоты, радуясь предстоящей переделке, на которую они смотрели как на развлечение, с большой готовностью выполнили команду. Но когда консул поспешил к властям, чтобы сообщить об ультиматуме, то ни одного человека он на месте не нашел. Все в испуге попрятались, так что никого нельзя было отыскать.

Подвернулся только один начальник полиции. Ему-то консул и изложил свои требования.

Будучи человеком хитрым, начальник полиции не отказал ему, но попробовал выиграть время.

Он попросил полчаса сроку. Мистер Гоуитт великодушно подарил ему десять минут.

— Десять минут — хорошо! — сказал негодяй и поспешно удалился.

Эстеван, зорко следивший за ним, подглядел, что тот поспешил прямо в тюрьму.

— Господин консул, — взмолился метис, — ради Бога, что вы делаете!.. Зачем вы дали этому негодяю отсрочку? Ведь он побежал прямо в тюрьму. У него наверняка дурной умысел против моих господ.

— Возможно, этот человек очень смахивает на мерзавца. Ну что ж, мы тоже можем следовать к тюрьме. Как ваше мнение, лейтенант? — обратился он к офицеру, командовавшему отрядом.

— All right! — лаконично отвечал офицер.

На городской башне пробило пять часов, когда английские солдаты подошли к массивной тюремной двери.

Лейтенант постучал в дверь эфесом своей сабли. Никто не отозвался.

— Нельзя ли выломать эту дверь? — спросил консул.

— Нет ничего легче, — отвечал лейтенант. — Займет полминуты.

Он подозвал к себе унтер-офицера и сказал ему пару слов. Тот вынул из ранца металлический цилиндр в тридцать сантиметров длины и толщиной в руку.

Из цилиндра с одного конца торчал фитиль.

Лейтенант велел солдатам отступить на несколько шагов, положил цилиндр у порога двери, зажег фитиль сигарой и пояснил консулу:

— Динамитного патрона достаточно для какой угодно двери.

В ту же минуту грянул взрыв, разнесший дверь в щепки. Путь был свободен.

Английские солдаты во главе с офицером устремились в зияющее отверстие. Эстеван указывал дорогу к камере, где сидели заключенные французы.

Тут-то и произошла описанная выше сцена, когда лейтенант вбежав в залу, где собирались расстреливать французов, крикнул громовым голосом:

— Долой оружие!.. Я вас всех беру в плен!

Английский офицер немедленно велел разоружить перуанских солдат, которые до того были удивлены неожиданным нападением, что совершенно растерялись и даже не подумали оказать сопротивление.

К начальнику полиции и монаху-секретарю он приставил четырех солдат.

— Отступать нам придется среди разъяренной толпы, —

сказал он, — поэтому не худо иметь двух таких важных заложников.

Тем временем освобожденные узники с мольбой простирали к своим спасителям руки через решетку и кричали:

— Воды!.. Ради Бога, воды!

— Выломать двери! — крикнул офицер.

Солдаты бросились исполнять приказание, как вдруг с другого конца коридора послышалась злобная перебранка.

Это Эстеван ругался с тюремным сторожем.

С самого начала операции, схватив одно из ружей, отобранных у перуанцев, он пошел разыскивать негра-тюремщика и скоро нашел его забившимся в угол коридора.

Метис потащил его к двери, угрожая штыком. Весь серый от страха, тот едва мог шевелить ногами. Эстеван, решив, что негр упирается, бранил его на чем свет и покалывал слегка концом штыка.

— Дверь, черномазый!.. Отпирай живо дверь! — командовал метис у порога камеры.

Негодяй дрожал всем телом так, что не мог вложить ключа в замок. Тогда Эстеван вырвал у него связку и с треском отворил дверь сам.

— Воды!.. Воды!.. — продолжали звать французы.

Два солдата побежали во двор к колодцу, наполнили водой свои манерки и бегом вернулись обратно.

Жак и Жюльен едва могли выговорить «спасибо» и жадно, как дикие звери, набросились на воду.

Утолив жажду, французы, наконец, взглянули с благодарностью на своих спасителей, узнали английские мундиры и воскликнули в один голос:

— Спасибо!... Вы нас спасли!..

Офицер молча вложил саблю в ножны, вежливо поклонился в сторону Жюльена и Жака и произнес, указывая на консула, зятянутого в парадный мундир:

— Мистер Ричард Гоуитт, консул ее величества королевы Англии.

Французы поклонились.

— Сэр Эдмунд Брайтон, лейтенант корвета «Scottia», — в свою очередь консул представил офицера.

Жак и Жюльен поклонились опять.

Затем путешественники в свою очередь совершили церемонию взаимного представления, и лишь после этого все четверо обменялись крепким английским шекхэндсом *, от

---

* Рукопожатием (англ.).

которого обыкновенно чувствуется ломота во всей руке от кисти до плеча.

— А ведь мы немного знакомы, мистер Гоуитт, — сказал Жюльен консулу. — Но, по правде сказать, когда я наблюдал вашу высадку на здешний берег, то никак не предполагал, что в скором времени вы явитесь нашим освободителем.

— Ао! — произнес толстяк с громким смехом. — Это вы про бочку... Не правда ли, это было смешно?

Отряд двинулся, окружив освобожденных узников, которые так ослабели от перенесенных физических и нравственных страданий, что едва могли двигаться.

Но судьба, все последнее время неумолимо их преследовавшая, вдруг сжалилась и вскоре после выхода из ворот тюрьмы послала им навстречу великолепную карету, запряженную парой сильных лошадей. В карете ехало какое-то туземное «превосходительство».

— Черт возьми! — воскликнул офицер. — Как кстати! Э! Не угодно ли выбраться вон! — обратился он без дальних околичностей к сановной особе тоном военного, привыкшего к немедленному повиновению.

Перуанский генерал тоже на повышенных тонах заговорил о международном праве, ссылаясь на то, что карета является его собственностью.

Офицер не стал его слушать и сделал своим солдатам знак, произнеся лишь одно слово:

— Взять!

Две пары дюжих рук вытащили особу из кареты и бросили прямо на пыльную мостовую, словно тук блестящей мишуры.

Тем временем Эстебан проворно подбежал к козлам, стащил кучера за ногу, уселся вместо него сам и подобрал вожжи, точно всю свою жизнь служил в кучерах.

Лейтенант Брайтон, мистер Гоуитт, Жак и Жюльен заняли карету и с торжеством покатали в Салаверри.

Они подъехали к консульству как раз в тот момент, когда мистер Гоуитт заканчивал подробнейший рассказ о событиях, предшествовавших освобождению узников.

С моря их приветствовало громогласное «ура». Корвет подошел ближе к пристани, выбрав место чрезвычайно удобное для бомбардирования города. С борта было видно, как карета подъехала к консульству.

— Ну, господа, теперь вы сами вкусите прелесть путешествия в бочке, — сказал мистер Гоуитт, заразительно смеясь. — Вы, конечно, пожелаете пожать руку почтенному сэру Колину Кэмблю, командиру корвета.

— С удовольствием... Однако... наши костюмы ни на что не похожи... мы точно бандиты какие-нибудь.

— Ну, пустяки!.. Предстанете в чем есть. Сэр Колин не простит мне ни одной минуты промедления. Да, впрочем, я полагаю, ваш багаж...

Консул вдруг уставился на начальника полиции, который бледный и сконфуженный стоял между четырьмя солдатами и рядом с монахом.

— Послушайте, ведь это вы арестовали господ путешественников,— резко обратился к негодяю консул.— Вы должны, следовательно, знать, где их вещи.

— Но, господин консул...— залепетал перуанец.— Я прав, не знаю...

— Не знаете? Кто же должен знать?.. Ну-с, так вот что я вам скажу: вот вам два часа срока. Если по истечении их вещи не будут возвращены этим джентльменам, я наложу на город контрибуцию и заставлю вас лично отвечать. Ступайте.

Между тем на пристани были уже приготовлены бочки и плоты для переправы гостей на корвет.

Море было на редкость спокойно.

Через пять минут первый плот, на который сели Жак, Жюльен, лейтенант Брайтон, мистер Гоуитт и часть солдат, прибыл к нижней площадке лестницы корвета.

Их встретил на палубе офицер и сейчас же повел к командиру, который расхаживал по корме, но, увидав гостей, немедленно пошел им навстречу.

— Граф де-Кленэ... господин Арно,— представил церемонно, как истинный англичанин, французов командиру мистер Гоуитт.

— Капитан,— заговорил Жюльен,— нет слов выразить вам всю нашу благодарность. Вы взяли нас под свою защиту словно своих соотечественников.

— О, не стоит об этом говорить,— радушно перебил его капитан Кэмбл.— Во-первых, перед этими полудикарями все европейцы братья, во-вторых, документ, выданный вам лордом Б., положительно обязывал меня оказать вам любую помощь. Но вы, вероятно, голодны. Сейчас вас проводят в каюту, а затем милости просим к столу.

Французы действительно были очень голодны и утомлены.

Врач корвета «Scottia», расспросив, чем кормили путешественников целую неделю, прописал им хорошего крепкого бульону и несколько рюмок хересу.

По прошествии часа к путешественникам стали возвра-

щаться силы, и им уже было не страшно сесть за стол капитана Кэмбля, который дал в их честь обед, пригласив на него всех офицеров корвета.

За столом было произнесено множество тостов, большинство которых сопровождалось громким «ура!».

После этого все разошлись спать.

Жак, убаюканный качкою корабля, заснул, как сурок, и всю ночь ему грезилось, будто он идет из Франции в Бразилию... морем, через Суэцкий канал и Индийский океан. Он пересекал (во сне) Тихий океан, огибал мыс Горн и высаживался в Рио-де-Жанейро, наконец ступив на твердую землю, после трехмесячного плавания. И что самое удивительное — за все это время он не испытал ни одного приступа морской болезни!

Проснувшись утром, он с радостью обнаружил, что лежит в офицерской каюте, и тут ему вспомнились все случившиеся накануне события: освобождение из тюрьмы, обед, тосты и, наконец, ночь, проведенная на корабле.

Вдруг дверь каюты отворилась, и вошел Жюльен, одетый в городское платье, умытый, свежий и сияющий.

— О, какой ты сегодня франт! — воскликнул Жак.

— Наши чемоданы получены на корвет еще вчера во время обеда, и вот я оделся для завтрака. А скажи, пожалуйста, далеко ли нам еще осталось до Жаккари-Мирим?

— С лишком четыре тысячи километров.

— Это значит около тысячи миль. Как ты думаешь, доедем мы через три месяца?

— Надо постараться успеть раньше.

— Так поскорее в путь.

— Хотя сегодня же после завтрака, простившись с сэром Колином и мистером Гоуиттом, нашими освободителями, и еще раз пожав им руку с благодарностью.

Следуя этому намерению, два друга в тот же день покинули корвет «*Scottia*», несмотря на уговоры сэра Колина Кэмбля, желавшего, чтобы они прогостили у него на корабле еще несколько дней.

Но нельзя было терять ни одной минуты. Обстоятельства не допускали промедления.

Три всадника выехали в Лиму, взяв с собой по небольшому чемоданчику и оставив весь громоздкий багаж на корвете.

Проведя пять дней в неимоверно трудной дороге, французы благополучно достигли столицы Перу.

Так как более подробное знакомство с городом, насчитывающим 90 тысяч жителей, довольно богатым, но постро-

енном однообразно и безвкусно, не входило в планы, сразу же по приезде они принялись собираться в дальнейший путь — в Боливию.

Друзья прежде всего отправились во французское посольство. Посланник был в отпуску, и Жака с Жюльеном принял первый секретарь посольства.

Дипломат застыл от изумления, когда узнал, как бесчестно поступили с путешественниками трухильские власти.

— Что я слышу? — воскликнул он. — Возможно ли такое?

— Как? Разве вы не получали нашего письма, посланного из Трухильо с курьером? — возразил Жюльен.

— Ничего не получал.

— Стало быть, мы вдвойне обязаны сэру Колину Кэмблю... Ну, да что об этом говорить. Во всяком случае, теперь мы свободны и рассчитываем сегодня же ехать дальше. Неприятный случай с нами мы пожелали довести до вашего сведения не столько ради личного удовлетворения, сколько желая пресечь возможность повторения чего-нибудь подобного.

В тот же вечер друзья заняли места в вагоне железной дороги, пересекающей Кордильеры на высоте 15 тысяч английских футов и доходящей до города Тамры.

Этот прехорошенький город, расположенный на высоком и замечательно здоровом месте, особенно благодетельном для больных чахоткой, они посетили мимоездом.

В Тамре они наняли одного аррiero, который достал им трех верховых мулов, одного багажного и взялся проводить путешественников до города Куцко, находящегося в 500 милях от Тамры.

1-го декабря друзья въезжали в Куцко, третий по значению город Перу, с 50 тысячами жителей, из которых почти 7/8 составляют чистокровные индейцы. Многие называют его Римом Южной Америки, и действительно, по роскоши своих построек он может смело претендовать на это название.

Железная дорога от Куцко до Пуно в то время только еще строилась и не была готова, но рельсы были уже уложены, и по ним ходили рабочие поезда. Жюльен надеялся пристроиться как-нибудь на такой рабочий поезд до Пуно.

Поезда не случилось, зато на путях стоял готовый к отходу паровоз, на котором собирался следовать до станции Сикуан, находящейся как раз посередине дороги, какой-то инженер.

За довольно крупную сумму друзья, в качестве знатных иностранцев, добыли себе разрешение ехать на тендере.

Когда они благополучно прибыли в Сикуан, то оказалось, что дорога до Хулиаки почти совсем готова. Путешественники решили этим воспользоваться, тем более что Хулиаки связывало с Пуно регулярное сообщение.

Инженер, разумеется, стал возражать, выдвигая всевозможные доводы, но ему дали «на лапу», и дело вновь уладилось к обоюдному удовольствию.

В три часа путешественники достигли Пуно, большую гавань на озере Титикака.

— Ну, друг мой Жак, нам придется немного поплавать.

— Да ведь в самом деле... Ну, да это пустяки... простое озеро.

— И пресноводное, так что мы несколько не изменяем нашему намерению во что бы то ни стало избежать моря.

— Когда же мы отправимся?

— Да... сейчас, а то когда же? Вот уж и пароход свистит, на котором мы поедem в Боливию.

— Скажи, пожалуйста, на какой высоте мы здесь находимся?

— На высоте четырех тысяч метров, если не ошибаюсь.

— А эти пароходы... настоящие?

— Конечно, не игрушечные. Один называется «Yavari», а другой «Yaruga». Они совершают регулярные рейсы между берегами — то есть между Перу и Боливией.

— А где же их строили: здесь или привезли откуда-нибудь?

— Их доставили сюда из Северной Америки в разобранном виде, затем собрали и спустили на озеро.

— На чем же их привезли?

— На мулах.

— А уголь как сюда доставляется? Тоже на мулах? Ведь в таком случае он очень дорого обходится.

Жюльен рассмеялся.

— Чему ты смеешься?

— Не твоему вопросу, не думай. Он вполне уместен. Просто я вспомнил, какое здесь используют оригинальное топливо. Ты знаешь, что такое *taquia*?

— Нет, не знаю.

— Это навоз баранов и лам. Им-то здесь пользуются как топливом.

— Следовательно, этого добра здесь предостаточно.

— Предостаточно; но ведь для топлива и требуется много.

— Как же так, однако? Ведь количество навоза зависит в

некотором роде от доброй воли животных. Если его будет мало, то стало быть и в топливе должен чувствоваться недостаток?..

— Совершенно верно. Топлива здесь часто не хватает. По этому поводу есть даже анекдот про одного шутника-путешественника. В одной гостинице ему подали плохой обед; суп был недоварен, мясо сырое. Он пожаловался, и ему отвечали, что не хватило *taquia* и потому нельзя было жарче истопить печь. Тогда путешественник воскликнул: «Ну, сторонка! Люди, чтобы пообедать как следует, должны ждать, пока животные переварят пищу!»

Друзья отправились на пристань и сели на симпатичный пароходик «Yaruga», при этом Жак не выказал ни малейшей неприязни.

Воды озера слегка волновались под ветром, набегавшим с Кордильерских вершин.

Пароход был так мал, что его раскачивало даже при слабом волнении.

Вскоре Жак, ни разу не плававший по морю со времени своего неудачного путешествия из Гавра в Кан — если не считать пребывания на палубе «Scottia» — начал испытывать на себе действие качки.

Он побледнел, появилась тяжесть в висках и первые признаки тошноты.

— Черт возьми! — бранился он полусерьезно. — Я вижу, что мне так никогда и не удастся превозмочь эту проклятую болезнь. Впрочем, мы еще посмотрим...

Он собрал всю свою волю, чтобы не поддаваться слабости: ходил по палубе, совершал различные телодвижения, и действительно приглушил немного признаки тошноты.

Под конец у него разболелась голова, но в общем все обошлось благополучно и победа была полная.

Неисправимый морененавистник с гордостью победителя высадился вечером в гавани Дезагвадеро, напротив моста через одноименную реку, отделяющую Перу от Боливии.

Переночевав в селении, друзья на другой день подрядили за небольшую сумму несколько индейцев, уговорив взять их всех троих на свой плот из *totra* *; такие плоты ходят вниз по реке Дезагвадеро, вытекающей из озера Титикака.

Эта широкая, глубокая и быстрая река течет с севера на юг и впадает в другое озеро — Аульясас.

Длина ее триста километров, а скорость течения местами

---

* Плетеного тростника. — *Прим. авт.*

достигает восьми километров в час. На покрытие этого расстояния потребовались два дня и одна ночь.

Затем друзья пересекли озеро Аульясас в направлении с северо-запада на юго-восток, после чего продолжили путешествие сухим путем и 5 декабря прибыли в Чуквизаку.

Глава VI

Прибытие в Жаккари-Мирим.— Управляющий уезжал.— В курильне.— Жак хочет стереть полковника Бутлера с лица земли.— Прочь оружие! — Появление капитана Боба.— Спросим покойника!.— Лачуга.— Трогательное воспоминание.— Неожиданное нападение.— Четыре выстрела.— Лопатин и канадцы.— Раскаяние и прощение.— Миллионы.— Одним другом больше.— Новая жизнь.— Отъезд в Европу.— Буря.— Прибытие в Гавр.— 15 сентября.— Обед в Cafe-Anglais.— Эпилог.

От Чуквизаки до гасиенды Жаккари-Мирим оставалось по прямой тысяча девятьсот километров.

Но так как дорога, конечно же, не была прямой, а с многочисленными поворотами, то к этому числу следовало прибавить еще верных пятьсот километров, вследствие чего получалась внушительная цифра — две тысячи четырехста километров.

— Ничего, — говорил Жюльен, — доедем. При большом желании и неослабевающем усердии можно делать до сорока километров в день.

Совершая путешествие то верхом, то на лодке по рекам, они прибыли в селение Курумбу на реке Сан-Лоренцо — первую бразильскую деревню на их пути из Чуквизаки. В Курумбе они узнали, что в шестидесяти километрах к югу находится форт Альбукерк, где можно пополнить запас провизии. Комендант форта принял путешественников очень любезно, разместил у себя в доме, помог запастись провизией и даже позволил им сесть на правительственный пароход, как раз на другой день отходивший с депешами от коменданта.

Месяц спустя после отъезда из форта друзья благополучно достигли реки Жаккари-Мирим, на которой и располагалась одноименная гасиенда.

А на третий день после этого путешественники сошли на берег в двух километрах от усадьбы, добравшись до нее на тринадцать дней раньше, чем рассчитывали.

Богатая гасиенда имела вид хлопотливого муравейника.

Шумно и озабоченно бегали взад и вперед многочис-

ленные рабочие — негры, индейцы, мулаты, метисы и китайцы, таская объемистые кули и охапки.

Жюльен и Жак, выдавшие виды и готовые ко всяким неожиданностям в гасиенде, все же были немало изумлены увиденным.

Они стояли и смотрели на все происходящее, невольно вспоминая пройденный долгий путь и перенесенные лишения и опасности.

Из задумчивости их вывел приход нового лица. К ним приблизился какой-то метис, одетый в европейское платье, увешанный цепями, униженный кольцами и браслетами и защищенный от солнца огромным зонтиком.

Он шел важно, но, увидав европейцев, любезно осклабился, снял шляпу и предложил проводить путешественников в дом.

— Вы здешний управляющий? — осведомился Жак.

— Нет, синьор. Синьор Кристовео в отсутствии, и я исполняю его должность. Но зато сам барин дома.

— Очень хорошо, — не дрогнув отозвался Жак. — Сведите нас, пожалуйста, к нему.

— С удовольствием, синьоры, с удовольствием, — заторопился метис.

Самозванец, похитивший имя и наследство Жака, восседал тем временем в роскошной прохладной курильне и предавался кейфу*.

Увидав гостей, он вылез из гамака и выступил к ним навстречу.

— Полковник Бутлер! — вскричал Жак, от гнева теряя самообладание. — Вы, кажется, поставили себе целью вечно встречаться мне на пути... Только на этот раз вы не отделаетесь от меня так дешево, негодяй! Я вас заставлю поплатиться за все подлости, которые вы учинили.

В первую минуту американец был до того ошеломлен, что не мог выговорить ни слова.

Появление этих двух людей привело его в крайнее изумление. Он никак не ожидал, что они выйдут целыми и невредимыми из больницы для прокаженных.

Но смущение Бутлера длилось только одну минуту, ровно одну. Негодяй был человек закаленный, прошедший сквозь огонь и воду и поэтому скоро оправился и обрел обычное самообладание и наглость.

— Не понимаю, милостивый государь, — сказал он, делая вид, что не узнает Жака, — по какому праву вы

---

* Послеобеденному отдыху.

вторгается сюда и наносите мне оскорбление в моем собственном доме.

— Полковник Бутлер! Я вас знал как вора и убийцу, а теперь вы оказываетесь вдобавок еще самозванцем и поддельвателем документов. Знайте, я поклялся — при первой встрече убить вас как вредную гадину. Клятву эту я дал в больнице для прокаженных, куда вы нас так подло заперли. Пришло время сдержать клятву. Моя совесть будет спокойна, потому что я избавлю мир от гнуснейшего из мерзавцев, а когда здешние власти узнают, что вы за личность, то мне не трудно будет оправдаться.

— Караул! Помогите!.. — не своим голосом завопил янки, не на шутку испугавшись, когда Жак, бледный и со сверкающими глазами, навел на него дуло своей винтовки.

В усадьбе слышались крики и торопливые шаги, потом бешеный галоп лошади, скакавшей к крыльцу.

Из седла, соскочил всадник, одним прыжком взбежал на крыльцо и, запыхавшись, влетел в курительню. Увидав происходившую там сцену, он крикнул звучным голосом:

— Прочь винтовку! Я здесь представитель владельца, я управляющий Кристовао.

Управляющий покойного дяди Жака Арно приехал как раз вовремя.

При виде Жака — настоящего Жака — он радостно всплеснул руками и весь просиял.

— Вы здесь!.. — воскликнул он. — Ведь это, конечно, вы племянник моего покойного хозяина?

— Да, я, — спокойно отвечал Жак, гнев которого тем временем немного улегся.

— Не верьте ему, он лжет! — крикнул американец, которому придало храбрости присутствие сбежавшейся на шум прислуги.

В соседней комнате слышались чьи-то тяжелые шаги, дверь отворилась, и в комнату вошел нечесаный, растрепанный, заспанный капитан Боб.

— Черт вас возьми, Сайрус... то бишь Жак, я хотел сказать.... Что это вы так расшумелись здесь? Просто нет никакой возможности уснуть. Что это значит?

Вдруг он запнулся и обомлел, увидав Жюльена и Жака.

— Это значит, — отвечал полковник Бутлер, — что у нас хотят отнять это имение.

— Кто?

— Вот эти два авантюриста.

— Они? Ну, так что же? Вышвырнуть их отсюда вон — и делу конец. У нас есть прислуга, мы в силе.

— Тут, господа, речь не о силе, а о правде, — вмешался управляющий. — Наследство покойного синьора вещь нешуточная, и нужно хорошенько дознаться, к кому оно переходит.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил полковник по-прежнему надменно, но все-таки с легким оттенком беспокойства.

— Я хочу сказать, что останется подвергнуть обоих претендентов последнему испытанию. Оно будет решающим.

— Пусть будет так, — согласился янки. — В чем же должно состоять испытание, которое вы предлагаете?

— Мы спросим покойника.

— Что такое? Это еще что за комедия с духами?

— Это не комедия. Я не позволю себе шутить, когда речь идет о памяти человека, который меня любил, как родной отец. Она для меня священна.

— И для меня тоже, — поспешил поправиться Бутлер.

— Так потрудитесь пройти на берег реки. Это недалеко: не более пятисот метров, и того, пожалуй, не будет.

— С удовольствием, — согласился Бутлер.

Но в душе у него поднялась тревога. Он почувствовал, что затевается что-то серьезное и что одной смелостью тут не возьмешь.

Он отвел капитана Боба в угол и торопливым шепотом спросил:

— Ваши молодцы здесь?

— Да, все здесь, но... пьяны, как всегда.

— Тем лучше для дела. Вооружите их хорошенько и ступайте за нами, но так, чтобы никто не видал. Когда я вам дам знак, уберете этих трех. Нужно, чтобы они исчезли бесследно... иначе мы погибли. Идите. Все зависит теперь от вас.

— Хорошо. Можете вполне на меня положиться.

— Ну-с, господа, — сказал Бутлер, подходя к управляющему и французам, — идем?

— Идем, — отвечал управляющий. — Мигуэль, возьмите с собой кого-нибудь и следуйте с нами. Вы будете свидетелями.

Все вышли из дома, разделившись на две группы: в одной — французы с управляющим, в другой — полковник с двумя служителями.

Они быстро шли по отлогому склону, поросшему кунами благовонных деревьев. Вдруг разом увидели реку, протекающую внизу в зеленой долине с редкими кустами. Над рекою стоял домик в европейском стиле, с зелеными ставнями, черепичной крышей, голубятней и колодцем.

При виде этого домика Жаком овладело сильное волнение, которое вскоре сообщилось и Жюльену.

Он не мог удержаться от возгласа удивления и умиления.

— Тише! Ради Бога, молчите! В противном случае вы навредите себе,— уговаривал его управляющий.— Ну-с, милостивый государь,— обратился он к американцу,— что вы думаете об этом домике?

— Об этой гадкой лачуге-то? Думаю, что не дал бы за нее и пятисот долларов, и удивляюсь фантазии владельца, выстроившего здесь такую безвкусицу.

— И неужели этот дом вам ничего не напоминает?

— Сегодня ровно ничего. Но завтра он будет напоминать мне о неприятном посещении моей усадьбы двумя мошенниками, и поэтому я завтра же прикажу его срыть с разнести по кирпичику.

— Разнести по кирпичику этот дом! — вскричал в негодовании Жак.— Дом, который как две капли воды похож на тот, где выросли моя мать и мой дядя... на берегу Лауры, в Монлуи... где прошло и мое детство!..

— И где я провел лучшие дни моей юности! — присоединился Жюльен.

— О, я понимаю, зачем дядя велел его выстроить здесь! Эта река своей капризной излучиной напоминает Луару...

— Здесь он велел и похоронить себя,— перебил управляющий.— Здесь он и спит вечным сном, под цветами, за которыми во время моего отсутствия был, как видно, очень плохой уход. А он так любил европейские цветы!

— И что же, по-вашему, из этого следует? — дерзко спросил американец.

— Да ничего не следует. Я только констатирую тот факт, что вы, называющий себя племянником господина Леонарда Вуазена, родившегося во Франции, в городе Монлуи, в департаменте Эндры-и-Луары, между тем не узнаете ни Эндры-и-Луары, ни Монлуи, ни дома, в котором родились и жили. Равным образом я замечая, что вы совершенно не заботитесь о могиле своего дяди, хотя знакомы с содержанием его письма.

— Это и значит, по-вашему, «спросить покойника»? — иронически осведомился полковник Бутлер.

— Это и значит, по-моему, спросить покойника. Ответ получен красноречивый и убедительный.

В густой траве и кустах послышался быстрый шорох.

— Ну-с, а теперь послушайте меня,— вскричал злодей.— Для меня это решительно все равно. Обман мой во всяком случае не откроется, потому что нескромные люди, знающие о нем, не разгласят его... ни живые, ни мертвые. Я сумею заставить их замолчать.

С этими словами он громко крикнул:

— Сюда, Боб!.. Эй, сюда, матросы!.. Убейте их всех!.. Скорее...

Кусты раздвинулись, и двенадцать вооруженных негодяев, под предводительством капитана Боба, яростно набросились на четырех человек, из которых двое были безо всякого оружия.

Нападение было столь неожиданным, что атакованные не успели даже подготовиться к защите. К довершению бед, Жак оступился, выронил винтовку и упал под ноги капитана Боба, который занес над ним свою железную руку с ножом.

Жюльен тем временем отчаянно отбивался от четырех разбойников.

Положение было безнадежное.

Вдруг над кустами со стороны домика взвились четыре белых дымка, и одновременно грянули четыре громких выстрела.

Капитан Боб тяжело упал на Жака, пораженный пулею, попавшей прямо между глаз.

Полковник Бутлер, сделав, шатаясь, несколько шагов, упал на колени, схватившись за грудь, из которой хлынула алая струя.

Двое из пиратов, теснивших Жюльена, крест-накрест повалились друг на друга.

Затем чей-то раскатистый голос прогремел по-французски:

— Мы уже три недели следим за вами, разбойники!

Из рощицы вышел гигант, за ним два других таких же рослых молодца, а следом, едва поспевая, кто-то четвертый, уже обыкновенного роста.

— Нужно перезарядиться,— сказал первый гигант.— Помни своего медведя, Андрэ!

Как буря налетели они на бандитов, изумленных неожиданным нападением и смущенных смертью своих вожakov.

— Долой оружие, мерзавцы! — громовым голосом приказал первый гигант.— Или вы сейчас же узнаете, что значат четыре канадские винтовки.

— Перро! — вскричал Жюльен вне себя от удивления. Он бросился к гиганту навстречу.

— К вашим услугам, сударь...

— И monsieur Лопатин!.. Федор Иванович!.. — продолжал восклицать Жюльен, узнавая молодого русского и поспешая к нему.

— Monsieur Жак не ранен, — успокоил всех Перро, — Я уверен в этом. Я стрелял в надлежащую минуту и целился в надлежащее место. Он не может встать только потому, что на него навалилась эта американская свинья. Ах, пададь!

С этими словами богатырь сильной рукой отшвырнул в сторону тело капитана Боба. Избавившись от тяжести, Жак проворно поднялся, вскрикнул и бросился на шею Перро.

— Ах, милый Перро! Вы еще раз меня спасли!

Вдруг послышался жалобный стон.

Это стонал полковник.

— Пить! — прохрипел он глухим голосом.

Перро побежал к реке, а Жак и Жюльен приподняли раненого и прислонили к дереву.

Несчастный улыбнулся какою-то странною улыбкою, в которой была и ирония, и благодарность.

— Вы очень добры, — пролепетал он.

— Не разговаривайте. Вам вредно, — кротко остановил его Жюльен.

— Все равно я не жилец. Моя песенка спета... Пить!..

Перро вернулся, неся в кожаной кружке воду.

— Извольте, сударь, пейте.

Раненый жадно прильнул губами к кружке.

— Спасибо, — сказал он, не отнимая руки от раны, чтобы удержать кровь.

Раненый помолчал, потом продолжал с усилием:

— Господин де Кленэ!.. Господин Арно!.. Я умираю. Я боюсь смерти, но если вы пообещаете, что не проклянете меня за то... что... я засадил вас в больницу для прокаженных... то мне... будет... легче умирать.

— Прощаю вам! — торжественно произнес Жюльен. — Прощаю вам и за себя, и за Жака.

— Спасибо! — вздохнул раненый.

Рот его раскрылся, глаза остановились.

— Кончено! — прошептал Перро. — Умер!

— Мир праху его! — сказал Жак, снимая шляпу. — Господь с ним!

Как неожиданно ни было появление канадцев и Лопати-

на на месте засады, в сущности оно не содержало в себе ничего сверхъестественного.

Читатели помнят, конечно, из писем Перро и Лопатина, что они все четверо собирались приехать в Жаккари-Мирим, как только в Карибу начнутся заморозки.

Заморозки начались, и друзья покинули Карибу. Прибыв сначала в Сан-Франциско, они сели на корабль, отходивший в Бразилию, и через несколько недель прибыли в Рио-де-Жанейро.

В пути пароход заходил во все южноамериканские порты и, между прочим, в Салаверри. В этой гавани друзья с удивлением увидели, что к ним на пароход садится их старый знакомый — полковник Бутлер в сопровождении капитана Боба.

Чутьем охотника, угадав очередную авантюру американца, Перро решил скрываться от полковника все время их совместного пути. Сделать это было совсем нетрудно, так как пароход был огромен, точно город, одним словом — настоящий американский пароход.

После шестинедельного плавания пароход пришел в Рио-де-Жанейро.

Друзьям удалось разведать, что негодяи предъявили властям документы, в силу которых самозванного Жака Арно утвердили в правах наследника.

В конце концов бандиты водворились в гасиенде Жаккари-Мирим. Тем временем Лопатин и братья Перро решили продолжать тайные наблюдения до тех пор, пока не приедут Жюльен и Жак. Во всяком случае их прибытия оставалось не так уж долго дожидаться.

Они устроились в лесу и жили как дикари, наблюдая за всем, что делается в гасиенде, но не будучи сами никем замечены. Главную свою квартиру они устроили подле небольшого европейского домика, к которому за все время никто не подходил, и откуда вся усадьба была как на ладони.

Это была очень ловкая тактика, рассчитанная на то, что по приезде Жака и Жюльена между ними и бандитами непременно произойдет стычка и потребуется оказать помощь друзьям.

Мы уже видели, как подтвердились эти предположения и как своевременная подмога спасла Жюльена и Жака от неминуемой гибели.

Пусть уж читатель сам домыслит события, которые последовали за победой.

Ввиду признания умирающего полковника Бутлера водворение Жака в гасиенде Жаккари-Мирим не встретило никаких затруднений.

Дон Кристовао сдал ему на руки все наследство вместе с самым подробным и добросовестным отчетом.

Быстро пронеслись несколько месяцев среди живого обмена мыслями и чувствами между друзьями, среди общения, которому придавали много прелести пылкость Жюльена, добродушие братьев Перро и образованность Лопатина.

Но вот настала пора нашим диггерам возвращаться в Карибу. Они не торопились и дотянули до самого последнего срока, а затем сели в Рио на пароход, отходивший в Колон via Пернамбуко Пара Демерара, Панама и Сан-Франциско.

Для наших друзей это было первое огорчение со времени водворения в гасиенде Жаккари-Мирим.

Прощаясь, условились свидеться в будущем году. Жак и Жюльен остались вдвоем.

Прошли апрель, май и июнь. Жак, два года не выдавший Европы, все чаще и чаще стал поговаривать о Франции, о Париже.

— Признайся, — сказал ему однажды, улыбаясь Жюльен, — что ты заболел тоской по родине.

— Не то чтобы совсем, а так... я бы не прочь явиться гранд-синьором в город, где всю свою жизнь прожил чернильным сиднем. Хочется насладиться Парижем богатства и знатности...

— Тебе это скоро надоест.

— О, я в этом не сомневаюсь... Главное же — мне хочется проветриться, переменить место, подышать воздухом родины. Тропический климат мне надоел.

— Ну, что же, в добрый час. Сегодня 8 июля. 15 августа отходит в Европу пароход. Готов ли ты ехать морем?

— Совершенно готов.

— Так за чем же дело стало? Через пять недель можно отправляться.

Жак героически сдержал слово. В назначенный день он сел с Жюльеном на один из великолепных пароходов трансатлантической компании. Рывкнул свисток, пароход вздрогнул и пришел в движение.

Жак с тревогою ожидал первого приступа морской болезни. Вот он почувствовал сосанье под ложечкой... нет, это не то. Это просто голод.

Десять десятых всего числа пассажиров страдали морской болезнью, а Жаку не делалось ровным счетом ничего. Даже больше того: у берегов Африки они попали в сильный шторм, продолжавшийся двенадцать дней и ночей, так что

даже у Жюльена сделалась головная боль, а Жак по-прежнему исправно и с аппетитом кушал.

Наконец пароход прибыл в Гавр.

Это было 15 сентября.

Друзья приехали по железной дороге в Париж и вышли из вагона на Сен-Лазарском вокзале, который покинули ровно два года назад — день в день.

— Куда мы отсюда поедем? — спросил Жак. — В Гранд-отель или ко мне на квартиру? Ведь она осталась за мной.

— Мы поедем в Cafe-Anglais, если ты не против.

— О, нисколько, я очень рад. Там мы посмеемся, вспоминая, как ты меня похитил и в виде багажа доставил в Берлин, где я впервые очнулся путешественником...

Если есть на свете в высшей степени неприятная вещь, так это металлическое хрипение будильника, утром прерывающего сладкий, освежающий сон.

Эти резкие, непрерывно-дрожащие ноты сверлят мозг, разгоняют ласковые грезы, являя им на смену тяжелый кошмар будней.

Так думал Жак Арно, просыпаясь на своей постели в маленькой квартирке на улице Дюрантен.

Он потянулся, открыл глаза, увидал знакомые предметы привычной обстановки, расставленные с педантичной аккуратностью старого холостяка-чиновника, услышал знакомый голос и наконец обнаружил чашку с ужасным напитком, состоящим из смеси цикория и парижского молока.

Голос между тем говорил:

— Сударь! Извольте кушать ваш кофе!

— А? Что?.. Но как же это так?.. Я... Тысяча громов! Неужели это вы, Женестьева? Неужели я в своей квартире, на улице Дюрантен?

— Да, сударь, — отвечала старая экономка.

— А какое сегодня число?

— 16 сентября, сударь.

— А вчера было?..

— 15 сентября.

— Ах, я совсем не про то... Право, я, кажется, сошел с ума. С головой у меня неладно. Вчера высадился в Гавре... Приехал из Бразилии... 16 сентября!..

Он обвел взором комнату и остановил его на стенном календаре с отрывными листами. На последнем стояла жирная цифра 15.

Жак разом вскочил с постели, забывая о присутствии Женестьева, бросился к календарю и прочитал год и число.

— 16 сентября! — воскликнул он, торопливо одеваясь. —

Неужели прошло ровно два года и одна ночь? Или все мое путешествие было только сном? Неужели я по-прежнему геморройный чиновник и сейчас должен взбираться на верхоxтур конки, чтобы ехать в свою канцелярию? Но тогда, значит, все эти приключения, этот путь через Сибирь, провал сквозь лед на реке Шандуге, зимовка у чукчей, встреча с профессором Норденшильдом, перелет через Аляску на шаре, прииски Карибу, братья Перро, Калифорния, полковник Бутлер и моя драка с ним, — далее Мексика, Панама, больница прокаженных, Эквадор, Перу, английский капитан, озеро Титикака, прибытие в Жаккари-Мирим, заключительная сцена — все это только сон, сон и сон!.. Нет, этого не может быть. А между тем я нахожусь на улице Дюрантен... и Женевьева подает мне кофе, и этот глупый будильник шипит... Сон! Нет, сон не может оставить такого яркого впечатления, не может сообщить той энергии, которую я чувствую и которой прежде у меня не было и следа, покуда я не поплавал по морю. А между тем — 16 сентября.

— Да, но только два года спустя, — слышался хорошо знакомый голос из-за двери.

— Здравствуй, путешественник! — весело продолжал Жюльен, входя в комнату.

Впереди графа шел высокого роста старик, с правильными чертами лица, изможденного страданиями.

— Нужно ли представлять тебе этого господина? Ведь вы знакомы, и познакомились при весьма и весьма драматических обстоятельствах.

Жак взгляделся в старика и кинулся к нему с распростертыми объятиями.

— Господин Михайлов!.. Спаситель наш!.. Неужели это вы? Какими судьбами?.. Ах, стало быть, все это не сон, не мечта... Но вы-то, вы... Вы на свободе? Вас простили?

— Да, я получил помилование, — отвечал старик грустно, — но счел за лучшее переехать жить в Париж. Здесь я буду с любовью вспоминать свою родину.

— А знаете, господин Михайлов, Федор Иванович Лопатин... — заговорил было Жак, но его прервало восклицание:

— Он здесь сам!

И с этими словами Лопатин появился в комнате.

— А! Вот как! — нашелся только сказать изумленный Жак вместо всякого приветствия. — Вы-то как сюда попали? Я думал, вы в Карибу, и вдруг такой приятный сюрприз. Теперь недостает только, чтобы сюда явился Перро...

— И право, в этом ничего удивительного не будет... И

если вы желаете видеть человека, восхищенного встречей со «старой родиной», — если вы желаете его видеть, то вот он перед вами.

Послышались тяжелые, крупные шаги, и Жак, все более и более изумляясь, увидел входящих в комнату не одного Перро, а целых трех. Лица их так и сияли радостью и довольством. Платья на них были новые, с иголочки. В них братья-трапперы очень смахивали на фермеров из Нижней Нормандии.

— Боже мой, Жюльен! — воскликнул Жак, у которого изумление сменилось самою искреннею радостью. — Боже мой, да ты собрал сюда всех наших друзей! Недостает только мистера Андерсона, коменданта форта Нулато. Да, может быть, и он здесь и сидит в гостиной? А? Уж признавайся заодно — он там?

— Нет, право же, нет, но вот письмо от него. Он пишет, что запоздавший разлив реки Юкон, сопровождаемый в нынешнем году необыкновенным наводнением, на целый месяц задержал поездку капитана в Париж. Если бы не это, мистер Андерсон был бы уже с нами. Что касается сэра Колина Кэмбли, то он прислал телеграмму с извинениями, что не может приехать на обед, который ты нам даешь сегодня вечером. Я получил эту телеграмму из Австрии.

— Ну, теперь я понимаю все. Ты вчера за обедом в Cafe-Anglais, выкинул со мной ту же штуку, которая так блистательно удалась тебе два года назад.

— Да, я опять дал тебе снотворных капель и доставил тебя в квартиру на улице Дюрантен, где тебя два года поджидала верная домоправительница.

— Шутка очень остроумная, но, представь, как я страдал при пробуждении. Подумай только — очнуться вдруг снова чиновником канцелярии! Тут было от чего прийти в отчаяние и даже умереть с горя. К счастью, ты поторопился доставить мне живые доказательства действительности моего путешествия из Парижа в Бразилию сухим путем.

Печатается по изданию:
Луи Буссенар. Полное собрание романов.
Спб., 1911., книгоиздательство П. П. Сойкина.

Перевод **Е. Н. Киселева**

Текстологическая работа выполнена
Южно-Уральским книжным издательством

В книге сохранены иллюстрации
французских художников начала XX века

Буссенар Л.

Б 92

Приключения в стране львов; Приключения
в стране тигров; Приключения в стране бизо-
нов; Из Парижа в Бразилию: Романы.— Че-
лябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992.— 672 с.
ISBN 5—7688—0613—X.

Данный том включает романы «Приключения в стране
львов», «Приключения в стране тигров», «Приключения
в стране бизонов», переносящие читателя в дебри Африки,
джунгли Бенгалии и североамериканские прерии, а также
роман «Из Парижа в Бразилию», в котором представ-
лена Россия глазами французских путешественников, ре-
шивших добраться из Европы в Америку «сухим» путем.

Б $\frac{4703910100-041}{M162(03)-92}$ 17—92

ББК 84.4Фр

ISBN 5—7688—0613—X

© Витлиф В. Г. Художественное
оформление, 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

Приключения в стране львов	6
Приключения в стране тигров	130
Приключения в стране бизонов	244
Из Парижа в Бразилию	356

Луи Буссенар

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ В СТРАНЕ ЛЬВОВ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ В СТРАНЕ ТИГРОВ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ В СТРАНЕ БИЗОНОВ
ИЗ ПАРИЖА В БРАЗИЛИЮ**

Редактор *Е. П. Журавлева*

Оформление *В. Г. Витлифа*

Художественный редактор *Т. А. Спивак*

Технический редактор *Т. В. Анохина*

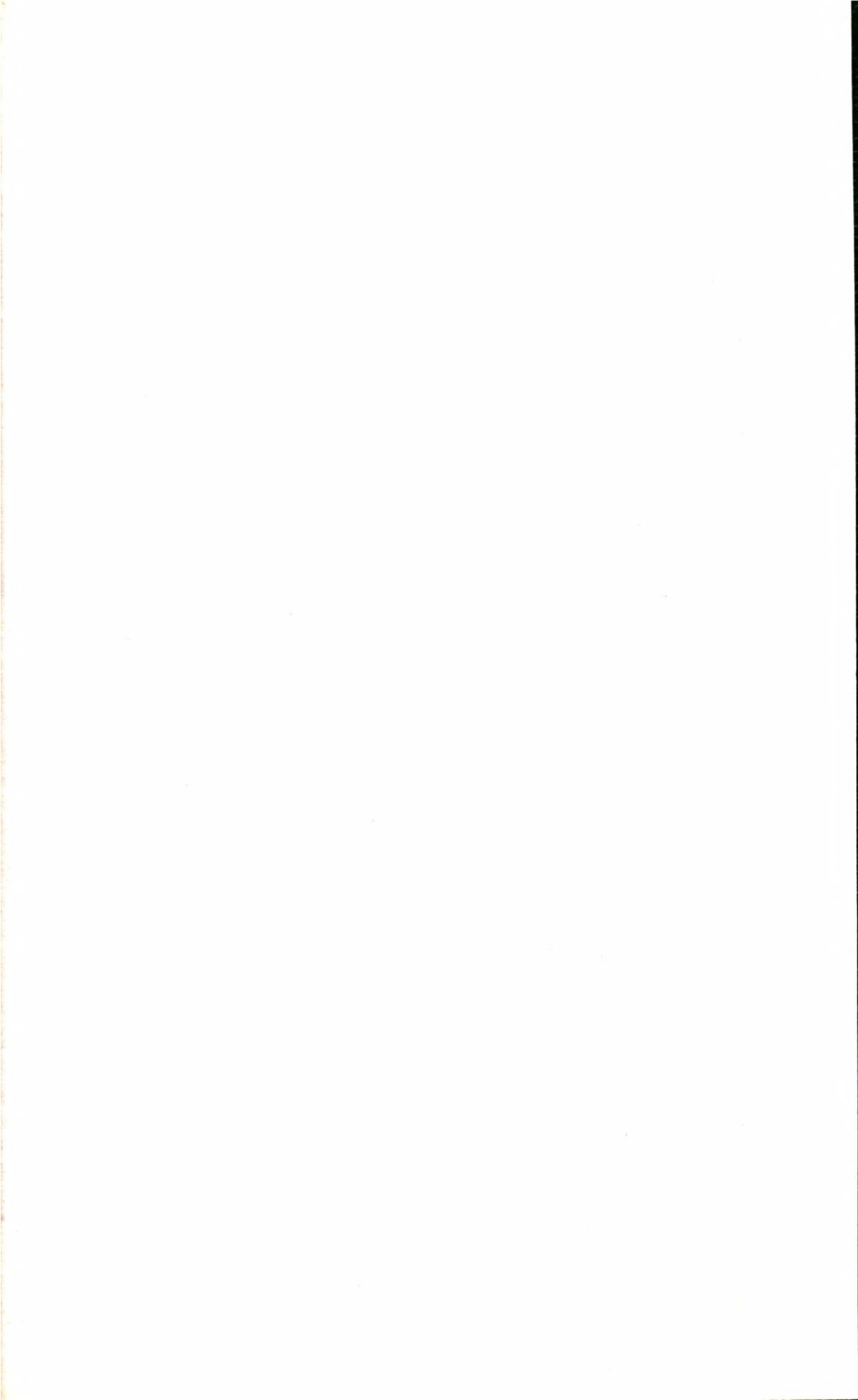
Корректоры *Л. А. Ильина, В. И. Мельник*

ИБ № 3037

Издание для юношества

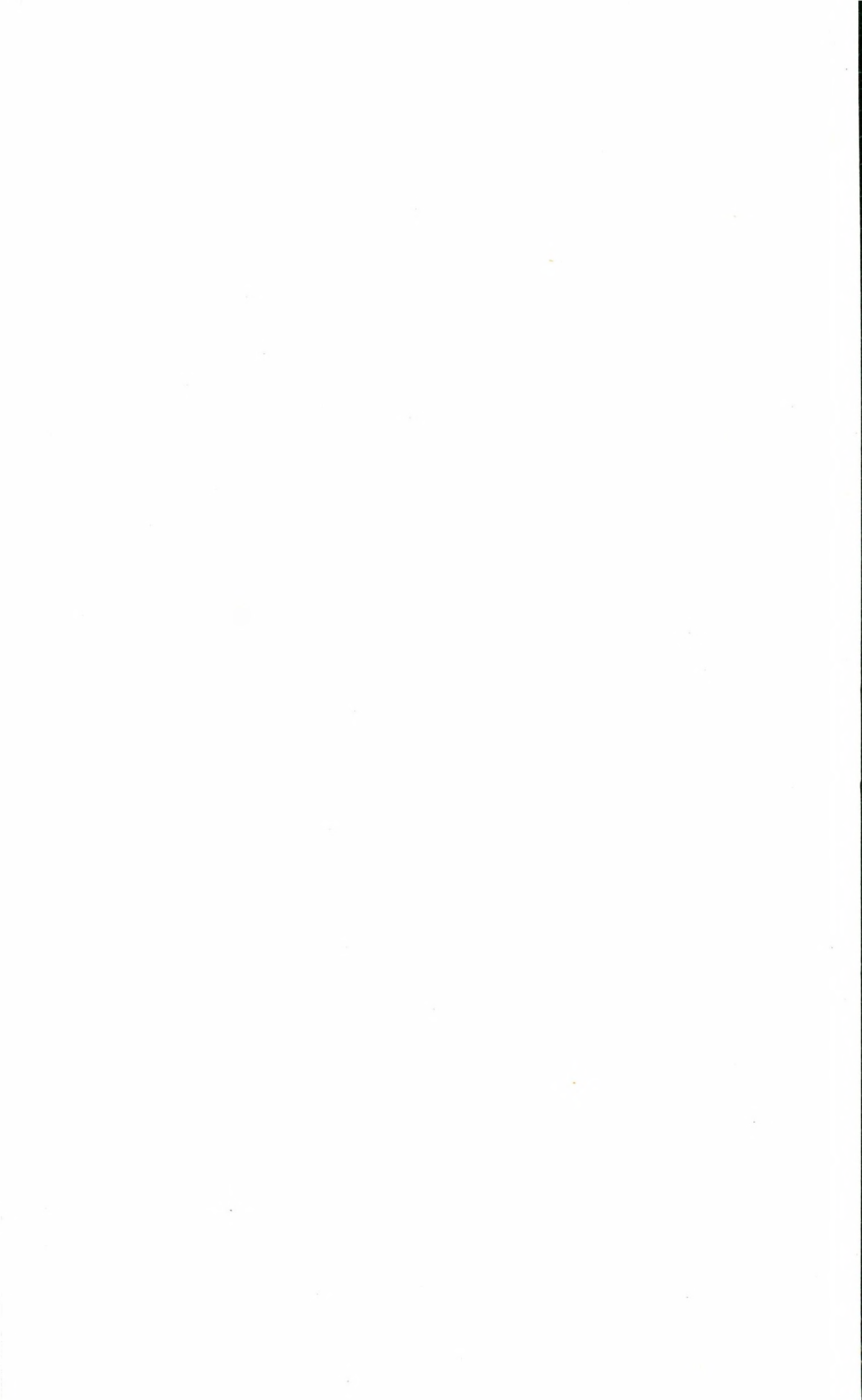
Сдано в набор 07.05.92. Подписано в печать 23.09.92.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура Обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. п. л. 35,28.
Усл. кр.-отт. 35,6. Уч.-изд. л. 35,22. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 181. Цена «С» 18.

Южно-Уральское книжное издательство, 454113, г. Челябинск, пл. Революции, 2.
Типография издательства «Уральский рабочий», 620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

THE TWO CHIEFS

